

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

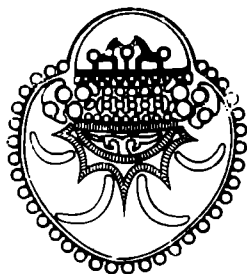

2
1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1969

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
С. Н. Бибилов, В. Д. Блаватский, М. К. КARGER,
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *С. А. Плетнева*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Статьи

С. А. СЕМЕНОВ

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ЭПОХИ РАННИХ МЕТАЛЛОВ

I

При изучении древних орудий и изделий из камня, кости и рога в настоящее время широко применяется трасологический метод — изучение их производственных функций и способов работы по следам изнашивания в процессе труда, сохранившимся на поверхности.

Трасологический метод в археологии имеет некоторые общие черты с трасологическим методом в криминалистике. Как для первого, так и для второго объектом исследования является поведение людей, отраженное на различных материальных предметах. Однако трасологические исследования в археологии существенно отличаются от трасологических исследований в криминалистике, и не только потому, что имеют дело с действиями людей очень далекого прошлого. Изучение следов в криминалистике направлено в первую очередь и преимущественно к целям идентификации, т. е. к установлению по следам определенной личности человека. Родовая принадлежность следов (человека, животного, неодушевленного предмета) здесь играет вспомогательную роль. Изучение следов работы на орудиях и изделиях не ставит целью выяснение конкретного лица, работавшего исследуемым орудием или изготовившего определенное изделие. Основная задача сводится не к идентификации, а к генерализации следов — установлению общей (родовой) принадлежности их к тем или другим трудовым действиям (резание, строгание, плетение, сверление, шлифование, лощение, копанье, оббивка и т. д.). Определение используемого материала также сводится к поискам его по основным физическим свойствам (дерево, кость, земля, камень, металлы, мясо, волокнистые вещества). Идентификация, если здесь такой термин применим, служит целям выяснения лишь некоторых специфических свойств обрабатываемого материала (когда дано орудие) или свойств и формы рабочей части применяемого орудия (когда дано только изделие). Нахождение общих признаков работы поэтому позволяет определять функции орудий независимо от того, где, в каких странах они открыты. Следы работы (изнашивания), например на каменных серпах, будут идентичны как на материалах Европы, так и Африки или Америки. Если это кремневые серпы, то они во всех случаях будут тождественны, ибо характер изнашивания кремня в жатвенных орудиях весьма специфичен. Принципы генерализации следов работы на орудиях и изделиях, точное определение функций во многом способствовали возможности устанавливать закономерности в развитии техники и хозяйства каменного века.

Трасологический метод в сочетании с контрольными экспериментами разрабатывался автором с 1934 года, а в 1957 году вышла в свет книга, в которой были обобщены результаты исследований¹. В 1964 году книга была переиздана в Англии и США² на английском языке, метод получил

¹ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957.

² S. A. Semenov. Prehistoric Technology. An Experimental Study of the Oldest Tools and Artifacts from Phases of Manufacture and Wear. London, 1964; его же. Prehistoric Technology. New York, 1964.

применение в других странах. Одной из первых работ в этом направлении было исследование чехословацким археологом С. Венцлом земледельческих орудий Средней Европы³. Весьма успешными были исследования археолога ГДР Э. Геннига так называемых каменных наплужников, дискуссия о которых среди западных археологов длилась десятилетия⁴. Э. Генниг трасологическим анализом и контрольным экспериментом установил, что каменные шлифованные орудия типа «сапожной колодки» не имели отношения к плужной обработке земли в каменном веке, как полагали Б. Brentjes⁵ и другие археологи, а являлись рубящими орудиями.

Очень интересные трасологические исследования мезолитических орудий типа транше (нешлифованных кремневых рубящих орудий) провел другой археолог ГДР — Б. Грамш (Потсдам), выделив среди них как топоры, так и тесла, что типологически сделать было невозможно⁶. Группа археологов г. Веймара — Р. Фёстель, Г. Бах, В. Галл, М. Тейхерт — в работе, посвященной культуре шнуровой керамики, открыла на поверхности боевых шлифованных топоров следы использования их в качестве рубящих орудий и молотов⁷. Немалую роль трасологический метод играл в изучении деревянных изделий из свайного поселения Бургашизе-Юг, проведенном швейцарским ученым Г. Мюллером-Беком⁸.

Трасологические исследования производятся В. Тауте (Тюбинген)⁹, К. Ханеа (Нью-Мексико — США)¹⁰ и многими молодыми археологами разных стран Европы, Азии и Америки. В Советском Союзе трасологическое изучение древних орудий и изделий производится Г. Ф. Коробковой (Ленинград), В. И. Маркевичем (Кишинев) и другими археологами.

Таким образом, из изучения функций палеолитических орудий по следам работы, начатого в Советском Союзе в тридцатых годах, в настоящее время выросло целое функционально-технологическое направление археологии. В итоге многолетних трасологических и экспериментальных исследований с привлечением этнографического материала, появилась возможность обобщающих работ по истории техники каменного века с изучением законов развития производства на самых ранних этапах развития человеческого общества.

II

В настоящей статье автор ставит своей целью определить функции некоторых каменных орудий эпохи ранних металлов, когда камень еще продолжал играть важную роль во многих отраслях хозяйства, даже появлялись новые типы орудий, вызванные возникновением новых производств, которые ранее отсутствовали или не имели существенного значения.

³ S. V e n c l. Kamenne nástroje prvních zemědělců ve střední Evropě. Sborník Národního muzea v Praze. 1—2, XLV.

⁴ E. H e n n i g. Untersuchungen über den Verwendungszweck urgeschichtlicher Schu-hleistenkeile. Alt-Thüringen, Weimar, 1961, стр. 189—222, табл. VII, IX, XI.

⁵ B. B r e n t j e s. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges II (Neolithikum). Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin—Luther-Universität Halle—Wittenberg, 1, Jahrgang III, 1953/54, стр. 75—109.

⁶ B. G r a m s c h. Abnutzungsspuren an mesolithischen Kern— und Scheibenbeilen. Ausgrabungen und Funde. 11, 3, 1966, стр. 109—114.

⁷ R. F e u s t e l, H. B a c h, W. G a l l, M. T e i c h e r t. Beiträge zur Kultur und Anthropologie der Mitteldeutschen Schnurkeramiker. Alt-Thüringen. Weimar, 1966, стр. 20—170.

⁸ H. M ü l l e r - B e c k. Seeberg, Burgäschisee-Süd. Acta Bernensia II, 5, Holzgeräte und Holzbearbeitung. Bern, 1965.

⁹ W. T a u t e. Retoucheure aus Knochen. Zahnbein und Stein vom Mittelpaläolithikum bis zum Neolithikum. Fundberichte aus Schwaben. Nov. ser. 17, 1965, стр. 76—102.

¹⁰ K e n n e t h H o n e a. Рецензия на американское издание книги «Первобытная техника». El Palacio. «A Quarterly Journal of the Museum of New-Mexico», 71/2, 1964.

В эпоху ранних металлов обращает на себя внимание широкое использование каменных мотыг, кирок, молотов, которые раньше не отличались таким разнообразием типов и способов применения. Их форма, вес, величина, материал так отличны друг от друга, что без изучения следов изнашивания на их поверхности невозможно такие орудия объединять в одну функциональную группу. С другой стороны, существенным условием правильного определения очень близких по форме и даже по кинематике, но разных по назначению орудий, опять-таки является различие следов изнашивания.

К числу наиболее ранних и простых каменных мотыг, связанных с добыванием рудных минералов, принадлежат орудия, открытые Г. Андреевым на перешейке Валентин в Приморском крае Лазовского р-на, в 200 км к северо-востоку от Владивостока. Древнее поселение, где было найдено большое число этих орудий, по-видимому, принадлежит к эпохе ранней бронзы.

Мотыги, отличающиеся разными стадиями обработки и степенью использования в работе, изготавливались из галечного материала, преимущественно из обломков сильно окатанного водой глинистого сланца (рис. 1, а, б). Крупные гальки предварительно раскалывались на части, затем оббивкой с помощью отбойника (вероятно, гальки), полученным частям придавалась форма, очень близкая к заготовкам тесла или топора. Небольшие плоские гальки оббивались для этой цели без членения на части, но с выбором продолговатых экземпляров. Вероятно, здесь еще продолжали действовать традиции, заставляющие мастеров исходить от знакомых приемов работы. Оббивка осуществлялась косыми ударами по краям плоской гальки, преимущественно с одной стороны, с таким расчетом, чтобы еще более сузить и уплощить ее, придав мотыге клиновидную форму с узким черенком и расширенным налопатником. Нередко на одной из сторон налопатника оставлялась часть галечной корки. Как правило, это была вентральная сторона мотыг, испытывающая наибольшее сопротивление земли. Галечная корка, благодаря гладкой поверхности, заменяла собой шлифовку и тем самым уменьшала сопротивление грунта при ударе мотыгой. Длина мотыг достигает 20—22 см. Некоторые изношенные экземпляры имеют 10—12 см. Ширина рабочей части редко превышает 8—10 см. Вес колеблется в пределах 300—800 г. Мотыги прикреплялись к рукояткам по способу крепления тесел, т. е. рабочий край располагался перпендикулярно к линии рукоятки. Такое крепление было возможно к рукояткам коленчатых форм.

Большинство мотыг из поселения на перешейке Валентин имеет интенсивные следы использования их в земляных работах. Многие экземпляры значительно укорочены в сравнении с первоначальными размерами. На них особенно четко выступают признаки выкрашивания рабочей части от ударов о твердый грунт. Такое выкрашивание и выламывание, вероятно, происходило вследствие того, что мотыга натыкалась на твердый скалистый грунт, прикрытый более мягким слоем. Линейные следы работы располагаются на вентральной стороне налопатника мотыги в виде многочисленных тонких параллельных царапин (рис. 1, в). Эти царапины идут от нижнего края налопатника вверх, изредка перекрещиваясь. Обратная сторона налопатника не имеет следов, или они крайне слабо выражены. Сторона налопатника, покрытая линейными следами изнашивания выглядит как бы отшлифованной. Длина линейных следов достигает 60—70 мм. Это свидетельствует о том, что мотыга имела наклон оси к плоскости обрабатываемого грунта в 45—50°. Мотыги с поселения на перешейке Валентин представляют по всем признакам тот тип землекопных орудий, в котором еще не произошло деления на земледельческие и горнорабочие, предназначенные для добывания руды. По форме они еще напоминают заготовки тесел. По объему и весу они еще не велики.

Эти орудия еще не употреблялись одновременно с металлическими, как это наблюдается на следующей стадии развития горного дела.

Другой характер приобрели орудия для добывания руды в эпоху развитой бронзы. Они известны из памятников андроновской культуры по раскопкам С. С. Черникова в Восточном Казахстане¹¹. Здесь нередко встречаются и мотыги, близкие к только что описанным формам. Очевидно они продолжали играть некоторую роль в горных разработках медной руды и касситерита (окиси олова). Наряду с ними уже изготавливались

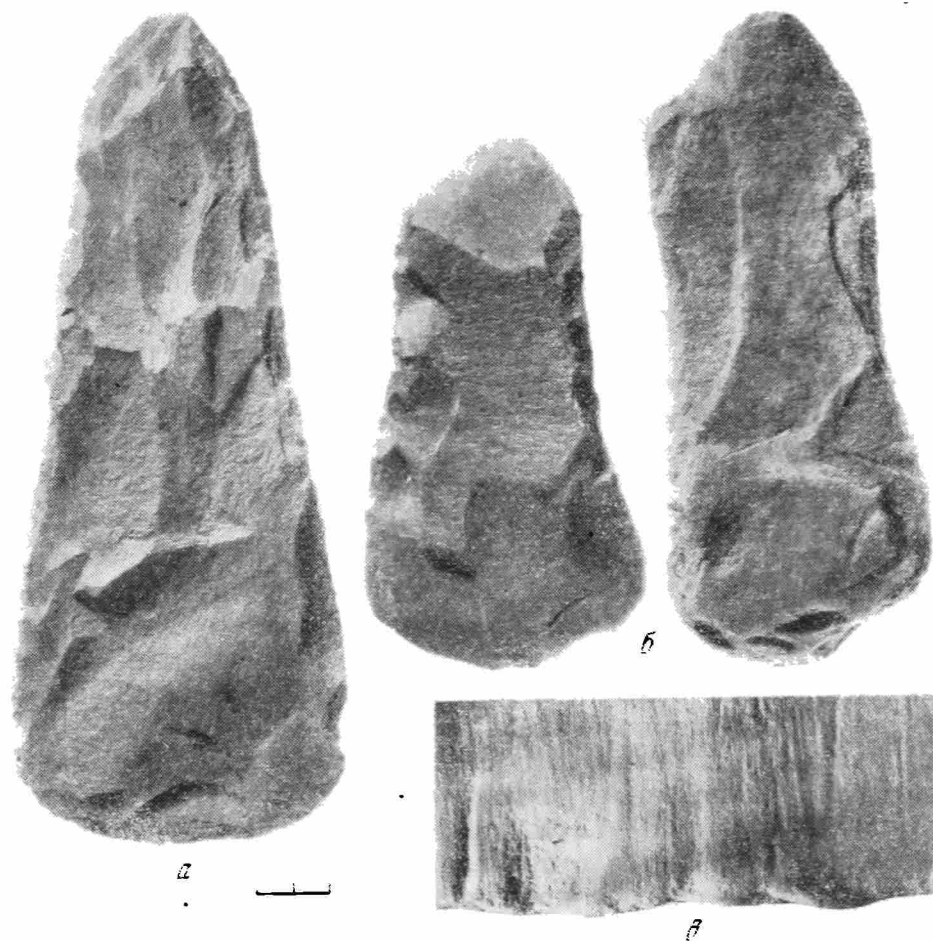

Рис. 1. Каменные орудия с поселения на перешейке Валентин

и крупные каменные кайла и кирки совершенно новых очертаний, веса и размера. Чаще их выделывали из вулканических пород: гранита, габбро-диабазы, диорита, порфира и др. Формы кайл, слабо обработанных, были весьма различны: овальные или полуовальные, с округлым или слегка заостренным рабочим концом, в виде неправильных треугольников, трапеций или ромбов и т. д. Иногда на них можно было обнаружить слегка выдолбленные выемки для привязывания к рукоятке. Большая часть их имела уплощенную форму. Делали их из камня плитчатого строения, что облегчало выделку очень крупных экземпляров.

Тщательно оформленные кайла имели хорошо выраженные боковые выемки для привязывания. Иногда в камне выбивались уступы для устойчивого крепления рукояток. Некоторые кайла отличались расширенным (в виде веера) рабочим концом. У других было два рабочих конца:

¹¹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 118—138.

первый был оформлен топорообразно, второй — наподобие массивной мотыги или молота. Вес крупных кайл достигал 5—6 кг. Работать ими было трудно. Вероятно, они употреблялись там, где требовалось отделять большие куски породы от массива, ломать и разбивать их.

Нельзя при этом не указать на значительный прогресс в сравнении с кайлами, кирками и молотами из неолитических кремневых разработок в Учтуте (Навоинский район Узбекской ССР), где все эти орудия еще употреблялись без рукояток и не имели отчетливо выраженной формы. Наиболее тяжелые кайла и молоты (до 8—9 кг) были приспособлены для захвата и подъема их обеими руками. В процессе ударов такими орудиями о твердые породы происходила сильная отдача на руки, вызывавшая повышенный расход энергии. Орудия на рукоятках значительно повышали силовой эффект удара и ослабляли отдачу на руки, но требовали большего расхода энергии при их подъеме.

Следы изнашивания на рабочих частях орудий эпохи бронзы наблюдаются в виде заглаженности и линейных следов, имеющих направление параллельное вертикальной оси. Они свидетельствуют так же и о том, что обрабатываемая кайлами порода была мягче их. Но эта порода, вместе с тем, не была такой мягкой, как почвенный слой или целина, разрабатываемая под пашню. Это не был песок или вязкая глина, куда рабочая часть орудия погружалась глубоко. Площадь заглаженной части орудия не велика, длина линейных следов не превышает 40—45 мм. Для ударных орудий столь большого веса это немного. Если бы эти орудия использовались для обработки земли в качестве тяжелых мотыг, сработанная часть занимала бы значительно большую поверхность. Поэтому рассматривать кайла в качестве земледельческих мотыг нет оснований, хотя такие определения делались часто, а крупные кайла дугообразной формы даже выдавались за каменные плуги. Характер и степень изнашивания кайл зависели от обрабатываемой породы. Если это была касситеритовая руда (оловянный камень), то ломка ее едва ли была возможна без пережигания костровым способом. Твердость касситерита 6—7, удельный вес 6,8—7,0, в рудных месторождениях встречается в кварцевых жилах вместе с пиритом, цинковой обманкой и другими минералами. Даже при выветривании он остается неизменным в продуктах разрушения — россыпях. Но после обжига в огне костра и поливки водой касситерит приобретает рыхлость и легче поддается ударам кайл, расщеплению по линии трещин, отделению обломков от глыб. Медь встречается среди вулканических образований (трапп, диабаз, андезит, базальт, порфирит и т. п.), а также в рудных жилах среди песчаников, известняков, в сланцах и глинах. Поэтому в ряде залеганий извлечение меди, тем более самородной, из одевающих образований невозможно без ударных орудий, дробящих, раскалывающих сопровождающие породы. Но и здесь работа не обходилась без огня и воды, разрушающих подступы и размягчающих породы. Для ломки и дробления отдельных кусков существовали каменные молоты разных размеров и форм, употреблявшиеся без рукояток и в рукоятках. Молоты, найденные С. С. Черниковым в Трушникове и Чердаяке, имели вес от 1,5 до 7,0 кг. Самые крупные из них служили своего рода кувалдами для разбивания глыб, добытых посредством обжига и деревянных клиньев. Более мелкие могли использоваться при разборке руды, измельчении и подготовке ее для размалывания на плитах при помощи курантов. Тяжелые молоты, вероятно, применялись и для забивания клиньев в трещины. Но следы на рабочих частях молотов и молотков отражают только ударные действия по твердому веществу. Об этом говорят выбоины, трещины, шероховатая поверхность высокого рельефа.

III

Во многих случаях очень трудно отличать по форме не только каменные земледельческие мотыги от кайл и кирок для разработки руды, но и орудия для размола рудных минералов от зернотерок и пестов, применявшихся у ранних земледельцев. Примером могут служить плиты и песты из морских галек, обнаруженные Г. Андреевым на поселении перешейка Валентин. Для рудодробилок и курантов они кажутся очень мелкими. Средняя длина их колеблется в пределах 15—25 см, ширина

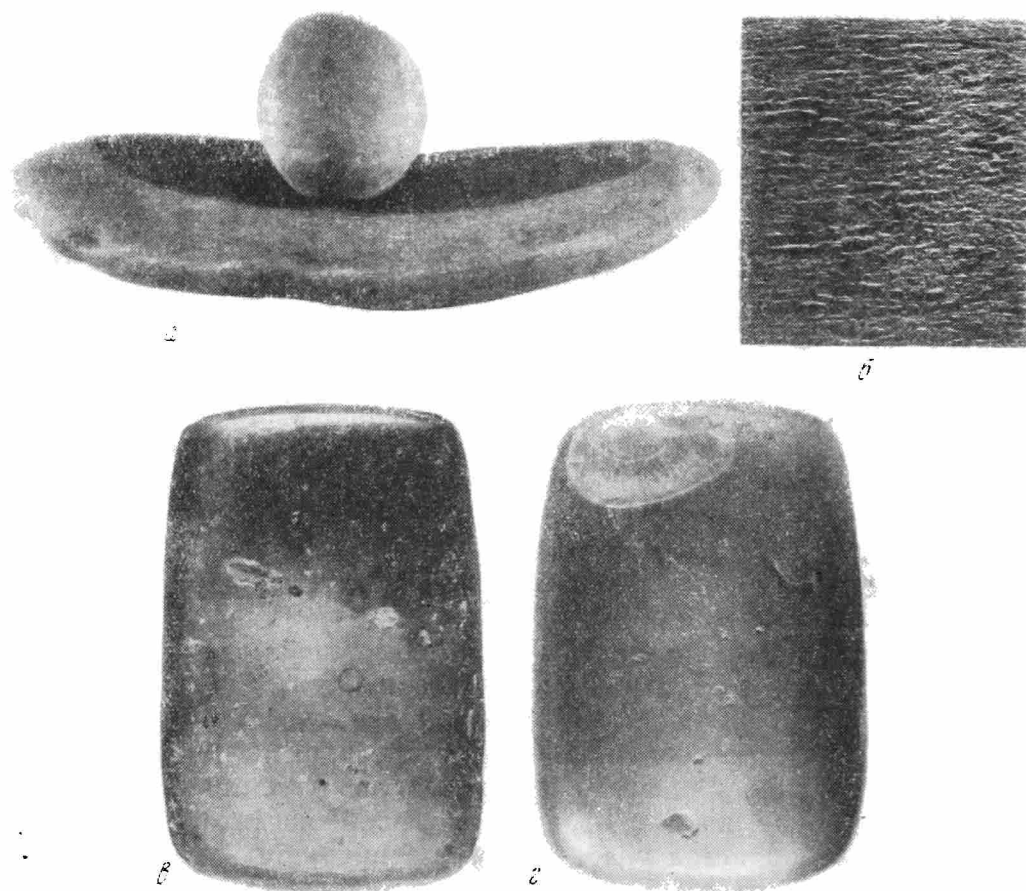

Рис. 2. Орудия с поселений на перешейке Валентин и Дальверзпна

7—12. Тем не менее плитами-рудодробилками большей частью служили плоско-овальные гальки, курантами — яйцеобразные или тоже овальные гальки размерами поменьше (рис. 2, а). Нередко эти гальки представляли мелкозернистые разности песчаников или вулканических пород. Рабочей поверхностью рудодробилок служила одна или обе плоские стороны гальки. Рабочей частью курантов служили боковые поверхности, а иногда и плоские стороны. Наблюдаются такие случаи, когда плоская галька, служившая курантом, носит следы использования и в качестве плиты. Столь еще слабая дифференциация функции орудий по обработке руды является признаком начальной стадии этого производства. При различении таких орудий, распознавании плит-рудодробилок от курантов, иной раз приходится ориентироваться по следам работы. На рудодробилках линейные следы изнашивания проходят вдоль большой оси гальки, а на курантах поперек этой оси.

Важной особенностью следов изнашивания на поверхности орудий для размалывания руды является их своеобразная фактура. Это не царапины, а крупные борозды, пунктирно расположенные в сочетании с цепочкой выступов (рис. 2, б), придающие изношенным плоскостям характер гоф-

рированной поверхности. Образование такой фактуры следов объясняется абразивными свойствами рудных минералов и неравномерной твердостью камня. Длительное растирание даже охры создает аналогичную картину изнашивания поверхности плиты и куранта, как это можно судить по характеру следов на камне из пещеры Джебел (Туркмения).

Песты из овальных и яйцеобразных галек часто носят на своей поверхности следы употребления в разных местах, двух и даже трех. Пест-курант в процессе работы поворачивался нетронутой поверхностью и растирание прямолинейными движениями (вперед — назад) продолжалось. Нередко на плоских пестах-курантах сохранились следы использования их в качестве наковален для разбивания кусков руды перед их растиранием на плитах. Это очаги мелких и более крупных выбоин, лунок, свидетельствующих об угловатой структуре разбиваемого вещества.

На плитах и курантах, служивших для растирания зерна, фактура поверхности имеет совершенно другой характер. Рабочие плоскости этих орудий равномерно заглажены, даже пришлифованы от употребления. Мягкий материал, каким является зерно, помогал выравнивать рельеф гранитной плиты, не оказывая такого мощного абразирующего действия на курант или пест и обратно, как это наблюдалось при помоле руды. Поэтому время от времени поверхность плит-зернотерок мастера специально пикетировали (насекали) для придания ей необходимой шероховатости, на рельефе которой зерна задерживались и дробились при движении куранта. Как на рудодробилке, так и на зернотерках пестами-курантами производились прямолинейные фронтальные движения, вперед — назад. В более ранние эпохи (палеолит, мезолит, отчасти ранний неолит) растирание минеральных и растительных веществ осуществлялось круговращательными движениями. Переход к прямолинейным движениям привел к созданию особых пестов-курантов с закраинамп. Образование таких курантов объясняется тем, что длина курантов превышала ширину плит-зернотерок и рудодробилок, в результате чего концы курантов не изнашивались. В процессе работы они постепенно опускались ниже уровня трущихся плоскостей, пока до предела изношенное орудие не перетамывалось надвое.

IV

В описаниях материалов из поселений и других памятников эпохи ранних металлов очень редко упоминаются наковальни для металлообработки, а между тем эти каменные орудия должны сохраняться в культурном слое. До сих пор типологически не выделены и молотки дляковки металлических изделий, как и другие орудия. Поэтому технология холодной обработки ранних металлов остается неизученной.

Крупный интерес в этом отношении представляет коллекция каменных орудий Дальверзинского поселения в Фергане, раскопки которого вел Ю. А. Заднепровский в 1958—1960 гг. Этот памятник эпохи раннего железа Средней Азии заслуживает тщательного лабораторного исследования. Мы здесь коснемся лишь некоторых предметов, представляющих специальный интерес. Один из них имеет прямое отношение к холодной металлообработке.

Этот предмет имеет вид четырехугольной подушки 13,5 см длины, 9 см ширины и 4 см толщины. Углы закруглены и края опущены, поэтому его основные поверхности отличаются выпуклой формой (рис. 2, а, г). Он изготовлен из диорита, отшлифован и весит около 1,5 кг. Археологи обычно называют его пестом, зернотеркой или ручным молотом. Это чисто типологические определения, подсказываемые мышлением по аналогии.

Трасологическое изучение его поверхности показало, что этот предмет не употреблялся в качестве песта, зернотерки или молота, следы

работы, обнаруженные на его поверхности имели другое происхождение. Это были следы ударов разной силы с применением железных материалов, так как на месте многих ударов сохранилась окись железа, видимая невооруженным глазом, и весьма отчетливо. Микроскопический и химический анализы подтвердили происхождение окиси от ударов при обработке железных предметов. Частицы железа нередко попадали в трещины, возникающие от ударов на поверхности и в процессе окисления, а следовательно и увеличения в объеме, приподнимали над поверхностью мелкие чешуйки шлифованного диорита. Многие десятки мелких вмятин на поверхности от 0,5 до 2,0 мм в диаметре свидетельствовали о преобладании сравнительно мелких точечных ударов инструментом. Обрабатывались очень небольшие железные изделия производственного или художественного характера. Все установленные признаки позволили определить изучаемый предмет в качестве каменной наковальни для обработки железа. Такая наковальня в процессе работы укладывалась не на землю, а на колени мастера, как это мы знаем по изображениям на стенах древнеегипетских гробниц. Несомненно, на этой наковальне выполнялось немало различных операций: ковка, плющение металла, загибание, выдавливание, пробивание отверстий и т. д. Для операций загибания железных пластинок и откованных стерженьков на торце наковальни был пропилен небольшой желоб, сохранивший следы работы на нем в виде окиси. Наиболее частыми были операции ударного (ковочного) порядка, о чем можно судить не только по очень большому числу таких следов, но и по обтекаемой форме наковальни, углы и края которой были тщательно закруглены, чтобы предохранить каменное орудие, весьма чувствительное к ударам, от повреждения. Несомненно, перед нами относительно развитая для эпохи ранних металлов форма наковальни. Ей предшествовали менее тщательно обработанные или совсем необработанные типы, выбранные из числа речных или морских галек овально уплощенной формы. Такая точка зрения основана на экспериментальном изучении холодной обработки меди в Ангарской опытной экспедиции 1957 года.

V

Хотя лучковое сверление возникает довольно рано, в неолите, а может быть и раньше, каменных подшипников известно очень мало. Экспериментально доказано, что деревянные или даже костяные подшипники к лучковому сверлу не рациональны. Деревянные очень быстро нагреваются и горят, а костяные обугливаются. Смазка жиром ненадолго продлевает срок их жизни. Возможно, что среди каменных предметов, которые часто относят к булавам и к дверным подпятникам, находятся подшипники к лучковому сверлу. Лишь точный трасологический анализ может выяснить действительное назначение их.

Примером разноречивого толкования вещей при типологическом подходе может служить предмет в форме дверной ручки из Дальверзинского поселения в Фергане (рис. 3, а). Это геометрически правильно сделанный и тщательно отполированный предмет, напоминающий подъемный блок — цилиндр с широким и глубоким желобом посередине. Одна сторона его имеет выпуклую, а другая — вогнутую поверхность. Материал черного цвета с серыми вкраплениями, порфирированный, близкий к андезиту, вулканического происхождения. Твердость — 5, удельный вес — 2,8—3,0. Часть плоско-вогнутой стороны отбита, вследствие чего предмет был обесценен и выброшен за ненадобностью, несмотря на затрату огромного труда на его изготовление. Возможно, причиной повреждения была трещина, возникшая в процессе оббивки куска камня-заготовки и черного оформления его техникой пикетажа (точечной техники), незамеченная ранее. Так можно думать потому, что вторая трещина хорошо видна на поверхности выпуклой части. В течение всего времени обработ-

ки вулканической породы ударной техникой трещины остаются неуловимыми на шероховатой поверхности камня. Они могут быть выявлены только после ее полировки.

Шлифование и полирование, очевидно, производилось не только твердыми абразивами, но и с помощью ремня и тонкого абразивного порошка. Иначе нельзя было обработать все круглые поверхности предмета.

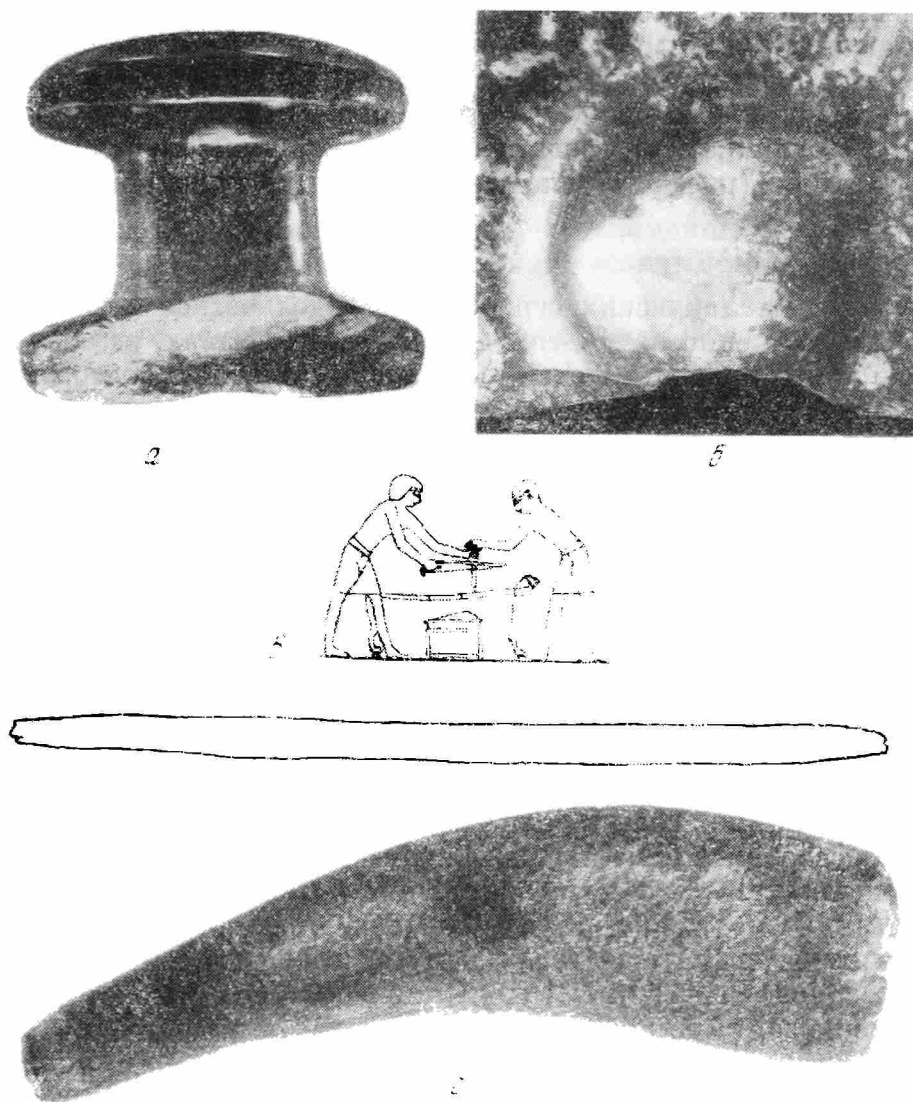

Рис. 3. Орудия с поселения Дальверзин

Наибольшую трудность представляла работа по выемке твердого материала из широкого кругового желоба. Выбранный отсюда материал составляет одну треть объема всего изделия. Возможно, что работа частично выполнялась пикетажем, затем происходила грубая шлифовка желоба узкими абразивами. Тонкая шлифовка и полировка выполнялась, как показывают следы, сохранившиеся на поверхности, при помощи длинного перекидного ремня. Обрабатываемое изделие закреплялось неподвижно в щемилке (станковые тиски в древности), а мастер, перекинув ремень на желоб предмета, тянул поочередно оба конца ремня к себе.

Определение этого предмета в качестве подшипника для лучкового сверла было сделано на основании следов от вращательного движения, сохранившихся внутри полости плосковогнутой стороны (рис. 3, б). Полость эта имела лишь 6 мм глубины, но была вначале сделана не сверлением, а пикетажем, следы которого в виде ударов сохранились во множестве на плоской поверхности. Следы от круговращательного движения

имеют характер типичной для трения не камня о камень, а трения дерева о камень. Они отличаются очень мягкими линейными очертаниями, показывающими переход к процессу лощения камня. Следы позволяют измерить диаметр верхнего конца деревянного стержня, служившего сверлом, в 17—18 мм. Возможно, что каменный подшипник из Дальверзина использовался для добывания огня сверлением и производства отверстий в дереве, кости и камне с помощью железных перовых сверл, которые могли быть известны в эту эпоху. Присутствие железа, как материала обработки устанавливается химическим анализом на многих абразивных орудиях (точила, бруски, оселки и т. п.), найденных на поселении. Железные сверла могли играть особенно важную роль в обработке дерева, как это мы знаем по рисункам на гробнице, изображающим операции древнеегипетских столяров (рис. 3, в) эпохи Среднего Царства (1450 до н. э.).

VI

Внедрение металлических серпов в земледельческое хозяйство происходило очень медленно по многим причинам. В странах, где были выходы хорошего кремня, вкладышевые серпы существовали долго, благодаря твердости этой горной породы и износоустойчивости в работе. Затупившиеся кремневые вкладыши могли быть неоднократно подновлены ретушью, перевернуты и переставлены в оправе для дальнейшего употребления. Там, где кремня не встречалось, он доставлялся из других областей. Так, например, в долине Тигра и Евфрата, где камень был вообще дефицитен, кремень нередко земледельцы получали из Египта, Сирии и Анатолии. В тех случаях, когда это было затруднительно, земледельцы Двуречья изготавливали керамические серпы, применяя высокотемпературный обжиг и особый состав массы¹². Шлифование строгальных ножей из нефрита и кремнистого сланца — широко распространенное явление в неолите Сибири, Кореи, Японии, Китая. Неолитический Китай и Средняя Азия эпохи раннего железа дают нам примеры использования серпов из шлифованного камня. Шлифованные серпы ранние земледельцы Хенани и Ганьсу просверливали для ношения подвешенными к поясу.

На площади Дальверзинского поселения в Фергане были открыты серпы из вулканических пород и даже абразивного камня. Эти своеобразные орудия являются пока первым случаем из известных нам примеров шлифованных серпов. Серпы имеют полулунные формы с некоторым расширением черенкового конца, который зажимался в ладони или был вставлен в деревянную рукоять. Длина их достигает 12—16 см, ширина в черенке 4—5 см, толщина от 5 до 10 мм (рис. 3, г). Чаще всего их выделывали из галечного материала. Плоские продолговатые гальки оббивкой оформлялись в заготовки, которые затем шлифовались на абразивной плите, обычно грубой, крупнозернистой. Штрихи, оставляемые на заготовках серпов имели глубину до 0,5 мм и ширину 1,2—0,5 мм. Работа на таком абразиве требовала огромного физического напряжения: экспериментально мы не могли воспроизвести шлифование со штрихами подобного масштаба. Другие шлифовальные операции мастера Дальверзина производили на абразиве с более мелким зерном, но не всегда. Абразивная работа сопровождалась поливкой плиты водой, а для стекания пульпы на плите делался продольный канал, как это можно заключить по одному из абразивов, найденных на поселении. Шлифование велось движениями, направленными почти перпендикулярно к большой оси серпа. Поперечные штрихи, полученные на крупнозернистом абразиве, придавали краю лезвия легкую зубчатость. Шлифовался также и обушок серпа, обычно под прямым углом, для упора на ладонь, что было важно, когда серп не употреблялся в рукоятке. Характер изношенности и степень заглажен-

¹² С. А. Семенов. Керамический серп из древнего поселения в Эриду. СА. 1965. 3, стр. 217—219.

ности поверхности серпов указывали на применение многих экземпляров в рукоятке. Все стадии обработки шлифованных серпов, начиная с выбора материала, прослеживаются на обширной коллекции этих орудий.

Наиболее примечательным в технологии серпов можно считать преобладание экземпляров, сделанных из песчаниковых пород и вулканических брекчий, состоящих из сцементированных грубообломочных частиц. Серпы из таких крупнозернистых осадочных образований имели зубчатое лезвие. Отдельные твердые зерна оставались на лезвии после выпадения более мягких частиц, что отчасти придавало таким серпам свойства пилы. Выступающие зерна успешнее разрезали гибкие растительные стебли, цепляясь за волокна. Их функции, таким образом, соответствовали назначению зубьев, которые намеренно наносились на лезвия кремневых серпов с помощью ретуши.

Предварительные опыты показывают, что каменными шлифованными серпами можно срезать злаковые растения, зеленый камыш, траву, тонкие ветки кустарников с эффектом несколько большим, чем керамическими серпами типа серпа из Эриду. Однако шлифованные серпы были менее производительными в сравнении с кремневыми серпами вкладышевого или ножевидного типов. Применение шлифованных серпов в земледельческом хозяйстве древней Ферганы, вероятно, вызывалось недостатком кремня, точнее недостаточной разведанностью его залегающих в некоторые эпохи. Возможно, что сложившаяся техническая традиция удовлетворяла требованиям, а выработанные приемы жатвы давали нужный эффект. Железа, добывание которого и обработка уже были известны, по-видимому, еще не хватало на все отрасли хозяйства.

Приписывать каменным серпам из Ферганы какие-либо другие функции, помимо жатвенных, нет оснований. Выделка серпов здесь представляла систематическое, налаженное производство. Очень большое число плит-зернотерок и пестов, найденных на поселении Дальверзин, говорит о земледельческом хозяйстве, о возделывании зерновых в значительных масштабах. Следы изнашивания на шлифованных серпах указывают на движения, характерные для жатвенной работы, движения «на себя», хотя линейность следов выражена не на всех экземплярах одинаково. Можно считать правилом преимущественное изнашивание правой стороны (плоскости) серпа, обращенной книзу в процессе жатвы. Именно эта сторона наиболее интенсивно соприкасается со стеблями разрезаемых растений, что с очевидностью говорит о праворукой работе жнецов. В тех случаях, когда работа велась бы левой рукой, максимальное изнашивание наблюдалось бы на левой стороне серпов. Правая и левая стороны серпа определяются при рассмотрении орудия со стороны обушка, с лезвием, обращенным вниз.

Многие серпы интенсивно изношены, о чем можно судить по форме старых экземпляров, утративших почти половину прежней ширины и веса. Многие затуплены настолько, что, казалось бы, орудия утратили всякую способность разрезать растения. Немало затупленных серпов носят следы подправки лезвия ударной ретушью, для придания ему зубчатости. Такая степень затупленности очень часто наблюдается на кремневых и бронзовых серпах. Эти факты не всегда поддаются убедительной интерпретации, если принять во внимание, как медленно изнашиваются каменные орудия даже при работе по дереву. Очевидно, в период сбора урожая — страдной поры — работа шла на высоких темпах и не всегда представлялась возможность подправить затупившееся орудие или это не всякий умел делать, если работали, например, женщины. Есть основания думать, что в эпоху раннего земледелия засеивались крупные площади полей, а жатвенных орудий не хватало или они не были во время заготовлены и приходилось пользоваться старыми, уцелевшими с предшествующего полевого сезона. Факты такого рода имеют большое значение для изучения техники и экономики древнейшего земледелия.

Здесь мы рассмотрели только некоторые каменные орудия эпохи ранних металлов, свидетельствующие о том, что введение в хозяйственный обиход новых более совершенных технических материалов не приводит к заметному падению роли камня. Металлические орудия на первых порах частично вытесняют лишь мелкие кремневые инструменты (ножи различных типов, резцы, скребки, сверла, скобели, резчики, пилки и т. п.), получившие широкое развитие в неолитическую эпоху. Это объясняется не только тем, что хрупкий кремнь не выдерживает конкуренции с неломким, пластичным металлом, способным к различным изменениям формы холодной ковкой, а также к самому экономному использованию материала путем переплавки. Металлические инструменты положили конец излишней дифференциации форм кремневых орудий, которая стимулировалась прогрессом неолитической техники. Бронзовый или железный однолезвийный нож остроконечной формы в первое время заменял несколько кремневых орудий: нож, резец, сверло, скобель. Он мог совместить функции строгального, мясного и кожевенного ножей, что было неосуществимо для ножей каменных, так как для них в таких случаях требовались разные углы заострения лезвия и формы рабочих концов. Разумеется, такая функциональная интеграция существовала только на начальной стадии развития металлических орудий. Специализация производства в дальнейшем не могла не вызвать дифференциации орудий, что мы и видим, например, в технике Древнего Египта и Двуречья.

Значение камня в эпоху ранних металлов возрастает в других отраслях хозяйства и техники. Наблюдается количественный и качественный рост абразивных орудий разных форм, размеров, степени зернистости для обдирки, шлифовки, полировки, сверления как каменных, так и металлических изделий. Совершенствуется техника обработки шлифованного, сверленного и резного камня, о чем можно судить по каменным булавам, боевым топорам, произведениям изобразительного искусства, литейным формам. В эпоху ранних металлов отмечается определенный прогресс, хотя и временный, в выделке некоторых типов кремневых орудий. Мы имеем ввиду древнеегипетские свежевальные ножи, датские кинжалы, воспроизводящие формы металлических ножей и кинжалов, выполненные превосходными приемами ретуши.

Инструментальная роль камня в конечном итоге оттесняется металлом на задний план. Камень сохраняет свое значение только как материал в произведениях искусства и строительстве, особенно в странах, богатых этим материалом.

S. A. Sémionov

OUTILS EN PIERRE A L'ÉPOQUE DES MÉTAUX PRIMITIFS

Résumé

Le développement de la technique est un processus cumulatif. Le perfectionnement des outils ne se fait pas par le remplacement plein et complet des uns par les autres, plus modernes, mais tend à utiliser toutes les capacités de la matière. La pierre continue de servir à l'homme à l'époque des premiers métaux car ni le bronze, ni le fer primitif ne pouvaient pas encore complètement remplacer, par exemple, le silex à la fabrication des faucilles de diorite ou de basalte, des enclumes et des marteaux. Louchets, pics et maillets en pierre jouaient un grand rôle en l'extraction des minerais. Les broyeurs à grains et les pilons tout en gardant leur ancienne importance dans l'agriculture deviennent nécessaires pour le broyage des minerais dans la métallurgie.

Les dalles abrasives en grès et en schiste prennent une importance accrue en tant que instruments pour le polissage et l'affûtage des outils métalliques (haches, aisseaux, couteaux, perçoirs, ciseaux, burins etc.)

Crapaudines pour les portes, pour les tarières à archet, silex pour les fusils d'acier servant à faire du feu et autres objets en pierre existent encore aux époques postérieures.

Т. Г. МОВША

ОБ АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКЕ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Яркая и сложная культура древних земледельцев Триполья может быть раскрыта лишь тогда, когда все источники в одинаковой мере будут систематизированы и изучены. Одним из таких малоизученных источников в настоящее время является глиняная пластика.

Первые шаги в изучении трипольской мелкой скульптуры были сделаны в 1905 г. А. Скрыленко. Автор описала не только ставшие известными образцы находок, но и предприняла попытку их классификации¹. После этого пластике посвящались многие статьи и этюды. Останавливаться на истории изучения совершенно излишне, так как она изложена в монографии С. Н. Бибикова. Там же приводится подробная библиография по данному вопросу².

За последние десятилетия благодаря полевым работам на новых трипольских поселениях в музеях страны накопились значительные коллекции по скульптуре, особенно раннетрипольской, почти неизвестной прежде. Среди них крупные коллекции из Луки-Врублевецкой³, Сабатиновки II⁴, Александровки⁵ по праву занимают особое место.

Публикуя отдельные находки антропоморфных статуэток, многие авторы в той или иной мере рассматривали пластику Триполья не изолированно, а во взаимосвязи с культурами Юго-Восточной Европы, Эгейского моря, Средней Азии. Наиболее всестороннее освещение пластика Триполья получила в работах С. Н. Бибикова, попытавшегося раскрыть ее происхождение и смысловое назначение⁶. Недавно к антропоморфным изображениям трипольской культуры обратился Б. А. Рыбаков, в результате чего расшифровано назначение одной из групп женских статуэток и антропоморфных сосудов⁷.

Большое внимание к пластике Триполья вполне объяснимо. Она является не только одним из наиболее массовых и наиболее ценных видов находок, позволяющим проникнуть в духовный мир древних земледельцев, но может служить надежным источником для решения ряда других не менее важных вопросов. Однако, несмотря на это, до настоящего вре-

¹ А. Скрыленко. Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытой в Среднем Приднепровье. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 145—152.

² Н. С. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, 38, 1953.

³ Там же.

⁴ В. М. Даниленко і М. М. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипольському поселенні в 1949 р. АП, VI, Київ, 1956, стр. 134—144.

⁵ А. Л. Есипенко. Раннетрипольское поселение Александровка. МАСП, I, Одесса, 1957, стр. 10—23.

⁶ С. Н. Бибиков. Ук. соч.; его же. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. СА, XI, 1949, стр. 146—150.

⁷ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, 1, стр. 24—45; СА, 1965, 2, стр. 13—32.

с плавным переходом от верхней части туловища к головке. Этот тип преобладает в поселениях первой фазы раннего Триполья Южного Буга. Несколько видоизмененный образ, представленный единичными экземплярами, дают женские фигурки с укороченной шеей, а иногда и согнутыми в коленях ногами. Основная масса их происходит из обеих горизонтов Сабатиновки II¹⁷, во время существования которой окончательно вырабатывается традиционный образ раннетрипольской глиняной скульптуры Южного Побужья. Он проходит через все раннее Триполье, частично заходя в начальный этап расцвета культуры. Показательны в этом отношении многочисленные скульптурки из Александровки¹⁸, типологически близкие к Сабатиновке II и продолжающие, в отличие от Сабатиновки I, их линию развития. Фигурки сопровождаются креслицами с рогатыми спинками, на которых видны следы покраски. Некоторые статуэтки были найдены спящими на таких креслицах.

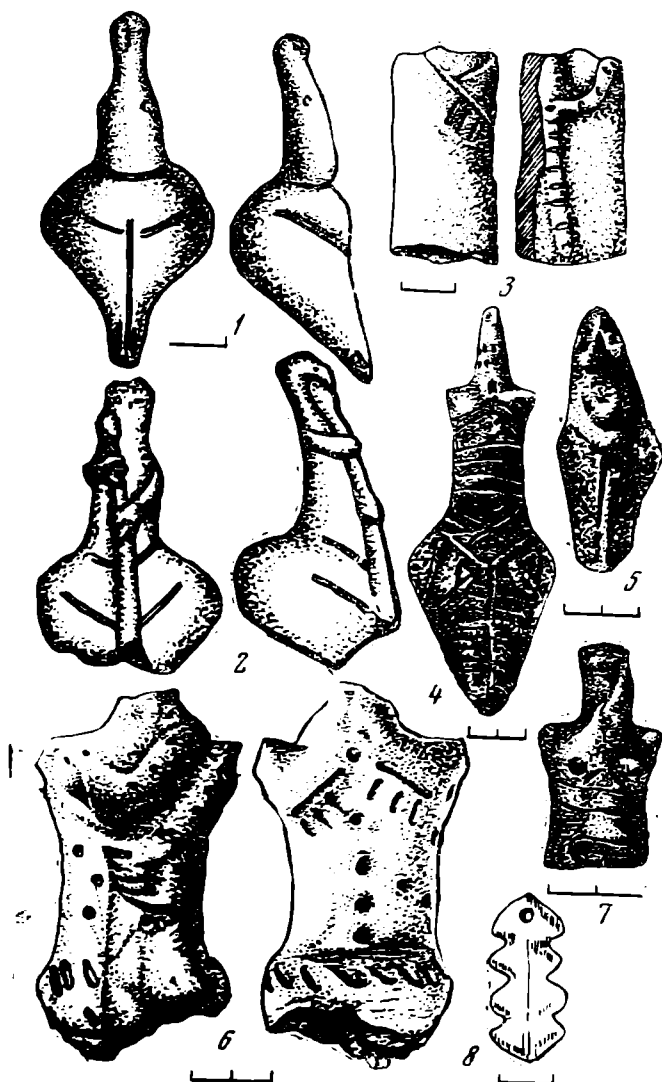

Рис. 1. Пластика раннего этапа трипольской культуры

1, 2, 8 — Сабатиновка II; 3 — Ленковцы; 4, 5, 7 — Берново-Лука; 6 — Лука-Врублевцакая

гурки, низ и верх туловища которых имеет почти одинаковую форму конуса. Эти фигурки найдены в памятниках первой и второй фаз Триполья А (рис. 1, 5).

3. В третий тип объединены женские фигурки разного стиля, но с индивидуальными чертами. Среди них прежде всего выделяются статуэтки с моделированными руками, поддерживающими рельефный вертикальный валик со змеевидной головкой, идущий из лона женщины (Сабатиновка II рис. 1, 2)²⁰. Аналогичные по смысловому значению, но типологически иные скульптурки представлены и в поселениях второй фазы

тывается традиционный образ раннетрипольской глиняной скульптуры Южного Побужья. Он проходит через все раннее Триполье, частично заходя в начальный этап расцвета культуры. Показательны в этом отношении многочисленные скульптурки из Александровки¹⁸, типологически близкие к Сабатиновке II и продолжающие, в отличие от Сабатиновки I, их линию развития. Фигурки сопровождаются креслицами с рогатыми спинками, на которых видны следы покраски. Некоторые статуэтки были найдены спящими на таких креслицах.

2. Ко второму типу относится небольшое количество фигурок с коротким коническим отростком-стерженьком в верхней части туловища. На ранней фазе они чаще встречаются в Прикарпатье (Извоаре I)¹⁹, где господствует, как и в более восточных памятниках, неорнаментированная пластика. В фазу А₂ этот тип в несколько измененном виде становится основным в бассейне Среднего Днестра (Лука-Врублевцакая). В близкой манере выполнены небольшие фи-

¹⁷ М. Л. Макаревич. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновки II. КСИА АН УССР, 3, 1954, табл. I; II.

¹⁸ А. Л. Есипенко. Раннетрипольское поселение Александровка, стр. 10—23, табл. 3, 1—3.

¹⁹ R. Vulpe. Ук. соч., рис. 74, 77—80.

²⁰ М. Л. Макаревич. Ук. соч., стр. 92, табл. 1, 3.

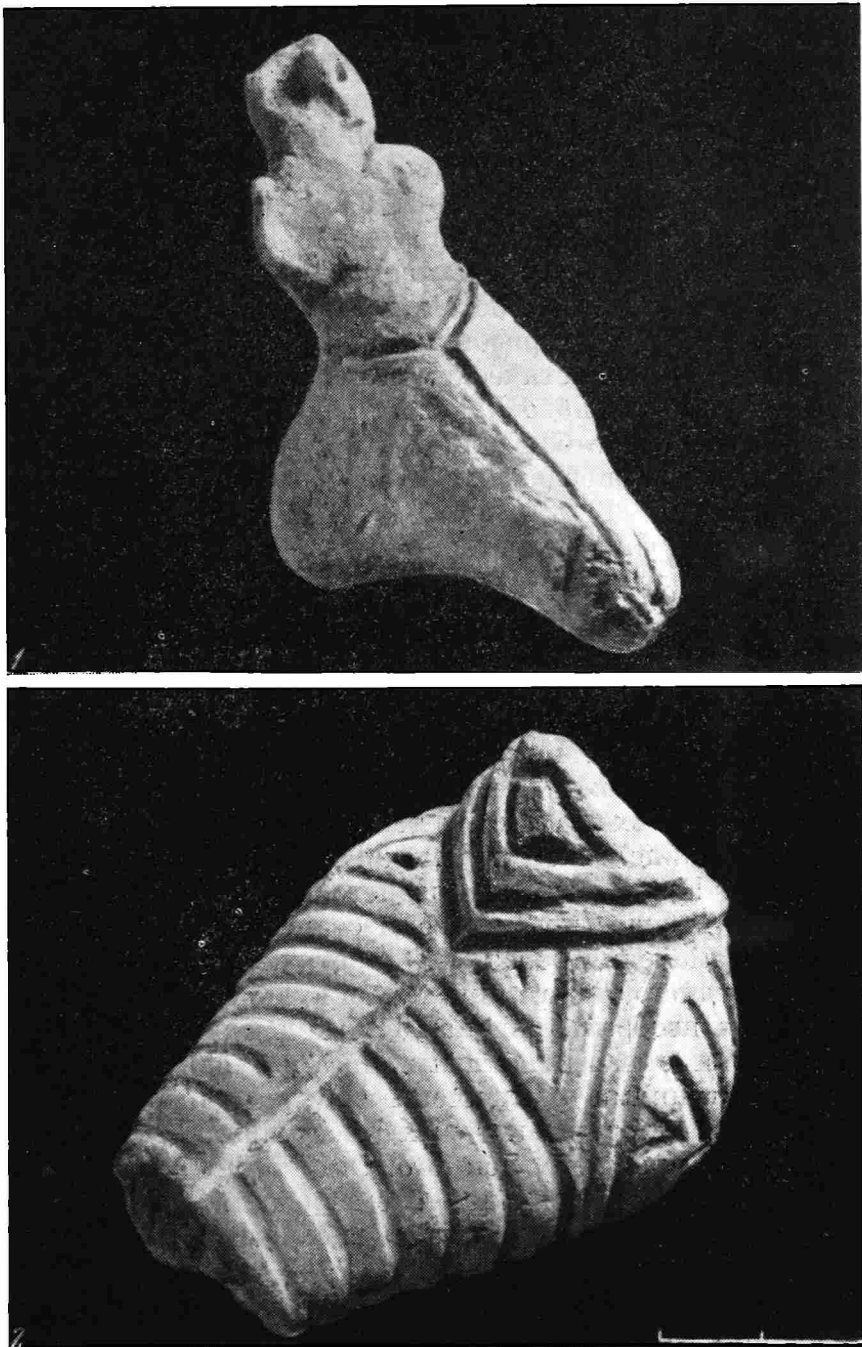

Рис. 2. Пластика раннего этапа трипольской культуры
 1 — Солончены II (нижний горизонт); 2 — Плисков-Чернявка

раннего Триполья А₂ — в Ленковцах²¹ (рис. 1, 3), Луке-Врублевецкой²² (рис. 1, 6). На спинках последних, по мнению С. Н. Бибикова, углублениями изображены крылья²³.

Мужские сидящие фигурки с гипертрофированными признаками пола единичны.

Отдельную подгруппу составляет костяная, предельно схематизированная пластика, в основном характерная для поселений первой фазы ран-

²¹ К. К. Черныш. Раннетрипольське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ, 1959, табл. XIII, 37.

²² С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, табл. 80, а, б.

²³ Там же, стр. 42.

него Триполья — Флорешты, Сабатиновка II (рис. 1, 8). Она близка к наиболее схематичным костяным фигуркам культуры Гумельница А²⁴.

В ранней фазе Триполья А преобладают два первых типа фигурок. Остальные типы представлены единичными находками.

Глиняная пластика поселений этапа А₂ (Извоаре I₂, Траян-Дялул-Фынтынилор, Берново-Лука, Солончены II, Ленковцы, Лука-Врублевецкая) генетически связана с предшествующей, но в общем уже характеризуется иным типологическим единством. Наиболее близкими к пластике памятников ранней фазы являются фигурки из Извоаре I₂, Траян-Дялул-Фынтынилор и нижнего горизонта Солончены II (рис. 2, 1). Фигурки Луки-Врублевецкой по стилистическим и сюжетным признакам являются более поздними. Уже в Берново-Луке, на сравнительно ранний возраст которой указывает наличие барботинной керамики, вырабатывается совершенно определенный, позднее многократно без изменений повторяемый женский образ.

Развитие получают фигурки второго типа — с коническим стерженьком на месте головы, изредка с едва намеченными чертами. Меняются детали фигуры, удлиняется туловище, обрисовывается талия, отчетливей обозначаются плечевые выступы и грудь. Низ живота подчеркивается ромбом или треугольником. Последний в несколько ином оформлении становится одним из наиболее устойчивых элементов. Поверхность фигурки покрывается углубленными, иногда заполненными белой пастой, узорами²⁵ (рис. 1, 4). Часто сложные по смысловому значению, постоянно повторяемые на одних и тех же частях тела композиции и сюжеты близки к орнаментам раннетрипольской керамики. В Луке-Врублевецкой эти фигурки преобладают. В поселениях Среднего Приднестровья, синхронных Луке-Врублевецкой и более поздних, они становятся традиционными, сохраняя почти без изменения образ на протяжении нескольких веков, вплоть до начала среднего этапа трипольской культуры.

Из пластических изображений, найденных в единичных экземплярах, отметим скульптурки с расчлененными ногами, иногда слитными, но с моделированными ступнями (Солончены II)²⁶, а также стоячие скульптурки, нижняя часть туловища которых имеет цилиндрическую форму²⁷. Мужских фигурок по-прежнему немного. Они, так же как и женские, сидящие, оформлены приемом сильной схематизации верхней части туловища в сочетании с натуралистической трактовкой нижней, с двумя ногами и увеличенным признаком пола.

Особое место занимают женские изображения, вылепленные из глины, замешанной с зернами пшеницы и мукой (Лука-Врублевецкая).

Как и в ранней фазе Триполья А, представлен тип антропоморфной пластики, наделенной индивидуальными чертами. Заслуживает внимания женская скульптурка из Траян-Дялул-Фынтынилор²⁸. По семантике образа она тождественна фигуркам с моделированными руками из Сабатиновки II (сближается и по трактовке верхней части туловища), Ленковец, Луки-Врублевецкой, но стиль ее отличен от основной массы раннетрипольской пластики по композиции и своеобразной моделировке рук.

²⁴ Т. С. П а с с е к. Костяные амулеты из Флорешт. Сб. «Новое в советской археологии», (МИА, 130), 1965, стр. 77—83.

²⁵ Т. С. П а с с е к. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, рис. 5, 1—3.

²⁶ Т. Г. М о в ш а. Многослойное поселение Солончаны II. КСИА АН СССР, 105, 1965, рис. 18, 2.

²⁷ С. Н. Б и б и к о в. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, табл. 87, а, б; К. К. Ч е р н и ш. Раннеотрипольские поселения Ленківці на Середньому Дністрі, табл. XIII, 26.

²⁸ Г. Д у м и т р е с к у. К проблеме происхождения докукутенской культуры. МИА Ю-3 СССР и РНР Кишинев, 1960, стр. 38, рис. 2.

Интересна фигурка из Берново-Луки²⁹ (рис. 1, 7), левая рука которой поднята вверх и прижата к лицу. Этот образ с ритуальным жестом, присутствующий также в пластике культур Хаманджия³⁰, Гумельница³¹, откуда он был, видимо, принесен в трипольскую среду, проходит почти через все этапы Триполья, вплоть до Кукутень В (Тирпешть³², Дракузень³³). Корни его, возможно, ведут в культуры Восточного Средиземноморья³⁴.

В пластике памятников третьей фазы раннего этапа Триполья, к которой, кроме Озаринец и Красноставки³⁵, мы относим Вила Ярузские³⁶ и нижний слой Новых Русешт, продолжает развитие основной тип пластики Луки-Врублевецкой, сохраняя те же стилистические особенности. Господствует сидящая фигурка с предельно схематичной конической головкой и объемной нижней частью туловища, заканчивающегося слитными коническими ногами. Изменения наблюдаются по линии увеличения пропорции и орнаментации более глубокой бороздкой (так же как и посуды). Наиболее восточный пункт фигурок обнаружен в Плисков-Чернявке на Роси (рис. 2, 2). В бассейне Пруга и Днестра фигурки этого типа являются господствующими и в поселениях фазы Кукутень А₁. Преемственность линии развития прослеживается также в скульптуре из обоих слоев поселения (конца раннего и начала среднего Триполья) Новые Русешты³⁷.

В среде наиболее поздних памятников Триполья А появляются первые образцы натуралистической пластики, о чем свидетельствуют женская головка из Озаринец³⁸ и мужская головка из Новых Русешт.

Большую группу раннетрипольской пластики составляют антропоморфные сосуды — черпаки, вазы на кольцевых подставках и др. Среди них заслуживает внимания фрагмент сосуда с полупластическим изображением женской фигуры с поднятыми к небу руками (Оранта) из Траян-Дялул-Фынтынилор³⁹.

Таковы наиболее характерные черты, общие для всей раннетрипольской скульптуры, и некоторые особенности для каждой из локальных групп.

Антропоморфная пластика раннего этапа трипольской культуры по стилистическим особенностям близка к пластике культур Кереш, Турдаш, Боян А, Гумельница I. Не касаясь здесь вопроса происхождения раннетрипольской скульптуры, отметим лишь, что корни ее уходят в Средиземноморье.

В начале среднего этапа трипольской культуры, как уже отмечалось, в пластике сохраняются прежние традиции (Новые Русешты, Кукутень А, Солончены II, средний слой; рис. 3, 1—3). Однако стали выразительней различия не только между скульптурой трех отмеченных больших территорий — Прикарпатья, Поднестровья и Южного Побужья, но и внутри

²⁹ Т. С. Пассек. Раннеземледельские (трипольские) племена Поднестровья, рис. 6, 3.

³⁰ D. Vergiu. Cultura Hamangia I. București, 1966, рис. 1.

³¹ V. Dumitrescu. Fouilles de Gumelnita. «Dacia», II, 1925, рис. 63, 5.

³² S. Marinescu-Bîlcu. Reflets des rapports entre les civilisations de Hamangia et de Prăcucutenienne de Tirpești. «Dacia», VIII, нов. сер., 1964, стр. 307—312.

³³ V. Dumitrescu. Une nouvelle station à céramique peinte dans le nord-ouest de la Moldavie. «Dacia», III—IV, 1927—1932, стр. 142, рис. 21.

³⁴ D. Vergiu. Ук. соч., стр. 86 сл.

³⁵ Т. Д. Белановская. Трипольское поселение Красноставка. КСИИМК, 69, 1957, стр. 33, рис. 6, 4.

³⁶ Д. Щербаківський. Знахідки біля Могилева Подільського. Коротке звітання за 1926 р., Київ, 1927, табл. XXXVI, 1—4.

³⁷ Раскопки В. И. Маркевича.

³⁸ М. Я. Рудинський. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки. «Антропологія», III, Київ, 1930, стр. 251, рис. 17.

³⁹ Г. Думитреску. Ук. соч., стр. 38, рис. 1.

Рис. 3. Пластика и антропоморфные сосуды среднего этапа трипольской культуры

1—3 — Солончены II; 4 — Сушковна; 5 — Щербаневка

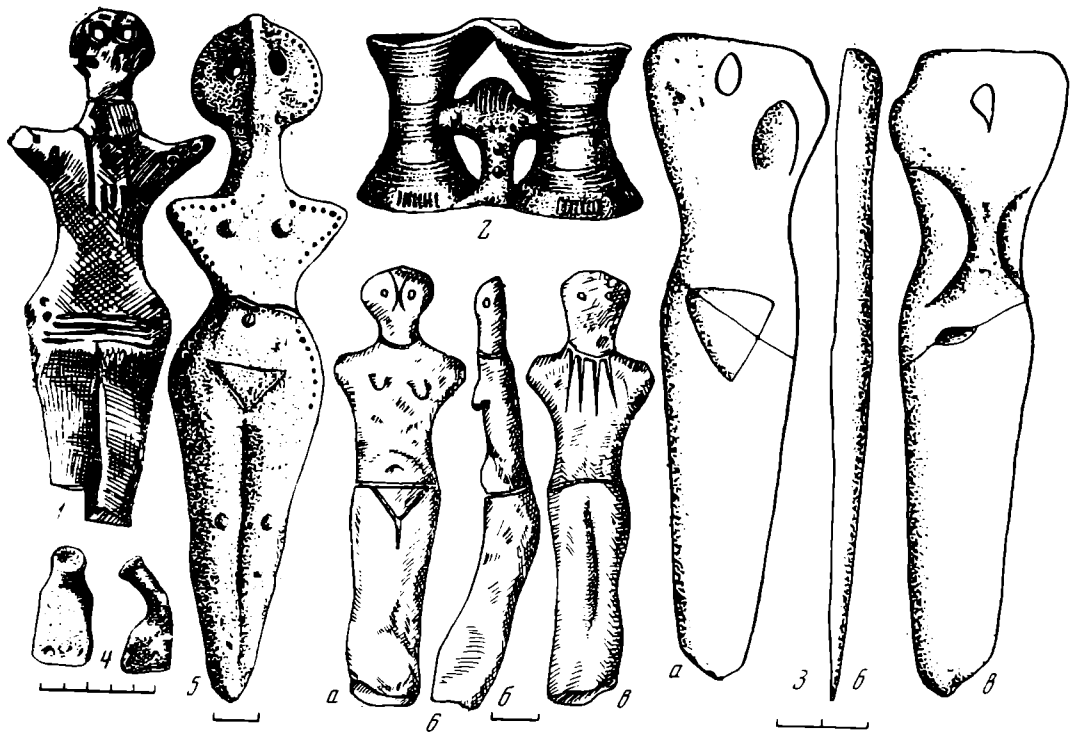

Рис. 4. Пластика и антропоморфные сосуды среднего и позднего Триполья
 1 — Кошиловцы-Обоз; 2 — Среднее Поднепровье; 3 — Кринички; 4 — Выхватинцы;
 5 — Оселивка, урочище «На долинах»; 6 — Сухостав

их. На Южном Буге в Сабатиновке I⁴⁰ обнаружены фигурки, близкие к фигуркам Среднего Днестра (Берново-Луки и Луки-Врублевецкой), а в Александровке — фигурки, генетически связанные с пластикой Сабатиновки II. В бассейне Среднего Днестра фигурки с углубленным орнаментом по-прежнему преобладают, имея большее сходство со скульптурками прикарпатских памятников, чем со скульптурками из Южного Буга и особенно Среднего Днестра. При сохранении того же образа пластика Среднего Поднепровья, как и керамика, украшается росписью. Орнаментальные сюжеты и композиции повторяют рисунок раннетрипольских фигурок, упрощая его. Иногда композиция углубленного рисунка раннетрипольской пластики воспроизводится на сосудах в двухцветной и трехцветной росписи (Солончены II)⁴¹. Пластика, как и керамика поселений Среднего Приднестровья, ближе к культуре Кукутень А, А — В, чем к культуре собственно Триполья.

На среднем этапе Триполья фигурки постепенно теряют ярко выраженную объемность раннетрипольской пластики, затем совершенно исчезают ее основные типы, представленные еще в Кукутень А и Новых Русештах. Наряду с сидящими фигурками с отклоненным туловищем зарождается новый иконографический образ. Появляются стоячие фигурки удлинённых пропорций со схематичной плоской головкой, щипковым сильно выступающим носом, двумя проколами на месте глаз. Верхняя часть туловища уплощена, на месте рук — конические отростки со сквозным проколом. Грудь небольшая, удлиненная талия переходит в покатые бедра. На месте живота малозаметный выступ, а внизу треугольник из углубленных линий, обозначающий женский пол, ноги слитные в виде конуса. Фигурки этого типа в зависимости от территории, местных особенностей, выразителями которых они являлись, украшались или углубленным орнаментом, или росписью или вовсе не орнаментировались. В восточных памятниках пластика с углубленным орнаментом почти не обна-

⁴⁰ А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП, IV, 1952, стр. 78—88.

⁴¹ Т. Г. Мовша. Многослойное трипольское поселение Солончены II, стр. 96.

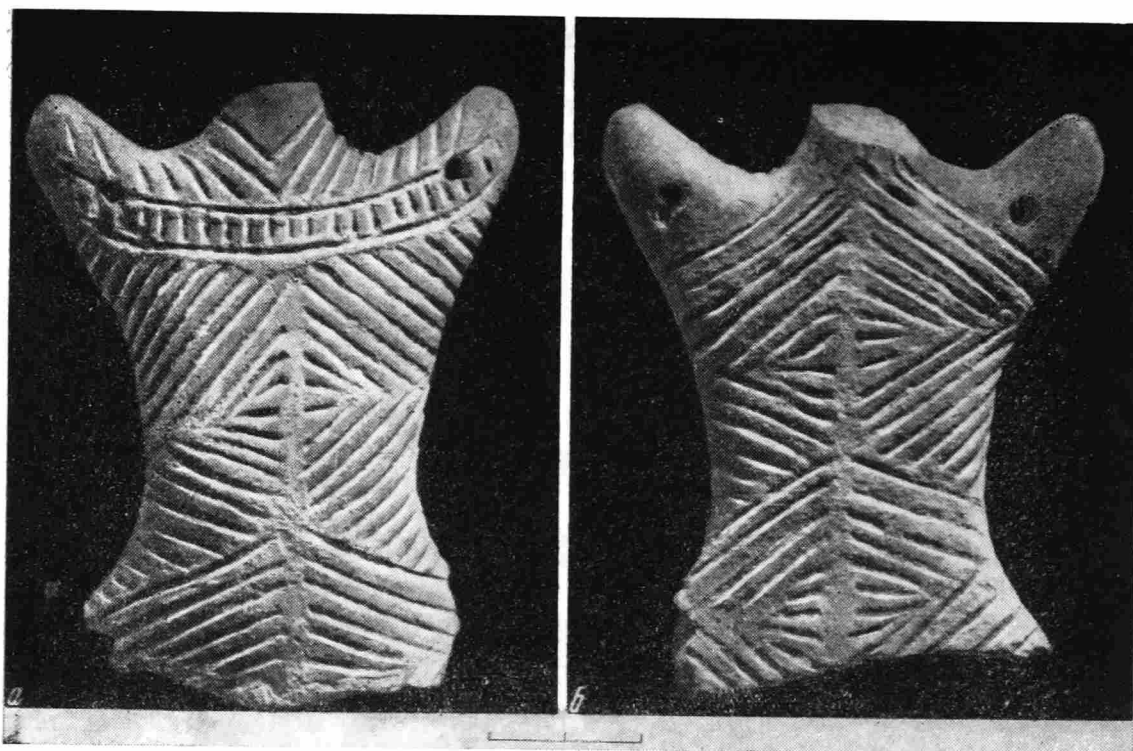

Рис. 6. Фигурка с поселения Солончены II (средний слой)

Головки округлые и только изредка удлиненные с уплощенным затылком. Лица широкие в скуловом диаметре, уплощенные. Иногда расширена и нижняя часть лица, как это мы видим на фигурке из Томашевки (рис. 7). Нижняя челюсть у фигурок, изображающих пожилых женщин, отвисшая. Подбородок крупный, чаще прямой, реже острый. При некоторой изменчивости в трактовке остальных черт наблюдается закономерное постоянство в моделировке лба и носа. Лоб низкий, наклонный. Нос крупный, с горбинкой и лишь иногда прямой. Надбровные дуги рельефные, овально-изогнутые, горизонтальные, нередко значительно утолщенные. Изредка под ними прочерчены брови. Глаза помещены в глубоких впадинах, обозначены горизонтальной линией (рис. 7) или узкие миндалевидные с нависшими веками. Рот чаще всего сомкнут, продолговатый, проведен чертой, или приоткрыт. Уши крупные, с отверстиями по краям. Головы фигурок украшены длинной и пышной прической. Иногда она рельефная, а детали ее прорисованы. Изображены украшения, на лице татуировка.

Среди новых собраний пластика заслуживает внимания женская головка (высота 7,8 см) из Уманского поселения (рис. 8), которую можно поставить в ряд с лучшими образцами энеолитического искусства Старого Света⁴⁷. Глина фигурки светло-желтого цвета, с примесью очень мелкого песка. Верхний слой стерт. Головка тыквообразной формы с округлым затылком. Лоб плоский, узкий, убегающий назад. Посредине его — углубленная вертикальная черта — след пробора прически. Лицо широкое в диаметре скул, асимметричное, с красивым разлетом длинных бровей, проведенных двумя углубленными линиями под слегка изогнутыми рельефами надбровий, выражение строгое, сосредоточенно-задумчивое. Небольшие широко расставленные миндалевидно-овальные глаза полуприкрыты. Продолговатый нос узок, с расширенными, хорошо очерченными крыльями ноздрей. Крохотный рот сомкнут, углы его приподняты. Головка покоится на широкой округлой шее, по сторонам которой спускаются пряди волос — следы прически, изображенной рельефно. В пряди слева

⁴⁷ Случайная находка В. А. Стефановича. Хранится в Уманском краеведческом музее.

имеется отверстие, видимо, для булавки, поддерживающей волосы. Сохраняя в общем облик трипольской натуралистической пластики, это произведение искусства особо индивидуально и выделяется из основной группы женских натуралистических фигурок. Черты лица неповторимы, как и приемы их изображений. Они присущи лишь данному образу и при некотором внешнем сходстве не позволяют его сблизить ни с одним из известных трипольских памятников. Выразительность черт, осанка головы, художественность исполнения позволяют видеть в ней портретный образ еще молодой женщины. Сопоставление приведенных головок из поселений Томашевка и Умань дают возможность прийти к выводу о том, что древний скульптор передавал не только обобщенный этнический тип, но и конкретный, приближенный к действительности портрет.

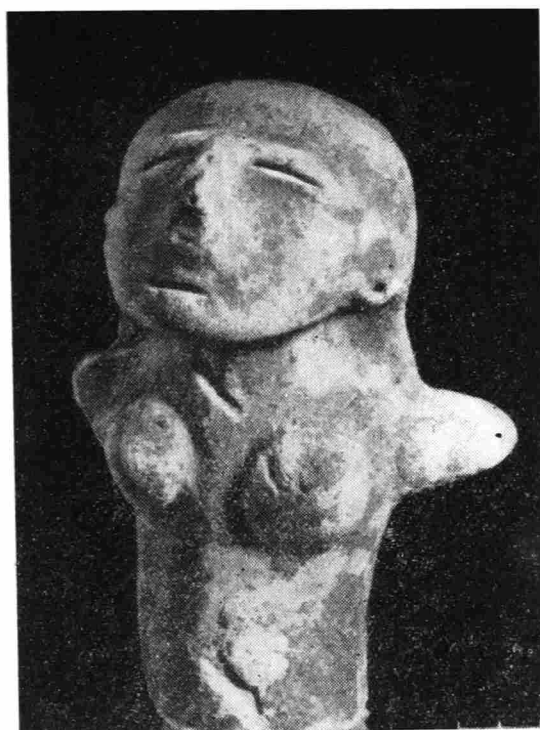

Рис. 7. Женская фигурка с Томашевки

Мужские фигурки в отличие от женских длинноголовы и узколипы. Особенно выразительны мужские головки из Новых Русешт и Коломийщины I (рис. 9). Последняя передает образ волевого, мужественного человека.

Натуралистическая пластика наиболее широко распространяется в начале позднего этапа Триполья. Кроме натуралистических фигурок, в это же время бытуют и фигурки, сочетающие одновременно два стиля — натуралистический и схематический. Головки их близки к реалистическим, а нижняя часть туловища, так же как и в пластике культуры Винча, в виде цилиндрической массивной основы. Нередко на скульптурках этого типа росписью или прочерченными линиями изображена длинная прическа, а в единичных случаях — набедренная повязка. Своеобразный тип натуралистическо-схематической пластики составляют две женские статуэтки из Криничек и Сушковки с младенцем, прижатым к груди (рис. 3, 4). Образ и стиль этих фигурок восходит к пластике культуры Хаджилар VI⁴⁸.

В Среднем Приднепровье примерно в это же время и несколько раньше распространяются антропоморфные сосуды нового типа. Треугольные или сердцевидной формы крупные лица украшают плечики кратеров из Веремья и Щербаневки. Часто в нижней части сосуда изображен мужской член (рис. 3, 5). Антропоморфностью отличаются биноклевидные сосуды, соединенные перемычками, изредка схематично передающие женское лицо с прической (рис. 4, 2). Интересна крестовидная антропоморфная перемычка биноклевидного сосуда из Веремье (рис. 10), у которой изображена грудь, а на спине углубленными линиями — видимо, крылья. По стилистическим особенностям ее можно сблизить с одной из групп пластики времени Караново V (Биково).

В памятниках расцвета трипольской культуры известны и костяные плоские схематизированные фигурки, изображающие женщину. Фигурка из Криничек представляет этот тип (рис. 4, 3).

В начале позднего Триполья в пластике не наблюдается существенных изменений. Сохраняются те же типы, те же формы и пропорции, но наме-

⁴⁸ J. Mellaart. Earliest civilizations of the Near East. London, 1965, стр. 108, рис. 94.

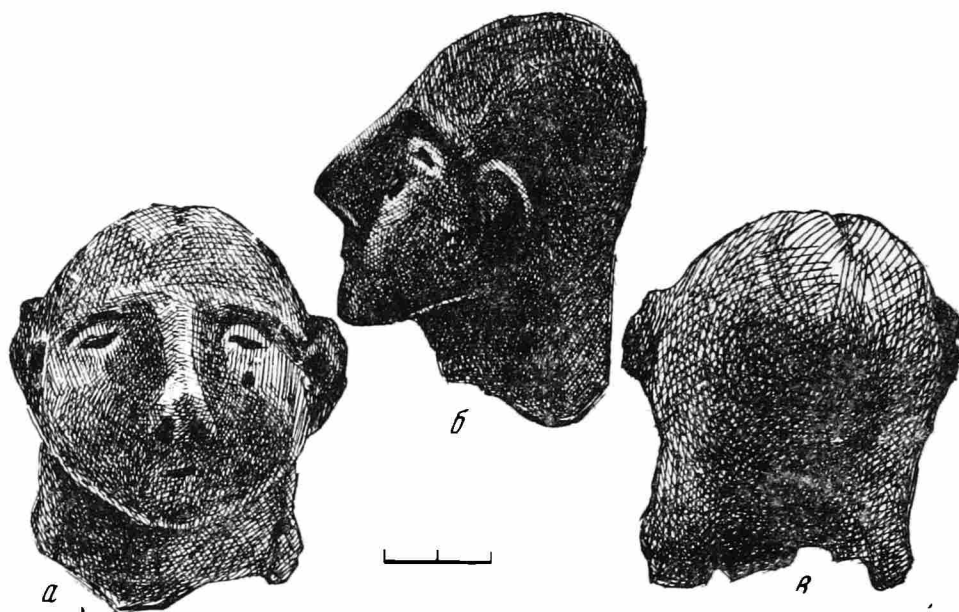

Рис. 8. Женская головка с трипольского поселения Умань

чается зарождение новых элементов. На плоских головках фигурок появляется несколько мелких круглых или овальных отверстий. Со временем количество их становится больше, отверстия располагаются ближе к краю, превращаясь постепенно в крохотные проколы. Аналогичным приемом украшаются бедренные и плечевые выступы. Лишь этот новый элемент орнаментики фигурок, сохранивших прежний иконографический образ, служит указанием более позднего возраста, т. е. является важным хронологическим признаком. Скульптура из Оселивки (урочище «На долинах») Черновицкой области является типичной (рис. 4, 5).

Незначительные изменения претерпевает и натуралистическая пластика. Головки некоторых фигурок также окружены нимбом в виде крохотных отверстий (Сушки). Рельефно переданная прическа по-прежнему спереди разделена пробором, сзади спускается на плечи, но волосы менее распущены, короче и не заканчиваются узлом. В проработке черт лица нет прежней тщательности, наблюдается небрежность лепки. Фигурки, как правило, теряют портретность, на них уже не изображаются детали одежды, украшения и татуировка. Классические образы натуралистической пластики исчезают вместе с зооморфными и антропоморфными сюжетами расписной керамики, хотя отзвуки ее местами еще сильны (Сушки). Исчезает и тип натуралистически-схематических статуэток с массивной цилиндрической нижней частью.

На заключительном этапе отмеченный путь эволюции прослеживается лишь в северных лесостепных памятниках. В степном Триполье пластика совершенно иная, предельно схематизированная. Укажем на кубические фигурки из Усатово⁴⁹, уплощенную фигурку с веревочным орнаментом из Стойкань⁵⁰, статуэтки из Красногорки, миниатюрную фигурку из Серезлиевки или фигурки с солнечным диском на конической головке из Ермолаевки⁵¹.

Особая эволюция поздне трипольской пластики степных памятников была обусловлена иным окружением, чем у племен северной группы.

⁴⁹ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника. МАСП, стр. 32, 33. В Усатово кроме отмеченного типа имеются и характерные для Триполья схематизированные фигурки.

⁵⁰ М. Petrescu-Dimbovița. Cimitirul hallstation dela Stoicani. Materiale arheologice privind istoria Veche a RPR. I, 1953, стр. 166, рис. 6.

⁵¹ В. Д. Рыбалова. Некоторые новые данные к изучению поздне трипольской культуры на Южном Буге. «Археологический сборник», ГЭ, 6, 1964, стр. 79—85, рис. 3.

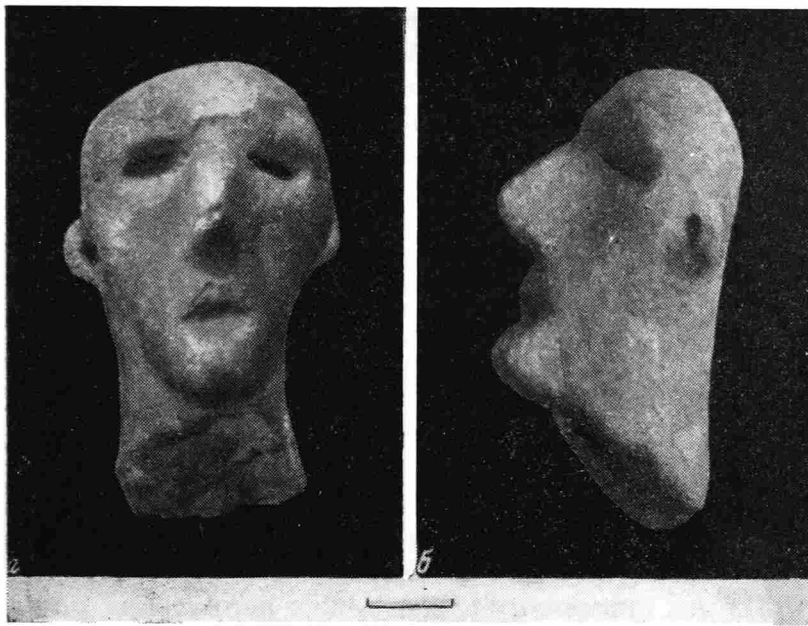

Рис. 9. Мужская головка с поселения Коломийщина I

более интенсивными контактами с обитателями степных энеолитических культур, в конце концов их поглотивших. На севере процесс ассимиляции трипольцев произошел несколько позднее. Отсюда и более длительное сохранение трипольских традиций, прослеживаемых и в пластике. Однако и здесь обнаружены фигурки, в которых сохраняется лишь очень отдаленный женский образ (например, прямоугольные с перехватом фигурки из Верхних Юрковец).

Такова в кратких чертах история развития антропоморфной пластики трипольской культуры. Подводя итоги, следует остановиться на своеобразии скульптуры отдельных районов.

Для периода расцвета Триполья, в отличие от его раннего и позднего этапов, наблюдается большая этнографическая пестрота, отражающая племенные особенности. Уровень современных знаний не позволяет выделить локальные группы для всей территории среднего Триполья и начала позднего Триполья. Сопоставление комплексов находок позволили нам наметить локальные особенности лишь для некоторых районов. Три локальные группы намечаются в Среднем Приднестровье — памятники типа Городницы — Городища, типа Кадиевец и типа памятников Кукутень А—В; в южном Побужье две локальные группы — типа Пьянишково и Владимировки; на Среднем Днепре также две группы — типа Щербаневки и каневская группа. На этапе СI отчетливо прослеживаются: в Верхнем Поднестровье — кашиловецкая группа, на Южном Побужье — сушковско-томашевская (генетически связанная с памятниками типа Владимировки), в Среднем Поднепровье — типа Коломийщины I, продолжающей эволюцию Щербаневки. Эти локальные варианты, видимо, соответствовали отдельным племенным группам. Своеобразие отмеченных групп памятников, их этнографические особенности нашли свое выражение и в антропоморфной пластике.

Комплексы пластики, как и керамики, намеченных локальных групп строго выдержаны, имеют только им присущие черты. Так, в локальной группе среднего этапа Триполья Южного Буга, наиболее ярко выраженной материалами поселения Владимировки, преобладают фигурки с монохромной росписью, а в ближайшей и синхронной ей группе Пьянишково — не орнаментированные или с углубленным рисунком. Аналогичная картина наблюдается и в памятниках Среднего Днепра. Пластика щербаневской локальной группы почти не орнаментирована, тогда как каневской

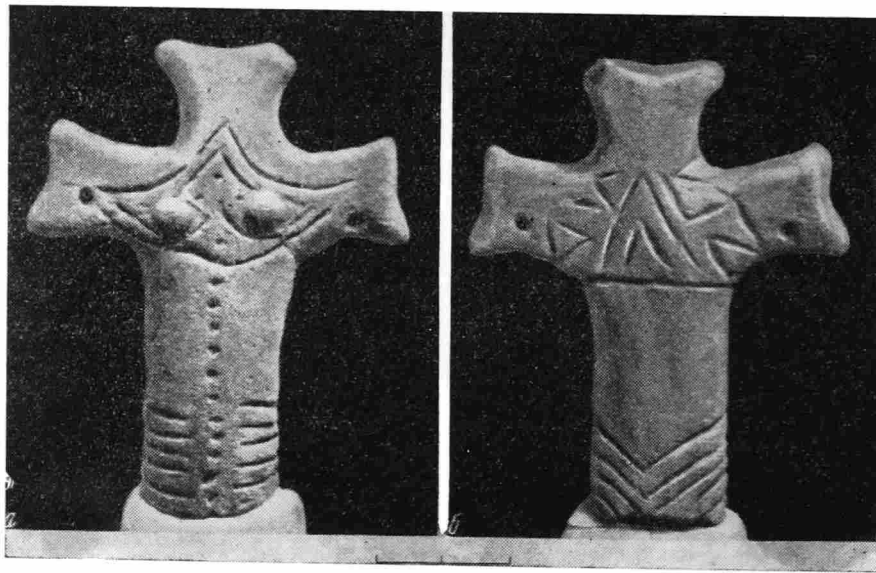

Рис. 10. Антропоморфная перемычка бинноклевидного сосуда из Веремье

группы — расписная. Своеобразие пластики локальных вариантов прослеживается и в начальном этапе позднего Триполья. Неповторима скульптура южнобугских поселений сушковско-томашевского типа, продолжающая традиции как натуралистической, так и схематизированной пластики Владимировки. Совершенно иной облик скульптурок синхронных им локальных вариантов Среднего Днепра (Коломийщина I) и Верхнего Днестра (Кошиловцы-Обоз, рис. 4, 1). В коломийщинской группе, связанной происхождением со щербаневской, пластика, как и керамика, нерасписная, а в кошиловецкой, так же как и посуда, богато украшена росписью. Сопоставление последней с пластикой памятников одновременных локальных вариантов Южного Буга и Среднего Днестра свидетельствует об особом художественном стиле. Кратко охарактеризуем ее основные черты. В отличие от сушковско-томашевского типа, она в основном схематизирована. Преобладают стоячие фигурки с плоской головкой, но более крупные, с двумя моделированными слитными ногами, часто с хорошо намеченными ступнями. Скульптурки Кошиловцы-Обоз покрыты врезным (рис. 4, 1) и накольчатый орнаментом, а также росписью. Красками подчеркнуты признаки пола, прическа, изображены детали одежды, обувь, украшения и татуировка лица. Здесь наблюдается иная, чем у фигурок Южного Буга и Среднего Днестра, прическа. Волосы спускаются на спину, распущены и не завязаны на конце узлом. Богатые, но несложные узоры на статуэтках из Кошиловцы-Обоз дают возможность реконструировать некоторые элементы одежды и украшения. Широкая полоса росписи, спускающаяся удлинённым овалом ниже груди, возможно, изображает глубокий вырез верхней части одежды или массивную низку ожерелья. На одной фигурке подобная лента спереди заканчивается бантом. Представлены фигурки, ноги которых сплошь закрашены краской до середины икр. По аналогии с ножкой от фигурки, одетой в короткий моделированный сапожок, можно предположить, что и на первых передана обувь. Особый интерес представляют статуэтки с изображением набедренной повязки, спускающейся спереди треугольником. Натуралистическая пластика малочисленна и представлена несколько другим иконографическим образом.

Совсем иной облик пластики с одновременных Кошиловцы-Обозу памятников Среднего Днестра (типа Коломийщина I). Фигурки изготовлены из глины, свойственной нерасписной керамике. Преобладают неорнаментированные или изредка покрытые несложным врезным рисунком стоячие, схематизированные женские скульптурки. Натуралистических фигурок немного. Среди них несколько уникальных. Женские головки, в отличие от южнобугских, часто без прически.

Развитие малой скульптуры Триполья проходило на протяжении многих столетий. Трипольская пластика нередко испытывала влияние других культур и, в свою очередь, оказывала влияние на них. Межплеменные связи внутри трипольской культуры, переселения на новые места хорошо иллюстрируются несколькими примерами. Близость рисунка на фигурке из Пьянишково и на крестовидной женской фигурке — премычке биноклевидного сосуда из Веремье, удивительное сходство в формах и орнаментальных сюжетах керамики позволяют говорить о возможном переселении обитателей памятников типа Пьянишково с Южного Буга на Средний Днепр, в район Веремье — Щербаневки. На продвижение племен со Среднего Днестра на юг указывает близость трех фигурок Выхватинского могильника (рис. 4, 4) с основной группой фигурок Усатова. Свидетельством межплеменных контактов служит и фигурка из Сандрак, близкая к фигуркам из погребения в Ермолаевке.

В плане выявления этнокультурных связей представляют интерес раннетрипольские костяные фигурки из Флорешт, Сабатиновки II, заготовка из Голеркан и медные подвески из Карбуны, сближаемые Т. С. Пассек с костяной пластикой культуры Гумельница А (Караново VI по Георгиеву)⁵². Следует отметить также общность глиняной трипольской скульптуры, особенно раннего этапа, с пластикой культур Боян, Гумельница, Винча, сходство некоторых статуэток с более древними скульптурами Хаманджия, Криш, Читал Гуюк и Хаджилар. Заслуживает внимания некоторое созвучие поздне трипольской фигурки из Печеры и фигурок из Суклеи со скульптурой культуры Чернавода, которую в свою очередь можно сблизить с пластикой поселения одной из ранних фаз древнеямной культуры у с. Деревка на Днепре (раскопки Д. Я. Телегина).

Трипольские фигурки указывают на связи с Кавказом. Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, С. Н. Бибииков сопоставляли глиняные фигурки из Агубеково⁵³, станицы Елизаветинской и другие⁵⁴ с трипольскими. Скульптурку из Агубеково, видимо, следует сближать с поздне трипольскими. Сходство фигурки из станицы Урупской с поздне трипольской пластикой отмечает В. И. Марковин. Указывая на близость фигурок из Катаргаг-Тапе и Урбниси, автор, одновременно сравнивал их с пластикой передней Азии, отмечал, что не только Балканы, но и Кавказ был посредником между областью Триполья и странами Востока⁵⁵. Нам кажется близкой к скульптуре этапов VII—СІ и глиняная фигурка с поселения Мешоко майкопской культуры⁵⁶.

Исследователи трипольской культуры в основном ограничивались описанием форм, стиля и орнамента фигурок, и лишь в самых общих чертах антропоморфная пластика определялась как отражение культа, связанного с матриархатом. Новая попытка выяснения смыслового значения пластики предпринята С. Н. Бибииковым, который связывает их с культом женского божества, символизирующего плодородие, в первую очередь растительное, и одновременно отмечает множественность назначения женского образа⁵⁷. Интересная расшифровка трипольских фигурок предложена Б. А. Рыбаковым⁵⁸.

⁵² Г. Георгиев. Ук. соч., стр. 83—85.

⁵³ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 54, рис. 3, 1.

⁵⁴ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 223, 224.

⁵⁵ В. И. Марковин. Глиняная статуэтка из станицы Урупской. КСИИМК, 76, 1959, стр. 103—111, рис. 48.

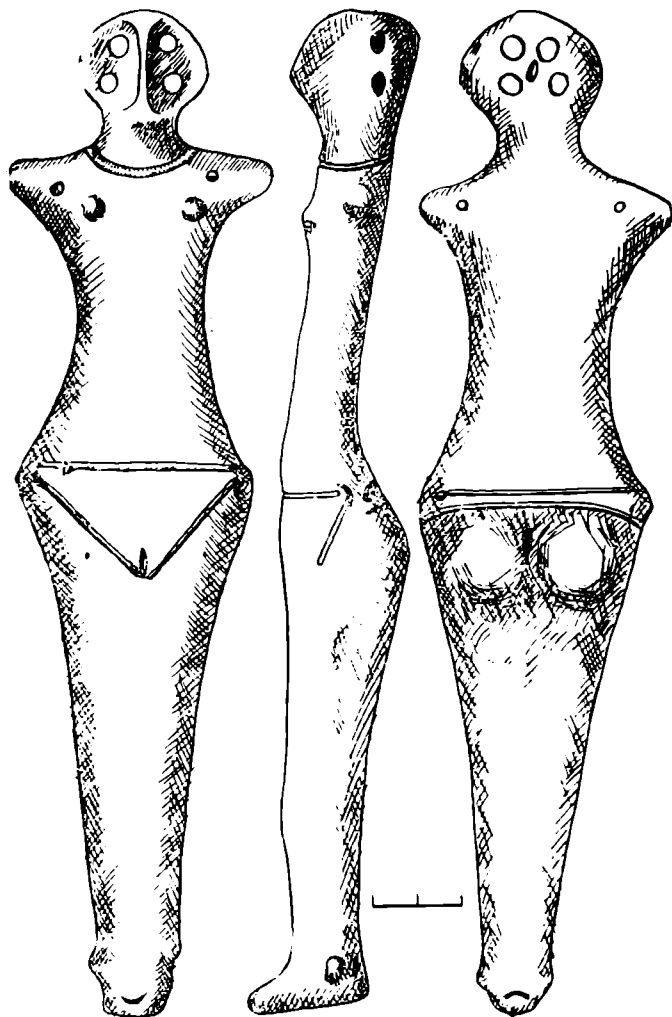
⁵⁶ А. Д. Столяр, А. А. Формозов. Кубанская экспедиция 1959, 1960 гг. СГЭ, XXII, Л., 1962, стр. 53.

⁵⁷ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре, стр. 247—275.

⁵⁸ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 26—29.

Несмотря на указанные работы, многое из области мировоззрения трипольцев еще остается загадкой. И каждый новый факт служит ценным источником при разработке этого вопроса. Приведем краткое описание двух фигурок, заслуживающих в этом плане особого внимания.

Первая происходит из поселения Коломыйщина II⁵⁹. По стилистическим особенностям она обычна для группы схематизированной пластики среднего этапа Триполья. Фигурка сидящая, с сильно отклоненным туловищем, плоской головкой, щипковым носом и проколами на месте глаз.

Плечи ее имеют короткие выступы, живот заметно увеличен, вылепленные отдельно ноги соединены. Глина красного цвета, с примесью песка. При изучении фигурки на локтовом месте случайно отслоилась корочка глины, под которой мы обнаружили крохотную металлическую пластинку⁶⁰. Фигурка требует специального исследования и отдельной публикации, но уже и сейчас ее назначение очевидно. Она отражает не идею плодородия вообще, а «плодородия» металла, при испрашивании изобилия которого и применялась.

Вторая фигурка (рис. 11) является случайной находкой на поселении Кадиевцы-Бураковка⁶¹. Она стоячая, удлинённых пропорций. Головка ее плоская, нос щипковый, пара отверстий на месте глаз, руки в виде конических отростков, намечена талия, внизу живота треугольник. Со спины на бедрах — две углубленные полосы. Ноги в форме конуса с одной ступней. Вокруг шеи углубленная полоска-ожерелье.

Рис. 11. Фигурка с поселения Кадиевцы-Бураковка

На затылочной стороне головки имеется отпечаток зерна. Статуэтка по своему смысловому значению тождественна фигуркам из глины, замешанным на зернах из Луки-Врублевецкой, отражающим идею земледельческого плодородия, обилия зерна. Анализируя характер примесей в глине статуэток, их стилистические особенности, некоторые орнаментальные сюжеты, уже в настоящее время представляет возможным наметить в антропоморфной трипольской пластике несколько разных по своему функциональному назначению групп, связанных с идеей совершенно конкретного плодородия: 1 — женские фигурки, вылепленные из глины, замешанной на зернах пшеницы или с отпечатками зерен (Лука-

⁵⁹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, стр. 75, рис. 30.

⁶⁰ Фигурка передана для изучения в Киевский институт судебной-медицинской экспертизы.

⁶¹ Собрание Каменец-Подольского историко-архитектурного музея-заповедника.

Врублевецкая, Кадиевцы-Бураковка); 2 — женская фигурка с включением металла (Коломыйщина II); 3 — женские фигурки с изображением растения или дерева (Кошиловцы-Обоз, Стайки-Щученки, Евминка; в Марица-культур: Русе), связанные, видимо, с идеей воскресающей растительности; 4 — фигурки, изображающие будущую мать (Солончены II, Ленковцы, Цаул, Выхватинцы, в культуре Гумельница, Богородично), а также фигурки кормящей матери (Кринички, Сушковка) — прототипы богородицы; 5 — фигурки, изображающие охранительниц очага, культ которого связывается с женским образом⁶² (Коломыйщина I); 6 — особую группу составляют фигурки с поднятыми к небу моделированными руками (Жванец) или коническими отростками на их месте (Цаул, Жванец, Крутобородинцы I и др.). Иногда, как и в культуре Гумельница (Богородично), фигурка изображает беременную женщину (Цаул). Это великая богиня, мать всего живого, земли и неба, мать, вновь зачинающая мир. Культ Оранты, по мнению Б. А. Рыбакова, был перенесен в христианство в форме культа богородицы⁶³.

Все женские фигурки, вне зависимости от того, в какую группу или тип они включены, — божества плодородия. Однако статуэтки, передающие определенный образ, имели, как нам представляется, совершенно конкретное назначение и применялись в магических обрядах, связанных с молениями об изобилии или воды, или зерна, или металла, или потомства и т. п. Подтверждением этому может служить не только фигурка с металлом из Коломыйщины II, но и инвентарь из захоронения девочки (№ 42) Выхватинского могильника. Возле головы девочки находились две глиняные скульптурки удлиненных пропорций, судя по моделировке, молодых женщин. Меньшая фигурка, имевшая сильно увеличенный живот, лежала внизу, а более крупная — над ней. На груди погребенной обнаружена еще одна небольшая орнаментированная фигурка, но усатовского типа⁶⁴. Нахождение фигурки беременной женщины в могиле ребенка, можно полагать, свидетельствует об единстве представлений о жизни и смерти. Эта маленькая богиня плодородия, видимо, должна была обеспечить появление вместо умершей нового ребенка. Назначение двух остальных фигурок, столь разных по своим стилистическим особенностям, пока может свидетельствовать лишь о их различных функциях.

Несмотря на многофункциональность трипольской глиняной пластики, основная часть ее все же связана с земледельческой магией. В заключение кратко суммируем изложенное.

Развитие антропоморфной пластики и керамики, как об этом мы уже писали⁶⁵, было параллельным. Между ними наблюдается тесная взаимосвязь в повторяемости мотивов и сюжетов орнаментации, характере глины. Пластика прошла сложный путь, меняясь в процессе развития трипольской культуры, поэтому может быть использована при установлении относительной хронологии памятников. Наряду с общей линией эволюции, единой для всей трипольской территории, в пластике отдельных районов наблюдаются различия, появившиеся в результате исторических особенностей развития отдельных племен. Таким образом, пластика отражает местные этнографические племенные черты и является показательной для выделения локальных вариантов культуры.

Пластика наряду с другими материалами позволяет установить пути переселения трипольских племен на новые земли, проследить генетические, межплеменные и этнокультурные связи, торговые пути, иногда ведущие в отдаленные центры (Балканы, Кавказ, Передняя Азия).

⁶² Т. С. П а с с е к. Трипільська культура. Київ, 1941, стр. 72.

⁶³ Б. А. Р ы б а к о в. Ук. соч., стр. 29.

⁶⁴ Т. С. П а с с е к. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья, стр. 159, рис. 46.

⁶⁵ Т. Г. М о в ш а. Ук. соч., стр. 85.

Различия в стилистических и сюжетных особенностях, в орнаментации фигурок, в составе преднамеренных примесей в глине свидетельствуют о различном назначении трипольских статуэток. Фигурки изготовлялись для применения в конкретных обрядах. Антропоморфная пластика позволяет судить о развитии сложного культа и отражает представление не об одном божестве, а о нескольких. Из трипольского пантеона божеств доминирующее положение занимает Великая богиня-мать, богиня плодородия,ладычица земли и неба. Имеются божества, связанные с земледельческими культами воды,— чародейки; богини-жрицы со змеями; богини растительного плодородия; крылатые богини-вестницы. Часть фигурок, наиболее натуралистических, возможно, передавала образы мифологических существ и легендарных героев.

Прослеженная нами закономерность в различии между женскими и мужскими головками натуралистических фигурок, видимо, указывает на наличие двух морфологических типов. Женские фигурки отличаются широколицостью и крупностью головы, мужские — «грацильны», узколицы. Совпадение различий в пластике и антропологических материалах служит подтверждением разнородности этнического состава населения трипольской культуры.

T. G. Movcha

SUR LA PLASTIQUE ANTHROPOMORPHIQUE DE LA CIVILISATION TRIPOLIENNE

Résumé

La plastique anthropomorphique de la civilisation tripolienne dont la voie de développement était compliquée a subi les changements en même temps que la céramique. Malgré que la plastique tripolienne permette d'établir la succession entre toutes ses étapes celle de la première période se diffère distinctement de celles qui l'ont suivies.

Le temps de l'épanouissement de la civilisation est marqué par une large diffusion des figurines réalistes et qui reflètent, évidemment, les traits ethniques des porteurs de la civilisation de Tripolié

La plastique sert d'indice assez sûr des particularités locales et chronologiques des monuments, elle reflète les rapports entre les tribus et les cultures ethniques, leurs échanges et l'influence des uns sur des autres.

Tout en exprimant l'idée de la fécondité les figurines anthropomorphiques avaient plusieurs fonctions. Actuellement il est possible d'indiquer tout un panthéon de divinités en se basant sur l'analyse des figurines dont la valeur significative se diffère.

En fonction du caractère des additions dans l'argile, de leur forme et de leur ornementation les figurines étaient destinées pour l'exercice des rites différents. La figurine avec l'inclusion du métal est de ce point de vue particulièrement intéressante.

В. И. ТРЕТЬЯКОВ

**СТАРО-МАЗИКОВСКАЯ III СТОЯНКА
И ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

1

Вопрос о происхождении волосовской культуры уже в течение многих лет дискутируется в археологической литературе. Первоначально была высказана точка зрения, согласно которой истоки волосовских древностей следует искать в среде волго-окских неолитических племен, изготовлявших ямочно-гребенчатую керамику¹. Исследователи, придерживавшиеся этой точки зрения, исходили из теории автохтонизма, т. е. полагали, что развитие материальной культуры в эпоху развитого неолита происходит замкнуто, в пределах сравнительно небольших регионов. Все культурные нововведения рассматривались как результат саморазвития; роль внешних факторов при этом сводилась до минимума. Однако, находясь на таких позициях, археологи подчас не могли объяснить многих качественных изменений в материальной культуре у древних обитателей той или иной территории. В частности, говоря о происхождении волосовской культуры из волго-окского неолита, невозможно было объяснить резких различий волосовской и ямочно-гребенчатой керамики, а также типов жилых построек той и другой культуры.

Известно, что волго-окские неолитические племена изготовляли посуду яйцевидной или митровидной формы с «открытым» верхом и коническим или округлым дном. Сосуды лепились из глины, к которой примешивались дрсва, реже шамот. Снаружи они покрывались орнаментом, состоящим из несложных сочетаний конических ямок и отпечатков штампа. Целые или поддающиеся реконструкции сосуды были найдены на таких волго-окских стоянках, как Балахнинская, Борки, Борань, Малоокуловская, Федоровская². Обитатели волосовских поселений изготовляли кругло- и плоскодонную посуду с примесью органических остатков (растительная труха или толченая раковина) с округлыми стенками и венчиком, который иногда загибался внутрь, но чаще наружу сосуда. В ряде случаев венчику придавалась характерно «волосовская», Г- или Т-образная, форма. Посуда покрывалась довольно сложным гребенчатым орнаментом. Ре-

¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 72—86.

² А. А. Спицын, В. И. Каменский. Стоянка каменного века близ г. Балахны. ЗОРСА, VII, 1. СПб., 1905, стр. 7, рис. 6; В. И. Зубков. Антропоморфные и зооморфные изображения на окских неолитических стоянках. КСИИМК, XXV, 1949, рис. 39, 7; П. Н. Третьяков. Сосуд из Борани. СА, 1966, 1, стр. 263—265; М. В. Воеводский, А. В. Збруева. Малоокуловская неолитическая стоянка. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 122, рис. 40; А. Я. Брюсов. Федоровская стоянка. Тр. СА РАНИОН, II, М., 1928, табл. I, рис. 2, 3; М. Е. Фосс. Керамика Федоровской стоянки. Тр. СА РАНИОН, IV, М., 1928, табл. XXX, рис. 35, 36.

конструкция волосовских сосудов дана И. К. Цветковой в статье о стоянке Подборица—Щербининская³. Много различий мы находим и при сравнении типов жилищ носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики и древних волосовцев. Первые из них строили округлые или овальные в плане постройки, несколько углубленные в землю, с конической или сферической крышей. Таковы жилища со стоянок Дубровичи, Балахна, на р. Яне, Гавриловка I и III, Желнино, Борок, Сонино, М. Окулово и др.⁴ У волосовских племен бытовали четырехугольные полуземлянки столбовой конструкции. Крыша была двускатной или плоской. Постройки этого типа известны в настоящее время по раскопкам таких памятников, как Садовый бор, Володары, Подборица—Щербининская, Панфилово, Волосово, Майдан, Гавриловка I, на оз. Сахтыш, Займище III, Обсерватория III, на р. Модлоне и др.⁵

Учитывая значительные различия в материальной культуре волосовских и волго-окских неолитических памятников, подавляющее большинство исследователей отказалось от мысли о существовании между ними генетической связи и начало искать иные пути для решения вопроса о происхождении волосовской культуры. Было установлено, что волосовская культура ближе всего стоит к камско-уральскому этническому массиву, с которым ее роднят одинаковые приемы домостроительства, а также сходство керамического производства, в частности орнаментация сосудов. Наиболее настойчиво эту точку зрения отстаивал О. Н. Бадер, который начи-

³ И. К. Цветкова. Стоянка Подборица—Щербининская. СА, 1961, 2, стр. 180, рис. 8.

⁴ В. А. Городцов. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытием в окрестностях с. Дубровичи Рязанского уезда. Тр. VIII АС, III, 1897, стр. 171, 180—181; Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка на р. Яне. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 102—103; И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 70—72; е е же. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки. МИА, 110, 1963, стр. 76, 80; Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Материалы по изучению Владимирской губернии. Труды Владимирского областного музея. 3, Владимир, 1928, стр. 30, 39; А. А. Спицын, В. И. Каменский. Ук. соч., стр. 4—6; Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ г. Балахны. РАЖ, 12, 1—2, 1922, стр. 114—117. Лишь на Саконовской стоянке и поселении Гавриловка II, характеризовавшихся наличием ямочно-гребенчатой керамики, были обнаружены остатки четырехугольных полуземлянок (см. А. С. Алихова. Жилища на Саконовской стоянке. КСИИМК, 75, 1959, стр. 138—142; И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки, стр. 78—80). Это явление объясняется, по-видимому, территориальной близостью указанных памятников к районам Среднего Поволжья, Прикамья и Урала, где постройки такого рода были широко распространены, и является результатом контактов волго-окского и средневолжско-камско-уральского населения.

⁵ И. К. Цветкова. Неолитические жилища стоянки Володары. СА, 1958, 2, стр. 112—123; е е же. Стоянка Подборица—Щербининская, стр. 172—185; Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения, стр. 7 сл.; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 19; Б. С. Жуков. Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции. Изв. Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете I МГУ, I—II, 1928, стр. 274; Г. П. Григорьев, В. П. Третьяков. Исследования Майданской стоянки в 1966 году. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг., МИА, 42, 1954, стр. 224—230; А. Х. Халиков. Неолитические памятники в казанском Поволжье. МИА, 61, 1958, стр. 11—21; С. В. Ошибкина. Племена восточного Прионежья в эпоху раннего металла. Автореф. канд. дис. М., 1966, стр. 6; Д. А. Крайнов. Результаты работ Верхневолжской экспедиции за 1965 г. Тезисы докладов на Пленуме Института археологии АН СССР, 1966 г. Секция неолита и бронзы. М., 1966, стр. 31—34. В свое время А. Я. Брюсов и И. К. Цветкова писали о том, что у волосовцев бытовали два типа жилищ — округлые и четырехугольные полуземлянки. Они ссылались на результаты раскопок В. А. Городцова на Волосовской и Панфиловской стоянках (А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 83; И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, 22, 1953, стр. 79). Ошибочность этого положения становится очевидной, если мы познакомимся с итогами изучения этих памятников Б. С. Жуковым и Е. И. Горюновой. На этих памятниках ими были открыты типично волосовские четырехугольные полуземлянки.

ная с пятидесятих годов периодически в ряде статей доказывал «турбинское» происхождение волосовской культуры. Он полагал, что волосовские племена являются ответвлением турбинского населения⁶. Гипотеза О. Н. Бадера вызвала положительный отклик в археологической литературе⁷.

Однако она не была лишена некоторых недостатков. О. Н. Бадер совершенно справедливо отметил общность волосовских и турбинских материалов — типов жилых построек, некоторых орнаментальных мотивов и т. п. Тем не менее не следует забывать и о целом ряде отличий, которые проявляются в первую очередь в формах сосудов и их орнаментации, что нельзя не учитывать, поскольку эти элементы культуры являются важнейшими этническими показателями⁸. Турбинские сосуды никогда не имели Г- и Т-образных венчиков, они не украшались оттисками «рамчатого» штампа⁹, рядами ямочных вдавлений, расположенных параллельно краю, и опускающихся вниз фестонов, композициями в виде «елочки со стеблем» и некоторыми другими мотивами, типичными для волосовской посуды. На турбинских памятниках не встречено и захоронений внутри жилищ, подобных тем, что отмечаются на волосовских стоянках¹⁰. Несмотря на значительный размах археологических исследований в Поволжье и Прикамье, мы не имеем в этой области и поселений так называемого переходного типа (т. е. стоянок с материалами, имеющими черты и турбинских и волосовских памятников).

Учитывая эти обстоятельства, А. Х. Халиков, занимавшийся этой проблематикой, после долгих раздумий¹¹ пришел к выводу, что истоки волосовской культуры следует искать в среде не турбинских, а каких-то иных племен, относящихся, однако, к тому же, что и турбинцы, уральско-камскому этническому массиву. По его мнению, таковыми являлись носители волго-камской неолитической культуры на территории среднего Поволжья и прилегающих к нему районов¹². Об этом же одновременно с А. Х. Халиковым писал и О. Н. Бадер, изменив свою прежнюю точку зрения¹³. Исследователи отмечали, что волго-камский неолит в различных районах своего распространения явился основой для формирования турбинской (в

⁶ О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). Уч. зап. Молотовского (Пермского) Государственного университета, IX, 3, Харьков, 1953, стр. 56—57; его же. Древнейшая история Прикамья. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1963, стр. 37; его же. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 171; его же. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник», 6, Л., 1964, стр. 11; его же. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, 50, 1957, стр. 12—15.

⁷ Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 18—19; П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, 2, стр. 76—93; его же. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 49 сл.

⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 64—77; В. П. Третьяков. Неолитические племена Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дис. Л., 1966, стр. 6.

⁹ На турбинской керамике подобный узор встречен лишь на одном сосуде на стоянке Бор V. (О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в среднем Прикамье. МИА, 99, 1961, стр. 86, рис. 51, 9). Это явление мы склонны объяснить влиянием волосовской культуры на турбинскую, результатом контактов носителей этих культур.

¹⁰ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. Тр. ИЭ, нов. сер., XXVIII, М., 1955, стр. 383.

¹¹ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения среднего Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, I, Йошкар-Ола, 1960, стр. 71; его же. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. «Археология и этнография Башкирии», II, Уфа, 1964, стр. 45.

¹² А. Х. Халиков. Волго-Камье в эпоху неолита и бронзы. Тезисы докладов и сообщений на V Уральском археологическом совещании. Сыктывкар, 1967, стр. 14; его же. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. д-р. дис. Казань, 1966, стр. 17.

¹³ О. Н. Бадер. У истоков финно-угорской культуры в восточной и северной Европе. Тезисы докладов и сообщений археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966, стр. 86.

Прикамье) и волосовской (в Поволжье) культур эпохи финального неолита — палеометалла, что достаточно четко прослеживается по анализам керамики и типов жилых построек (общие черты в форме и орнаментации сосудов, форме жилищ и т. п.), причем исследователями указываются памятники «переходного» типа, позволяющие проследить эволюцию волго-камских древностей в волосовские.

Настоящая статья посвящается уточнениям указанной выше точки зрения на основе материалов, с которыми автор смог познакомиться во время его командировки в Казань и Йошкар-Олу в 1965 г.

2

Речь пойдет о материалах поселения Старое Мазиково III, расположенного недалеко от с. Старое Мазиково Моркинского района Марийской АССР. Стоянка раскапывалась Марийской археологической экспедицией под руководством А. Х. Халикова в 1956 г.¹⁴ Коллекция хранится в фондах республиканского музея Йошкар-Олы.

На стоянке было вскрыто 436 м². Культурный слой (коричневато-желтый гуммированный песок) мощностью в среднем 40 см перекрывался напластованиями песчаного подзола (10—50 см) и дерна. Подстилал культурный слой светлый материковый песок. В материке прослеживаются остатки ям неправильной овальной или округлой формы. Их глубина (от края) колеблется от 30 до 130 см, величина различна: от 75×80 см до 227×270 см. В заполнении ям встречались керамика и орудия труда. По мнению А. Х. Халикова, указанные ямы служили хранилищами различных запасов обитателей стоянки. Некоторые из них, округлые в плане и небольших размеров, заполнены углистыми остатками и являлись, по-видимому, кострищами. Остатков жилых сооружений на поселении не обнаружено.

Каменный инвентарь III Старо-Мазиковской стоянки¹⁵ состоит из 326 законченных изделий, 87 их заготовок и обломков и большого количества отщепов и осколков желвачного и плитчатого кремня. Среди орудий труда отмечены долота, тесла, топоры, ножи сегментовидной, овальной и иных форм. Скребки представлены концевыми, с округлым рабочим краем, «угловыми» типами. Встречаются скобели. На поселении найдены проколки и сверла, тщательно обработанные ретушью по рабочему краю. Наконечники стрел и дротиков имели листовидную и треугольно-черешковую формы. Кроме того, при исследовании стоянки были найдены отбойники, ретушеры, небольшие наковаленки из плитчатого камня, терочники из гранита, массивный молот из гранитного валуна с желобком в средней части для привязи к рукоятке. В одной из ям найдено несколько обломков сланцевых плиточек. Как полагает А. Х. Халиков, они служили заготовками ножей, шплев и т. п. Почти все орудия, обнаруженные на стоянке, изготовлялись из желвачного или плитчатого кремня, а также из доломита. Интересно, что выходы плитчатого кремня зафиксированы экспедицией в 4-х км от поселения, в устье р. Ировка, впадающей в р. Илеть. В этом же районе есть и выходы желвачного кремня¹⁶.

Наибольший интерес в данном случае для нас представляет керамика. Керамический комплекс III Старо-Мазиковской стоянки подробно описан А. Х. Халиковым. Он рассматривался как нечто единое и был целиком отнесен к материалам камской (волго-камской) культуры¹⁷.

Наше знакомство с коллекцией стоянки позволяет внести в характеристику керамики этого памятника некоторые коррективы. Первое, что бро-

¹⁴ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 36—46.

¹⁵ Там же, стр. 41—46, 67—68.

¹⁶ Там же, стр. 41.

¹⁷ Там же, стр. 39—41, 67.

сается в глаза при изучении данной керамики, — это разнотипность в технике нанесения узоров. Часть керамики орнаментирована легкими отпечатками гребенчатого штампа или «отступающей лопаточкой». Оттиски очень четкие, узкие, тонкие. Они покрывают, как правило, все поле фрагмента, за исключением тех случаев, когда рисунки несут черты геометричности. В противоположность этому остальные обломки посуды покрыты сравнительно широкими, реже поставленными оттисками штампа, сочетающегося с глубокими коническими ямками (ср. рис. 1 и 2). Заметно и различие в орнаментальных композициях. Первый комплекс керамики украшен вертикальными зигзагообразными линиями (в ряде случаев эти зигзаги состоят поочередно из длинных и коротких отпечатков, рис. 1, 2, 7, 10, 14, 19), мотивами «шагающей гребенки» (рис. 1, 9, 13, 16, 17), рядами вертикальных коротких оттисков штампа в сочетании с линиями, выполненными «отступающей лопаточкой» (рис. 1, 1), миниатюрными точечными вдавлениями (рис. 1, 18), более сложными композициями, напоминающими «елочку со стеблем» (из-за фрагментарности трудно это утверждать с определенностью рис. 1, 3), оттисками гребенки, расположенными вертикально, в сочетании с горизонтальными поясками, выполненными тем же приемом (рис. 1, 5), не совсем ясными композициями, представляющими собой ряд небольших крестиков из отпечатков штампа и прочерченные линии, идущие вниз от него под углом друг к другу (рис. 1, 12), а также рядами коротких прямых или слегка изогнутых отпечатков гребенки (рис. 1, 6, 8, 11, 20, 21) и некоторыми другими (рис. 1, 4, 15). Орнаментация керамики второго комплекса имеет целый ряд отличий от описанных выше узоров. Она украшена сочетаниями рядов округлых конических ямок и наклонно нанесенных оттисков штампа (рис. 2, 1, 4, 5, 12, 15), сеткой из пересекающихся отпечатков гребенки или прочерченных линий (рис. 2, 2, 9), горизонтальными зигзагами и поясками, выполненными штампом (рис. 2, 7), а в ряде случаев и более сложными гребенчатыми композициями (рис. 2, 11). Общими с узорами керамики первого комплекса являются мотивы «шагающей гребенки» (рис. 2, 6, 14), зигзаги (рис. 2, 16) и ряды коротких, вертикально или наклонно нанесенных отпечатков штампа (рис. 2, 8, 10, 13, 17), но следует учитывать, что они выполнены, как уже отмечалось, в иной манере.

Отмеченные выше керамические комплексы различаются и по форме сосудов. Последние имели сходные округлые или конические днища¹⁸, но неодинаковые венчики. Венчики сосудов первого комплекса были прямыми с некоторым утолщением на внутренней стороне (рис. 3, 2, 3), или загнутыми внутрь сосуда — посуда «закрытой» формы (рис. 3, 1; рис. 4, 2, 4). Венчики второго керамического комплекса были прямыми или отгибались наружу — посуда «открытой» формы (рис. 3, 4—7; рис. 4, 1, 3).

Таким образом, и по форме, и по орнаментации, и по технике нанесения узоров керамика III Старо-Мазиковской стоянки может быть отнесена к двум различным комплексам, каждый из которых имеет ряд особенностей. Первый комплекс, по-видимому, следует отнести к волго-камской культуре, с керамикой которой его роднят и форма венчика и все без исключения орнаментальные мотивы¹⁹. Фрагменты сосудов второго комплекса орнаментированы менее однотипно. С волго-камским неолитом их роднят лишь мотивы «шагающей гребенки» и преобладание гребенчатых оттисков над ямочными вдавлениями. Наличие композиций из конических ямок и форма сосудов позволяют сопоставить фрагменты второго комплекса с волго-окской ямочно-гребенчатой керамикой. Подобные же керамические комплексы были обнаружены при исследовании некоторых других

¹⁸ На III Старо-Мазиковской стоянке найдены также фрагменты плоских днищ. Однако трудно с достаточной уверенностью отнести их к тому или иному комплексу (там же, стр. 40, табл. XVIII, рис. 6—7).

¹⁹ Там же, стр. 67.

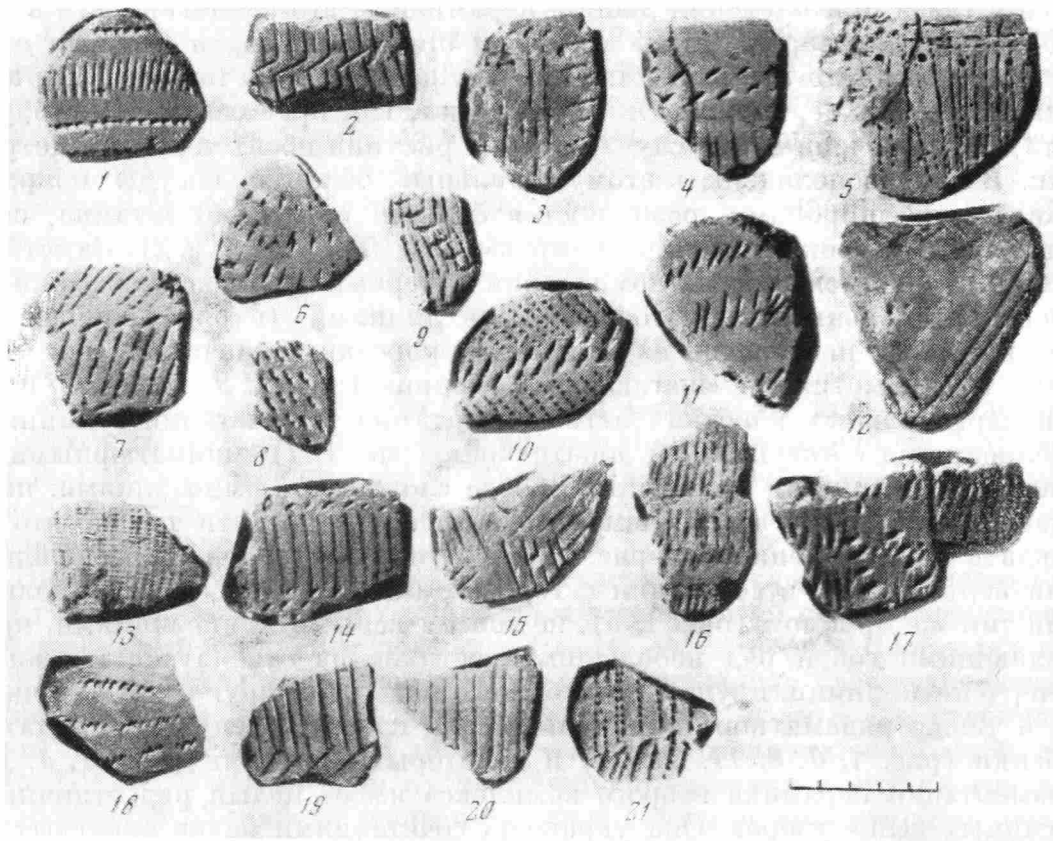

Рис. 1. Керамика первого комплекса III Старо-Мазиковской стоянки

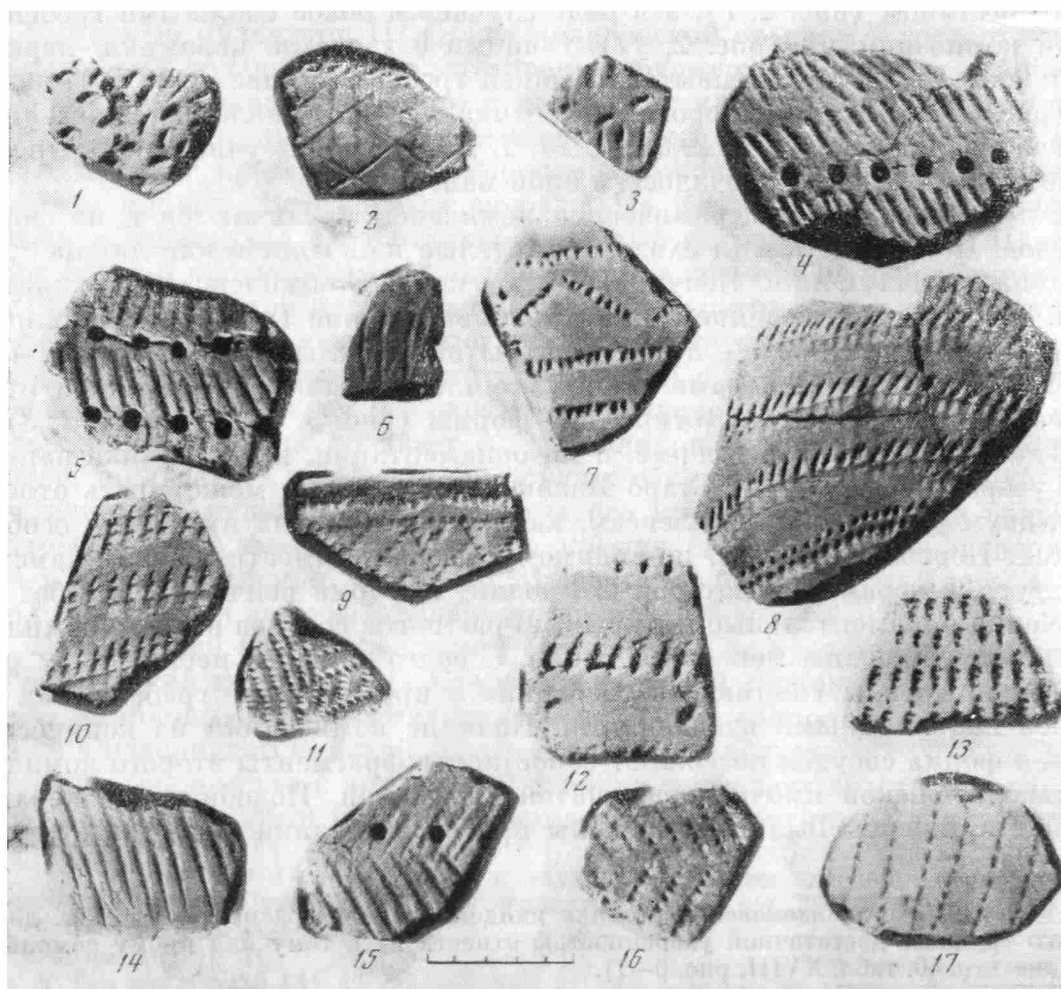

Рис. 2. Керамика второго комплекса III Старо-Мазиковской стоянки

неолитических памятников Среднего Поволжья. Среди них стоянки Первая Русско-Луговская²⁰, V Полянская²¹, II Удельно-Шумецкая²² и т. п. Так же как на поселении Старое Мазиково III, сосуды, найденные на этих стоянках, украшались сочетаниями округлых ямок и отпечатков гребенчатого штампа при некотором преобладании последнего. Обычной орнаментальной композицией здесь является и мотив «шагающей гребенки».

Исследования неолитических памятников в Среднем Поволжье позволяют полагать, что в эту область, по-видимому, где-то в III тысячелетии до н. э. проникли носители культуры ямочно-гребенчатой керамики. До их прихода данная территория была занята племенами волго-камской культуры. Пришельцы вступили в контакт с аборигенами, что в конечном результате привело к постепенному созданию особого, средневожского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики, имеющего черты как волго-окского, так и волго-камского неолита. По нашему мнению, второй керамический комплекс III Старо-Мазиковской стоянки и фрагменты сосудов других упомянутых выше памятников являются хорошей иллюстрацией этого положения, которое, кроме того, подтверждается и результатами раскопок А. Х. Халикова на V Удельно-Шумецкой стоянке в Юринском районе Марийской АССР, где наряду с ямочно-гребенчатой (точнее, с гребенчато-ямочной) керамикой были найдены остатки типичных уральско-камских полуземлянок²³ вместо округлых или овальных в плане построек, которые, как мы уже отмечали, были характерны для волго-окского неолита.

Таким образом, предшественниками волосовских племен в Среднем Поволжье были носители двух культур: волго-камской и особого варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики, испытавшего на себе влияние неолита волго-камья.

3

Выше отмечалось, что при выяснении вопроса о происхождении волосовской культуры исследователи склоняются к мысли о том, что ее истоки следует искать в волго-камском неолите. Поддерживая в целом эту гипотезу, мы не можем не отметить общность материалов волосовских памятников и средневожских поселений с гребенчато-ямочной керамикой. Об этом свидетельствует в первую очередь рассмотренный выше второй керамический комплекс III Старо-Мазиковской стоянки. Такие мотивы, как

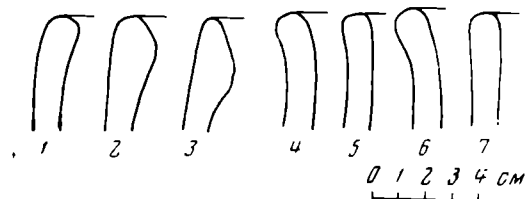

Рис. 3. Венчики сосудов первого (1—3) и второго (4—7) комплексов III Старо-Мазиковской стоянки

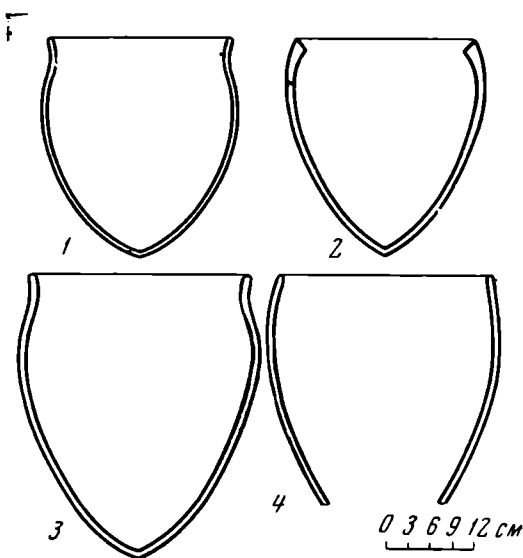

Рис. 4. Сосуды первого (2, 4) и второго (1, 3) комплексов III Старо-Мазиковской стоянки (реконструкция А. Х. Халикова)

²⁰ А. Х. Халиков. Материалы к изучению. ., стр. 27—28.

²¹ Там же, стр. 31—32.

²² Там же, стр. 32—34.

²³ Материалы в настоящее время не опубликованы. Архив ИА АН СССР.

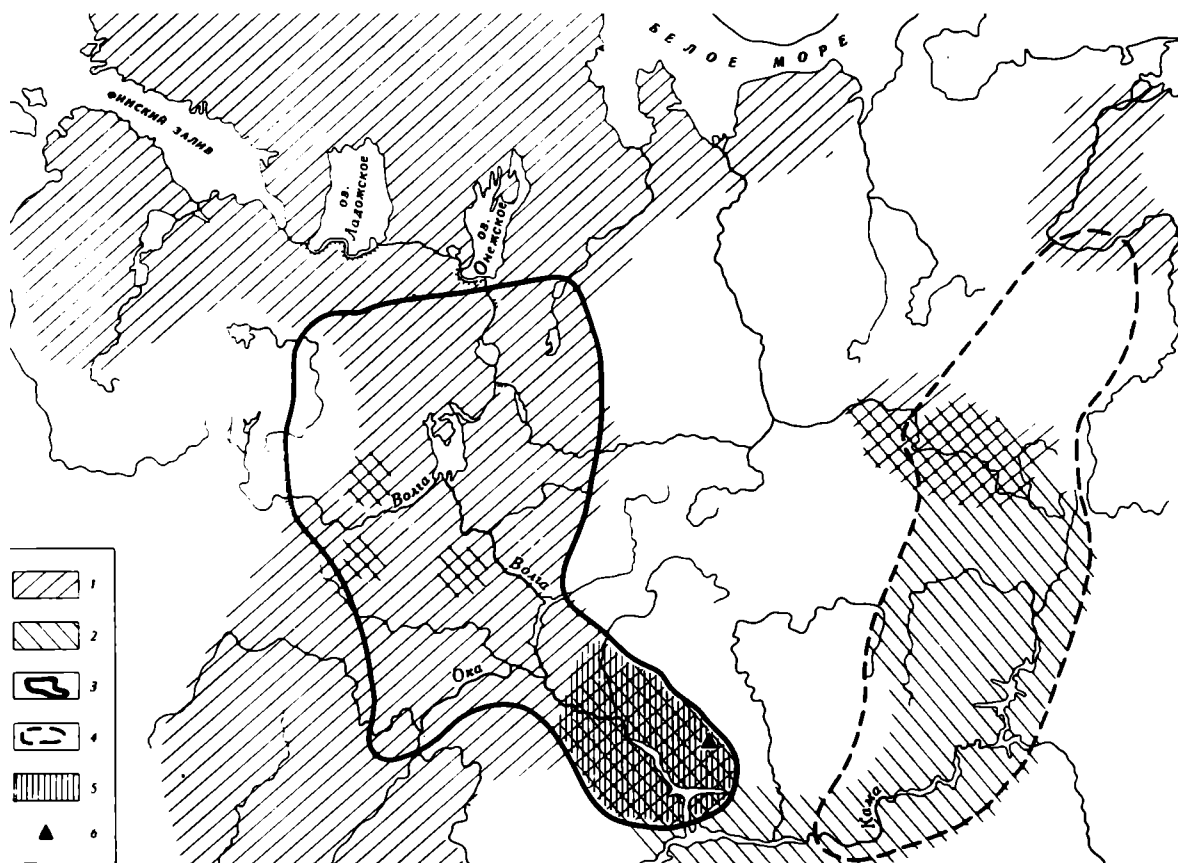

Рис. 5. Распространение некоторых археологических культур III — первой половины II тысячелетия до н. э. в лесной полосе европейской части СССР

1 — культура ямочно-ребенчатой керамики; 2 — волго-камская культура; 3 — волосовская культура; 4 — турбинская культура; 5 — предполагаемая область формирования волосовской культуры; 6 — III Старо-Мазиковская стоянка

сетка из пересекающихся отпечатков штампа или нарезок, горизонтальные ряды коротких, наклонно нанесенных отпечатков гребенки, зигзаги, пояски, выполненные тем же способом, узор в виде «шагающей гребенки», близко напоминают орнаментацию волосовских сосудов. Не следует забывать и о том, что волосовская посуда нередко украшалась и рядами ямочных вдавлений. Особенно примечательны в этом отношении материалы Токаревской²⁴ и III Удельно-Шумецкой²⁵ волосовских стоянок, на керамике которых мы находим все упомянутые выше композиции. Как отмечалось, обитатели средневожских поселений с гребенчато-ямочной керамикой строили четырехугольные в плане полуземлянки столбовой конструкции, что также находит себе аналогию на памятниках волосовской культуры.

По-видимому, сходство таких важнейших этнокультурных показателей, какими являются орнаментация керамики и типы жилищ, не является случайным. С нашей точки зрения, это свидетельствует об известной близости племен — носителей средневожского варианта культуры ямочно-ребенчатой керамики и обитателей волосовских поселений и позволяет поставить вопрос о том, что неолитическое население на средней Волге, изготовлявшее сосуды, украшенные ямочно-ребенчатым (точнее, гребенчато-ямочным) орнаментом с некоторыми уральскими элементами, являлось одним из предков древних волосовцев. Окончательное решение этого вопроса требует специального исследования.

²⁴ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 50, 51, табл. XXVII, XXVIII.

²⁵ Там же, стр. 59—63, табл. XXXIV.

Нередко исследователи, занимающиеся вопросами этногенеза, стремятся «вывести» какую-либо культуру лишь из одного источника. Вряд ли такой подход к решению подобных задач во всех случаях является верным. Данные этнографии и антропологии свидетельствуют о том, что культура любого народа, как правило, складывается в результате взаимодействия различных этнических групп. Говоря о возникновении египетской, эллинской и других народностей, С. А. Токарев писал: «В периоды „экономического кризиса“, когда в короткое время меняется этнический облик народа или, можно сказать, возникает новый народ,— очень важную роль в этом процессе играет этническое скрещивание. Оно представляет собой амальгацию разных этнических групп, чаще близких и родственных между собой, но иногда и неродственных. Из разноплеменного и разноязычного конгломерата образуется единое целое»²⁶. Конечно, в своей статье С. А. Токарев имел в виду данные, относящиеся к более позднему времени. Однако, с нашей точки зрения, процитированные выше соображения С. А. Токарева могут быть применены в ряде случаев и ко времени первобытной истории. Именно такие события, по-видимому, протекали и в период формирования волосовского населения, корни которого находятся в среде носителей волго-камской культуры и средневожского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики (рис. 5). Это тем более вероятнее, что, как мы отмечаем, последний носит на себе явные черты неолита волго-камья.

V. P. Trétiakov

STATION STARO-MÉSIKOVSKAIA IIIÈME ET QUESTION DE L'ORIGINE
DE LA CIVILISATION VOLOSSOVIENNE

Résumé

L'article aborde la question de l'origine de la civilisation volossoviennne à la limite des III—II millénaires dans la zone boisée de la partie européenne de l'URSS. Étudiés par l'auteur, les matériaux de la station Staro-Mésikovskaia IIIme et de certaines autres stations néolithiques ou bassin de la Volga moyenne prouvent que les antiquités néolithiques de Volga-Kama et d'un variant particulier de la civilisation de céramique dite «au peigne et à fossettes» marqué par l'influence de certains éléments ouraliens étaient les prédecesseuses de la civilisation volossoviennne sur ce territoire.

Les données comparatives prouvent que les monuments volossoviens ont les traits communs non seulement avec les matériaux de Volga-Kama comme on le supposait avant mais aussi bien avec les antiquités de la civilisation de céramique «au peigne et à fossettes» du bassin de la Volga moyenne. Compte tenu de cela l'auteur émet la supposition que la civilisation volossoviennne se formait à la base des deux civilisations susmentionnées.

²⁶ С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза. СЭ. 1949. 3, стр. 17.

С. П. БОРИСКОВСКАЯ

О НЕКОТОРЫХ РАННИХ ФОРМАХ ЭТРУССКОЙ КЕРАМИКИ БУККЕРО

Предметом данного исследования являются две вазы буккери из большой и разнообразной коллекции памятников этрусского искусства Эрмитажа. Выбор сосудов можно объяснить тем, что их формы и орнаментация, не связанные с греческим влиянием, отличаются своеобразием и могут иллюстрировать ранний этап в развитии этрусского искусства. Как известно, буккери¹ — специфически этрусский вид керамики, в отличие от расписных чернофигурных и краснофигурных ваз, связанных с греческими художественными традициями.

Относительно технологии производства буккери существуют многочисленные гипотезы, которые можно свести к двум точкам зрения. Согласно первой, черный цвет этрусских ваз достигался путем втирания угольного порошка или добавления в глину угля и марганца, которые служили красящими веществами². В начале XX в. была выдвинута другая теория³, согласно которой обжиг сосудов буккери производился без доступа воздуха и при этом в горне происходил процесс восстановления закиси железа (черного цвета) из содержащейся в глине окиси железа (красного цвета)⁴. Вазы буккери отличаются блестящей поверхностью, которую получали, вероятно, покрывая сосуд тонким слоем лака, как это делалось в коринфской керамике⁵. Против предположения о том, что сосуды буккери полировали горячим камнем, говорит отсутствие следов лощения, хорошо заметных на более ранних сосудах импасто.

Еще в конце XIX в. была разработана общая хронологическая классификация керамики буккери, согласно которой вазы разделялись на две большие группы: 1) *bucchero sottile* — вазы с тонкими стенками и блестящей поверхностью, украшенные гравированными или исполненными штампом изображениями (вторая половина VII в. до н. э.; датируются по

¹ Слово *bucchero* происходит от испанского *bucago* (португальское *pusago*). Этот термин первоначально применялся к доколумбовой американской керамике, изготовлявшейся из черной прокопченной глины. После завоевания Америки вазы *bucago* стали проникать в Испанию и Португалию, где в XVII—XVIII вв. привлекли внимание любителей искусства. Имитации этих ваз были популярны в XIX в. в Италии, и поэтому термин «буккери» стал применяться к найденным в то время черным этрусским вазам. G. Mazzoni. Sulla voce «bucchero». «Studi Etruschi», 8, 1934, стр. 165—167.

² Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. II. Roma, 1959. s. v. *bucchero*.

³ G. M. A. Richter. The Technique of *Bucchero* Ware. «Studi Etruschi», 10, 1936, стр. 61—65.

⁴ Эти исследования получили подтверждение в новых работах итальянских химиков, которые не обнаружили в глине сосудов буккери специальных красящих веществ. M. Leoni—C. Trabucchi. Alcuni dati tecnici sulla colorazione nera dei *buccheri etruschi*. «Studi Etruschi», 30, 1962, стр. 265—266.

⁵ M. DeI. Chiargo. Etruscan *Bucchero* Pottery. «Archaeology», 19, 2, 1966, стр. 98 сл.; e g o ж e. Etruscan Art from West Coast Collections. Santa Barbara, 1967, стр. 19—20.

находкам протокоринфской керамики в одних комплексах с этрусскими вазами, например в гробнице Реголини-Галасси в Цере), и 2) *bucchero pesante* — вазы с толстыми стенками, украшенные штампованными фризами или рельефами, оттиснутыми в формах (VI—V вв. до н. э.). Вазы первой группы изготовлялись в центрах Южной Этрурии (Цере, возможно, также Вейи, Тарквиния, Вульчи); большая часть сосудов второй группы локализуется в Клузиуме (Кьюзи) в Северной Этрурии. Ф. Н. Прайсу удалось уточнить хронологию сосудов буккери, производство которых он разделил на три основных периода: 1. Ранний период (около 650—600 гг. до н. э.). Тонкое буккери с блестящей черной поверхностью и гравированным орнаментом. Сосуды с плоским основанием и лентовидной ручкой. 2. Средний период (около 610—560 гг. до н. э.). Деградирующее тонкое буккери с более толстыми стенками и тусклой поверхностью. Сосуды с низким кольцевым основанием и круглыми ручками. 3. Поздний период (около 560—525 гг. до н. э.). Буккери с рельефами (*bucchero pesante* из Кьюзи). Сосуды фантастических форм с толстыми стенками и плохо отполированной поверхностью⁶. Эта хронологическая схема, основанная на датировках коринфской и аттической керамики, встречающейся в одних комплексах с вазами буккери, является общепринятой.

С появлением этрусков в итальянском искусстве наблюдаются большие изменения, характеризующиеся переходом от примитивного геометрического стиля к ориентализирующему стилю мелкой пластики, рельефов, вазописи и ювелирных изделий конца VIII—VII в. до н. э.⁷ В то же время на примере ваз буккери можно проследить развитие традиций керамики раннего железного века. Эта преемственность проявляется и в формах сосудов, и в технологии их производства. Керамика буккери является усовершенствованием характерной для раннего железного века Италии керамики импасто. Сосуды импасто изготовлялись из грубой, плохо отмученной глины с крупными включениями и имели гладкую лощеную поверхность, цвет которой варьировал от серого к черному, красноватому или коричнево-красному. Сосуды формовались на гончарном круге, но некоторые детали доделывались от руки. Этрусские гончары усовершенствовали технологию, используя для изготовления сосудов более тонкую, хорошо очищенную глину; был также усовершенствован обжиг, особенно восстановительный процесс, благодаря которому глина окрашивалась в черный цвет.

Большая часть сосудов буккери имеет формы, подобные греческим: ойнохой протокоринфского и коринфского типов, килики коринфской или ионийской формы, скифосы, канфары, кнафы, ольпы и т. д. Однако среди ранних ваз встречаются некоторые, формы которых не сопоставимы с греческими прототипами. Характерными примерами таких своеобразных форм являются две вазы, хранящиеся в Эрмитаже.

1. Амфора с шаровидным туловом на небольшом плоском поддоне (рис. 1)⁸. Горло широкое, суживающееся кверху, переходит в отогнутый венчик, соединенный с плечами двумя плоскими выгнутыми ручками. Ручки расширяются в нижней и верхней части. На тулове под ручками по два луча, переданные параллельными резными линиями. По обеим сторонам вазы в средней части по две соединенные гравированные спирали. Над спиралями орнамент из параллельных горизонтальных пунктирных линий. На ручках и в нижней части горла пунктирный орнамент в виде веера.

Ваза является прекрасным образцом тонкого буккери раннего периода и может быть отнесена к третьей четверти VII в. до н. э. Сосуд имеет

⁶ CVA British Museum, 7, стр. 11, табл. 12—24. Некоторые вазы «тяжелого буккери» полировались, подобно керамике импасто. M. Del Chiaro. *Etruscan Art...*, стр. 19—20.

⁷ P. J. Riis. *An Introduction to Etruscan Art*. Copenhagen, 1953, стр. 20.

⁸ B 1367, поступила в 1862 г. из собрания Кампана. Высота 18 см. L. Stephani. *Die Vasensammlung der Kais. Ermitage*. SPb., 1869, № 1036B.

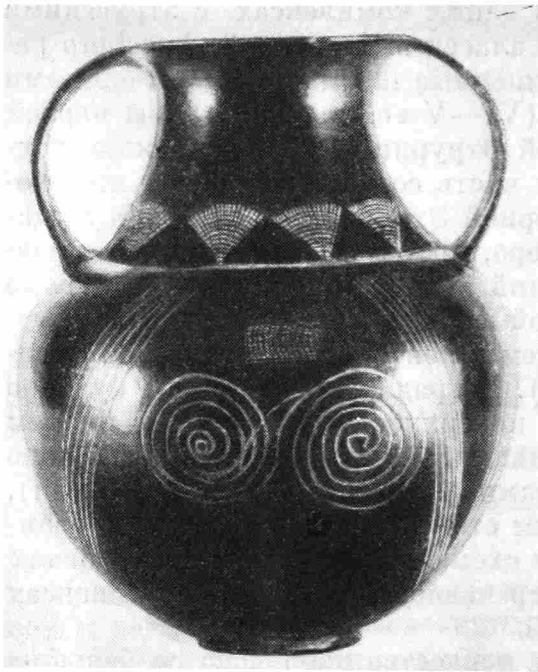

Рис. 1. Амфора со спиральями буккери.
Эрмитаж

происхождения «амфор со спиральями» говорят также находки сосудов этой формы с этрусскими надписями.

По форме и некоторым орнаментальным мотивам (спирали, углы) ваза отличается от других сосудов тонкого буккери, которые чаще всего повторяют формы греческих ваз и украшены ориентализирующими фризами с фигурами животных. Форма «амфоры со спиральями» совершенно идентична форме округлого двуручного сосуда в керамике импасто («лацианская» амфора со спиральями). Характерной особенностью последних является коническое горло и плоские ручки, идущие от плеч к краю венчика. Амфоры со спиральями импасто, аналогичные сосудам буккери, встречаются в могилах с труположением (*tombe a fossa*, *tombe a camera*) в Этруррии (Цере, Тарквиния, Вульчи, Кьюзи, Вейи), в области фалисков (Нарче) и в Лациуме (Рим, раскопки на Эсквиллине и форуме)¹². Многие амфоры импасто, в частности встречающиеся в области фалисков, имеют над спиральями ориентализирующие фигуры рыб или птиц, передаваемые двойными резными линиями и часто заполненные точками. На некоторых сосудах вместо спиралей изображены в той же композиционной схеме крупные розетки¹³. Сравнение амфор буккери с аналогичными сосудами импасто показывает, что те и другие различаются только по технике обработки глины и мастерству исполнения, а некоторые почти неотличимы

⁹ G. M. A. Richter. Ук. соч.

¹⁰ О распространении «амфор со спиральями» см. L. A. Holland. *The Faliscans in Prehistoric Times. Papers & Monographs of the American Academy in Rome*, 5, 1925, стр. 99; P. Mingazzini. *Vasi della collezione Castellani. Roma*, 1930, стр. 33—35; T. Dohrn. *Die Etruskische Bandhenkelamphora des 7 Jh. v. Chr. Studi in onore di L. Banti. Roma*, 1965, стр. 148; аналогичные вазы см. CVA Mus. Pigorini, Veio, табл. 6. 3. 5. 8, 9; E. H. Dohan. *Italic Tomb-groups in the University Museum. Philadelphia*, 1942, стр. 78, табл. 40, 21, 4.

¹¹ Б 1366, поступила в 1862 г. из собрания Кампана. Выс. 18,2 см. L. Stephani. Ук. соч., № 1038.

¹² L. A. Holland. Ук. соч., стр. 99; E. H. Dohan. Ук. соч.; «*Monumenti Antichi*», XV, 1905, рис. 120k, 124h, 142. Наиболее ранняя амфора со спиральями, относящаяся к последней четверти VIII в. до н. э., найдена в некрополе Питекусс (Искния) в Кампании (T. Dohrn. Ук. соч., стр. 144, табл. 36a).

¹³ L. A. Holland. Ук. соч., табл. IV, VI.

друг от друга. На примере «амфор со спиральями» можно увидеть, что усовершенствование технологии обработки и обжига глины способствовало созданию нового типа этрусской керамики — буккоро.

Форма «амфоры со спиральями», несомненно, восходит к керамическим формам эпохи раннего железа. В 20—30-е годы А. Галлатин и вслед за ним П. Мингадзини считали, что прототипом этрусских «амфор со спиральями» являются биконические урны культуры Вилланова¹⁴. В то же время аналогичная орнаментация в виде двойных спиралей встречается на относящихся к доколониационному периоду сосудах из Кум¹⁵. Возможно, этот орнамент является пережиточным, сохранившимся от микенского

Рис. 2. Амфора с рифлением буккоро. Эрмитаж

периода, традиции которого удерживались в Средней и Южной Италии довольно продолжительное время. Из района Кум происходит также амфора со спиральями импасто, представляющая собой самую раннюю форму последней четверти VIII в. до н. э. (ваза из Питекусс). Находка этой амфоры, а также сходство орнаментации ранней кумской керамики и этрусских амфор позволили Т. Дорну предполагать кампанское происхождение амфор со спиральями импасто¹⁶. В недавно вышедшей статье Т. Дорн высказывает предположение, что амфоры импасто проникли из Кампании в Этрурию через один из центров Южной Этрурии (Цере или Тарквинию), где с середины VII в. до н. э. получило развитие производство буккоро. Не отрицая возможности влияния кампанской керамики импасто на этрусскую, позволю себе усомниться в однозначном объяснении происхождения формы этрусской амфоры. Отрицаемое Дорном влияние биконических сосудов Вилланова прослеживается на примере больших амфор импасто начала VII в. до н. э. с лентовидными выгнутыми ручками, коническим горлом и выпуклостями на тулове. В Эрмитаже хранится такая амфора, вероятно происходящая из Этрурии (рис. 3)¹⁷. Вероятно, на форму и декор этрусских амфор оказала воздействие керамика, происходящая как из Кампании, так и из других районов древней Италии¹⁸. К концу VII н. до н. э. форма амфор буккоро видоизменяется: с этого времени в этрусской керамике получают распространение вазы с овальным туловом на расширяющемся к низу основании, с коническим горлом и широкими плоскими выгнутыми ручками, часто украшенными рельефами, исполненными под влиянием коринфской ориентализирующей вазописи (рис. 4, 5)¹⁹. Эта форма этрусской амфоры буккоро, распространенная в

¹⁴ A. Gallatin. The Origin of the Form of the «Nikosthenes Amphora». AJA. 30, 1926, стр. 76—78.

¹⁵ «Monumenti Antichi». XXII, 1913, табл. 17, 1—2; T. Dohrn. Ук. соч., стр. 143.

¹⁶ T. Dohrn. Ук. соч., стр. 152.

¹⁷ Б 93, поступила в 1834 г. из собрания Пиццати. Выс. 26,6 см. L. Stephani. Ук. соч., № 1028. Аналогичные вазы, по предположению Ф. Н. Прайса, происходят из Южной Этрурии (CVA Brit. Mus., 7, стр. 8—10, табл. 8, 2).

¹⁸ T. Dohrn. Ук. соч., стр. 152.

¹⁹ Б 1368, поступила в 1862 г. из собрания Кампана. Выс. 35,2 см. L. Stephani. Ук. соч., № 207; аналогичные вазы см. P. Mingazzini. Ук. соч., табл. III, 8; IV, 5; IV, 1, 3; A. Gallatin. Ук. соч.

Рис. 3. Амфора импасто с лентовидными ручками. Эрмитаж

Рис. 4. «Никосфеновская амфора» буккери. Эрмитаж

течение VI в. до н. э., повлияла на форму чернофигурных амфор аттического мастера Никосфена и поэтому получила в науке название «никосфеновской амфоры».

На форму «амфор со спиральями» оказали влияние не только более ранние керамические изделия, но и аналогичные металлические вазы, относящиеся к ориентализирующему периоду (VII в. до н. э.). Так, в Нарче была найдена бронзовая амфора с выгравированными двойными спиральями, а в гробнице Реголини-Галасси в Цере — серебряная амфора; формы этих ваз аналогичны формам амфор импасто и буккери²⁰. Кроме того, как верно заметил Т. Дорн, о влиянии орнаментации металлических сосудов на этрусскую керамику свидетельствуют круглые выступы на многих амфорах импасто, напоминающие заклепки металлических сосудов²¹. «Амфоры со спиральями» получили широкое распространение в погребальном культе этрусков и, вероятно, высоко ценились: в Нарче был найден в одной из могил сосуд со спиральями, части которого были в древности скреплены металлической проволокой, что говорит о бережном отношении к определенным сосудам явно культового назначения²².

Таким образом, эрмитажная «амфора со спиральями» интересна как пример одной из наиболее ранних форм буккери, неразрывно связанной с итальянскими формами и традициями. Она и ей подобные представляют собой характерный и сравнительно редко встречающийся переходный тип от керамики Вилланова к этрусской архаической керамике.

2. Чаша с прямыми тонкими стенками и полукруглым дном (рис. 6,7)²³.

²⁰ «Monumenti Antichi», IV, 1894, стр. 232 рис. 103; G. Q. Giglioli. L'arte etrusca. Milano, 1935, табл. 22, 2.

²¹ «Monumenti Antichi», IV, 1894, стр. 230, рис. 101; стр. 231, рис. 102, 103a.

²² «Monumenti Antichi», IV, 1894, стр. 234; L. A. Holland. Ук. соч., стр. 98.

²³ Б 1335, поступила в 1862 г. из собрания Кампана, Выс. 18,7 см, диам. 15 см. L. Stephani. Ук. соч., № 228a. Вероятно, хранящаяся в Эрмитаже чаша воспроизведена в книге Л. Канина среди сосудов, найденных в некрополе Вей (L. Canina. L'antica città di Veii. Roma, 1847, табл. 34, 4).

Рис. 5. «Никосфеновская амфора». Деталь: ручка со штампованным рельефным фризом

У перехода от дна к стенкам — рельефный валик, украшенный зубцами. Внутри дно чаши украшено косо идущими желобками, обрамляющими центральную выпуклую часть. Снаружи на стенке чаши четыре гравированных изображения обращенных вправо птиц. Между птицами изображены стилизованные птичьи головы с длинными клювами и тонкими шеями. Под фигурами несколько рельефных полос, а ниже нанесен пунктиром веерообразный орнамент. Центральная с поперечными валиками ножка и четыре боковые опираются на широкое коническое основание, украшенное треугольными прорезями и концентрическими желобками на краю. На боковых ножках исполнены в низком рельефе две женские фигуры в фас, придерживающие спускающиеся на грудь косы, и два обращенных вправо сфинкса. Фигуры оттиснуты в форме. Фигуры сфинксов ажурные.

Форма чаши на высокой трубчатой ножке широко распространена в этрусской керамике конца VII — первой половины VI в. до н. э. В наиболее ранних чашах тонкого буккоро для украшения часто используются рельефные фигуры, а также вкомпонованные в прямоугольную рамку изображения животных или растений. Эти чаши, как и амфоры со спиральями, играли большую роль в погребальном культе и, возможно, служили курильницами²⁴.

Эрмитажная ваза может быть включена в одну из двух основных групп «чаш с кариатидами»: у сосудов этой группы имеется коническое основание и центральная ножка, у сосудов второй группы основание плоское и центральная ножка отсутствует²⁵. Аналогичные нашей чаше тонкого буккоро хранятся в Британском Музее, в Лувре, Музее Вилла Джулия, в Копенгагене. Музее Тарквини и в коллекции Каstellани²⁶; эти вазы близ-

²⁴ E. Pottier. *Vases antiques du Louvre*. Paris. 1897, стр. 33; «*Monumenti Antichi*», IV, стр. 234; L. A. Holland. Ук. соч., стр. 98. Одна из чаш гробницы Перолини-Галасси служила урной для праха умершего (G. M. H. Hanfmann. *Altetruskische Plastik*. I, Würzburg. 1936, стр. 6).

²⁵ Характерными примерами ваз второй группы являются «чаши с кариатидами» из Воронежского музея изобразительных искусств и чаша из ГМИИ (инв. № П 16 686; В. Д. Блаватский. *История античной расписной керамики*. М., 1953, стр. 103).

²⁶ CVA Brit. Mus., 7, табл. 12, 1, 2; E. Pottier. Ук. соч., табл. 28, C569, C664, C667; CVA, Villa Giulia, 1, табл. 1, 3, 9; 2, 2, 7; 3, 8; 5, 11; 6, 12; CVA, Copenhagen, 5, табл. 215, 1, 2; CVA Mus. Tarquin. II, табл. 2, 3, 4; P. Mingazzini. Ук. соч., табл. I, 11.

Рис. 6. Чаша с кариатидами буккери. Эрмитаж

ки к эрмитажной по форме чаше и коническому основанию, а также по типам кариатид²⁷. Многие из рельефных фигур отгиснуты в одной форме (для украшения чаш обеих групп часто изготовлялись кариатиды одного и того же типа). Аналогичные прямоугольные панели с фигурами сфинксов встречаются на чашах из коллекции Каstellани и Музея Вилла Джулия (фигуры ориентированы влево); ближайшими аналогиями к вазе Эрмитажа по стилю исполнения женских фигур и панелей с фигурами сфинксов являются чаши из Лувра (C667), Брюсселя и Музея изящных искусств в Лионе (фигуры сфинксов ориентированы вправо так же, как на вазе из Эрмитажа)²⁸.

Отличительной особенностью чаши из Эрмитажа является орнаментация ее стенок, которые украшены гравированными фигурами и головками птиц. Большая часть сосудов этой формы украшена только горизонтальными углубленными линиями, а наиболее ранние — веерообразным орнаментом, который часто сочетается с вертикальными параллельными линиями, нанесенными штампом в нижней части вазы²⁹. Единственной

²⁷ CVA, Copenhagen. 5. табл. 215. 2b; CVA, Brit. Mus., 7. табл. 12. 1a, 2a, 9.

²⁸ P. Mingazzini. Ук. соч., табл. I, 13; CVA, Villa Giulia. 1. табл. 1. 4. 10; S. Boucher. La collection étrusque du Musée des Beaux-Arts à Lyon. «Bulletin des Musées et Monuments Lyonnais». III, 1964, 3. стр. 71, рис. 5; CVA, Bruxelles, II, табл. 1, 13 a — b.

²⁹ Mario Del Chiaro. Etruscan Bucchero Pottery. стр. 99, рис. 3; CVA, Brit. Mus., 7, табл. 12, 1a — b; E. Pottier. Ук. соч., табл. 27, C657, C659.

Рис. 7. Чаша с карпатидами буккери. Эрмитаж.

чашей, близкой к эрмитажной по орнаментации стенок, является происходящая из гробницы Кампана в Вейях чаша, хранящаяся в Лувре³⁰. На луврской чаше изображены по четырем сторонам четыре летящие вправо птицы, а между ними три стилизованные птичьих головы. Однако трактовка птиц на луврской чаше отличается наивностью и неоформленностью по сравнению с ясным, свободным стилем эрмитажной вазы.

Многие вазы, относящиеся к группе тонкого буккери раннего периода, украшены фризами с гравированными изображениями животных и птиц. Однако подавляющее большинство их подражает греческим ориентализирующим вазам по форме и стилю гравировки (принцип деления на фризы с непрерывно идущими фигурами, стиль трактовки фигур животных). Особенно близки резные фигуры на вазах буккери к изображениям в протокоринфской и более поздней коринфской вазописи. Сходный процесс заимствования традиций греческой вазописи наблюдается в этрусско-коринфской керамике, причем одна из групп ее, полихромная, по стилю связана с группой тонкого буккери³¹.

³⁰ E. Pottier. Ук. соч., табл. 28, C664; M. Cristofani, F. Zevi. La Tomba Campana di Veio. Il corredo. «Archeologia Classica», 17, 1965, стр. 24, примеч. 82.

³¹ J. Gy. Szilágyi. Italo-corinthiaca. «Studi Etruschi», 26, 1958, стр. 273 сл.; F. Hiller. Beiträge zur figurlich geritzten Buccherokeramik. Marburger Winkelmann-Programm, 1965, стр. 16 сл.; С. П. Борисовская. К проблеме формирования ориентализирующего стиля в архаическом этрусском искусстве. Тезисы докладов научной сессии Эрмитажа. Л., 1967, стр. 45.

Стиль исполнения резных фигур птиц на чашах из Лувра и Эрмитажа, вероятно, отражает ранний этап освоения восточных изобразительных мотивов. Изображения птиц на этих вазах трудно сопоставить с греческими ориентализирующими росписями второй половины VII в. (можно назвать только росписи раннепротокоринфских арибаллов конца VIII в. до н. э.³²). Возможно, стиль исполнения связан с восточными произведениями прямо, без посредства греческих центров, так, как это наблюдается в фалисской керамике того же периода³³. Этрусская чаша с кариатидами ни в своих формах, ни в стиле резьбы и рельефов почти не испытала греческого художественного влияния.

Как уже отмечалось, «чаша с кариатидами» входит в раннюю группу тонкого буккерио второй половины VII в. до н. э. Наиболее ранние чаши с тонкими стенками и блестящей черной поверхностью относятся, вероятно, к третьей четверти VII в. до н. э. Рельефные фигурки, украшающие чаши, исключительно разнообразны и исполнены под влиянием сирийской и финикийской скульптуры, как было убедительно показано Дж. Ханфманом³⁴. Большая часть vaz и отдельных кариатид от чаш этой ранней ориентализирующей группы происходит из гробницы Реголини-Галасси³⁵. К несколько более позднему времени П. Риис относит чаши с более монументальными женскими фигурами (приблизительно последняя четверть VII в. до н. э.)³⁶. Возможно, кариатиды в виде крылатых женских фигур изображали богиню плодородия, владычицу и покровительницу всего живого, как и аналогичные сиро-финикийские скульптуры. В этом отношении этрусская чаша можно сопоставить с греческими мраморными периррантериями — культовыми чашами, кариатиды которых изображают богиню — владычицу зверей со львами или другими животными³⁷. Не случайно поэтому женские фигуры чередуются на этруских чашах буккерио с изображениями фантастических существ (сфинксов, грифонов), в сопровождении которых часто представлена богиня — владычица зверей. Хотя смысл изображения божества, восходящего к минойско-микенской религии, был в это время полузабыт, иконографический тип фигуры крылатой богини соответствовал культовому назначению этруских сосудов.

Чаша из Эрмитажа и аналогичные ей сосуды из Музея Вилла Джулия и Британского Музея стоят ближе к среднему периоду производства буккерио и могут быть отнесены к концу VII — началу VI в. до н. э.: поверхность vaz сероватая, матовая, кариатиды однообразны и невыразительны по исполнению, крылья божества переданы стилизованно, в виде свисающих концов одежды³⁸.

Обратимся к анализу формы «чаша с кариатидами». Эта форма широко распространена в этруском искусстве VII в. Помимо многочисленных vaz буккерио из Цере, Вей, Вульчи, в Этрурии встречаются сходные по форме и тектонике сосуды, сделанные из металла (бронзы) и слоновой кости. Наиболее близкой аналогией к чашам буккерио является бронзовая чаша из Пренесте, хранящаяся в коллекции Каstellани и

³² «Monumenti Antichi», XXII. Milano, 1913, табл. 42, 2, 3.

³³ L. A. Holland. Ук. соч., стр. 93—97.

³⁴ G. M. A. Hanfmann. Ук. соч., стр. 17—18, 20, 65—69.

³⁵ P. J. Riis. Tyrrhenica. Copenhagen, 1941, стр. 20—21; P. Ducati. Storia dell'arte etrusca. Firenze, 1927, табл. 54, 164.

³⁶ P. J. Riis. Ук. соч., стр. 195.

³⁷ P. Gardner. A Stone Tripod at Oxford. JHS, 16, 1896, стр. 279; J. Ducati. Perirrhantéria. BCH, 88—11, 1964, стр. 569 сл.; о значении женских фигур-кариатид этруских чаш см. M. Ohnefalsch-Richter. Kypros, die Bibel und Homer. Berlin, 1893, стр. 289.

³⁸ CVA, Brit. Mus., 7, стр. 11; о хронологических группах чаш с кариатидами см. G. M. A. Hanfmann. Etruscan Bucchero Bowls. AJA, 40, 1936, стр. 118—119; M. Cristofani, F. Zevi. Ук. соч., стр. 24—27.

опубликованная Э. Петерсеном³⁹. Чаша представляет собой слегка расширяющийся кверху цилиндрический сосуд с отогнутым венчиком. От основания к краю дна идут четыре женские фигурки, разделенные тонкими бронзовыми прямоугольными пластинами, украшенными геометрическим орнаментом. Аналогичную тектонику можно наблюдать у двух бронзовых ваз из Цере, основание которых соединено с дном также тонкими металлическими пластинками⁴⁰. Попытка В. Гельбига сопоставить чаши из Цере с «кубком Нестора» из четвертой шахтовой гробницы в Микенах не получила, естественно, поддержки, но Гельбиг прав, сравнивая вазы из Цере с аналогичными чашами буккеры⁴¹. Вероятно, бронзовые чаши с подставками в виде человеческих фигур или прямоугольных пластин послужили прототипами керамических сосудов аналогичной формы⁴². Несмотря на различия в пропорциях и орнаментации, связь форм и стиля ваз буккеры с металлическими несомненна, что особенно хорошо прослеживается на самых ранних «чашах с кариатидами». Об этом свидетельствует, в частности, орнаментация дна чаш углублениями в виде ложек, что характерно для металлических сосудов.

Любопытной аналогией к чашам буккеры являются найденные в Пренесте (гробница Барберини) чаши из слоновой кости на высокой трубчатой, расширяющейся книзу ножке, сходные по форме с керамическими сосудами. Из той же гробницы происходят женские фигурки из слоновой кости, близкие по стилю к некоторым фигуркам — украшениям ранних ваз буккеры⁴³. Судя по углублениям на краю основания чаши из Пренесте, эти фигурки вставлялись в них и служили кариатидами так же, как у аналогичных ваз буккеры⁴⁴. Чаши из Пренесте интересны как своеобразные памятники ориентализирующего этрусского искусства, исполненные под сильным финикийским влиянием. Однако трудно согласиться с точкой зрения А. Делла Сета о том, что сосуды из слоновой кости были прототипами ваз буккеры⁴⁵. Делла Сета обосновывает применение подпор в чашах из слоновой кости тем, что они необходимы при выполнении большого сосуда в хрупком материале. Против мнения Делла Сета свидетельствует, как нам кажется, большое количество разнообразных чаш буккеры, а также мраморные чаши с кариатидами с Самоса, Родоса, из Афин, Дельф, Олимпии и Коринфа, в которых кариатиды играют декоративную, а не конструктивную роль⁴⁶. Возникшая первоначально под непосредственным влиянием восточного искусства форма «чаш с кариатидами» получает широкое развитие в раннем искусстве Этрурии второй половины VII в. до н. э.⁴⁷

³⁹ E. Petersen. Becher aus Palestrina. RM, 12, 1897, стр. 26—29, табл. I слева.

⁴⁰ W. Helbig. Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Leipzig, 1884, стр. 275, рис. 117, 118; «Monumenti Antichi», XV, стр. 638, рис. 197, a, b.

⁴¹ W. Helbig. Ук. соч., стр. 275.

⁴² W. von Bissing. Intorno a un bucchero del Museo di Bonn. «Studi Etruschi», 2, 1928, стр. 20. П. Мингаззини, не отрицая связи сосудов буккеры с металлическими формами, отмечает различие между ними. P. Mingazzini. Ук. соч., стр. 9.

⁴³ A. Della Seta. La collezione Barberini di Antichità prenestine. «Bollettino d'Arte», 3, 1909, стр. 170, рис. 4; F. Poulsen. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Berlin, 1912, стр. 132, рис. 148; H. Mühlstein. Die Kunst der Etrusker. Berlin, 1929, рис. 46, 47; W. L. Brown. The Etruscan Lion. Oxford, 1960, стр. 32—33.

⁴⁴ Реконструкция чаши с кариатидами из гробницы Барберини — см. P. Ducati. Ук. соч., табл. 30, 102.

⁴⁵ A. Della Seta. Ук. соч., стр. 174; P. Mingazzini. Ук. соч., стр. 9.

⁴⁶ J. Ducat. Ук. соч., стр. 569 сл.; M. Ohnefalsch-Richter. Ук. соч., стр. 289, табл. 102, 1. Ср. также навкратийские сосуды с кариатидами, восходящие, вероятно, к египетским прототипам. Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, 34, СПб., 1914, стр. 18 сл., табл. V—VI, VII, 1, 2, 4, 5. На связь формы этрусских чаш с навкратийскими мне указала П. Ф. Силантьева.

⁴⁷ Нельзя согласиться с точкой зрения Ханфмана о том, что тип чаши с кариатидами, ориентализирующий в своей основе, окончательно сформировался в арха-

Таким образом, на примере этрусских ваз из собрания Эрмитажа можно получить некоторое представление о формах и стиле ранней этрусской керамики буккерио, а также, в более широком аспекте, о характере ориентализирующего этрусского искусства. В стиле гравированных и пластических украшений, а также в формах сосудов буккерио своеобразно соединены черты, восходящие к местной италийской традиции (форма «амфор со спиралью»), и новые мотивы, свидетельствующие о восточном влиянии (стиль пластических украшений, орнаментальные и изобразительные мотивы — спирали, птицы и т. д.). Сходный процесс сложения фигурного стиля в керамике и скульптуре совершается одновременно в различных центрах Этрурии, а также в области фалисков, где новые черты стиля прослеживаются наиболее ярко в период, предшествующий этрусской колонизации.

S. P. Boriskovskaia

SUR DES FORMES ANCIENNES DE LA CÉRAMIQUE ÉTRUSQUE
DE BUCCHERO

Résumé

En se fondant sur les vases de la collection de l'Ermitage l'auteur analyse deux formes de la céramique de bucchero de la période ancienne (deuxième moitié du VII s. avant notre ère). Une de ces formes, «amphore aux spirales» (et ses variétés), remonte aux formes céramiques datant du Premier Age du Fer de l'Italie. Elle est influencée non seulement par les formes de la céramique d'impasto (VIII — début du VII s. avant notre ère) mais aussi par les formes et les ornements des récipients métalliques de la période orientalisante.

Une «coupe aux cariatides» de bucchero, provenant de toute évidence de la nécropole de Veies est un échantillon caractéristique du récipient d'une forme originale qui a connue la grande extension en Etrurie du VII s. (ce sont des coupes en bronze, en ivoire, en argile). L'exécution des figures gravées et des ornements plastiques des coupes est marquée par l'influence de l'art oriental. Ce type de vase a connu, pourtant, en Etrurie aussi bien qu'en Grèce le développement indépendant en formes multiples se différenciant nettement de leurs prototypes orientaux.

ческом кипрском искусстве и в этом виде копировался этрусскими мастерами (G. M. A. N a n f m a n n. Etruscan Bucchero Bowls. стр. 118—119). Тип чаши с кариаидами, возникший под влиянием восточного и египетского искусства, получает распространение в Этрурии в разнообразных формах, самостоятельно разработанных этрусками и сильно отличающихся от восточных прототипов и их кипрских вариантов.

В. С. ДОЛГОРУКОВ

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ АГОРА

Каждый античный полис имел свой центр экономической и политической жизни. Чаще всего таким общественным центром являлась главная площадь города — агора. В данной работе мы попытались дать краткий очерк площадей эллинистических городов.

Письменные свидетельства об агоре крайне отрывочны. Краткие сведения мы находим у Павсания¹, Аристотеля², Витрувия³. Наиболее ценным является описание Павсанием агоры Афин. Некоторые интересные сведения мы узнаем из эпиграфических памятников⁴. Но для полного представления об облике агоры того или иного города этих материалов явно недостаточно. Поэтому основным источником для изучения площадей являются результаты археологических исследований.

С середины XIX в. Французская школа в Афинах проводила исследования античного комплекса на Делосе, в ходе которых был изучен культурный и общественный центр города⁵. В конце XIX в. немецкие ученые начали изучение малоазийских городов — Приены, Пергама, Милета, Магнесии на Меандре⁶. Примерно в то же время американские ученые проводили раскопки небольшого малоазийского города Асоса⁷. В 30-х годах XX в. Американская школа в Афинах приступила к широкому изучению афинской агоры. Раскопки велись по всей территории агоры, за исключением северного края, который перекрывается полотном железной дороги⁸. Было выявлено архитектурное оформление площади в различные периоды исторического развития⁹. Одновременно с изучением афинской агоры американские археологи предприняли исследование агоры Коринфа. В ходе работ почти вся площадь агоры была вскрыта раскопками. Было установ-

¹ Paus, I, 3, 1—5; I, 5, 1; I, 15, 1—4; VI, 24, 2—8.

² Aristot., Pol., VII, 11.

³ Vitruvius, I, 7, 1; V, 1, 1.

⁴ Th. Wiegand. Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899—1929. I—III. Berlin, 1906—1929; Th. Wiegand und H. Schrader. Priene. Berlin, 1934. Литературные и эпиграфические сведения об агоре Афин см. R. E. Wycherley. Literary Epigraphical Testemonia. «The Athenian Agora», III, Princeton, 1957.

⁵ Окончательные результаты опубликованы в серии: «Exploration archeologique de Delos», I—XIX, Paris, 1909—1939. Большой интерес представляет монография Р. Валуа, посвященная архитектуре Делоса. R. Vallois. Architectur hellenique et hellenistique a Delos jusqu'a l'eviction de Delien, 166 av. J. C. Paris, 1944. Некоторые новые сведения об агоре Делоса содержатся в путеводителе по археологическим раскопкам. Ph. Bruneau et J. Ducat. Guide de Delos. Paris, 1965.

⁶ Th. Wiegand und H. Schrader. Priene. Berlin, 1904; A. Conze. Altortümer von Pergamon. I—VIII. Berlin, 1885—1934; Th. Wiegand. Milet..., C. Humann. Magnesia am Meander. Berlin, 1904.

⁷ J. Clark, F. Bacon, R. Koldewey. Investigation at Assos. Cambridge, 1902.

⁸ T. L. Shear. The American Excavations in the Athenian Agora. «Hesperia», II, 1933 и др.

⁹ Вопросы архитектуры афинской агоры рассматривает И. Хилл. I. Hill. The Ancient City of Athens. London, 1953. С 1953 г. начали выходить тома серии, посвященной работам на афинской агоре — «The Athenian Agora». I, Athens, 1953.

лено, что после всеобщего разрушения Коринфа римлянами в 146 г. до н. э. агора была заново выстроена в римское время. Большая часть обнаруженных сооружений относится к этому этапу¹⁰. В послевоенные годы французские ученые сосредоточили свои усилия на раскопках Фасоса. Результатом раскопок явилось тщательное изучение остатков агоры¹¹.

В зарубежной литературе существует ряд специальных работ об агоре. Прежде всего следует отметить монографию А. Мартэна¹², в которой рассматриваются вопросы истории агоры, ее архитектуры и функций, даются краткие очерки площадей древнегреческих городов в различные этапы существования. Этой же теме посвящена работа С. Парницкого-Пуделко¹³. Следует отметить также статью Ф. Трича¹⁴ об агоре старого типа и Р. Вичерли об ионийской агоре¹⁵.

В русской литературе интересующий нас вопрос получил слабое отражение. Советские ученые вопросам античной архитектуры уделяют гораздо больше внимания. Начиная с 30-х годов в нашей стране был опубликован целый ряд работ, в той ли иной степени связанных с градостроительством античности вообще и общественных центров в частности¹⁶. Советские археологи предприняли изучение общественных центров городов Северного Причерноморья¹⁷. Появились монографии, посвященные античным городам Средиземноморья¹⁸, в которых рассматриваются и вопросы, связанные с общественными центрами этих городов.

Рассмотрим площади некоторых эллинистических городов бассейна Эгейского моря.

Приена — небольшой малоазийский город — был перенесен в IV в. до н. э. на новое место. Город состоял из акрополя, находившегося на вершине скалы, и нижнего города, расположенного на крутом склоне. Акрополь и нижний город были обнесены единой крепостной стеной. Нижний город имел регулярную планировку по странам света с агорой в центре. Общественный центр города, расположенный на пересечении двух главных улиц (рис. 1, 3), был спланирован вместе с остальным городом в IV в. до н. э. и окончательно сформировался в течение III—II вв. до н. э. Основные общественные сооружения группируются поблизости от агоры на трех террасах. Агора, расположенная на средней террасе, представляет собою прямоугольную площадь размерами 92,1 × 94,8 м (площадь двух жилых кварталов)¹⁹. Первоначально агора с трех сторон (западной, южной и восточной) была окружена непрерывными однефными стоями дорийского ордера (рис. 2, 4). Северная сторона площади выходила на главную продольную улицу (улицу Западных ворот). Посредине южной стороны, по линии средней поперечной улицы, имеется проход на агору. По линии улицы Источников в южных концах западной и восточной сторон также имеются

¹⁰ Corinth. I—XV, Princeton, 1929—1952.

¹¹ R. Martin. L'agora. «Etudes thasiennes», VI, Paris, 1959; C. Daux. Guide de Thasos. Paris, 1967.

¹² R. Martin. Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951.

¹³ Parnicki-Pudelko. Agora. Geneza i rozwój rynku greckiego. Warszawa — Wrocław, 1957.

¹⁴ F. Tritsch. Die agora von Elis und die altgriechische agora. Ost. Jn., XXVII, 1932, стр. 64—105.

¹⁵ R. E. Wucherly. The Ionian Agora. JHS, XLII, 1942, стр. 21—32.

¹⁶ Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры. II. М.—Л., 1937; В. Д. Блаватский. Архитектура античного мира. М., 1939; А. В. Бунин, М. Г. Круглова. Архитектурная композиция городов. М., 1940; А. В. Бунин, Л. А. Ильин, Н. А. Поляков, В. А. Шквариков. Градостроительство. М., 1945; Всеобщая история архитектуры. II, 1, М., 1949; А. В. Бунин. История градостроительного искусства. I, М., 1953; Т. Н. Козина. Некоторые вопросы градостроительства эллинизма. Сб. «Вопросы всеобщей истории архитектуры», М., 1961.

¹⁷ Сб. «Ольвия, теменес и агора». М.—Л., 1964.

¹⁸ К. М. Колобова. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961; М. М. Кобылина. Милет. М., 1965.

¹⁹ Th. Wiegand und H. Schrader. Ук. соч., стр. 185 сл.

проходы к агоре. Таким образом, агора Приены была тесно связана с сеткой улиц. С запада к агоре примыкал мясной и рыбный рынки²⁰. Это была небольшая площадь размерами 30×16 м, с мраморными столами и бассейнами для свежей воды. Продовольственный рынок был, вероятно, запроектирован одновременно с агорой. Но он никогда не получил монументального оформления. С востока к агоре примыкало святилище Зевса²¹. Оно представляет собою маленький храм ионийского ордера IV—III вв. до н.э., стоящий в западной части небольшого дворика, южная и северная стены которого обрамлены портиками. Перед входом в храм находился алтарь. Северо-восточнее агоры находилось здание пританея IV в. до н.э.²² К северу от него был сооружен верхний гимнасий, который занимал площадь целого квартала²³. В III в. до н.э. на свободном участке западнее пританея было построено здание экклезиастерия, в котором могли разместиться все граждане небольшого города²⁴.

В позднеэллинистическое время продолжается создание архитектурного комплекса агоры. В середине II в. до н.э. с северной стороны агоры была построена двухнефная Священная стоя²⁵. Судя по надписям, она служила почетным архивом города и местом для пиршеств. Сооружение Священной стоя не изменило первоначального плана агоры. По-прежнему агора была открыта на центральную продольную улицу. Но средняя поперечная улица была прервана ею. С постройкой Священной стоя северная сторона агоры получила единое монументальное оформление. Восточный конец стоя служил фойе и парадным входом в экклезиастерий и пританей. Во второй половине II в. до н.э. для завершения восточного входа на агору вдоль стены святилища Зевса была сооружена еще одна стоя²⁶. В том же веке северо- и юго-восточный

Рис. 1. Местоположение площадей в городах

1 — Афины; 2 — Милет; 3 — Приена; 4 — Пергам; 5 — Фасос; 6 — Магнесия на Меандре; 7 — Асос; 8 — Коринф

²⁰ Там же, стр. 218. Опираясь на находку надписи III в. до н.э., авторы предполагают существование на этом рынке и хлебной торговли.

²¹ Там же, стр. 136—146.

²² Там же, стр. 231—237.

²³ Там же, стр. 275.

²⁴ Там же, стр. 219—231.

²⁵ Там же, стр. 192—203.

²⁶ Там же, стр. 217.

входы на агору были перекрыты арками²⁷, что явилось новым мотивом оформления.

Пергам — столица небольшого эллинистического царства — достиг в период между 263 и 133 гг. до н. э. своего наивысшего расцвета и величия. К этому же времени относится создание замечательного архитектурного ансамбля города. Эллинистические монархи Пергамского царства не щадили средств на украшение города прекрасными постройками. Пергам имел свободную планировку, так как был расположен на довольно крутом склоне горы. На вершине находился акрополь, застроенный царскими дворцами, культовыми сооружениями, общественными зданиями. Ансамбль акрополя создавался со второй половины III до середины II в. до н. э. Основные сооружения на акрополе построены на понижающихся террасах. Первый этап строительства относится ко второй половине III в. до н. э. В это время на самой верхней террасе были сооружены арсеналы и казармы²⁸. Несколько ниже были расположены царские дворцы²⁹. На следующей террасе находилось святилище Афины³⁰. На самой нижней террасе — верхняя агора³¹. Храм Диониса в западной части площади³² и надписи, свидетельствующие о культе Гермеса и нимф³³, указывают, что агора служила для культовых целей, но она могла использоваться и для торговли³⁴. Здесь жителям сообщали постановления пергамских царей.

В эпоху наибольшего расцвета (первая половина II в. до н. э.) акрополь был значительно перестроен. К западу от старого царского дворца при Евмене II была построена знаменитая пергамская библиотека музеем³⁵. Площадка святилища Афины была обрамлена с трех сторон двухэтажными портиками³⁶. Ниже святилища Афины, на специальной террасе, был сооружен большой алтарь, посвященный, вероятно, Зевсу Сотеру³⁷. На западном склоне был выстроен театр³⁸ на 14 тысяч зрителей. У подножья театра находилась огромная терраса, обрамленная портиками³⁹, служившая театральным фойе. В северной части террасы был сооружен храм, вероятно Диониса, который в римское время превратился в храм Каракаллы⁴⁰. Строительные работы велись и на верхней агоре. По юго-западному, юго-восточному и отчасти северо-восточному краям агоры были построены почти под прямыми углами друг к другу непрерывные стои⁴¹. Агора была разделена на две неравные части дорогой, поднимающейся к вершине акрополя. Западная часть имела размеры 53,5 × 45 м, восточная 83,7 × 43,5 м (рис. 2, 5).

Юго-западная стая разрезалась дорогой на две части. Сооружение стоей свидетельствует о тенденции придать площади некоторую правильность в плане. Но необходимо заметить, что верхняя агора не была самостоятельной конструкцией: она как бы являлась монументальным входом на акрополь. Таким образом, по функциям верхняя агора имела преимущественно парадный характер. После сооружения здания библиотеки и его портиков, а также портиков святилища Афины царская резиденция была изолирована от остальных зданий акрополя, а сам

²⁷ Th. Wiegand und H. Schrader. Ук. соч., стр. 204, 205.

²⁸ Th. Wiegand. Bericht über die Ausgrabungen in Pergamon, 1927. Abh. der Preuss. Akad. Wiss., 1929, 3, стр. 4 сл.

²⁹ Там же, стр. 17 сл.

³⁰ A. Conze. Altertümer von Pergamon, I, 2, стр. 168—170.

³¹ Там же, III, 1, стр. 93 сл., 107.

³² Там же, III, 1, стр. 108—118.

³³ Там же, VIII, надпись № 183.

³⁴ Вероятнее всего, сюда приносили товары для продажи во дворцы.

³⁵ A. Conze. Altertümer von Pergamon, I, 2, стр. 228.

³⁶ Там же, I, 2, стр. 184.

³⁷ Там же, III, 1, стр. 7 сл.

³⁸ Там же, IV, стр. 3 сл.

³⁹ Там же, стр. 21—40.

⁴⁰ Там же, стр. 41—68.

⁴¹ Там же, III, 1, стр. 93 сл.

ансамбль акрополя был разбит на ряд понижающихся перестилей, что являлось специфической особенностью общественного центра Пергама.

В начале II в. до н. э. в нижнем городе создается второй общественный центр. К нему относится нижняя агора, святилище Деметры и гимнасий, построенный Евменом II. Нижняя агора⁴² представляет собой почти прямоугольную площадь размером 83 × 55 м (рис. 2, б). Площадь была окружена со всех сторон двухэтажными портиками, к которым примыкали сзади ряды помещений. Эти помещения служили главным обра-

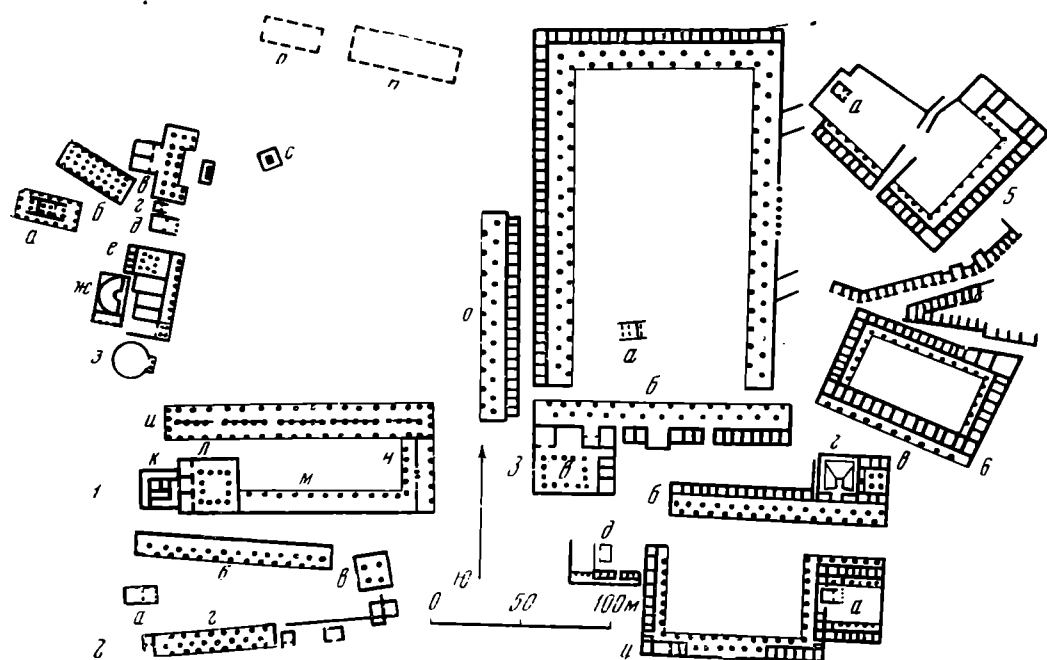

Рис. 2. Схемы застройки площадей

1 — Афины (а — Гефестеон, б — эллинистическое здание, в — Царская стоя, г — храм Зевса и Афины, д — храм Аполлона, е — Метроон, ж — булевтерий, з — толос, и — средняя стоя, к — Эннеакрунос, л — Гелая, м — 2-я южная стоя, н — восточная стоя, о — стоя Аттала, п — стоя Пойкиле, р — портик Герм, с — алтарь 12 богов); 2 — Асос (а — храм, б — северная стоя, в — булевтерий, г — южная стоя); 3 — Магнесия на Меандре (а — храм Зевса, б — южная стоя, в — пританей); 4 — Приепа (а — святилище святого Зевса, б — Священная стоя, в — пританей, г — эkkлeсиастерий, д — продовольственный рынок); 5 — Верхняя агора Пергама (а — храм Диониса); 6 — Нижняя агора Пергама

зом для торговли, но в помещениях южного портика были найдены разного рода ремесленные мастерские. На площади стояли водяные часы в виде Гермеса, держащего рог изобилия.

Интереснейший материал для изучения общественного центра эллинистического города дает крупнейший ионийский город Милет. Разрушенный до основания персами в 494 г. до н. э. Милет начал запово отстраиваться после 479 г. до н. э. по регулярному плану. Большинство торговых, культовых и общественных зданий сооружено в центре города. Они были расположены соответственно регулярной схеме кварталов. Место для застройки общественного центра было заранее определено строителями, так как под общественными сооружениями не обнаружено никаких следов жилых домов. Первые сооружения в районе общественного центра относятся к IV в. до н. э. Но наибольший размах строительные работы принял в III—II вв. до н. э. В течение этого времени создаются три городских площади, строится большинство общественных зданий Милета. Две площади — Северная (малая) и Южная (большая) расположены южнее Львиной гавани. Третья площадь (Западная) находится около святилища Афины (рис. 1, 2). Строительство площадей проходило в несколько эта-

⁴² W. Dörpfeld. Die 1900—1901 in Pergamon gefundenen Bauwerke. AM, XXVII, 1902, стр. 16 сл.

пов. Первоначально Южная и Северная площади составляли единое целое, северную сторону и северо-западный угол которого составляли Дельфиний, длинная стоя гавани, перистальное здание и пританей. Остальные стороны ограничивали жилые кварталы. В первую четверть III в. до н. э. вдоль восточной стороны территории, отведенной под так называемую Южную агору, была построена огромная однефная стоя с тремя рядами помещений⁴³. Несколько позже, но в пределах этого же столетия, по северо-западным углам Южной и Северной площадей были выстроены Г-образные стой⁴⁴. Следующий строительный этап общественного центра

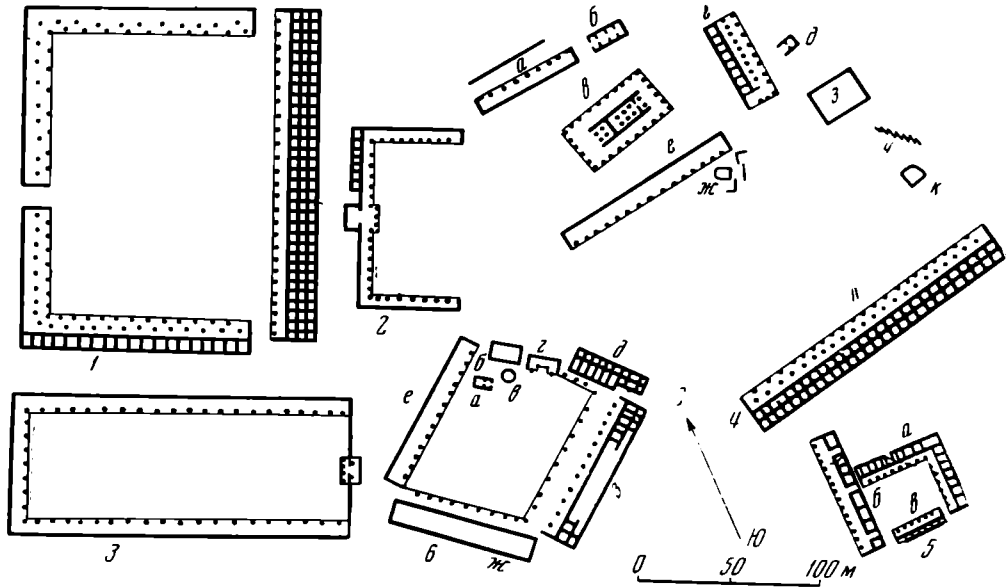

Рис. 3. Схемы застройки площадей

1 — Южная агора Милета; 2 — Северная агора Милета; 3 — Западная агора Милета; 4 — Коринф (а — северная стоя, б — бани, в — храм Аполлона, г — Северное здание, д — храм «А», е — северо-западная стоя, ж — храм «Б», з — здание источника, и — стартовая линия, к — героон, л — южная стоя); 5 — Делос (а — Г-образная стоя агоры, б — Южная стоя, в — стоя III в. до н. э.); 6 — Фасос (а — храм Зевса, б — ойкос, в — толос, г — стоя IV в. до н. э., д — северо-восточная стоя, е — северо-западная стоя, ж — юго-западная стоя, з — юго-восточная стоя)

относится ко II в. до н. э. В этот период были обрамлены Г-образными стоями юго-западные углы Северного и Южного рынков⁴⁵. В результате Южный рынок ($196,6 \times 164$ м) со всех сторон был окружен стоями (рис. 3, 1). На площадь вело три прохода: один посередине западной стороны, два других прохода были у концов стой восточной стороны, где проходила главная улица. Северный рынок ($101,5 \times 56,75$ м) был обрамлен стоями с трех сторон (рис. 3, 2). Восточная сторона выходила на улицу, ведущую от Львиной гавани к югу. В середине западной стороны было сооружено святилище, вероятно, в честь какого-то эллинистического царя⁴⁶. К этому святилищу вел входной портик, который несколько выступал вперед за линию стой и одновременно соединял их.

Примерно в это же время происходит сооружение стой южной, западной и северной сторон Западного рынка⁴⁷. Стой Западного рынка были

⁴³ Th. Wiegand. *Milet*. I, 7, стр. 31—47.

⁴⁴ Стоя Северного рынка была однефной и имела по западной стороне ряд помещений (Th. Wiegand. *Milet*. I, 6, стр. 19—23, табл. XIII). Стоя южного рынка была двухнефной (там же, I, 7, стр. 3—29).

⁴⁵ Стоя Северного рынка однефная. При ее постройке было реконструировано здание пританей, к которому она примыкала на западе (Th. Wiegand. *Milet*. I, 6, стр. 23—27). Стоя Южного рынка была двухнефной с рядом помещений по южной стороне (там же, I, 7, стр. 3—29).

⁴⁶ Th. Wiegand. *Milet*. I, 6, стр. 30—33.

⁴⁷ Th. Wiegand. *Achter vorläufiger bericht über die von dem Staatlichen Museen in Milet und Didyma unternommenen Ausgrabungen*. Berlin, 1924, стр. 5—7, рис. 1.

однефными (рис. 3, 3). Восточную сторону ограничивала стена с пропилеями в центре. Западный рынок занимал площадь $78,85 \times 191,37$ м.

Другим примером агоры, созданной по единому плану, является площадь в Магнесии на Меандре. Город был перенесен на новое место в IV в. до н. э., где уже существовало знаменитое святилище Артемиды⁴⁸. Магнесия имела регулярную планировку, сориентированную по странам света. Но святилище Артемиды, театр и стадион были размещены свободно в отношении сетки улиц. Во II в. до н. э. святилище Артемиды было перестроено⁴⁹. Общественный центр Магнесии на Меандре создавался в конце III и II в. до н. э. Агора вплотную примыкала с запада к ограде теменоса (рис. 1, 6). Площадь, вписанная в уличную сетку, была почти прямоугольной и имела размеры 214×125 м⁵⁰. Так как теменос был расположен свободно по отношению к городскому плану, а агора была вписана в него, агора и теменос соприкасались друг с другом под некоторым углом. Агора с трех сторон была обрамлена двухнефной стоей (рис. 2, 3). Северная и западная стои имели ряд помещений. В середине восточной имеются пропилеи, ведущие к храму Артемиды. Южная сторона первоначально была открыта на улицу, по другой стороне которой находились жилые дома. Впоследствии вдоль этих домов была построена двухнефная стоя с помещениями позади и проходами, ведущими с агоры на поперечные улицы. В южной части агоры находился небольшой храм Зевса, построенный во II в. до н. э., с алтарем перед ним⁶¹.

Очень интересна агора небольшого малоазийского города Ассоса. Город был расположен на склоне горы и имел террасную планировку. Одна из террас была выделена для агоры⁵² (рис. 1, 7). Постройки на агоре относятся к эллинистическому времени. Сильно вытянутая, трапециевидной формы агора протянулась в длину с запада на восток на 165 м, ширина в западной части 65, в восточной 48 м (рис. 2, 2). С севера агору обрамляла длинная двухэтажная стоя, с юга — более короткая, одноэтажная. В западной части расположен небольшой храм, в восточной части находится булеветерий и различные административные здания.

Столица Аттики Афины имела несколько общественных центров. Самый ранний общественный центр города находился на акрополе⁵³. Здесь размещались важнейшие святилища и органы власти. У входа на акрополь находилась и древнейшая агора. В начале VI в. до н. э. создается агора в нижнем городе, в районе южнее Керамика⁵⁴. Общественный центр на акрополе превратился главным образом в культовый центр города. Очень скоро, в конце VI в. до н. э., место народных собраний переносится с Агоры на Пникс, и таким образом создается третий общественный центр⁵⁵. Поскольку темой нашего исследования является эллинистическая агора, обратимся именно к этому общественному центру Афин.

Агора Афин находилась в центре города, на пересечении главных улиц (рис. 1, 1). Через агору с северо-запада на юго-восток проходила одна из важнейших магистралей — Панафинейская дорога. Первоначально агора представляла собою обширную четырехугольную площадь. Основные общественные и культовые сооружения размещались вдоль западной ее стороны. На севере, востоке и юге границу составляли жилые кварталы. После персидских вторжений агора, как и весь город, лежала в руинах. В период V—IV вв. до н. э. площадь вновь застраивается об-

⁴⁸ К. Нитцман. *Magnesia am Meander*. Berlin, 1904, стр. 17—28.

⁴⁹ Там же, стр. 39—84. Был вновь сооружен храм с алтарем перед входом, а вокруг был воздвигнут огромный перестильный двор теменоса.

⁵⁰ Там же, стр. 107—138.

⁵¹ Там же, стр. 141—160.

⁵² J. Clark, F. Vason, R. Koldeway. *Investigation at Assos*. Cambridge, 1902 стр. 21 сл.

⁵³ I. T. Hill. Ук. соч., стр. 135 сл.; К. М. Колобова. Ук. соч., стр. 22 сл.

⁵⁴ К. М. Колобова. Ук. соч., стр. 46 сл.

⁵⁵ I. T. Hill. Ук. соч., стр. 195—200; К. М. Колобова. Ук. соч., стр. 70 сл.

дственными и культовыми зданиями. Строительная деятельность на агоре, подобно строительству на Акрополе, осуществлялась главным образом за счет фороса. Огромные денежные ресурсы, наличие большого числа рабочих рук и возможность привлекать лучших мастеров всей Эллады позволили уже к концу V в. до н. э. закончить в основном работы на агоре. Причем постройки агоры классического периода располагались уже по трем ее сторонам — южной, западной и северной⁵⁶.

В эллинистическое время агора Афин претерпевает серьезные изменения (рис. 2, 1). Изменяются и источники ассигнований на строительные работы: большие сооружения в городе возводятся в основном на средства эллинистических монархов, на деньги меценатов. Кроме того, небольшие работы ведутся на скромные афинские средства. Большинство зданий эллинистического ансамбля агоры, возведенных вдоль ее западной стороны, относится к предшествующему периоду⁵⁷. В эллинистическое время некоторые из них приобретают колонные портики⁵⁸. На месте старого Булеветерия строится Метроон с портиком вдоль всего фасада здания, выходящего на агору⁵⁹. Другой эллинистической постройкой на западной стороне является большое здание севернее Гефестиона⁶⁰. Оно имело мощные стены и два ряда внутренних колонн. Возможно, что здание служило государственным арсеналом. Перед Царской стоей был сооружен алтарь в III—II вв. до н. э.⁶¹ Вдоль восточной стороны агоры в середине II в. до н. э. сооружается стоя Аттала II⁶². Северная часть ее перекрыла фундаменты квадратного перестильного дома, который незадолго до этого был разрушен.

Но особенно большие изменения происходят в южной части агоры. В 25 м западнее южного конца стои Аттала, под прямым углом к ней во II в. до н. э. была сооружена двухсторонняя средняя стоя⁶³. Немного позднее к ее восточному краю, также под прямым углом, была пристроена двухсторонняя восточная стоя⁶⁴. Центральная массивная стена в середине имела проход с лестницей. К восточной части стои от Панафинейской дороги вела широкая (на всю длину) лестница в пять ступеней. В середине II в. до н. э. на месте старой южной стои была выстроена новая, с несколько иной ориентацией⁶⁵. Новая южная стоя была расположена параллельно средней стое, а ее восточный конец примыкал под углом к восточной стое. В результате в южной части агоры образовалась небольшая прямоугольная площадь размерами 95 × 30 м. Площадь была окружена с трех сторон зданиями: средней, восточной и южной стоями, зданием Гелеи и зданием юго-западного источника. Эта небольшая площадь предназначалась для торговых целей. С окончанием строительства всех этих зданий афинская агора претерпела поразительную перемену в своем облике и характере. В строительстве входных портиков, выходящих на агору, у зданий вдоль западного края видно стремление, с одной стороны, придать им черты, присущие эллинистическим зданиям, а с другой — придать всей западной стороне агоры некоторое подобие единой колоннады. Средняя стоя и стоя Аттала, в свою очередь, придавали соответственно южному и восточному краю агоры единообразное архитектурное оформление. В ре-

⁵⁶ X. М. Колобова. Ук. соч., стр. 209—261.

⁵⁷ К этим зданиям относятся — Толос, новый булеветерий, храм Аполлона, маленький храм середины IV в. до н. э., Царская стоя и храм Гефеста, который до последних американских раскопок на агоре неправильно назывался Тезеоном.

⁵⁸ I. T. Hill. Ук. соч., стр. 53 (булеветерий), стр. 59—60 (Толос).

⁵⁹ Там же, стр. 51, 52.

⁶⁰ Там же, стр. 91.

⁶¹ M. Lang. C. W. I. Eliot. The Athenian Agora. A Guide to the Excavations. Athens, 1954, стр. 52.

⁶² I. T. Hill. Ук. соч., стр. 65—66.

⁶³ Там же, стр. 66.

⁶⁴ M. Lang. C. W. I. Eliot. The Athenian Agora, стр. 77.

⁶⁵ I. T. Hill. Ук. соч., стр. 66.

зультате эллинистического строительства агора была окружена зданиями со всех сторон. Сама площадь приобрела теперь близкие к прямоугольнику очертания и близкое к перестплю обрамление. Расположение стоей Аттала и средней стоей под прямым углом друг к другу, планировка торговой агоры указывают на попытки придать агоре регулярный вид. Возможно, что некоторое влияние на тенденцию к регулярному плану имела понийская планировка, тем более что американские исследователи видят в некоторых сооружениях афинской агоры влияние Пергама. Отделение от агоры особой торговой площади или даже создание второй, специально коммерческой агоры также характерно для понийской планировки. Однако здания, расположенные по краям площади, были самостоятельными постройками. Они никогда не представляли собою единого целого, как это имело место в малоазийских городах с регулярной планировкой агоры. Вся агора Афин, скорее всего, была компромиссом между этими двумя типами агоры.

Коринф — один из крупнейших старейших древнегреческих городов — был расположен на относительно пологих холмах. Южнее города круто поднимаются склоны Акрокоринфа с акрополем. Общественный центр Коринфа находился примерно в центре города, на пересечении главных улиц (рис. 1, 8). Здесь же была и торговая площадь. Необходимо отметить, что торговая площадь Коринфа — крупного торгового города греческого мира — была одной из самых больших в Греции. Гражданский центр города VI—V вв. до н. э. составлял холм с храмом Аполлона на вершине⁶⁶ и стоями, окружающими его подножие с трех сторон. Вдоль северной стороны холма располагались так называемый «расписной дом», вероятно служивший баней, стоя и небольшая площадка перед ней, огороженная с севера парапетом⁶⁷. Эти сооружения, вероятнее всего, составляли один комплекс, предназначенный для обучения молодых воинов и являвшийся одновременно арсеналом. С восточной стороны холма было сооружено «северное здание» с двойной колоннадой и рядом помещений позади. Существует предположение, что оно служило для продажи рыбы⁶⁸. Напротив него, через улицу, был построен в V в. до н. э. небольшой храм «А»⁶⁹. В последующее время этот храм был перенесен на новое место⁷⁰. Вдоль подножья холма с юга находилась стоя, предшествующая стое эллинистического времени⁷¹. Перед этой стоей южнее простиралась агора (рис. 3, 4). С востока к агоре примыкали жилые кварталы. Восточную границу торговой площади отмечала стартовая линия для состязания в беге⁷². Здесь же находилась изогнутая терраса, видимо служившая местом для судей. Южнее террасы были обнаружены фундаменты круглого здания, позже превращенного в четырехугольное⁷³. Здание, вероятно, являлось герооном, но, возможно, и толосом. Интересно отметить, что в Коринфе, как и в Истмейском святилище, место могилы героя определяло стартовую линию для состязаний в его честь. В северной части агоры находился священный источник с триглифной стеной и апсидальный храм «В» V в. до н. э.⁷⁴. Западная граница агоры неопределенна. Агора имела неровную

⁶⁶ Corinth..., I, 1, стр. 124 сл.

⁶⁷ Там же, I, 3, стр. 173 сл.

⁶⁸ Там же, I, 1, стр. 212 сл. Основанием для такого определения послужило наличие цементных цистерн в задних комнатах, а также то, что в римское время на этом месте находилось здание для продажи рыбы.

⁶⁹ Там же, стр. 135 сл.

⁷⁰ R. Carpenter. A Guide to the Excavations of Ancient Corinth. Athens. 1934. стр. 27.

⁷¹ Corinth..., I, 2, стр. 89 сл.

⁷² Там же, I, 3, стр. 74; P. MacKendrick. The Greek Stones Speak. London. 1962, стр. 418.

⁷³ R. Martin. Recherches sur l'agora...

⁷⁴ R. Carpenter. A Guide..., стр. 49 сл. В связи с поднятием уровня земли источник превратился позднее в подземное сооружение.

южную границу, проходившую примерно по линии, занимаемой впоследствии центральными римскими лавками. Таким образом, агора V—IV вв. до н. э. занимала район римской верхней агоры⁷⁵.

В IV в. до н. э. происходит значительное расширение агоры, главным образом в южном направлении. К середине этого столетия греческая агора стала включать территорию, занимаемую позже агорой римского времени двух уровней⁷⁶. По южной границе была сооружена длинная двухэтажная стоя⁷⁷. Позади двухнефного портика первого этажа стояло два ряда помещений. Дата строительства этого здания — вторая половина III в. до н. э. Вероятнее всего, стоя служила для торговых целей⁷⁸. На северной стороне агоры, на месте стоя V в. до н. э. была одновременно с предыдущей сооружена северо-западная стоя⁷⁹. Западная граница агоры определена не совсем четко. Возможно, она была немного западнее линии храмов римского периода. Остатков греческого времени в этом районе обнаружено немного. Предполагают наличие здесь одного или нескольких святилищ, в частности Посейдона⁸⁰, но архитектурных остатков их пока не обнаружено. Восточная граница, видимо, оставалась неизменной. Только стартовая линия была перестроена в III в. до н. э. в несколько отличной от предшествующего периода ориентации⁸¹. Сооружения общественного центра Коринфа простояли в этом виде до 146 г. до н. э., когда город был до основания разрушен римлянами. С середины I в. до н. э. начинается восстановление города и его центра.

Делос, один из культовых центров греческого мира, переживал новый подъем в эллинистическое время. Хотя культовое значение острова сохранилось, но ведущую роль в его жизни стала играть торговля. В этот период Делос превратился в большой международный коммерческий центр. Это нашло свое отражение и в строительстве. Если в предшествующее время большая часть построек связана была с культовой жизнью, то в период эллинизма большинство возведенных зданий имело общественный и торговый характер. Строительные работы производились за счет различных полисов, монархов и торговых объединений. Здания сооружались без единой схемы. Общественный центр Делоса находился на берегу гавани, рядом со святилищем Аполлона. Различные культовые и общественные здания растянулись на обширной площади. На территории святилища находились здания пританея⁸² и эkkлeсиастeрия⁸³. Агора Делоса была расположена к югу от теменоса Аполлона⁸⁴. Она представляла собою прямоугольную площадь размером 26,5×43 м (рис. 3, 5). Северную и восточную стороны агоры оформляла Г-образная стоя с рядом помещений сзади, сооруженная в 187—173 гг. до н. э.⁸⁵. Западную сторону агоры обрамляла южная часть стоя первой трети II в. до н. э., к которой со стороны агоры несколько позже был пристроен агорономион⁸⁶. Южную границу агоры первоначально составляла дорога портиков. В III в. до

⁷⁵ Corinth..., I, 3, стр. 75, 76.

⁷⁶ Там же. В греческое время не существовало деления площади на два уровня.

⁷⁷ Corinth..., I, 4.

⁷⁸ Предположение об использовании стоя в качестве гостиницы для представителей, съезжающих на сессии Панэллинской лиги (P. MacKendrick. The Greek Stones... стр. 416), нам кажется, не соответствует действительности. Дело в том, что стоя сооружена во второй половине III в. до н. э. Панэллинский союз к этому времени распался, а Коринф входил в Ахейский союз на правах равноправного члена.

⁷⁹ Corinth..., I, 2, стр. 89 сл.

⁸⁰ Там же, I, 3, стр. 5.

⁸¹ P. Wucherley. How the Greeks Built Cities. London, 1949, стр. 156.

⁸² R. Vallois. Ук. соч., стр. 172—175.

⁸³ Там же, стр. 171, 172.

⁸⁴ Там же, стр. 65, 161, 162.

⁸⁵ Там же, стр. 161, 162.

⁸⁶ Там же, стр. 169.

н. э. вдоль нее была выстроена стоя⁸⁷. С ее сооружением агора стала приближаться к регулярному типу. Эта агора, видимо, служила для административных и коммерческих целей.

Кроме этой агоры, на Делосе было еще две торговые площади. Одна площадь находилась севернее порта⁸⁸, перед зданием базилики, другая — в южной части порта, южнее стои Филиппа⁸⁹. На них не было обнаружено следов монументальных сооружений. При раскопках были найдены остатки временных сооружений для торговли⁹⁰. Эти две площади предназначались главным образом для торговых целей.

Интересны еще два сооружения на Делосе, называемые агорами или подворьями. Эти здания, появившиеся в связи с крупной коммерческой деятельностью острова, представляют собой соединение биржи и местопребывания приезжих купцов из одной местности. Одно такое подворье-биржа — агора италиков II в. до н. э. — расположено севернее святилища Аполлона и представляло собою огромное сооружение размерами 80,6×68,45 м⁹¹. Подворье имело просторный колоннадный двор, окруженный помещениями. Другим сооружением подобного рода, но несколько меньшим по размерам, является агора Посейдона⁹².

Другой город островной Греции, Фасос, был расположен в северной части острова, на пологом холме, поднимающемся от моря в юго-восточном направлении. На вершине холма находился акрополь. Нижний город имел несколько упорядоченную, но в общем иррегулярную планировку. Агора Фасоса находилась недалеко от порта, на пересечении главных уличных магистралей (рис. 1, 5). В начале IV в. до н. э. комплекс агоры подвергся значительным изменениям. Поверхность земли была заново спланирована, и на ней возникла большая площадь ромбовидной формы размерами 120×100 м (рис. 3, 6). Северо-восточная сторона агоры была обрамлена рядом сооружений. В ее западной части было расположено здание III—II вв. до н. э. непонятного назначения⁹³. Посередине находилась небольшая стоя, похожая по форме и, по всей видимости, по назначению на Царскую стою в Афинах⁹⁴. В восточной части находилось небольшое здание II в. до н. э., вероятно служившее для торговых целей⁹⁵. Всю северо-западную сторону агоры занимала длинная стоя начала III в. до н. э.⁹⁶, которая, видимо, предназначалась для различных городских магистратов Фасоса (административных, торговых, финансовых). Вдоль юго-восточной и юго-западной сторон находились длинные узкие сооружения, возможно стои, которые могли использоваться для торговых нужд⁹⁷. На самой площади, в северном углу, находилось святилище Зевса Агорайоса IV в. до н. э. и рядом — остатки круглого сооружения III—II вв. до н. э., вероятно толоса⁹⁸. Хотя трем сторонам агоры было придано единообразное оформление, настоящего единства всего комплекса достигнуто не было. Сооружения стояли отдельно друг от друга, разделенные выходящими на площадь улицами.

В заключение нашего краткого обзора эллинистических городских площадей подведем некоторые итоги.

⁸⁷ Там же, стр. 161; Ph. BrunEAU et I. Ducat. Ук. соч., стр. 131.

⁸⁸ Там же, стр. 104.

⁸⁹ Там же, стр. 74, 75.

⁹⁰ R. Martin. Ук. соч., стр. 444.

⁹¹ E. Lapalus. L'agora des Italiens. «Exploration archeologique de Delos», XIX. Paris, 1939.

⁹² Ch. Picard. L'établissement des Poseidoniastes des Berytas. «Exploration archeologique de Delos», VI. Paris, 1921.

⁹³ J. Dauх. Guide de Thasos. Paris, 1967, стр. 25.

⁹⁴ R. Martin. L'agora, стр. 59—91.

⁹⁵ J. Dauх. Ук. соч., стр. 26, 27.

⁹⁶ R. Martin. L'agora, стр. 9—54.

⁹⁷ J. Dauх. Ук. соч., стр. 30, 31.

⁹⁸ Там же, стр. 34.

Хотя агора продолжала играть важную роль в городской жизни, следует отметить, что в ее деятельности произошли некоторые изменения. В эллинистический период функции агоры несколько сузились в связи с тем, что полисные институты утратили свое значение. Они превратились в административные органы, следящие за порядком в городе, его благоустройством и т. п. Культурное значение агоры сохранилось. Как и прежде, по площади проходили культовые процессы. На самих площадях для совершения ритуальных церемоний сооружались алтари и нередко небольшие святилища, посвященные различным божествам. Агора, как и в

Город	Площадь города	Площадь агоры	Соотношение пл. агоры к пл. города	Город	Площадь города	Площадь агоры	Соотношение пл. агоры к пл. города
	га				га		
Коринф	~350	6,4*	1/54	Приена Пергам	48,4	0,9	1/54
Афины	190	3,5	1/54		90	Верхняя — 0,59 Нижняя — 0,48 Всего ~ 1	
Фасос	~60	1,2	1/50	Магнесия Милет	143	2,6	1/90
Асос	~52	0,93	1/57		100	Северная — 0,5 Южная — 3 Западная — 1,5 Всего 5	1/55

* Вместе с сооружениями вокруг холма с храмом Аполлона.

предыдущий период, оставалась излюбленным местом встреч и прогулок. Иногда агора могла служить местом для спортивных состязаний⁹⁹. Часто по соседству с агорой возводились гимнасии и театры¹⁰⁰. Но ведущая роль в деятельности агоры эллинистического времени принадлежала торговле. В этот период в связи с расширением торговых связей греческого мира происходит увеличение территории агоры¹⁰¹. Кроме того, в крупных торговых городах возникает по несколько торговых площадей¹⁰². Рост торговли приводит к попыткам дифференцировать и отделить площади по функциям. Это нашло свое выражение в появлении специализированных продовольственных рынков¹⁰³.

Интересные данные дает сопоставление площади, занимаемой агорой, с территорией всего города, приведенное на таблице¹⁰⁴.

Из таблицы видно, что в среднем агора эллинистического времени занимает $1/50$ — $1/55$ часть всей территории города. Некоторое отклонение от этих цифр в Пергаме и Милете можно объяснить следующими причинами. В Пергаме, расположенном на крутом склоне горы, было трудно найти подходящее место для устройства обширной рыночной площади. Эта сложность распланирования агоры вызвала необходимость выноса части торговых помещений на улицы и превращения их в своеобразные торговые ряды. Милет же являлся крупным торговым городом эллинистического

⁹⁹ Corinth.... I, 3, стр. 73 сл.

¹⁰⁰ Напротив Северной агоры Милета находился гимнасий (Th. Wiegand, Milet. I, 9, стр. 1—21). Рядом с Западной агорой был расположен стадион (Th. Wiegand, Milet. II, 1). По соседству с агорой Приены располагались гимнасий и театр (Th. Wiegand und H. Schrader, Ук. соч.).

¹⁰¹ Фасос, Коринф.

¹⁰² М. М. Кобылина, Милет, стр. 188, 190—192.

¹⁰³ Th. Wiegand und H. Schrader, Ук. соч., стр. 218.

¹⁰⁴ Соотношение для Делоса подсчитать трудно ввиду недостаточной исследованности границ самого города.

мира. Для ведения широких коммерческих операций соответственно требовалось обширное пространство для торговой площади. Это компенсировалось в Милете наличием трех торговых площадей.

Как и в предшествующий период, агора находилась или в центре города, на пересечении главных улиц, или, как это было в портовых городах, в непосредственной близости от порта (рис. 1). Но в планировке и оформлении самих площадей происходят серьезные изменения. Прежде всего, следует отметить стремление придать эллинистической агоре правильную форму. Особенно хорошо это заметно на примере площадей в городах с регулярной планировкой (Милет, Приена и др.). Почти во всех городах с правильной планировкой агора имеет форму широкого прямоугольника или близкую к нему. В старых городах с иррегулярной планировкой также чувствуется эта тенденция. Если в классический период общественные здания располагались только по некоторым сторонам агоры, то в эллинистический период ими стремились окружить площадь со всех сторон. В архитектуре площадей, как и архитектуре эллинизма в целом, строительство светских, общественных зданий занимало первое место по сравнению с возведением культовых сооружений. Среди зданий, обрамляющих площади, большая роль отводилась длинным и низким (иногда двухэтажным) стоям. Стои служили удобными помещениями для торговли, а равно и приятными местами встреч и прогулок, защищенными от зимних ветров или от летней жары. В зависимости от архитектурного решения площади различают два типа агоры эллинистического времени¹⁰⁵. Агора «старого типа» представляет собой площадь, окруженную со всех сторон зданиями, которые стоят друг около друга и представляют самостоятельные архитектурные единицы. Другой тип — ионийский — представляет площадь, обрамленную с трех сторон непрерывной стоей, иногда двумя Г-образными стоями, а с четвертой — стоей, расположенной через улицу, пересекающую агору.

Необходимо также отметить еще одно характерное для эллинизма явление — стремление придать отдельным зданиям, расположенным вдоль границ агоры и сооруженным в предшествующий период, вид единой колоннады¹⁰⁶. Это достигалось посредством пристройки к ним портиков, выходящих на агору и расположенных примерно на одной линии. Сами площади этого периода в гораздо большей степени, чем в классическое время, украшались различными монументами — статуями, экседрами, разнообразными памятниками и т. п.¹⁰⁷. В результате агора с прилегавшими к ней зданиями являлась одним из самых красивых мест эллинистического города, центром его административной, экономической, религиозной и культурной жизни.

V. S. Dolgoroukov

AGORA HELLÉNIQUE

Résumé

Tout polis antique avait son centre de la vie économique et politique. Le plus souvent c'était l'agora, place principale de la ville. Dans la période hellénique les fonctions de l'agora se rétrécissent car les institutions de polis ont perdu leur importance et se sont transformées en organes administratives. Mais elle retient toujours sa

¹⁰⁵ F. Tritsch. Ук. соч., стр. 64—105; R. E. Wycherly. The Ionian Agora. JHS. XLII, 1942, стр. 21—32.

¹⁰⁶ Ср. планы западной стороны агоры Афин в классический и эллинистический периоды.

¹⁰⁷ Например, на Афинской агоре (I. T. Hill. Ук. соч.).

signification cérémoniale. Pourtant c'est au commerce qu'appartient le rôle primordial dans les fonctions de l'agora. Le développement des relations commerciales amène à l'extension des dimensions de l'agora. Les grandes villes voient apparaître plusieurs places marchandes. Il est à noter que l'agora hellénique s'étend au moyen sur $1/50$ — $1/55$ de la superficie de la ville. L'agora se trouve, tout comme dans la période antécédente, soit au centre de la ville soit à proximité du port. Dans les temps helléniques il y a une tendance évidente de donner à l'agora une forme régulière et de l'entourer de trois côtés par les bâtiments publics.

Dans la décoration architecturale de l'agora un grand rôle était attribué aux stoas (portiques particuliers). En fonction de la réalisation architecturale de la place on distingue deux types d'agora: type ancien et type ionique. L'agora hellénique embellie des monuments différents dans la plus grande mesure que l'agora classique était un un des plus beaux lieux de la ville hellénique, son centre de la vie administrative, économique, religieuse et culturelle.

М. П. АБРАМОВА

О КЕРАМИКЕ С ЗООМОРФНЫМИ РУЧКАМИ

В археологической литературе неоднократно уже рассматривался вопрос о керамике с зооморфными ручками¹. Эти работы посвящены в основном территории Северного Кавказа и Восточного Крыма — областям, в которых сосуды с зооморфными ручками были действительно наиболее широко распространены в первые века нашей эры. В этих работах представлены сводки сосудов с зооморфными ручками, выделено несколько групп в соответствии с типами изображенных животных, поставлен вопрос о хронологическом соотношении реалистических и схематических изображений и т. д. Что же касается этнической принадлежности этой керамики, то авторы исходят из очевидного. По их мнению, факта о связи всех этих сосудов с сарматами. Подобная традиция установилась еще после первой публикации на эту тему — очень обстоятельной статьи К. М. Скалон², написанной в то время, когда меоты, синды и другие племена не были еще окончательно выделены из общей «сарматской стадии» и условно относились к ней. Ссылаясь на эту работу, многие авторы устанавливают на основании находок сосудов с зооморфными ручками факт проникновения сарматов или сарматского влияния на различные, главным образом античные, памятники³. Однако само название статьи К. М. Скалон говорит о том, что в ней рассматривается не столько сарматская керамика, сколько керамика сарматского времени, что и соответствует действительности. Так, если взять территорию наибольшего распространения керамики с зооморфными ручками — районы Северо-Западного Кавказа (главным образом Прикубанье и Нижнее Подонье) и Восточного Крыма (Керченский полуостров), то из 46 сосудов с этой территории, приведенных в упомянутой статье, лишь 5 найдены на памятниках, которые можно отнести к сарматской культуре: погребения у хут. Веселого на Маныче и 4 погребения из Золотого кладбища — курганы у станиц Ладожской, Тифлисской и Усть-Лабинской (Девять братьев). Причем по поводу Золотого кладбища существуют различные точки зрения: его относят как к сарматской⁴, так и к меотской⁵ культуре.

¹ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода, Государственный Эрмитаж. Тр. ОИПК, I, Л., 1941, стр. 173 сл.; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритака. СА, XV, 1951, стр. 248 сл.; е е же. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 392 сл.; В. Б. Виноградов. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. Археологический сборник МГУ, М., 1961, стр. 32 сл.

² К. М. Скалон. Ук. соч.

³ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых Боспорских городов. МИА, 69, 1959, стр. 210; В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошпана. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 176.

⁴ К. Ф. Смирнов. Северский курган. М., 1953, стр. 40 сл.

⁵ Н. В. Афанасьев. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, стр. 44.

Кроме того, два из этих пяти сосудов сделаны в форме птиц (станции Ладожская и Тифлисская⁶) и они явно не сарматского, а южного (скорее всего закавказского) происхождения.

Если взять остальные сосуды с этой территории, то, за исключением беспаспортных или случайных находок, все они найдены в памятниках местных культур: грунтовых меотских могильниках и городищах Прикубанья, земляных и каменных гробницах Восточного Крыма. Все эти памятники, хотя и испытывали в первые века нашей эры влияние со стороны соседних сарматских племен, однако принадлежали местному оседлому населению, жившему здесь и до прихода сарматов. Кроме того, подавляющее большинство сосудов с зооморфными ручками, найденных на этой территории, сделано на гончарном круге, а сарматы, как известно, своего гончарного круга не имели и вывозили гончарную керамику из других областей, главным образом с территории Прикубанья⁷. Район Прикубанья заселяли меоты — гораздо более развитые по сравнению с сарматами племена, у которых гончарный круг появился еще в IV в. до н. э.⁸ М. Г. Мошкова в своей диссертации установила, что центром производства меотской гончарной керамики, бытовавшей у сарматов, был район у станций Усть-Лабинской, Ладожской и Елизаветинской⁹. Именно эта территория и является местом сосредоточения основного числа сосудов с зооморфными ручками на Кубани. Можно, конечно, предположить, что здесь был просто центр производства такого рода сосудов, что меоты, приспособившись ко вкусам появившихся здесь сарматских племен, производили эту керамику именно для них. Однако, как показывают места находок этих сосудов, они были у меотов в гораздо большем ходу, чем у сарматов. Что же касается основной территории распространения сарматской культуры — степи Поволжья и Северного Причерноморья, то в сарматских памятниках причерноморских степей таких сосудов нет совсем. В Поволжье они есть, но между прикубанскими и поволжскими сосудами с зооморфными ручками имеются весьма значительные отличия. Этот факт уже отмечался в литературе: если в Прикубанье и в других областях бытует керамика с ручками как в виде реалистических (чаще), так и в виде схематичных изображений животных, то на основной территории распространения сарматов реалистических изображений животных на керамике нет вообще, а встречаются лишь схематичные изображения¹⁰. При этом в каждой области имеется своя манера изображения стилизованных животных.

Сарматское Поволжье — это область, где зооморфные мотивы на керамике наиболее схематизированы. Только небольшое утолщение или заостренный, как бы оттянутый кверху выступ в верхней части ручки позволяют видеть в этих ручках схематичное изображение животного (см. рис. 1, 1—13). Появление таких сосудов в Поволжье относится к последним векам до нашей эры: два сосуда известны из погребений III — II вв. до н. э. (рис. 1, 1, 2). Однако подавляющее большинство местных сосудов этого типа относится к I в. до н. э. — I в. н. э. Они довольно однотипны как по формам сосудов, так и по формам ручек. Это или кувшины с округлым туловом и одной ручкой или (чаще) сосуды в виде кружек. Из общего числа ручек с заостренным выступом в верхней части выделяются лишь две: кувшин из Бережновского могильника имеет на верхней части ручки два круглых налета, возможно имитирующих глаза животного (рис. 1, 6), кувшин из Калиновского могильника имеет на ручке налет в виде головы барана (рис. 1, 11). Подавляющее большин-

⁶ К. М. Скалон. Ук. соч., табл. XIV, 1, 2.

⁷ М. Г. Мошкова. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. Автореферат канд. дис., М., 1956, стр. 11.

⁸ Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 64.

⁹ М. Г. Мошкова. Ук. соч., стр. 11.

¹⁰ В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 38.

ство сосудов этого типа в период I в. до н. э.— I в. н. э.— лепные, гончарные встречаются только как исключение. Два из них по оформлению ручки не отличаются от лепных (рис. 1, 14, 16), и лишь сосуд из В. Колышлея имеет ручку с налестами в виде лап животного (рис. 1, 15); орнаментация такого типа наиболее характерна для сосудов из Прикубанья (рис. 2, 17—19).

В следующий период (II—IV вв.) производство сосудов с зооморфными ручками в Поволжье резко сокращается. Лепные сосуды такого типа встречаются здесь очень редко, по приемам орнаментации они ничем не отличаются от предшествующего периода (рис. 1, 17, 18). Зато значительно увеличивается количество привозных гончарных изделий (рис. 1, 19—27); причем все они сосредоточены в Южном Поволжье (Астраханская область). Среди этой группы преобладают сосуды с ручками, имеющими горизонтально срезанный отросток в верхней части (рис. 1, 22, 24—27) — черта, характерная и для многих сосудов Восточного Крыма и Северного Кавказа III—IV вв. (рис. 2, 10, 11, 30, 36—39; рис. 3, 3—5, 30—33, 46). Это наиболее выразительные изображения животных на сарматской керамике, однако все эти сосуды привозные.

В Прикубанье и на Дону, где было много реалистических изображений животных на керамике, ручки стилизованы в меньшей степени, чем у сарматов Поволжья. Для стилизованных изображений здесь наиболее характерны отходящие от ручки налесты на тулове сосуда в виде лап, а иногда и хвоста животного (рис. 2, 17—19), а также двойные утолщения (в виде ушей) в верхней части ручки (рис. 2, 21, 22). Круглые плоские налесты, которые К. М. Скалон рассматривает как глаза животного, С. И. Капошина трактует как «заклепки», делающиеся в подражание металлическим сосудам¹¹, что, пожалуй, более соответствует действительности.

Большую группу керамики этого типа в Прикубанье и на Дону составляют сосуды с зооморфными ручками, сделанными реалистично до такой степени, что можно определить породу животного. Среди них в I—II вв. преобладает изображение барана (рис. 2, 23—26, 28). Фигуры животных имеют вытянутые пропорции, морда в большинстве случаев смыкается с горлом сосуда, хвост выделен. Большая часть сосудов имеет характерные для местных формы и сделана на гончарном круге из серой или черной глины очень хорошего качества. Лепные сосуды встречаются здесь как исключение, и делались они, по-видимому, в подражание гончарным.

Таким образом, в начале нашей эры у сарматов Поволжья и у племен Западного Кавказа (включая Прикубанье и Нижний Дон) существовали две совершенно самостоятельные группы керамики с зооморфными ручками, отличающиеся в каждой из областей рядом специфических особенностей. Нельзя поэтому согласиться с мнением В. Б. Виноградова, который считает, что сарматы Поволжья, более отсталые в экономическом отношении, делали свои сосуды со стилизованными ручками в подражание зооморфной керамике Прикубанья, которую, в свою очередь, он выводит из «аристократического ювелирного стиля» сарматских племен¹². Появление керамики с зооморфными ручками следует, вероятно, связать с изображениями животных в ювелирном искусстве, поскольку и те и другие отражают какие-то определенные идеологические взгляды. Но есть ли у нас основания считать такие изображения на предметах торевтики характерными только для сарматов? Этот вопрос имеет две стороны: предмет изображения и манера изображения. Что касается первого, то, рассматривая керамику Прикубанья и Нижнего Дона с реалистическим изображением животных, среди которых основное место занимает изображение

¹¹ С. И. Капошина. Одна из групп керамики с Кобякова городища. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 37—41, рис. 8, 9.

¹² В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 40.

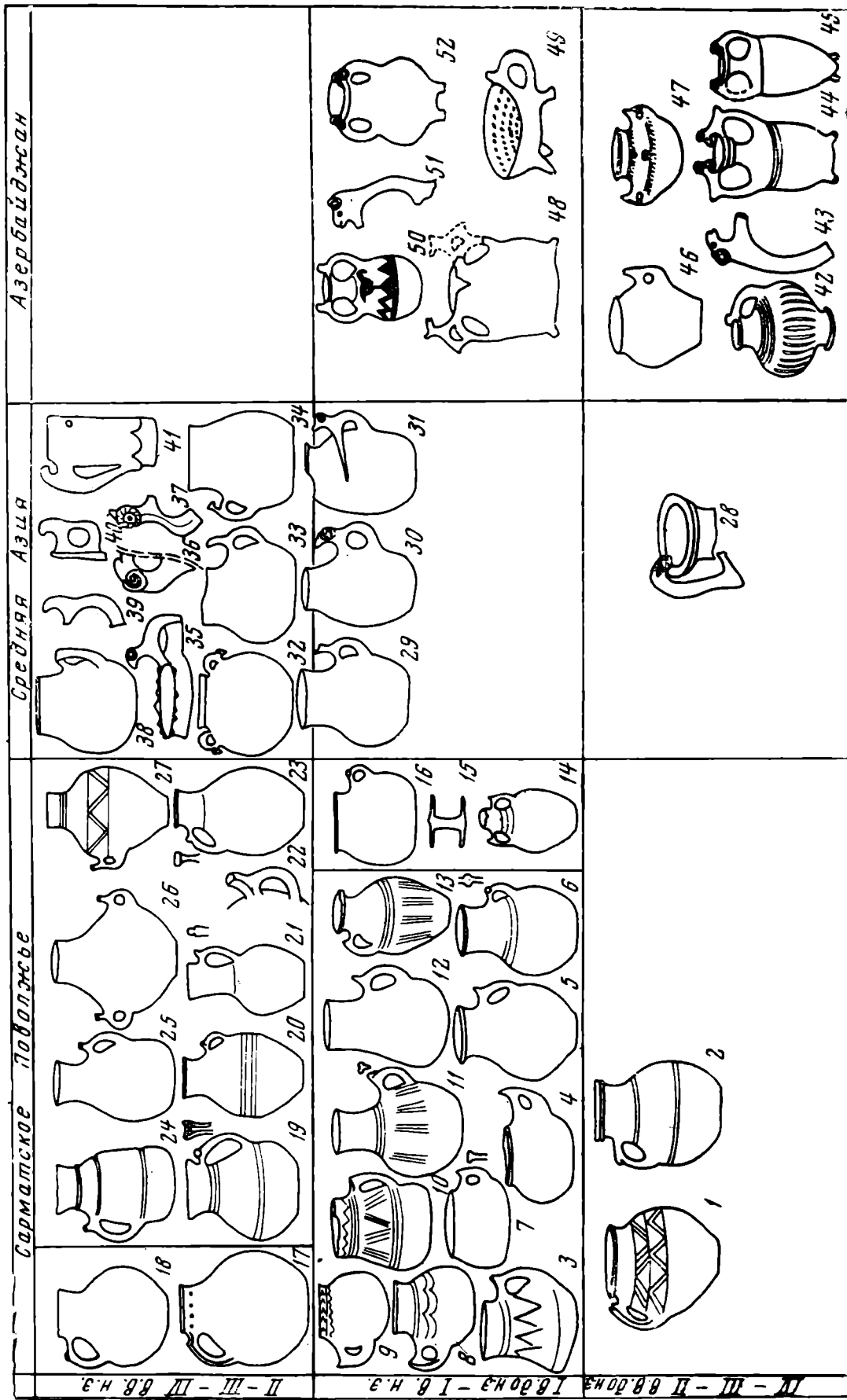

Рис. 1

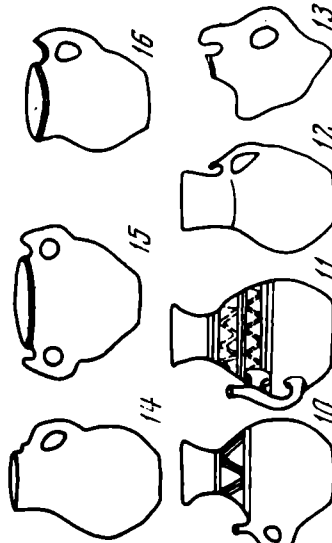
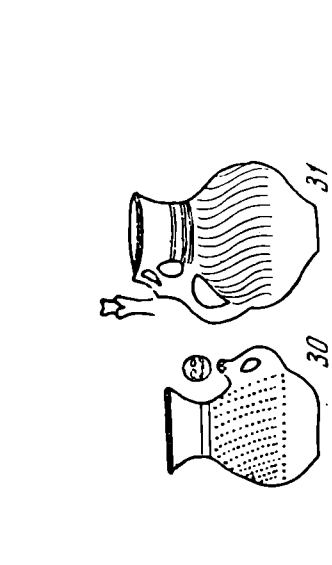
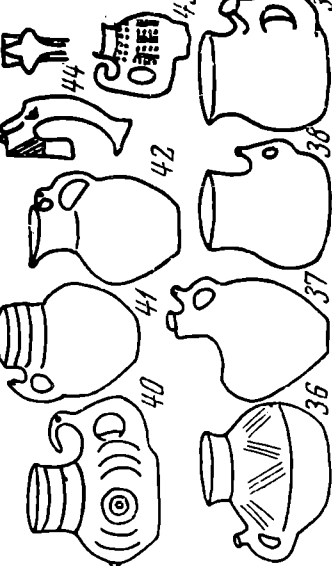
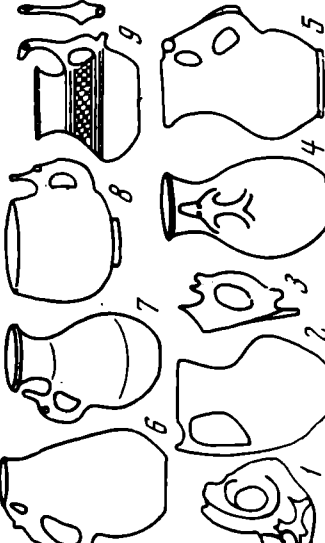
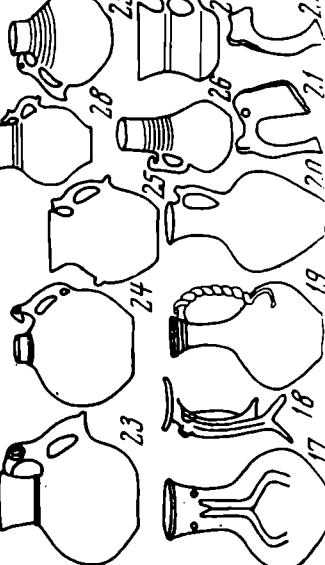
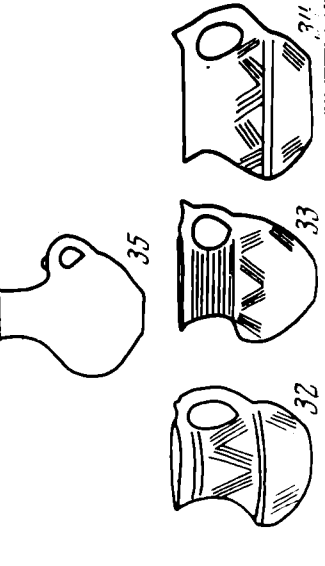
IV IX - XI - XII - I в.в.	Восточный Крым	Прикубанье и Нижн. Дон	Ставрополье
III - IV - V в.в.			
I - II в.в. н.э.			

Рис. 2

Восточный Крым: 1, 3 — Тиритака; 2 — Керченский музей; 4 — Кызаул; 5, 6, 9 — Керчь; 7 — собрание Эрмитажа; 8 — Илурат; 10—12 — Керчь; 13—16 — Тиритака.
 Прикубанье и Нижний Дон: 17 — Лысал Гора; 18 — могильник у ст. Тбилисской; 19, 24 — Усть-Лабинский мог. № 2; 20, 22 — Кобяковский могильник и городище; 21 — р. Кубань (ближе не известно); 23 — Ульский аул; 25 — собрание Новочеркасского музея; 26, 29 — Гниловское городище; 27 — ст. Кубанская; 28 — ст. Ладожская, к. 22; 30, 31 — ст. Воронежская, погр. 1.
 Ставрополье: 32 — 34 — Коба-Вашинский склеп; 35 — из комплекса у 27 шахты; 36 — Тамгацкий мог.; 37, 41 — Кальян-Кала; 38, 42 — Кисловодск; 39 — Гилляч, мог. 14; 40 — Узун-Кол, мог. 10; 43 — Узун-Кол, мог. 4; 44 — аул Терезе; 45 — Рим-гора (Кисловодск)

барана, исследователи приходят к следующему выводу: эту керамику можно считать сарматской, поскольку образ барана играл заметную роль в религии сарматов (например, жертвенная пища в могилу чаще всего состояла из мяса барана)¹³. Однако известно, что мясо барана клали в могилу в качестве заупокойной пищи многие меотские племена¹⁴. Кроме того, сам этот факт ни о чем еще не говорит. Известно, какую роль играло мясо барана в качестве жертвенной пищи у сарматских племен Поволжья и Приуралья, однако изображений барана на предметах искусства у сарматов этих областей почти не встречается: для савроматской эпохи известно лишь одно изображение головы барана на каменном блюде¹⁵. С другой стороны, как мы увидим ниже, культ барана и изображения его были широко распространены на рубеже нашей эры и в первые ее века на различных территориях: в Средней Азии, Закавказье и на Северном Кавказе, что, конечно, не может связываться и не связывается с влиянием сарматов, поскольку это были древние скотоводческие области. Культ барана на Северном Кавказе, как уже отмечала К. М. Скалон¹⁶, имеет древние корни. Известны, например, многочисленные бронзовые изображения барана, его головы или рогов в кобанской культуре. Вещи знаменитого Казбекского клада рассматриваются как приношение отдельных родов своему главному божеству, покровителю плодородия — каменному барану, фигура которого была найдена около ст. Казбек, где находилось его капище¹⁷. Изображения барана встречаются как в самом скифском искусстве, так и в античных памятниках Северного Причерноморья и Крыма скифского времени: в Ользии найдены подвески из египетской пасты в виде бараньей головы, золотые серьги VII в. до н. э. с бараньими головками на концах, зеркала с ручками, украшенными головками баранов¹⁸. В кургане Куль-Оба около Керчи был найден ритон с головой барана¹⁹, в одном из склепов Керчи обнаружено ожерелье с фигурой лежащего барана, покрытой сканным узором²⁰. Изображения барана имеются и в ювелирном искусстве Прикубанья в первые века нашей эры и в более раннее время. Так, знаменитые синдские Семибратние курганы содержат целый ряд таких изображений: золотой рог для питья с бараньей головой на конце, бронзовый сосуд с изображением юноши, стоящего на бараньей голове²¹. Найдены также изображения и в кургане Большая Близица на Тамани. Что касается интересующего нас времени (т. е. первых веков нашей эры), то в Прикубанье изображения барана встречаются как в погребениях, которые по обряду можно отнести к сарматам, так и в местных могильниках²².

Таким образом, мотив барана встречается на очень широкой территории. В Прикубанье же этот мотив не был занесен сарматами, поскольку он бытовал здесь еще в скифское время. Поэтому появление изображений барана на керамике Прикубанья не может быть вызвано сарматским влиянием.

Как уже отмечалось, В. Б. Виноградов связывает появление керамики с зооморфными ручками с распространением аристократического

¹³ К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 182.

¹⁴ М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Тр. Краснодарского ГПИ, VI, 1, 1937, стр. 25, 31; Н. В. Анфилов. Ук. соч., стр. 61; его же. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 189, 202.

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 237, рис. 75, 4.

¹⁶ К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 183, 184.

¹⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 363.

¹⁸ Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, 34, 1914, стр. 24—27.

¹⁹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. II, СПб., 1889, стр. 86.

²⁰ Там же, стр. 154, 155.

²¹ И. Толстой, Н. Кондаков. Ук. соч., I, СПб., 1889, стр. 84—86.

²² Например, золотые серьги с фигуркой барана из грунтового могильника у ст. Ладожской. См. Н. В. Анфилов. Из прошлого Кубани, стр. 46, 47.

ювелирного стиля у сарматов. В частности, прототипами этой керамики он считает драгоценные золотые сосуды с ручками в виде фигур животных, встречающиеся у сарматов (Новочеркасский клад, мигулинский сосуд)²³. Однако эти золотые сосуды по времени не предшествуют глиняным с зооморфными ручками, а появляются с ними одновременно. Кроме того, хотя манера изображения животных на золотых и на глиняных сосудах сходна (что, кстати, может свидетельствовать об общих корнях их возникновения), между ними есть и существенные отличия. На золотых сосудах мы встречаем только изображения диких животных (оленя и хищников), что вообще характерно для образцов ювелирного искусства скифов и сарматов. В. Б. Виноградов правильно отметил связь этих сосудов с алебастровыми сарматскими сосудами²⁴, которые также имеют ручки в виде хищных животных, чаще всего львов²⁵. Но там никогда не изображается фигура стоящего животного, все они лежат. Точно такие же лежащие фигурки львов украшают стенки и крышку золотого сосуда из Ольвии²⁶. Лежащие львы в этих случаях очень напоминают львов на плакетках из египетской пасты, так широко распространенных в Северном Причерноморье в первые века нашей эры.

В отличие от ювелирных и алебастровых сосудов, для отделки которых использовались пришлые восточные мотивы, повседневная глиняная посуда украшалась образами животных, наиболее знакомых жившим здесь племенам. Что касается манеры их изображения, то такую же мы встречаем на некоторых (но далеко не на всех) сосудах из Азербайджана²⁷ и Средней Азии²⁸, где они начинают распространяться почти одновременно с Прикубаньем и с сарматским Поволжьем.

Таким образом, нет достаточных оснований выводить прикубанские сосуды с зооморфными ручками из сарматских ювелирных изделий, так же как нет оснований вообще приписывать их сарматам.

На рубеже и в первые века нашей эры сосуды с зооморфными ручками почти одновременно появляются сразу в нескольких областях (Прикубанье, Нижнее Подонье и Восточный Крым, Сарматское Поволжье, Средняя Азия, Закавказье, главным образом Азербайджан, Северный Кавказ.) В изображении животных в каждой из этих областей имеются свои специфические черты, что позволяет утверждать самобытность всех этих очагов.

В Крыму сосуды такого типа находят на территории Керченского полуострова — в Керчи и окружающих ее памятниках — Тиритаке, Илурате и др. Там встречаются как реалистические изображения животных, так и схематические, причем последние наиболее характерны для позднего периода (III—IV вв.)²⁹, хотя бытуют и в I—II вв. Подавляющее большинство реалистических зооморфных мотивов изображает фигуру кабана (рис. 2, 4—8). Гораздо реже встречается образ птицы (рис. 2, 9)³⁰. В Тиритаке найдены два сосуда с изображением собаки, но оба они весьма

²³ В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 41.

²⁴ Там же, стр. 41.

²⁵ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XII, 31.

²⁶ А. И. Фурманська. Курганы біля с Долини. АП, VIII, 1960, стр. 138, рис. 100, 5.

²⁷ Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. МКА, II, Баку, 1951, стр. 103 сл., рис. 5, 15—17, 25—28, 37.

²⁸ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 153, 154, рис. 67.

²⁹ Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки..., стр. 255.

³⁰ К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 185 сл., рис. 9, 10, табл. III—V; VII; IX; Е. Г. Кастанаян. Ук. соч., стр. 248, рис. 2; И. Т. Кругликов. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, 33, 1954, стр. 90, рис. 3; табл. II, 18, 21—23, 45; В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 95, рис. 90, 1, 2; Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Илурата. МИА, 85, стр. 276, рис. 3.

специфичны: изображения их рельефные и не служили ручками³¹. От ручки одного сосуда отходят книзу налепы (рис. 2, 1) — черта, характерная, как мы видели, и для прикубанской керамики. Сосуды с изображением кабана составляют группу, характерную главным образом для Керчи и ее окрестностей I—II вв. Форма и глина этих сосудов тоже местная, сделаны они в подавляющем большинстве на гончарном круге. Все это позволило К. М. Скалон установить керченское происхождение данной группы керамики³². И. Т. Кругликова совершенно правильно подчеркнула, что массовое производство этих сосудов свидетельствует о большом спросе на них со стороны горожан и что они выделялись не только для окружающих Керчь местных племен, но и для населения самого Пантикапея³³. Этот вывод очень важен для решения этнических вопросов, поскольку нахождение такой керамики на античных памятниках не свидетельствует о том, что здесь налицо проникновение чуждых этнических элементов. Однако распространение в Керчи такой керамики — несомненный признак усилившегося варварского влияния, хотя и не обязательно сарматского. Сарматы появляются на Северо-Западном Кавказе с III—II вв. до н. э. Зооморфные сосуды распространяются с рубежа и первых веков нашей эры, когда сарматы заняли все Северное Причерноморье вплоть до Дуная. Однако зооморфные сосуды возникают лишь на определенной территории — Восточного Крыма, Прикубанья и Северного Кавказа. Поэтому, если даже признать, что приход сарматов в эти области каким-то образом повлиял на возникновение данной группы керамики, нельзя никоим образом умалять значения местных племен в ее создании.

Вторую группу сосудов Восточного Крыма составляют сосуды с изображением птицы. Этот мотив, кроме Крыма, встречается на керамике Фанагории³⁴ и Северного Кавказа (Алхан-Кала. Кисловодск; рис. 2, 42; рис. 3, 34)³⁵.

В III—V вв. для Восточного Крыма характерна керамика лишь со стилизованными зооморфными ручками. Последние имеют отросток в верхней части (рис. 2, 10—16), который заканчивается иногда горизонтальным срезом (рис. 2, 10—11), — черта, характерная и для северокавказской посуды этого времени, что уже отмечалось И. Т. Кругликовой³⁶. Такого типа керамика бывала в III в. и в Прикубанье (рис. 2, 30).

Таким образом, распространение керамики с зооморфными ручками в Восточном Крыму, так же как и в Прикубанье, вызвано усилившимся влиянием варварских племен, среди которых надо отдать предпочтение не сарматским, а местным восточнокрымским и северокавказским племенам.

У племен Северного Кавказа керамика с зооморфными ручками была распространена довольно широко по всей территории от Азовского до Каспийского моря. Прикубанье выделяется в самостоятельную область по наличию там местного центра производства гончарной керамики с зооморфными ручками, которая распространялась и в соседние области. На территории Северного Кавказа выделяются еще две области с подобными же изделиями. Одна из них, непосредственно примыкающая к прикубанской группе, включает юго-западную часть Ставрополя (Карачаево-Черкесия и район Кисловодска). Вторая — восточная область — охватывает центральные и восточные районы Северного Кавказа — Кабар-

³¹ Т. Н. Книпович и Л. М. Славян. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, 4, 1941, стр. 51, рис. 72; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки, стр. 248, рис. 1.

³² К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 193.

³³ И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 94.

³⁴ И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, 57, 1956, стр. 124, рис. 5, 8.

³⁵ К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 206, рис. 17; стр. 213, рис. 19.

³⁶ И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 101, табл. II, 45.

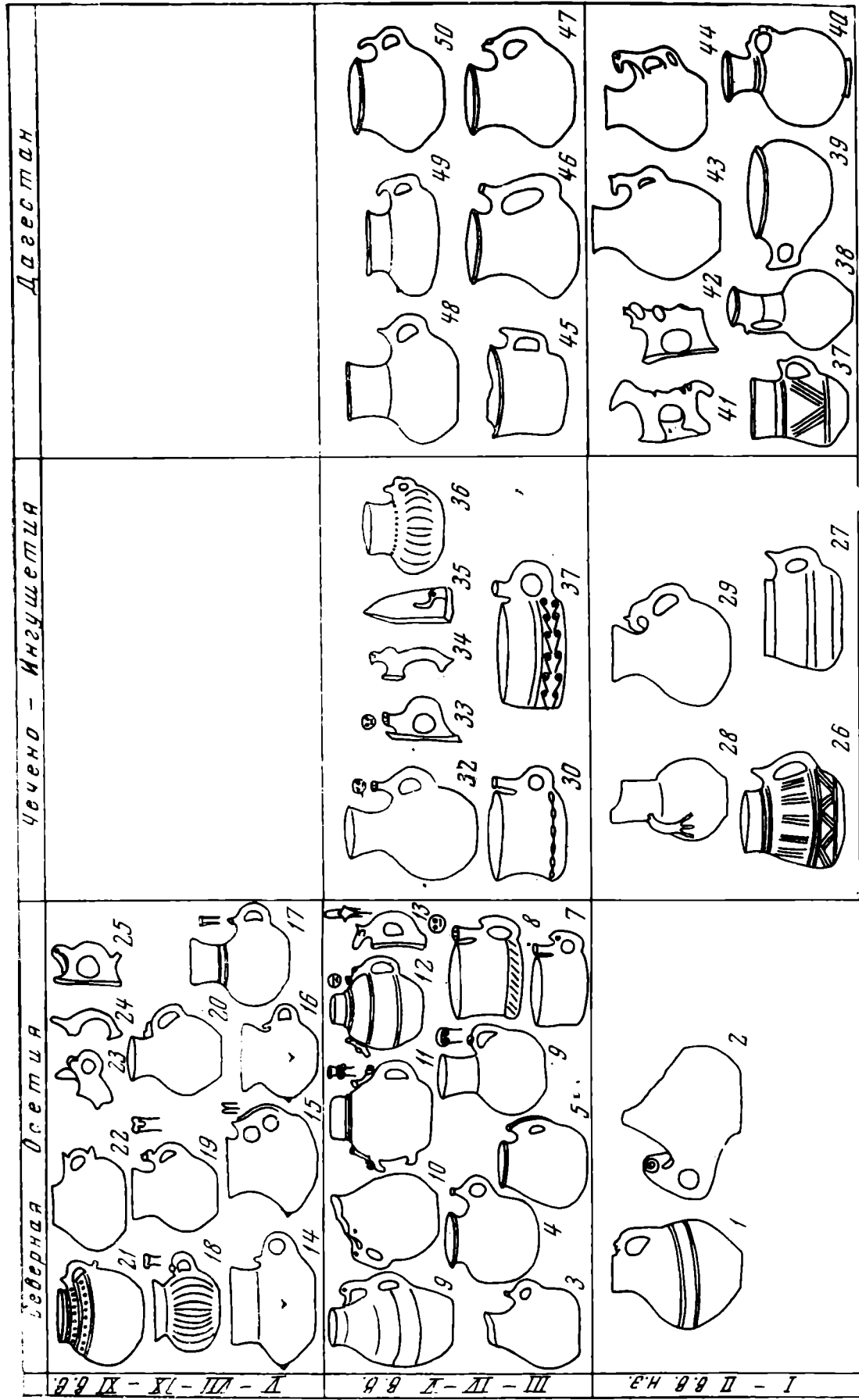

Рис. 3

Северная Осетия: 1 — Моздок, 1935 г., п. 1; 2 — Моздок, 1935 г., п. 6; 3 — Моздок, 1935 г.; 4 — Задалиск; 5 — Чми; 6 — Рутха; 7 — Галиат; 8 — Донифарс; 9 — Моздок, 1936 г.; 10 — Задалиск; 11 — Кумбулга; 12 — Камунга; 13 — с. Бекович; 14, 15 — Кумбулга; 16, 19 — Галиат; 17, 18 — Донифарс; 20 — Чми; 21 — Саниба; 22 — Змейский могильник; 23—25 — Змейское поселение.
Чечено-Ингушетия: 26 — Мекенская, к. 4, п. 12; 27 — Н. Аршти, к. 10, п. 1; 28 — Грозный; 29, 30, 32, 36 — Алды; 31 — Алкасте; 33, 34 — поселение Алхан-Када; 35 — пос. Сержень-Юрт.
Дагестан: 37—41 — Таркинский мог.; 42 — пос. у с. Капчугай; 43, 44 — Урценский мог.; 45—47, 50 — Большой Буйнакский курган; 48, 49 — Ка- рабудахкентский мог. (раскопки Колубского)

дино-Балкарию³⁷, Северную Осетию, Чечено-Ингушетию и Дагестан. На всей этой территории на рубеже нашей эры и в I—II вв. на ручках сосудов изображаются главным образом весьма схематичные фигуры животных.

Большинство сосудов имеет заостренный, как бы оттянутый кверху выступ в верхней части ручки, что роднит их с сарматскими сосудами данного типа I в до н. э.—I в. н. э. Такая посуда найдена в Карачаево-Черкесии (Коба-Башинский склеп рубежа и первых веков нашей эры; рис. 2, 32—34)³⁸, в Дагестане (Таркинский могильник I—II вв.; рис. 3, 37—40)³⁹, в Чечено-Ингушетии (Мекенская, Новый Аршти; рис. 3, 26, 27)⁴⁰, причем последние образцы сходны с сарматскими не только по форме ручек, но и по форме самих сосудов, да и найдены они на памятниках, которые связываются В. Б. Виноградовым с сарматской культурой⁴¹. Однако в Карачаево-Черкесии и в Дагестане ручки подобной формы имеются и у несомненно местных сосудов (рубежа и первых веков нашей эры). Поэтому если даже признать, что появление таких ручек на Северном Кавказе связано с сарматским влиянием, то при решении этнических вопросов нужно учитывать, что аналогичные ручки имелись и на местных сосудах, которые либо были выработаны местным населением самостоятельно, либо заимствованы ими у сарматов.

Встречаются в этот период и сосуды с двумя налепами-ушами в верхней части ручки (Моздокский могильник; рис. 3, 1)⁴² и просто с круглыми налепами на ручке (Карачаево-Черкесия, II—IV вв.; рис. 2, 35)⁴³.

В памятниках Северной Осетии и Чечено-Ингушетии I—II вв. встречаются и реалистичные (Моздок; рис. 3, 2)⁴⁴, и менее схематичные — с налепами в виде ушей, лап и хвоста животного (Грозный; рис. 3, 28)⁴⁵ — изображения животных. Это обычно сероглиняные гончарные сосуды. Их можно, вероятно, рассматривать как результат прикубанского влияния. В. Б. Виноградовым уже отмечалось значительное меотское влияние, прослеживаемое, в частности, на материалах Моздокского могильника, где найдено несколько таких сосудов⁴⁶.

Кроме того, на территории Дагестана найдена группа сосудов с изображением лошади, датируемая первыми веками нашей эры. Впервые такая находка сделана в Таркинском могильнике сарматского времени (рис. 3, 41). Лошадь имеет седло и фалары на плечах и бедрах⁴⁷. Ручка в виде животного (возможно, лошади) найдена на поселении у с. Капчугай (рис. 3, 42)⁴⁸. Целая группа сосудов с реалистическим изображением лошади найдена при раскопках Урцекского городища и могильника на красноглиняных сосудах местных форм⁴⁹ (рис. 3, 43, 44).

³⁷ Поскольку таблицы сосудов с зооморфными ручками составлялись в основном по опубликованным материалам и материалам из фондов ГИМ, они не отражают развития керамики этого типа в некоторых областях, в частности в Кабардино-Балкарии, где типы керамики в основном сходны с североосетинскими.

³⁸ Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Тр. КЧНИИ, 5, сер. истор., Ставрополь, 1966, табл. VI, 2, 3; VII, 3.

³⁹ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1951, стр. 220, рис. 11, 1; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. Там же, рис. 19, 3, 4; рис. 21, 1, а, 2; рис. 22, 2.

⁴⁰ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. ЧИНИИ, VI, 1963, стр. 190, рис. 12; стр. 209, рис. 36, 6.

⁴¹ В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 44, 82.

⁴² Моздок, 1935 г., погр. 1, Эрмитаж, ОИПК, 1468/3.

⁴³ Е. П. Алексеева. Ук. соч., табл. II, 1.

⁴⁴ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, рис. 33, 6.

⁴⁵ Там же, рис. 39, 8.

⁴⁶ Там же, стр. 62.

⁴⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., рис. 19, 1.

⁴⁸ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, рис. 45, 8.

⁴⁹ Материал не опубликован. В. Г. Котович, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет о работе приморской археологической экспедиции:

К этой же группе надо, очевидно, отнести и сосуд с изображением лошади, найденный около Грозного (Алды; рис. 3, 29)⁵⁰.

Таким образом, в искусстве Северного Кавказа, наряду с очень сильно схематизированными изображениями животных, одновременно (на рубеже и в первые века нашей эры) в двух территориально локальных группах существовали реалистические изображения зооморфных фигур. Одна из этих групп включала меотское Прикубанье и территорию Нижнего Дона (среди изображений этой группы преобладал мотив барана). Другая была расположена в Дагестане (здесь господствовали сосуды с изображением лошади). Однако единичные экземпляры сосудов с реалистическими изображениями различных животных встречаются по всей территории Северного Кавказа.

Следующий период охватывает III—V вв. Сосуды этого типа на Северном Кавказе становятся гораздо более многочисленными, чем раньше.

В этот период нет или почти нет реалистических изображений, за исключением фигур птиц, найденных около Кисловодска (рис. 2, 42) и в Алхан-Кале (Чечено-Ингушетия) (рис. 3, 34).

Стилизованные ручки меняют форму. Так же как и у сосудов Восточного Крыма, они имеют в верхней части отросток, который часто заканчивался горизонтальным срезом. Ручки такой формы характерны для сосудов IV—V вв. Карачаево-Черкесии (Тамгацкий могильник⁵¹, гробницы на горе Кляян-Кала;⁵² рис. 2, 36—37). Их формы характерны для этой области, и они несомненно местного происхождения.

Керамика с такими ручками характерна и для восточной группы. Это сосуды III—V вв. из курганов у сел. Алды⁵³ (рис. 3, 30, 32), есть они и среди материалов III—V вв. Алхан-Калинского городища. Некоторые из них имеют на верхнем срезе изображение глаз и рта⁵⁴ (рис. 3, 32, 33). Такой же рисунок имеется на срезе ручки одного кувшинчика из Прикубанья (ст. Воронежская, погребение III в.; рис. 2, 30)⁵⁵. Наиболее же характерны они для территории Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (рис. 3, 7, 8).

Ручка с горизонтально обрезанным отростком обнаружена на одном сосуде из Алхастинской катакомбы II—III вв.⁵⁶ (рис. 3, 31), что уточняет раннюю дату их появления. Сходные образцы найдены на многих других памятниках Северной Осетии (Задалиск, Делаккау, Кумбулта, Кумунта, Чми и т. д.; рис. 3, 4, 5, 11, 12)⁵⁷. Комплексы, в которых они встречаются, установить сейчас невозможно, однако все эти коллекции содержат ряд вещей IV—V вв., хотя в некоторых из них (Кумбулта, Галиат) хорошо представлен и материал более позднего времени.

в 1963 г. Архив ИА АН, д. № 2731, рис. 35, 13, 14. Пользуюсь случаем поблагодарить В. Г. Котовича за разрешение использовать неопубликованные материалы его экспедиции.

⁵⁰ ГИМ инв., № 18930.

⁵¹ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК, 60, 1955, стр. 75, рис. 30, 3.

⁵² В. М. Сысоев. Археологическая экскурсия по Закубанью. МАК, IX, 1904, стр. 156, рис. 64.

⁵³ Собрание и раскопки А. А. Бобринского в 1888 г. ГИМ, № 18930 и 25155.

⁵⁴ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, рис. 43, 8.

⁵⁵ Н. В. Анфилов. Позднесарматское погребение из Прикубанья. Сб. «Археология и история Боспора». I, Симферополь, 1952, стр. 205 сл.; его же. Отчет об археологических работах, проведенных Краснодарским краевым историко-краеведческим музеем в 1948 г. Архив ИА, д. 244, 245.

⁵⁶ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ. XII, М., 1941, стр. 183—185, табл. VII, 3.

⁵⁷ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, табл. LXXXV, 6; СХХVIII, 7; СХХIX, 7.

Почти все сосуды ранней группы (III—IV—V вв.) найдены на памятниках, которые по обряду (каменные ящики, каменные гробницы) связываются с местными кавказскими племенами.

Несомненно местной является керамика такого типа и в Дагестане. Сосуды с подобными стилизованными ручками найдены в Буйнакском могильнике III—V вв.⁵⁸ Здесь такие ручки встречаются как на характерной для Дагестана красноангобириванной керамике (табл. III, 45), так и на сосудах грубой серой глины, сходных с некоторыми сосудами западных областей (табл. III, 46, 47).

В это же время (III—V вв.) на Северном Кавказе были распространены и другие (менее стилизованные) зооморфные ручки.

Так, в Дагестане, в Буйнакском и в одновременном с ним, судя по керамике, Карабудахкентском могильнике найдены красноглиняные красноангобириванные сосуды с ручками, верхний отросток которых как бы заострен и слегка загнут в сторону сосуда, так что фигура животного приобретает более реалистические очертания⁵⁹ (табл. III, 48—50).

Ручки подобных или несколько иных форм характерны и для многих памятников Верхнего Прикубанья (Узун-Кол⁶⁰, Гиляч⁶¹, Кляян-Кала⁶²; табл. II, 40, 41, 43). В разрушенном курганном могильнике III—IV вв. у аула Терезе (р. Подкумок) Е. П. Алексеевой была обнаружена ручка сероглиняного сосуда в виде фигуры животного с двумя ушами. Передняя часть морды вытянута и соприкасается непосредственно со стенкой сосуда⁶³ (рис. 2, 44). Такие же ручки имеются у двух сосудов из Северной Осетии (Задалиск, IV—V вв.⁶⁴ и Моздок⁶⁵; рис. 3, 9, 10). К этому же времени, очевидно, надо отнести и сосуд с подобной ручкой из с. Бекович (Северная Осетия⁶⁶, рис. 3, 13) и два сосуда из Кумбулты и Камунты⁶⁷ — шаровидные с двумя симметричными ручками в виде фигур животных, передняя часть морды которых плотно прилегает к тулову сосуда и имеет на конце расширенную площадку (в виде пяточка). На одном из сосудов на срезе ручки имеется изображение глаз и рта (рис. 3, 12), как и на сосудах из Алды, Алхан-Калы, Галиата. Ручки такого сосуда из Камунты украшены налечами в виде бараньих рогов (рис. 3, 11). Налечи в виде рогов барана есть и на одном сосуде из Рутхи⁶⁸ (рис. 3, 6).

Таким образом, в III—V вв. для местных племен Северного Кавказа была характерна, наряду с обычной, керамика с зооморфными ручками. Из них наиболее стилизованные формы (как бы с обрезанным верхним отростком) бытуют на широкой территории — от Восточного Крыма до Дагестана. Ручки других, более реалистических форм также имеют ряд общих черт, хотя в каждой области у них имеются свои местные особенности. Кроме того, в каждом из рассматриваемых районов (Карачаево-Черкесия, Северная Осетия и Чечено-Ингушетия, Дагестан) они встречаются на сосудах местных форм, характерных именно для данной территории. Поэтому можно утверждать, что они развивались параллельно в разных областях Северного Кавказа, а не распространялись из какого-то определенного центра в соседние районы.

⁵⁸ ГИМ, инв. № 42837 и 57773.

⁵⁹ Раскопки Козубского 1888 г. ГИМ, инв. № 42837.

⁶⁰ Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол. СА, 1960, 2, стр. 195, 196, рис. 3, 3; 4.

⁶¹ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, рис. 15, А-4.

⁶² В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 155, рис. 63.

⁶³ Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры. табл. 20, 1 — а.

⁶⁴ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 190, рис. 166; ГИМ, инв. № 55421.

⁶⁵ Случайная находка. Эрмитаж, ОИПК, № 1471.

⁶⁶ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, рис. 38, 6.

⁶⁷ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. СХХIX, 16; табл. СХХVIII, 9.

⁶⁸ ГИМ, инв. № 55421.

На территории Северного Кавказа сосуды с зооморфными ручками бытуют очень долго. Но в более позднее время они сосредоточены главным образом в центральных районах (Сев. Осетия и Кабардино-Балкария). Для V—VII вв. (Галиат, Кумбулта)⁶⁹ характерны сосуды с небольшим отростком или утолщением в верхней части ручки (рис. 3, 14—16). В погребениях VII—IX вв. (Чми, Галиат, Донифарс)⁷⁰ встречаются сосуды с различными налестками в верхней части ручки (рис. 3, 18, 20), иногда в виде головы барана (рис. 3, 19). Ручки с двумя отростками (в верхней и нижней части) характерны для X—XI вв. (Саниба⁷¹, Змейская⁷²; рис. 3, 21, 22). В Змейской, кроме того, найден целый ряд фрагментов сосудов с зооморфными ручками, содержащими элементы орнамента, характерные и для более ранних периодов⁷³ (рис. 3, 23—25). Сосуд с зооморфной ручкой найден и в катакомбе X—XI вв. у Кисловодска (Римгора; рис. 2, 45)⁷⁴.

В отличие от первых веков нашей эры, когда сосуды с зооморфными ручками встречаются в основном в памятниках местных племен, в позднем периоде (V—XI вв.), когда вообще происходит нивелировка в материальной культуре местных и аланских племен, они довольно широко распространяются и среди инвентаря катакомбных погребений алан.

Следующая большая группа зооморфной керамики сосредоточена в Азербайджане. В Азербайджане сосуды с изображениями животных начинают распространяться очень рано. Для конца II — начала I тысячелетия до н. э. характерна керамика с резными изображениями животных инкрустированными белой пастой⁷⁵. В то же время распространяются сосуды в виде фигур животных и птиц⁷⁶. Одновременно такие же сосуды известны на территории Южного Азербайджана⁷⁷. Керамика этого типа широко распространена на памятниках древней Албании (IV—III вв. до н. э.) и вплоть до рубежа нашей эры (I в. до н. э.— I в. н. э.)⁷⁸. Сосуды изображают фигуры утки, голубя, гуся, коровы, оленя, козла и др.⁷⁹.

Зооморфной керамике Азербайджана последних веков до нашей эры и рубежа нашей эры посвящена специальная литература⁸⁰, где даны ее типология и датировка. В этот период для Азербайджана характерно необычайное разнообразие керамики с зооморфными украшениями. Помимо сосудов в форме животных, здесь есть сосуды, украшенные полуфигурками и головками зверей, есть и рельефные изображения, которые со временем все более и более стилизуются. Есть здесь и группа интересующих нас сосудов с зооморфными ручками, среди которых преобладают реалистические изображения. Среди них в IV—III вв. до н. э. на первом месте стоит изображение барана (рис. 1, 43—45), хотя в начале I тысячелетия до н. э. керамику часто украшали изображениями и других животных⁸¹.

Изображение барана вообще очень характерно для зооморфной керамики Азербайджана. Оно бывает как реалистическим, так и схематич-

⁶⁹ ГИМ. Дар. МАО, № 222; ГИМ, инв. № 55421.

⁷⁰ ГИМ, инв. № 25276; ГИМ, инв. № 25192, 25196.

⁷¹ ГИМ, инв. № 54746.

⁷² В. А. Кузнецов. Ук. соч., рис. 3В, 10.

⁷³ В. Б. Деопик. Змейское средневековое селище. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. МАДИСО, I, 1961, стр. 47, рис. 6.

⁷⁴ В. А. Кузнецов. Ук. соч., рис. 3В, 18.

⁷⁵ Так называемая белоинкрустированная керамика. ГИМ, инв. № 41534, 41536.

⁷⁶ Н. И. Рзаев. Художественная керамика Кавказской Албании (IV в. до н. э.— I в. н. э.). Баку, 1964, стр. 8.

⁷⁷ R. Ghirshman. Fouilles de Siak. I, Paris, 1938, табл. XIX, 2.

⁷⁸ Н. И. Рзаев. Ук. соч., стр. 10, 11; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Альбом кувшинных погребений. Баку, 1960, стр. 24, табл. XXX, 1, 2, 7.

⁷⁹ Н. И. Рзаев. Ук. соч., стр. 7, 8.

⁸⁰ Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. МКА, II, 1951, стр. 103 сл.; Н. И. Рзаев. Ук. соч.

⁸¹ Н. И. Рзаев. Ук. соч., стр. 17.

ным⁸² (рис. 1, 52). Зооморфные ручки сосудов в IV—III вв. до н. э. передают также фигуры собаки и ряда других животных⁸³ (рис. 1, 48). Отличие сосудов Кавказской Албании от аналогичных сосудов других областей заключается в том, что они имеют обычно две симметрично расположенные ручки, что придает им более парадный вид⁸⁴. Н. И. Рзаев считает, что все эти изображения животных возникли на базе древних культовых представлений; в начале нашей эры они полностью стилизовались, превратившись постепенно в декоративно-орнаментальные мотивы⁸⁵.

Самой восточной областью распространения керамики с зооморфными ручками являются среднеазиатские районы. На рубеже и в первых веках нашей эры здесь существовала целая группа сосудов такого типа. Однако наиболее ранними являются гончарные изделия раннекангуйского времени (IV—II вв. до н. э.), найденные в Хорезме⁸⁶. Они выделяются из общего круга рассматриваемых нами сосудов тем, что имеют изображение хищного животного: на верхней части ручки у них помещался налеп в виде головы льва (рис. 1, 28). Керамика эта несомненно парадная, она отличается очень хорошим качеством выработки, имеет иногда зеркальное лощение, львиные головы оттискивались в формах⁸⁷.

Керамика рубежа и первых веков нашей эры была сосредоточена главным образом по среднему течению р. Сырдарьи. Из районов с зооморфной керамикой к ним ближе всего стоят сарматские области, что позволило некоторым исследователям связывать появление в Средней Азии такой керамики с сарматским влиянием⁸⁸. Однако вся среднеазиатская керамика носит несомненно местный облик. Сосуды в большинстве случаев имеют вид кубков или кружек с одной ручкой. Очень часто поверхность их покрывалась красным или белым ангобом, что вообще характерно для многих среднеазиатских сосудов, начиная с последних веков до нашей эры⁸⁹. Что касается форм ручек, то здесь встречены как реалистичные изображения животных, так и схематичные. Среди реалистичных изображений этого района преобладают изображения барана. Особенно много их в Ташкентской области (Каунчи-Тепе и другие городища⁹⁰, Большой Ташкентский канал⁹¹, район Ташкента⁹²; рис. 1, 30, 31, 36, 37). Хотя здесь, как и в Прикубанье, преобладает изображение барана, манера его выполнения в этих районах различная: фигуры баранов имеют здесь менее вытянутые пропорции, хвост не выделяется, сильнее подчеркиваются рога, морда никогда не касается горла сосуда.

Все указанные памятники датируются рубежом и первыми веками нашей эры. В этих же районах найдены и схематические изображения животных⁹³ (рис. 1, 33, 34, 39, 40).

⁸² Т. И. Голубкина. Ук. соч., стр. 109, рис. 5; стр. 118, рис. 15, 16; стр. 120, рис. 17; стр. 116, рис. 14; стр. 121, рис. 20; стр. 125, рис. 25.

⁸³ Н. И. Рзаев. Ук. соч., рис. 8—10.

⁸⁴ Там же, рис. 8—10.

⁸⁵ Там же, рис. 33, 34.

⁸⁶ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Тр. ХАЭЭ, IV, М., 1959, стр. 63 сл.

⁸⁷ Там же стр. 101, 102.

⁸⁸ С. С. Сорокин. О происхождении керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 147.

⁸⁹ Е. И. Агеева. Опыт классификации керамики городов и поселения среднего течения Сырдарьи и Каратау. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 86; Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVIII, стр. 74.

⁹⁰ Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

⁹¹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Большом Ташкентском канале. Изв. Уз. ФАН СССР, 1940, 9, стр. 30—36, рис. 6.

⁹² П. С. Уварова. Тр. VII АС, II, М., 1891, стр. 322, рис. 3. Туркестанский музей в Ташкенте.

⁹³ В. Ф. Гайдукевич. Могильники близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, стр. 351, рис. 15, 2; Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 34, рис. 64.

Реалистические изображения барана найдены и в Южном Узбекистане — на поселении Шор-Тепе на р. Кашкадарья⁹⁴. Здесь они более позднего времени, чем в Ташкентской области (III—IV вв.). Сосуды с этими изображениями имеют своеобразный, несомненно местный облик: светильники в виде низкой чаши с горизонтальной ручкой, на которой стоит фигура барана (рис. 1, 35). К этому же периоду относятся и найденные здесь схематичные изображения животных (Джангаль-Тепе; рис. 1, 41).

Еще одна группа реалистических изображений животных на керамике найдена в Юго-Западной Киргизии. В могильнике Тура-Таш рубежа и первых веков нашей эры найдены лепные ангобированные сосуды с ручками в виде морды горного козла: двойные ручки в виде рогов, морда, в отличие от изображений других районов, обращена вниз, а не к горлу сосуда⁹⁵ (рис. 1, 32). Ю. Д. Баруздин связывает эти изображения с памятниками сако-массагетского искусства середины I тысячелетия до н. э.⁹⁶

Таким образом, внутри Средней Азии существовало несколько совершенно самостоятельных центров производства такой керамики, не связанных между собой общим происхождением, так как каждый из них содержал черты, характерные только для данного района⁹⁷.

В 1968 г. вышла из печати интересная работа Б. А. Литвинского, посвященная керамике с зооморфными ручками⁹⁸. В ней автор приходит к выводу, что появление изображений барана на керамике Средней Азии и Прикубанья связано с распространением зороастризма — религии иранских племен, и рассматривает барана как воплощение иранского божества фарна. Применительно к сарматской керамике этот вывод вряд ли верен. Б. А. Литвинский справедливо отмечает, что в сарматском искусстве баран занимает довольно скромное место⁹⁹; как показано выше, это изображение совершенно нехарактерно и для собственно сарматской лепной керамики. В тех же областях, где была распространена такая керамика (Северный Кавказ, в том числе и Прикубанье), изображения барана, как отмечалось, были известны и в более раннее время, еще до прихода туда ираноязычных сарматов. Длительное бытование такой керамики у аланов также не может служить подтверждением этого, так как ручки в виде баранов для нее совершенно нехарактерны (см. табл. III, 14—25).

На рубеже и в первых веках нашей эры одновременно в различных областях начинают распространяться сосуды с зооморфными ручками, которые в каждой области имеют свои характерные черты. Раньше всего (в I тысячелетии до н. э.) такие сосуды появляются в Азербайджане, где к рубежу нашей эры они уже почти полностью схематизируются. Однако мы не можем появления таких сосудов в других областях (Северный Кавказ, Прикубанье, Поволжье, Средняя Азия) поставить в связь с азербайджанским влиянием. Сосуды с зооморфными ручками составляют лишь незначительную часть зооморфной керамики Азербайджана и, кроме того, они имеют целый ряд особенностей, характерных лишь для этой области. Все рассмотренные сосуды других районов найдены главным образом на памятниках местного населения. Они местные по форме, глине и способам обработки. Случаи их нахождения на некоторых сарматских памятниках I—II вв. Прикубанья и Северного Кавказа единичны. Кроме того, все рассмотренные области содержат значительный

⁹⁴ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках. СА, 1963, 1, стр. 222, рис. 3, 2; 226, 227, рис. 5.

⁹⁵ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 21, рис. 4, табл. XIII, 1, 2.

⁹⁶ Там же, стр. 55, 56.

⁹⁷ С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения. СА, XXVI, 1956, стр. 109.

⁹⁸ Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.

⁹⁹ Там же, стр. 46.

процент сосудов с реалистическими (в большей или меньшей степени) изображениями животных. Их нет только на исконной сарматской территории (Поволжье и Приуралье), что и не позволяет считать эту керамику сарматской. По существу можно сказать, что керамика с зооморфными ручками вообще не особенно характерна для сарматских племен, так как среди многих сотен сосудов с этой территории не более 20 лепных (т. е. местных) горшков имеют в верхней части ручки небольшое заострение, предположительно имитирующее фигуру животного (рис. 1. 1—13, 17—18). Поэтому, не отрицая факта влияния сарматов на культуру северокавказских племен, можно утверждать, что керамика с зооморфными ручками не может быть использована для доказательства этого¹⁰⁰.

Независимо от того, чем вызвано распространение керамики с зооморфными ручками в отдельных областях, при решении этнических вопросов эта керамика должна использоваться с большой осторожностью. Она не может служить доказательством наличия сарматских этнических элементов в той или иной области, так как в подавляющем большинстве встречается на памятниках несомненно местных. При решении этнических вопросов нужно учитывать ведущую роль местных племен в создании этой керамики в различных областях.

M. P. Abramova

SUR LA CÉRAMIQUE AUX ANSES ZOOMORPHIQUES

Résumé

Tous les vases aux anses zoomorphiques datant des premiers siècles de notre ère sont considérés d'après la tradition établie dans la littérature archéologique comme sarmates. Le fait qu'aux premiers siècles de notre ère ils existaient sur les territoires différents y compris en Crimée et au Caucase du Nord est expliqué par la présence sur ces territoires de l'élément ethnique sarmate. Pourtant les vases aux anses zoomorphiques étaient peu caractéristiques pour les monuments de la civilisation sarmate proprement dite des steppes du bassin de Volga, de la région d'Oural et du littoral nord de la mer Noire, tandis que là où on les trouvait ceux-là étaient très schématisés.

Les vases des autres territoires dont les anses zoomorphiques sont souvent exécutées d'une façon réaliste sont trouvés dans la plupart des cas sur les monuments de la population locale. C'est pourquoi sans nier l'influence des sarmates sur les régions différentes y compris les nord-caucasiennes il faut admettre que la céramique aux anses zoomorphiques ne peut en servir de signe indiscutable. Quand il s'agit des questions ethniques il est nécessaire de tenir compte du rôle primordial des tribus locales dans la création de ladite céramique dans les contrées différentes.

¹⁰⁰ Что делает, например, В. Б. Виноградов для выделения сарматских слоев на некоторых северокавказских поселениях. См. В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 117—120.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1950—1960 гг. экспедиции в Левобережной лесостепи обнаружили и частично исследовали ряд памятников ранее неизвестных вариантов, получивших название культур малобудковского и бондарихинского типов. Как можно полагать, они представляют последовательные звенья единой линии генетического развития. Поселения этих культур были обнаружены в изюмском и харьковском течении Северского Донца, в низовьях р. Оскола, в верхнем и среднем течении р. Ворсклы, на Суле и Сейме (рис. 1)¹. В последующие годы работа на памятниках этой группы почти не производилась². Отсутствие новых материалов отрицательно сказывалось на изучении взаимоотношений памятников поздней бронзы и раннего железа, и в частности вопросов о появлении здесь скифской культуры посульско-донецкого типа и генезиса юхновской культуры Десны и верхнего Сейма.

В 1966 г. нами совместно с А. И. Тереножкиным была проведена разведка по течению р. Псла от с. Великие Сорочинцы до с. Мирополье на границе с РСФСР. Главной целью разведки было получение новых данных о памятниках эпохи поздней бронзы. Осмотр этой местности мог помочь определить, в какой степени культуры малобудковского и бондарихинского типов распространены в Левобережье. Кроме того, мы хотели уточнить, насколько устойчивы и правильно определены руководящие признаки каждой из выделенных нами ранее групп, и проверить их культурно-хронологическое соотношение. Основные поиски мы сосредоточили в долине реки, поскольку, как было установлено ранее, большинство памятников этого типа расположено в пойме. Косвенным подтверждением этому служило то, что в ходе предшествующих разведок на р. Псел, по высокому нагорному берегу, памятники эпохи бронзы зарегистрированы не были³.

Пойменная долина Псла на нижнем участке маршрута оказалась малодобной для наших целей: плоская заливная долина с меандром реки без бугров, всхолмлений и останцов. Боровая терраса левого берега сплошь покрыта лесом. На правом берегу под скатом плато к долине и по многочисленным оврагам также чередуются большие лесные массивы, а свободные от леса отрезки надпойменной террасы, как правило, заняты селами и хуторами. На этом участке нам встретились лишь отдельные фрагменты керамики бондарихинского и малобудковского типов у

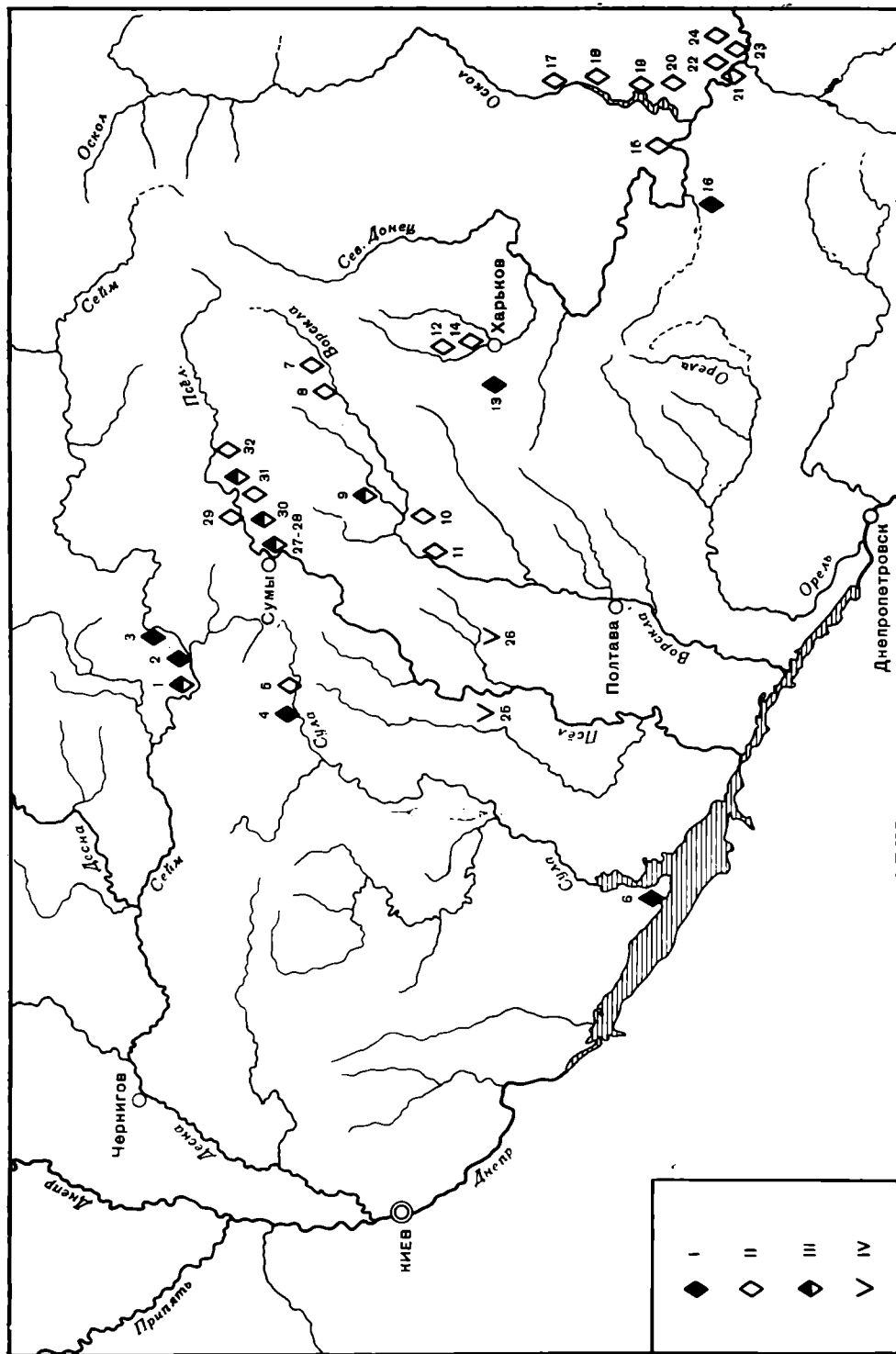
¹ В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, 1, стр. 26—45.

² Е. В. Пузаковым составлена карта памятников бондарихинского типа на Сев. Донце. Е. В. Пузаков. О периодизации памятников племен эпохи бронзы в бассейне верхнего Донца. МАСП, Одесса, 1962, стр. 201.

³ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 28—29.

Рис. 1. Карта памятников малобудковского и бондарихинского типов в Левобережной лесостепи Украины. I — памятники малобудковского типа; II — памятники бондарихинского типа; III — двуслойные поселения с керамикой малобудковского и бондарихинского типов; IV — следы поселений

- 1 — Вольнцево; 2 — Ивановка; 3 — Алексеевка; 4 — Малые Будки; 5 — Бесседька; 6 — Войнская Гребля; 7 — Борисовка; 8 — Грайворон; 9 — Ницаха; 10 — Кирилловка; 11 — Хухры; 12 — Большая Даниловка; 13 — Черемушны; 14 — Шмаровка; 15 — Бондариха; 16 — Студенок II и V; 17 — Загризово; 18 — Большие Базы; 19 — Оскол; 20 — Жовтисно; 21 — Дробышове; 23 — Кибичинское; 24 — Брусовка; 25 — Рашево; 26 — Борки; 27 — Барановка; 28 — хут. Фомина; 29 — Битица; 30 — Большая Чернетчина; 31 — Груновка; 32 — Великая Рыбца

с. Рашево в урочище Хендры и на дюнах в окрестностях с. Борки по берегам впадающей в Псел у с. Великие Сорочинцы небольшой речки Грунь-Ташань.

Наиболее интересным памятником времени поздней бронзы, обнаруженным здесь, было поселение развитой поры срубной культуры на левом берегу р. Псла к юго-востоку от с. Великие Сорочинцы в урочище Шибеники, расположенное у края боровой террасы. В обнажениях песчаного карьера найдены

отдельные скопления культурных остатков. Преобладают обломки толстостенных сосудов из плотной глины с примесью мелкого песка. С внешней и внутренней стороны имеются следы гребенчатого заглаживания. Встречаются обломки сосудов баночных и остроруберных форм, украшенных зубчатыми оттисками или же глубокими косыми насечками по шейке. В отдельных случаях шейка или плечо оказались украшены массивными валиковыми налепами, расчлененными пальцевыми отпечатками. Встречено несколько обломков многоваликовой керамики. По

составу керамики этот пункт близок к поселению у с. Войновки, исследованному П. Д. Либеровым на р. Осколе⁴, представляя как бы переход от классического срубного типа к времени сабастиновского этапа. На остальном участке маршрута поселений с культурой срубного типа мы не встречали.

Более благоприятной для разведки оказалась долина Псла выше Гадяча, и особенно начиная от Сум, где постоянно встречались удобные для осмотра песчаные террасы, останцы, «полочки» и «гривки», слегка поднимающиеся над уровнем заливной долины. На этом участке нами зарегистрировано шесть пунктов с культурой малобудковского и бондарихинского типов: у с. Барановка, у хут. Фомина, у сел. Битица, Большая Чернетчина, Груновка, Великая Рыбица.

Поселение у с. Барановка (рис. 2) обнаружено на левом берегу Псла. Здесь вдоль берега протянулась невысокая боровая терраса, на которой находятся сады служащих облфинотдела. Участок террасы, примыкающий к шоссе, срыт при строительстве полотна дороги до уровня песчаной подпочвы, кое-где здесь сохранились останцы. На участке садов, на поверхности и в заложенном нами шурфе, была найдена керамика скифского и бондарихинского типов и своеобразная бронзовая булавоочка со свернутой в петлю головкой. На четырехгранной верхней части булавоочки выгравирован орнамент в виде зигзага (рис. 2). На срытых участках в разрезах и обнажениях виден культурный слой и ямы с керамикой малобудковского типа. Основным типом посуды здесь являются тонкостенные рыжеватые, широко открытые горшки с небольшим высоким дном, едва намеченным сужением шейки и отгибом венчика. Примесь

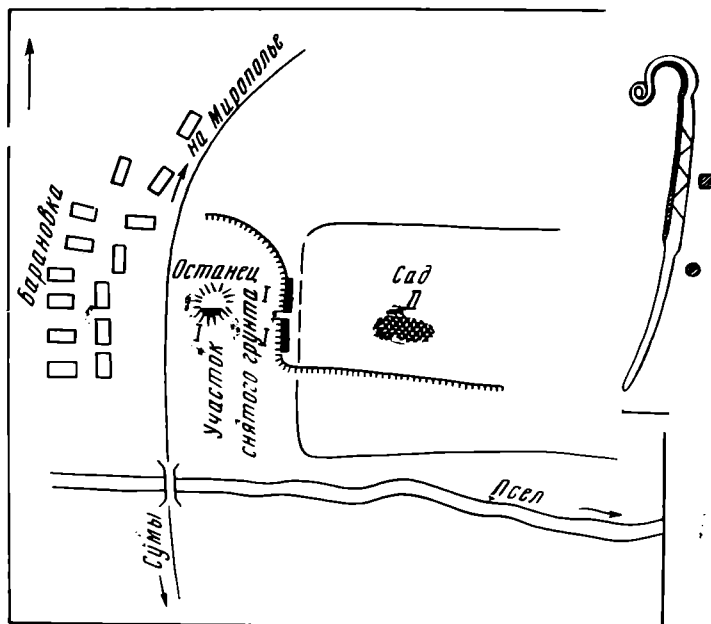

Рис. 2. Схематический план поселения у с. Барановка и найденная на нем бронзовая булавоочка

I — места зачисток культурного слоя с находками керамики малобудковского типа; II — место находки керамики бондарихинского и скифского типов

⁴ П. Д. Либеров. Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Осколе. КСИА АН УССР, 11, Киев, 1961. стр. 53 сл.

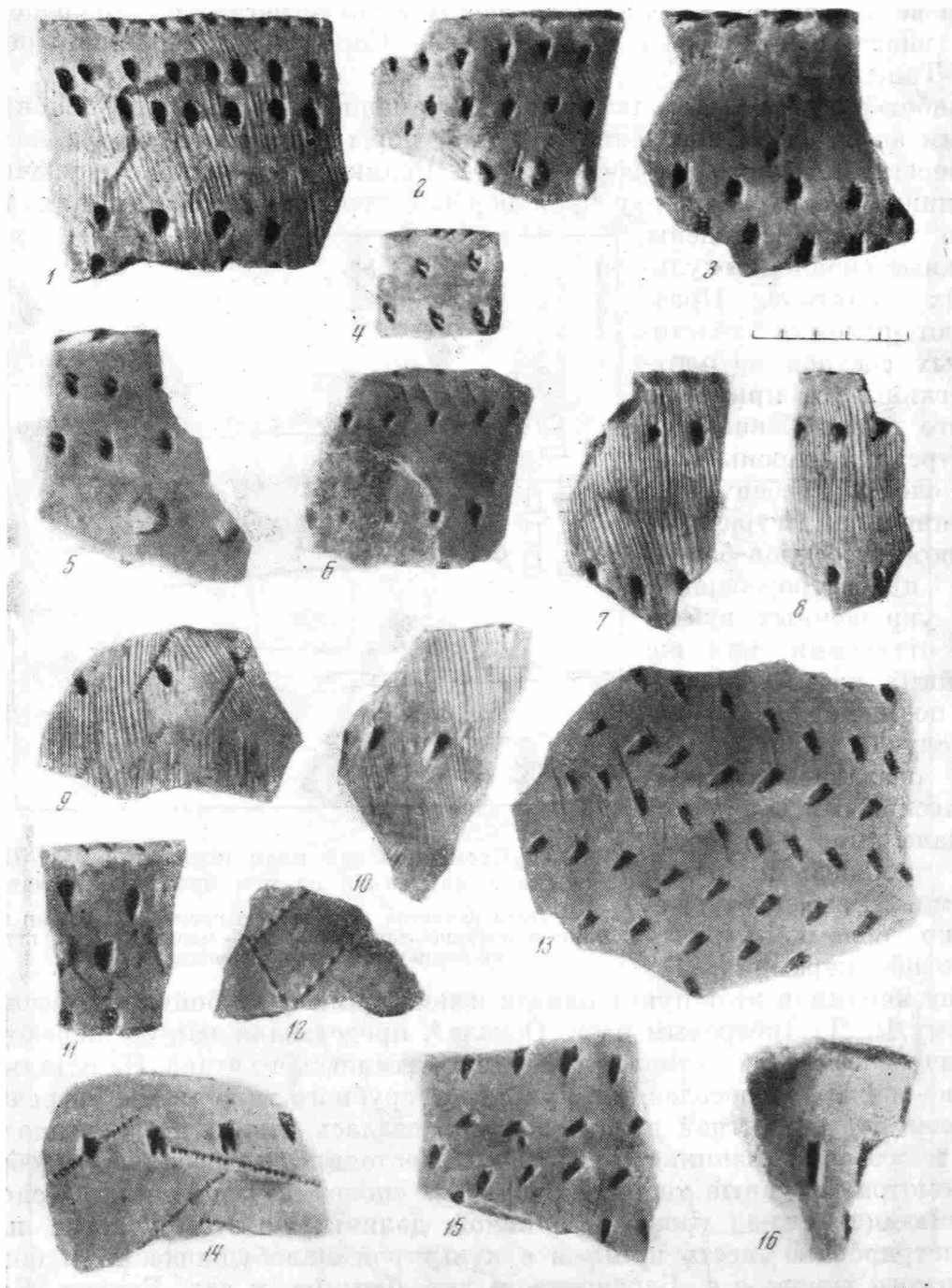

Рис. 3. Керамика малобудковского типа. Поселение у с. Барановка

в глине — песок и мелкий шамот. Поверхность сосудов от венчика до дна покрыта орнаментом, состоящим из трех основных элементов; расположенных горизонтальными рядами или беспорядочно овальных оттисков круглой, косо поставленной палочки, размещенных между ними в различных вариациях отпечатков гребенчатого штампа и вертикальных или косых глубоких полосок от заглаживания поверхности гребенкой (рис. 3). Сочетание элементов орнаментации бывает различным. Особенно часто встречаются овальные ямки. На обратной стороне им соответствует выпуклая шишечка. Иногда ямки делались изнутри, и тогда овальные выпуклины украшали наружную сторону. Даже фрагмент дна оказался украшен с внутренней стороны подобными овальными ямками. Венчик чаще всего украшен по обрезу косыми насечками или же отпечатками конца штампа. Орнаментированная таким образом посуда имеет вид нарядный и своеобразный. Она совершенно аналогична

керамике, найденной на поселениях у с. Малые Будки на Суле, Алексеевки на Сейме, Ницахи на Ворскле, а также у сел Студенок, и Черемушна на Северском Донце. В одной из ям с керамикой малобудковского типа на поселении у с. Барановка была обнаружена кварцитовая зернотерка с правильно лежащими курантами. По-видимому, жизнь на этом поселении существовала непрерывно на протяжении малобудковского периода и позднее, когда культура приобрела новые, бондарихинские черты. Позднее на этом месте возникло поселение скифской культуры.

Не менее интересным оказалось поселение у хут. Фомина (рис. 4). Это поселение расположено на мысу останца боровой террасы над старицей Псла. Обломки керамики бондарихинского типа были обнаружены в выкиде из окопов, идущих вдоль края останца. На краю мыса нами был заложен шурф 8×4 м. Скопление культурных остатков залегало пятном в слое песчанистого чернозема до глубины 0,6 м. Насыщенность культурного слоя в пределах пятна оказалась весьма значительной. Среди находок, как обычно, преобладали кости животных и обломки керамики, обладающие рядом устойчивых признаков. Горшки, расширяющиеся от дна, со слабо намеченными сужением шейки и отгибом венчика. Примесь в тесте — песок и шамот, иногда довольно крупными зернами. Поверхность рыжеватобурая или желтовато-серая с темными пятнами. Орнамент составляют горизонтальные ряды отпечатков, сделанные концом деревянной палочки — круглой, плоской, остро обломанной, треугольной и пр. Чаще всего штамп поставлен наклонно к сосуду, но встречаются также оттиски, которые сделаны палочкой, поставленной перпендикулярно (рис. 5). Оттиски нанесены горизонтальными рядами по шейке и плечикам сосуда, иногда беспорядочно. Встречается орнамент в виде колечек, сделанный концом полой трубочки, и колечка с точкой в центре (рис. 6, 1, 2). Край венчика обычно украшен оттисками штампика. Один из фрагментов оказался украшен по плечу массивными налепными шишечками (рис. 5, 8).

В нижнем горизонте культурного слоя, при переходе к желтому песку, на глубине 0,6—0,8 м наряду с керамикой бондарихинской встречалась керамика малобудковская (рис. 6, 8—13). В отличие от последней керамика бондарихинская более массивна, толстостенна, имеет более грубую примесь шамота и неровную шероховатую поверхность, гребенчатая штриховка и зубчатые оттиски не характерны, орнамент расположен реже, главным образом по шейке и плечам сосуда, формы штампов значительно разнообразнее и крупнее, отпечатки сделаны более небрежно. Из других керамических поделок могут быть названы глиняные пряслица, на одном из которых процарапан пиктографический рисунок (рис. 6, 5, 6).

В нижнем горизонте культурного слоя, при переходе к желтому песку, на глубине 0,6—0,8 м наряду с керамикой бондарихинской встречалась керамика малобудковская (рис. 6, 8—13). В отличие от последней керамика бондарихинская более массивна, толстостенна, имеет более грубую примесь шамота и неровную шероховатую поверхность, гребенчатая штриховка и зубчатые оттиски не характерны, орнамент расположен реже, главным образом по шейке и плечам сосуда, формы штампов значительно разнообразнее и крупнее, отпечатки сделаны более небрежно. Из других керамических поделок могут быть названы глиняные пряслица, на одном из которых процарапан пиктографический рисунок (рис. 6, 5, 6).

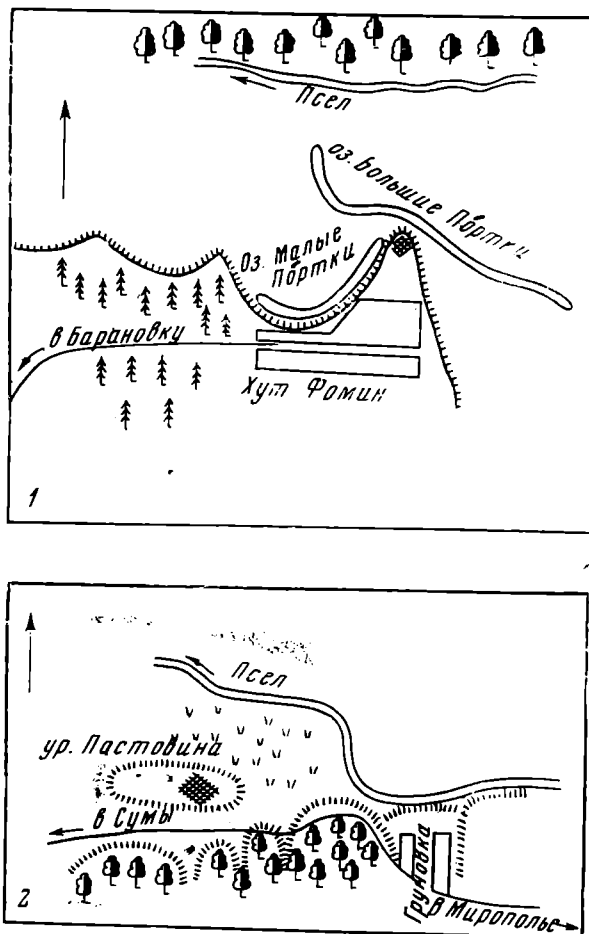

Рис. 4. Схематичные планы поселений у хут. Фомина (1) и у с. Груновка (2)

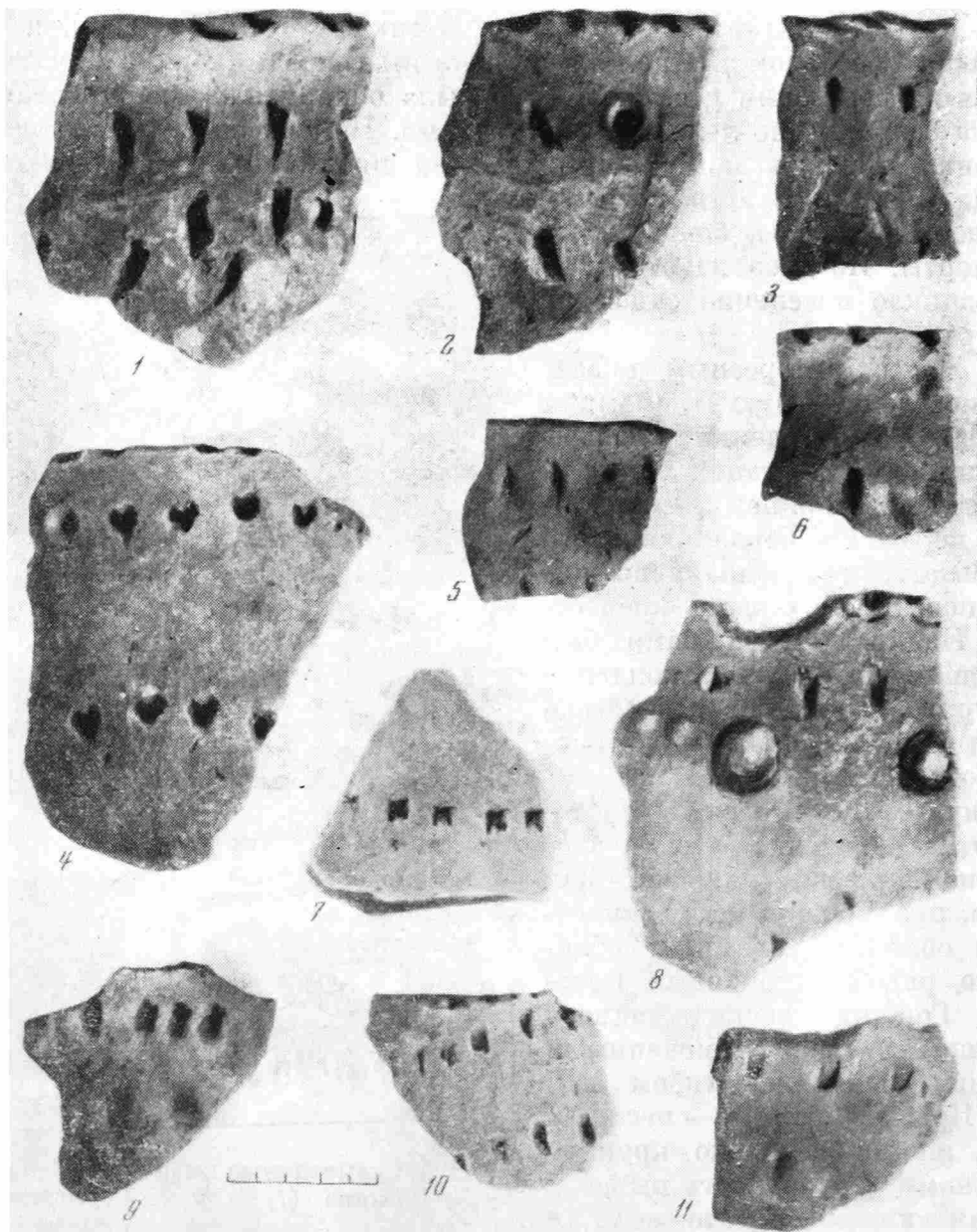

Рис. 5. Керамика бондарихинского типа. Поселение у хут. Фомина

Выше по Псла поселения с малобудковской и бондарихинской керамикой встречались постоянно. Среди них отметим поселение на правом берегу Псла, против середины с. Битица, на мысу невысокой, выступающей в пойму боровой террасы. Место сплошь покрыто окопами времен Великой Отечественной войны. Наряду с количественно преобладающей бондарихинской керамикой здесь была найдена керамика скифская и славянская.

На левом берегу Псла против западного конца села Большая Чернетчина в северном направлении в пойму Псла глубоко вдается не очень широкая (до 0,6 км) боровая терраса. Она пересечена посередине старицей Псла. Северная часть образует как бы остров, на котором находится птицеферма. На этом «острове» были обнаружены следы поселений различного периода, в том числе на западной стороне недалеко от старицы Псла. На участке более 100 м в поперечнике было собрано значительное количество керамики бондарихинского типа и некоторое количество скифской.

Существенный интерес представляет поселение в одном километре от с. Груновка (рис. 4, 2). Здесь вдоль долины Псла протянулась песчаная

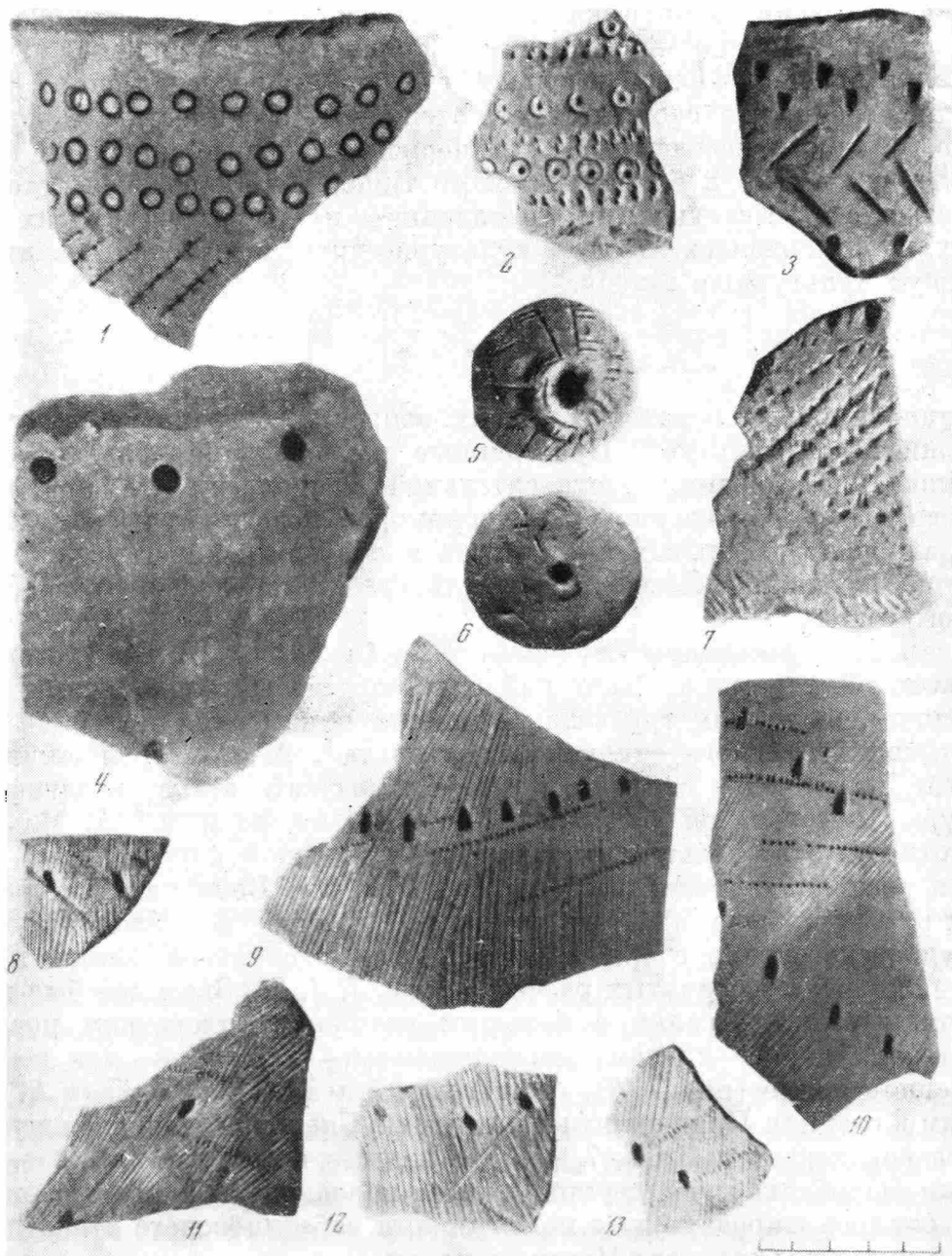

Рис. 6. Керамика поселения у хут. Фомина

1—7 — керамика бондарихинского типа; 8—13 — керамика малобудковского типа из нижнего горизонта

гряды. На распаханной поверхности и в слое песчанистого чернозема в большом количестве встречалась керамика малобудковского и бондарихинского типов. На этом же поселении собрана славянская керамика середины I тысячелетия и в небольшом количестве обломки сосудов сосницкого типа.

Последним пунктом бондарихинской культуры, зарегистрированным нами на Псле, явилось поселение у с. Великая Рыбица. Ниже этого села находится поселок Даниловка, ныне входящий в состав села. Перед ним находится участок боровой террасы, метров на шесть возвышающийся над поймой. В недавнем прошлом здесь были развеенные дюны, которые, по словам жителей, были сплошь покрыты керамикой. В 1966 г. здесь посадили сосну. На западном краю террасы на площади около 150 м в поперечнике встречается большое количество керамики, в составе которой отчетливо различаются бондарихинская и скифская.

Таким образом, разведка 1966 г. подтвердила, что в области левобережной лесостепи памятники малобудковского и бондарихинского типов являются основными для конца периода бронзы и начала железа. Поселения расположены довольно густо и непосредственно связаны с долиной реки, что соответствует, очевидно, особенностям, хозяйственной деятельности населения в этот период. Основные признаки керамики малобудковского и бондарихинского типов оказались очень стойкими, полностью соответствующими проявлениям культуры на других территориях. Подтвердилась тесная культурно-хронологическая взаимосвязь этих двух культурных этапов.

* * *

Остановимся на некоторых общих вопросах, связанных с изучением бондарихинской культуры. Проведенные за последние годы работы по изучению периодизации и относительной хронологии культур позднебронзового века в Северном Причерноморье позволяет несколько уточнить датировку отдельных памятников и общий хронологический диапазон существования в Левобережье культуры малобудковского и бондарихинского типов.

В землянке поселения Студенок V на Северском Донце помимо малобудковской керамики были найдены: кремневый наконечник стрелы с черенком, бронзовая трубчатая привеска и каменная литейная форма для отливки овального одноушкового кельта⁵. А. И. Тереножкин сопоставляет этот кельт с бронзами сабастиновского этапа позднесрубной культуры, который он относит к XIV—XII вв. до н. э.⁶ А. М. Лесков готов отнести этот кельт даже к предсабастиновской поре⁷.

При раскопках древнерусского городища у с. Воинская Гребля в низовьях р. Сулы было найдено небольшое количество обломков сосудов малобудковского типа с орнаментом в виде отпечатков конца палочки и вертикальных гребенчатых расчесов (рис. 7, 1, 2). Здесь же был найден обломок костяного псалия с большим овальным отверстием посередине и перпендикулярно к нему расположенной шишечкой для ремня на заостренном конце (рис. 7, 3). Аналогичный псалий был найден А. В. Бодяньским в степном Приднепровье в урочище Скельки в сопровождении сабастиновской керамики (рис. 7, 4). Эти данные позволяют датировать памятники малобудковской группы второй половиной II тысячелетия до н. э. и синхронизировать их с памятниками сабастиновского этапа позднесрубной культуры степного Причерноморья.

Одним из наиболее ранних памятников бондарихинской культуры следует считать поселение у с. Ницаха на р. Ворскле⁸. В верхних слоях этого поселения преобладает керамика бондарихинского типа, тогда как в нижних горизонтах наряду с ней встречается керамика малобудковская. Подобная стратиграфия, а также находка кремневого вкладыша для серпа указывают на сравнительно раннее время поселения у с. Ницаха. Наше поселение у хут. Фомина, по-видимому, представляет ближайшую по времени параллель ницахскому поселению. Об этом свидетельствует такое же чередование слоев, а также полное соответствие керамики того и другого памятника вплоть до характерных сосудов с крупными шишкообразными налечами под венчиком.

⁵ Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—1956 гг. КСИА АН УССР. 8. 1959, стр. 72 сл.; его же, Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. АП, VI, Київ, 1956, стр. 75 сл.

⁶ А. И. Тереножкин. Основные хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 73.

⁷ А. М. Лесков. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967.

⁸ Г. Т. Ковпаненко. Племена скифского периода на Ворскле. Київ, 1967.

Следующим по времени можно считать поселение в урочище Бондари-ха у г. Изюма. Керамика малобудковского типа здесь отсутствует. Найденная матрица для отливки двушковых шестигранных кельтов с вертикальной нервюрой принадлежит к числу форм, характерных для белозерского этапа позднесрубной культуры (XI—IX вв. до н. э.)⁹. Наличие на этом поселении керамики с гладким валиком, а также большого количества кремневых вкладышей для серпов позволяет сопоставить это поселе-

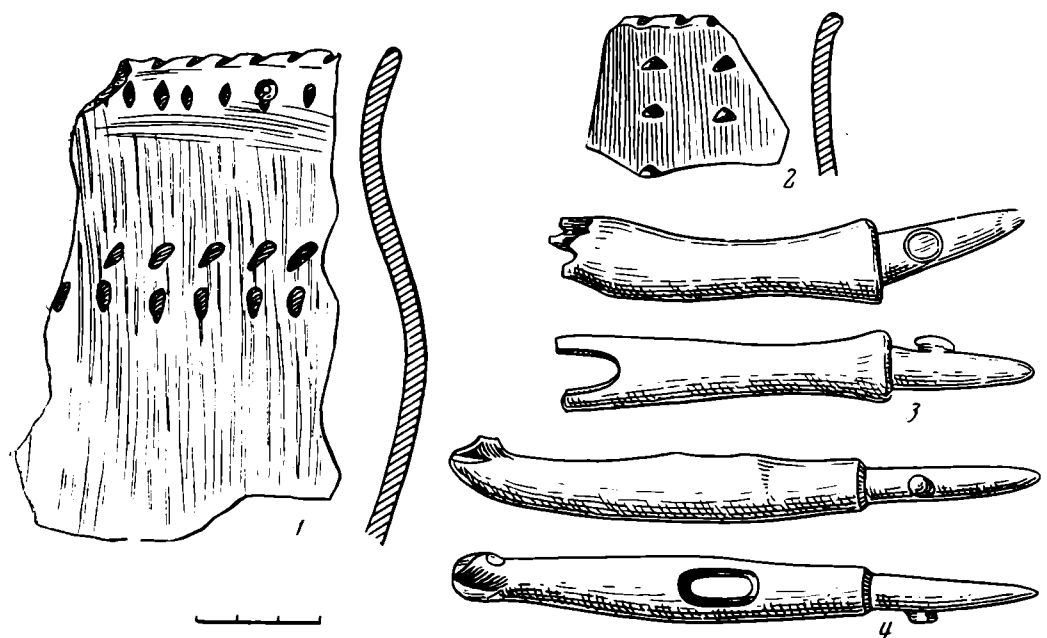

Рис. 7. Находки на поселении Воинская Гребля

1—2 — керамика малобудковского типа; 3 — костяной псалий; 4 — костяной псалий из урочища Скельки на нижнем Днепре

ние с памятниками белогрудовской культуры в Правобережье. Новые исследования вопросов хронологии подтверждают синхронность белозерского и белогрудовского культурных этапов.

На поселении у с. Оскол найден плоский бронзовый кинжал, однотипный с бронзовыми кинжалами из Широкого кургана и Кишиневского поселения¹⁰. Кроме того, в составе керамики отчетливо чувствуется наличие контактов с памятниками чернолесской культуры — обломки сосудов чернолесского типа, лощеных, с зубчатым орнаментом, а также некоторые местные формы, сделанные в подражание чернолесским образцам. Наличие культурных связей населения бондарихинской и чернолесской культур подтверждается также находками сосудов бондарихинского типа, на некоторых чернолесских городищах: Колонтаевском, Субботовском¹¹. Очевидно, оживление культурных сношений между этими двумя группами населения было связано с событиями, относящимися ко времени переселения некоторой части чернолесских племен из области Правобережья на Ворсклу. Все это позволяет датировать Оскольское поселение временем конца IX—VIII в. до н. э.

Одним из наиболее поздних, несомненно, является поселение у с. Хухры на Ворскле¹², в материале которого отсутствуют архаические признаки и, кроме того, отчетливо ощущается непосредственный контакт

⁹ А. М. Лесков. Ук. соч.

¹⁰ А. И. Мелюкова. Культура предскифского времени в лесостепной Молдавии. МИА, 96 1961, стр. 20 сл.

¹¹ А. И. Тереножкин. Предскифский период в Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 63, рис. 37.

¹² Г. Т. Ковчаненко. Поселения периода поздней бронзы и раннего железа по близу Охтирки. «Археологія», XI, Київ, 1957, стр. 95.

с чернолесской культурой. Это отразилось в появлении на сосудах бондарихинских форм необычного орнамента в виде сквозных проколов под венчиком, как известно, широко распространенных в орнаментации горшков чернолесского типа. Передвижение населения на Ворсклу произошло в позднечернолесское время, и установление таких контактов могло быть осуществлено во время не ранее конца VIII—начала VII в. до н. э. Ко второй половине VII — началу VI в. до н. э. на Ворскле относится широкое распространение памятников позднечернолесского и жаботинского типов и исчезновение здесь поселений бондарихинской культуры.

Таким образом, общий период существования в Левобережной лесостепи культуры поздней бронзы малобудковского и бондарихинского типов охватывает время второй половины II и первой четверти I тысячелетия до н. э.

* * *

В свое время нами была высказана мысль, что культура бондарихинского типа не имеет генетической связи с распространенной здесь позднее скифской культурой, а составляет этнокультурную основу формирования юхновской культуры раннего железного века, распространенной в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. на Десне и в курском Посеймье¹³. К такому же заключению приходят занимавшиеся исследованием памятников бондарихинской культуры Г. Т. Ковпаненко¹⁴ и Б. А. Шрамко¹⁵. Предложенная нами гипотеза встретила возражения со стороны ряда исследователей, предложивших другие варианты истолкования генетических связей юхновской культуры с памятниками предшествующего периода. Одним из первых по этому вопросу высказался В. П. Левенок, который считает, что, хотя бондарихинские племена и оказали определенное влияние на формирование юхновской культуры, все же главную основу ее составляет чернолесская культура предскифского времени Правобережья¹⁶. В поддержку мнения В. П. Левенка, отрицая значение бондарихинских памятников в генезисе юхновской культуры, высказался В. В. Седов¹⁷. Ф. М. Заверняев высказал мысль о генетической преемственности юхновской культуры с материалами поздней бронзы, открытыми им при раскопках Почепского селища¹⁸. П. Н. Третьяков справедливо отметил, что керамика эпохи бронзы, найденная на Почепском поселении, не составляет особого типа, а относится к так называемой сосницкой культуре, близкой по времени и характеру керамики к комаровско-тщинецким памятникам, известным в правобережной части лесостепи. В то же время П. Н. Третьяков считает возможным, что по своим истокам юхновская культура может быть связана с этой группой памятников, в свою очередь восходящих к среднеднепровской культуре шнуровой керамики бронзового века¹⁹. В. А. Падин также отрицательно высказывается по вопросу о генетической связи бондарихинской и юхновской культур, считая, что бондарихинская керамика имеет большее соответствие с бо-

¹³ В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, 1, стр. 26 сл.

¹⁴ Г. Т. Ковпаненко. Племена скифского времени на Ворскле. Автореф. канд. дис. М., 1963.

¹⁵ Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 125 сл.

¹⁶ В. П. Левенок. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963, 3, стр. 79 сл.

¹⁷ В. В. Седов. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье. СА, 1965, 4, стр. 57—58.

¹⁸ Ф. М. Заверняев. Памятники эпохи поздней бронзы в бассейне верхней Десны. СА, 1964, 1, стр. 146 сл.

¹⁹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 156—161.

лее поздней юхновской керамикой, а не с ранней, что не способствует выяснению этнических истоков культуры²⁰. Не соглашается он также и с мнениями В. П. Левенка и Ф. М. Заверняева, считая, что основу юхновской культуры составляет местная культура поздней бронзы на Десне, близкая позднесрубной. Таким образом, вопрос о генезисе юхновской культуры представляет ныне предмет оживленной научной дискуссии.

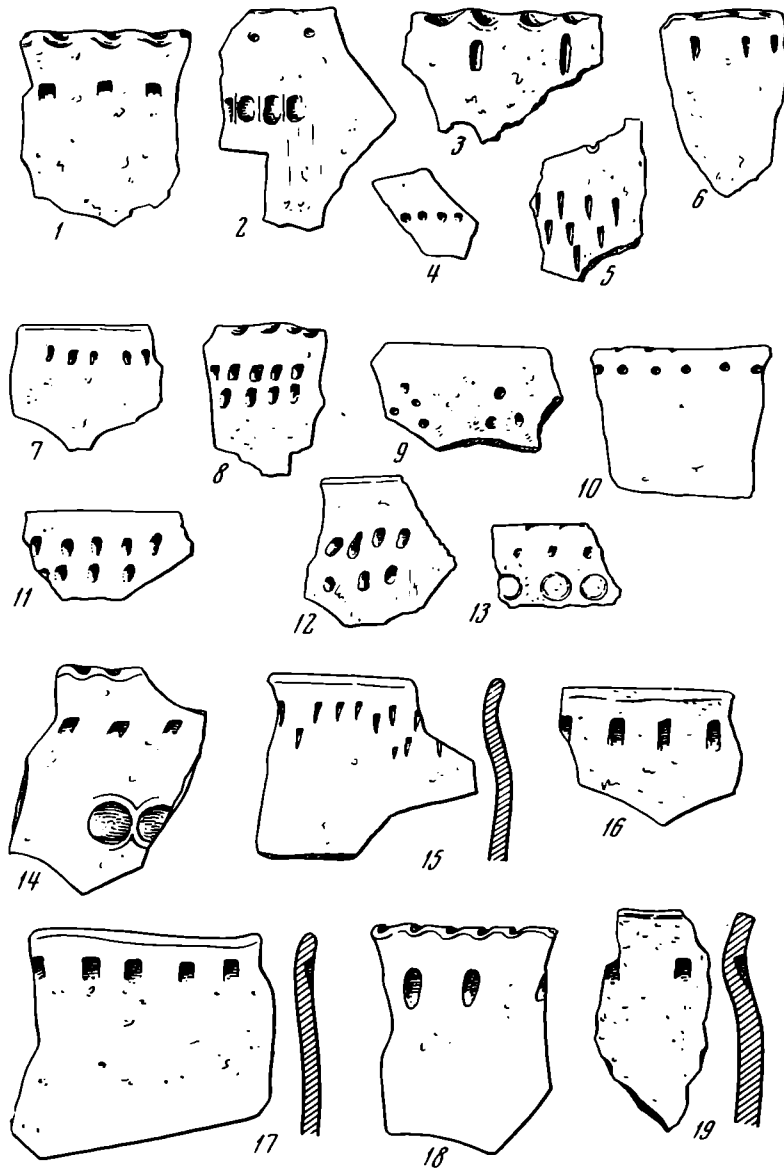

Рис. 8. Керамика раннеюхновского типа

1—6 — нижний слой городища Кузина Гора (по А. Е. Алиховой); 7—13 — городище Кудяров Бугор (по В. А. Падину); 14—19 — Западное Юхновское городище

Помимо бондарихинской культуры в качестве ее генетических предшественников выдвигаются также чернолесская, сосницкая и позднесрубная культуры бронзового века.

Поскольку понятие о юхновской культуре в настоящее время значительно расширилось и намечаются ее локальные варианты и хронологические ступени, считаем необходимым уточнить, какую именно группу юхновских памятников мы считаем генетически связанной с бондарихинской культурой. Таковыми, по нашему мнению, являются памятники типа Западного Юхновского городища А на Десне, нижнего слоя городища Ку-

²⁰ В. А. Падин. Юхновские поселения Средней Десны. СА, 1966, 2, стр. 137—149.

Кузина Гора в курском Посеймье²¹ и городища Кудеяров Бугор в верхнем Подесенье²².

Основным типом керамики нижнего слоя городища Кузина Гора являются открытые горшки вытянутых пропорций с небольшим днищем и открытым венчиком, со слабо выраженными сужением шейки и отгибом венчика. Примесь в глине являются песок и шамот, отчего поверхность сосудов часто бывает бугристой и шероховатой. Господствующим мотивом орнамента являются оттиски круглой или плоской палочки, образующей горизонтальные ряды по шейке. Если палочка поставлена косо, оттиск имеет удлиненно-вытянутую форму разной степени глубины. На обратной стороне местам наколов соответствуют выпуклины. Встречается орнамент в виде опускающихся вниз треугольных пирамидок, составленных из пескольных рядов оттисков, орнамент в виде «бантиков», сделанных щипком, круглые ямки, орнамент в виде колечка. Обрез венчика гладкий или украшенный пальцевыми отпечатками, косыми насечками, оттисками штампа (рис. 8, 1—6). Совершенно аналогичной по формам, ведущим типам орнамента, составу глиняного теста и особенностям наружной отделки является керамика Западного Юхновского городища, давшего название всему типу культуры (рис. 8, 14—19).

В нижнем слое городища Кузина Гора помимо керамики чисто юхновского облика было найдено некоторое количество обломков посуды, характерной для памятников скифского типа посульско-донецкой лесостепи. К их числу относятся фрагменты профилированных горшков с выпуклым корпусом, отогнутым венчиком, украшенным рельефным орнаментом по наружному краю, ямками или сквозными проколами ниже края. В единичных экземплярах оказались здесь обломки сосудов с валиковым налетом в виде утолщения у края или налеса на шейке без проколов²³ и фрагменты мисок. Некоторое количество подобной керамики было найдено и на юхновских городищах средней Десны. Единичные находки скифской керамики не изменяют основного культурного облика юхновских городищ, а лишь указывают направление культурных контактов и связей. Соответственно с этим на юхновских памятниках Сейма и Десны встречаются отдельные находки и вещей скифских типов. На Липинском городище были найдены скифские двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел (один из них с шипом) и булава с конической головкой²⁴. На городище Кузина Гора наряду с местными железными наконечниками стрел были найдены скифские бронзовые наконечники VI—V вв. до н. э. Здесь оказались также железный кинжал с сегментовидным перекрестием V в. до н. э. и бронзовая булава гвоздевидной формы. На Моисеевском городище был найден трехлопастный втульчатый наконечник стрелы²⁵. В курском Посеймье отмечен ряд находок скифских мечей V в. до н. э. На Юхновском городище была найдена бронзовая бляшка с рубчатыми краями, характерная для скифских наборов V в. до н. э.²⁶

Раскопками А. Е. Алиховой на Кузиной Горе получены решающие данные для уточнения времени раннего этапа юхновской культуры с керамикой описанного типа. Здесь была найдена греческая импортная по-

²¹ А. Е. Алихова. Древние городища курского Посеймья. МИА, 113, 1962. стр. 114, рис. 16, 4, 6—8; стр. 115, рис. 17, 4—8. Выражаю сердечную благодарность А. Е. Алиховой, любезно познакомившей меня с материалами Юхновского городища и исследованных ею городищ курского Посеймья.

²² Из-за сравнительно слабой изученности юхновских памятников и предшествующих культур периода бронзы при сопоставлении их автор вынужден ограничиться только анализом керамики.

²³ А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 118, рис. 18, 6, 8; стр. 114, рис. 16, 3, 5.

²⁴ Там же, стр. 89, 104, рис. 10; стр. 100, рис. 6, 7; стр. 101, рис. 7, 2.

²⁵ Там же, стр. 120, рис. 19, 1.

²⁶ Р. Ф. Воронина. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области. МИА, 113, 1962, стр. 130 сл.

суда, в том числе обломки ионийских амфор начала VI в. до н. э., амфор с Лесбоса конца VI — начала V в. до н. э., фрагменты средиземноморских амфор V в. и обломки чернофигурного сосуда конца VI — начала V в. до н. э.²⁷

Эти находки позволяют уверенно относить возникновение городища Кузина Гора к VI в. до н. э., не позднее его середины.

Исследование городища у с. Плаксино, позволило А. Е. Алиховой определить культурную стратиграфию и выделить следующий, более поздний вариант культуры юхновских городищ на Сейме. Нижний слой этого городища дал керамику, аналогичную нижнему слою городища Кузина Гора, с включением некоторого количества скифской керамики. Этот слой был датирован бронзовым скифским трехлопастным наконечником стрелы с шипом. Керамика верхнего слоя отличалась от более ранней. Она оказалась более тонкостенной, гладкой, без примеси шамота. Цвет поверхности обычно более темный. Форма горшков в основном та же, но профилировка верхнего края еще слабее. Орнаментом на сосудах служат ямочки по краю и горизонтальные ряды оттисков деревянного штампа, нанесенные более часто и аккуратно, образующие как бы сплошные полосы в один, два или несколько рядов²⁸. На Александровском городище керамика этого типа была найдена в сопровождении скифских наконечников стрел IV—III вв. до н. э.²⁹ Связаны ли эти изменения с местной эволюцией форм, что нам кажется вполне вероятным, или с какой-то перегруппировкой населения на этой территории, сказать пока трудно. Можно лишь отметить, что такие формы инвентаря, как глиняные пряслица, грузила, рогатые кирпичи, ажурные металлические украшения, железные плоские наконечники стрел, встречаются одинаково и в ранних и в более поздних памятниках³⁰. Для нас в данном случае важно подчеркнуть, что бондарихинский комплекс более всего близок не к позднему, а к наиболее раннему варианту юхновской культуры, представленному нижним слоем городища Кузина Гора и Западным Юхновским городищем.

Не менее важным при сопоставлении культурно-хронологических комплексов бондарихинской и юхновской культур является городище Кудеяров Бугор на верхней Десне, где эта связь выступает тем более отчетливо, что в культурном слое раннеюхновских городищ верхней Десны в меньшей степени сказывается культурный контакт со скифским миром. Датировка этого памятника VI—V вв. до н. э. устанавливается на основании тех же скифских аналогий — находки бронзовой булавы с конической головкой и обломка рогового псаля с тремя отверстиями³¹. Как пишет автор раскопок, древнейшую группу посуды составляют горшки с относительно небольшим дном и широкой открытой горловиной, сероватого или желто-бурого цвета, с примесью в глине дресвы и

²⁷ А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 92, 112. Как отмечает автор, определение амфорной керамики сделано И. Б. Зеест, чернофигурной керамики — В. Д. Блаватским.

²⁸ А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 113, рис. 15; стр. 116.

²⁹ Там же, стр. 124, рис. 20, 12—14.

³⁰ Нам представляется, что при определении ранних и поздних вариантов юхновской культуры вошла некоторая терминологическая путаница. Лепную керамику нижнего слоя городища Кузина Гора, аналогичную керамике Юхновского городища, А. Е. Алихова предпочитает называть «кузиногорской», включая сюда также керамику скифского типа. Название «юхновская» она сохраняет за керамикой более поздней группы, так называемого «плаксинского» типа, отличающейся рядом новых признаков. Такое изменение терминологии едва ли можно считать оправданным. Эталоном здесь должен служить керамический комплекс Западного Юхновского городища, которому соответствует керамика «кузиногорской» группы (исключая привнесенный скифский элемент) и не соответствует керамика «плаксинского» типа. «Кузиногорская» и «плаксинская» керамика, вероятнее всего, отражают хронологические ступени развития керамики юхновской культуры.

³¹ В. А. Падин. Юхновские поселения средней Десны. СА, 1966, 2, стр. 148.

шамота. Венчики сосудов прямые или слабо вышуклые. «Сосуды орнаментированы остроугольными или круглыми ямками, располагающимися на шейке или плечиках группами или одинарными, двойными и тройными поясками... Ямки наносились на сосуды косо поставленной палочкой или деревянным штампом»³². Упоминается также орнамент в виде переплетающихся поясков, пирамидок, пальцевых вдавлений, колечек, удлиненных наколов щепкой (рис. 8, 7—13). И описания, и изображения керамики городища Кудеяров Бугор вполне идентичны раннеюхновской керамике нижнего горизонта городища Кузина Гора и Западного Юхновского городища. При этом она поразительно близка материалам бондарихинской культуры.

Таким образом, хронологический разрыв между поздним периодом существования бондарихинской культуры и появлением городищ юхновского типа составляет сравнительно небольшой промежуток: конец VII—начало VI в. до н. э., что в условиях крупных этнических передвижений и перегруппировок является вполне понятным и объяснимым, особенно если учесть современный уровень наших знаний. Наличие в ранних слоях юхновских городищ скифской керамики посульско-донецкого типа и отдельных скифских вещей указывает на то, что к VI в. до н. э. (не позднее его середины) такая этническая перегруппировка в Левобережье уже произошла. Бондарихинские племена здесь исчезли, и место их на этой территории заняли племена со скифской культурой, заселившие нижнее течение Сейма, Сулу, Псел и Северский Донец. Эти племена являлись ближайшими соседями юхновцев с юга, граница между ними проходила по среднему Сейму и нижней Десне.

Трудно сказать, какую именно группу позднесрубной керамики В. А. Падин считает близкой к юхновской. Открытые им курганы около Трубчевска³³ относятся к ранней поре срубной культуры, времени чуть ли не сейминского могильника, и не могут иметь реального значения при решении вопроса о происхождении юхновской культуры. Что же касается позднесрубной культуры в том ее виде, в каком она известна нам в степном Причерноморье, то она явно имеет мало общего с юхновским миром. Поздние ступени срубной культуры в степном Причерноморье представлены памятниками сабастиновского (XIII—XII вв. до н. э.) и белозерского (XI—IX вв. до н. э.) типов. На сабастиновской ступени руководящими формами являются баночные горшки различных вариантов, в числе которых особенно характерны горшки с валиковыми налепами (чаще гладкими, реже расчлененными пальцевыми вдавлениями) под венчиком, на шейке или на плече. В качестве пережиточных встречаются остросеребряные формы, появляются горшки с отогнутым венчиком, и выпуклым корпусом. На белозерском этапе основными формами становятся профилированные горшки с суженной шейкой, отогнутым венчиком, округло-выпуклым корпусом. В орнаментации их наиболее обычен валиковый налп на шейке или на плече с пальцевыми отпечатками или насечками. Характерны для этого времени большие блюдообразные миски с прямыми или конически расширяющимися стенками. В составе керамического комплекса постоянно встречается столовая посуда: лощеные черпаки с петельчатыми ручками, кубки с шаровидным корпусом, украшенные резным или пластическим орнаментом. В течение сабастиновского и белозерского этапов получает распространение орнамент в виде пальцевых отпечатков или насечек по краю венчика или на шейке сосуда (рис. 9, III). Существует весьма обоснованная гипотеза, что срубная культура степного юга явилась одним из основных компонентов формирования собственно скифской культуры степной полосы. Это пред-

³² Там же, стр. 137, рис. 2, 3—9; стр. 140, рис. 3, 1—10.

³³ В. А. Падин. Курганы эпохи бронзы около Трубчевска. СА, 1963, 1, стр. 289—293.

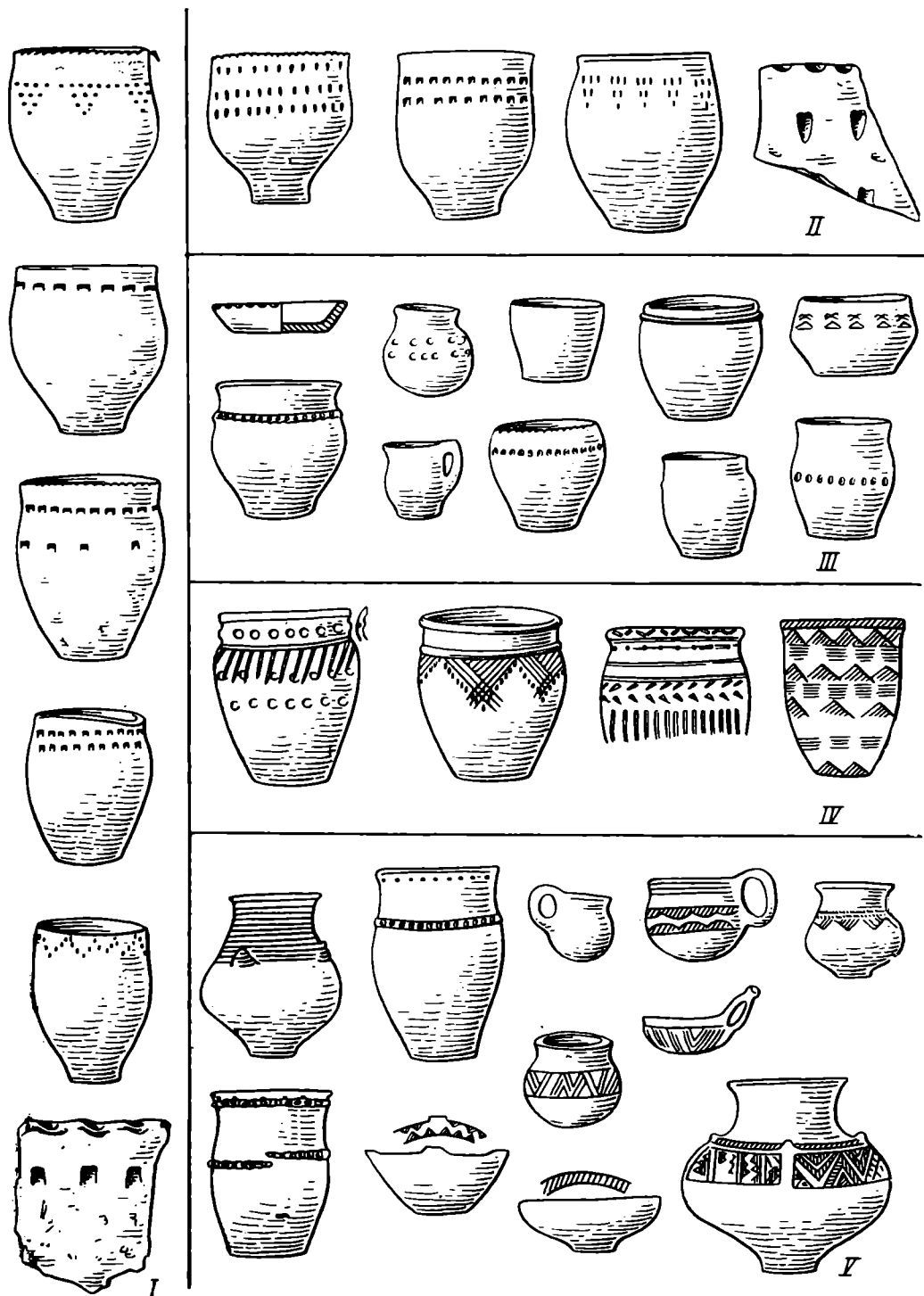

Рис. 9. Сравнительная таблица юхновской керамики и керамики культур конца эпохи бронзы

I — керамика юхновских городищ; *II* — бондарихинская керамика; *III* — типы сосудов сабаиновского и белозерского этапов срубной культуры; *IV* — керамика сосницкого типа; *V* — керамика чернолесской культуры и жаботинского этапа раннескифского времени

положение в значительной степени основывается на определенной преемственности форм керамики позднего этапа срубной культуры и керамики скифского периода. К юхновской культуре памятники позднесрубной культуры вряд ли могут иметь непосредственное отношение.

Говоря о памятниках сосницкого типа в качестве возможного предшественника юхновской культуры, П. Н. Третьяков исходит прежде всего из теоретической предпосылки, что, поскольку юхновцы, вероятнее всего, являются народом балтийской языковой группы, их генетические истоки в бронзовом веке должны восходить к кругу культур шну-

ровой керамики, составивших основу для формирования древних балтов, славян и германцев³⁴. Этому условию в Левобережье может соответствовать культура сосницкого типа, восходящая в свою очередь к среднеднепровской культуре шнуровой керамики. Отмечая, что «бондарихинская и юхновская керамика действительно имеют между собой очень много общего», П. Н. Третьяков указывает в то же время, что в бассейне р. Десны на юхновской территории имеется другая культура (или культуры) эпохи бронзы, соответствующая представлению о памятниках сосницкого типа, несколько отличающаяся от бондарихинских, но имеющая в своем составе элементы, вошедшие позднее в материальную культуру юхновских городищ³⁵. «И еще предстоит выяснить, — пишет П. Н. Третьяков, — какую роль в этом процессе сыграли местные племена, восходящие к среднеднепровской культуре, и их непосредственные соседи — бондарихинские племена, как будто ничем не связанные со среднеднепровской культурой»³⁶.

Однако если перейти к конкретному сопоставлению сосницкой и юхновской культур, то нельзя не отметить несколько существенных расхождений. Прежде всего приходится иметь в виду, что сосницкая культура была распространена не только в Подесенье. Следы поселений этой культуры были обнаружены и южнее, на Суле у хут. Гай и с. Беседовка, у с. Грушовка на Псле³⁷. В этом отношении памятники сосницкого и бондарихинского типов не только соседствуют, но в значительной степени занимают одну территорию — левобережную лесостепь, где, однако, памятники юхновской культуры не сложились. Не менее существенным является хронологический разрыв. Все, что нам известно о памятниках сосницкой культуры, не позволяет датировать их временем позднее второй половины II тысячелетия до н. э.³⁸ Таким образом, разрыв между сосницкой культурой и юхновской составляет не менее половины тысячелетия, что делает непосредственное генетическое сопоставление их малореальным.

И наконец, в археологии имеется мало культур с керамикой, столь не схожей по фактуре, формам и орнаментации, как керамика сосницкой и юхновской культур. Мы имеем в виду не отдельные фрагменты с ямочками, выпуклинами или нарезками, которые можно найти в самых различных культурах, а основные руководящие признаки и систему орнаментации в целом. Сосуды сосницкой культуры (рис. 9, IV) толстостенные, из плотной, хорошо вымешанной глины с примесью дресвы или толченого кварца. Поверхность желтовато-серого или рыжеватого цвета, обычно хорошо заглаженная, порой шелковистая, приятная на ощупь. Венчик отогнутый, слегка утолщенный, часто имеет характерное треугольное сечение. Поверхность сосудов богато орнаментирована по всему корпусу или в верхней половине. Основание шейки часто бывает выделено налезным валиком. На шейке обычен орнамент в виде крутлых ямок или выпуклин. Орнамент на плече чаще всего составляют различные линейно-геометрические композиции, составленные из врезных линий, в одну или несколько полос, образующих фестоны, треугольники, опускающиеся полосы и пр. Внутренние поля замкнутых узоров часто бывают заполнены частыми оттисками конца палочки, подобные же оттиски часто составляют бордюр по внешнему контуру линейно-геометрического орнамента. Встречаются сосуды, сплошь покрытые линейным узором, который состав-

³⁴ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 108—111, 190—194.

³⁵ Там же, стр. 158—159.

³⁶ Там же, стр. 160.

³⁷ В. А. Іллінська. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в лівобережному лісостепу. «Археологія», X, Київ, 1957, стр. 52.

³⁸ С. С. Березанська. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі. «Археологія», XI, Київ, 1957, стр. 87 сл.

лен из поясков, черточек или зубчатых отпечатков. Несмотря на наличие некоторых общих элементов (использование деревянного штампика для нанесения орнамента), система сосницких орнаментальных композиций решительно отличается от юхновских.

Остановимся на гипотезе В. П. Левенка о происхождении юхновской культуры от культуры чернолесской. Наличие культурных связей и определенного воздействия чернолесской культуры на бондарихинскую, особенно на позднем ее этапе, отрицать не приходится. Это отчетливо отразилось на характере керамики упомянутых выше поселений у сел Хухры и Оскол. Возможно, это могло сыграть какую-то роль в последующий период при формировании некоторых вариантов юхновской керамики. Однако в целом чернолесский комплекс глубоко отличен от юхновского и имеет с ним мало общего. В чернолесской культуре большое место занимает группа чернолощеной керамики в форме кубков, корчаг, черпаков и мисок, орнаментированных резным и штампованным узором, налепами, пишечками, каннелюрами и пр. Среди кухонной посуды основной формой являются высокие тюльпанообразные горшки с гладким венчиком, сквозными проколами под краем и венчиком с защипами в основании шейки (рис. 9, V). На основе чернолесской культуры в правобережье Днепра сложился жаботинский керамический комплекс (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.), отличительную черту которого составляет особая пышность и разнообразие чернолощеной керамики, достигшей именно в этот период своего наивысшего расцвета. В этот период получают распространение различного рода черпаки с высокими ручками, кубки, богато орнаментированные корчаги, миски. Сосуды покрываются сложными композициями резного и штампованного геометрического узора с белой инкрустацией. В кухонной керамике преобладают высокие тюльпановидные горшки с валиками, размещенными на венчике и на корпусе выше пояса. Край сосуда, обычно гладкий, украшен ниже венчика сквозными проколами (рис. 9, V). Как известно, юхновская керамика отличается совершенно иными руководящими признаками форм и орнаментации. Нет никаких возможностей усматривать здесь наличие генетических связей, особенно если учесть, что непосредственными предшественниками юхновцев по времени должны были бы явиться племена не столько чернолесского, сколько жаботинского этапа. Совершенно очевидно, что как чернолесский, так и жаботинский типы керамики имеют к юхновской лишь самое косвенное отношение. Отметим в этой связи, что приведенная В. П. Левенком небольшая таблица керамики, выделенная им в качестве предъюхновской³⁹, полностью соответствует нашему представлению о керамике бондарихинского типа и не имеет никаких типичных черт или даже элементов культуры чернолесского или жаботинского этапов в междуречье Днепра и Днестра.

В свете имеющихся данных мы не видим оснований для пересмотра или существенных видоизменений основного представления о генетической близости и родстве памятников бондарихинской и юхновской культур, хотя не отрицаем и того, что в формировании отдельных локальных вариантов юхновской культуры значительную роль могли играть и некоторые другие ее предшественники из числа пока еще плохо известных культур конца бронзового века на Десне, по-видимому, родственных бондарихинским.

³⁹ В. П. Левенко. Ук. соч., стр. 84, рис. 5, 16—20.

CERTAINES QUESTIONS DE LA GENÈSE DE LA CIVILISATION
DE IOUKHNOVO

Résumé

Les travaux de prospection entrepris en 1966 dans le bassin du Psel ont fourni de nouveaux renseignements sur les monuments des types de Maly Boudki et de Bondarikha ayant servi d'échelons successifs dans le développement des civilisations de l'Age du Bronze tardif dans les steppes boisées de la rive gauche du Psel. Les recherches nouvelles ont confirmé la tenacité et l'uniformité de cette civilisation dans les monuments des territoires différents aussi bien que la succession culturelle et chronologique entre sa première étape et celle qui l'a suivie.

Les résultats des investigations récentes permettent de dater les gisements du type de Maly Boudki des XIV—XII ss et ceux de Bondarikha des XI—VIII ss, peut — être du début du VII s avant notre ère.

Tout en développant l'idée de la parenté génétique de la civilisation de Bondarikha avec celle de Ioukhново du Premier Age du Fer l'auteur fait observer que c'est la céramique des agglomérations fortifiées de la civilisation de Ioukhново les plus reculées dans le temps et datant du début du VI s avant notre ère qui a la plus grande similitude avec la céramique de Bondarikha (ce sont, notamment la couche inférieure de l'agglomération Kouzina Gora, l'agglomération de Ioukhново d'Ouest, l'agglomération Kondéiarov Bougor).

L'hypothèse émise par l'auteur a suscité les objections de certains savants qui indiquaient en tant que prédécesseurs génétiques de la civilisation de Ioukhново les monuments de la civilisation de Tchernolesié (V. P. Lévénok), de la civilisation de Sosniki (F. M. Zavérniaev), de la civilisation des tombes à cherpente (V. A. Padine).

Ces points de vue bien considérés, l'auteur fait remarquer que les formes prépondérantes de la céramique des civilisations citées ne sont pas conformes à la céramique du type de Ioukhново, il indique également la grande rupture chronologique (500 années au moins) entre les monuments de la civilisation de Sosniki et les tumulus à charpente du type de Sosnovaia Masa découverts près de Troubtchevsk.

L'auteur ne voit pas, tous les renseignements obtenus bien pris en considération, de bonne raisons pour la révision ni pour les modifications importantes à apporter à l'idée de la parenté génétique des civilisations de Bondarikha et de Ioukhново.

Э. А. ЮРКЕВИЧ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУШАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ АФГАНИСТАНА

Значительное число известных в настоящее время в Афганистане кушанских памятников в той или иной степени получили освещение в сотнях статей, монографий, отчетов и заметок, опубликованных за рубежом и в нашей стране. В специальной литературе неоднократно появлялись обзорные статьи и очерки, посвященные изучению Афганистана в археологическом отношении. Среди первых таких работ можно назвать обзоры, написанные К. Риттером (1837 г.)¹ и Г. Вильсоном (1841 г.)². В 1867 г. русский востоковед В. В. Григорьев как дополнение к переводу сочинения Риттера дал обстоятельный очерк истории археологического изучения восточной части Афганистана с подробными библиографическими указаниями и первой попыткой классификации известных памятников³.

Позже И. П. Минаев издал книгу, в которой были собраны сведения и о древних памятниках северной и северо-восточной частей Афганистана⁴.

Со времени деятельности Французской археологической миссии в Афганистане в издаваемых ею мемуарах помещались очерки по истории отдельных памятников. В качестве примера можно указать на обширный и подробный очерк, посвященный древнему Бамиану⁵. Первый опыт подведения итогов работ французских археологов был сделан в 1933 г. Ж. Акенном⁶. Очерк по некоторым работам 1922—1949 гг. был включен в книгу Г. Дейдие⁷.

В числе последних обзоров следует назвать статьи советского ученого А. М. Мандельштама⁸ и американского ученого Л. Дюпре⁹.

В целом указанные работы не дают сколько-нибудь полной картины по истории археологического изучения Афганистана с XIX в. по настоящее

¹ G. Ritter. Die stupa's (Topes) oder die architectonischen Denkmale an der Indo-Baktrischen Königsstrasse und die Colosse von Bamiyan, Berlin, 1938; К. Р и т т е р. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Кабулистан и Кафиристан. Перевод с присовокуплением критических примечаний и дополнений по источникам, изданным в течение последних тридцати лет. В. В. Григорьев. СПб., 1867, XIV, стр. 100—149.

² H. N. Wilson. *Ariana Antiqua*. London, 1841.

³ В. В. Григорьев. Ук. соч., в примеч. 1. стр. 667—722.

⁴ И. П. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 г.). СПб., 1879.

⁵ A. Godard, G. Godard et J. Hackin. *Les antiquités bouddhiques de Bamiyan*. MDAFA. II, Paris et Bruxelles, 1928.

⁶ J. Hackin. *L'Oeuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922—1923)*. Tokio, 1932.

⁷ H. Deydier. *Contribution à l'étude de l'art du Gandhara*. Paris, 1950.

⁸ А. М. Мандельштам. О некоторых результатах работ Французской археологической миссии в Афганистане. СА, XXI, 1954.

⁹ L. Dupree. *Shamashir Glar Anthropological papers American Museum of Natural History*, 46, 1958.

время. Не появлялось в литературе и статей, специально посвященных истории изучения кушанских памятников. Попытка восполнить в какой-то степени этот пробел делается в предлагаемом очерке. Следует, однако, заметить, что из-за недоступности части зарубежной литературы настоящая статья имеет некоторые пробелы.

В истории археологического изучения Афганистана с начала XIX в. выделяют три периода: I—с начала XIX в. по 1922 г.; II—с 1922 по 1941 г., III—с 1941 г. по настоящее время.

История изучения кушанских памятников совпадает с вышеуказанными периодами.

I период (с начала XIX в. до 1922 г.)

Этот период характеризуется тем, что собираются новые сведения о памятниках старины, делаются первые пробные раскопки отдельных памятников, коллекционируются интересные древние вещи, главным образом монеты и предметы изобразительного искусства, разрабатываются некоторые вопросы истории и исторической географии на основе данных письменных источников и новых сведений, поступивших от путешественников.

В числе первых европейцев, посетивших Афганистан, были Муркрофт и его спутник Требек, проехавшие по стране в 1822 г.

В записках Муркрофта содержатся указания на существование буддийских ступ в Хайберском ущелье и развалин буддийских сооружений в районе Джелалабада. Муркрофт сделал подробное описание Бамианских пещер, колоссальных статуй, фресок и близлежащих развалин древних поселений. Затем он сообщил о пещерах в Хайбаке и Хазар-Суме, дал короткое описание древнего Балха¹⁰. В 1826 г. в Восточном Афганистане был генерал А. Курт, который интересовался археологическими памятниками и установлением маршрута движения Александра Македонского на территории Афганистана и Северной Индии¹¹.

О некоторых памятниках Афганистана писал А. Борнс, совершивший в 1832 г. свое первое путешествие (в основном по маршруту Муркрофта). Первыми памятниками, отмеченными Борнсом, были пещеры в районе Джелалабада, в горах к северу от р. Кабул-Дарьи (пещеры каффинов) и семь буддийских сооружений недалеко от самого Джелалабада. Борнс дал подробное описание бамианских древностей, сделав зарисовки двух статуй. Затем осмотрел Балх. Здесь он собрал древние монеты, в их числе кушанские¹².

Во время второго путешествия, в 1837—1838 гг., Борнс отметил некоторые ступы и развалины крепости в Хайберском ущелье, посетил городище Беграм, обнаруженное еще раньше Ч. Массоном, и сделал топографическую съемку этого городища, которая попала через генерала А. Курта в Париж, в Азиатское общество. В 12 км к северо-востоку от Кабула, на р. Логар, Борнс осмотрел ступы, открытые М. Гонигбергом в 1833 г., где обнаружил две монолитные колонны и собрал отдельные находки в окрестностях Кабула¹³.

¹⁰ W. Moorcroft and G. Trebeck. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Punjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara. Prepared for the Press from Original Journals and Correspondence by H. H. Wilson. II. London, 1841, стр. 349—350, 363—368, 387—391.

¹¹ A. Court. Conjectures sur les marches d'Alexandre dans la Bactriane. JA, 1837, IV, стр. 359—396; его же. Collection of Facts which may be Useful for the Comprehension of Alexander the Great's, Exploits on the Western Banks of the Indus. JASB, VIII, 1840, стр. 304—313.

¹² А. Борнс. Путешествие в Бухару. II, М., 1848, стр. 180, 181, 268—271, 343—347.

¹³ А. Борнс. Кабул. Путевые записки в 1836, 1837 и 1838 годах. М., 1847, стр. 183—184, 190—191, 212, 231—233, 237—238, 307—308.

В 1832 г. в Афганистане провел несколько месяцев венгерский путешественник Мартин Гонигбергер. Зная об успехе генерала Вентуры в раскопках Маникьяловских ступ, М. Гонигбергер занялся раскопками некоторых открытых им сооружений, похожих на Маникьяловские. Он произвел раскопки ступ Шеваки, Бурджи-Кемри, Се-топе и Гулдере, расположенных к юго-востоку от Кабула; ступы Корриндар в долине Кох-даман, к северу от Кабула, и некоторых ступ группы Дарунта к западу от Желалабада (Коптур, Пассани, Бамиран, Сурх-топе, Нандара, Бар-Робат). М. Гонигбергер собирался раскопать и ступу в Хайберском ущелье, но это ему не удалось.

В дальнейшем М. Гонигбергер, проезжая Балх, отметил несколько крупных ступ в окрестностях города, указав, что они совсем не похожи на ступы к югу от Гиндукуша. В самом Балхе он обнаружил монету Кадфиза. Свои раскопки Гонигбергер делал поспешно и грубо. Многие вещи он утратил, в том числе свитки рукописей. Изыскания М. Гонигбергера в Афганистане позже были опубликованы французским ученым Жаке с приложением рисунков кабульских ступ и обнаруженных в них вещей¹⁴.

Незначительные раскопки вслед за Гонигбергером произвел в окрестностях Кабула и Желалабада спутник А. Борнса Джерар в 1833 г. Он копал ступы теми же приемами, что и М. Гонигбергер, но с меньшим успехом. Джерару принадлежит открытие к югу от Кабула, близ селения Бени Хисар, поселения с разрушенными сооружениями, в которых были обнаружены предметы архитектурного украшения, раскрашенные лазуритом и позолотой, и барельефное изображение на камне фигуры сидящего Будды в положении нирваны. Здесь же Джерар отметил наличие остатков кирпичных стен¹⁵.

Значительные археологические исследования в Афганистане произвел англичанин Ч. Массон. Первый раз он был в Афганистане как путешественник в 1826—1827 гг. Второй раз он провел в Афганистане шесть лет (с 1832 по 1838 г.) в качестве англо-индийского агента. В этот период он много тратил времени на изучение памятников старины. Ч. Массон впервые открыл большое городище Беграм, несколько буддийских ступ и других древних сооружений, расположенных рядом с Беграмом и к югу от него, а также в окрестностях Чарика и на южных склонах Гиндукуша к северо-востоку от Беграма. В этом районе он собрал большое количество монет, среди которых много кушанских. Путешествуя в сторону Бамиана, Ч. Массон отметил множество разновременных памятников. В Бамиане он изучал пещеры и статуи. Здесь он отметил замок Зохака и крепость Гульгуле. Ч. Массон производил также раскопки в тех местах, где раньше копал М. Гонигбергер (Кабульская группа и Желалабадская группа Дарунта), и нередко получал дополнительный интересный материал. В Желалабадском районе он произвел раскопки некоторых ступ группы Чахарбак и Хадда. В общем на Желалабадской равнине Массон добыл богатый и интересный материал. Наряду с личным участием в раскопках Ч. Массон практиковал производство раскопок по поручению, как это имело место к югу от Кабула, в Вардаке в верховье р. Лагор, где находилась одна ступа, которую раскопали по его приказу нанятые рабочие. Его приемы раскопок почти не отличались от приемов предшественников. Он ограничивался только получением сведений о местонахождении реликвий. Между тем следует отметить, что Ч. Массон сделал во время раскопок много зарисовок самих ступ, некоторых гротов и найденных предметов. Ход и результаты

¹⁴ E. Jaquet. Notice sur les découvertes archéologiques faites par Martin Honigberger dans l'Afghanistan. JA, II, Paris, 1836, стр. 233—276; IV, 1837, стр. 401—440; V, 1838, стр. 163—197; VII, стр. 385—404.

¹⁵ J. G. Gerard. Memoir on the Topes and Antiquities of Afghanistan. JASB. III, 1834, стр. 321—329.

своих раскопок Ч. Массон подробно описал и впоследствии опубликовал в ряде статей¹⁶.

В 1840 г. четыре ступы в группе Дарунта были раскопаны Пигоу. В трех из раскопанных ступ он обнаружил реликвийные предметы. Кроме того, он осмотрел пещеры Барабад на левом берегу р. Кабул-Дарьи, где обнаружил небольшую краснокаменную плитку с рельефным изображением¹⁷.

После Ч. Массона (не считая Пигоу) в Афганистане долгое время никто из европейцев не пытался раскапывать памятники. Путешественники в основном лишь упоминали уже известные памятники и иногда сообщали о новых. Среди них следует упомянуть Вуда, который совершил свое знаменитое путешествие на Памир в 1837—1838 гг.¹⁸ В его путевых записях редко встречаются сведения о памятниках старины, но он указал на следы огромного древнего города под местным названием И-ханом расположенного в месте впадения р. Кокчи в Пяндж. Это превосходное городище Айя Ханум грекобактрийского времени, на котором сейчас французские археологи ведут работы совместно с советскими учеными.

В 1840 г., когда восточная часть Афганистана была захвачена англичанами, производил разведки англичанин Р. Борслем. Среди мест, представляющих археологический интерес, он отметил большие пещеры под названием Ирмалик близ селения Доаб¹⁹.

В 1845—1846 гг. в Афганистане побывал Ж. П. Феррье, который также сообщил о некоторых древних памятниках, в частности о Балхе²⁰. Во время второй военной экспедиции англичан в Афганистан, в 1879 г., В. Симпсон осуществил несколько удачных шурфовок в Тепе-Калан и Чехель-Гунди (Джелалабад-Хадда). Он обнаружил здесь фрагменты статуи каменной скульптуры, которые были им увезены и теперь хранятся в Британском музее²¹. Он же обследовал пещеры Заргаран и Филадельфия, на левом берегу р. Кабул-Дарьи²².

По северной части территории Афганистана в 1878 г. путешествовал русский офицер Н. И. Гродеков. Он отметил наличие развалин древних памятников в Балхе и в его округе²³.

В 1878—1879 гг. через Северный и Центральный Афганистан проехала русская миссия, что нашло отражение в книге И. Л. Яворского, имеются указания и на памятники²⁴.

В 1885—1886 гг., во время установления северной границы Афганистана, член пограничной комиссии англичанин Иет интересовался памятниками старины. В своей книге он упоминает, в частности, о буддийских ступах Чехель-Духтарон, Асия-Ханак, Топи-Рустам, Тахти-Рустам (все к югу от Балха). Он дал там же обстоятельное описание Балха и схематический его план. Кроме того, Иет указал на буддийскую ступу и пещеры в Хайбаке и севернее Хайбака²⁵.

¹⁶ Ch. Masson. Memoir on the Ancient Coins Found at Beghram in the Kohistan of Kábul. JASB, III, 1834, стр. 153—175; V, 1836, стр. 1—28, 188, сл., 537 сл., 707—720; его же. Memoire of the Topes and Sepulchral Monuments of Afghanistan. В кн. H. N. Wilson. Ariana Antiqua. London, 1841, стр. 55—117, рис. I—IV, табл. I—IX.

¹⁷ Pigou. On the Topes of Darunta and Caves of Bahrabad. JASB, X, 1841, стр. 381—386.

¹⁸ J. Wood. A Journey to the Source of the River Oxus. London. 1872, стр. 260.

¹⁹ R. Burslem. A Peep into Toorkisthan. London, 1846, стр. 107, 125.

²⁰ J. P. Ferrier. Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan. London, 1857, стр. 208.

²¹ W. Simpson. Buddhist Architecture Jellalabád. Journal Asiatique Societe, transl. Roy. Inst. Brit. Architect., 1879—1880, стр. 37—64.

²² W. Simpson. Buddhist Caves of Afghanistan. JRAS, XIV., 1907, стр. 1—13, табл. 1—5.

²³ Н. И. Гродеков. Через Афганистан, путевые заметки... СПб., 1880, стр. 55—56.

²⁴ И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. I—II. СПб., 1882—1883.

²⁵ C. E. Yate. Northern Afghanistan. Edinburg — London. 1888, стр. 255—260, 321, 322.

Из европейцев, побывавших в разное время в афганистанском Сеистане, следует упомянуть Г. Тейта, который в своем труде указал на некоторые археологические объекты. Среди отмеченных им памятников были упомянуты Кала-и Фатех и ряд поселений в дельте Руди-Биябан²⁶, рядом с которыми полвека спустя, в 1950—1951 гг., американский археолог Ферсервис обнаружил материал парфяно-кушанского времени.

Во время первой мировой войны, в 1916 г., в Сеистане с археологическими целями был А. Стейн, обследовавший десятки археологических объектов²⁷.

В то же время в Афганистане с дипломатическими и разведывательными целями был О. Нидермаер. Он побывал во многих уголках этой страны и сделал сотни фотоснимков, среди которых виды Балха и всех рядом расположенных буддийских сооружений (Тахти и Тоши Рустам, Шахри Фалах, Асия-Хонак, Чехель-Духтарон), Тахти Рустам в Хайбаке, Бамианских пещер и статуй, ступы Шеваки и стамбы близ Кабула. На основе собранных Нидермаером в Афганистане материалов немецкий ученый Е. Диц написал очерк об этой стране²⁸.

Представленные всеми путешественниками сведения исторического, этнографического, археологического и географического характера несомненно представляли большой интерес для науки, и ученые в своих исследованиях не могли обойтись без этих источников. В целом первый период можно охарактеризовать как период первичного количественного накопления сведений по памятникам.

II период (1922—1940 гг.)

Еще до заключения договора между Францией и Афганистаном об археологических исследованиях в Советской России, которая установила дипломатические отношения с Афганистаном, Всероссийская научная ассоциация востоковедения получила свою первую зарубежную археологическую экспедицию в Афганистан. В подготовке этой экспедиции принимали участие такие ученые, как М. Н. Бороздин, В. А. Городцов, Желябов и др.²⁹ В 1921—1922 гг. в Афганистане побывал советский исследователь М. Г. Вечеслов, который непосредственно познакомился с многими известными памятниками Афганистана. Свои наблюдения он изложил в статье, помещенной в специальном сборнике, который был посвящен некоторым проблемам истории Афганистана³⁰.

Французские археологи, получив право на археологические исследования в Афганистане, ставили своей целью исследовать главным образом античные памятники этой страны, чтобы попытаться получить данные о влиянии эллинизма на Востоке и о проникновении буддизма в Афганистан. Французских искусствоведов очень интересовал вопрос происхождения так называемого греко-буддийского искусства, богатый материал по которому был накоплен в Западном Пакистане и изучен А. Фуше³¹. По его мнению, гандхарское искусство, содержащее в себе элементы буддизма и эллинизма, представлено материалом, который относится к более позднему периоду, чем время господства греков в этих областях. Учитывая хронологическую лауну между временем господства греков на Востоке и датировкой гандхарских памятников, А. Фуше пришел к выводу, что сое-

²⁶ G. P. Tate. The Frontiers of Baluchistan. London, 1909, стр. 96—99, 242—244; его же. Seistan. A Memoir on the History, Topography, Ruins and People. I. Calcutta. 1910—1912, стр. 163, 243—245.

²⁷ A. Stein. Innermost Asia. Oxford, 1928, I—II.

²⁸ O. von Niedermayer und Ernst Diez. Afganistan. Leipzig, 1924.

²⁹ Сб. «Афганистан». I. Сер. истор.-этнолог. М., 1923, стр. 3.

³⁰ М. Г. Вечеслов. Археологические памятники в Афганистане. Сб. «Афганистан», стр. 136—141.

³¹ A. Foucher. L'Art greco-bouddhique du Gandhâra. Paris, 1905, 1908, 1922.

линение буддизма с эллинистическим искусством произошло в стране, расположенной западнее от Гандхары, а именно на территории древней Греко-Бактрии³². Именно сюда и направились сразу французские исследователи с надеждой обнаружить следы, по которым можно было бы судить о роли Бактрии в происхождении гандхарского искусства. Первым объектом раскопок был избран Балх, известный по письменным источникам как древняя столица Бактрии. Раскопки были осуществлены на цитадели Бала Хисара и вне стен города — на Топи-Рустам. В итоге двухлетних раскопок здесь удалось выявить только строительные остатки дворца средневекового времени на цитадели и некоторые данные для реконструкции крупной ступы Топи-Рустам. Никаких находок, связанных с гандхарским искусством, не было обнаружено³³. На основании этих неудачных раскопок, которые, надо сказать, производились на низком уровне, с игнорированием массового материала, А. Фуше пришел к печальному выводу о том, что территория Греко-Бактрии не могла быть родиной греко-буддийского искусства, и задался теперь целью развенчать «бактрийский мираж»³⁴. Вывод А. Фуше отрицательно повлиял на отношение к этой области, которая в дальнейшем долгие годы оставалась в стороне от внимания археологов. А. Фуше в первые годы деятельности в Афганистане посетил многие известные памятники — Бетрам, Бамиан, Хайбак, Дарунта, Хадда и др. — и произвел их предварительное изучение в связи с изучением исторической географии Афганистана и Северной Индии³⁵.

В Бамиане под руководством А. Годарда в 1923 г. было проведено предварительное изучение доступных пещер³⁶. Первые раскопки здесь были произведены лишь в 1930 и 1933 гг. под руководством Ж. Акена к востоку от малой статуи (пещеры группы Г)³⁷. В одном из помещений с квадратной ступой в центре были обнаружены фрагменты скульптуры и остатки настенной живописи, которые разрушились под воздействием света и воздуха. Они были только зарисованы и сфотографированы. В результате комплексного изучения Бамиана исследователи считают, что к самому раннему времени — кушанскому — можно отнести малую статую и расположенные близко гrotы типа гrotов Г. Остальной комплекс бамианских пещер и большая статуя относятся к последующему времени, вплоть до VII в.³⁸.

За деятельностью французской миссии в Афганистане внимательно следили советские востоковеды, и в особенности В. В. Бартольд. В своих рецензиях В. В. Бартольд критически рассматривал те заключения, которые были сделаны французскими исследователями на основе их первых работ в Афганистане³⁹.

Следующими памятниками, на которых были произведены раскопки, явились отдельные ступы Дарунты и буддийские монастыри в Хадда

³² A. Foucher. L'Art..., II, 1908, стр. 635.

³³ E. Senart. Rapport sur les travaux de la Mission archéologique en Afghanistan pendant le premier semestre de 1924. CRAI, Paris, 1924, стр. 342—346; A. Foucher. La Délégation archéologique française en Afghanistan (octobre 1922 — novembre 1925). CRAI, 1927, стр. 117—125; е го же. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. MDAFA, I, Paris, 1942; 2, Paris, 1947.

³⁴ A. Foucher. La vieille..., 1, стр. 83 сл.

³⁵ A. Foucher. La vieille..., 1—2.

³⁶ A. Foucher. Notice archéologique de la vallée de Bamiyan. JA, 202, 1923, стр. 354—368; A. Godard, G. Godard, J. Hackin. Les antiquités bouddhiques de Bamiyan. MDAFA, II, Paris — Bruxelles, 1928.

³⁷ J. Hackin et J. Carl. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan. MDAFA, III, Paris, 1933; O. Bruhl. Derniers travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan. RAA, VIII, 2, 1934, стр. 118—119.

³⁸ A. Foucher. Lettre à la Société asiatique sur les découvertes bouddhiques de Bamiyan. JA, I, 1923, стр. 354; A. Godard, G. Godard, J. Hackin. Les antiquités..., стр. 34.

³⁹ В. В. Бартольд. Рец. на книгу: A. Godard, G. Godard, J. Hackin, Les Antiquités bouddhiques de Bamiyan. MDAFA, II, Paris, 1928; «Иран», III, Л., 1929, стр. 241—246.

(Джелалабадский район). Первые расчистки были начаты в 1923 г. А. Фуше и А. Годардом на большой ступе Дарунты и в монастыре Тепа Калан (Хадда)⁴⁰. В 1926—1928 гг. в Хадда в больших масштабах произвел раскопки Ж. Барту на буддийских поселениях Баг-Гаи, Гар-нао, Прате, Чехель-Гунди, Дех-Гунди, Тепе Кафарика и Тепа Калан⁴¹. Результаты были весьма успешными. Благодаря большим масштабам раскопок здесь удалось получить ценные данные о планировке и архитектуре буддийских монастырей и многочисленных ступ (свыше 300). Здесь было добыто свыше 23 тыс. фрагментов штучковой скульптуры, украшавшей некогда ступы. Изучив весь комплекс полученных в Хадда материалов, Ж. Барту, так же как А. Фуше и Ж. Акен, определил несомненную связь с Гандхарой и указал на возможную синхронность памятников Хадда с подобными памятниками Западного Пакистана.

В 1933 г. Ж. Карл и Ж. Акен произвели раскопки на Тепе Маранджан — буддийском монастыре, расположенном недалеко от Кабула⁴².

Через два года в окрестностях к юго-востоку от Кабула раскопки велись на крепости Сака и одновременно изучался монастырь Гульдара⁴³.

Методические раскопки под руководством Ж. Карла и Ж. Монье были начаты в 1936 г. в Беграме⁴⁴. Напомним, что до этого времени, в 1922—1923 гг., городище Беграм изучалось А. Фуше⁴⁵, в это же время городище обследовал Д. Д. Букинич⁴⁶, а в 1925 г. Барту произвел шурфовку за стенами городища, на месте руин буддийского сооружения⁴⁷. В 1936 г. раскоп был заложен в центральной части «Нового царского города» (раскоп № 1 — «базар»), затем, в следующем году, Ж. Акен начал раскопки в 200 м восточнее от раскопа № 1, где ему удалось частично вскрыть дворцовый комплекс, в котором были обнаружены превосходные предметы изобразительного искусства (стекло, кость, бронза). В 1938 г. Ж. Монье продолжил расчистку помещений к западу от дворца, вскрыл замок с круглыми башнями на углах и, кроме того, произвел частичные раскопки в 400 м южнее городища, где раскопал остатки квадратного в плане сооружения (19,8×19 м) с четырьмя круглыми башнями на углах⁴⁸. В 1939—1940 гг. раскопками на объекте № 2 снова руководил Ж. Акен. В это время была вскрыта большая группа помещений вокруг дворца⁴⁹. Таким образом, за время с 1936 по 1940 г. в Беграме раскопками были вскрыты большие участки кварталов с жилыми домами, «базарные» лавки и некоторые помещения дворцового здания. Добытый материал, в основном относящийся к I—III вв., многочислен и разнообразен. Это великолепные изделия из стекла, украшенные сюжетной росписью, разные бронзовые изделия и скульптура восточноримского происхождения, китайские чернолаковые коробочки и группа костяных украшений с художественной резьбой, по стилю и

⁴⁰ J. Hackin. Les fouilles de les DAFA a Hadda (Afghanistan) (Missions Foucher — Godard — Barthoux. 1923—1928). RAA, 2, стр. 66—76.

⁴¹ Barthoux. Les fouilles de Hadda. MDAFA, IV, 1933; VI, 1930.

⁴² J. Carl et J. Hackin. Le monastère bouddhique de térépé Marandjân. MDAFA, VIII, Paris, 1959, стр. 7—8.

⁴³ J. Carl. Le fortin du Saka et le monastère du Guldara. MDAFA, VIII, Paris, 1959, стр. 13—17.

⁴⁴ J. Carl et J. Meunié. La Bazar de Begram. MDAFA, VIII, Paris, 1959, стр. 84—102.

⁴⁵ A. Foucher. La vieille..., стр. 140.

⁴⁶ М. Чайковская. Гандхарская скульптура Музея искусств Узбекистана. Сб. студенческих работ САГУ, VI, Ташкент, 1954, стр. 57—72; Г. А. Пугаченкова. Памятник гандхарской скульптуры из Беграма. «Искусство», 1958, 11, стр. 67—70.

⁴⁷ J. Hackin, R. Hackin. Recherches Archéologiques à Begram. MDAFA, IX, Paris, 1939.

⁴⁸ J. Meunié. Begram — fouille de 1938. MDAFA, VIII, стр. 103—106.

⁴⁹ J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Begram. MDAFA, XI, Paris, 1954, стр. 1—16.

трактовке близкая к североиндийской художественной школе Матхура⁵⁰. Но методика раскопок оставалась несовершенной, и в связи с этим стратиграфия памятника не была выяснена, а рядовому материалу по-прежнему уделялось мало внимания.

Помимо Беграмского городища велись раскопки на других памятниках, расположенных недалеко от Беграма, в частности Пайтаве⁵¹ и Шотораке⁵².

Некоторые раскопочные работы были произведены в Северном Афганистане. В 1938 г. Ж. Карл раскопал несколько участков на городище Шахри-Бану⁵³, обнаруженном еще в 1924 г. Ж. Акеном⁵⁴, заложил шурфы на Закер-Тепе и на холмах по соседству. На Шахри-Бану были выявлены оборонительные стены и часть помещений. Добытый материал относится к I в. до н. э. — IV в. н. э. В шурфе на Закер-Тепе были вскрыты четыре уровня строительных остатков, относящихся к кушано-сасанидскому времени. Раскопки были также осуществлены в Кундузском районе. В 3 км к северо-востоку от Кундуза Ж. Акен в 1936 г. сделал несколько шурфов в монастыре, в котором обнаружил семь культурных головок, некоторые из которых передают центральноазиатский этнический тип, а другие, по его мнению, несут на себе чисто греческие черты. Благодаря этим находкам Ж. Акен пришел к выводу, что Бактрия скорее, чем Гандхара, могла быть родиной греко-буддийского искусства⁵⁵.

Спустя два года в Северном Афганистане занимались археологическими исследованиями англичане Е. Барджер и Ф. Райт, также обнаружившие ряд интересных находок⁵⁶.

Исследования французских археологов с 1922 по 1940 г. были сосредоточены в основном на памятниках, открытых еще в XIX в. (Бамиан, Хадда, Беграм, Бактры и др.). Число вновь обнаруженных и частично изученных памятников кушанского времени невелико (Шахри-Бану, Закер-Тепе, Кундуз и др.). Копались также археологические памятники I тысячелетия до н. э. (Сеистан) и средневековые (Сар-Нюшак, шехри Голгола, Какрак, Дохтари Ношпирван, Хаир-Хане, Фондукистан, Газни и др.). Выбор объекта и приемы раскопок были подчинены искусствоведческим целям. В силу этого вопросы стратиграфии, хронологии и изучения местной культуры разрабатывались слабо. Большое внимание французскими исследователями уделялось проблеме искусства, исторической географии древних областей Афганистана и проникновению в Афганистан буддизма. Вместе с тем нельзя не оценить блестящие находки, которые были сделаны в Беграме и в соседних буддийских памятниках в Хадда, Бамиане, Кундузе и др., которые дали основание для важных заключений по древней истории Афганистана. Второй период в целом характеризуется как период первых профессиональных раскопок памятников. В самом Афганистане на базе созданных в Кабуле Академии наук (1931 г.), университета (1932 г.) и колледжей росла национальная интеллигенция, которая проявляла большой интерес к

⁵⁰ A. Foucher, R. Grousset, Ph. Stern, O. Kurz, J. Aboyer, V. Elisseff. MDAFA, XI, стр. 17—155.

⁵¹ J. Hackin. L'oeuvre..., стр. 31—33; J. Aboyer. J. Hackin (1886—1941) in *memoriam*. Afghanistan, V, 3, стр. 1—9.

⁵² J. Meunier. Shotorak. MDAFA, X, Paris, 1942.

⁵³ J. Carl. Fouilles dans le site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-Tépé. MDAFA, VIII, Paris, 1959, стр. 59—73.

⁵⁴ J. Hackin. L'oeuvre..., стр. 63.

⁵⁵ J. Hackin. Fouilles de Kunduz. MDAFA, VIII, 1959, стр. 19—21, табл. 52—62.

⁵⁶ E. Barger. Explorations of Ancient Site in Northern Afghanistan. «Geographical journal», XCIII, London, 1939, 5, стр. 377—398; E. Barger and Ph. Wright. Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan. MASI, 64, Delhi, 1941.

истории своей страны. Некоторые из ее представителей участвовали в зарубежных археологических экспедициях. Стали создаваться краеведческие музеи. Первый был создан в 1922 г. в Кабуле (Дорул-Аман), затем они возникли в Мазаре-Шерифе, Газни, Кандагаре и Герате.

III период (1941—1966 гг.)

Начало этого периода отмечено раскопками Беграма под руководством Р. Гиршмана в 1941 г.⁵⁷ Для своих раскопок он выбрал участок к западу от всех предшествующих объектов и два пункта на Бурджи-Абдаллах. В отличие от своих предшественников Р. Гиршман ставил своей целью изучение местной культуры на основе стратиграфии и хронологии памятника. Опираясь на выявленные строительные остатки и учитывая обнаруженные в культурных слоях монетные находки, Р. Гиршман выделил три слоя: Беграм I (II в. до н. э. — середина II в. н. э.), Беграм II (середина II — середина III в.); Беграм III (середина III—IV в.).

Р. Гиршман сумел получить некоторые важные сведения по фортификации и технике строительства жилых домов, характерных для каждого периода. Большое внимание он уделил обнаруженной керамике, которую расчленил по историческим периодам.

Несмотря на некоторые методические недочеты и спорные моменты в интерпретации Р. Гиршмана, его исследования в Беграме являются, безусловно, шагом вперед и новым этапом в археологическом изучении Афганистана и в изучении кушанской проблемы в целом.

В самом Афганистане при Академии наук было образовано научно-исследовательское общество, члены которого взяли на себя почетную обязанность популяризировать историю своей страны через журналы «Ариана»⁵⁸ и «Афганистан»⁵⁹, которые стали выходить в 1943 и 1946 гг. соответственно. Многие члены общества, активно участвовавшие в археологических экспедициях, взяли на себя заботу об охране и реставрации памятников. Активными пропагандистами истории своей родины являются Ахмад Али Кохзад, Мухаммад Наби Кохзад, Матамади, М. А. Кохзад, М. Али, А. А. Нейми, А. А. Мааруф и др.

После окончания второй мировой войны, в 1946 г., по поручению Д. Шламберже, ставшего с этого времени руководителем Французской археологической миссии, Ж. Монье произвел раскопки в Беграме в районе южных ворот⁶⁰. Здесь также удалось заметить три строительных периода. Внимание Французской археологической миссии было снова обращено на Балх. Сюда еще в 1945 г. приезжал Д. Шламберже с целью знакомства с памятником и выбора объекта для раскопок⁶¹.

В следующем, 1946 г. Балх был осмотрен археологической миссией Индии во главе с Р. М. Уилером. Кроме Балха эта миссия посетила и другие известные памятники (Хадда, Беграм, Бамиан, Хайбак, Балх, Газни и др.)⁶². Наряду с этим в Северном Афганистане миссия зафиксировала ряд новых поселений, среди них домусульманское городище Джар-Тепе, расположенное в 12 км южнее Кундуза, в окрестностях Алнабада, и ряд безымянных городищ, расположенных в окрестностях Хульма и по

⁵⁷ R. Ghirshman. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. MDAFA, XII, Le Caire, 1946.

⁵⁸ Ариана. Кабол, 1943.

⁵⁹ Afghanistan. «Revue trimestrielle Publiée par Departement de la Press», 1946.

⁶⁰ J. Meunié. Une entrée de la ville à Begram. MDAFA, VIII, стр. 107—113.

⁶¹ J. C. Gardin. Ceramiques de Bactres, MDAFA, XV, Paris, 1957. См. Introduction par D. Schlumberger, стр. 9; D. Schlumberger. Rapport dans CRAI, 1946, стр. 174—175; его же. The Archaeological Exploration of Afghanistan. «Afghanistan». II, 4, 1947, стр. 1—22.

⁶² R. E. M. Wheeler. Archaeology in Afghanistan. «Antiquity», XXI, 82, 1947.

дороге от Ташкургана в Балх и дальше на Акчу. Уиллер, изучая памятники Северного Афганистана, обращал внимание и на следы древней ирригации. В Балхе он проявлял интерес к остаткам оборонительной системы города.

В 1947 г. в Балхе разворачиваются раскопки под руководством Д. Шламберже⁶³. Для раскопок были выбраны: площадь Бала Хисара, центральные холмы Нижнего города, отдельные пункты у южной стены и холм под названием Тепе Заргаран в Восточной части городища. В этих местах археологи пытались выяснить стратиграфическую картину городища методом многочисленных колодеобразных шурфов (1,5×1,5 м). По образному выражению Д. Шламберже, они должны были играть роль «перископов», только опущенных вниз, при помощи которых можно будет рассмотреть внутреннее содержание городища⁶⁴. Таких «перископов» на Балхском городище было сделано 71 и кроме них два шурфа бóльших размеров (6×3 и 10×10) на Тепе Заргаран. Однако стратиграфию городища проследить не удалось.

Древние слои французские археологи не смогли выделить. Обильный керамический материал был изучен не в полную меру, и поэтому датировка домусульманской керамики была неточной. Попытки установить относительную хронологию городских стен также не имели успеха. Раскопки, осуществленные в 1947—1948 гг. в Балхе, по признанию самих исследователей, оказались неудачными.

В это же время французские археологи произвели шурфовку на Тепе Нимлик, в 35 км к западу от Балха. На этом городище в 1945 г. Д. Шламберже обнаружил один черепок с греческой надписью⁶⁵. Здесь в шурфах была обнаружена керамика греко-бактрийского, кушанского и частично тимуридского времени⁶⁶.

В 1953 г. в Балхе произвела небольшие раскопки американская археологическая экспедиция под руководством Р. Юнга⁶⁷. До этого он пытался копать в Кундузе на месте буддийского монастыря, но здесь его раскопки оказались безрезультатными⁶⁸. Для раскопок в Балхе Р. Юнг избрал место ниже башни «Бурджи Айран» (западный край южной стены). Основываясь на своих наблюдениях, Р. Юнг пришел к заключению, что южная стена была сооружена во II в., поэтому Нижний город мог возникнуть только в кушанское время, а в докушанское время территория города ограничивалась только Бала Хисаром.

После раскопок в Балхе и Тепе Нимлик французские археологи переключились на другие объекты, расположенные в южных и восточных провинциях Афганистана (Лашкари Базар⁶⁹, Мир-Заках⁷⁰ и Кама Дакса, недалеко от Хайберского ущелья⁷¹ Мундигак⁷²). В 1951 г. благодаря случайной находке блоков с надписями, сделанной во время строительства

⁶³ D. Schlumberger. La prospection archéologique de Balkh. CRAI, 1947, стр. 37—41; его же. La prospection archéologique de Bactres. «Syria», 26, 3/4, 1949, стр. 173—184; его же. La prospection archéologique de Bactres (printemps, 1947), rapport sommaire. «Afghanistan», 3, 1, стр. 40—51; J. C. Gardin. Ук. соч., стр. 9—13.

⁶⁴ J. C. Gardin. Ук. соч., стр. 10.

⁶⁵ D. Schlumberger. Rapport..., CRAI, 1946, стр. 242. См. также в AJA, 51, 1947, стр. 201, табл. XLI b.

⁶⁶ J. C. Gardin. Ук. соч., стр. 10, 11, 112, 113. План тепе Нимлик с расположением шурфов был потерян.

⁶⁷ R. Young. The South Wall of Balkh — Bactra. «American Journal of Archaeology», 59, 4, 1955, стр. 267—276, табл. 72—77.

⁶⁸ R. Young. Afghanistan reconaissance. «Archaeology», 7, 1, 1954, стр. 51—52.

⁶⁹ J. C. Gardin. Lashkari Bazar. MDFAFA, XVIII, 1963.

⁷⁰ R. Curriel et D. Schlumberger. Trésors monétaires d'Afghanistan. MDFAFA, XIV, 1953.

⁷¹ Кама Дакса — небольшой буддийский монастырь. Результаты раскопок нам неизвестны. Этот памятник упомянут только Д. Шламберже в «Archaeology», 2, 1949, стр. 16, рис. 12—15.

⁷² J. M. Casal. Mundigak un site de l'age du bronze en Afghanistan. «Afghanistan», 1952, 7, 4, стр. 41—48.

вблизи холма Сурх-Котал, были обнаружены следы сооружений, и с 1952 г. здесь были начаты раскопки, которые продолжались до 1964 г.⁷³. За 12 лет раскопок археологи почти полностью вскрыли храмовый комплекс сооружений. Здесь было обнаружено много интересных находок: блоки с надписями, предметы архитектуры, фрагменты скульптуры, барельефы, предметы вооружения, монетные находки и др. Святилище Сурх-Котала, по археологическим данным, существовало в конце I—II в. В этом святилище отмечено три строительных периода, но до сих пор окончательно не решен вопрос о датировке каждого из них. В общем можно сказать, что святилище Сурх-Котал занимает особое место среди многочисленных памятников Кушанской державы. Само назначение памятника, его архитектурная композиция вместе со скульптурными украшениями свидетельствуют о продолжении местной традиции, преодолевающей эллинистические влияния. Влияние буддизма было незначительным.

В 1952 г. Ж. Гарден предпринял тщательное изучение всего комплекса керамики, добытой в шурфах Балха. Привлекая широкий круг аналогий с учетом некоторых данных стратиграфии, он по-новому интерпретировал эволюцию и датировку керамики⁷⁴. На основании данных изучения керамики Ж. Гарден наметил контуры исторической топографии Балха⁷⁵.

В 1955—1956 гг. были продолжены археологические раскопки в Балхе с целью изучения оборонительных стен⁷⁶. В результате этих работ французские археологи предложили новую периодизацию: Балх I (Бала Хисар) — докушанское время; Балх IA (Нижний город) — кушанское время, но не исключена одновременность с Балх I; Балх II — до V в.; Балх III — тимуридское время⁷⁷.

В 1957 г. была открыта и обследована новая группа пещерных монастырей в долине Фолادي, в 4 км к юго-западу от Бамиана. Результаты обследования были опубликованы Б. Даженом⁷⁸.

Кроме Французской археологической миссии в Афганистане в 50 — начале 60-х годов занимались исследованиями археологи США, Англии, Италии и Японии. В 1950—1951 гг. американская археологическая экспедиция под руководством В. Фейсервиса осуществила обследование многочисленных поселений Сеистана. Всего здесь было обнаружено и обследовано 66 памятников, из них 34 дали материал первых веков нашей эры⁷⁹. В конце 50-х — начале 60-х годов К. Фишер производил археологические разведки в Северном Афганистане (Саозма-Кала, расположенное к югу от Балх⁸⁰, и городища в окрестностях Кундуза⁸¹). В 1949 г. на юге Афга-

⁷³ D. Schlumberger. Le temple de Surhk Kotal en Bactriene, (I) JA, CCXL, 4, 1952, стр. 433—453; (II), CCXLII, 1954, стр. 161—205; (III), CCXLII, 1955, стр. 269—279; (IV), CCLII, 3, 1964, стр. 303—326; его же. Surkh-Kotal: a Late Hellenistic Temple in Bactria. «Archaeology», 6, 4, стр. 232—238; его же. The Excavations at Surk Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. «Proceedings of the British Academy», London, 1961, стр. 77—95; его же. Surk Kotal. «Afghanistan», 9, 1, стр. 44—54; CRAI, 1953, стр. 30—33; 1954, стр. 107—109; 1954, стр. 64—71; 1957, стр. 176—181; 1961, стр. 205—211; 1963, стр. 68—71.

⁷⁴ J. C. Gardin. Ук соч.; А. М. Мандельштам. Рец. J. C. Gardin, Céramiques de Bactres. CA, 1959, 2.

⁷⁵ J. C. Gardin. Ук соч., стр. 113.

⁷⁶ M. Le Berge et D. Schlumberger. Observations sur les remparts de Bactres. MDAFA, XIX, Paris, 1964, стр. 61—105.

⁷⁷ Там же, стр. 71, 87—89.

⁷⁸ B. Dagens. Monastères rupestres de la vallée de Foladi. MDAFA, XIX, Paris, 1964, стр. 41—48, рис. 1—9.

⁷⁹ W. A. Fairervis. Archaeological Studies in the Seistan Basin of Southwestern Afghanistan and Eastern Iran. «Anthropological papers of the American Museum of Natural History», 48, 1, New York, 1961.

⁸⁰ Kl. Fischer. Neue Funde und Forschungen zur indischen Kunst in Arachosien, Baktrien und Gandhara. Arch. Anz., 1957, стр. 417—435.

⁸¹ Kl. Fischer. Preliminary Notes on some Ancient Remains at Kunduz. «Afghanistan», XVI, 1, 1961; его же. Gandhara Sculpture from Kunduz and Environs. «Artibus Asiae», XXI, 3/4, 1958, стр. 231—253.

нистана исследовалась пещера Шамшир-Гар американским археологом Л. Дюпре. В культурных слоях этой пещеры оказалась керамика кушанского времени⁸². В 1959—1960 гг. в Афганистане занималась изучением памятников японская археологическая экспедиция. Она обследовала пещеры и ступы в Хайбаке и многие городища в Северном Афганистане (Холобад-Тепе, Прешон-Тепе, Чип-Тепе, Настрат-Тепе, Файзабад-Тепе, Момлек-Кала-Тепе, Шасолим-Поча-Тепе, Гобакли-Тепе, Тепе Сала, Салар-Тепе и одно безымянное — все расположенные по дороге из Балха в Акчу; Кафар-Кала-Тепе — по дороге из Ташкуртана в Балх; Ахонзада-Тепе, Марза-Рамазан-Тепе, Ходжа-Чалтан-Тепе — в окрестностях Кундуза и Чам-Кала-Тепе — в 20 км к северо-востоку от Сурх-Котала)⁸³.

Последние годы французские археологи большое внимание уделяли Северному Афганистану. В 1962 г. они обследовали городище Хишт-Тепе, на котором еще в 1946 г. был обнаружен клад греко-бактрийских монет⁸⁴. По пути к Хишт-Тепе они открыли и предварительно осмотрели огромное городище Кала-Заль, расположенное на левом берегу р. Кундуз-аб в 9 км от места впадения последней в Амударью⁸⁵.

В 1963 г. состоялось первое знакомство французских археологов с городищем под названием Айя Ханум. С 1964 г. здесь стали производить раскопки. По предварительным данным, это городище греко-бактрийского времени⁸⁶. Рядом с ним находится поселение под названием Куния-Кала (Айя Ханум II) с круглой планировкой (диаметр приблизительно 800 м). На городище сохранились два кольца оборонительных стен. Подъемный материал кушанского времени⁸⁷. Наконец, в последнее время стало известно о работах афганской археологической экспедиции под руководством Шейбая Мустамади в долине Джелалабада, к северу-востоку от Хадды, на тепе Ид. Здесь в 1966 г. удалось раскрыть 13 ступ. Археологи нашли большое количество фрагментов скульптуры, терракотовые фигурки и другие предметы, а также обнаружили отдельные участки настенной живописи.

Подводя итог третьему периоду изучения кушанских памятников Афганистана, можно отметить, что благодаря систематическим исследованиям на территории Афганистана открыт ряд новых памятников, представляющих большой научный интерес. Основное направление археологических работ пошло в сторону изучения монументальных памятников, таких, как Балх, Сурх-Котал, Айя Ханум и др.

Территория Северного Афганистана стала в последнее время главной областью археологического изучения. Следует при этом отметить, что археологическая карта этой области имеет еще много белых пятен. Не все имеющиеся памятники взяты на учет. О многочисленности неучтенных памятников можно судить хотя бы по результатам разведок японской археологической экспедиции.

За все годы деятельности Французской археологической миссии в Афганистане, а также других зарубежных экспедиций совершенно не уделялось внимания памятникам кочевников, которые должны быть на территории Афганистана.

В своих исследованиях французские ученые по-прежнему слабо учитывают достижения советских археологов в Средней Азии. Следует наде-

⁸² L. Dupre e. Shamshir Ghar. APAMNH, 46, 1959.

⁸³ Haibak and Kashmir-Smast. Kyoto University, 1962.

⁸⁴ R. Curiel et G. Fussman. Le tresor monetaire de Qunduz. MDAFA, XX, Paris, 1965; M. Le Berge. Prospection a Khishttépé (3—9 января 1962), стр. 83—86.

⁸⁵ M. Le Berge. Ук. соч., стр. 87, 88.

⁸⁶ D. Schlumberger et P. Bernard. Ai Khanoum. BCH, LXXXIX, 1965, 11, стр. 590—657; D. Schlumberger. Ai Khanoum, une ville Hellenistique en Afghanistan. CRAI, 1965, Paris, 1966, стр. 36—46.

⁸⁷ Об этом городище мне любезно сообщил Г. А. Кошеленко, за что приношу ему свою благодарность.

яться, что установившиеся в последнее время контакты (на базе совместных археологических исследований) между советскими и французскими археологами будут способствовать успешному решению многих важных задач в области изучения и понимания древних памятников Афганистана.

E. A. Jourkevitch

HISTOIRE DE L'EXPLORATION DES MONUMENTS KOUCHANEENS D'AFGANISTAN

Résumé

C'est de la limite du XIX siècle que datent les premières explorations des monuments kouchanéens sur le sol d'Afghanistan. Sur le fond général de l'étude archéologique à partir du début du XIX s jusqu'à présent 3 périodes se détachent aisément: I-ère période — avant 1922, II-ème période — à partir de 1922 jusqu'à 1941, III-ème période — à partir de 1941 jusqu'au temps actuel.

La première période peut être caractérisée en somme comme celle de l'accumulation initiale quantitative des renseignements sur les monuments archéologiques.

La deuxième période est caractérisée par l'entreprise des fouilles professionnelles et par l'accumulation croissante des matériaux sur l'époque kouchanéenne.

La troisième période se caractérise par l'étude approfondie des monuments qui vise surtout à établir leur stratigraphie précise et à mettre au point les problèmes détachés ayant trait à l'histoire de l'empire de Kouchan.

В. В. СЕДОВ

КУЛЬТУРА ДНЕПРО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Для дифференциации археологических культур эпохи раннего железа лесной полосы Восточной Европы наиболее существенным элементом является керамика. Такие ярко выраженные культуры этого времени, как дьяковская, белорусско-литовская группа городищ со штрихованной керамикой (культура штрихованной керамики), юхновская, милотградская и др., прежде всего характеризуются специфичностью глиняной посуды. Классификация археологических памятников по керамическому материалу отнюдь не игнорирует прочие особенности материальной культуры. Последние, как правило, находятся в зависимости от керамического членения.

В области смоленского Поднепровья, белорусского Подвинья и в районе Себежских озер на основе керамического материала отчетливо выделяется своеобразная археологическая культура — днепро-двинская (рис. 1). Основными формами керамики памятников эпохи раннего железа на этой территории являются слабопрофилированные горшки и баночные сосуды. Первые имеют усеченноконическое расширяющееся кверху тулово, слабо выраженные плечки и прямой или слегка отогнутый наружу венчик. Баночные сосуды характеризуются прямым, реже загнутым внутрь венчиком (рис. 2). Основная часть сосудов не имеет орнаментации. Лишь изредка встречаются ямочные вдавления или сквозные отверстия чуть ниже края венчика. На северо-западной окраине ареала изучаемой культуры на поселениях, расположенных в окрестностях Себежских озер и на правобережной части западнодвинского бассейна число орнаментированных сосудов несколько возрастает, но все же и здесь составляет незначительную часть керамического материала. Кроме отмеченной выше орнаментации, здесь иногда встречаются разнообразные узоры, состоящие из нескольких рядов или пояса треугольников, образованных вдавлениями или ямочками.

Первые раскопки городищ днепро-двинской культуры были произведены в начале XX в. Тогда И. Ф. Борщевский, Н. К. Рерих и М. Н. Тенишева начали раскопочные исследования на известном Ковшаровском городище, нижние горизонты которого относятся к эпохе раннего железа¹, а Е. Н. Клетнова заложила разведывательные траншеи на ряде городищ Смоленского и Вяземского уездов². В те же годы в бассейне Западной Двины производил обследование ранних городищ И. С. Абрамов³.

¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленского ГУ, III, 3, Смоленск, 1926, стр. 225—251.

² Е. Н. Клетнова. Археологические разведки и раскопки в Вяземском уезде 1912 г. «Смоленская старина», 3, II, Смоленск, 1916, стр. 1—18; е е же. Археологические разведки городища близ дер. Туличино. Там же, стр. 19—22; е е же. Раскопки в Гнездове. «Смоленская новь», 1924, № 3—4, стр. 52—60; е е же. Великий Гнездовский могильник. *Niederluf sbornik*, IV, Прага, 1925, стр. 311, 312.

³ А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии. ЗОРСА, VIII, 2, СПб., 1906, стр. 185—211.

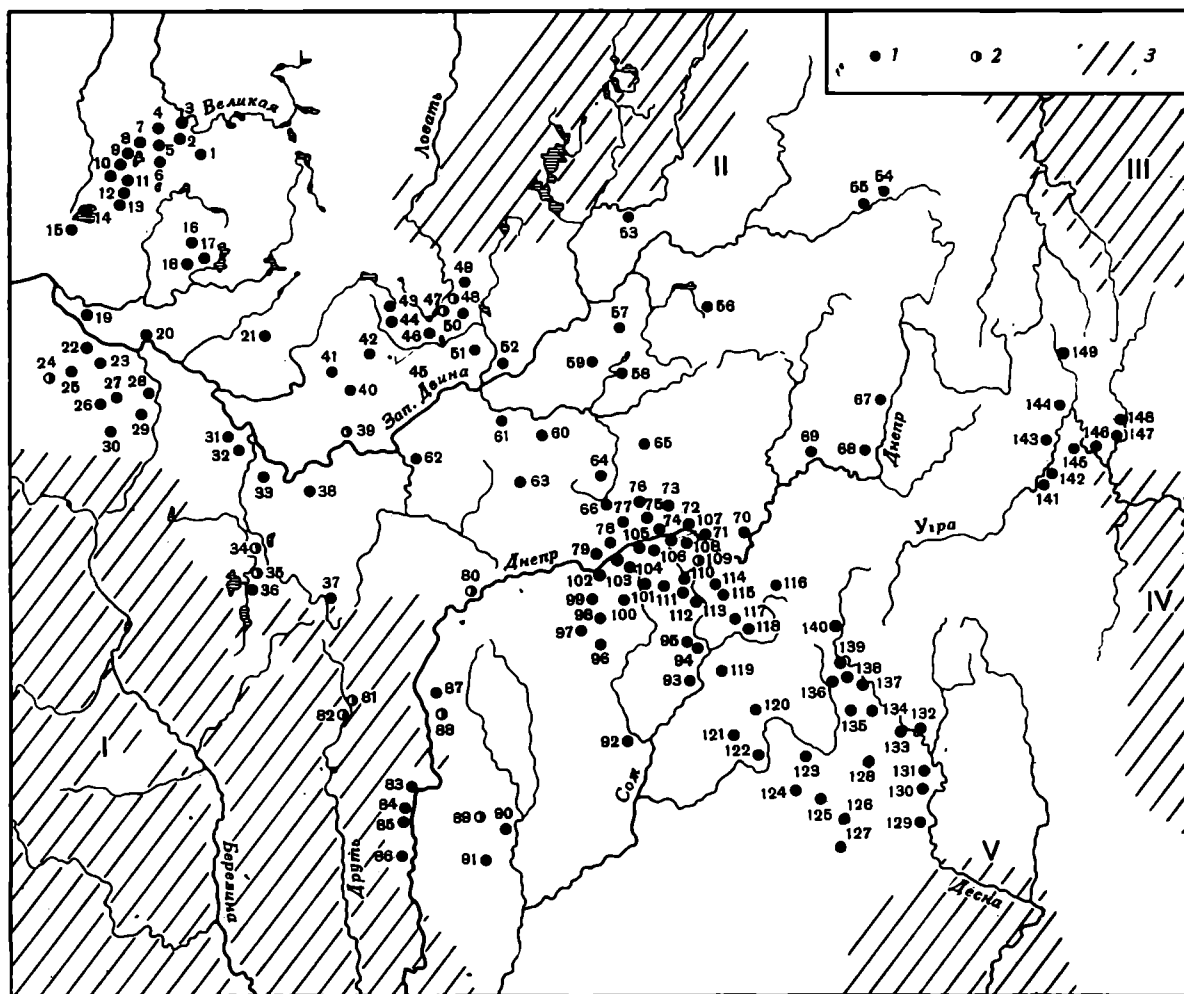

Рис. 1. Распространение памятников днепро-двинской культуры

1 — городища днепро-двинской культуры; 2 — городища с отложениями днепро-двинской культуры и культуры штрихованной керамики; 3 — ареалы соседних культур (I — культуры штрихованной керамики; II — верхнедвинские городища; III — верхневолжские городища; IV — верхнеокской культуры; V — южновской культуры)

1 — Стоянки; 2 — Дорбыши; 3 — Литвиново; 4 — Рябы; 5 — Барсуки; 6 — Кременцы; 7 — Ульяновщина; 8 — Себеж; 9 — Язбово-Глубочицы; 10 — Мидино; 11 — Фомино; 12 — Жуки; 13 — Припечи; 14 — Освея; 15 — Урагово; 16 — Корзуново; 17 — Гречушино; 18 — Заозерье; 19 — Абрамово; 20 — Горовые; 21 — Девички; 22 — Субочево; 23 — Шпаковщина; 24 — Поддубовки; 25 — Язно; 26 — Городок; 27 — Лесово; 28 — Воронеж; 29 — Замошье; 30 — Кубличи; 31 — Заговалино; 32 — Бодялино; 33 — Стрижево; 34 — Кострица; 35 — Лукомль; 36 — Старые Лавки; 37 — Городище; 38 — Рубеж; 39 — Старое Село; 40 — Зароново; 41 — Казиново; 42 — Бескагово; 43 — Цари; 44 — Березно; 45 — Хабаты; 46 — Бураково; 47 — Загорцы; 48 — Жеребцы; 49 — Починки; 50 — Куково; 51 — Слобода; 52 — Тербахунь; 53 — Баево; 54 — Боярщина; 55 — Себровка; 56 — Велисто; 57 — Старый Двор; 58 — Холм; 59 — Боталово; 60 — Ковали; 61 — Кошевичи; 62 — Бароники; 63 — Микулино; 64 — Лукесьы; 65 — Акатово; 66 — Пилички; 67 — Городище; 68 — Харлапово; 69 — Неквасино; 70 — Вишкарово; 71 — Колупаево; 72 — Преображенское; 73 — Новоселки; 74 — Лестровка; 75 — Новые Батки; 76 — Бурая; 77 — Вонярово; 78 — Красная Горка; 79 — Власова Слобода; 80 — Германово; 81 — Прыгань; 82 — Тетеря; 83 — Палагеевское; 84 — Буничи; 85 — Дашковка; 86 — Барколабово; 87 — Ржавцы; 88 — Крифель; 89 — Азаричи; 90 — Высокое; 91 — Черенки; 92 — Мстиславль (Девичья Гора); 93 — Еловцы; 94 — Мокрядино; 95 — Тушемля; 96 — Буяново; 97 — Волохово-Доброе; 98 — Никулино; 99 — Смилово; 100 — Ржавка; 101 — Беленькая; 102 — Крюково; 103 — Корытня; 104 — Тихановщина; 105 — Демидовка; 106 — Верхне-Ясенная; 107 — Рачевка; 108 — Богородицкое; 109 — Церковище; 110 — Бобыри; 111 — Лахтево; 112 — Колычево; 113 — Ковшары; 114 — Ямполье; 115 — Вошкино; 116 — Павлово; 117 — Прудки; 118 — Городок; 119 — Рудня Новая; 120 — Погорелово; 121 — Боровая; 122 — Хоронево Нижнее; 123 — Латавиново; 124 — Слободице; 125 — Жарынь; 126 — Епишево; 127 — Малые Фоминичи; 128 — Крутице; 129 — Голубел; 130 — Владимировка; 131 — Тихая Пристань; 132 — Высокое-Жалынец; 133 — Осовик; 134 — Краковичи; 135 — Альянговка; 136 — Костыри; 137 — Троянова Слобода; 138 — Городчанка; 139 — Холмец; 140 — Дуброва; 141 — Городеянка; 142 — Лепехи; 143 — Дрожжино; 144 — Василевщина; 145 — Федотково; 146 — Кобелево; 147 — Воскресенск; 148 — Мормули; 149 — Шаропово

В 20—30-е годы нашего столетия в результате полевых работ А. Н. Лявданского, С. М. Соколовского и В. Р. Тарасенко были собраны сведения о нескольких десятках смоленских городищ эпохи раннего железа, и на некоторых из них были произведены небольшие раскопочные исследования⁴. А. Н. Лявданский произвел систематизацию белорусско-верхнеднеп-

⁴ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Тр. Смоленских гос. музеев. 1, Смоленск, 1924, стр. 127—184; е го же. Неко-

ровских городищ раннего железного века. Те городища, которые ныне включаются в днепро-двинскую культуру, исследователь объединял вместе с деснинскими (юхновскими) в группу поселений с гладкостенной (противопоставляя штрихованной) керамикой. Вслед за А. А. Спицыным А. Н. Лявданский относил все эти городища к дославянскому (литовско-му) населению⁵. Суммируя данные смоленских и белорусских археологов,

П. Н. Третьяков в конце 30-х годов выделил ранние смоленские городища в отдельную археологическую культуру, рассматривая ее как раннеславянскую⁶.

Большие работы по изучению поселений днепро-двинской культуры были произведены лишь в послевоенные годы. На Смоленщине, помимо широких разведывательных работ, на ряде городищ велись крупные раскопочные исследования⁷. Разведки и небольшие раскопочные работы в области полоцко-витебской части западнодвинского бассейна производились под руководством А. Г. Митрофанова, Л. В. Алексеева и К. П. Шута⁸. Оказалось, что западнодвин-

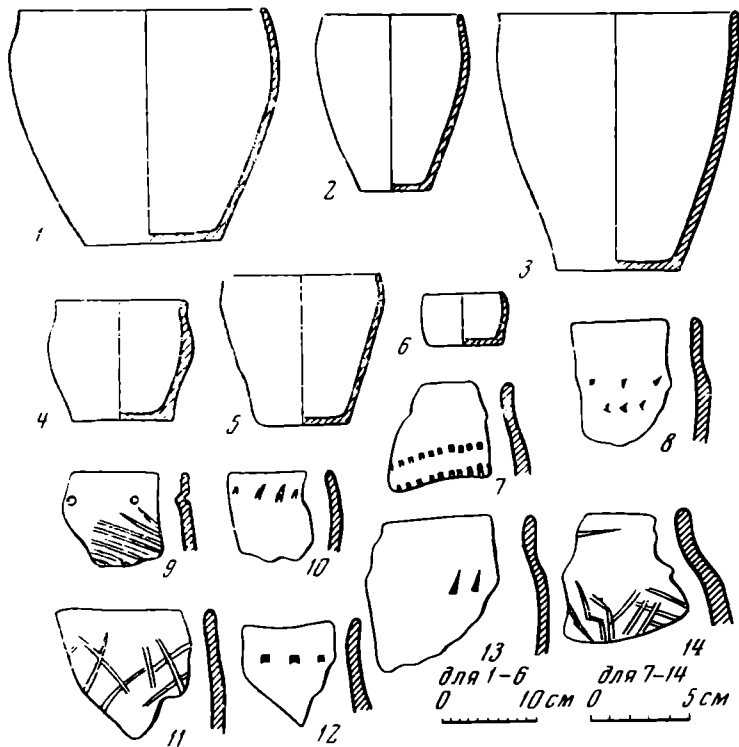

Рис. 2. Керамика днепро-двинской культуры

1 — Мокрядино; 2, 5 — Вошкино; 3, 4, 6—8, 14 — Новые Батеки; 9 — Бураково; 10 — Ульяновщина; 11 — Зароново; 12 — Язбово; 13 — Кубличи

ские городища эпохи раннего железа вполне идентичны смоленским. Уже после работ Ф. Д. Гуревич и С. А. Таракановой в окрестностях Себежских

торые данные..., стр. 179—296; А. Н. Лявданский. Археологические доследы ў водаборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні. Працы, II, Менск, 1930, стр. 269—338; его же. Археологические доследы ў Смаленшчыне. Працы сэкцыі археолёгіі, III, Менск, 1932, стр. 5—68; В. Р. Тарасенка. Археологические доследы гарадзшч на Смаленшчыне ў 1926—1928 г. Працы, II, стр. 121—144; его же. Археологические абсьледваньні на Смаленшчыне у 1929. Там же, стр. 516, 517.

⁵ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 180—195; его же. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. Сообщения ГАИМК, 1932, 7—8, стр. 56.

⁶ П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, V, 1940, стр. 12—15.

⁷ Е. А. Шмидт. Некоторые данные о поселениях раннего железа в Смоленской области. Уч. зап. Смоленского ГПИ, IV, I, Смоленск, 1957, стр. 52—55; его же. Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской области. Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского института. 2, Смоленск, 1958, стр. 95—142; его же. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. МИСО, 4, 1961, стр. 344—367; его же. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке. Автореф. канд. дис. М., 1963; Е. А. Шмидт и Ф. М. Заверняев. Археологические памятники бассейна Верхней Десны. МИСО, 3, 1953, стр. 186—219; Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, 68, 1957, стр. 84—89; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963.

⁸ Л. В. Алексеев. Археологический памятник эпохи железа в среднем течении Западной Двины. ВЭИИП. М., 1959, стр. 273—315; К. П. Шут. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии. Сб. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 166—182.

озер⁹ можно было полагать, что ранние себежские городища принадлежат к той же культуре, что и смоленские¹⁰. Работы 1966 г. основательно показали, что это действительно так¹¹.

Основным типом поселения днепро-двинской культуры были городища. Для их сооружения выбирался мыс на берегу реки или озера, реже — вершина холма-останца, обычно расположенного среди заболоченной низины или в широкой речной пойме. Каких-либо локальных различий в устройстве городищ днепро-двинской культуры не наблюдается. Можно заметить только, что на западной окраине ареала этой культуры более часто встречаются городища, устроенные на ледниковых останцах, в то время как на Смоленщине господствуют мысовые поселения. Но эти различия обусловлены исключительно особенностями рельефа местности. В себежском крае поверхность изобилует всхолмлениями ледникового происхождения, а в Смоленском Поднепровье развитая речная система образует много мысов, удобных для устройства древних поселений.

Все городища имеют небольшие размеры. Как правило, их площадь равняется 600—1000 м² (Тушемля — 800, Новые Батеки — 870, Лахтево — 750, Горовые — 600, Зароново — 1000, Фомино — 650, Ульяновщина — 950, Язбово — 850, Стояки — 650 м² и т. п.). Более крупные городища встречаются очень редко (например, Мокрядино — около 1500, Освея — около 1450 м²). Обычно площадки городищ с напольной стороны защищены валом и рвом, нередко несколькими рядами валов и рвов. На некоторых городищах земляные укрепления имелись по всему периметру — высокие дугообразные валы и рвы с напольной стороны и менее мощные валы и рвы, расположенные на склонах, окружали поселение с других сторон (Тушемля, Новые Батеки, Мокрядино, Фомино, Жуки, Требахунь и др.). Склоны городищ часто подрезывались для придания большей крутизны.

Такая сложная система укреплений возникла не сразу. Как правило, городища с укреплениями в несколько рядов валов и рвов принадлежат к поселениям, функционировавшим в течение нескольких столетий. Первые поселенцы, избравшие для места жительства высокий мыс или вершину холма, еще не строили никаких земляных укреплений. Раскопки на городищах Новые Батеки, Язно, Фомино показали, что нижние горизонты культурных отложений находятся под насыпью первоначального вала. Некоторые поселения, расположенные в трудно доступных местностях и имеющие естественные крутые и высокие склоны, не имели искусственных земляных укреплений в течение всего периода раннего железа (Язно, Девички, Горовые, Язбово, Кременцы, Замошье и др.). Около середины I тысячелетия до н. э. на многих поселениях сооружаются искусственные укрепления — вал и ров. Городища, возникшие во второй половине I тысячелетия до н. э., с самого начала имеют невысокий вал (до 3 м) и ров. Обычно вал сооружался из материкового материала, выброшенного из рва,

⁹ Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, 62, 1956, стр. 95—102; С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ВЭИИП, стр. 111—117.

¹⁰ П. Н. Третьяков ошибается, утверждая, что «себежская керамика стоит ближе к юхновской, чем к посуде смоленских городищ» (П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 234). Фрагменты керамики с ямочными вдавлениями с себежских городищ действительно напоминают юхновскую орнаментацию, но здесь они немногочисленны. К тому же аналогичная орнаментация (также в небольшом количестве) встречается и на глиняной посуде смоленских и западнодвинских городищ. П. Н. Третьяков напрасно считает, что себежские городища относятся только к началу нашей эры, и высказывает предположение о переселении сюда части юхновского населения, отступающего перед зарубинецкой экспансией. Городище у дер. Жуки, судя по исследованиям Ф. Д. Гуревич, относится ко времени от середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры (Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 97, 99). Язбовское городище С. А. Тараканова датировала также временем до нашей эры (С. А. Тараканова. Ук. соч., стр. 117). Таким образом, предположение П. Н. Третьякова не оправдано и хронологическими мотивами.

¹¹ Разведки А. Г. Митрофанова и автора. На городище близ дер. Фомино автором были произведены раскопочные работы.

а также из песка и дерновин, принесенных откуда-то со стороны. Примерно на рубеже нашей эры днепро-двинские городища укрепляются дополнительно: прежний вал увеличивается в высоту, со стороны плато сооружается еще один или несколько рядов валов и рвов, устраиваются одна-две линии земляных укреплений, идущих вокруг городищенской площадки.

Жилыми и хозяйственными постройками на днепро-двинских городищах были исключительно наземные сооружения столбовой конструкции. Следы таких построек открыты на многих городищах по всему ареалу рассматриваемой культуры, но лучше всего они исследованы на Смоленщине. Древнейшей формой жилищ были длинные дома, разделенные на несколько примыкающих друг к другу жилых построек размерами около $(3-3,5) \times (3,5-4)$ м. Обычно такие дома располагались по краям городищенской площадки, а середина оставалась незастроенной. На городище Новые Батеки прослежены остатки такой постройки длиной свыше 24 м при ширине 3—3,5 м¹². Следы подобных построек обнаружены при раскопках городищ Демидовка, Холм, Неквасино, Поддубники, Горовые, Кубличи, Урагово и др. Стены таких жилищ были сложены при помощи столбовой техники, полы земляные или глинобитные. Очаги открытые, в виде ямок в полу, иногда они обкладывались камнями. Изредка встречаются очаги, сложенные из камня. Аналогичные жилища весьма характерны также для городищ соседних культур — культуры штрихованной керамики, юхновской, верхнеокской¹³. Однотипные постройки объединяют все эти древности в единый культурный ареал. Поселения эпохи железа, расположенные на север и восток от ареала днепро-двинской культуры, имеют совсем иные постройки и пную технику домостроительства.

В поздний период на городищах днепро-двинской культуры появляются отдельно стоящие четырехугольные жилища размерами от $3,5 \times 4$ до 5×6 м (городища Мокрядино, Новые Батеки и др.). При этом столбовая конструкция стен остается неизменной.

Керамический материал днепро-двинской культуры весьма однороден на всей территории. По материалам Ново-Батецкого городища Е. А. Шмидт классифицировал глиняную посуду на четыре хронологические группы, основное различие которых заключается в технологии изготовления¹⁴. Аналогичная эволюция керамики наблюдается не только на Смоленщине, но и на поселениях других районов днепро-двинской культуры.

На юго-западе ареал днепро-двинской керамики вплотную соприкасается с областью распространения штрихованной керамики. Четкой границы между этими древними ареалами провести невозможно. Их разделяет более или менее широкая пограничная полоса, где штриховка поверхности сосудов сочетается с типичными для днепро-двинской культуры слабопрофилированными формами горшков. Кроме того, фрагментарные находки штрихованной керамики отмечены в глубинных районах днепро-двинской культуры (городища Баталово, Демидовка, Мокрядино, Неквасино, Тушемля, Холм, Жукп и др.). На городище Церковище (южнее Смоленска) обломки сосудов со штрихованной поверхностью составляли значительную часть керамической коллекции, но форма горшков слабопрофилированная, типичная для днепро-двинских памятников¹⁵. Все это свидетельствует, по всей вероятности, об инфильтрации в область днепро-двинской культуры отдельных групп населения из ареала культуры штрихованной керамики.

¹² П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 148, 149.

¹³ А. Г. Митрофанов. Городище в Вязынке. Материалы по археологии БССР, I, Минск, 1957, стр. 158—160; А. Г. Митрофанов, В. Р. Тарасенко. Типы жилищ на территории БССР эпохи раннего железа и раннего средневековья. Сб. «Вопросы этнографии Белоруссии». Минск, 1964, стр. 92, 93; Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец (раскопки 1954—1958 гг.). СА, 1962, 1, стр. 226—228.

¹⁴ Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры.... стр. 354—356.

¹⁵ В. В. Седов. Городище Церковище. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 70—74.

На юго-востоке днепро-двинская культура соседствовала с юхновской и верхнеокской. И здесь отчетливой границы между ареалами этих культур не обнаруживается. Отнесение городищ к той или иной культуре в пограничной полосе весьма условное. Так как формы днепро-двинской керамики и деснинско-окской посуды близки между собой, разграничение керамики возможно лишь на основе орнаментации сосудов. На городищах юго-восточных окраин ареала днепро-двинской культуры (Жарынь, Владимировка, Федотково, Неквасино и др.) появляется керамика с орнаментом в виде ямочек и тычков, т. е. обычным для юхновской керамики. По мере продвижения к юго-востоку процент сосудов с подобной орнаментацией увеличивается.

С севера и востока к ареалу днепро-двинской культуры примыкает область городищ с сетчатой керамикой (городища дьякова типа). Последние принадлежат уже к кругу финно-угорских древностей¹⁶ и замтно отличаются от днепро-двинской культуры не только керамическим материалом, но и характером домостроительства, и системой укреплений и вещевой коллекцией. На пограничье этих культур переходной полосы, подобной той, которая наблюдается на рубеже днепро-двинской культуры с родственными культурой штрихованной керамики и юхновской культурой, не обнаруживается. На отдельных участках этого пограничья встречаются поселения, в культурных напластованиях которых имеются и керамика с сетчатой орнаментацией, и днепро-двинская посуда. Однако эта керамика, как правило, дифференцируется без затруднений. Можно говорить о частичном смешении днепро-двинской культуры с культурой сетчатой керамики, но ни в коем случае о переходе одной культуры в другую.

Немногочисленные фрагменты глиняной посуды с сетчатой поверхностью найдены на отдельных поселениях днепро-двинской культуры в глубине ее ареала (Новые Батеки, Владимировка, Холм, Лестровка, Неквасино, Старое Село, Себеж). Как правило, фрагменты сетчатой керамики отделяются от днепро-двинской по окраске и консистенции глиняного теста. Лишь в виде исключения встречаются обломки типичной днепро-двинской керамики с отпечатками сетки. Присутствие фрагментов сетчатой посуды внутри днепро-двинского ареала отчасти объясняется, видимо, незначительной инфильтрацией финно-угорского населения, а в большей степени обусловлено торговым обменом и, может быть, брачными связями.

Основой хозяйственной деятельности обитателей днепро-двинских городищ было скотоводство при подсобной роли подсечного земледелия. Кости домашних животных составляли на разных поселениях от 40 до 80% (в среднем 65%) всего остеологического материала. Разводили все главные виды сельскохозяйственных животных — крупный рогатый скот, коз, овец, лошадей, свиней. На долю последних приходилось около трети костей домашних животных. Кости крупного рогатого скота составляли около 24%, мелкого рогатого скота — 20—23%, лошадей — от 15% на Смоленщине до 23% на Полотчине.

Удельный вес земледелия обитателей днепро-двинских городищ не вполне ясен. По всей вероятности, значение земледелия в хозяйственной деятельности населения постепенно возрастало, но исследователи не располагают надежными критериями для определения его удельного веса на различных этапах эволюции днепро-двинской культуры. О занятиях земледелием на поселениях изучаемой культуры говорят находки зернотерок, железных топоров, предназначенных для вырубki леса, серповидных ножей, зерен пшеницы и ячменя. Серповидные ножи, судя по исследованиям П. Н. Третьякова, появляются на Смоленщине под влиянием зарубинец-

¹⁶ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, стр. 44—108; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, стр. 145—153.

кого земледелия¹⁷ и, таким образом, подчеркивают сравнительно поздний характер развития этого вида хозяйства. Земледелие было подсечно-огневым с ручной обработкой земли.

В раннюю пору для обитателей днепро-двинских городищ большое значение имела охота. Количество костей диких животных обычно уменьшается на поселениях от нижних горизонтов к верхним. На разных поселениях процент костей животных, убиваемых на охоте, колеблется от 20

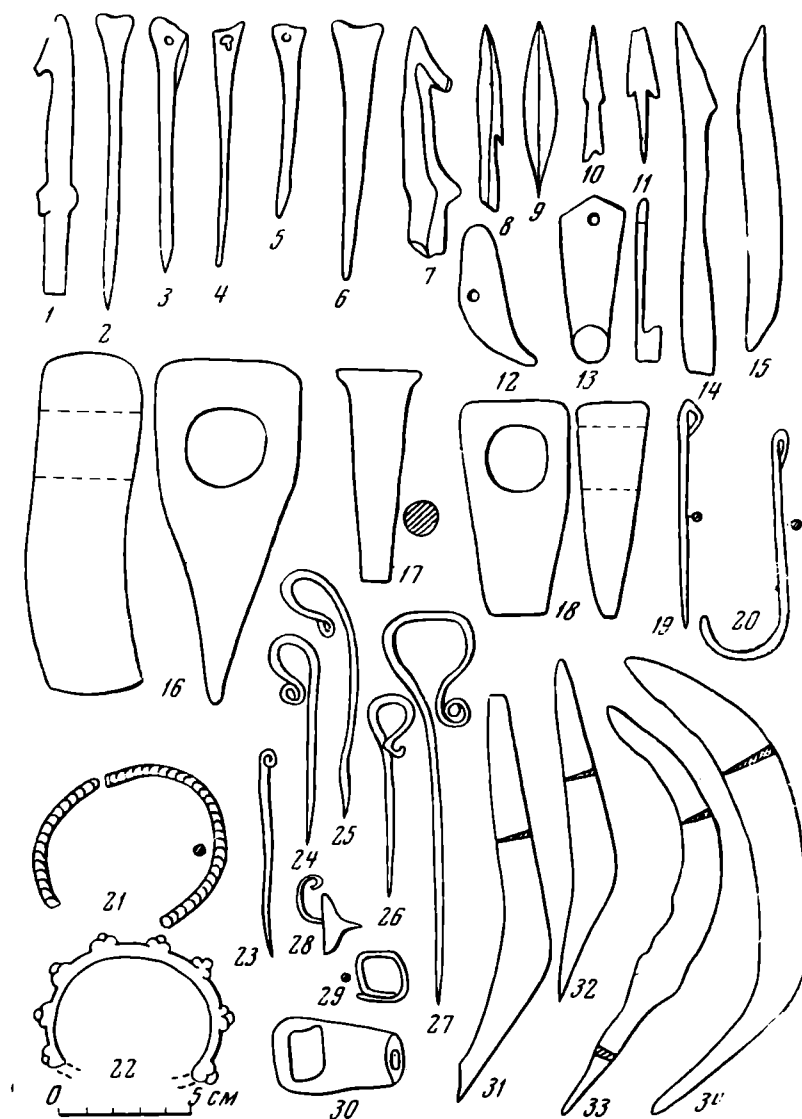

Рис. 3. Предметы из днепро-двинских городищ

1, 2 — Тушемля; 3—7, 21, 25, 30 — Церковище; 8—12, 14, 15, 23, 28, 29, 32 — Мокрядино; 13 и 34 — Урагово; 16, 22, 24, 31 — Новые Батеки; 17 и 18 — Фомино; 19 и 20 — Ульяновщина; 26 — Кубличи; 27 — Бураково; 33 — Язбово (1—15 — кость; 16—20, 26, 27, 31—34 — железо; 21—25, 28, 29 — бронза; 30 — глина)

до 60. При этом на долю лесных животных, мясо которых употреблялось в пищу (лось, олень, зубр), приходится от 19 до 55%. В целом заметно преобладала пушная охота (бобр, куница, лисица, заяц). Рыбная ловля и собирательство играли второстепенную роль.

Вещевой материал, полученный при раскопках городищ днепро-двинской культуры, свидетельствует о развитии многих домашних ремесел и занятий. Нижние слои поселений обычно содержат обильный костяной инвентарь (рис. 3) при почти полном отсутствии железных изделий (Поддубники, Новые Батеки, Ковшары, Мокрядино, Урагово и др.). Такая

¹⁷ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 23.

картина весьма характерна для древнейших слоев городищ раннего железного века на территории всей лесной полосы Восточной Европы. Из кости делались и орудия труда (наконечники стрел, гарпуны, мотыги, кочедыки, проколки, иглы, острия, рукояти и пр.), и украшения (булавки, пронизки, подвески-амулеты). Костяной инвентарь имеет многочисленные аналогии в синхронных памятниках лесной зоны Восточной Европы.

За счет быстрого роста железоделательного и железообрабатывающего производства количество изделий из кости в верхних слоях днепро-двинских городищ постепенно уменьшается. Находки железных шлаков, криц, кусков болотной руды, глиняной обмазки домниц свидетельствуют о повсеместном развитии железоделания и железообработки. На городищах Ульяновщина, Требахунь, Бураково и Язно открыты остатки железоплавильных печей¹⁸. На первом поселении исследованы остатки двух наземных горнов, представлявших собой сводчатые сооружения из обожженной глины. Аналогичную конструкцию имела и домница городища Требахунь. На Бураковском городище выявлена прямоугольная постройка с остатками сырודутной печи и каменной наковальней. Каменные наковальни найдены также на городищах Кострица и Урагово.

В поздний период функционирования днепро-двинских городищ железные предметы сравнительно многочисленны (рис. 3). Это прежде всего ножи с горбатой спинкой и вогнутым лезвием. Черенки ножей плоские, иногда с двумя-тремя заклепками. Среди других орудий труда, сделанных из железа, можно отметить иглы, шилья, острия, по своему облику идентичные предметам из синхронных поселений других культур лесной полосы Восточной Европы. Реже встречаются наконечники копий, проушные топоры, в первых веках нашей эры появляются серпы со слабым изгибом лезвия (иногда их называют серповидные ножи), пружинные ножницы. Топоры и серпы имеют южные прототипы, свидетельствуя о скифском и зарубинецком влиянии на развитие местной металлургии. Не редки и украшения из железа — булавки, гладкие и рубчатые браслеты, шейные гривны. Некоторые железные украшения по формам в деталях повторяют бронзовые. Булавки с S-видным завитком (посоховидные), железные и бронзовые, встречены не менее чем на 13 памятниках (Неквасино, Церковище, Демидовка, Новые Батеки, Ковшары, Мокрядино, Федотково, Лукесы, Язно, Ульяновщина, Кострица, Бураково). Они находят себе массу аналогий в памятниках всего древнего балтского ареала¹⁹.

Для изготовления различных украшений довольно широко использовалась бронза (рис. 3). Как правило, предметы отливались на месте из привозного металла. Глиняные и каменные формочки для отливки предметов из бронзы, льячки и капли расплавленного металла встречены на многих поселениях днепро-двинской культуры. Среди бронзово-медных украшений преобладают браслеты, представленные несколькими типами: 1) плоские с коническими полыми выступами на концах (Новые Батеки, Демидовка, Жарынь, Мокрядино); 2) массивные, круглые в сечении, украшенные сериями шишечек («гроздьями крупной зерни»); их прототипы известны в среднеднепровских и кельтских древностях (на Смоленщине такие браслеты найдены на городищах Новые Батеки, Тушемля, Церковище); 3) из круглого или полукруглого прута с гладкой или рубчатой наружной поверхностью (Новые Батеки, Тушемля, Церковище). Они имеют аналогии в среднеднепровских древностях раннего железного века.

Кроме посоховидных булавок обычны бронзовые булавки с головками в виде плоской спирали, булавки с кольцеобразной головкой (Новые Батеки, Мокрядино, Неквасино, Церковище, Язбово и др.). На городищах

¹⁸ Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области, стр. 100; А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Археалёгічныя досьледы ў БССР ў 1933—1934 гг. Запіскі АН БССР. V, Менск, 1934, стр. 214; К. П. Шут. Ук. соч., стр. 170.

¹⁹ В. В. Седов. Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа. Acta Baltico-slavica, V, Bialystok, 1967.

Новые Батеки и Лукесы найдены булавки с ажурными листовидными навершиями²⁰. Из городища Церковище происходят две двухпетельчатые булавки из граненой проволоки²¹.

На том же поселении найдена бронзовая глазчатая фибула прусской серии²², а на городище Девичья Гора в Мстиславле — фибула среднелатенской схемы²³. В состав женских украшений входили также ожерелья из бус и бронзовых трубчатых или спиральных пронизок. К числу оригинальных предметов относятся зооморфная подвеска из городища Новые Батеки²⁴ и обломок серебряного украшения с рельефной орнаментацией из городища Церковище²⁵. На некоторых поселениях встречены конические подвески. Из городища Мокрядино происходят обломки шейных гривен. При исследовании того же поселения найдены также серьги, состоящие из полого конического щитка с крючком (так называемые серьги «скифского типа»), и обломок литейной формы для их изготовления. Такие же серьги встречены на городище Новые Батеки²⁶.

Из бытовых предметов из бронзы делались иглы с ушком, шилья и изредка ножи.

В слоях конца I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры на поселениях днепро-двинской культуры постоянно встречаются грузики дьякова типа. Эти находки объединяют днепро-двинские городища в единый ареал с поселениями другой балтской группы, представленной культурой штрихованной керамики, и с группой верхневолжских и москворецких городищ. Вместе с тем необходимо отметить, что на северо-западной окраине ареала днепро-двинской культуры грузиков дьякова типа пока не обнаружено.

Древнейшие находки на городищах днепро-двинской культуры относятся к VII—VIII вв. до н. э. К числу их принадлежит бронзовый кельт меларского типа, найденный Е. А. Шмидтом на Неквасинском городище, и литейные формочки для отливки подобных кельтов из городища Жарынь. С городища Кострица происходит железный псалий, датируемый К. П. Шутом по южным аналогиям VI—V вв. до н. э.²⁷ В связи с этим начало днепро-двинской культуры нужно определить VII—VI столетиями. Однако возникновение большинства городищ днепро-двинской культуры относится к более позднему времени — ко второй половине I тысячелетия до н. э. Древности конца II — начала I тысячелетия до н. э. в смоленском Поднепровье, витебско-полоцком Подвинье и в себежском крае пока не выявлены. Поэтому вопрос о происхождении днепро-двинской культуры остается открытым.

Наиболее поздние слои городищ днепро-двинской культуры определяются некоторыми предметами прибалтийских типов — глазчатой фибулой прусской серии (Церковище), плоской височной подвеской (Холмец), коническими подвесками (Мокрядино). Все эти вещи датируются в пределах II—III вв. Е. А. Шмидт на основе комплекса наблюдений считает возможным определить верхнюю дату культурного слоя Ново-Батецкого городища тем же временем²⁸. Таким образом, последний период существования днепро-двинской культуры относится ко II—III, может быть, к началу IV в.

²⁰ А. Н. Ляўданскі. Археалёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрніі, стр. 331—334, табл. XIII, 27; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 166, рис. 12, 5.

²¹ В. В. Седов. Городище Церковище, стр. 72, рис. 26, 1.

²² Там же, стр. 73, рис. 21, 5.

²³ Л. В. Алексеев. Городище Девичья Гора в Мстиславле. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 74, рис. 21, 9.

²⁴ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 167, рис. 12, 15.

²⁵ В. В. Седов. Городище Церковище, стр. 74, рис. 26, 8.

²⁶ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 88—90, 167.

²⁷ К. П. Шут. Ук. соч., стр. 181.

²⁸ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 174, 175.

К этому времени основной формой поселения в лесной полосе Восточной Европы становятся открытые селища. Местное население постепенно оставляло укрепленные поселения, ставшие, по-видимому, неудобными для хозяйственной жизни, и переходило на селища. К середине I тысячелетия процесс смены форм поселений завершился на всей территории лесной полосы Восточной Европы. Селища середины I тысячелетия на Смоленщине и в полоцко-витебском Подвинье до сих пор почти не изучались. Однако на основании немногих обследованных селищ можно утверждать, что процесс смены форм поселений в ареале днепро-двинской культуры не сопровождался какими-либо изменениями в культуре населения.

Исключением является левобережная Смоленщина, где днепро-двинская культура оказалась под значительным влиянием деснинской (почепской) культуры. Здесь на основе днепро-двинской культуры при воздействии культуры брянского Подесенья первых веков нашей эры складывается культура типа среднего слоя городища Тушемля²⁹.

Вопрос об этнической принадлежности обитателей днепро-двинских городищ не является ныне дискуссионным. Полное отсутствие генетической преемственности между раннеславянскими древностями Смоленщины и Полотчины и культурой днепро-двинских городищ раннего железного века позволяет со всей определенностью относить последнюю к дославянскому населению. Анализ водных названий смоленского Поднепровья и полоцко-витебского Подвинья обнаруживает под славянским гидронимическим напластованием значительный слой балтского происхождения³⁰. Следовательно, дославянским населением этого края с самой глубокой древности, доступной лингвистическому анализу, были балты.

V. V. Sédcv

CIVILISATION DE DNEPR-DVINA À LA FIN DU PREMIER
MILLENAIRE AVANT NOTRE ÈRE — AU DÉBUT DU PREMIER MILLENAIRE
DE NOTRE ÈRE

Résumé

Dans l'article il est question des antiquités du Premier Age du Fer dans le cours supérieur du Dniepr (dans la région de Smolensk), dans le cours supérieur de la Dvina Occidentale (sur le territoire de la Biélorussie), sur les rivages du lac Sébej. La céramique originale — les poteries au profil vague d'une forme tronconique ou cylindrique — constitue un trait caractéristique de cette civilisation. De petites agglomérations fortifiées (600—1000 m² de superficie) situées sur les bords ou sur les collines étaient une forme la plus fréquente des habitats. Dans la période primitive elles n'avaient pas de défenses artificielles. Dans la deuxième moitié du premier millénaire avant notre ère on construit des fossés et des remparts en un rang d'abord, plus tard en deux ou trois rangs. Les constructions terrestres à poutre servaient de demeures. Dans le temps primitif c'étaient de longues maisons (jusqu'à 24 m de longueur) divisées en quelques logements (10—14 m de superficie). Plus tard on élevait les habitations quadrangulaires séparées d'une superficie de 12—20 m².

Dans la vie économique de la population l'élevage tenait la place prépondérante tandis que la chasse et la forme primitive de l'agriculture (culture de clairières) jouaient le rôle auxiliaire. Les agglomérations de cette civilisation existaient à partir des VII—VI s. s. avant notre ère jusqu'au III s — le début du IV s. de notre ère.

Les porteurs de cette civilisation appartenaient à un tribu des Baltes de l'Est. Leurs voisins du Sud-Ouest et du Sud — Est étaient d'autres tribus des Baltes d'Est connues d'après la civilisation de céramique à hachures, la civilisation de Ioukhново et la civilisation d'Oka supérieure. La civilisation de Dniepr-Dvina a beaucoup de traits communs avec celles — là.

²⁹ Там же, стр. 9—41, 54—59.

³⁰ M. V a s m e r. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 1. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-histor. Klasse. Berlin, 1932, стр. 637—666; В. Н. Т о п о р о в, О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

К 70-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ЕВГЕНЬЕВИЧА МАССОНА

Научная общественность тепло отметила 70-летие со дня рождения и 50-летие ученой, общественной и педагогической деятельности известного советского археолога, видного исследователя исторического прошлого Средней Азии, академика Академии наук Туркменской ССР, доктора исторических наук, профессора Михаила Евгеньевича Массона.

М. Е. Массон родился 21 ноября (4 декабря) 1897 г. в Петербурге в семье топографа-землемера, много лет подряд жившего и работавшего в Самарканде. Интерес к археологии пробудился у Михаила Евгеньевича со школьной скамьи, чему содействовало знакомство с известным самаркандским археологом В. Л. Вяткиным, привлекшим любознательного юношу-гимназиста к участию в раскопках на городище Афрасиаб.

В 1916 г. М. Е. Массон окончил с золотой медалью Самаркандскую мужскую гимназию, затем учился на инженерно-строительном отделении Петроградского политехнического института, но в начале 1917 г. был направлен для прохождения ускоренного курса Михайловского артиллерийского училища и затем — на Юго-Западный фронт. После демобилизации в 1918 г. он вернулся в Самарканд. В 1919—1923 гг. Михаил Евгеньевич работал заведующим местным музеем и по совместительству заведующим археологической секцией Самкомстариса (Самаркандской комиссии по охране памятников старины и искусства). В 1918—1919 гг. начались и первые полевые археологические исследования М. Е. Массона: обследование памятников древности и русел древних арыков левобережья Ферганской степи, раскопки на городище Афрасиаб (руины дворцового зала Саманидов с резной алебастровой панелью IX—X вв.) и др.

В сентябре 1923 г. М. Е. Массон переехал в Ташкент в связи с назначением на должность заведующего археологическим, а затем и нумизматическим отделением Главного среднеазиатского музея. С этого же времени начинается его работа и в качестве археолога Туркомстариса — Средазкомстариса (Туркестанского, впоследствии Среднеазиатского коми-

тета по охране памятников старины и искусства). Пользуясь переездом в Ташкент, М. Е. Массон включился также в число слушателей лекций в Туркестанском восточном институте. В эти годы полевая археологическая деятельность Михаила Евгеньевича принимает все более широкий и систематический характер. Он осуществляет многочисленные археологические разведки, археолого-топографическое изучение городов Ташкента и Бухары, а также Старого Сайрама, Бешагача, Тараза и других городищ на территории Казахстана, проводит историко-археологическое обследование ряда памятников средневекового зодчества (мавзолей «Манас» в долине Таласа, мавзолей Айша-биби и Бабаджи-хатун, Ахмеда Ясеви в Казахстане, «Башня Бурана» и мавзолей Узгенда в Киргизии и др.).

В конце 20-х годов обозначается также постоянный и глубокий интерес М. Е. Массона к изучению многовековой истории горного дела в Средней Азии. В 1929 и последующих годах он обследует былой рудничный район Кармазарских гор и Ахаягарана с прилегающими районами, обследует в археолого-топографическом плане долины Сумбара (Туркмения), Таласа (Киргизия) и другие местности с целью изучения истории местного горного промысла. В данной связи должны быть названы такие итоговые работы М. Е. Массона, как «К истории добычи ртути в Средней Азии» (1930), «Из истории горной промышленности Таджикистана» (1934), «Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка» (1936), «К истории горной металлургии Узбекистана» (1947), «К истории горного дела на территории Узбекистана» (1953) и др. С этой сферой деятельности М. Е. Массона связана также пропаганда им прикладных задач археологии и ее значения в изучении и решении ряда практических научных и народнохозяйственных проблем (история ирригации в связи с колебаниями климата, надвигания песков на оазисы и заболачивания), особенно в геологоразведочном деле, где результаты его исследований нашли в условиях Средней Азии свое практическое применение («Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии», Ташкент, 1937). В годы Великой Отечественной войны (1942—1945) Михаил Евгеньевич совмещал свою вузовскую деятельность с работой в качестве старшего научного сотрудника Ташкентской группы ИИМК АН СССР, руководителя комиссии по истории добычи стратегического минерального сырья.

С начала 20-х годов М. Е. Массон стал рьяно пропагандировать необходимость осуществления археологического надзора на новостройках страны. В наиболее широких масштабах такого рода надзор был осуществлен им в 1939 г. во время прокладки Большого Ферганского канала.

С именем М. Е. Массона связана разработка ряда оригинальных методических приемов полевых археологических исследований (выявление археологических «пятен» по растительному покрову, определение погребенных уровней бывших поверхностей культурных наслоений по данным энтомологического порядка и др.).

В 1936 г. по представлению академиков И. Ю. Крачковского и И. А. Орбели и проф. А. Ю. Якубовского М. Е. Массону была присуждена ученая степень доктора наук без защиты диссертации.

В 1939 г. Михаил Евгеньевич приступил к чтению специальных лекционных курсов (археология, нумизматика и др.) на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета, а в следующем году был назначен заведующим кафедрой археологии, которую он бессменно и возглавляет с тех пор на протяжении без малого 30 лет. Кафедра стала основным очагом подготовки квалифицированных кадров археологов по Средней Азии. Можно без преувеличения сказать, что в Средней Азии и Казахстане нет ни одного научно-исследовательского учреждения в области общественных наук (история, археология) и ни одного краеведческого музея, в которых не работали бы ученики М. Е. Массона, воспитанники кафедры археологии Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина.

Несколько его учеников — доктора наук, свыше десяти — кандидаты наук. С течением времени возглавляемая М. Е. Массоном кафедра археологии выработала определенную систему методики и приемов полевых и камеральных исследований, сущность и значение которых освещены в недавней статье М. Е. Массона («Среднеазиатская археологическая научная школа Среднеазиатского государственного университета». Тр. ТашГУ, 295, Ташкент, 1966).

В 1936—1938 гг. М. Е. Массон возглавлял Термезскую археологическую комплексную экспедицию, охватившую обширный круг памятников древности правобережья Амударьи. Результатам работы экспедиции посвящены два тома трудов ее участников, в том числе самого Михаила Евгеньевича.

С конца 1945 г. и до наших дней М. Е. Массон возглавляет Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ) — одну из крупнейших постоянно действующих экспедиций нашей страны. С деятельностью этой экспедиции связан ряд научных открытий мировой значимости, последовавших в результате археологических раскопок и разведок на городищах Нисы и Старого Мерва и прилегающей к ним территории. Под редакцией М. Е. Массона издано 15 томов трудов ЮТАКЭ, прочно занявших свое место в советской археологической литературе.

29 июня 1951 г. М. Е. Массон был избран действительным членом Академии наук Туркменской ССР, а в последующем удостоен почетных званий заслуженного деятеля науки Туркменской и Узбекской ССР.

От осуществленного М. Е. Массоном в 1942 г. археолого-топографического обследования Шахрисябза тянутся нити к возникшей в 1963 г. и руководимой им Кешской археолого-топографической экспедиции Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Ежегодно проводимые работы этой экспедиции посвящены изучению исторической топографии Шахрисябза, Китаба, Карши и других исторически известных населенных пунктов.

В общей сложности М. Е. Массон принимал активное участие в 80 полевых экспедиционных маршрутных и стационарных археологических работах на территории всех республик Средней Азии и Казахстана. Широкий диапазон научных интересов юбиляра. Он автор более 270 научных публикаций. Свыше 30 сборников научных трудов и отдельных монографий вышли в свет под его редакцией. Печатные работы Михаила Евгеньевича посвящены истории горного дела и металлургии, гидрологии и метеорологии Средней Азии, исторической географии и археологической топографии среднеазиатских городов, истории местной архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, вопросам нумизматики и эпиграфики и т. д. Далеко за рубежами нашей страны известны публикации М. Е. Массона по истории Парфии, в частности по уникальным парфянским ритонам Нисы, керамике античного и средневекового Мерва, скульптуре Айртама, историко-археологической топографии Самарканда, Термеза, Мерва и других городов Средней Азии, по нумизматике кушанов и др. При этом для печатных трудов М. Е. Массона становится все более характерным стремление органически сочетать собственно археологические данные с данными исторической географии, восточных рукописей и документов, эпиграфики, этнографии, фольклора, опросов местных старожил и т. п. Поучительна в этом отношении одна из его недавних публикаций — «Катта Лянгар в области средневекового Кеша» (Тр. ТашГУ, 295, Ташкент, 1966), могущая служить образцом всестороннего анализа самых различных источников при изучении вопроса о времени сооружения и характере местных исторических памятников.

В последние годы Михаил Евгеньевич уделяет много внимания изучению проблемы средневековых торговых путей Средней Азии. Из печати вышло, в частности, его монографическое исследование «Средневековые

торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР)» (Тр. ЮТАКЭ, XIII, Ашхабад, 1966).

Михаил Евгеньевич известен также как талантливый популяризатор науки — лектор, руководитель научных экскурсий, автор многих газетных и журнальных статей по истории и археологии. В свое время большую роль сыграли, в частности, его научно-популярные брошюры, знакомившие массового читателя на строго научной основе с такими выдающимися памятниками Самарканда, как мечеть Биби-Ханым, мавзолей Гур-Эмир, мадраса на площади Регистан (публикации 1926—1929 гг.). Особо должны быть отмечены заслуги М. Е. Массона как активного участника массового краеведческого движения 20—30-х годов в Средней Азии, что было отмечено, в частности, его избранием в 1924 г. по представлению акад. С. Ф. Ольденбурга членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения (Москва). С тех пор и до наших дней Михаил Евгеньевич остается заботливым наставником и консультантом школьно-краеведческих кружков и музеев, любителей старины, добровольных обществ по охране памятников истории и культуры.

Михаил Евгеньевич является членом многих научных обществ, ученых советов научно-исследовательских учреждений и музеев, консультантом Научно-методического совета по охране и реставрации памятников при Министерстве культуры УзССР. В 1967 г. за заслуги в изучении истории горного дела и оказание большой и постоянной помощи местным краеведам и музейным работникам он удостоен звания почетного гражданина города горняков Ахангарана.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии исторической науки и в связи с семидесятилетием М. Е. Массон награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Многочисленные ученики, соратники и друзья М. Е. Массона горячо желают ему дальнейших успехов на поприще изучения богатейшего исторического прошлого народов Средней Азии и Казахстана.

Б. В. Лукин

К 70-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ АРИСТАРХОВИЧА СЕМЕНОВА

В век атома и космоса весьма необычно выглядел утлый долбленный челнок, плывущий по Ангаре между Байкалом и гудящей стройкой Иркутской ГЭС. Необычными были и его гребцы, загорелые люди, одетые в шкуры животных, в пышных головных уборах из перьев птиц. Неподалеку на берегу раскинулся маленький палаточный городок. На его территории несколько человек раскалывают вручную огромные желваки нефрита. Из полученных осколков изготавливаются орудия и различные изделия. Вместо шлифовальных станков рядом с ними прямо на земле лежат простые песчаниковые плиты, на которых затачивается поверхность топоров и заготавливаются полуфабрикаты для различных изделий из камня и кости.

Притаившись в тени высоких сосен и елей, молодой скульптор трудится над изображением деревянного гигантского идола, ловко орудуя то кремневым ножом, то кремневым резцом или долотом.

В пейзаж живописной лесной полянки удивительно гармонично вписался миниатюрный сноп свежей травы, срезанной кремневыми вкладышевыми серпами. А рядом с ним, на скошенных участках «земледельцы» поднимают целинные земли, вскапывая их и взрыхляя копьевидными палками с заостренным рабочим концом и насаженными на них каменным утяжелителем.

В хозяйственном помещении пристроились гончары, изготавливающие разнообразную глиняную посуду, вылепленную от руки примитивным ленточным способом. Здесь же она украшается орнаментом, выглаживается, высушивается и обжигается на костре. И костер здесь разжигается без спичек. Огонь добывают трением за 8 секунд с помощью лучковой дрели, снабженной деревянным наконечником, и кусочка сухого дерева.

Это не съемки фильма из жизни древних людей, а часть большой работы, которую вот уже в течение многих лет проводит Ленинградская опытная археологическая экспедиция, возглавляемая старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР,

руководителем лаборатории первобытной техники, доктором исторических наук С. А. Семеновым. Большой энтузиаст исследования доисторического периода, крупный специалист по истории первобытного общества, автор многочисленных работ самого разнообразного профиля, человек исключительно широкого кругозора, член КПСС — таким мы знаем Сергея Аристарховича Семенова, 70-летие которого отметила в 1968 г. вся археологическая общественность.

Сергей Аристархович Семенов прошел исключительно трудный путь, овеянный героическими событиями Октябрьской революции, гражданской войны, борьбы с басмачами, экспедициями на далекий Север.

Он родился 25 сентября 1898 г. в г. Вильно в семье строительного рабочего. До первой империалистической войны учился в низшей школе. После эвакуации семьи в Нижегородскую губернию С. А. Семенов учит грамоте детей в с. Тубанаевка, затем работает конторщиком в уездной земской управе. В 1917 г. он переезжает в г. Оренбург, где устраивается чернорабочим в депо Ташкентской железной дороги. Здесь его и застаёт Великая Октябрьская социалистическая революция, с которой неразрывно связана его дальнейшая судьба. С. А. Семенов добровольно вступает в Красную гвардию, участвует в отражении натиска банд атамана Дутова. Из Красной гвардии его направляют в особый отдел Оренбургской губчека для борьбы с контрреволюцией. По первому призыву Советской власти С. А. Семенов бросается на другой, не менее трудный участок — в Среднюю Азию на борьбу с басмачами, работая следователем и уполномоченным в органах ВЧК. Обладая литературным талантом, он пишет впоследствии увлекательные рассказы о жизни обитателей пустынь. Некоторые из них, например «Урус-Батыр», были удостоены первой премии на литературном конкурсе журвала «Мир приключений». Уже тогда неотступные мысли о дальнейшей учебе и научной работе не давали покоя молодому бойцу. Ради этого он приезжает в Петроград. Здесь С. А. Семенов успешно заканчивает факультет общественных наук в краткосрочной Высшей военно-педагогической школе и тут же после демобилизации поступает на исторический факультет Государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Уже с самого начала пребывания в институте его интересуют вопросы древнейшей истории человеческого общества, и прежде всего орудия труда. Этой теме была посвящена дипломная работа «Возникновение орудий труда», которую Сергей Аристархович успешно защищает в 1927 г., получив специальность преподавателя истории средней школы. Еще в институте его манит изучение жизни и быта отсталых народностей России, шире раскрывающее перспективы исследования первобытной истории. Вдвоем, вместе с молодым геоботаником С. А. Семенов отправляется в 1928 г. в северную экспедицию на Канинский полуостров. В истории северных экспедиций немного найдется примеров, чтобы двое горячих энтузиастов, проникнутых любовью к науке, брались бы за исследование малодоступных уголков земли. Ведь изучение полярных стран связано с большими трудностями и требует огромных затрат сил, здоровья, энергии и внутреннего напряжения. Экспедиция впервые пересекла северную часть Канина полуострова и побывала в тех местах, где еще не ступала нога исследователей. Обладая врожденной наблюдательностью, пытливым, разносторонним умом и ярким художественным языком, С. А. Семенов пишет серию очерков и рассказов, посвященных жизни и обычаям ненцев (самоедов) на Канине.

В 1929 г. С. А. Семенов устраивается сборщиком на завод «Радист» и самостоятельно продолжает работу в области истории первобытного общества. В 1931 г. Сергей Аристархович получает возможность продолжить научно-исследовательскую работу, став аспирантом ГАИМКа. В аспирантуре он с увлечением работает над давно интересующей его темой о древнейших орудиях труда каменного века, останавливая свое внимание на анализе этих орудий и определении их функций. Именно к этому времени

(1934 г.) следует относить зарождение новой методики исследования орудий труда с помощью микроскопа и появление трасологического анализа. Приоритет в данной области принадлежит С. А. Семенову. Этой теме посвящена кандидатская диссертация «Изучение функций верхнепалеолитических орудий труда по следам от употребления», успешно защищенная им в 1937 г.

Помимо основной тематики, связанной с разработкой нового метода исследования, С. А. Семенов параллельно работает над древнейшей историей народов Южной Азии и Тихоокеанского бассейна. На базе этих материалов написано несколько разделов для I тома «Всемирной истории» («Каменный век в Индии», «Индокитай и Индонезия в эпоху дикости и варварства», «Австралия и Океания до европейской колонизации»).

Война прервала научную работу С. А. Семенова. Оставшись в блокированном Ленинграде, Сергей Аристархович становится бойцом местной противовоздушной обороны и активным участником строительных работ по укреплению города. За самоотверженную работу в осажденном Ленинграде правительство наградило С. А. Семенова медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд», а позднее и орденом «Знак почета».

В 1942 г., будучи совершенно больным, он эвакуируется в г. Иваново, где около двух лет работает преподавателем исторического факультета Педагогического института. После возвращения в Ленинград (1944 г.) Сергей Аристархович снова обращается к своей излюбленной теме — к изучению первобытной техники и орудий труда. По данной теме им написан ряд статей, опубликованных в археологической литературе. Среди них: «Костяные землекопные орудия из стоянки Елисеевичи в связи с вопросом о строительстве жилищ в верхнем палеолите», «Некоторые простейшие способы обработки кости в верхнем палеолите» и др.

Параллельно С. А. Семенов продолжает работу над проблемами всемирной истории. Однако основное свое внимание он по-прежнему обращает на разработку методики микроанализа каменных и костяных орудий. Результатом этой многолетней работы явился обобщающий труд «Первобытная техника» (МИА, 54, 1957), имеющий исключительное значение для археологии. Позднее он был переведен на английский язык в Англии и США (Prehistoric Technology, London, 1964; New York, 1964). Методика ставит целью более точное определение назначения орудий труда и дает правильную оценку древней техники и хозяйства, углубляя возможности исторического осмысления археологических источников. Книга состоит из пяти разделов, посвященных изложению теоретических основ методики, способов лабораторного изучения орудий, дает многочисленные примеры плодотворного применения этой методики к археологическим материалам разных эпох. В заключение поставлены вопросы о закономерностях развития орудий каменного века. Труд «Первобытная техника» представляет глубокий интерес для всех археологов-первобытников и является крупным вкладом в археологическую науку. Наша научная общественность высоко оценила эту работу, присудив ее автору в 1957 г. первую премию Президиума Академии наук СССР. Эта же книга послужила в качестве докторской диссертации, успешно защищенной С. А. Семеновым в 1957 г. Для дальнейшей разработки трасологического метода Сергеем Аристарховичем поставлены широкие экспериментальные работы по изготовлению каменных, костяных и деревянных изделий и по использованию их в различных трудовых процессах. Экспериментальные работы, открывающие новый этап в научной деятельности С. А. Семенова, заставляют пересмотреть многие установившиеся представления в области истории первобытной культуры, и в первую очередь в области производительности труда. Признаки сработанности на орудиях, установленные анализом и подкрепленные экспериментом, становятся ключом к раскрытию целой отрасли древнейшего хозяйства, о которой можно было догадываться или совсем ничего не знать. Систематические опыты, поставленные в шести специаль-

но созданных экспедициях, руководимых С. А. Семеновым, показали, что экспериментальный метод должен занять в науке более важное место и наряду с трасологическим может дать в исследовании древней техники значительный научный результат. Дальнейшее развитие темы об истории первобытной техники получила в последующих работах С. А. Семенова. Результаты многолетних исследований орудий труда трасологическим методом, накопленные в процессе ряда экспериментальных экспедиций данные, широкое знакомство с этнографическими материалами легли в основу новой большой монографии С. А. Семенова. Его труд «Развитие техники в каменном веке» (Л., 1968) ставит своей целью исследование проблемы технического прогресса на начальных этапах человеческого общества. Автор большое внимание уделяет вопросам изучения закономерностей развития отдельных отраслей древнейшего труда и общих направлений техники в целом. Эта работа является новым крупным вкладом в археологическую науку, создавая возможности для дальнейшего исследования вопросов развития техники каменного века, и наряду с монографией «Первобытная техника» может по праву занять место настольной книги каждого археолога.

Круг научных интересов Сергея Аристарховича не ограничивается вопросами истории первобытной техники. Большое научное значение имеют его работы методологического характера («О методологических функциях исторических наук», 1964) и особенно его статьи, посвященные проблемам антропогенеза и расогенеза — особенностям физического строения неандертальского человека, происхождению монгольского расового типа, значению труда для развития интеллекта в антропогенезе, происхождению малорослого населения тропического пояса, и целый ряд других.

Своим многолетним трудом С. А. Семенов завоевал большой авторитет среди советских и зарубежных археологов. Во всех уголках нашей страны и за рубежом появились многочисленные последователи и сторонники его направления, по праву считающие себя заочными учениками Сергея Аристарховича. Он охотно делится своими знаниями с молодежью, обучает ее своему методу, с любовью готовит учеников.

В настоящее время С. А. Семенов полон творческих сил, на его рабочем столе лежат новые статьи, рождаются новые работы, его волнуют новые проблемы, связанные с изучением древнейшей истории человеческого общества. Так пожелаем Сергею Аристарховичу здоровья и дальнейших творческих успехов в деле развития советской археологической науки.

Г. Ф. Каробкова

Публикации

В. И. НЕПРИНА

ТЕТЕРЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В волынском Полесье на Украине Моствянская стоянка до последнего времени была единственным относительно полно изученным неолитическим памятником¹. В 1963 г., в результате работ автора в зоне затопления Житомирской ГЭС в составе отряда Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР, был исследован еще один неолитический памятник, обнаруженный в 1947 г. разведкой Р. И. Выезжева². Это поселение расположено на окраине надпойменной террасы левого берега Гнилопяти, в 200—300 м к северу от хутора Тетеревского Житомирской области и района.

Раскопом площадью 426 м² была исследована основная часть территории поселения.

Культурные остатки неолитического времени залежали в распаханном почвенном слое и в подпочве — песке светло-коричневого цвета мощностью до 0,25—0,3 м. Преимущественно в пашенном слое встречались и отдельные находки трипольской культуры городского типа, а также и тиинецкой культуры эпохи средней бронзы.

Кремневые орудия, отходы из производства и обломки сосудов неолитического времени были сосредоточены в четырех скоплениях, из которых два представляли, по-видимому, остатки наземных жилищ, третье — небольшой древний очаг, около которого были сосредоточены кремневые орудия, нуклеусы и отходы кремневого производства, четвертое — развал сосуда с гребенчатым орнаментом.

Одно из жилищ (в северо-восточной части поселения) было наземным сооружением прямоугольной формы, площадью до 32 м². Оно имело два небольших (0,7 и 0,6 м в диаметре) очага посередине.

Второе жилище (в центральной части поселения, к югу от первого) также было прямоугольным, размером 3,2×1,7 м. В северо-восточном углу жилища находилась очажная яма овальной формы, глубиной до 0,8 м от поверхности. Это жилище было использовано, вероятно, при вторичном посещении людьми поселения: верхняя очажная яма частично прорезала более древнюю и более глубокую очажную яму. В верхнем очаге был найден разбитый остродонный горшок с накольчатым и прочерченным орнаментом (рис. 1, 1). Основные находки кремневых орудий в этом жилище связываются с нижним очагом, за исключением нескольких скребков явно позднего вида.

При раскопках собрано много кремневых орудий, отходов их производства и обломки от пяти неолитических сосудов. Три сосуда сделаны из

¹ И. Ф. Левицкий. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р. АП, IV, Київ, 1952, стр. 70—77; Д. Я. Телегин. Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України. «Археологія», XI, Київ, 1957, стр. 82; и др. работы.

² Р. И. Выезжев. Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилопяти. АП, III, Київ, 1952, стр. 197, 198.

глины с примесью растительных волокон. По форме один из них — полусферическая чаша, остальные — глубокие горшки со слегка стянутыми венчиками и несколько выпуклыми боками. Глиняное тесто чаши отличается характером растительной примеси, она содержит коротко нарезанные неразмочаленные растительные волокна. Внутренняя и внешняя поверхности чаши подлощены и имеют серый цвет (рис. 1, 4). Эти признаки присущи керамике памятников буго-днестровской культуры печерского этапа³. По форме такие чаши характерны для линейно-ленточной керамики

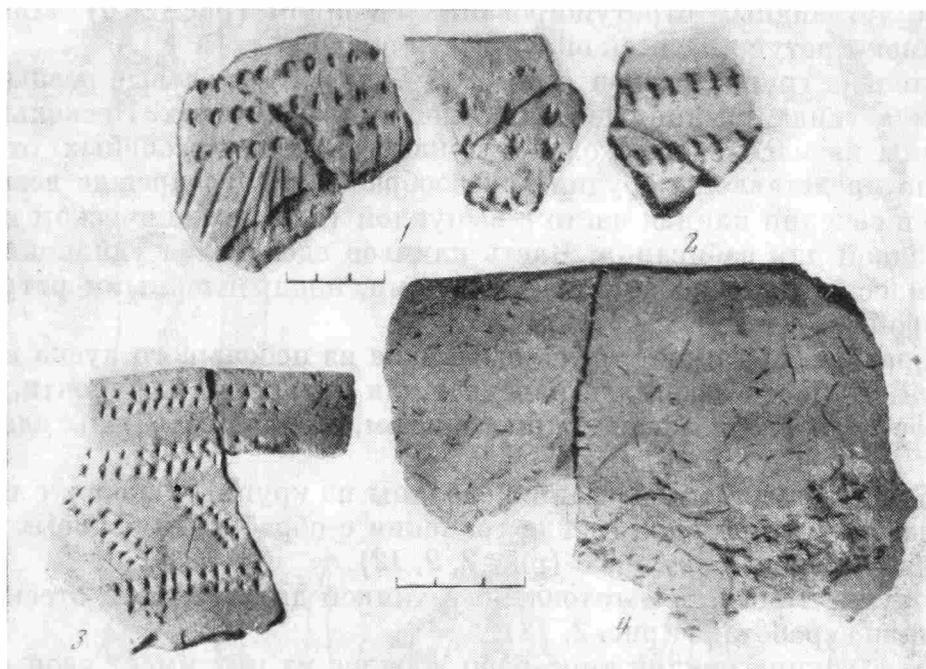

Рис. 1. Керамика поселения у хут. Тетеревского

с нотным орнаментом. У двух других сосудов в глине содержатся размочаленные растительные волокна и зерна толченого кварца. Оба имеют подлощенные поверхности и орнаментацию только на шейке: на одном — это два ряда отпечатков «отступающего» гребенчатого штампа (рис. 1, 2), на другом — горизонтальные двойные ряды «отступающей» лопаточки, перемежающиеся с короткими косыми рядами того же орнамента (рис. 1, 3).

Остальные два сосуда, по-видимому, были остродонные горшки из глины с примесью только толченого кварца. От одного сохранился обломок венчика, орнаментированного неглубокими ямками. У другого орнамент покрывал всю поверхность сосуда: под краем венчика нанесены два ряда округлых ямок, ниже — горизонтальные ряды «отступающей» лопаточки, на наиболее выпуклой части сосуда — тонкие прочерченные линии, на придонной части — вертикальные ряды «отступающей» лопаточки. На внутренней поверхности обоих сосудов имеются характерные расчесы широкозубчатым штампом.

Очень разнообразен кремневый инвентарь поселения. Найдено 3600 кремневых предметов, из них 435 орудий. Орудия изготовлялись из отщепов, пластин и нуклеидных обломков. Орудия, сделанные из пластин, составляют 21% от общего числа найденных орудий. При обработке кремня сочетались микролитическая и макролитическая (кампинийская) техника, причем последнюю здесь представляют наиболее ранние типы орудий.

³ В. Н. Даниленко. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг. КСИА АН УССР, 12, 1962, стр. 23, 24.

По форме найденные нуклеусы конические с ровной или выпуклой площадкой; призматические с двумя противоположными площадками, часто расположенными под углом друг к другу; плоские нуклеусы подчетырехугольных очертаний с вертикальными сколами с одной стороны и поперечными — с другой; одноплощадочные подтреугольных очертаний нуклеусы со сколами с одной стороны, имеющей вид конуса. Большинство нуклеусов не имеет выдержанного вида.

Наиболее многочисленна группа скребков. Почти половина из них — концевые, на небольших довольно широких пластинах или пластинчатых отщепах с дуговидным отретушированным концом (рис. 2, 6). Лишь три скребка имеют ретушь по всей окружности орудия.

Значительна группа резцов (рис. 2, 7, 8, 10). Это угловые резцы на отщепах и пластинах, срединные — на отщепах и пластинах. Несколько резцов сделаны из массивных сколов с нуклеусов или массивных отщепов.

Хорошо представлены орудия деревообработки. Это прежде всего линзовидные в сечении клинья часто с выпуклой (как на коническом нуклеусе) площадкой для забивания. Часть клиньев сделана из удлиненных отщепов с массивным основанием, с лезвиями, подправленными ретушью с одной стороны.

Своеобразный вид имеет тесло, сделанное из небольшого куса кремня, на средней его части оформлен перехват для крепления к рукоятки, слегка желобчатое лезвие образовано одним сколом, на обушке видны следы забитости.

13 рубящих орудий типа транше сделаны из крупных сколов с нуклеусов или массивных отщепов в виде трапеции с обработкой боковых сторон крутой притупляющей ретушью (рис. 2, 9, 12).

Одно орудие типа пик изготовлено техникой двусторонней отески, лезвие его сильно сработано (рис. 2, 13).

Невелика группа орудий типа рабо, каждое из них имеет свои особенности. Их объединяет в одну группу способ употребления в качестве стругов.

Хорошо представлены в кремневом инвентаре микролитические орудия: из 10 трапеций 4 — высокой формы (рис. 2, 1), остальные обычных типов — из сечений пластин. Выделяется одна трапеция, сделанная из довольно большого тонкого отщепа с крутой ретушью по боковым граням. Из других микролитов имеется небольшое игольчатое острие с притупленной спинкой (рис. 2, 3), острие со скошенным краем (рис. 2, 2), микро-резец (рис. 2, 4) и два микроскребка.

На поселении найден также обломок наконечника стрелы свидерского типа, сделанный из довольно широкой пластинки (рис. 2, 5).

Очень близкий комплекс кремневого инвентаря и керамики имеется на стоянке Моства⁴. Здесь представлены те же типы микро- и макролитических орудий. И. Ф. Левицкий в ранних материалах Моствянской стоянки выделяет эпилепалеолитический и неолитический горизонты. Но преобладающий кремневый комплекс поселения у хут. Тетеревского объединяет орудия, характерные для этих горизонтов Моствы. Просмотр аналогичных материалов коллекции Моствы убеждает нас в том, что выделение эпилепалеолитического горизонта в Мостве произведено скорее всего по типологическим признакам. В культурном слое стоянки так называемые поздне-мезолитические и неолитические остатки залегали на одном уровне и представляли собой скопления кремневых орудий, отходов их производства и обломков сосудов, сосредоточенных возле двух небольших очагов, или просто отдельные скопления. Ни в одном случае не оказалось убедительных стратиграфических данных, позволяющих произвести разделение древнего комплекса Моствы на позднемезолитический и неолитический горизонты. Пример нашего поселения позволяет с уверенностью утвер-

⁴ И. Ф. Левицкий. Ук. соч., стр. 70—72.

ждать для моствянской стоянки единовременность «эпипалеолитического» и «неолитического» горизонтов, говорить о наличии там одного неолитического горизонта. Об этом писал и В. Н. Даниленко⁵. Тетеревское поселение представляется нам более архаичным, чем Моствянская стоянка. В поселении у хут. Тетеревского широко представлены рубящие орудия типа транше, причем наиболее раннего типа, и фактически еще отсутствуют орудия, изготовленные в технике двусторонней оббивки (за исключением

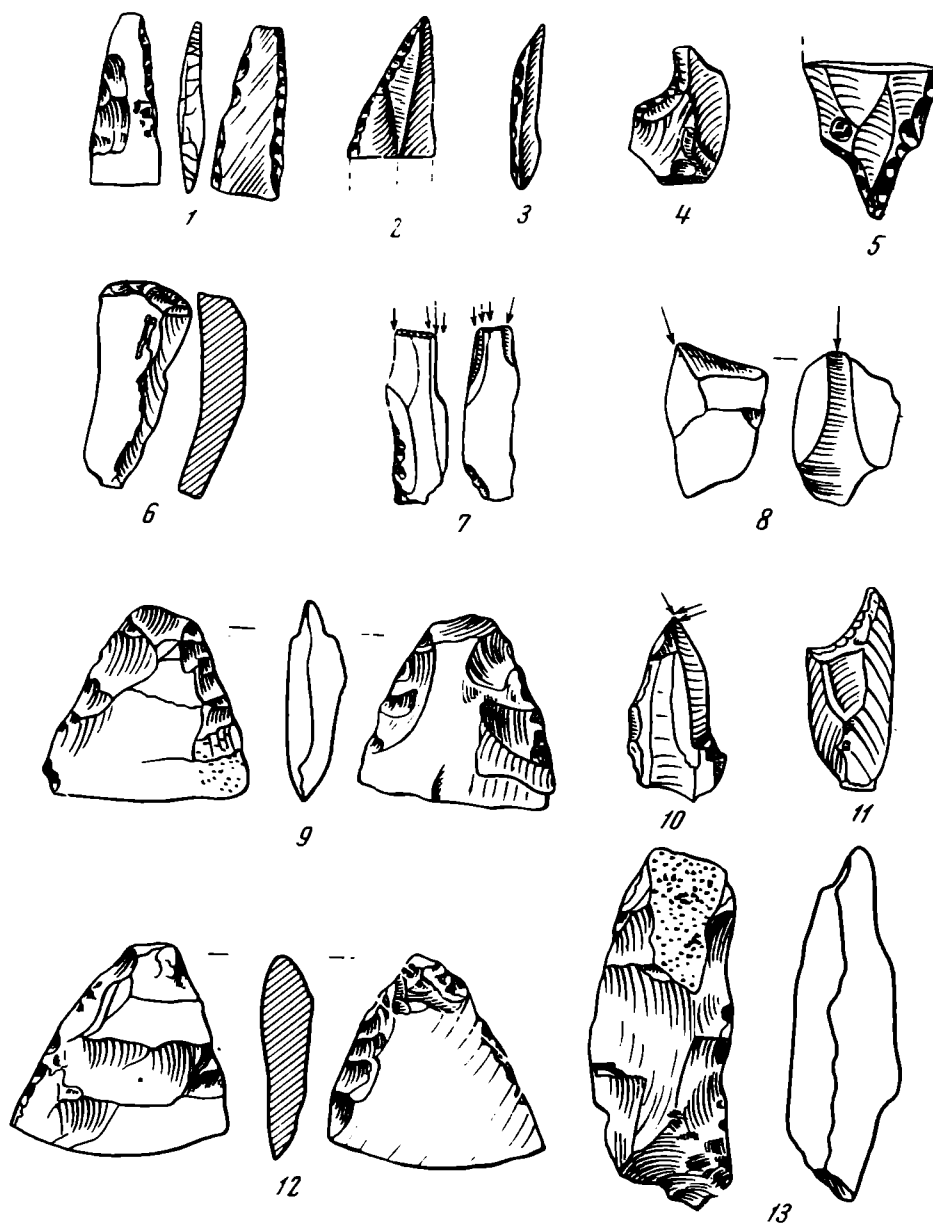

Рис. 2. Кремневые орудия:

1 — трапеция; 2 — острие со скошенным краем; 3 — игольчатое острие с притупленной спинкой; 4 — микролезвие; 5 — обломок наконечника стрелы; 6 — скребок; 7, 8, 10 — резцы; 9, 12 — орудия типа транше; 13 — орудие типа пик

орудия типа пик). На Моствянской стоянке имеется только одно орудие типа транше и несколько двусторонне оббитых топориков овальной формы, типологически более поздних.

Кремневый инвентарь нашего поселения может быть сопоставлен с позднеэпипалеолитическими и раннеолитическими горизонтами ур. Песчаного⁶.

⁵ В. Н. Даниленко, Неолит территории Украинской ССР. Архив ИА АН СССР, рукопись, стр. 154, 155.

⁶ И. Ф. Левицкий, Стація в ур. Піщаному біля Народич. «Антропологія». IV, 1931, стр. 196.

Керамика поселения, содержащая растительные примеси в глине, аналогична керамике неолитического горизонта стоянки Моства⁷. Кроме того, посуда этого типа широко представлена в памятниках самчинского этапа буго-днестровской культуры, когда в последней наметились черты сближения с днепро-донецкой культурой⁸, к которой принадлежит Моствянская стоянка и, судя по керамике, наше поселение.

Сосуды без растительных примесей в глине с расчесами на внутренней поверхности близки керамике второй группы стоянки Никольская Слободка II⁹ в районе Киева, которая относится уже ко времени сосуществования днепро-донецкой культуры с трипольской; следовательно, они являются значительно более поздними по сравнению с сосудами, содержащими растительные примеси в глине.

Разновременность этих групп сосудов подтверждается и стратиграфическими данными: сосуды второй группы были найдены в верхнем очаге второго жилища, который прорезал нижний, более древний очаг.

Описанный комплекс кремневых орудий поселения связывается с керамикой первой группы. С сосудами второй группы могут быть связаны лишь несколько скребков явно энеолитического возраста, найденные в том же очаге.

По керамике и кремню основной комплекс поселения у хут. Тетеревского принадлежит к раннему этапу днепро-донецкой культуры, в некоторой мере синхронному самчинской фазе буго-днестровской культуры. В. Н. Даниленко датирует этот этап буго-днестровской культуры концом V — началом IV тысячелетия до н. э.¹⁰ Сосуды второй группы и незначительное число кремневых орудий позднего типа характеризуют второй, значительно более поздний этап днепро-донецкой культуры на этом поселении.

Кремень типа основного комплекса нашего поселения на территории Украины, кроме названных пунктов (Моства и ур. Песчаное), известен на Десне среди смячских памятников (пункты 11, 13—16)¹¹. На нашем поселении его впервые удалось найти и увязать с определенной неолитической керамикой, которая присуща определенному типу памятников днепро-донецкой культуры.

За пределами Украины подобного типа кремневые орудия известны в Белоруссии¹² и Литве¹³. Необходимо подчеркнуть, что кремневый комплекс Тетеревского поселения принципиально тождествен комплексам культуры маглемозе — эртебелле¹⁴, которая характеризует мезолитическую и неолитическую эпохи почти всей северо-западной Европы¹⁵. Это,

⁷ І. Ф. Л е в и ц ь к и й. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р. АП, IV, стр. 70—77.

⁸ В. Н. Д а н и л е н к о. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС..., стр. 23—25.

⁹ В. Н. Д а н и л е н к о. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р. АП, VI, Київ, 1956, стр. 172—175.

¹⁰ В. Н. Д а н и л е н к о. Некоторые итоги изучения неолита и триполья на Ю. Буге. Доклад на XII Археол. конф. в Киеве, синхронистическая таблица.

¹¹ М. Я. Р у д и н с к и й. Смячка. Коротке звітчення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927, стр. 118—122; Передісторичні розшуки в північно-східній Чернігівщині. Кор. звід. ВУАК за 1925 р., Київ, 1926, стр. 13—32.

¹² К. М. П о л и к а р п о в и ч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. Працы катэдры археалогіі. 1, Менск, 1928.

¹³ Р. К. Я б л о н с к и т е - Р и м а н т е н е. Мезолитическая стоянка в Лампеджай. Тр. АН ЛитССР, сер. А 2(15), 1963, стр. 39—53; е е ж е. Стоянка каменного и бронзового веков Самантонис. СА, 1960, 2, стр. 115—127; е е ж е. Стоянки IV—I тысячелетия до н. э. в Жамей — Канюкай. Тр. АН ЛитССР, сер. А(14), 1963, стр. 65—89; е е ж е. Стоянки каменного века Эйгуляй. Тр. Прибалтийской экспедиции. I, М., 1959, стр. 11—31.

¹⁴ J. B r o n s t e d. Danmarks Oldtid. Копенгаген, 1938.

¹⁵ L. N o u g i e r. Les civilisations campgniennes en Europe occidentale. Тулуза, 1950.

несомненно, необходимо учитывать, особенно при решении вопроса о происхождении днепро-донецкой культуры и ее волинской локальной группы.

В заключение в общих чертах теперь уже можно сказать об относительной хронологии неолитических памятников Житомирщины, основываясь на стратиграфии стоянок в ур. Песчаном, Мостве и Тетеревском поселении. По-видимому, наиболее древними являются позднеэпипалеолитические и раннеэпипалеолитические слои ур. Песчаного еще без керамики, за ними непосредственно следует основной комплекс поселения возле хут. Тетеревского с наиболее ранней керамикой, затем, судя по типологической близости, — неолитический горизонт Моствы с керамикой днепро-донецкой культуры развитого типа. Наиболее поздним свидетельством днепро-донецкой культуры здесь является поселение верхнего горизонта у хут. Тетеревского. Во время городского этапа трипольской культуры часть территории, ранее принадлежавшей днепро-донецкому населению, была занята поселениями городского типа по линии Коростышев — Ровно — Луцк¹⁶. В северу от них бытует синхронная с ними культура, представленная верхним горизонтом Моствы, которую исследователь стоянки считал возможным генетически связывать с нижним неолитическим горизонтом. Это мнение И. Ф. Левицкого безусловно нуждается в развернутых доказательствах, хотя за последние годы уже получены некоторые данные, его подтверждающие.

V. I. Néprina

HAMEAU DE LA CIVILISATION DE DNIÉPR-DON PRÈS DE LA MÉTAIRIE DE TÉTÉREV DANS LA RÉGION DE JITOMIR

Résumé

Un hameau néolithique est situé sur un bec de la berge gauche de la rivière Gniliptat à son embouchure dans la fleuve l'étérév.

Par suite des recherches de 1963 les matériaux qui caractérisent assez la civilisation de Dniepr-Don dans le Polessié de Volhynie à l'Ukraine ont été obtenus. Les données de céramique permettent de supposer que l'horizon inférieur du hameau est simultané aux hameaux de l'étape de Samtchin (d'après Danilénko) de la civilisation de Bug-Dniestr et qu'il peut être daté de la fin du V — du début du IV millénaire avant notre ère.

Les matériaux peu abondants mais qui, par contre, sont d'une grande importance stratigraphique de l'horizon supérieur du hameau de Tétérev donnent l'idée de l'étape postérieure, simultanée à Tripolié, de la civilisation de Dniepr-Don.

Les observations stratigraphiques sur les lieux-dits Pestchanoié, Mostva et Tétérevskoié permettent de tracer une image de la chronologie relative des gisements mésolithiques et néolithiques dans la région de Jitomir. Les couches de l'époque mésolithique tardive et du Néolithique primitif dans le lieu-dit Pestchanoié sont les plus anciennes. Elles sont suivies de près par l'ensemble des monuments primitifs du hameau de Tétérev, l'horizon néolithique de Mostva leur succède qui cède à son tour sa place à l'horizon supérieur du hameau de Tétérev.

Sous le Tripolié postérieur les hameaux d'autrefois étaient remplacés par des sortes de bourgades. Au Nord d'eux existait toujours la civilisation du type de l'horizon supérieur de Mostva, génétiquement liée à la civilisation néolithique (d'après Lévitcki) mais dont l'aspect extérieur a subi d'importantes modifications sous l'influence de Tripolié et, peut-être, de quelques civilisations occidentales.

¹⁶ Т. С. П а с с е к. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 13.

МОГИЛА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В 1961 г. небольшой отряд Ленинградского государственного университета производил археологические раскопки разведочного характера в районе станиц Змейской и Николаевской Северо-Осетинской АССР. В ходе работы были открыты и обследованы несколько памятников эпохи бронзы, раннего железа, а также периода раннего средневековья. К последним относятся катакомбные могилы, случайные находки у кирпичного карьера в станице Николаевской и находки у кирпичного завода в станице Змейской¹.

При раскопках одной из катакомб аланского времени (мог. № 3) на территории кирпичного карьера у станицы Николаевской была открыта могильная яма более раннего времени. Она содержала богатое погребение эпохи средней бронзы (мог. № 4).

Пятно могильной ямы было видно в дромосе катакомбы № 3. На глубине 1,15 м стало ясно, что желтовато-серое пятно идет глубже дна дромоса. Форма могильной ямы прямоугольная с закругленными углами. Стены ее расширялись сверху вниз. Яма углублена в грунт на 0,6 м. Ее длина 1,83 м, ширина 0,76 м. Ориентировка ямы: ССВ—ЮЮЗ (рис. 1).

На дне лежал скелет взрослой женщины в скорченном положении на левом боку, головой на ЮЮВ, лицом к З, степень скорченности слабая. Руки легко согнуты в локтях, кисти на уровне колен. Могильный инвентарь состоял из керамических и бронзовых изделий. В могиле нашли следы органического материала (ткань или кожа), которые перекрывали скелет и находились также под ним. Они лежали под скелетом слоем толщиной 1—2 см. Эти остатки были коричневого цвета, местами с белыми пятнами. В одном месте сохранились следы красной краски (охра?).

Могильный инвентарь состоял из следующих предметов.

1. Остатки головного убора в виде розовато-коричневой ленты на лбу. Поверх ткани (?) лежал ряд маленьких бронзовых бусин на расстоянии одна от другой 1—1,5 см (рис. 2, 1).

2. У правого и левого висков лежали два проволочных височных кольца в полтора оборота. Они изготовлены из плохого серебра (рис. 1, 2, и рис. 2, 4).

3. На шее ожерелье, состоящее из 55 маленьких бронзовых бусин. Среди них три небольшие орнаментированные дисковидные подвески (рис. 1, 3 и рис. 2, 5).

4—5. Богато украшенные бронзовые полусферические бляхи лежали в области груди. На внутренней стороне блях обнаружен толстый слой сгнившей кожи (рис. 1, 4—5, и рис. 2, 1).

6. Ожерелье, рассыпавшееся по всему туловищу до колен, состояло из бронзовых разнообразных маленьких бусин и подвесок в виде пестиков. Последние украшены концентрическими кругами и спиралью (рис. 1, 6—8, рис. 2, 2—3).

¹ Материалы раскопок хранятся на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ.

7. Браслет (?) из маленьких бронзовых бусин (на левой руке) (рис. 1, 5/a).

У ног костяка в ССЗ углу ямы стояли три сосуда.

8. Большой сферический плоскодонный сосуд в виде горшка с короткой шейкой, украшенный шнуровым орнаментом в виде треугольников, волнистых линий и других геометрических узоров. У основания шейки сосуда имеются четыре выступа (рис. 3).

9. В большом сосуде находился маленький плоскодонный кувшинчик с одной ручкой, также орнаментированный геометрическими шнуровыми узорами (рис. 4).

10. Рядом с первым сосудом стояла небольшая чаша, украшенная шнуровым орнаментом (рис. 5).

В сосудах найдены остатки зерен.

Сосуды хорошо обработаны. Цвет их светло-коричневый; местами поверхность сохранила следы лощения. Несколько фрагментов керамики, покрытой шнуровым орнаментом, было найдено в гумусном слое в районе мог. № 4.

Материалы из мог. № 4 имеют множество аналогий в погребальных комплексах эпохи средней бронзы Северного Кавказа. Так, полусферические бронзовые бляхи (рис. 2, 1) известны из нескольких могил на данной территории. Почти такая же бляха была обнаружена в кургане у с. Соломенка вместе с бронзовой орнаментированной подвеской², подобной найденной в мог. № 4 (рис. 2, 5). Близкие по форме нашим, известны бляхи из Кисловодска³ и из кургана на правом берегу р. Подкумка⁴. Еще одна подобная бляха известна из коллекции Д. Я. Самоквасова и была найдена в окрестностях Кисловодска⁵. По мнению В. И. Марковина, эти типы блях и подвески относятся к переходному времени от первого ко второму этапу развития северокавказской культуры (главным образом ко второму этапу)⁶.

Бронзовые подвески в виде пестиков (рис. 2, 2) известны из кургана у г. Дигора, опубликованного Е. И. Крупновым. Он относит их к аналогичным им предметам к докобанскому периоду развития эпохи бронзы на Северном Кавказе (первая половина II тысячелетия до н. э.)⁷.

Толстопроволочные височные кольца в полтора оборота (рис. 2, 4) также имеют многочисленные аналогии в материалах эпохи бронзы Северного Кавказа, Причерноморских степей в Румынии⁸.

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 195, рис. 33, 3, 6.

³ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 38, рис. 9, 29, 57, 59.

⁴ В. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 3, табл. XV, 1—5.

⁵ А. М. Тагрен. La Pontide préscythique après l'introduction des Métaux. ESA II, Helsinki, 1926, табл. 64, 7.

⁶ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 40, рис. 121.

⁷ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 40—42 и рис. 8, 3.

⁸ E. Zaharia. Die Lochenringen von Sarata Monteoru. Dacia, III, Bucuresti, 1959, стр. 113, рис. 4, 1—2.

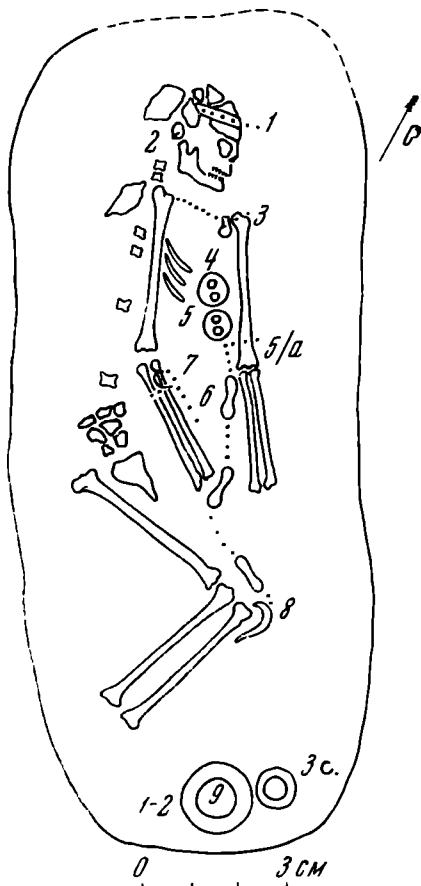

Рис. 1. Могила № 4 у станции Николаевской

Г-образная булавка (рис. 2, 3) является типичным предметом эпохи еще более ранней бронзы. Ранним примером распространения Г-образных булавок служит находка в 1-м погребении кург. № 5 Ульского аула⁹. И. С. Гумилевский нашел Г-образную булавку в кург. № 2 на Константиновском плато близ Пятигорска. Она была в погребении № 5 вместе с молоточковидной булавкой, медным височным кольцом в полтора оборота и бляхами¹⁰.

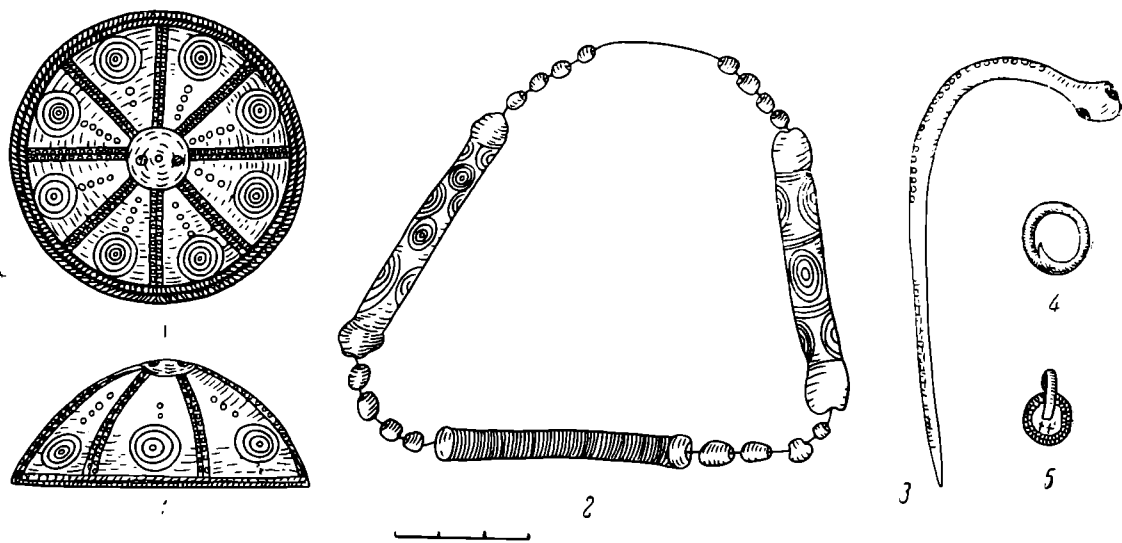

Рис. 2.

1—5 — бронзовые предметы из могилы № 4 у станицы Николаевской

Неорнаментированный экземпляр такой булавки известен и из кург. № 3 у колонии Константиновской близ Пятигорска¹¹.

Еще один экземпляр Г-образной булавки был найден при раскопках Северокавказской экспедиции ИА АН СССР в 1967 г. в одном из курганов на Константиновском плато в Пятигорске¹².

Остальные бронзовые предметы из мог. № 4 не являются типичными для того или другого периода эпохи бронзы (рис. 2, 2). Но на основе других сопутствующих им находок их также можно отнести к той же средней фазе бронзового века.

Перечисленные керамические изделия имеют некоторые аналогии в памятниках Северного Кавказа¹³ и в прилегающих к ним степных районах юга европейской части СССР.

На первый взгляд может показаться, что большой сосуд из мог. № 4 у станицы Николаевской (рис. 3) как будто имеет сходство с сосудом из кургана у станицы Новосвободной (Царской). Один большой шаровидный сосуд из дольмена морфологически несколько соответствует нашему¹⁴. Но фактура этого сосуда совсем иная. Наиболее близки нашему экземпляру отдельные находки из Северного Кавказа, например, из с. Сапата (Северо-Осетинская ССР) и Кабардино-Балкарии¹⁵. Особенно близки аналогичные сосуды из курганов Кабардинского парка в Нальчике¹⁶.

⁹ В. И. Марковин. Ук. соч., рис. 2, 6.

¹⁰ Б. А. Латынин. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. «Археологический сборник», 9, Л., 1967, стр. 61, 62 и рис. 59, 2—3.

¹¹ Там же, рис. 8, 10. Булавка данного типа известна из с. Вольного (там же, рис. 7, 14).

¹² Е. И. Крупнов, В. И. Марковин и др. Северокавказская экспедиция. Сб. «Археологические открытия 1966 г.». М., 1967, стр. 57, 58, и рис. 1, 6.

¹³ В. И. Марковин. Ук. соч., рис. 31.

¹⁴ А. М. Тальгрэн. Ук. соч., рис. 56, 7 и рис. 57, 7.

¹⁵ В. И. Марковин. Ук. соч., рис. 48, 4—5.

¹⁶ В. Е. Деген. Ук. соч., табл. I, 1 и табл. III, 3.

Правда, отдельные экземпляры шаровидных сосудов можно найти и в Северном Причерноморье. К ним относятся амфора из так называемого Одесского кургана¹⁷ и несколько находок нижнего, «доянного» слоя Михайловского поселения¹⁸. Из находок в более западных районах Юго-Восточной Европы также имеется несколько сосудов, близких нашим. К ним относятся амфоры из 2-го каменного ящика в могильнике Долхешти-Мари и из каменного ящика, открытого у Пятра-Нямц (Румыния)¹⁹. Но все они, по-видимому, относятся к более раннему времени.

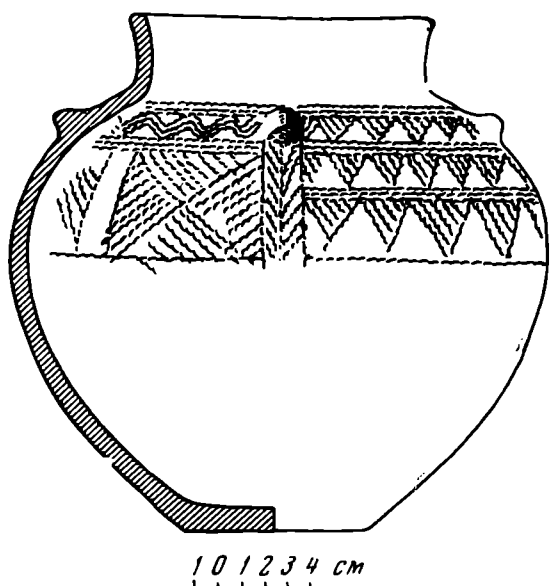

Рис. 3

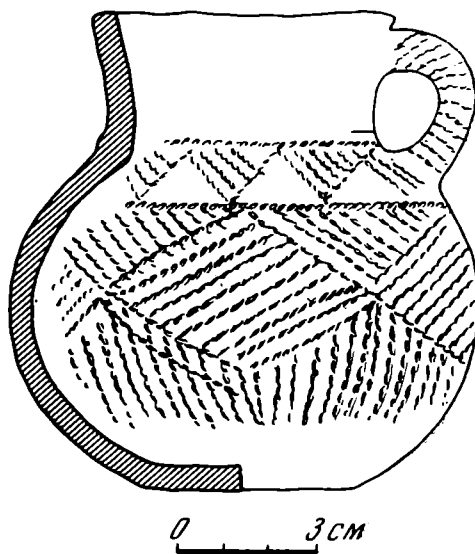

Рис. 4

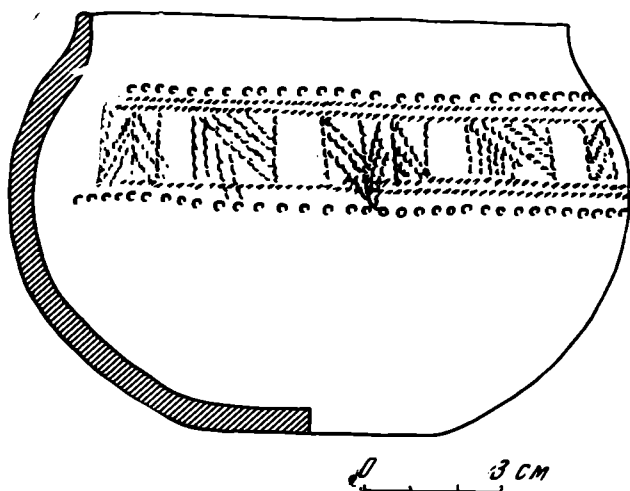

Рис. 5

Рис. 3. Большой сосуд из могилы № 4 у станицы Николаевской

Рис. 4. Сосудик из могилы № 4 у станицы Николаевской

Рис. 5. Глиняный сосуд из могилы № 4

Маленький сосуд с одной ручкой (рис. 4) не имеет прямых аналогий в синхронных с ними материалах Северного Кавказа. Наиболее близки ему сосуды из впускного погребения в кургане у станицы Новосвободной (раскопки 1898 г.)²⁰ и отдельные находки из Кисловодска²¹. По форме и орнаментации близко к нему стоят горшки с двумя ручками из курганов Кабардинского парка Нальчика²². Следует отметить также, что ана-

¹⁷ А. М. Тальгрэн. Ук. соч., рис. 37, 3 (могилы № 19—20).

¹⁸ О. Ф. Лагодовска и др. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 17, рис. 5.

¹⁹ М. Дину. К вопросу о культуре шаровидных амфор на территории Румынии. *Dacia*, IV, 1960, рис. 4, 6 и рис. 8, 1—2.

²⁰ В. И. Марковин. Ук. соч., рис. 18, 3.

²¹ Там же, рис. 9, 8.

²² В. Е. Деген. Ук. соч., табл. II, 4—6 и табл. IX, 1—3.

логичная орнаментация украшает и некоторые керамические изделия вучедоль-зокской культуры Карпато-Дунайского бассейна.

Третий наш сосуд (рис. 5) мало отличается от известных находок северокавказской культуры. Миски со сферическим туловом на Северном Кавказе не так уж редки. Можно привести несколько аналогий из Кисловодска, Пятигорска и Грозного²³.

Нельзя также забывать, что и в материалах Северного Причерноморья тоже известна данная керамическая форма, например в «Одесском кургане» (катакомбное погребение № 22)²⁴.

Перечисленные нами аналогии показывают, что мог. № 4 у станицы Николаевской в своем комплексе содержит ряд предметов, хорошо датированных по аналогиям среди находок из Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Прикубанья и степей Северного Причерноморья вплоть до предгорных районов Карпат. На основе территориально близких аналогий мог. № 4 условно можно отнести ко второму периоду развития кабардино-пятигорской группы центрального варианта северокавказской культуры эпохи бронзы²⁵.

Одновременно следует признать, что более точная датировка мог. № 4 имеет некоторые сложности. Они заключаются в том, что бронзовые находки из могилы находились вместе с развитыми формами молоточковидных булавок, которые раньше считались предметами ямной или катакомбной культуры степной полосы Восточной Европы. В своей последней работе Б. А. Латынин связал их с поздней майкопской культурой²⁶, хотя в опубликованных материалах ее бытовых памятников они не известны²⁷. Однако их можно найти в погребениях майкопской культуры, особенно в ее поздней фазе (типа кургана у станицы Новосвободной)²⁸. Это значит, что Г-образные, посоховидные булавки и другие новые для майкопской культуры типы материальной культуры усвоены «майкопцами» только в поздний период своего существования. Интересным примером служат находки из погребения № 5 в кургане у Ульского аула, а также из кургана у с. Соломенки, которые считаются Е. И. Крупновым переходными от майкопской культуры к северокавказской²⁹.

Бронзовые витые подвески в виде пестиков также найдены в погребении № 1 кург. № 8 у станицы Константиновской на Кубани, характерном для западного варианта северокавказской культуры³⁰, хотя отдельные подобию их известны и в степных могилах катакомбной культуры³¹.

Возвращаясь к проблеме Г-образных булавок, необходимо упомянуть, что Ф. Ганчар считал их памятником майкопской культуры, а экземпляры, украшенные плетеным орнаментом, относил к ее поздней фазе (курган у Ульского аула)³².

Керамические находки также указывают на генетические связи с типами, появившимися на Северном Кавказе в позднемайкопское время.

Итак, можно сказать, что инвентарь мог. № 4 у станицы Николаевской имеет связи с материалами позднего этапа развития культуры больших кубанских курганов, а через них — с близкими и более далекими памятниками из районов Восточной Европы.

²³ В. И. Марковин. Ук. соч., рис. 47, 4; рис. 15, 37; рис. 20, 22.

²⁴ А. М. Тальгрэн. Ук. соч., рис. 37, 1.

²⁵ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 125, 126.

²⁶ Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 93.

²⁷ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, рис. 55 и 60.

²⁸ Там же, стр. 144—147.

²⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 56.

³⁰ Б. А. Латынин. Ук. соч., рис. 49.

³¹ Там же, рис. 3, 11 и др.

³² E. H a n s a g. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasusgebietes. ESA, VII, Helsinki, 1932, стр. 113—115.

Для более точного объяснения характера этих взаимоотношений следует обратить внимание на черты погребального обряда могилы. Его характерные особенности (простая грунтовая яма с закругленными углами, наличие органических материалов и следы красной краски) указывают на степной характер погребения. Перечисленные черты во многом напоминают погребальный обряд ямной культуры эпохи перехода от энеолита к бронзовому веку. Но они присущи и культурам Северного Кавказа.

Материалов единственной могилы, конечно, недостаточно для выводов более широкого характера. Все-таки они вместе с аналогичными находками дают основание поднять несколько вопросов, связанных с развитием культуры эпохи бронзы в предгорных районах Северного Кавказа. Это появление шнуровой орнаментации на керамике и бронзовых изделиях северокавказской культуры. Очевидно, можно выделить два момента: во-первых, появление на Кавказе шнуровой орнаментации типа катакомбной культуры, во-вторых, ее развитие вместе с шаровидными сосудами типа находок у станицы Николаевской. В отношении последнего были указаны черты, сближающие эти находки с находками в Причерноморских степях и культурой шаровидных амфор, распространенной в Польше, Чехословакии, Румынии и Западной Подолии.

На основе перечисленных аналогий можно предполагать, что в материалах еще первого этапа развития северокавказской культуры намечается самостоятельная подгруппа, носители которой осели на территории предгорных районов Кабардино-Балкарии и прилегающей к ней области Северной Осетии. По всей вероятности, они были тесно связаны с племенами поздней майкопской культуры и со степными жителями переходного периода от энеолита к эпохе бронзы. Ареал распространения данной подгруппы частично совпадает с ареалом кабардино-пятигорской группы северокавказской культуры³³.

В настоящее время не имеется достаточных оснований для более точной характеристики данной подгруппы древних жителей Северного Кавказа. Однако анализированные находки дают право поднять вопрос о ее самостоятельности и вместе с тем о появлении шнуровой орнаментации в эпоху бронзы в указанных районах. Известно, что этой проблемой занимались многие исследователи. Некоторые связывали ее с распространением разных групп культуры шнуровой керамики, в том числе с культурой шаровидных амфор³⁴. Целью настоящей работы не является стремление решить этот сложный историко-археологический вопрос, тесно связанный с проблемой происхождения и миграции племен культуры шнуровой керамики и в конечном итоге с вопросом о происхождении индоевропейских народов³⁵. Хотелось лишь указать на вопросы, связанные с изучением культуры переходного периода от энеолита к эпохе бронзы на Северном Кавказе, и одновременно уточнить отношение местной культуры к культурам более далеких районов Восточной и Центральной Европы.

Исходя из всего этого, можно прийти к выводу, что мог. № 4 у станицы Николаевской и аналогичные с ней находки представляют интересную группу памятников второй четверти или середины II тысячелетия до н. э.³⁶. Дальнейшее их изучение может помочь решению вопроса о происхождении местной культуры Северного Кавказа в эпоху развитой бронзы.

³³ В. И. Маркович. Ук. соч., стр. 125, 126.

³⁴ Aarne Aunra. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII, Helsinki, 1933, стр. 52, 53.

³⁵ M. Gimbutas. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Le Hague, 1963, стр. 21—23 и стр. 453—484.

³⁶ В. И. Маркович. Ук. соч., стр. 84; А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 144—147.

SEPULTURE DE L'AGE DU BRONZE MOYEN EN OSSETIE
DU NORD

R é s u m é

L'article contient la publication d'une sépulture intéressante de l'Age du Bronze disséquée par l'auteur en 1961 dans la région de la stanitsa Nikolaévskaja en Ossétie du Nord.

Lors des fouilles du dromos d'une catacombe d'Alain du début du Moyen âge on a découvert une fosse du temps antérieur. Une ossature féminine repliée était couchée sur le flanc gauche, la tête au Sud-Est.

Le mobilier funéraire était composé de boucles d'oreille en fil d'argent, de collier en grains et en pistils de bronze, de deux plaques semi-sphériques en bronze (ornement desseins), d'épingle en bronze et de trois poteries à l'ornement cordé.

D'après un nombre d'analogies la sépulture est datée de la première moitié du IIe millénaire avant notre ère. Elle appartient au premier étape de la civilisation archéologique de Caucase du Nord.

Э. А. БАЛАГУРИ

ФЕЛЬШЕСЕВЧ-СТАНОВСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ВЕРХНЕМ ПОТИССЬЕ

Природно-географические условия Закарпатья и его выгодное расположение между Центральной и Восточной Европой сыграли положительную роль в заселении и развитии края с древних времен. Уже в бронзовом веке не только низменные, но и предгорные районы были заселены. Об этом свидетельствуют многочисленные поселения, могильники и клады бронзовых изделий. Их исследование было начато во второй половине XIX в. археологами-любителями Т. Легоцким¹ и И. Михаликом².

Особенно плодотворную деятельность развернул Т. Легоцкий, по инициативе которого был организован археологический музей в г. Мукачево, бывший одним из самых богатых во времена Австро-Венгерской монархии. Он собрал свыше 50 бронзовых кладов, многочисленные бронзовые и золотые изделия и составил список местонахождений памятников эпохи бронзы. И. Михалик в 1896 г. впервые в Закарпатье приступил к стационарным раскопкам поселений эпохи бронзы в Виноградовском районе. Археологическая документация этих работ не сохранилась, остались только материалы раскопок³.

В 20—30-х гг. XX в. изучением памятников эпохи бронзы занимались археологи Ф. Лессек, братья Затлукали и И. Янкович. Их исследования в большей мере имели разведывательный характер, а полученные результаты опубликованы в работах, которые имели главным образом популяризаторскую цель⁴.

В 1943 г. вышла монография Петра Сова «Древности Ужгорода», в которой автор в специальном разделе характеризует памятники эпохи бронзы, открытые на территории Ужгорода и в его окрестностях⁵. Как и предыдущие археологи, автор собрал только подъемный материал. Таким образом, существенным недостатком археологического исследования Закарпатья в предвоенные годы было отсутствие плановых, целенаправленных раскопок, а также недостаточно точная фиксация материалов и отсутствие подробной полевой документации. В результате ни один из периодов или культур эпохи бронзы не был в достаточной степени освещен.

Только за последние годы в Закарпатье археологические исследования стали носить плановый и научный характер, в это дело включились специальные научные учреждения. Были организованы постоянные археологические экспедиции Ужгородского государственного университета и За-

¹ T. Lehoczky. Adatok hazánk archaologiajához. Különös tekintettel Beregszegyére es környékére. Munkács, 1882, I; 1912, II.

² J. Mihalik. Oskori emlékek Ugocsa vármegyében. AÉ, 1891.

³ ЗКМ, ф. А-227.

⁴ Ф. Лессек. Правик Подкарпатской Руси. Ужгород, 1932; И. Янкович. Подкарпатская Русь в преистории. Мукачево, 1931; J. Zatlukal es E. Zatlukal, Adatok Podkarpátszka Rusz praehistoriajához. Munkács, 1937.

⁵ P. S z o v a. Ungvár öskora. Ungvár, 1943.

карпатского краеведческого музея. Заслуга этих экспедиций состоит не только в том, что они сумели издать новые материалы эпохи бронзы, но сделали достоянием широкой научной общественности не изученные ранее фонды областного музея.

К таким работам следует отнести монографию К. В. Берняковича⁶, в которой рассматриваются все клады бронзовых изделий, обнаруженные на территории Закарпатья с 1867 по 1956 г. Он определил их хронологию, территорию распространения, место происхождения и исторические причины их захоронения. Другой важной работой, рассматривающей памятники эпохи бронзы и раннего железа, является монография Ф. М. Потушняка⁷ источниковедческого характера. В ней дается описание исследованных автором поселений, могильников, а также кладов бронзовых изделий, относящихся к среднему и позднему периодам эпохи бронзы.

В последние годы напечатан ряд статей, где рассматриваются новые клады бронзовых изделий⁸ или делаются попытки исторического описания жизни племен Закарпатья в бронзовом веке⁹. Несмотря на некоторые сдвиги в исследовании памятников эпохи бронзы Закарпатья, до настоящего времени еще белым пятном остаются памятники, относящиеся к раннему периоду бронзы. Более известны те, которые относятся к среднему, вернее, к позднему периоду бронзового века, входящие в круг группы Фельшесевч.

В Закарпатье впервые на эти памятники обратили внимание в 30—40-х гг. братья Затлукали и И. Янкович. Они собрали довольно богатую коллекцию материалов и составили список мест их нахождения. Братьями Затлукали были исследованы могильники в с. Станово и Хомцы. По материалу эти могильники были причислены к кругу памятников Фельшесевч (Суциул де Сус), известных в Северной Трансильвании и в северо-восточной Венгрии, а также в восточной части Словакии¹⁰. В послевоенные годы о памятниках группы Фельшесевч впервые сделал сообщение Нандор Калиц¹¹. Он объединил памятники фельшесевчского типа с памятниками становского типа Закарпатья в одну группу и применил для них название фельшесевч-становские¹².

В Закарпатье в послевоенные годы эти памятники исследовал Ф. Н. Потушняк. Он провел раскопки на поселениях в с. Клиново, Дяково, Лохово, Клячаново, Чопивцы, в г. Берегово, а также на могильниках в с. Хомцы, Лохово и Чопивцы¹³. С 1965 г. ведутся раскопки поселений в с. Медведевцы Мукачевского района и Дяково Виноградовского района.

В настоящее время на территории Закарпатья известно до 20 памятников типа фельшесевч-станово. Поселения сооружались на небольших возвышенностях недалеко от водных источников, а также среди болот, где остатки отдельных хозяйственно-жилых объектов образуют невысокие холмы с многочисленными культурными отложениями толщиной 0,8—1 м. Это поселения открытого типа. Но само собой понятно, что выбор места среди болот и на небольших возвышенностях преследовал цели поисков естественных укреплений.

⁶ K. B e r n j a k o v i č. Bronzezeitliche, Horftunde vom rechten Ufergebiet des Oberen Theisstales, SA, VIII, 2, 1960.

⁷ Ф. П о т у ш н я к. Археологічні знахідки бронзового та залізного віку на Закарпатті. Ужгород, 1958.

⁸ С. И. П е н я к, А. Д. Ш а б а л и н. Олешниковские клады бронзовых изделий. СА, 1964; 2; С. И. П е н я к. Знахідка прикрас епохи пізньої бронзи. «Археологія», Київ, 1966.

⁹ Н. Н. К у ч и н к о. Археологические памятники бронзового века Закарпатья. Тезисы докладов к XII Всесоюзной археологической студенческой конференции. Ужгород, 1966.

¹⁰ Pravěk východného Slovenska. Košice, 1966, стр. 113.

¹¹ N. K a l i c z. A késő bronzkori felsőszöcsői csoport leletei és kronológiai helyzete. АЕ, 1, 1960.

¹² Там же, стр. 3.

¹³ Ф. П о т у ш н я к. Ук. соч.

Что касается жилищ, то, по данным раскопок поселений в Дякове, Дедове, Чепе¹⁴ и Медведевцах¹⁵, можно говорить о двух типах: наземные и полуземлянки размерами 22—50 м². Внутри этих жилищ находились глинобитные печи четырехугольной формы, размером 1,8×1,8 м, или очажные ямы, обычно круглые, в плане диаметром 1—2 м. На поселении в с. Дяково и Чопивцы возле очага находились хозяйственная и мусорная ямы¹⁶. На поселении в с. Дяково в местности «Кишерде» в одном из жилищ рядом с очагом стояли четыре глиняных конуса высотой 23 см, образовавшие квадрат 20×20 см¹⁷. Трудно судить об их назначении. По-видимому, они могли быть подставками для плиты, служившей столом. В жилых сооружениях, главным образом возле очага, находились обломки мисок, баночных горшков, кружек и ваз. Встречались каменные топоры, терочники, зернотерки, наконечники стрел, костяные проколки, шилья, а также в редких случаях бронзовые изделия. К такому редкому случаю следует отнести клад бронзовых изделий, обнаруженный на поселении в с. Медведевцы, и бронзовые браслеты (поселение в с. Дяково). На последнем в 1967 г. была найдена формочка из песчаника для литья иглол. Бронзовые предметы (28 штук) медведевского клада хранились в глиняном толстостенном сосуде с высоким цилиндрическим горлом, отогнутым наружу краем и сильно раздутым туловом. Он напоминает сосуд из могильника позднебронзового века у с. Чорва¹⁸ (рис. 1, 3).

Клад состоял из двух обломков оригинальных псалиев (рис. 2, 16, 17), шести массивных, круглых в сечении браслетов открытого типа (рис. 3, 14), разных подвесков (рис. 2, 18), пряжки, узкой ленты, обломков пояса (рис. 3, 25) и диадемы. Следует отметить, что все эти вещи или поломаны или вышедшие из употребления. Очевидно, они были собраны для переплавки. Мы не имеем прямых данных, указывающих на существование на медведевском поселении производственных объектов, связанных с литейным делом, но, учитывая найденные при раскопках куски литейного плака, можно предполагать, что в будущем они будут обнаружены. Таким образом, исходя из содержания кладов и принимая во внимание находки литейных шлаков, можно предполагать, что в районе современного села Медведевцы в конце эпохи бронзы и в начале железного века обитало население, которое занималось переплавкой и литьем бронзовых изделий. Не исключено, что и жители дяковского поселения могли заниматься бронзолитейным делом. Об этом свидетельствует формочка для литья иглол.

В 50-х годах Ф. М. Потушняком были проведены разведывательные раскопки поселения эпохи поздней бронзы, расположенного на северо-западной окраине г. Берегово в местности «Хомокфельд». Здесь был открыт колодец глубиной 7 м с деревянными кольцами, выдолбленными из дубового пня. А на дне колодца стояли пять целых горшков с двумя ушками под краем (рис. 4, 12). Рядом с ними находилась богато орнаментированная ваза, аналогичная фельшесевским¹⁹.

В 1966 г. Закарпатская археологическая экспедиция провела разведку на уцелевшем участке поселения и обнаружила на высоком берегу ручья два искусственно образовавшихся холма площадью 40—50 м². На поверхности их в большом количестве находятся обломки керамики, куски обмазки и печины. Эти тельвидные холмы, как и на дяковском поселении,

¹⁴ Ф. Потушняк. Ук. соч., стр. 28.

¹⁵ Э. Балагури. Результаты раскопок поселения конца эпохи бронзы и раннего железа возле с. Медведевцы (1964—1966 гг.). A Móra Ferenc muzeum évkönyve 1966—1967. Szeged, II, стр. 83.

¹⁶ Ф. Потушняк. Ук. соч., стр. 52; Материалы раскопок, 1967.

¹⁷ Ф. Потушняк. Ук. соч., стр. 18.

¹⁸ O. Trogmauer. Beiträge zur Spätbronzezeit des Südlichen Teils der Ungarischen Tiefebene. AАН, XV, 1963, VIII, 8.

¹⁹ Ф. М. Потушняк. Ук. соч., стр. 86—89.

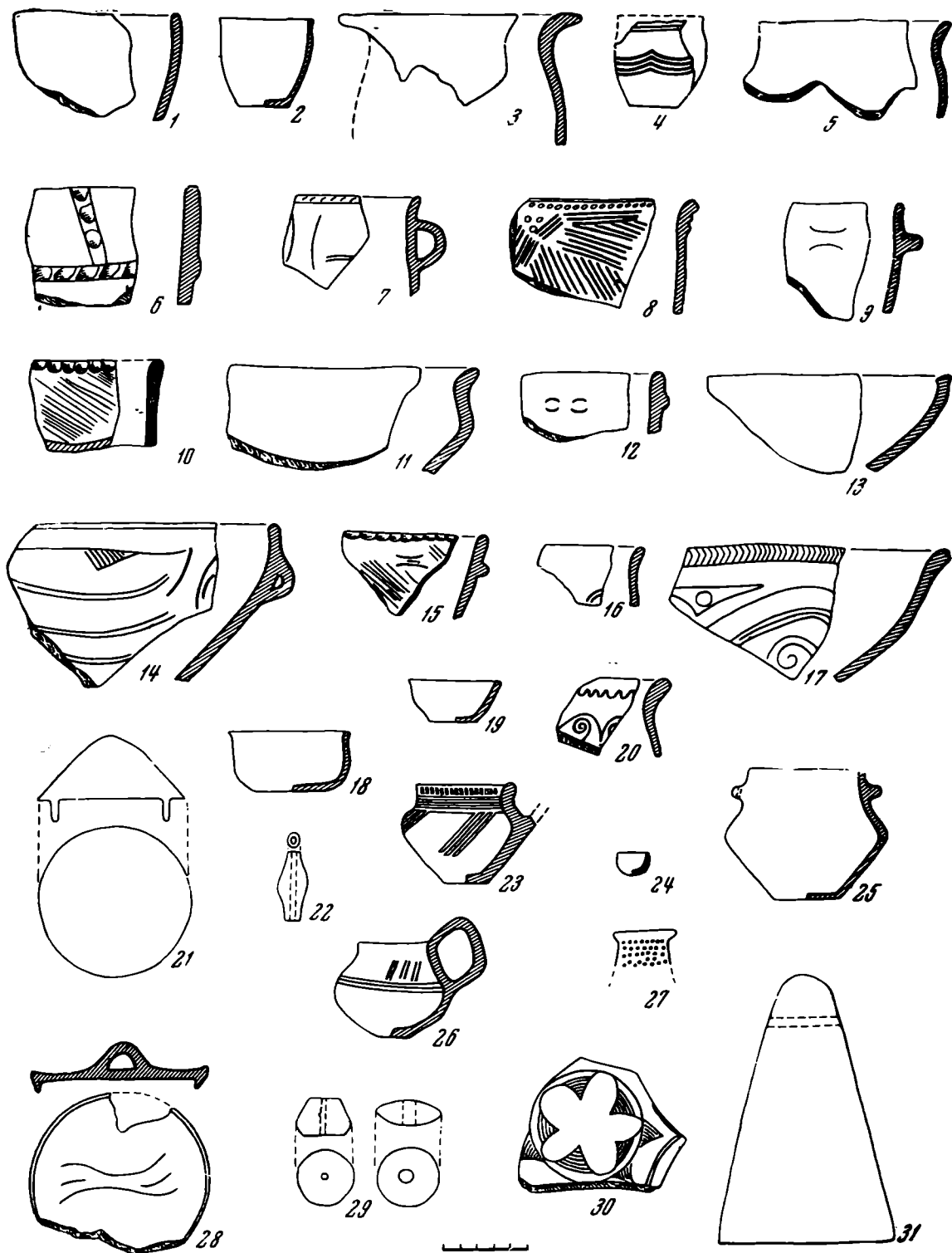

Рис. 1. Керамика из поселений фельшесевч-становской культуры

были местом жилища. Керамический материал на них характерен для памятников фельшесевчского круга.

Более исследованы могильники фельшесевч-становского типа. Они известны из раскопок в с. Фельшесевч (Суциул де Сус) в Северной Трансильвании²⁰, Станово²¹, Хомцы, Лохово и Чопивцы Закарпатской области²². Топография их не везде выдержана. В одних случаях могильник находится на невысоком возвышении (Чопивцы, Лохово), а в других — на ровном месте (Станово, Хомцы).

²⁰ M. Roska. A kimetszett diszu agyagmuveesség Erdélyben. Debrecen, 1940. стр. 21—22.

²¹ J. Zatlukál es E. Zatlukál. Ук. соч., стр. 66—73.

²² Ф. Потушняк. Ук. соч.

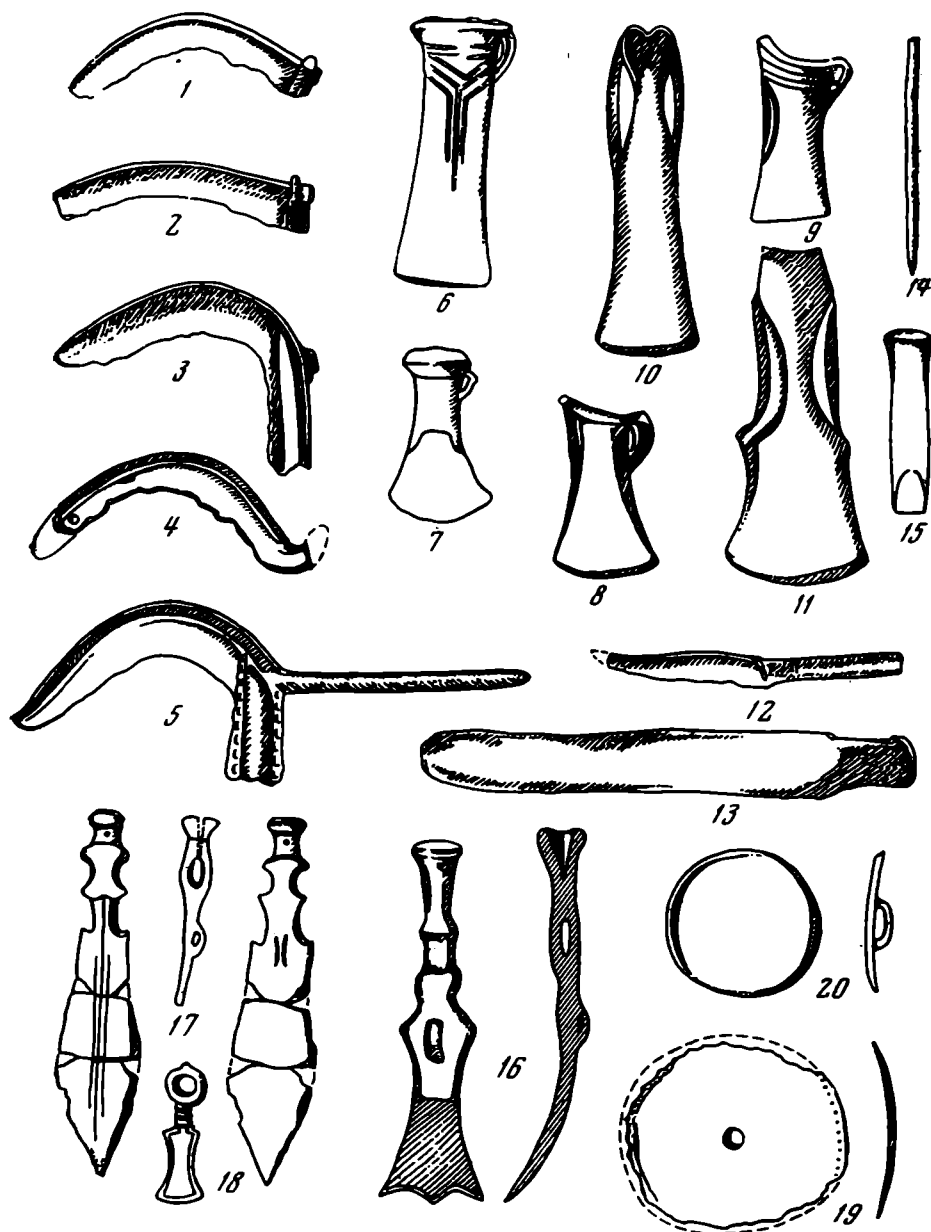

Рис. 2. Образцы бронзовых изделий, встречаемых в памятниках эпохи поздней бронзы и раннежелезного времени Закарпаття

Полностью в Закарпатье исследован могильник Становский. Здесь было обнаружено 20 трупосожжений в урнах, залежавших на глубине 40—50 см, не имея никаких признаков на поверхности. В расположении захоронений системы не наблюдалось. Расстояние между ними 20—40 см. Обращает на себя внимание некоторое своеобразие в деталях погребального обряда: после установления урны с прахом покойника и ритуальных сосудов ямку засыпали тонким слоем земли (10 см), а контуры захоронения обозначали галькой. После этого яму окончательно засыпали. Такие детали были зафиксированы во всех 20 захоронениях в Станове, а также в могильнике в Хомцах²³.

Кроме трупосожжений в урнах, встречаются остатки трупосожжений без урн. Так, на могильнике в районе с. Лохово в местности «Шкоробаки» под курганной насыпью высотой до 2 м, диаметром 20 м были обнаружены следы кремаций на месте. Останки сожженных костей покойников ссыпали в ямку, расположенную в центре²⁴. Подобный способ захоронения обнаружен в курганном могильнике в Ниркарас-Дюлохазе²⁵.

²³ J. Zatlukál és E. Zatlukal. Ук. соч., стр. 68 сл.

²⁴ Ф. Потушняк. Ук. соч., стр. 75—76.

²⁵ A. Mozsolics. Der Tumulus von Nyirkarász-Gyulahaza. ААН, XII, 1960.

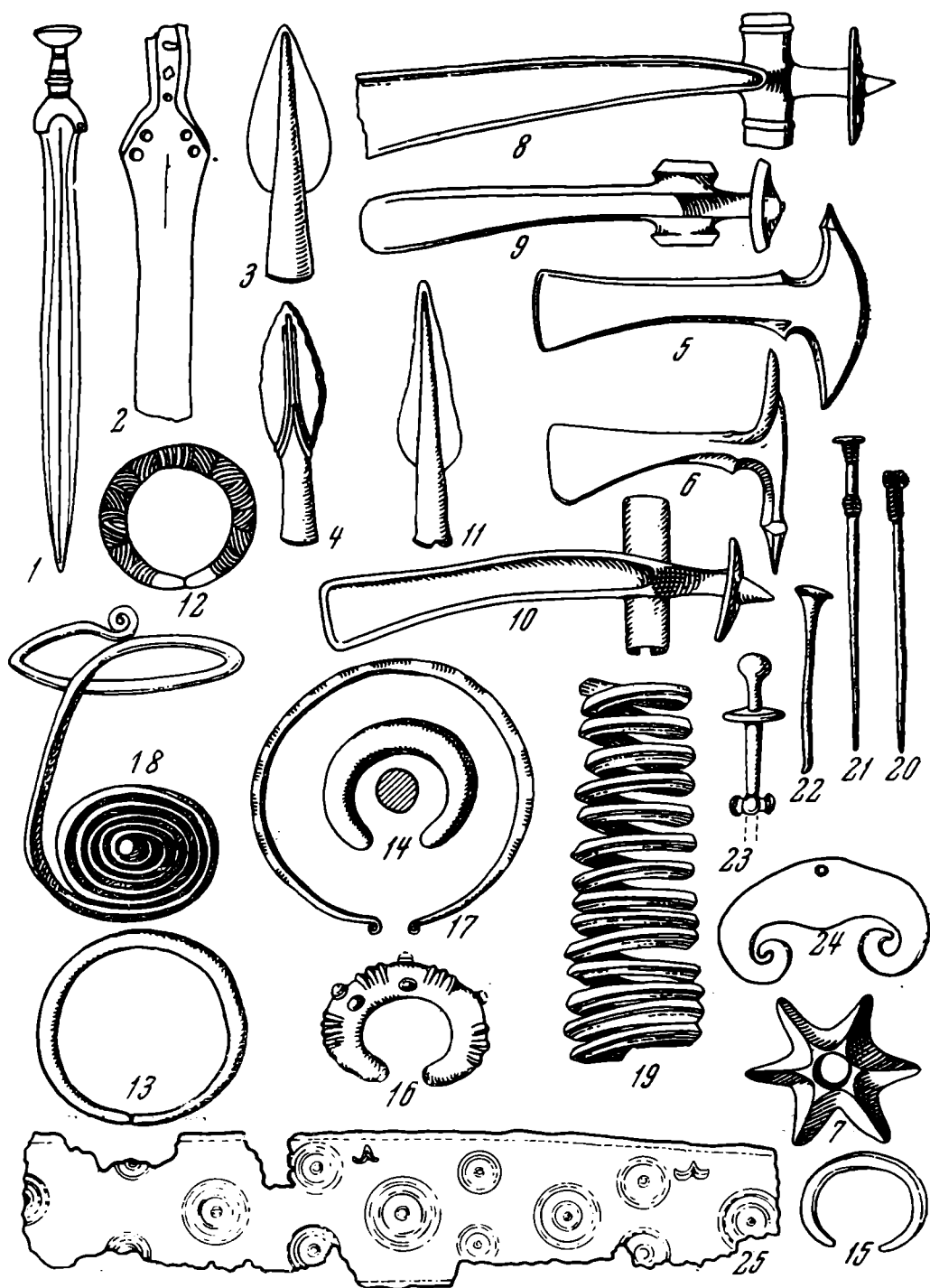

Рис. 3. Образцы бронзовых изделий, встречаемых в памятниках эпохи поздней бронзы и раннежелезного времени Закарпатья

Аналогичный обряд погребений засвидетельствовал М. Рошко на курганном могильнике в Северной Трансильвании²⁶. Не исключено, что сооружение кургана над прахом покойника при соблюдении упомянутого обычая является фактором инородного элемента (влияние курганной культуры), хотя сам погребальный инвентарь имеет еще местный характер. Обычно для носителей фельшесевч-становской культуры характерны грунтовые погребения с трупосожжением в урнах или в ямках. Их ритуальный инвентарь довольно беден, он состоял из двух-трех иногда пышно орнаментированных ваз, черпаков и мисок, а также конусов, пряслиц и бус. Металлические изделия в погребениях очень редки. В Закарпатье

²⁶ M. Roska. Erdély régészeti repertoriuma. Kolozsvár, 1942. сmp. 90—91.

Рис. 4. Образцы керамики из памятников фельшесевч-становской культуры

только из Чомонивского могильника происходит гроздевидная булавка (рис. 3, 21) и фрагмент ножика с плоской рукояткой²⁷.

Материальная культура фельшесевч-становских памятников (Медведевцы, Дяково, Берегово, Станово, Хомцы и др.) Закарпатья однородна. Она состоит из керамических, каменных и бронзовых изделий. Посуда изготовлена от руки, она представлена горшками, биконическими вазами, мисками, дуршлагами, миниатюрными чашками. К кухонной керамике относятся горшки довольно низкого качества, они обычно толстостенные, баночной формы. В отдельных случаях на внешней стороне нанесены нацесы травой (рис. 1, 8, 10, 15), напоминающие керамику Тосег и Оттоманьского круга²⁸. Из поселений Медведевцы, Дяково и Чепя происходят банковидные горшки, которые имеют на шейке наклепной валик или валик с защипами (рис. 1, 5). У некоторых отсутствуют валики (рис. 1, 2, 5). На их месте находятся две-три ручки-упоры (рис. 1, 9, 12, 15). Этот вариант посуды более характерен для памятников раннегальштатского времени²⁹.

Столовую посуду в фельшесевчских памятниках представляют черпаки (рис. 2, 1—8) с биконическим туловом, цилиндрической шейкой и слабо отогнутым венчиком, ручка петельчатая, приподнятая над краем. Обычно эта посуда орнаментирована рельефными узорами из гирлянд, спираль-

²⁷ ЗКМ, Ф. А-220.

²⁸ Dorin Popescu. Einige Bemerkungen zur Bronzezeit Siebenbürgen. ААН, 7, 1956, стр. 302.

²⁹ Г. И. Смирнов. Гальштатские городища в Закарпатье. SA, XIV, 2, 1966, стр. 403, рис. 6, 1, 3, 4, 7, 8; К. В. Бернякович. Исследования поселений эпохи раннего железа в Ужгороде. Науч. зап. Ужгородск. гос. ун-та, XIII. Ужгород, 1955, табл. 1, 2, 4.

ных линий, свисающих треугольников, вертикальных и косых насечек (рис. 4, 3, 5—8). Некоторые сосуды на тулове имеют небольшие выпуклости, обведенные спиралью или концентрическими кругами (рис. 4, 3). Иногда эти углубленные линии заполнены белой пастой.

Встречаются сосуды с высокой цилиндрической шейкой и профилированным дном (рис. 4, 4). Они напоминают сосуды эдьекской культуры. Среди фельшесевч-становской посуды выделяются вазы с профилированным дном, биконическим туловом, чаще всего с высокой цилиндрической шейкой и отогнутым венчиком. Иногда на шейке имеются небольшие ушки. Поверхность их слабо лощеная, орнаментированная (рис. 4, 13). Незначительный процент составляют сосуды грушевидной формы с профилированным дном, широким биконическим туловом, шейка цилиндрическая с отогнутым или ровно срезанным краем. Под шейкой или ниже, на максимальной ширине тулова, имеются небольшие сосковидные выпуклости. Эти сосуды слабо лощеные, черного или темно-серого цвета, некоторые орнаментированы вертикальными каннелюрами (рис. 4, 16). Подобная керамика известна в барцкой группе Пилиньской культуры³⁰.

Отдельную группу столовой посуды составляют миски трех вариантов: 1) конические, с вогнутым краем, под которым иногда помещено ушко (рис. 4, 16); 2) аналогичные первым по форме, но с загнутым внутрь краем (рис. 1, 14); 3) биконические, с отогнутым венчиком (рис. 1, 11). Поверхность их серого и черного лощения.

К керамическим изделиям относятся покрывки дисковидные и грибовидные с ручкой (рис. 1, 21, 28), биконические пряслица (рис. 1, 29), бусы (рис. 1, 22) и ткацкие конусы с горизонтальным отверстием (рис. 1, 31).

Орнаментальная композиция керамики фельшесевч-становской культуры состоит из следующих вариантов: 1) глубоко углубленные многорядные спиральные линии, напоминающие извивающуюся змею; 2) волнистые и параллельные линии, дополненные свисающими треугольниками; 3) конические выпуклости, обведенные концентрическими кругами, каннелюрами, спиралью; 4) насечки и елочные узоры, нанесенные штампом. На некоторых сосудах углубленные узоры заполнены белой пастой.

По поводу развития и постепенного упрощения вплоть до исчезновения орнаментации у фельшесевч-становской керамики очень интересную мысль высказал венгерский исследователь Нандор Калиц. Он считает, что богатая орнаментация, характерная для ранней фазы развития этой культуры, является продолжением традиций культур Витенберг и частично Отомань, а в поздней фазе эта пышная орнаментация постепенно исчезает³¹. Нам кажется, что такое предположение Нандора Калица, исходя из материалов раскопок поселения в с. Медведевцы, является довольно убедительным. Здесь керамика уже менее орнаментирована, более простая.

К этой группе посуды относятся сосуды, имеющие раннегалыштатский облик (банковидные горшки с ручками-упорами, чернолощенные миски с каннелюрами).

Кроме керамических изделий, к этой культуре относятся каменные, хорошо шлифованные топоры, зернотерки, теречники и кремневые наконечники стрел. Развито было и бронзолитейное дело; но на современном уровне изученности мы еще не можем составить полный список бронзовых предметов, находившихся в пользовании носителей этой культуры. Однако нам известны многие бронзовые предметы, происходящие из поселений и могильников. А если к ним присоединить целый ряд синхронных кладов (Подгоряны, Колодное, Древник, Ниркарас-Дюлогаза, Беркес, Медведевцы, Опаль), найденных на территории распространения фельше-

³⁰ T. Kemenczei. A pilinyi kultúra tagolása. AE, 1, 1965, рис. 1, 13, 16, 17.

³¹ N. Kalicz. Ук. соч., стр. 12.

сөвч-становских памятников, то мы получим довольно полный перечень изделий бронзового производства Верхнетисского бассейна³².

Таким образом, в число предметов входят орудия труда, оружие и украшения. Первый вид довольно многочисленный, к нему относятся серпы, молоты, долота, тесла, шилья и крючки. Серпы представлены тремя типами: 1) серп с кнопкой в основании (рис. 2, 1); 2) серп с крючком (рис. 2, 4); 3) серп с ручкой и выступом у основания (рис. 2, 3). К первому типу можно отнести серпы, у которых лезвие слегка согнуто в конце клиновидного острия (рис. 2, 2). Они происходят из Боржавского и Подмостырского кладов³³. Подобные серпы известны в памятниках культуры Ноа Среднего Поднестровья³⁴. Хронологический диапазон упомянутых серпов довольно широкий, начиная с конца среднего периода бронзы и кончая ранним гальштатом.

Многочисленную группу орудий труда составляют кельты, которые встречены в 57 кладах и в 29 случаях составляют отдельные находки. Их можно разделить на такие типы: 1) кельты с ушком и дугообразным краем втулки (рис. 2, 8, 9); 2) кельты с утолщенной гранью снаружи и орнаментом (рис. 2, 6, 7). Они были широко распространены в Карпато-Дунайском бассейне в последней четверти II и начале I тысячелетия до н. э.

Своеобразную группу кельтов составляют так называемые крылатые, найденные в кладах у с. Змеевка, Маля Добронь, Чопивка, Чорный Поток и в других местах (рис. 2, 10, 11). Эти кельты известны в памятниках средней бронзы, но продолжают существовать до начала эпохи железа³⁵.

Не менее важными изделиями бронзовой металлургии Верхнего Потисся являются принадлежности конской сбруи. Весьма оригинальными следует считать псалии двух типов. Первый, слегка согнутый, с одного конца имеет кольцевидную головку и овальные отверстия для ремней, его плоская кинжаловидная часть заканчивается острием (рис. 2, 17). Второй тип псалий аналогичен по конструкции первому, с той лишь разницей, что нижняя часть его веслообразная, заканчивается вырезом, напоминающим гусиную лапу (рис. 2, 16). Эти типы псалий очень редки. Например, для первого типа, происходящего из Медведевского клада, мы не нашли аналогий. Второй тип из этого же клада более распространен, он известен в составе клада Бегань в Закарпатской области³⁶, а также в находках Русу Уноара и Попешти в Трансильвании³⁷. По мнению Мирча Русу, подобные псалии бытовали в Трансильвании начиная от заключительной фазы бронзового века до начала второго этапа раннегальштатского времени (ВД — НА₂).

К предметам конской сбруи относятся плоские, прямоугольные, слегка суженные посередине подвески с кольцевидной головкой, дисковидные бляшки (рис. 2, 19) и кнопки (рис. 2, 20). Все они широко известны в памятниках поздней бронзы и раннего железа Центральной Европы.

Многочисленен ассортимент разнообразного бронзового орудия, который состоит из мечей, боевых чеканов-молотов, булав, наконечников копий и кинжалов. В большом количестве в Закарпатье встречаются чеканомолоты. Они представлены двумя типами. У первого обух массивный,

³² К. Вернјаковић. Ук. соч., стр. 343—363; А. Kisvárdai vár története. Kisvárdai, 1961, стр. 77—83.

³³ К. Вернјаковић. Ук. соч., стр. 329.

³⁴ Е. А. Балагурі. Поширення бронзових виробів Трансільвансько-Закарпатських і Причорноморських центрів металургії в пам'ятниках пізньобронзової доби Середнього Подністров'я. Тези доповідей та повідомлення УЖДУ, сер. істор. Ужгород, 1966, стр. 107.

³⁵ К. Вернјаковић. Ук. соч., стр. 332.

³⁶ Там же, стр. 336, табл. VI, 4.

³⁷ Мирча Русу. «Докиммерийские» детали конской сбруи из Трансильвании. Dacia, IV, 1960, стр. 176.

полулунный, ударная часть постепенно расширяется к лезвию (рис. 3, 5, 6). Этот тип известен в памятниках средней бронзы и продолжает существовать до раннегалльштатского времени.

Чекано-молот второго типа имеет характерный конусообразный обух на шейке, его узкая ударная часть постепенно расширяется к лезвию (рис. 3, 8, 9, 10). Этот тип имеет свои разновидности. Он является продуктом производства коссидерского металлургического центра эпохи средней бронзы, но массового распространения достиг в позднебронзовом веке в Северной Трансильвании и Верхнетисском бассейне³⁸.

Самую богатую группу бронзовых изделий в Закарпатье составляют украшения. Доминирующее положение занимают в ней браслеты открытого и закрытого типов. Значительная часть их орнаментирована геометрическими узорами и вертикальными или косыми насечками (рис. 3, 12). К украшениям можно отнести спирали (рис. 3, 19), наручные свертки, заканчивающиеся спиралью, очковидные подвески, дисковидные рукозащитные спирали (рис. 3, 18) и пр. Их происхождение связано с коссидерским кругом, но свое распространение они получили в позднебронзовом веке в результате развития Верхнетисского металлургического центра.

Видное место среди украшений занимают булавки, которые, по определению К. Берняковича, можно отнести к 12 разным типам³⁹. Среди них заслуживают внимания булавки с утолщением или выступом на тулове. Они происходят из кремационного могильника Ниркарас-Дюлохаза⁴⁰, погребения с трупосожжением с Чомони⁴¹, а также из Обавского клада⁴². Эти булавки широко известны в Трансильвании, Припрутской Румынии и Среднем Поднестровье в памятниках культуры Ноа, датированных XIII—XII вв. до н. э.⁴³.

Из Верхнетисского очага металлургии происходят еще следующие украшения: кольца, гривны, наручники, пронизи, спиральные и полулунные подвески⁴⁴. Весьма ценными украшениями являются пышно орнаментированные диадемы и пояса. В этом отношении заслуживают внимания пояс и диадема из Медведевского клада. Они по композиционному сюжету не имеют аналогий в Карпатском бассейне, но если сопоставить их с фельшесевч-становской керамикой, то сразу заметна олизость их орнаментации. Бронзовые пояса в Закарпатье известны в 11 кладах, отнесенных к концу II тысячелетия до н. э.⁴⁵

В кладах Закарпатье вместе с готовыми или вышедшими из употребления предметами встречаются полуфабрикаты, а также слитки бронзы дискообразной или овальной формы⁴⁶.

Кроме бронзовых изделий довольно широкое распространение получили золотые украшения. Они или составляли часть кладов, или являлись отдельной находкой. На территории Закарпатье найден 31 золотой предмет (миниатюрные браслеты, серьги, бусины, кольца и пр.). К. Бернякович относит их к концу II и началу I тысячелетия до н. э.⁴⁷

Подводя итоги анализа бронзовых изделий, следует рассмотреть место их производства и ареал их распространения. Безусловно, значительная часть бронзовых предметов не является местной продукцией. Они поступили к носителям фельшесевч-становской культуры посредством обмена

³⁸ A. Mozsolics. Bronzefunde des Korpatenbeckens. Budapest, 1967, стр. 33—49.

³⁹ K. Bernjakovič. Ук. соч., стр. 342, 343.

⁴⁰ A. Mozsolics. Der Tumulus von Nyirkárasz — Dyluháza. ААН, XII, 1960, стр. 123.

⁴¹ ЗКМ, ф. А-220/1.

⁴² K. Bernjakovič. Ук. соч. табл. XIV, 6.

⁴³ А. И. Тереножкин. Основы хронологии Предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 68—69.

⁴⁴ K. Bernjakovič. Ук. соч., стр. 342—344.

⁴⁵ Там же, стр. 343.

⁴⁶ Там же, стр. 345.

⁴⁷ Там же.

или изготовлялись по образцам, которые были заимствованы из трансильванских и коссидер-барцких бронзопроизводственных центров Тиссо-Дунайского бассейна (спиральные наручники, кельты трансильванского типа, булавки с утолщением на тулове, серьги, крылатые кельты, чекано-молоты, мечи и пр.). Время их существования определяется концом средней эпохи бронзы вплоть до раннего железа.

Некоторые бронзовые предметы могут быть приняты во внимание при определении времени фельшесевч-становской культуры. Это прежде всего те, которые занимают прочную хронологическую позицию и обнаружены совместно с теми материалами, по которым определяется специфический облик упомянутой культуры. К таким можно отнести булавки с радиальными выступами или утолщениями на тулове, кельты старшего семиградского типа, кинжалы с рукояткой, чекано-молоты, веслообразные и кинжалообразные псалии, пояса и диадемы и др.

Определить начальный этап фельшесевч-становской культуры нам помогают материалы раскопок поселений Чепя, Дяково в Закарпатской области⁴⁸, а также Реткезберенч-Парандомб в северо-восточной Венгрии⁴⁹; где вслед за отоманским культурным слоем (эпохи средней бронзы) выступают находки фельшесевч-становской культуры. Венгерский исследователь Нандор Калиц указывает на синхронность этой культуры с эдьекской. Повод к такому выводу дают материалы урновых погребений эдьекской культуры из местности Урчис и Мотаста, где среди инвентаря находились фельшесевчские черпаки, свидетельствующие о тесных контактах между носителями обеих культур⁵⁰.

Заключительный этап развития фельшесевч-становской культуры представлен материалами поселения с. Медведевцы, а также могильников Алшоберецки⁵¹ и Кличаново⁵². Здесь вместе с фельшесевчской выступает и раннегалльштатская керамика. Это говорит о том, что фельшесевч-становские памятники доживают до раннего железного века. Обращают на себя внимание материалы из могильников Беркес и Демечер⁵³, которые впитывают в себя позднефельшесевчские и некоторые инородные элементы, но еще не целиком характерны для раннего железного века⁵⁴.

Исходя из этого, Т. Кеменци приходит к заключению, что памятники типа Беркес-Демечер возникли на грани 2—3-й фаз поздне-бронзового века, когда началось продвижение носителей эдьекской культуры на север. А это обозначало конец существования фельшесевч-становской культуры⁵⁵. Исследователь придерживается мнения И. Бони о том, что в возникновении беркес-демечерских памятников сыграли большую роль восточные этнические элементы и связи. На это указывают булавки с ушками, серпы с крючком, чекано-молоты, восточные типы кинжалов и др.⁵⁶ Нет сомнения в том, что наличие товаров восточного происхождения вкладах, относящихся к группе Беркес-Демечер, является доказательством существования тесных контактов между населением. Но нам кажется, что делать из этого вывода этнического плана не следует, ибо бронзовые изделия восточного очага металлургии были широко распространенным товаром в позднебронзовом веке⁵⁷. Что касается вопроса о проникновении с востока на запад в северную часть Венгерской низменности и Нир-

⁴⁸ ЗКМ, ф. А-217, А-218.

⁴⁹ N. Kalicz. Ук. соч., стр. 12.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Ф. Потушняк. Ук. соч., стр. 77—78.

⁵³ N. Kalicz. Ук. соч., стр. 4—12.

⁵⁴ T. Kemenczei. Adatok. Eszak-Magyarország Kesöbronzkori történetéhez, АЕ, 2, 1963, стр. 182—185.

⁵⁵ Там же, стр. 183, 184.

⁵⁶ Там же, стр. 184—186.

⁵⁷ E. A. Balaguri. Поширення бронзових виробів...

шег пастушеских племен⁵⁸ или нападений на местное население группы носителей культур Комарово и Ноа⁵⁹, на основании имеющихся на сегодня материалов трудно утверждать что-нибудь определенное. Так и непонятно, о каких пастушеских племенах может идти речь, кого имели в виду И. Бона и Т. Кеменцин. Если речь идет о носителях культур Комарова и Ноа, о которых упоминает Т. Ковач, то, по существующим данным, ни первые, ни вторые были не пастушеско-скотоводческими, а оседлыми, земледельческо-скотоводческими племенами⁶⁰. Об их продвижении на запад из Прикарпатья пока что нет достоверных материалов. Наоборот, есть данные о том, что на ранней стадии фракийского гальштата из-за Карпат, возможно, из бассейна Верхней Тиссы продвигалось новое население в Прикарпатья, оставившее памятники типа переходного слоя Магалы, следовавшей за культурой Ноа⁶¹.

Исходя из всего сказанного, мы считаем, что группа памятников типа Беркес-Демечер относится к завершающей фазе фельшесевч-становской культуры, несмотря на наличие в комплексах их материалов некоторых инородных элементов. Мы присоединяемся к мнению А. Можолитч⁶², также Н. Калиц⁶³, что памятники фельшесевч-становской культуры синхронны культурам Ноа, Эдьек, Пилини и частично группе Гайду-багош, которые впоследствии сменила культура раннежелезного века — Гавою.

В заключение следует сказать о происхождении и исторических судьбах носителей фельшесевчских памятников. В свое время братья Затлукали заметили, что керамический материал становского и хомцевского могильников Закарпатья родствен памятникам круга культуры Медьясо Центральной Европы⁶⁴. Д. Попеску⁶⁵ и И. Паулик⁶⁶ связывают фельшесевчские материалы с отоманскими. Наиболее убедительным является, как нам представляется, мнение Н. Калица, указавшего на непосредственную генетическую связь фельшесевч-становских памятников с культурой Отомань и главным образом культурой Виттенберг⁶⁷. Носители фельшесевч-становских памятников продолжали традиции виттенбергцев как в погребальном обряде (трупосожжение), так и в изготовлении глиняных сосудов (черпаки, двуушные корчаги, урны) с соответствующей пышной орнаментацией. Эти племена в бассейне Верхней Тиссы не ощущали изменения, происходящего в связи с наступлением населения западной курганной культуры на восток, и поэтому могли сохранить в позднебронзовом веке некоторые традиционные черты бытового уклада прошлого. Их исторические судьбы еще не совсем ясны. Большинство исследователей считают, что носители фельшесевчской культуры заняли соответствующее место в формировании и развитии культуры фракийского гальштата Карпатского бассейна. Что касается этнической принадлежности этих племен, то, по-видимому, они относились к фракийской общности.

⁵⁸ T. Kemenszei. Adatok., стр. 184.

⁵⁹ T. Kovács. A halomsírcs Kultúra leletei az Észak-Alföldön. АЕ, 2, 1966. стр. 198, 199.

⁶⁰ А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 1961, стр. 33; Э. А. Балагури. История племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье (Культура Ноа). Автореф. канд. дис. Киев, 1964, стр. 12.

⁶¹ Г. И. Смирнова. Раннеголиградовский комплекс Магалы. КСИА, АН СССР, 105, 1965, стр. 114—118.

⁶² A. Mozsolics. Der Tumulus, стр. 123.

⁶³ N. Kalicz. Ук. соч., стр. 12.

⁶⁴ J. Zatlukál és E. Zatlukál. Ук. соч., стр. 73.

⁶⁵ D. Popescu. Ук. соч., стр. 136, 137.

⁶⁶ N. Kalicz. Ук. соч., стр. 13.

⁶⁷ N. Kalicz. Ук. соч., стр. 12, 13.

LES MONUMENTS DE LA CIVILISATION LE FELCHÉCEVTCH-STANOVO DE
L'AGE DU BRONZE TARDIF EN TISS SUPERIEUR

Résumé

Dans l'Age du Bronze tardif la partie extrême du Sud-Ouest de notre Partie était, peuplée par les tribus de la civilisation dite felchécevtch-stanovienne dont les monuments ont une grande extension dans la partie basse de la Transcarpathie, dans la vallée du Samoch-fleuve dans la Transylvanie en Nirchègue — au Nord-Est de l'Hongrie.

Les hameaux de Felchécevtch-Stanovo en gisements en plein air sont situés sur les terrains élevés parmi les marecages, sur les rives des fleuves et des ruisseaux.

Les places des habitations sont marquées par des collines (Dédovo, Bratovo, Diakovo, Bérégo et d'autres) lesquelles sont caractérisées par une grande concentration des couches d'habitation et des installations de ménages (fosses, foyers etc.)

Il y a deux types d'habitations: les cabanes mi-souterraines et les bâtiments terrestres soutenus par les carcasses à piliers.

Le rituel funéraire des porteurs de cette civilisation est étudié à la base des nécropoles (Felchécevtch, Stanovo, Khomtzy, Tchopivtzy, Berkes, Démétcher etc.).

Certaines de ces particularités sont connues, ce sont:

1. le placement de l'urne contenant la dépouille mortelle avec le mobilier rituel dans une fosse peu profonde (40—50 cm);

2. l'incinération du défunt sur place après quoi les cendres étaient mises en tas au centre d'une fosse.

Un nombre considérable de trouvailles et de trésors d'objets en bronze sont considérés comme appartenant aux monuments de Felchécevtch-Stanovo. Ces objets étaient connus dans le bassin du Tiss supérieur dans l'Age du Bronze tardif. On croit qu'ils proviennent du centre métallurgique de Tiss supérieur. Ce sont des trésors et des trouvailles de Podgoriany, Kolodnoié, Drévník, Berkes, Dulokhaso-Nircaras, Opal, Medvéditzy et d'autres).

Les destins historiques des porteurs de la civilisation de Felchécevtch — Stanovo sont liés à la civilisation postérieure de Halstants de Thrace se trouvant dans le bassin de Carpathe. En ce qui concerne leur appartenance ethnique les habitants du bassin du Tiss supérieur ont été en rapport immédiat avec la population de la Transylvanie qui a joué le rôle primordial dans la formation de la communauté ethnique de Thrace.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ, Х. МУХИТДИНОВ

АНТИЧНОЕ ГОРОДИЩЕ САКСАНОХУР
(ЮЖНЫЙ ТАДЖИКИСТАН)

На самом юге Таджикской ССР в реку Пяндж, по которой здесь проходит граница с Афганистаном, впадает р. Кызылсу. В административном отношении — это Пархарский район. Топоним «Пархар» (собственно بارغر بارغر فارغر) встречается уже в арабо-персидских источниках IX — в качестве названия одного из городов и реки в области Хутталъ¹; слово «п(ф) — архар», как доказано лингвистами, происходит из согдийского *brγ'g*, которое в свою очередь восходит к *viñāga* — названию буддийского культового сооружения². Однако лишь археологические работы позволили выяснить основные контуры исторического развития этого района. Уже в 1951 г. сектор археологии и нумизматики Института истории АН ТаджССР провел здесь археологическую рекогносцировку³. Детальная разведка памятников района была осуществлена в 1952—1953 гг., когда Б. А. Литвинский и В. А. Ранов обследовали основные памятники района — поселения и могильники⁴. Позже эта работа продолжалась различными группами Южно-Таджикистанского отряда под руководством Б. А. Литвинского, а также отрядом по изучению каменного века под руководством В. А. Ранова. С 1966 г. организуется специальная Пархарская группа Южно-Таджикистанского отряда (начальник группы — Х. Мухитдинов), которая провела сплошное обследование района с шурфовкой памятников. Древнейшие следы жизни относятся к каменному веку. На правом берегу Кызылсу раскопан могильник позднебронзовой вахшской культуры Макони-Мор и поселение эпохи поздней бронзы и раннего железа. Выявлено много античных и средневековых памятников.

Особое место среди них занимает городище Саксанохур или, как иначе его называют местные жители, Теппан Шофтолубог («Холм Персикового сада»), расположенное в 7 км севернее райцентра Пархар на землях колхоза им. Ленина, почти у подножия возвышенности Уртабоз. Городище обследовалось Х. Мухитдиновым и Л. Т. Пьянковой в 1965 г. Оно представляло собой вытянутое в широтном направлении прямоугольное, обвалованное со всех сторон поселение, со значительными всхолмлениями на внутренней площади. Общая площадь городища достигала 5 га, высота от уровня хлопковых полей, окружавших поселение, не превышала

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 1, М., 1963, стр. 118, 119; А. М. Беленицкий. Историко-географический очерк Хутталъ с древнейших времен до X в. н. э. МИА, 15, 1950, стр. 120—123; Hudūd al-'Ālam. «The Regions of the World». Oxford, 1937 (GMNS, IX), стр. 71, 119, 208, 360, 361.

² W. B. Henning. Sogdian Loan-Words in New Persian. BSOAS, X, 1, 1939, стр. 94.

³ Н. Н. Забелина. О некоторых археологических памятниках Пархарского района. ДАН ТаджССР, 3, Сталинабад, 1952, стр. 21—25.

⁴ Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Сталинабад, 1959, стр. 39, 40.

3 м. Наиболее высокая часть — северо-восточная (высотой около 6 м) — имела вид небольшого квадратного всхолмления. Зимой 1966 г. городище было сnivelировано почти до уровня окружающих полей. При этом были извлечены каменные капители и базы. По инициативе учителя истории школы имени В. В. Маяковского А. Ф. Беричева и директора школы Курбана Маджиддина эти находки были доставлены в школу. О находках было сообщено в Институт истории им. А. Дониша АН ТаджССР и в республиканский историко-краеведческий музей им. К. Бехзада.

Осмотр на месте показал, что городище полностью разрушено. Почти вся его площадь сnivelирована и вспахана. Находки архитектурных деталей были связаны с северо-восточной, самой высокой (до разрушения) частью городища.

Заложенный здесь большой раскоп выявил дворцово-храмовый комплекс. Другой раскоп, заложенный в 140 м юго-восточнее, обнаружил ремесленный квартал. Раскопки проводились в 1966—1967 гг.⁵

Ремесленный квартал. Стратиграфический шурф (3,5 × 5 м, глубина 3,2 м) на глубине 1,8 м вошел в светло-коричневый грунт (мощностью около 0,3 м). В верхней части этого слоя найден фрагментированный лепной горшковидный сосуд с раздутым туловом (рис. 1). Верхняя часть корпуса украшена спущенными вниз остроугольными и прямоугольными прочерченными треугольниками. Ниже и параллельно им двумя линиями очерчена полоса остроугольного зигзага. Поверхность треугольников и полосы зигзага заполнены вдавлениями гребенчатого штампа. По форме и отчасти орнаменту сосуд напоминает тагикские и бегазинские. Ниже, недалеко от первого, найден горшковидный сосуд, изготовленный на гончарном круге, близкий сосудам вахшской культуры (рис. 2). Возможно, что прослойка светло-коричневого грунта, где найдены сосуды, связана с остатками каких-то сооружений.

Выше были обнаружены остатки сооружений трех строительных горизонтов. Нижний (третий) имеет мощность 1,1 м. В шурф вошла часть помещения третьего горизонта со стенами из пахсы; под его полом находились две мусорные ямы. Стены помещения нижнего горизонта использовались под фундамент построек второго горизонта (они в шурфе сохранились на высоту 0,45 м). Верхний (первый горизонт) сохранился лишь в виде 10-сантиметровой зольно-органической прослойки и мусорной ямы (на дне ямы лежала бронзовая монета). Общая мощность трех горизонтов 2,5 м.

С учетом этой стратиграфии в 1966—1967 гг. производились раскопки помещений второго строительного горизонта, на площади 360 м², от которых сохранились стены на высоту до 1,2 м. Здесь раскопаны два хозяйственно-жилых комплекса. Один из них состоит из небольших хозяйственных помещений (2,4 × 1,8) с двумя-тремя вкопанными хумами в каждом и

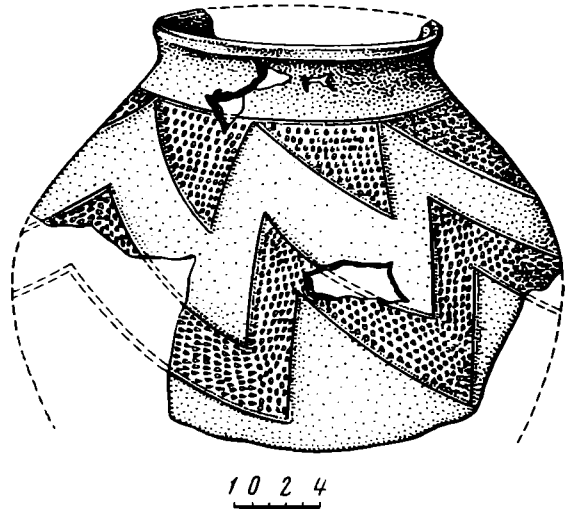

Рис. 1. Сосуд эпохи поздней бронзы

⁵ Основной состав группы: Х. Мухитдинов (начальник), научные сотрудники О. Мусаев и Л. Т. Пьянкова, ст. лаборанты В. Соловьев и Е. Денисов, архитектор Г. Беридзе, художник А. Лимин. Общее руководство осуществлял Б. А. Литвинский.

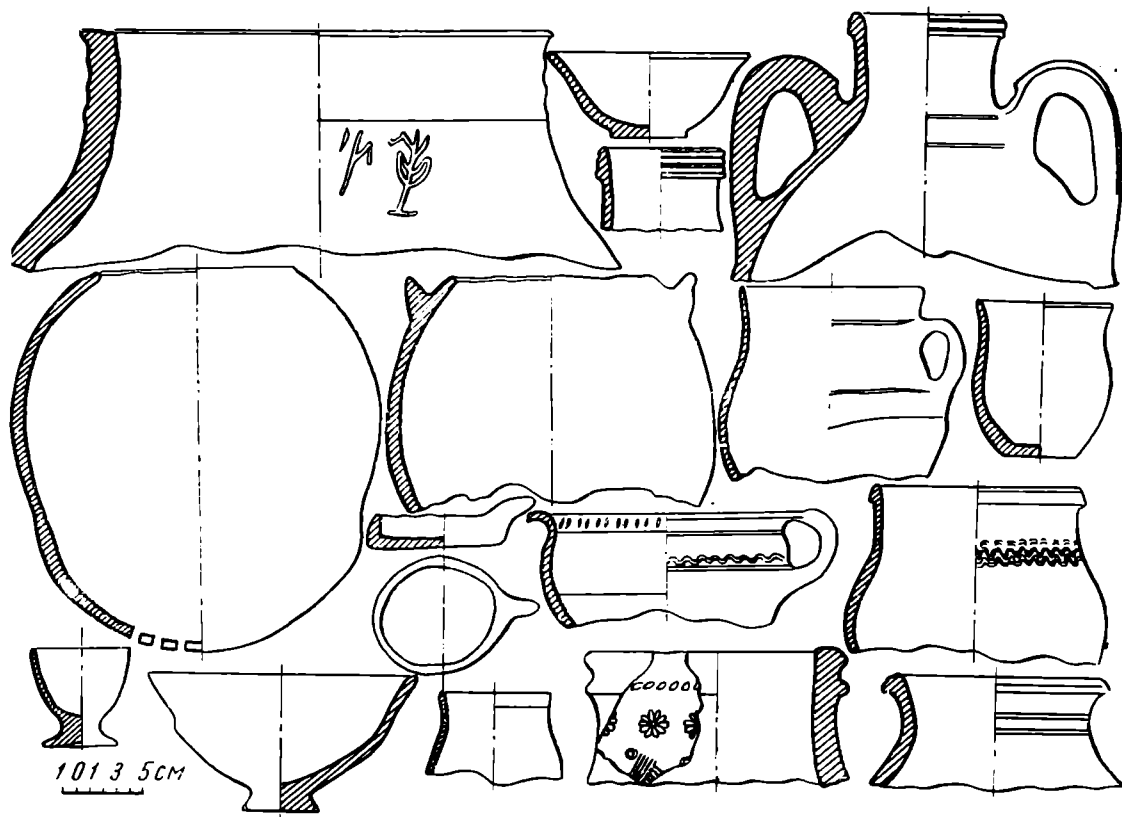

Рис. 2. Керамика из ремесленного квартала (II горизонт)

жилых, почти квадратных в плане (4×3 м). Другой комплекс второго жилого горизонта состоит из пяти соединенных между собой прямоугольных, сильно вытянутых помещений ($5,5 \times 2,5$ — $5,5 \times 4,5$ м) с проходами шириной 100—120 см. Стены (толщина 0,8—1 м) всех помещений сложены из пахсы. В углах помещений глубокие швы были заполнены галькой, фрагментами жженого кирпича и керамики. Штукатурка грубая, в тесте большая примесь самана, некоторые помещения были оштукатурены алебастром. При ремонте, при закладке проходов, а также в перекрытии отдельных помещений применялся квадратный сырцовый кирпич ($40 \times 40 \times 14$ см). У очагов были найдены целые и фрагментированные кухонные котлы и обломки каменных зернотерок. Среди находок — фрагменты ножей, кинжалов, предметы из слоновой кости, бусы, керамические и алебастровые пряслица биконической формы и др.

На площади раскопа уже в 1966 г. были открыты остатки пяти обжигательных печей прямоугольной формы с многочисленными ямами — отвалами керамического брака. Все эти печи относились к верхнему горизонту. Затем были обнаружены остатки еще четырех гончарных печей, три из которых перекрывались полами второго горизонта, а один относился к верхнему горизонту. Не только сами печи, но и их отвалы, перекрытые полом и южной стеной помещений, дали чрезвычайно обильный керамический материал. Печи этого времени имеют те же прямоугольные и округлые формы, сохранились они до уровня топочного канала. Топочные камеры сильно углублены в грунт, стены сильно ошлакованы и до половины заполнены золой. Печи как первого, так и третьего горизонта были двухъярусными, о чем свидетельствуют сохранившиеся профили их топок, кирпичи с полукруглым вырезом на одном из углов, служившие продухами, а также завал, насыщенный обломками полуобожженных кирпичей. Для дымоотводов и отверстий для доступа воздуха в верхней части топочной камеры оставлялись отверстия или же для этой цели использо-

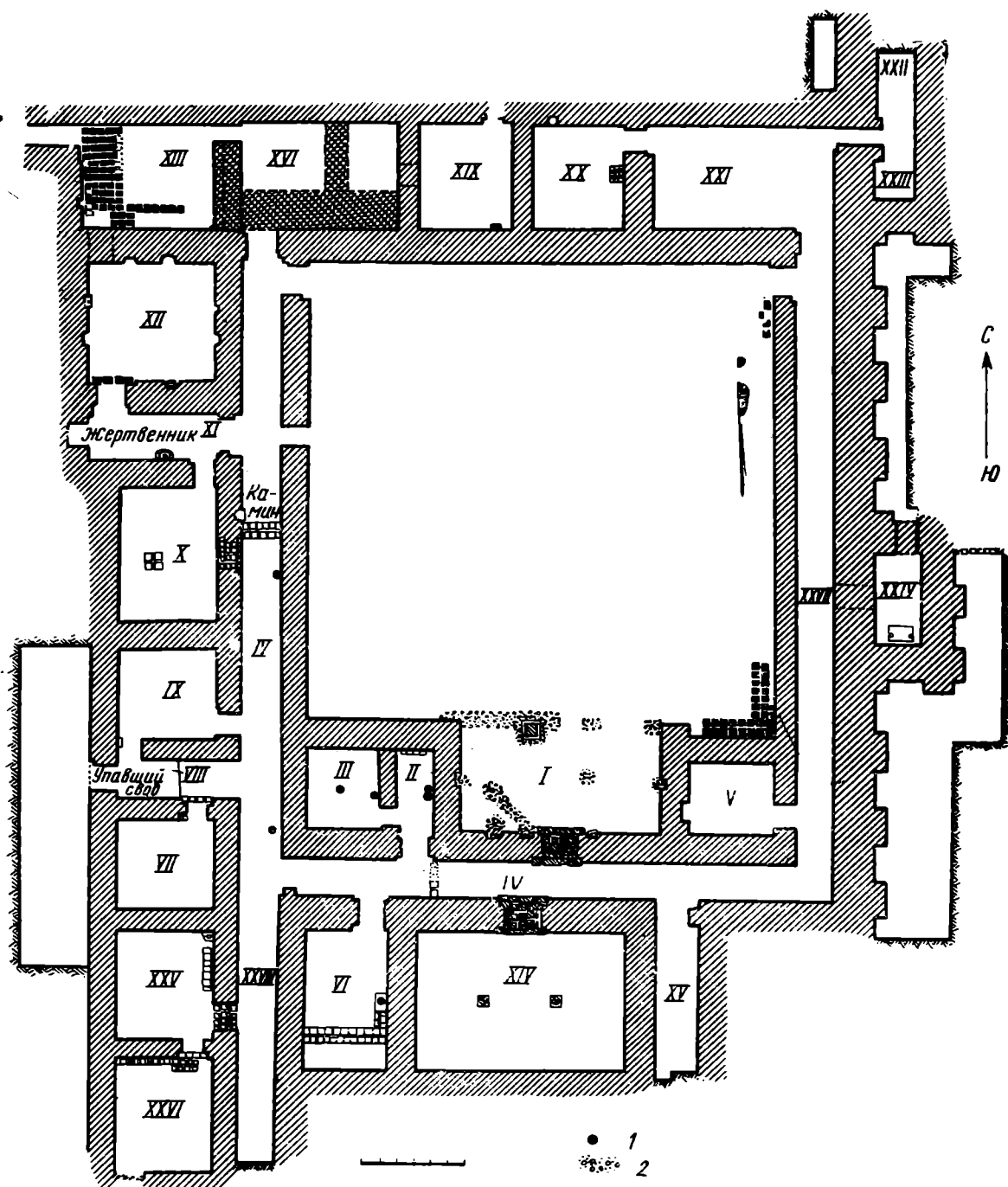

Рис. 3. План дворцово-храмового комплекса.

1 — очаги; 2 — гравий с алебастровым раствором

вались глиняные кубуры. Стены камер, судя по кладке топочного канала, сложены из одного ряда кирпича тычком.

Дворцово-храмовый комплекс (рис. 3). Второй раскоп (64×50 м) вскрыл часть какого-то монументального сооружения, стены которого точно ориентированы по странам света. Его основанием служит полутора-метровая пахсовая платформа. Пахсовые стены сохранились после разрушения на высоту 0,5—1 м в западной части здания и лишь на 0,2—0,4 м в восточной. Это обусловило и сложность ведения раскопочных работ, и некоторую односторонность информации, полученной при раскопках.

Композиционным центром сооружения является громадный квадратный двор ($27,7 \times 27,7$ м), окруженный с трех сторон (южной, восточной и западной) обходным коридором, связанным проходами с центральным двором и внешними помещениями. Двор на раскопанном юго-западном

участке, вдоль стен был выстлан полосой жженных кирпичей. Не исключено, что такой «тротуар» (к его назначению мы вернемся) окружал двор со всех сторон.

В южной стороне двора был вскрыт глубокий четырехколонный (в два ряда?) айван. Сохранился не тронутым с места квадратный одноступенчатый плинт — основание для базы; от остальных обнаружены лишь галечные с алебастром подстилки. В середине каждой из щечковых стен имелось гнездо для пиллястра. В глубине айвана, на щипцовой стене, находился двухметровый проход, ведущий в обходной коридор. Проход был фланкирован пиллястрами, базы которых сохранились на месте (рис. 4).

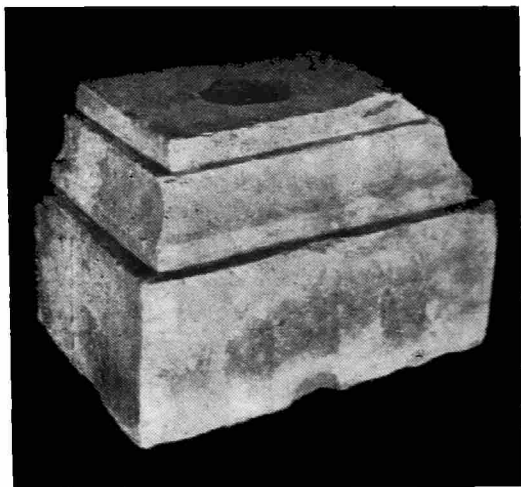

Рис. 4. Каменная база пиллястра

помещения. В восточном крыле это сообщающееся с восточной частью галерей почти квадратное помещение V ($4,4 \times 5$ м), стены которого были покрыты несколькими слоями хорошей алебастровой штукатурки. Западное крыло состоит из прямоугольного помещения III с центральным очагом и проходного коридорообразного помещения II. Здесь имеется кирпичная суфа и проем, соединяющий оба помещения с южным коленом коридора.

Попав через айван в коридор, посетитель видел на противоположной стене парадно оформленный проем, который был расположен не на одной оси с айваном, а несколько сдвинут к западу (на объяснении этого мы остановимся отдельно). Пол этого прохода был оформлен так же, как пол прохода айвана (рис. 5). Отличие состоит только в том, что кроме расколотых до уровня плинтос баз и продольно расколотых барабанов колонн, здесь использованы также другие архитектурные детали, возможно капители. Через этот проход попадали в большой зал XIV ($8,5 \times 12,4$ м), вытянутый с востока на запад. По длинной оси помещения находились две торовидные базы от колонн, поддерживавших его перекрытие.

К двухколонному залу с запада примыкало длинное прямоугольное помещение VI ($8,3 \times 4,9$ м), ориентированное длинной осью с севера на юг и соединенное с обходным коридором проемом, находящимся в углу торцовой стенки. У восточной стены обнаружен жертвенник, сложенный из кирпича-сырца; на оштукатуренном верхнем настиле проложено округлое, сильно прокаленное углубление.

К востоку от двухколонного зала раскопана часть коридора XV, соединенного с обходным коридором проходом. Видно, оба эти помещения (и какие-то другие), в силу их специфического назначения, были окружены специальным обходным коридором, связанным с основным.

К западному отрезку обходного коридора с запада примыкали восемь помещений, образующих три обособленные ячейки.

Южная ячейка состоит из двух вытянутых с севера на юг одинаковых прямоугольных помещений ($6,8 \times 5,5$ м), соединенных между собой проходом. Южное помещение (XXVI), кроме того, имеет в юго-западном углу еще один проход. Второе помещение (XXV) сообщалось и с обходным коридором. В северо-восточном углу этого помещения был сооружен жертвенник из кирпича-сырца с округлым углублением в середине, а рядом вдоль восточной стены располагалась суфа. Помещения, по-видимому, служили для жилья.

Центральная ячейка этой группы состоит из двух помещений, соединенных между собой поперечно вытянутым с запада на восток коридором

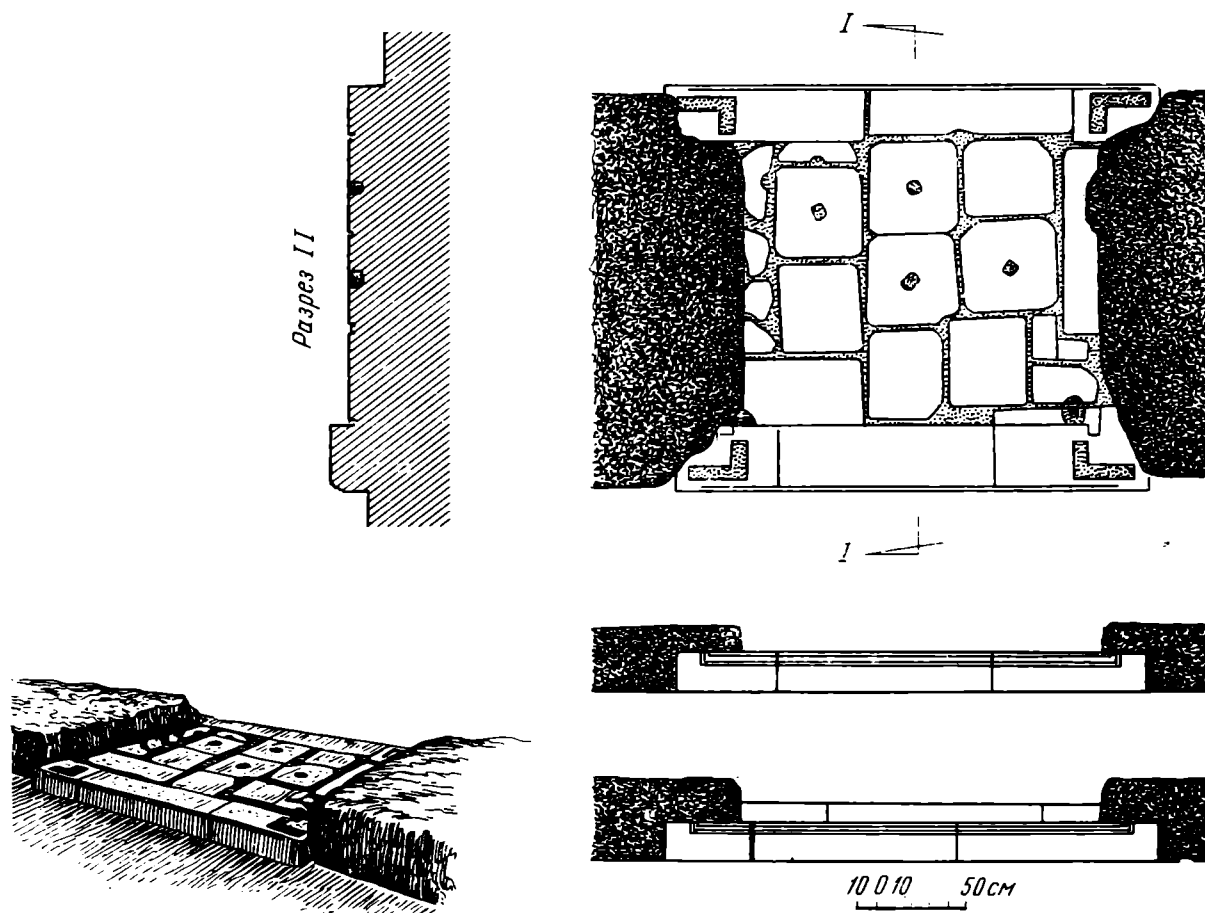

Рис. 5. Каменный порог в пом. XIV

VIII. Широкий дверным проемом этот коридор выходит на запад, где раскопки еще не были произведены; с его восточной стороны в обходной коридор вел открытый выход.

Помещение VIII имело сводчатое перекрытие, которое, впоследствии рухнув, закрыло выход во внешнюю часть и в северное помещение IX. Коридор имел настенную и плафонную роспись, ее остатки обнаружены в завале свода, а также на полу.

Оба соединенные с коридором помещения (VII и IX) квадратные в плане ($5,6 \times 5,6$ м), их стены покрыты саманными и алебастровыми штукатурками; следов росписи не обнаружено. Южное помещение в восточной стене имело небольшую нишу, где найдены кости мелких животных.

Трехчастная ячейка такого же состава (коридор, открытый с двух торцов, и по обе стороны него по помещению) расположена в северной части западного ряда. В этой ячейке южное помещение (X) прямоугольной

(8,1×5,4 м) формы. Почти посередине него находился жертвенник (72×72×7 м) с округлым углублением в середине, сложенный из квадратных сырцовых кирпичей. Оштукатуренная поверхность, а также пол вокруг жертвенника сильно прокалены. В накопившейся вокруг золе были обнаружены фрагменты керамики, кости животных. Стены помещения имеют следы неоднократного ремонта. Первоначальный слой штукатурки, толщиной в 6 см, — саманный, последний — алебастровый (общая толщина 10 см).

Проем в северо-восточном углу помещения X ведет в коридор XI, у южной стены которого, слева от прохода, обнаружен жертвенник другого типа. Он представляет собой округлый (70 см) глиняный диск (диаметром 70 см) с бортиком (7 см) и цилиндрическим углублением в середине. Жертвенник был покрыт саманной штукатуркой. Поражает его неожиданная близость с округлыми жертвенниками позднеолитических святилищ Геокюрского оазиса Южной Туркмении.

Из коридора через другой проем в северо-западном углу можно попасть в квадратное помещение XII. В проеме был сложен порог из жженных кирпичей. В этом помещении (7,1×7,1 м) на каждой стенке имелось по два гнезда для пилястр. Сохранились две каменные базы — ступенчатые с прямоугольным отверстием на верхней плоскости. Перекрытие помещения поддерживалось колоннами, от которых сохранились только галечные основания. Стены помещения тщательно оштукатурены алебастром. Именно в этом помещении XII были сделаны самые интересные находки: золотой трилистник для нашпвки, сердоликовые, агатовые и халцедоновые бусы и трехгранный бронзовый наконечник стрелы. Благодаря своим размерам коридор XI и помещение XII несколько выступают за пределы западного ряда помещений.

В северную группу входит пять помещений: здесь выделяются два комплекса, состоящие из двух помещений каждый, и расположенное между ними прямоугольное помещение XIX.

Севернее зала с пилястрами было открыто прямоугольное помещение XIII (7,60×6,30 м), пол которого вымощен обожженным кирпичом квадратной и прямоугольной формы.

В северо-западном углу помещения XIII узкий длинный проем вел на запад; в северо-восточном другой проем вел в соседнее прямоугольное помещение XVI (8×6,5 м), которое, в свою очередь, соединялось с западным обходным коридором. Эти два помещения позднее, на втором строительном этапе, претерпели ряд перестроек. Судя по обилию находок фрагментов от больших сосудов, оба эти помещения могли служить кладовыми.

Центральное в этом ряду помещение XIX (5,4×6,5 м), вытянутое с севера на юг, первоначально имело выход в северо-восточном углу. Помещение было жилым, его стены покрыты саманной штукатуркой, на полу располагались очаги.

В восточной части здания располагались два помещения. Первое (XX) по размерам равно соседнему (XIX). Возле северо-западного угла помещения, в его северной стене был сделан небольшой камин полукруглой формы (50×40 см) с глиняным барьером спереди. У северо-восточного прохода находился жертвенник (100×80 см) с округлым отверстием в средней части. Поверхность его и прилегающий участок стены сильно прокалены.

Крайнее восточное помещение XXI (10,5×6 м), судя по находкам, было украшено настенными росписями. Оно соединено проходами с обводным коридором XXVII, помещением XIX, а также с калиткой в северо-восточном углу и частично вскрытым внутрибашенным помещением XXII—XXIII.

Исследования, проведенные в восточной части дворцово-храмового комплекса, показали, что эта часть здания является внешним фасадом.

Стены восточной стороны были с прямоугольными башнями. Полностью пока раскопана лишь одна башня с прямоугольным внутрибашенным помещением XXIV. Позже она утратила свое боевое назначение, и в ее внешней стене был устроен проем. Отрезки внешней стены между башнями были укреплены выступами-лопатками ($2,3 \times 0,50$ м), они же имеются и на внешних стенах самих башен.

Размеры башни невелики — $5,5 \times 3$ м. В куртинах расположено по три лопатки ($2-2,3 \times 0,5-0,7$ м) с интервалами в $2,3-2,4$ м. Внешняя стена башни также имеет три лопатки, но они несколько короче ($1,8$ м), с такими же интервалами.

Здание, по-видимому, было одноэтажным. Стены его пахсовые, довольно массивные: наружные достигают в толщину $2,3-2,4$ м, внутренние — $1,6-2,1$ м. Перекрытия были балочными и сводчатыми, о чем свидетельствуют использование колонных систем и завалы рухнувших сводов (сводами перекрывались узкие коридорообразные и удлиненные прямоугольные помещения).

Культурный слой, залегающий непосредственно над первоначальным полом, находками насыщен слабо. Затем наступил период запустения, отмеченный почти во всех помещениях 20-сантиметровым наносным слоем. Лишь некоторые помещения использовались жителями. На поверхности песчаного наноса в некоторых помещениях появились очаги. Однако для жилья использовался главным образом западный отрезок обходного коридора. Вся восточная часть обходной галереи была заложена кирпичной стеной. Зал XIV перестал функционировать. Северная половина западного отрезка обходного коридора также была заложена кирпичной стеной. Некоторое время функционировали лишь отдельные помещения, в частности одно из помещений западной группы.

Находки и датировка. Ограниченность места не позволяет дать хотя бы самую краткую характеристику вещественных материалов, полученных при раскопках Саксанохура. Чрезвычайно обильна керамика, представленная и целыми сосудами, и бесчисленными фрагментами. Очень много изделий короластики, представляющих большой интерес с точки зрения изучения искусства и идеологии Бактрии. Среди них глиняный ритон⁶, матрицы для изготовления статуэток, терракотовые статуэтки, зооморфная ручка (в виде собаки).

Некоторые из саксанохурских находок дополняют или видоизменяют существующие представления о бактрийской короластике. Так, в Халчаяне были найдены примитивные статуэтки всадников и отдельные фигурки коней⁷. Саксанохур впервые дал целую фигурку всадника (рис. 6). Этот всадник в глухом кафтане и высоком остроконечном головном уборе; у коня намечена грива, корпус моделирован условно. Фигурка всадника штампована с дополнительной проработкой, кроме нее найдены также фрагменты других. Эти фигурки значительно более совершенны, чем известные ранее⁸.

Найдены также две матрицы для изготовления статуэток и две статуэтки (рис. 7 и 8), изображающие женщину со сложенными на груди руками, выраженными признаками пола. Платье внизу расходится веерообразными складками (в одном случае украшено полосами с насечками). В руках женщины зеркало с длинной ручкой.

⁶ Воспроизведение его — Б. А. Литвинский. Археологические работы Института истории АН Таджикской ССР. В кн.: Археологические открытия 1966 года. М., 1967, стр. 315.

⁷ Г. А. Пугаченкова. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 248—252, рис. 1—3.

⁸ Интересно сопоставить саксанохурские статуэтки со статуэтками всадников из Беграма III. R. Chirshman. Bégram. Le Caire, 1946 (MDAFA, XII), табл. XLVI / Log. 1.

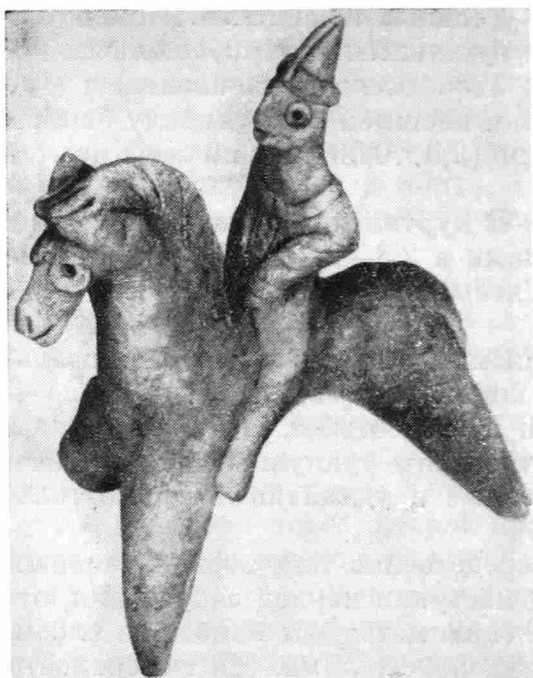

Рис. 6. Статуэтка всадника

мо пересмотреть вопрос в целом, как о семантике этих изображений¹³, так и об их иконографии, а также о соотношении женских статуэток с зеркалом, происходящих из разных историко-культурных областей Средней Азии.

В процессе раскопок было найдено семь бронзовых монет, две из них очень плохой сохранности. Перечислим остальные: 1) «варварский Гелиокл» (дворцово-храмовый комплекс, пом. 25, второй горизонт), 3) «безымянный царь» (дворцово-храмовый комплекс, пом. 20, завал, верхняя плотная корка); 4) Кадфиз II (дворцово-храмовый комплекс, пом. 1, завал, верхняя часть); 5) кушанская монета, скорее Кадфиз II (или Канишка?), была найдена в ремесленном квартале, в завале комнаты 5, второго горизонта. Кроме того, на территории городища, была поднята одна монета Канишки. Таким образом, на основании монетных находок можно считать, что дворцово-храмовый комплекс возник до выпуска монет типа «варварский Гелиокл» или же в то время, когда они были в обращении, и функционировал в эпоху ранних кушан. Но затем начинаются сложности. Хотя в Бактрии известно немало находок монет «варварского Гелиокла» (в том числе и на территории Южного Таджикистана)¹⁴

⁹ Н. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv. В кн.: R. P u m p e l l y. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. I. Washington, 1908, стр. 200, табл. 55, 4.

¹⁰ Л. И. Р е м п е л ь. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Тр. ЮТАКЭ. 1. Ашхабад, 1949, стр. 339—342; е го ж е. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 177—179.

¹¹ Г. А. П у г а ч е н к о в а. Маргианская богиня. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 126—129 (повторяется и в других работах этого автора).

¹² Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967, стр. 181, 182, табл. XXVII, 24.

¹³ Следует отметить большую роль зеркала в верованиях древних жителей Средней Азии. Б. А. Л и т в и н с к и й. Зеркало в верованиях древних ферганцев. СЭ, 1964, 3.

¹⁴ Е. А. Д а в и д о в и ч. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, XXXVII, 1956, стр. 95; В. М. М а с с о н. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. ЭВ, XI, М.—Л., 1956, стр. 63—66; Е. А. Д а в и д о в и ч. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г. Тр. АН ТаджССР, XCI, 1959, стр. 171, 172; Г. А. П у г а ч е н к о в а. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии. ВДИ, 1967, 3.

Женская статуэтка с зеркалом в руках в Средней Азии впервые была найдена при работах экспедиции Р. Помпелли на Гяур-Кале и опубликована в 1908 г. Г. Шмидтом⁹. Через четыре десятилетия женские статуэтки с зеркалом из находок в Мерве издал Л. И. Ремпель¹⁰. Затем изучением этих статуэток занялась Г. А. Пугаченкова. Г. А. Пугаченкова считает эти статуэтки одним из воплощений «маргианской богини» и делает интересные наблюдения о связи этих изображений с культом Исиды¹¹. Формирование образа «маргианской богини» Г. А. Пугаченкова относит к I в. до н. э. Однако в Хорезме, на Кой-Крылган-Кале женская статуэтка с зеркалом найдена в слое IV—III вв. до н. э.¹² Саксанохур показал наличие и в короластике Бактрии своеобразных женских изображений с зеркалом. Известны они и для Согда. По-видимому, необходи-

и время их чекана достаточно обоснованно относят ко II — первой половине I в. до н. э.¹⁵, все же конечную дату их обращения нельзя считать окончательно установленной. Следует при этом иметь в виду, что саксанохурская монета «варварского Гелиокла» принадлежит к первой группе по классификации В. М. Массона, которую он обоснованно считает более ранней. И все же, учитывая возможную длительность обращения, в связи с саксанохурской находкой можно говорить о II в. до н. э. — рубеже нашей эры. Что же касается монет «безымянного царя», то даже относительное положение этого правителя в системе кушанской генеалогии и хронологии остается невыясненным; большинство ученых помещает его после Кадфиза I и вплоть до Канишки¹⁶. С учетом имеющихся колебаний в абсолютной датировке это может быть и первый и третий века нашей эры. Ясно также, что монета Кадфиза II датирует последние этапы существования здания, после заупустения которого, по-видимому, было возведено новое здание.

Рис. 7. Матрица для изготовления статуэток

Керамический комплекс и детали каменной архитектуры (о последних ниже) позволяют подойти к датировке возведения здания и определить ее как II в. до н. э. Неоднократно перестраиваясь, оно просуществовало до II—III вв. н. э. В одном из гнезд для базы пилястры оказался железный трехлопастный наконечник стрелы с опущенными жалъцами и упором-муфточкой — тип, датирующийся не ранее III в.¹⁷

Итак, как выясняется, дворцово-храмовый комплекс был возведен в греко-бактрийское время и просуществовал вплоть до II—III вв. н. э. Поселение на Саксанохуре существовало, вероятно, и позднее — в эпоху расцвета и упадка кушанского царства.

Архитектура и функциональное назначение комплекса. Вкратце мы остановимся на архитектуре дворцово-храмового комплекса. В помещении XIV найдены две торовидные базы на квадратных плинтах. Одна из них имеет невысокий квадратный плинт с размером сторон 53—54 см и высотой 20 см. На нем покоится торовидный вал с боковой кривой, уплощенной в средней части (высота 12 см), и полочка (1 см). Диаметр верхней плоскости 36,5 см. В центре — круглое гнездо. Вторая база несколько меньше: плинт 49×49 см, диаметр сверху 34 см, высота 28,5 см, верхняя плоскость гладкая, без отверстия.

Такого рода базы традиционны для среднеазиатской архитектуры¹⁸,

¹⁵ В. М. Массон. Ук. соч., стр. 74.

¹⁶ Г. А. Пугаченкова. К дискуссии о «Сотере Мегасе». Тр. ТГУ, 295, Ташкент, 1966, стр. 15—25.

¹⁷ Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, 2, стр. 84, 85.

¹⁸ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Тр. ЮТАКЭ, I, стр. 213, 214.

Рис. 8. Женская статуэтка с зеркалом

щенные ступенчатые плиты появляются в Нисе²⁵, однако и там нижний облом больше верхних. Иные пропорции у халчаянского пьедестала.

Обычно на ступенчатых пьедесталах помещались торовидные базы. На ступенчатых пьедесталах Саксанохура, по-видимому, стояли базы совсем иного типа. Найденная в отвале грунта база состоит из двух валов (высота нижнего 11, верхнего 16 см), разделенных высокой скопней (14,5 см). Нижний вал и скопня сочленены не гладко, а с помощью полусантиметрового уступа, верхняя часть скопни отмечена желобком с вертикальной прямой внутренней стенкой (глубина 0,7, высота 6,5 см), к ней примыкает верхний вал, небольшим уступом переходящий в постельную плоскость, на ней — подквадратное гнездо (12 × 12 см), залитое алебастром. Размеры базы: диаметр по нижнему валу 86, верхней плоскости 50, вы-

¹⁹ Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр I в 1958 г. МХЭ, 6, М., 1963, стр. 146, 147 (здесь же характеристика иранских ахеменидских баз).

²⁰ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966, стр. 132.

²¹ R. Bernard — D. Schlumberger. Première campagne de fouilles d'Aï Khanoum. Academie des inscriptions en belles — lettres. Comptes rendus, 1966, стр. 130, 131, рис. 1.

²² В ахеменидском Иране такие плиты были двухступенчатыми: см. Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло. Ук. соч., стр. 146; O. Reuther. Parthian architecture. SPA, I, стр. 412, 413 (ахеменидские и селевкидские примеры); R. Ghirshman. Persia from the Origins to Alexander the Great. Thames and Hudson, 1964, стр. 214, рис. 263. Как указывалось, в греко-бактрийском Ой-Ханум плинт также двухступенчатый.

²³ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала. Тр. ХАЭЭ, II, М., 1958, рис. 7, 4.

²⁴ Эта деталь имеет существенное значение.

²⁵ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южно-Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 62.

наиболее ранние и своеобразные образцы их известны уже в ахеменидское время в Хорезме¹⁹; разные варианты известны и в Бактрии²⁰. Очертания тора и наличие полочки сближают саксанохурские базы с базами из Ой-Ханум. Можно, собственно говорить об их полной идентичности, но в Ой-Ханум плинт двухступенчатый²¹.

В айване сохранилось не тронутым с места одно основание колонны — низкий квадратный трехступенчатый пьедестал (сторона по основанию 107 см, по верху 88, высота 19 см). Нижний уступ выделен несколько меньше двух верхних (его высота 9, выступание 2 см, тогда как у верхнего соответственно 10 и 5 см). Верхняя поверхность — гладкая, без гнезда. Составные базы колонн с основанием в виде трехступенчатого плинта в Средней Азии появляются еще в ахеменидское время (в ахеменидском Иране такие плиты были двухступенчатыми)²². Однако в Хорезме вплоть до кушанского времени в таких пьедесталах доминировал нижний уступ²³, причем они имели резко вытянутые пропорции²⁴. Уплот-

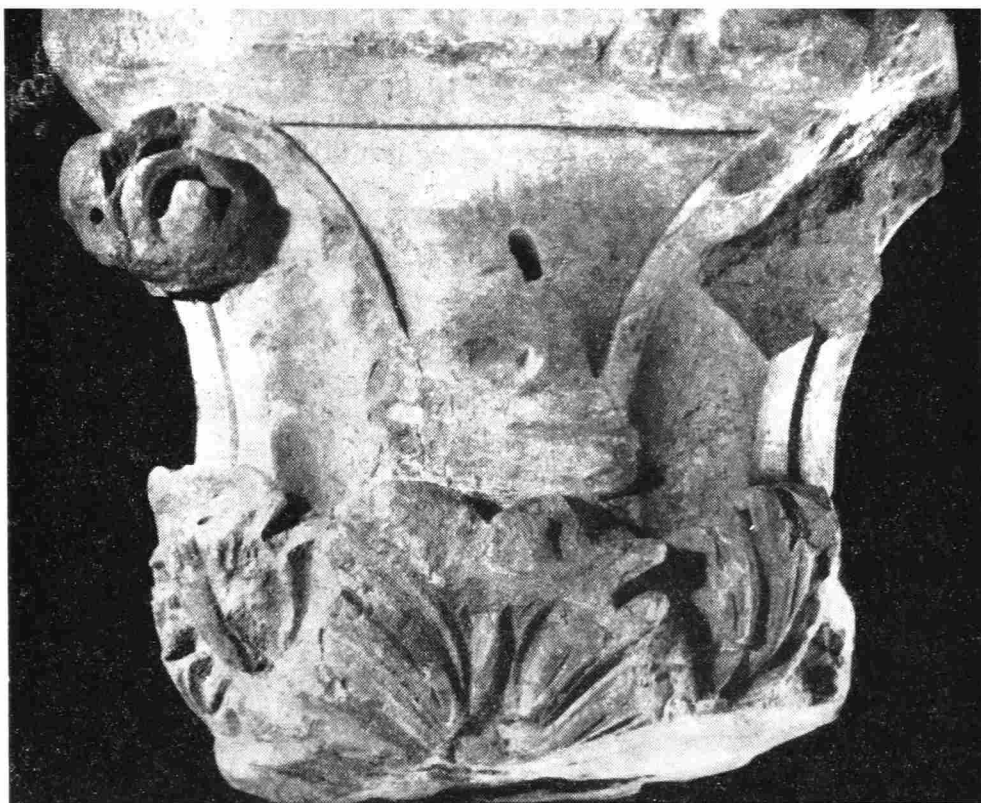

Рис. 9. Каменная капитель

сота 47 см. Таким образом, по своим размерам эта база точно соответствует вышесписанному пьедесталу.

Хотя и аттические базы нередко были лишены плинта²⁶, по своей профилировке и в отличие от ранее найденных в Южном Таджикистане баз²⁷, следующих аттической схеме, саксанохурская база явно связана с базами итало-коринфского ордера, в частности круглого храма в Тиволи (I в. до н. э.)²⁸. Именно в этом храме, как и во многих других, базы стоят на сплошном подиум, но римское зодчество, особенно его восточные школы, знало установку баз и на отдельных пьедесталах²⁹.

На Саксанохуре были найдены две каменные капители. Основание одной из них (рис. 9) оформлено в виде осложненного астрагала (высота 6 см), низкая абака (8 см) состоит из выкружки и полочки. Центральная часть имеет угловые сложнопрофилированные волюты с гладкой угловой плоскостью, рассеченной надвое продольным желобком. Фронтальные плоскости состоят из двух обломков — широкой уплощенной выкружки и боковины, косо срезанной к фасадной плоскости капители, в некоторых случаях получалось нечто вроде лантеля-канта. В центре сторон — по двухрядному аканту, кроме того, по одному аканту помещено вдоль угловой плоскости стебля волюты, у его основания. Вдоль астрагала низы акантов соединяются друг с другом.

Аканты широкие, сочные, с многоплановым рельефом, массивным центральным прожилком (суживающимся к концу) и сложными и глубокими вырезами по краю листа. Составные части листа не стандартны: или с центральным прожилком, или с углублением на его месте. Верхние, по-видимому, резко отвернуты наружу, части нижних центральных листьев

²⁶ ВИА, II/1, М., 1949, стр. 40.

²⁷ Б. А. Литвинский, Т. М. Зеймаль. Каменные базы колонн из Вахшской долины. ИООН АН ТаджССР, 1 (22), 1960, стр. 75, 76, рис. 3, 3.

²⁸ ВИА, II/2, М., 1948, стр. 85, рис. 56, в.

²⁹ О. Шуази. История архитектуры. I, М., 1935, стр. 457.

утрачены. Находящиеся над ними верхние листья очень тщательно срублены. Выше них или на их границе с каждой стороны имеется по косопо-
саженному отверстию диаметром 2 см, глубиной 11—13,5 см. Срублены
также и окончания боковых листьев, что четко видно на двух углах, при-
чем в торце также сделано по отверстию. Общая высота капители 54 см,
диаметр основания около 40 см, квадрат абаки 60×60 см.

Рис. 10. Каменная капитель

Вторая капитель и по размерам, и по форме близка первой (рис. 10).
Здесь листья не срубались, верхние центральные листья аканта сравни-
тельно узкие, плотно прилегающие. Значительная часть плоскостей капи-
тели была гладкой, свободной от листьев. Размер по абаке 60×60 см, диа-
метр основания около 40, высота 55,5 см (в том числе абаки 6 см).

Римские коринфизированные капители³⁰ не дают таких вариантов; саксанохурские капители имеют, очевидно, восточно-эллинистическое про-
исхождение. Но какое же именно? На наш взгляд, это греко-бактрійская
капитель, близко родственная, а в некоторых отношениях и тождествен-
ная капителям из Ой-Ханум³¹, отличающихся от саксанохурских лишь
наличием большего числа акантовых листьев. Общие пропорции, располо-
жение и характер акантовых листьев, контур волют³² и т. д. говорят об их
необычайной близости, которая, по-видимому, была и хронологической³³.

Г. А. Пугаченкова утверждает, что в Бактрии «развитие архитектурных
перекрытий было тесно связано с применением деревянных колонных си-

³⁰ К. Рончевский. Варианты римских капителей. М., 1935.

³¹ P. Bergard — D. Schlumberger. Ук. соч., стр. 131, 132, рис. 2.

³² Мы снимаем свое первоначальное утверждение о близости саксанохурских
капителей и капителей из Сурх-Котала (Б. А. Литвинский. Археологические
работы..., стр. 314).

³³ На каком-то этапе часть рельефных деталей капителей была сбита, и к ним
были прикреплены металлические украшения (украшения капителей металличе-
скими частями известны в сирийских памятниках римского времени, см. ВИА, II/1,
стр. 189).

стем»³⁴. Это не вызывает сомнения, однако следует добавить, что, наряду с деревянными, существовали колонны с каменным фустом. Еще раньше они были отмечены на «Каменном городище» у слияния Вахша с Пянджем³⁵ и в Термезе³⁶. На Саксанохуре найдено четыре барабана от стволов колонн (длина одного 80, двух других по 70, четвертого 58 см, диаметр 42—44 см). У каждого барабана на торцовых сторонах имеется по гнезду, иногда эти гнезда залиты алебастром. Поверхность барабанов гладкая, не каннелированная. Не исключено, однако, что каннелирование производилось, как и на Западе, уже после установки колонн и что встреченные на Саксанохуре колонны не были установлены ближе имели каннелюры лишь в верхних частях стволов.

Как писал Витрувий (IV, 1, 8), коринфский ордер «подражает девичьей стройности». Переходя от метафор к математике, он же отмечал (IV, 1, 1 и IV, 1, 11), что высота капители (вместе с абакой) должна равняться толщине (т. е. диаметру) нижней части колонны; впрочем, на практике в позднее время высота капители увеличивается, и диаметру колонны равнялась высота капители без абаки³⁷. У наших капителей высоты (без абаки) равны 46 и 49,5 см, диаметр же колонн равен 42—44 см. Следовательно, ка-

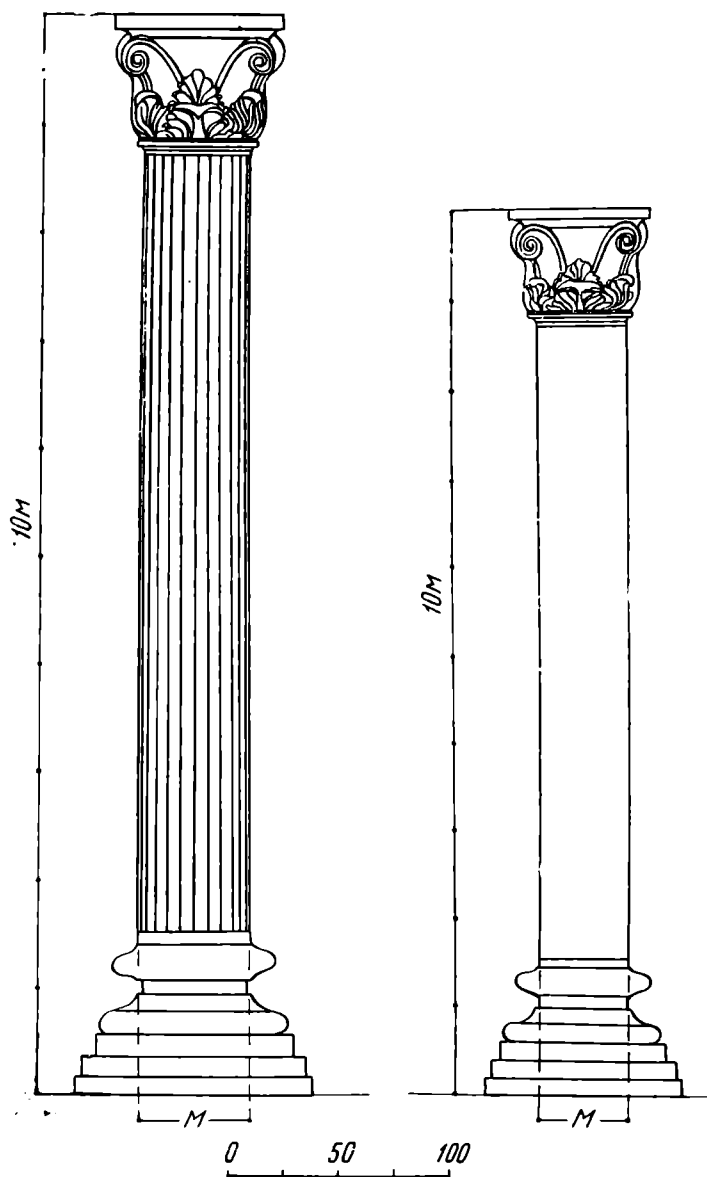

Рис. 11. Бактрийская колонна (варианты реконструкции)

пители были чрезвычайно вытянутыми (рис. 11). Диаметр верхней постели каменной базы 50 см, диаметр основания капителей и барабанов колонн 42—44 см. Если исходить из обычного для коринфского ордера отношения диаметра колонны к его высоте (1 : 10), высота колонны была 4,2—4,4—5 м. Разумеется, эти расчеты лишь предположительны, ибо в Бактрии пропорции могли быть иными. Итак, в Северной Бактрии, наряду с дере-

³⁴ Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана. СА, 1963, 4, стр. 80; ее же. Халчаян, стр. 47, 131.

³⁵ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 265.

³⁶ Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. Термезская археологическая экспедиция. II, Ташкент, 1945, стр. 71.

³⁷ О. Ш у а з и. История архитектуры, стр. 458, 459; И. Б. Михайловский. Архитектурные формы античности. М., 1949, стр. 28, 67—69.

вявными, применялись и каменные стволы колонн, очевидно, в наиболее парадных частях некоторых зданий.

Айванный портик Саксанохура был очень стройным. Интерколумнии (при расчете между осями стволов) были около 3,5—3,6 м, незначительно, по-видимому, превышая интерколумнии айвана Халчаяна (расчет по данным, содержащимся в публикации этого памятника, дает около 3,3 м). Интерколумний, равный 3,5 м, намного превышает канонический, где он равен $3\frac{1}{2}$ диаметрам³⁸. Такое увеличение интерколумния объясняется, с конструктивной точки зрения, облегчением архитравных конструкций.

Еще шире были расставлены колонны, поддерживавшие средний прогон в помещении XIV: расстояние между их осями достигало 4,2 м (две колонны делили прогон этого помещения примерно на три равные части). Аналогичное двухколонное решение было, по-видимому, и в помещении XII. Перекрытие этих помещений можно представить себе подобным тому, которое Ю. А. Рапопорт и Г. С. Костина предлагают для двухколонного зала хорезмийской Гяур-Калы³⁹. В архитектуре Саксанохура большую роль играли пилястры. Их каменные базы, профилированные с трех сторон, имеют весьма совершенную форму. Это пьедестал, в основании которого находится прямоугольный плинт, затем следуют уступ, выкружка и снова уступ. Размеры одного полностью сохранившегося образца — $44,3 \times 31,7$ см (основание), 32×21 см (вверху), высота 30,5 см. На верхней плоскости — прямоугольное гнездо. Высота двух других такая же, длина плинта у одного 36, у другого 52 см. Плинт, обнаруженный в Вахшской долине, имел примерно такую же последовательность обломов, но был (за счет перехода выкружки в вертикальную часть) более вытянутым⁴⁰, а плинты Сурх-Котала имеют совсем иную профилировку⁴¹.

Проходы в наиболее парадные помещения были, как указывалось выше, оформлены сложно декорированными порогами, причем внешние плоскости их были шире, чем проемы. Г-образные углубления на их углах не что иное, как пазы, служившие для вставления и крепления вертикальных стоек наличников. Можно думать, что эти стойки были деревянными⁴².

Для украшения интерьеров применялась и живопись, ее фрагменты были обнаружены в двух помещениях. В большинстве это были остатки орнаментальных композиций, и лишь на одном фрагменте изображена рука, держащая какой-то предмет. Живопись выполнена в очень глубокой гамме, сочной и удивительно яркой.

Для архитектурного комплекса характерна упорядоченная планировочно-композиционная схема (рис. 12). Строгий ритм соединенных в ячейки по два и по три помещений западного фаса, обводной коридор, соединяющий все группы помещений, во всем этом господствует рационалистическая закономерность. На этом фоне особенно диссонирует резкое несовпадение прохода из айвана в обводной коридор и прохода из последнего в помещение XIV. Этот колонный зал был одним из центральных в комплексе, и айванный портик был сооружен явно для него, но, вместе с тем, проемы сдвинуты по отношению друг к другу на 2,3 м. На первый взгляд причину этого несовпадения можно было бы объяснить следующим образом. В процессе постройки, когда помещения, лежащие снаружи от обвод-

³⁸ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского. М., 1936, стр. 245.

³⁹ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Ук. соч., рис. 8.

⁴⁰ Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль. Ук. соч., стр. 76, рис. 4.

⁴¹ D. Schlumberger. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane. JA, CCXLII, 3, 1955, стр. 276, табл. II, 2; D. Schlumberger. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. Proceedings of the British Academy. XLIII, 1961, табл. III, XXII.

⁴² Каменные стойки проемов из храма огня в Персеполе (III в. до н. э.) были украшены рельефами, см. R. Ghirshman. Iran. Parthians and Sasanians. Thames and Hudson, 1962, стр. 26, рис. 34.

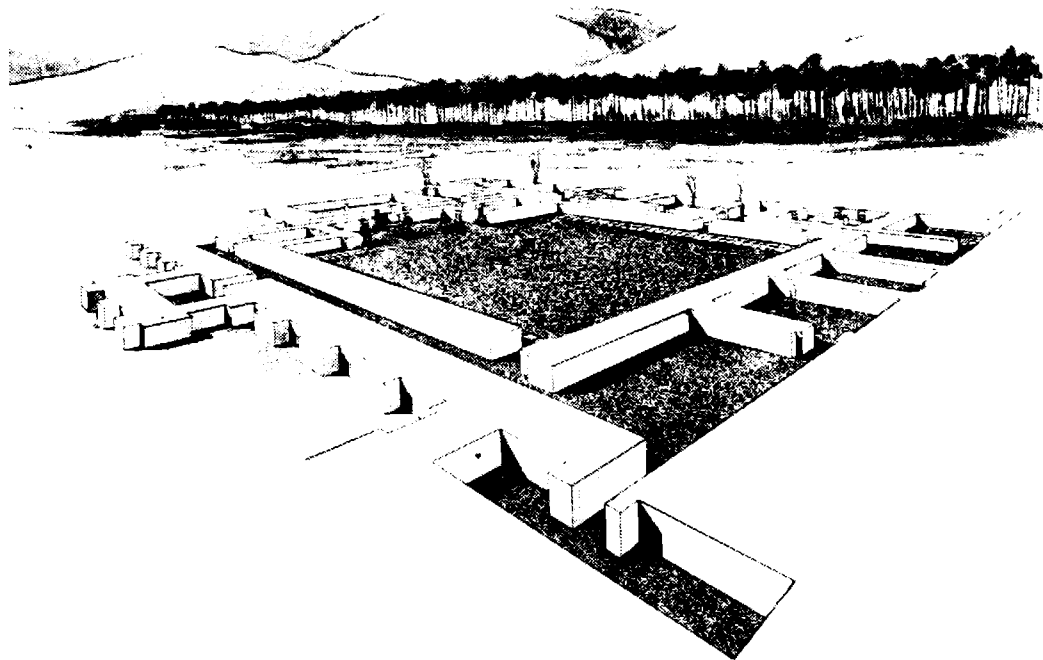

Рис. 12. Дворцово-храмовый комплекс (аксонометрия с элементами реконструкции)

ного коридора, были возведены, начали сооружать айван, причем выявилась необходимость устроить в западном его крыле не одно (как в восточном), а два помещения, в результате чего сам айван несимметричен по отношению к двору, соответственно сдвинулся и проем. Однако это не объясняет «сдвиг» полностью: как явствует из плана, оси самого двора и помещения XIV отстоят друг от друга на 1,1 м. Случайно или преднамеренно? На этот вопрос ответить трудно. Однако существует заманчивая аналогия: храм огня в Персеполе (по Р. Гиршману, III в. до н. э.)⁴³ имеет вестибюльный колонный зал, резко сдвинутый по отношению к святилищу.

Мы не имеем возможности с привлечением необходимого сопоставительного материала проанализировать здесь все черты композиционно-планировочной схемы монументального комплекса Саксанохура. Остановимся, помимо отмеченного выше, на следующем.

1. В Саксанохуре, как и на Кухна-Кала⁴⁴, планировочным фокусом комплекса является двор. Таким образом, устанавливается, что эта черта, столь обычная для восточноэллинистической архитектуры, была специфической и для Северной Бактрии. Ленточная вымостка вдоль края двора в Саксанохуре может указывать на связь с перистильной схемой. Впрочем, сам тип бактрийских сооружений центрально-дворцовой композиции мог иметь местные корни⁴⁵.

2. Айванный портик находится в южной части двора — решение, свойственное восточноэллинистической архитектуре и отличающее ее от гре-

⁴³ K. Erdmann. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, стр. 29, 30; R. Ghirshman. Ук. соч., стр. 26; A. Godard. Die Kunst der Iran. Berlin, 1964, стр. 105, рис. 137; Г. А. Кошеленко. Культура Парфии. М., 1966, стр. 63, 64.

⁴⁴ Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, XXXVII. Сталинабад, 1956, стр. 77—79, рис. 1, 2.

⁴⁵ В среднеазиатской архитектуре постройки группировались вокруг двора уже в ахеменидское время, например в Хорезме, см. Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр I в 1958 г. МХЭ, 6/1, М., 1963, стр. 144, 145, рис. 2.

ческой, где портик находился в северной части двора⁴⁶. Сейчас можно считать, что эта схема применялась и бактрийскими зодчими.

3. В Саксанохуре, как и в Халчаяне, главный зал вытянут по поперечной оси, его продольная ось параллельна линии колонн айвана. Это подтверждает идею Г. А. Пугаченковой о своеобразии северобактрийской архитектурной школы, с ее «фронтальным развитием пространственных композиций»⁴⁷.

4. Стены интерьеров парадных помещений Саксанохура и айванов были рассечены стоящими на каменных базах пилястрами.

Таким образом, как и для архитектуры Северной Парфии⁴⁸, для Саксанохура, т. е. для архитектуры Северной Бактрии, характерно сочетание всех трех ордеров в понимании Пиранези: ордера с колоннами, ордера с пилястрами и ордера, состоящего из непрерывной стены.

5. В Саксанохуре интерьеры украшены настенной росписью. Учитывая материалы из Халчаяна и Сурх-Котала, можно предположить также наличие скульптуры, остатки которой пока, правда, не обнаружены.

6. В Саксанохуре центральный двор окружен с трех сторон обводным коридором, а группа особо выделенных помещений — отдельным обводным коридором, связанным с первым.

Все это подводит нас к одному из наиболее сложных вопросов: о функциональном назначении комплекса. Внешняя стена, напоминающая оборонительную, с выступами, похожими на башни, не может на данной стадии раскопок безоговорочно рассматриваться как фортификационная: нельзя пока исключить и допущения, что это архитектурно-декоративная имитация той фортификационной схемы (внешние поверхности куртин и прямоугольных башен усилены лопатками), которая полностью представлена на Кухна-Кале⁴⁹. К тому же, даже если рассматривать саксанохурский комплекс как укрепленный, то и это не решает вопроса: укрепленными могли быть как резиденция местного правителя, так и храм⁵⁰. Ключевыми для решения вопроса, на наш взгляд, являются помещения XIV (колонный зал) и смежное помещение VI (с жертвенником огня). Эти помещения расположены, во-первых, непосредственно за айваном и, во-вторых, входят в группу помещений с отдельным обходным коридором. Уже в ахеменидской архитектуре мы находим обходной коридор в храме огня в Сузах. Парфянские храмы огня, в частности в Селевкии на Тигре, в Хатре и Кухи-Ходжа, также развивают эту схему⁵¹. Представлены они и в сасанидском зодчестве (см. храм второй половины III в. в Бишапуре)⁵². Чрезвычайно существенно, с одной стороны, что храмы с обходными коридорами существовали и в области Гандхары (мы имеем в виду храм в Джандиале, который Д. Маршалл датирует II или I в. до

⁴⁶ Г. А. Кошеленко. Архитектура жилищ греческих городов Парфии. Сб. «Античный город», М., 1963, стр. 172—175.

⁴⁷ Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 143.

⁴⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 109.

⁴⁹ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. ДАН ТаджССР, 11, Сталинабад, 1954, стр. 53—56, рис. 1—3; Б. А. Литвинский. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). КСИИМК, 64, М., 1956, стр. 68—72. Однако схема эта не была присуща лишь Бактрии; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 46—54; Г. А. Кошеленко. Культура Парфии, стр. 114, 115.

⁵⁰ Кстати, лопатки рассекают наружную поверхность стен парфянского храма в Нипшуре, см. V. E. Crawford. Nippur, the Holy City. «Archaeology», 12, 1959, 2, стр. 74, 76 (прямоугольник этого храма имеет размеры 315 × 205 футов).

⁵¹ C. Hopkins. The Parthian Temple. «Berytos», VII, 1, 1942, стр. 1—17; G. Widengren. Die Religionen Iran. Stuttgart, 1965, стр. 188, 189.

⁵² R. Ghirshman. Bichâpour. II, Paris, 1956, план II.

н. э.)⁵³, а с другой, что этой схеме следует и святилище храма в Сурх-Котале, в Южной Бактрии⁵⁴.

Уже в персепольском храме огня огонь хранился не в центральном, а в боковом помещении. Аналогичным было положение и в Кухи-Ходже парфянского периода и, как предполагает Г. А. Кошеленко, в «Квадратном зале» Старой Нисы⁵⁵. Исходя из этого, мы высказываем предположение, что помещения XIV и VI являлись главными составляющими храма огня.

Среди остальных помещений выделяется северная ячейка западного фаса с богато украшенным пилястрами квадратным колонным залом XII. Возможно, что это был парадный приемный зал, а лежащий по другую сторону коридора прямоугольный зал X с жертвенником мог служить своего рода дворцовой часовней. Характерно для особого положения этой группы помещений, что против центрального коридорообразного помещения имеется выход во двор; это вторая группа помещений, наряду с храмовой, имеющая прямое сообщение со двором.

Наряду с этими, имеются и явно жилые помещения. Поэтому комплекс Саксанохура следует, на наш взгляд, рассматривать как дворцово-храмовый. Такого рода комплексы — обычное явление в парфянском и раннесасанидском строительстве. Существовали они, как теперь выясняется, и в Бактрии.

Саксанохурский комплекс интересен и важен еще в одном отношении. Его планировка и особенно каменные детали отражают один из этапов развития бактрийской архитектуры и вводят новые данные в исследование ее взаимоотношений с западноэллинистической и римской архитектурой. Рассматривая коринфизированные капители Сурх-Котала, выдающийся французский ученый Д. Шлюмберже писал в 1960 г., что, отвечая на вопрос, какого они происхождения (греко-римского или селевкидско-бактрийского), он склоняется ко второму решению⁵⁶. В следующем, 1961 г., говоря о греко-бактрийском искусстве, он сравнил себя с астрономом, который, открыв необъяснимые черты в орбите какой-то планеты, приходит к выводу, что они вытекают из существования какой-то другой планеты. Он писал: «эта другая планета — «греко-бактрийское искусство» все еще остается скрытой где-то за бактрийским горизонтом»⁵⁷. Когда Д. Шлюмберже писал эти слова, «планета бактрийского искусства» была уже обнаружена на территории Средней Азии — в Халчаяне. Совершенно новые горизонты открыли раскопки Французской археологической миссии в Ой-Ханум. Некоторые дополнительные материалы по этой проблеме дает и Саксанохур.

B. A. Litvinski et Kh. Moukhitdinov

OPPIDUM ANTIQUE SAKSANOKHOUR

Résumé

L'oppidum Saksanokhour (Tadjikistan du Sud, près de Parkhar) a une forme rectangulaire. On y a dégagé un quartier artisanal et un ensemble architectural d'un palais et d'un temple. Celui-là était érigé en II s. avant notre ère, c'est-à-dire à l'époque gréco-bactrienne: il était reconstruit à plusieurs reprises et fonctionnait encore sous les Kouchans. Le quartier artisanal existait encore plus longtemps. On y a décélé des

⁵³ J. Marshall. Taxila. I. Cambridge, 1951, стр. 225—229, план III, табл. 44, а.

⁵⁴ См. публикации Д. Шлюмберже, в частности последнюю. D. Schlumberger. La temple de Surkh Kotal en Bactriane (IV). JA, Paris, 1964, стр. 303—333, рис. 1. О связях Сурх-Котала со схемой святилища храма огня в Сузах см. D. Schlumberger. Descendants non méditerranéens de l'art grec. «Syria», XXXVII, 1960, стр. 145.

⁵⁵ Г. А. Кошеленко. Культура Парфии, стр. 20, 21.

⁵⁶ D. Schlumberger. Descendants..., стр. 313.

⁵⁷ D. Schlumberger. The Excavations..., стр. 93.

groupes d'habitation avec les locaux de ménage aussi bien que 9 fours à céramique datant du temps différent avec les productions faites et les fosses pour les pièces de rebut. Les figurines en terre cuite et les moules servant à leur fabrication représentent le plus grand intérêt.

Au centre de l'ensemble de palais-temples il y a une grande cour carrée entourée de trois côtés d'un long corridor. Tout autour se trouvent des locaux de la destination différente: salles d'apparat, galerie aux colonnes (aiban), sanctuaire à l'autel du feu, locaux habités etc.

La planification de cet ensemble en pierre et ses détails architecturaux (socles, chapiteaux, colonnes, pilastres, seuils, pavages des planchers etc.) reflètent une étape du développement de l'architecture bactrienne. Ils contiennent de nouvelles données sur les particularités de l'école architecturale de Bactriane du Nord qui sont très intéressantes pour l'étude de ses relations avec l'architecture est-hellénique et romaine.

М. Н. ПОГРЕБОВА

ЖЕЛЕЗНЫЕ ТОПОРЫ СКИФСКОГО ТИПА В ЗАКАВКАЗЬЕ

Среди новых форм оружия, появляющихся в Закавказье в первой половине I тысячелетия до н. э., обращают на себя внимание железные топоры, распространенные на территории Западного, Центрального и частично Восточного Закавказья.

Топоры этого типа в большинстве случаев обнаружены в хорошо датированных памятниках и известны по многочисленным публикациям. Однако в литературе не было попыток их типологической и хронологической систематизации, между тем такая систематизация дает возможность проследить происхождение этой формы и сделать определенные исторические предположения.

С переходом к железному оружию бронзовые секиры, близкие по типу к переднеазиатским, исчезают из вооружения Восточного и Центрального Закавказья. В соседнем Иране делались железные секиры, в основном повторяющие форму бронзовых, но широкого распространения они не получили. Железные топоры Переднего Востока были, как правило, более простой формы.

Исчезновение топора-алебарды объясняется некоторыми изменениями в защитном вооружении и в тактике боя, в изменении металлургического процесса, связанного с освоением железа и неизменно сопутствовавшего ему упрощения формы. Железный топор, очевидно, гораздо больше, чем бронзовый, совмещал в себе функции боевого и рабочего топора. Подобным топором, видимо, колот дрова Ксенофонт, подавая пример своим воинам, замерзавшим в снегах Армении.

Но прежде всего исчезновение в Восточном Закавказье топора-секиры, точнее топора-алебарды, объясняется, очевидно, тем, что это оружие и в бронзе не было здесь повсеместным и столь широко распространенным, как бронзовые топоры в Западном Закавказье. Характерно и то, что железные топоры появляются здесь только в единичных экземплярах, своим происхождением связанных с другими областями.

Большинство находок железных топоров Центрального и Восточного Закавказья сосредоточено в Центральной Грузии — в самом Самтаврском могильнике и в его окрестностях (Двани, Нареквави). Несколько железных топоров известно из района Триалети (Бешташенский могильник и Шинцикаро), из районов Головино и Лелвара в Армении. Почти все они встречались в погребениях наряду с другим оружием и, несомненно, являлись принадлежностью воинов. Об этом свидетельствует, в частности, и их небольшой размер, проух, расположенный почти в центре, и пр.

Большинство восточнокавказских топоров принадлежит к одному типу, по-видимому, генетически связанному с колхидо-кобанскими бронзовыми топорами. Но внутри этого основного типа можно выделить два подтипа, имеющих как типологическое, так и хронологическое значение.

Топоры типа Ia отличаются слегка изогнутым телом, шипечным расширением на обухе и овальной проушиной. Все они являются разновид-

ностью топоров-молотков. По формам они близко напоминают колхидские и кубанские топоры разных вариантов (рис. 1, 1—3). Таковы топоры из 212, 99 и 27-го погребений Самтавро¹ и топор из Нареквави² (рис. 1, 8, 9). Вариантом этой же группы являются топоры из Триалети³ (Бешташенский могильник и Цинцикаро).

Близок к ним ряд топоров, происходящих из других мест Закавказья и Северного Кавказа. Таков, например, очень интересный миниатюрный топорик — случайная находка, очевидно, из разрушенного погребения в районе Гудаут⁴ (рис. 1, 4), топор из погр. № 16 Тлийского могильника в Юго-Осетии⁵, топоры, найденные близ Геленджика⁶, топоры из Верхней Рутхи⁷.

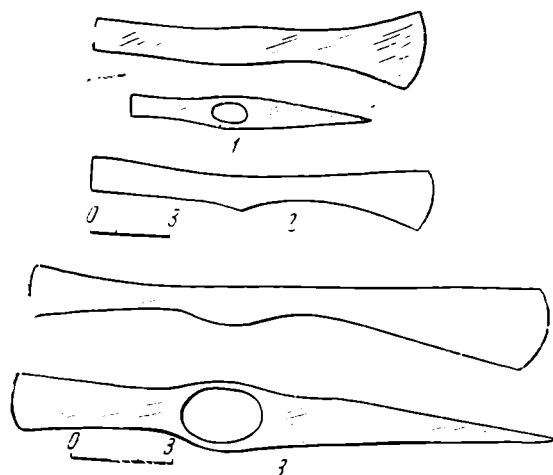

Рис. 1. Железные топоры

1, 2 — из Куланурхинского могильника; 3 — из погр. № 250 в Самтавро

вых топоров, классификация которых разработана достаточно подробно. Так, например, топор из Тлийского могильника и один из топоров, найденных на могильнике Верхняя Рутха, связаны с формой так называемых «рабочих» топоров (тип «В» Уваровой и тип III Джапаридзе).

Железный топорик из Гудаут копирует форму классического кубанского топора (тип «А» Уваровой). О. Джапаридзе указывал, что подобного типа топоры в Закавказье встречены лишь в Лечхуми. Гудаутские находки расширяют территорию их распространения и свидетельствуют о том, что подобные топоры не только были известны и в более западных частях Грузии, но являлись там объектом подражания при изготовлении топоров железных.

Топор из 27-го погребения Самтавро близок по форме колхидским бронзовым топорам. Очевидно, ту же форму повторял железный топор, имеющий на обушке рельефное изображение животного. Обломок этого топора был найден в могильнике Верхняя Рутха вместе с другими уже упоминавшимися выше.

Как видно, восточногрузинские железные топоры являются частью широко распространенной группы железных топоров. Центр распространения их лежит в более западных районах Закавказья.

¹ Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. ВГМГ, XXII-В, 1961; табл. XIX.

² Гос. Музей истории Грузии. Фонды, инв. № 6588.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, рис. 43.

⁴ ГИМ, инв. № 96877.

⁵ Б. В. Техов. Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли. СА, 1960, 1, стр. 167—171.

⁶ И. И. Аханов. Геленджикские подкурганые дольмены. СА, 1961, 1, рис. 5, 6, 7.

⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1961, табл. X, 4; его же. Северокавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, XVII, 1947, рис. 43, 2.

⁸ ГМГ, инв. № 5594; 12—54.

Дата этих топоров в Восточном Закавказье определяется в первую очередь инвентарем, находившимся с ними в одном и том же погребальном комплексе.

В погр. № 99 Самтавро, помимо топорика, находились клинок железного кинжала, железный наконечник копья со втоком, тонкие бронзовые браслеты и выпуклые пластинчатые гофрированные бляхи. В погр. № 212 — тонкие браслеты, бронзовая булава, сердоликовые бусы и железный акинак ранней формы с брусковидным навершием и расчлененным стволом рукоятки. Наличие бронзовой булавки, браслета, форма акинака позволяют считать VII в. наиболее вероятной датой этого погребения.

Могила 27, содержащая акинак развитой формы и стрелы, может быть датирована VI в. до н. э.

С этой же датой согласуется железный инвентарь могильника Нарек-вави.

Несколько более ранним временем датируются топоры сходных форм, происходящие из западных и северо-западных районов Закавказья.

Так, погр. № 16 Тлийского могильника⁹ содержало два костяка, инвентарь которых различен. При первом костяке находилась бронзовая фибула, бронзовый кинжал с бронзовой же, отлитой вместе с клинком рукояткой, бронзовые топоры кобанского типа. Второй костяк (очень крупный и лучшей сохранности) сопровождался железным топором, бронзовой дугообразной фибулой, железным черенковым кинжалом, широким пластинчатым поясом с выпуклыми горизонтальными полосами, бронзовой ситулой с ручкой в виде головки животного. Вероятно, эти захоронения совершены в разное время, и при определении даты топоров следует опираться только на инвентарь второго костяка. Бронзовые клепаные ситулы бытовали главным образом в VIII—VII вв. до н. э.¹⁰ Для этого же времени характерны бронзовые пояса, в частности пояса с параллельными рельефными полосами. Это и определяет дату топора.

Топорик, найденный в Гудаутах, был обнаружен случайно при рытье траншеи. Судя по подробному описанию А. А. Тарасова, который руководил земляными работами, сохранил и передал в Исторический музей топорик и все найденные вместе с ним вещи, все они были, по-видимому, инвентарем одного погребения. Вместе с железным топориком были найдены бронзовые топоры колхидского и кобанского типов, части бронзового пояса с бронзовыми же пряжками на концах, бронзовые массивные ножные кольца, очковидные привески, спирали. Весь этот комплекс никак не может датироваться позже VII в. до н. э., но, скорее всего, судя по бронзовому топору типа Ia по О. М. Джапаридзе, поясу с пряжками, относится еще к VIII в. до н. э. Очень близкие аналогии этим вещам находятся в погр. № 2 Куланурхвинского могильника¹¹. К тому же времени относятся упомянутые выше топоры из Геленджика¹².

Типологическое сходство рассматриваемой группы железных топоров, особенно западнокавказских, с их бронзовыми прототипами, также не позволяет датировать их позже VIII — началом VII в. до н. э.

Таким образом, железные топоры типа Ia в Западном Закавказье датируются VIII—VII вв. до н. э., а топоры Восточной Грузии, отличающиеся, как уже было отмечено, большей удаленностью от бронзовых прототипов, относятся к VII—VI вв. до н. э. и встречаются, как правило, вместе с оружием скифских образцов.

⁹ Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 167—171.

¹⁰ Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куроаракский энеолит. ВГМГ, XIII-V, Тбилиси, 1944, стр. 34; Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952, стр. 20—29.

¹¹ М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962, стр. 17—19, табл. IX; X.

¹² А. А. Аханов. Ук. соч.

Вариантом этой формы являются топоры с проушным отверстием, расположенным очень близко к короткому прямому обуху, и несколько опущенной обухной частью. Подобные топоры известны из могильников Цинцикаро и Санта в Триалети¹³ и из погр. № 8 Самтавро¹⁴. Размеры их также невелики (около 15 см длины, диаметр втулки $3,7 \times 2$; $2,8 \times 2$ см). Цинцикарский и Сантинский могильники датируются Б. А. Куфтиным VIII—VII вв. до н. э.¹⁵, к VII—VI вв. относится, очевидно, погр. № 8 Самтавро.

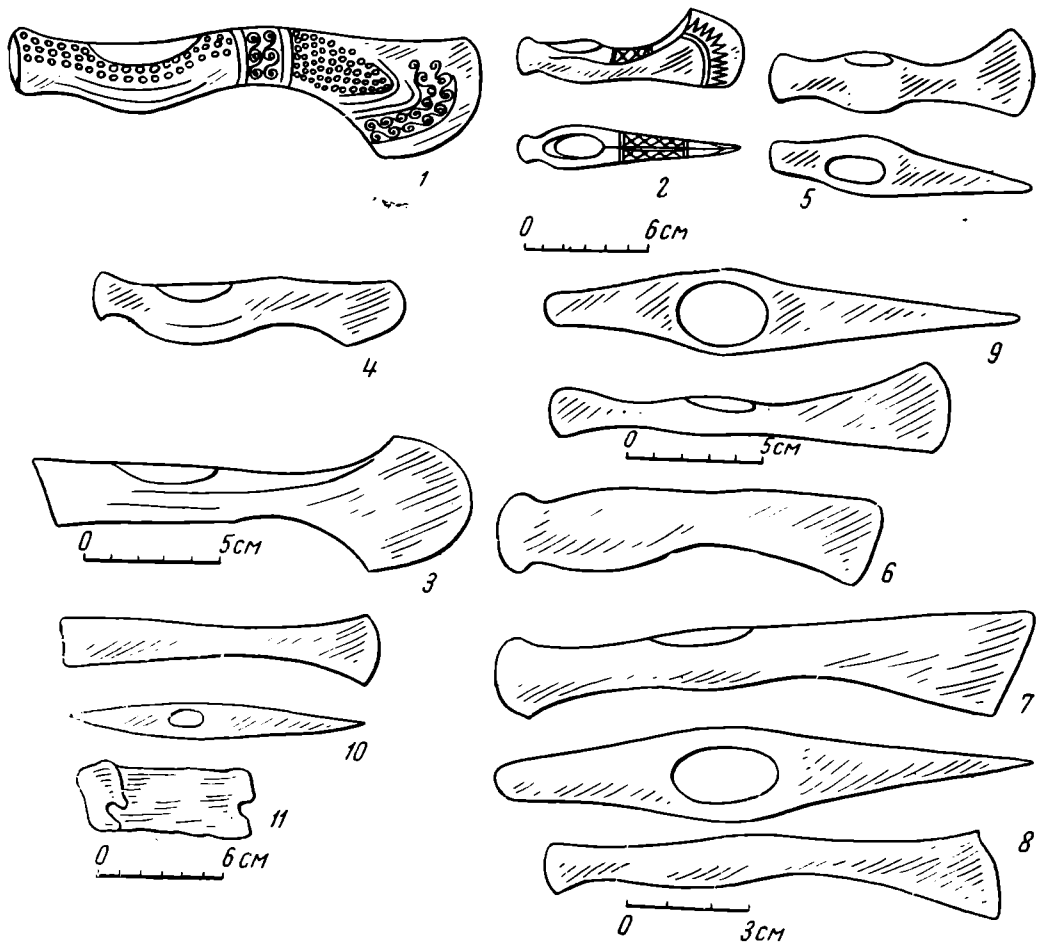

Рис. 2.

1—3 — бронзовые топоры (1, 3 — находка в Гудаутах; 2 — из Имеретии); 4—11 — железные топоры: 4 — из разрушенного погребения в Гудаутах; 5 — из погр. № 16 Тлийского могильника; 6 — из могильника Верхняя Рутха; 7 — из погр. № 99 в Самтавро; 8 — из погр. № 212 в Самтавро; 9 — из могильника Нареквави; 10 — из погр. № 27 в Самтавро; 11 — из могильника Верхняя Рутха

Эти топоры также имеют много общего с колхидо-кобанскими топорами (опущенное лезвие, глубокий изгиб внизу), но отличаются от них коротким прямым обухом, не имеющим никакого выступа. Близки к этим топорам железные топоры из Пу-луаба¹⁶ в Иране, где они были найдены вместе с железными копьями и стрелами и бронзовыми вещами луристанского типа. Железные копья по форме сильно напоминают кавказские. Очевидно, связь между Кавказом и Ираном, которая прослеживается и в более раннее время, продолжала существовать и в эпоху раннего железа, что нашло отражение, в частности, в форме железных топоров.

Железные топоры типа Ib при общем сходстве с топорами Ia, особенно в их восточногрузинском варианте, отличаются более узкими и геометри-

¹³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, рис. 43.

¹⁴ Р. М. Абрамишвили. Ук. соч., т. XIX.

¹⁵ Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 50 сл.

¹⁶ A. Godard. Nouveaux bronzes du Luristan. Les fouilles de Zu la Ab. «Gazette de beaux arts». X. Paris. 1933, рис. 7, 8.

ческими очертаниями и большей величиной. Длина их около 19—21 см. Проушные отверстия расположены почти в центре топорика. Боек узкий, толщина его достигает 1—2 см; лезвие расширяется, но не сильно, до 3—3,5 см. Обухок тупой, молоточного типа, иногда слегка закругленный. Молоточная часть снабжена иногда дополнительными гранями. Проушные отверстия имеют овальную форму, но встречается и круглый проух (Самтавро, погр. № 250) (рис. 2, 3). Топоры чаще прямые, но встречаются и слегка изогнутые (топоры из Дванского и Куланурхвинского могильников) (рис. 2, 1, 2). Эти топоры, особенно куланурхвинские, ближе других к бронзовым прототипам. Втулка у них специально не выделяется (исключением является топор из Мусиери).

Топоры группы Ib в Восточном Закавказье хорошо представлены в Самтаврском¹⁷ и Дванском¹⁸ могильниках и есть в Армении (Головино и Мусиери)¹⁹. Но центр их распространения, так же как и типа Ia, лежит вне Восточного Закавказья.

Подобные топоры хорошо представлены в Западном Закавказье в Куланурхвинском могильнике²⁰ и особенно в Брильском могильнике в районе Рачи²¹.

Как правило, топоры типа Ib находятся в погребальных комплексах совместно с оружием скифских образцов.

Погр. № 2 Дванского могильника относится скорее всего к концу VII—VI в. до н. э. Найденные в этом погребении наконечники стрел скифского типа принадлежат к ранним образцам, хотя и отличаются несколько от стрелок с ромбовидным пером из погр. № 2 того же могильника. Небольшой акинак с гладкой рукояткой, брусковидным навершием (перекрестье не сохранилось), с клинком подтреугольной формы, суживающимся книзу, напоминает савроматские мечи конца VI — начала V в. до н. э.²² От северокавказских акинаков последние отличаются короткими клинками и несколько другими пропорциями (рукоятки у северокавказских акинаков, как правило, короткие — $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ часть всей длины оружия)²³. Рукоятка Дванского кинжала составляет $\frac{1}{3}$ всей его длины.

Железные удила из этого погребения относятся к VI в. до н. э.; подобных удил в Закавказье немного, но все они этого времени. Все это указывает на то, что VI, может быть, самый конец VII в. до н. э. — наиболее вероятная дата для погр. № 2.

В Самтавро топоры описываемой формы найдены в четырех погребениях, два из которых были разрушены. В погр. № 250 находилась часть плотного бронзового панциря, кольца, бронзовые цепочки и фрагмент железного ножичка. Собственно скифских вещей здесь не было, но бронзовые плотные панцири в погребениях Самтавро нередко сочетаются с ними, что и позволяет считать их одновременными.

К концу VII—VI в. до н. э. относится и инвентарь погр. № 212.

Найденные в погр. № 5 Куланурхвинского могильника стремечковидные удила, железный кинжал переднеазиатского типа и скифские стрелы позволяют довольно точно датировать его VII—VI вв. до н. э.²⁴

Точную дату могильника Мусиери определить трудно из-за отсутствия изданных комплексов, но общий анализ погребального инвентаря также свидетельствует в пользу VII—VI вв. до н. э. как наиболее вероятной

¹⁷ Р. М. Абрамишвили. Ук. соч., стр. 25.

¹⁸ С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 225.

¹⁹ J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase. Paris, 1931, стр. 246.

²⁰ М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 40—43.

²¹ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1953, стр. 99 (на груз. яз.).

²² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, рис. 1.

²³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа.

²⁴ М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 76 сл.

даты могильника. Второй кромлех в Головино²⁵, содержащий железный наконечник копья с плотно сомкнутой втулкой, по облику близкий урартским, железный кинжал так называемого «переднеазиатского» типа, архаичную привеску и т. д., также датируется VII в. до н. э.

Таким образом, железные топоры, молотки группы Ib распространяются в Закавказье в VI в. до н. э., а начинают появляться еще в VII в. до н. э. и группируются в Западном Закавказье и Восточной Грузии, проникая также в северную Армению.

Топоры Северного Кавказа, главным образом из Лутового и Нестеровского могильников, относятся в основном уже к концу VI—V вв. до н. э. и при общем сходстве с топорами рассматриваемых групп отстоят от них по форме довольно далеко, что объясняется прежде всего хронологически, так как прототип у них, очевидно, был один.

Именно эта подгруппа топоров Закавказья обнаруживает известное сходство со скифскими топорами, сходство, которое уже неоднократно отмечалось исследователями, называвшими железные топоры, найденные в Закавказье, «топорами скифского типа». Г. Гобеджишвили, раскопавший в Брили могильник с большим количеством скифских вещей, и в частности топоров рассматриваемой группы, считает, что железные топоры имеют местное кавказское происхождение и в Скифию проникли из Закавказья²⁶. К выводу о кавказском происхождении скифских топоров-молотков приходит и В. А. Ильинская²⁷, считающая прототипом скифских железных топоров бронзовые топоры кобанского типа и, в частности, изделия прикубанского очага металлообработки.

Несомненно, из всех скифских топоров наиболее близки к закавказским скифские топоры VI в. до н. э. типа знаменитого келермесского топора, т. е. с несколько расширяющимся лезвием, прямым туловом и прямым или слегка расширяющимся к концу обухом. Почти аналогичны кавказским некоторые железные топоры из Киевского музея, отличающиеся изогнутыми формами, а иногда несколько скошенными лезвиями²⁸, но местонахождение их, к сожалению, неизвестно. Большинство топоров-молотков рассматриваемой формы, как, впрочем, и вообще большинство скифских топоров, было обнаружено в лесостепной части Скифии.

Второй, встречаемый значительно реже, тип закавказских железных топоров представлен топорами с характерной формой обуха, имеющего узкую шейку с конусовидным утолщением на конце.

Такой топор обнаружен в погр. № 2 Дванского могильника²⁹ и в 27-м погребении в Самтавро³⁰. Самтаврский топор сильно изогнут, а лезвие его расширено в виде большой лопасти. Дванский — прямой, с узким, суживающимся к концу лезвием.

В погр. № 2 Дванского могильника находились также железный акинак и бронзовые наконечники стрел скифского типа. Все они относятся к ранним формам, что и определяет дату этого погребения концом VII — началом VI в. до н. э. К тому же времени относится и погр. № 27, в котором также широко представлено скифское оружие. Группа подобных топоров-молотков значительно чаще, чем топоры-молотки келермесского типа, зафиксирована в собственно скифских комплексах³¹. Закавказские топоры несомненно аналогичны этим, также главным образом местным, топорам. По мнению В. А. Ильинской³², прототипы этой формы скифских топоров следует искать в бронзовых топорах Северного Кавказа — топо-

²⁵ А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, стр. 37 сл.

²⁶ Г. Гобеджишвили. Ук. соч.

²⁷ В. А. Ильинская. Скифські сокири. «Археологія», XII. Київ, 1961, стр. 52 сл.

²⁸ В. А. Ильинская. Ук. соч., рис. 7, 4, 7.

²⁹ С. И. Макалатия. Ук. соч., стр. 225.

³⁰ ГМГ, инв. № 12—54/3660.

³¹ В. А. Ильинская. Ук. соч., рис. 6.

³² Там же, стр. 50.

рах каменноостского типа. Следует, однако, напомнить, что на Северном Кавказе железные топоры подобного типа мало известны.

Наконец, к третьему типу относятся топоры-клевцы, т. е. топоры, обушковая часть которых сильно сужена и нередко заканчивается острием; проух овальный, длина 21 см.

Топор-клевец известен в Закавказье из Мусиери и датируется соответственно концом VII—VI в. до н. э. В основном для Закавказья эта известная скифам форма нехарактерна. На Северном Кавказе топор-клевец найден в могильнике Каррас³³, относящемуся к VII—VI (или только к VII) вв. до н. э., и клевец из могильника близ г. Минеральные воды³⁴, железный, с бронзовой втулкой, относящийся также к концу VII — началу VI в. до н. э.

Возможно, появление клевцов у скифов действительно объясняется заимствованием этой формы у племен ананьинской культуры³⁵.

Рассмотренный здесь материал позволяет нам сделать следующие выводы.

Среди закавказских железных топоров четко выделяется группа железных топориков, как правило, небольшого размера, тесно связанных своей формой с бронзовыми топорами колхидского и кобанского типов. Местное, закавказское происхождение железных топоров этой группы представляется бесспорным. Ареал этих топоров довольно широк — они зафиксированы в Западном и Центральном Закавказье (район Рачи).

Очевидно, Западное Закавказье и явилось местом происхождения этой формы, а возможно, и центром ее распространения. В пользу этого предположения свидетельствует и то обстоятельство, что именно Западное Закавказье было средоточием бронзовых топоров соответствующих типов, а также и то, что именно здесь найдены наиболее ранние топорики и, в первую очередь, миниатюрный гудаутский топорик. Очевидно, через Юго-Осетию эти ранние формы топоров, относящиеся к VIII—VII вв. до н. э., проникли и на Северный Кавказ. Поскольку подавляющее большинство железных топоров Северного Кавказа относится к более позднему времени, пока нет оснований предполагать, что начальные формы железных топоров производились и здесь столь рано, но, конечно, дальнейшие находки могут изменить эту точку зрения.

Эти же формы топоров проникали и в Восточное Закавказье, главным образом на территорию Центральной и Восточной Грузии. Характерно, что сюда они попали несколько позже и уже тогда, когда форма их дальше отошла от бронзового прототипа. Очевидно, распространение железных топоров в Восточной Грузии совпало с началом распространения скифского оружия на этой территории. В это же время бронзовая секира восточно-закавказского типа окончательно исчезает.

В конце VII—VI в. до н. э. преобладает несколько иная форма железных топоров, отличающаяся большей простотой и геометричностью, но, очевидно, генетически связанная с топорами только что рассмотренной формы. Географическое распространение их совпадает.

Железные топоры проникали в основном в те же районы Восточного Закавказья, в которые попадали бронзовые изделия колхидской культуры, т. е. по давно проторенному пути. Очевидно, разрушение киммерийцами царства Кулха, имевшее место примерно в середине VIII в. до н. э., не нарушило развития ремесла и даже торговли. Одним из последствий разрушения Кулха явилось, по мнению Г. А. Меликишвили³⁶, передвижение в Западное Закавказье некоторых народностей Восточной Грузии и, наобо-

³³ Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. Уч. зап. КабНИИ, Нальчик, 1952, рис. 8.

³⁴ Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ города Минеральные воды. КСИИМК, 58, 1955, стр. 53, 62.

³⁵ В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 52.

³⁶ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 223.

рот, движение населения Кулха в другие области. Это могло в свою очередь стимулировать и интенсивное распространение железных топоров.

Как уже отмечалось, распространение железных топоров в Закавказье, в частности в Восточной Грузии, совпадает с распространением скифского оружия.

Выше уже отмечалось предположение о возможности кавказского происхождения скифских топоров-молотков. Однако нужно отметить, что основная часть скифских топоров-молотков значительно массивнее закавказских. Рассматриваемый в данной работе материал не позволяет ставить вопрос о происхождении скифских топоров указанного типа, их распространении в лесостепи и т. п.

Нас занимают в данном случае лишь те процессы, которые протекали на территории Закавказья.

Известно, что элементы скифской культуры представлены в Закавказье достаточно широко, но лишь в очень резких случаях их можно связывать со скифским этносом. Однако сильная концентрация памятников, содержащих скифское оружие, по низменным районам Западного Закавказья, а также по Куре, вплоть до Мцхета, позволяет предполагать здесь в VI в. до н. э. наличие определенной части скифского населения. Очевидно, именно эти племена находились сначала в дружеских, союзнических отношениях с Урарту, а впоследствии, объединившись с другими закавказскими племенами, способствовали его разгрому. Очевидно, именно через эти племена, во всяком случае через часть их, осуществлялись хорошо прослеживаемые на археологическом материале связи между Урарту и скифами Прикубанья, связи, ярким свидетельством которых является келермесская секира. Элементы скифской материальной культуры, так же как и данные тспонимики, рассеяны на более широкой территории Закавказья, но железные топоры связаны именно с этой областью. Все это дает возможность предположить, что в VI в. до н. э. часть территории Западного Закавказья (от Сухуми) была заселена, наряду с местными, и какими-то скифскими племенами. Очевидно, нет оснований связывать эту территорию с предполагаемым скифским царством в Передней Азии или с царством Ашкеназ Библии. Скорее это были племена, осевшие прочно уже тогда, когда Киаксар изгнал основную их часть из Передней Азии. Но несомненно, что именно жившие здесь скифы находились в непосредственном общении с государством Урарту, с одной стороны, и со скифами Прикубанья — с другой. Именно в этой области формировался на основе закавказских бронзовых прототипов железный топор. Характерно, что среди скифских памятников более восточных районов Закавказья железные топоры нам, как правило, неизвестны; нет их, например, в вытянутых погребениях Мингечаура, в инвентаре которых скифское оружие представлено очень разнообразно. Очевидно, железный топор был воспринят жившими именно в Западном Закавказье скифскими группами. Представляется чрезвычайно вероятным, что железные топоры закавказского происхождения сыграли определенную роль в формировании в VI в. до н. э. собственно скифского топора-молотка³⁷. Топоры закавказского типа проникают далеко на север, в частности в глубь ананьинской территории, где зафиксирован целый ряд кавказских элементов (топор из Луговского могильника³⁸, железный акинак с инкрустацией из того же могильника³⁹, железная фигурка барана из Гляденовского костяка⁴⁰ и др.). Возможно, именно в лесостепи про-

³⁷ На сложение форм этого топора могло оказать влияние также и оружие других областей, и в первую очередь областей ананьинской культуры. См. В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 52.

³⁸ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. 30. 1952, табл. II, 21.

³⁹ Там же, рис. 10.

⁴⁰ А. П. Смирнов. Фигурка барана из Гляденовского костяка. Тр. ГИМ, 37, М., 1960, стр. 68—73.

изошло смешение разных форм топоров и выработалась собственно скифская форма.

Во всяком случае, несомненно, что в Урартскую эпоху скифы Прикубанья и, очевидно, те скифские племена, которые частично населяли Западное Закавказье, пользовались железными топорами закавказских, в частности западнозакавказских, форм. Эти топоры распространяются в Закавказье в то же время, что и скифское оружие, и вместе с ним проникают восточнее, на территорию Восточной Грузии. Тогда же эта форма воспринимается, по-видимому, и скифами Прикубанья.

Очень характерны в этой связи сухумские топоры, относящиеся к несколько более позднему времени — V — III вв. до н. э.⁴¹. Их своеобразная форма — широкое лезвие, узкая шейка, сильно вздутая втулка и молоточное окончание обуха отличают их от только что рассмотренных топоров. А. Н. Каландадзе⁴² и М. М. Трапш⁴³ считают, что эти формы являются дальнейшим развитием колхидо-кобанских форм железных топоров.

В литературе неоднократно отмечалось, что в IV — III вв. до н. э. греки нередко изображают скифов, державших в руках похожее оружие, хотя и отличающееся в некоторых деталях (воронежский серебряный сосуд⁴⁴, херсонесский медальон⁴⁵). Именно в это время у собственно скифов секир известно немного. Очень возможно, что греки, в частности греки, населявшие Диоскурияду, большей частью встречались с потомками западнозакавказских скифов, вероятно к этому времени уже сильно смешавшихся с местными племенами, но еще сохранивших племенное самоназвание.

Наряду с этим в VI в. до н. э. в Закавказье проникали и топоры, сформировавшиеся несомненно вне территории Закавказья.

Так, например, топор-клевец из Мусиери несомненно импортный в Закавказье и занесен сюда скорее всего скифами, которым были известны топоры-клевцы, заимствованные у племен ананьинской культуры (или полученные каким-либо другим путем). Непосредственной аналогией клеvcу из Мусиери является топор с Цугурского лимана из Прикубанья⁴⁶.

В Западном и Юго-Западном Закавказье, в отличие от Центрального и Восточного, где, как уже было сказано, топор-алебарда пропадает бесследно, боевой топор существовал очень долго. В начале IV в. до н. э. Ксенофонт описывает таоха — война сатрапа Тирибаза, «вооруженного персидским луком, колчаном и секирой, подобной секирам амазонок»⁴⁷. Эта встреча могла произойти где-нибудь в районе Карса. По мнению Г. А. Меликишвили, таохи Ксенофонта соответствуют племенам, населявшим древнюю область сперш⁴⁸.

В юго-восточном углу Закавказья, в районе Талыша (Ага-Евлар)⁴⁹ также были найдены железные топоры. По типу они совершенно отличны от описанных выше и напоминают иранские бронзовые топоры. Появление их, судя по общему инвентарю находок Ага-Евлара, должно относиться к X — VIII вв. до н. э.

⁴¹ А. Н. Каландадзе. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, табл. IX, 1, 15.

⁴² А. Н. Каландадзе. Ук. соч., стр. 77.

⁴³ М. М. Трапш. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. СА, XXIII, 1955, стр. 206 сл.

⁴⁴ Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1960, стр. 14, 15, рис. 3.

⁴⁵ М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, 34, 1914, стр. 79 сл., табл. I, 1, 2.

⁴⁶ В. А. Ильинская. Ук. соч., рис. 5, 6.

⁴⁷ Ксенофонт. Анабазис, IV, гл. IV.

⁴⁸ Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 114.

⁴⁹ E. Herzfeld. Iran in the ancient East. London, 1941, рис. 247.

HACHES EN FER DITES «SCYTHIQUES» DANS LA TRANSCAUCASIE

Résumé

L'article a pour but la systématisation chronologique et typologique des haches qui ont eu au début du I^e millénaire avant notre ère une grande extension sur les territoires de la Transcaucasie Occidentale, Centrale et, partiellement, de celle de l'Est.

Ce sont les haches en bronze des formes colchidiennes qui ont servi de prototypes aux haches de fer primitives des VIII—VII ss. Celles-là apparaissent premièrement dans la Transcaucasie Occidentale d'où commence leur extension à l'Est du pays, dans la Géorgie Centrale et Orientale.

Malgré que les haches de la fin du VII—VI ss avant notre ère soient d'une forme très simple et géométrique leur parenté avec celles du VIII—VII s avant notre ère est assez nette. Il n'y a pas de bonnes raisons pour considérer ces haches comme scythiques quoiqu'un nombre d'auteurs le fassent. Il est pourtant possible que c'est en Transcaucasie que les Scythes du bassin du Kouban ont pris connaissance de cette forme de hache. Parallèlement, au VI s avant notre ère les haches typiquement scythiques apparaissent sur le sol transcaucasien.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ЗАБЫТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В. В. ХВОЙКИ

Наследие выдающегося украинского археолога В. В. Хвойки продолжает привлекать внимание исследователей. В последнее время вышел ряд публикаций добытых им материалов¹.

Настоящая статья посвящена изданию коллекции материалов черняховской культуры, поступившей от В. В. Хвойки в ГИМ. В. В. Хвойка открыл важнейшие культуры Украины, такие как трипольская, зарубинецкая, черняховская, не менее значительны и его раскопки памятников палеолита, эпохи бронзы и раннего железа, а также древней Руси². В. В. Хвойка своими открытиями, систематизацией, датировками и предположительными определениями места раскопанных материалов среди других памятников дал последующим поколениям археологов для разработки целую область знаний. По мере введения в научный оборот подобных материалов все более ясным становится их значение для выяснения важнейших этапов исторического развития юга нашей Родины. В историю русской и украинской археологии В. В. Хвойка вошел как большой ученый.

В. В. Хвойка всю жизнь был небогатым человеком, а в последние годы нередко вынужден был производить раскопки на свои скудные средства³ или на деньги меценатов-любителей Б. И. и В. И. Ханенко. Это во многом объясняет причины поспешности проведения работ, предпочтения, оказываемого более эффективным находкам, и недостатки в методике исследований. Известны также случаи продажи В. В. Хвойкой археологических коллекций, что в те времена было обычным явлением. В 1908 г. им была продана часть вещей из Черняхова и Ромашек в Государственный Исторический музей в Москве. Из всей документации, связанной с продажей, нам удалось обнаружить только записи в Инвентарной книге ГИМ. В книге № 4 под датой 18 декабря 1908 г. записано: «№ 45425 — 43 глиняных сосуда из могильников при с. Черняхове и с. Ромашки Киевского уезда. № 45426 — 24 глиняных сосуда из раскопок площадок при с. Стретовке и с. Черняхово Киевского уезда. № 45427 — две таблицы расписных сосудов из раскопок около м. Триполье Киевского уезда. № 45428 — две таблицы черепков глиняных сосудов Трипольской культуры А с бороздкообразным орнаментом. № 45429 — три коробки с предметами, выкопанными частью в площадках, частью в Черняховском могильнике полей погребений. В графе «От кого

¹ В. П. Петров. Черняховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойка, в 1900—1901 гг.). МИА, 116, 1964, стр. 53—117; М. Ю. Брайтчевский. Ромашки. МИА, 82, 1960, стр. 100—147.

² М. Ю. Брайтчевский. Видатний український археолог — В. В. Хвойка. ВАН УРСР, 1954, 11; А. Д. Бачинский. Викентій Вячеславович Хвойка (1850—1914). ЗОАО, I, Одесса, 1960, стр. 361—364; К. П. Бахмат. Вікентій Вячеславович Хвойка (до 50-річчя з дня смерті). Археологія, XVII, Київ, 1964, стр. 188—198.

³ Внимание биографов В. В. Хвойки следует обратить на серию писем к П. С. Уваровой (31 письмо), хранящихся в Отделе письменных источников ГИМ. Там наряду с другими сведениями В. В. Хвойка сообщает о своей нужде и о раскопках «за весьма малым исключением, произведенных мною на свой счет с немалыми затратами труда и средств». ОПИ ГИМ, № 1030/12, ф. 17, стр. 131, 132.

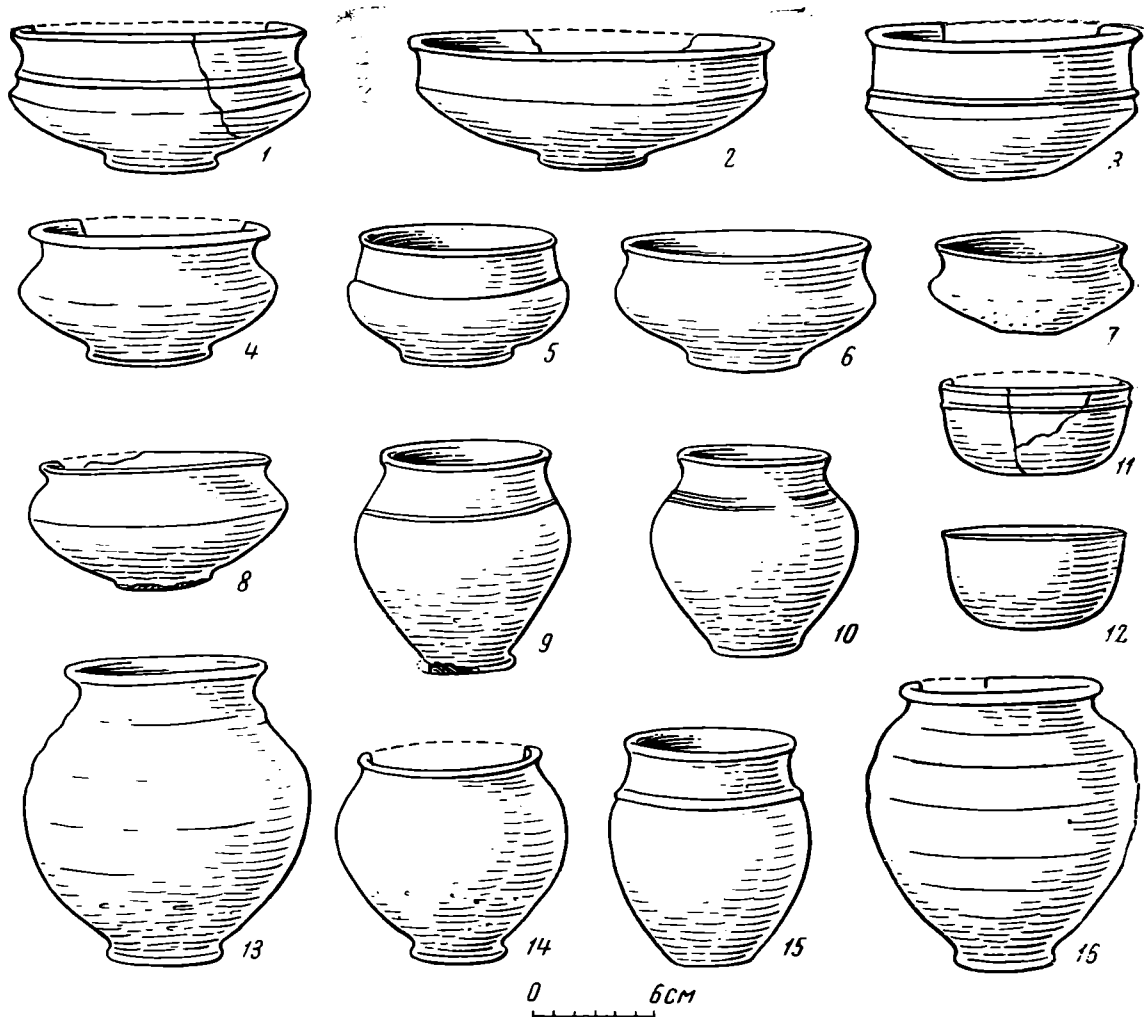

Рис. 1. Глиняные сосуды из Черняхова и Ромашек

поступило» сказано: от В. В. Хвойко за 300 рублей⁴. В «Отчете Российского Исторического музея в Москве», изданном в 1916 г., в разделе «Древности времени I тысячелетия по Р. Х.» упоминаются предметы из полей погребальных урн, открытых на берегах р. Днепра и датированных римскою серебряною монетою (II века по Р. Х.)»⁵.

⁴ Инвентарь коллекций Императорского Российского Исторического музея. № 4. Рукопись. Отдел учета ГИМ, № 45425—45429. Соответствующий переписки о продаже в отделах ГИМ нами не обнаружено. Не удалось также выяснить, в каком отношении была перечисленная в инвентаре группа находок с перечнем вещей, приво-дывшимся В. В. Хвойкой, и вообще входила ли данная коллекция в состав материалов культуры полей погребений, опубликованных автором раскопок. Как известно, в одном только Черняхове при раскопках было найдено более 300 сосудов (точное число их не установлено и по сохранившимся сведениям, колеблется от 317 до 383 — см. В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, 116. стр. 66—68). В то же время следует отметить обособленную нумерацию сосудов в ГИМ. Большинство сосудов или фрагментов, относящихся к культуре полей погребений, общим количеством 44 шт., сохранило старые наклеенные бумажные этикетки с зубчатыми краями, в виде марок, с написанными на них цифрами от 1 до 44. Такого же типа этикетки имеются на черняховских сосудах, хранящихся в Киевском Историческом музее и происходящих из собрания В. В. Хвойки. Скорее всего, выбранные В. В. Хвойкой для продажи разнородные сосуды были пронумерованы отдельно, хотя и входили в число упомянутой в его записях керамики. Косвенным доводом в пользу выказанного нами соображения является приводимое ниже сопоставление и идентификация сосудов из коллекции ГИМ с опубликованными в ЗРАО сосудами. По-видимому, после публикации (корректуру которой, как помогли выяснить упомянутые письма В. В. Хвойки, просматривала П. С. Уварова, проявившая интерес к находкам. См. ОПИ ГИМ, № 1030/12, ф. 17, стр. 126, в письме от 31.VIII.1901 г.) часть сосудов этой коллекции В. В. Хвойкой была продана в Москву.

⁵ Отчет Императорского Российского Исторического музея в Москве за XXV лет (1883—1908). М., 1916, стр. 74.

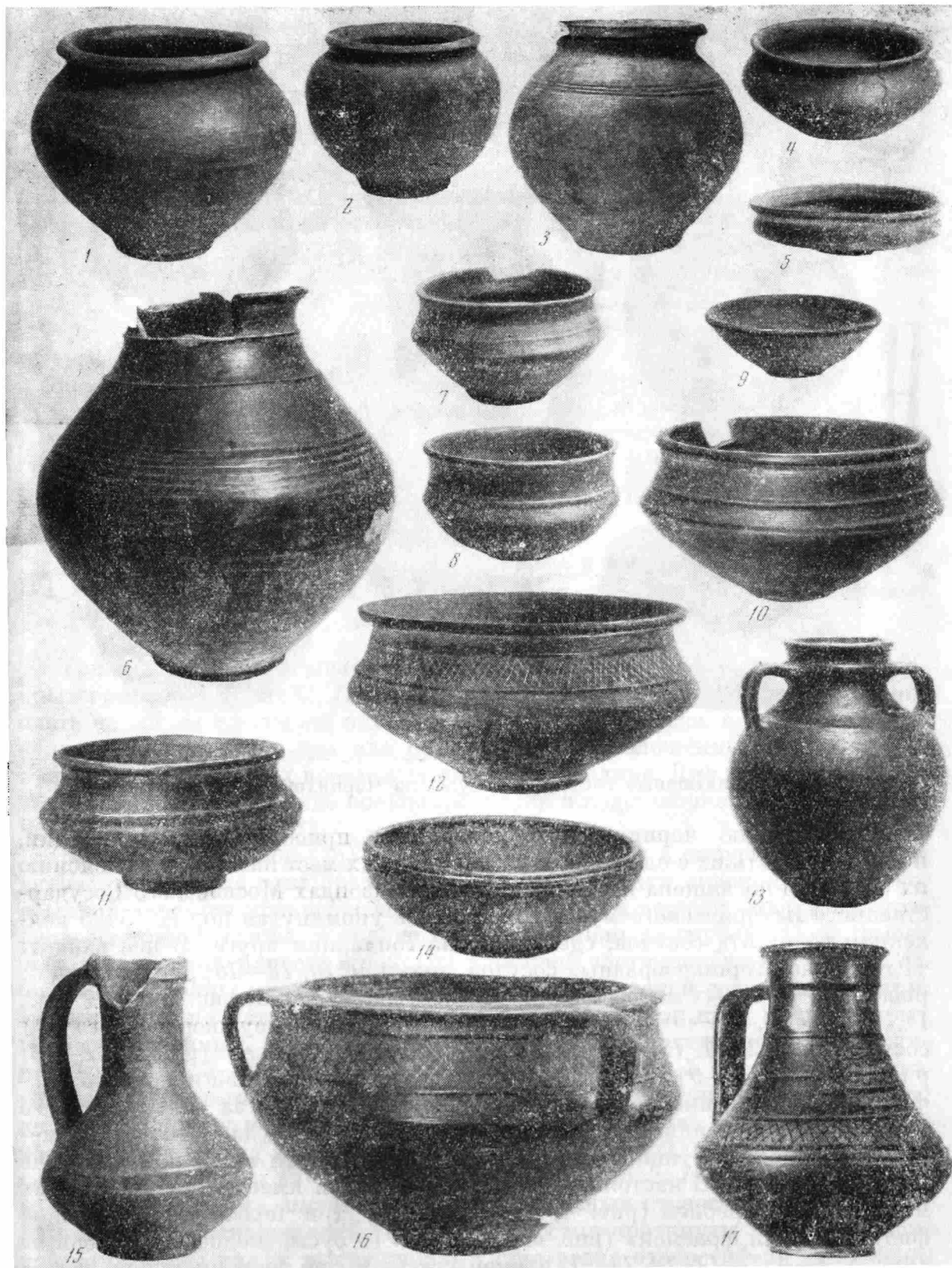

Рис. 2. Глиняные сосуды из Черняхова и Ромашек

Рис. 3. Миниатюрные глиняные сосуды из Черняхова и Ромашек (?)

Рассмотрению черняховских материалов приобретенной коллекции, попытке связать их с одним из двух упомянутых мест находок и выяснению их значения посвящена настоящая статья. В фондах Московского Государственного Исторического музея сохранилась упомянутая под № 45425 коллекция глиняных сосудов, сделанных на гончарном круге. В нее входят: 11 горшков и горшкообразных сосудов (рис. 1, 9, 10, 13—16; рис. 2, 1—3, 6; рис. 3, 4); 18 целых мисок и один обломок (рис. 1, 1—8; рис. 2, 4, 5, 7—12, 14, 16; рис. 5, 2); чегыре кувшина и один обломок кружкообразного (?) сосуда (рис. 2, 13, 15, 17; рис. 3, 5; рис. 5) и 9 кубков (рис. 1, 11—12; рис. 3, 1—3, 5, 7—9), т. е. всего 44 сосуда, из которых два неполного профиля. Последние при передаче были, видимо, приняты за обломки одного сосуда, поэтому в инвентарной книге показано 43 сосуда⁶. Число предметов черняховского типа в инвентарной книге под № 45429 при передаче указано не было. В настоящее время в коллекции имеется пять костяных многочастных гребней (рис. 4, 15, 16, 18—20); три целые металлические фибулы и один фрагмент (рис. 4, 5, 6, 12, 17); бусы, подвески и обоймы (рис. 4, 1—4, 7—11, 13, 14). В данной статье мы не даем индивидуального описания переданных в Музей находок, ограничившись лишь суммарной характеристикой каждой вышеперечисленной группы сосудов и вещей.

⁶ Глиняные сосуды под № 45426, указанные в инвентарной книге как происходящие из Стретовки и Черняхова, относятся к трипольской культуре. В обоих случаях, как показало наше разведочное обследование, черняховские памятники находятся по соседству с трипольскими. Не явилось ли это одной из причин утверждения В. В. Хвойки о возможности почти прямой генетической преемственности трипольских памятников и культуры полей погребений!?

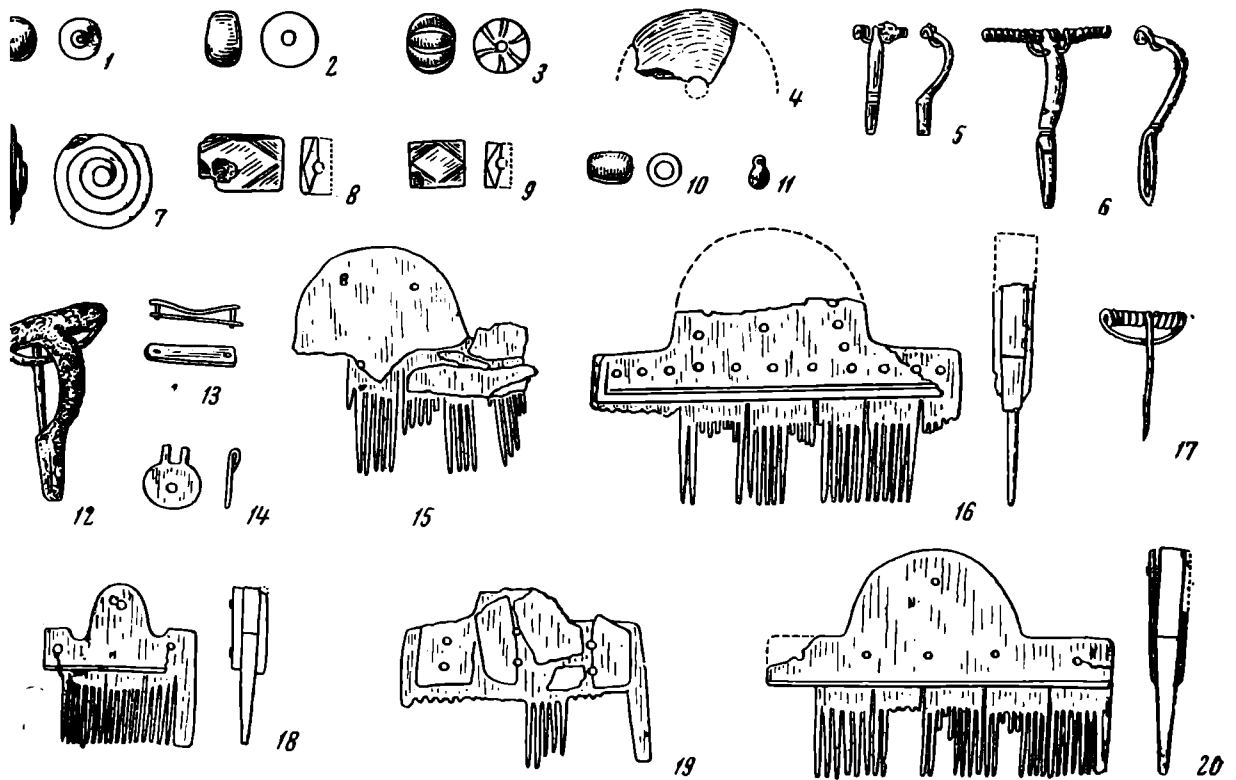

Рис. 4. Находки из Черняхова и Ромашек

1—3, 7, 10 — стекло; 4 — янтарь; 8, 9 — обожженный сурдолик; 5, 6, 11, 13, 14, 17 — бронза; 12 — железо; 15, 16, 18—20 — кость

Три горшка из описываемой нами коллекции почти черного цвета покрыты лощением (рис. 2, 1, 6; рис. 3, 4). Остальные восемь горшков серого цвета из глины с большей или меньшей примесью песка, в некоторых случаях со щербинами у дна или орнаментом, расположенным по плечикам в виде горизонтальных врезанных линий или валика. Дно у них или не выделено, или сделано в виде кольцевой ножки и подставочной плитки (рис. 1, 9, 10, 13—16; рис. 2, 2, 3).

Большинство мисок (16) биконические, с резким и округлым перегибом тулова, в их числе одна трехручная. Дно мисок, как правило, выделено, обычной является кольцевая ножка; цвет серый и черный. Миски изготовлены из тонкой глины, и только одна, сделанная из грубой глины, имеет шероховатую поверхность и покрыта в нижней части щербинами (рис. 1, 7). Орнаментированы миски валиками, уступами, лощеной сеткой и зигзагом, нанесенными на матовом незалощенном поле. Обломок края миски покрыт рядами сдвоенных, параллельных, полукруглых пунктирно-чеканных линий (рис. 1, 1, 3—8; рис. 2, 4, 5, 7, 8, 10—12, 16; рис. 5, 2). Одна миска из глины желтоватого цвета имеет почти цилиндрическую верхнюю часть, кольцевую ножку и покрыта лощением (рис. 1, 2). Две миски полусферические. Одна из них темно-серая, с кольцевой ножкой, покрыта лощением; ее край чуть скошен внутрь и как бы рифлен (рис. 2, 14). Другая, близкая к конической форме, имеет в дне шесть сквозных отверстий и была предназначена для отцеживания творога. Отверстия проткнуты круглой палочкой со стороны дна, и выступившая глина возле отверстий не заглажена. Поверхность сосуда шероховатая (рис. 2, 9—9А).

Кувшины разных типов, все покрыты лощением. В их числе один двуручный с округлым туловом, черного цвета (рис. 2, 3). Другие имеют разной длины горло, биконическое тулово и кольцевые поддоны. Кувшины разнообразно орнаментированы. Наиболее бедно украшен кувшин, изображенный на рис. 2, 15. Лощением по матовому полю украшен кувшин, воспроизведенный на рис. 2, 17, где сочетаются вместе линии лощеного зигзага и

сетки. У кувшина на рис. 3, 6 горло, ручка и верхняя часть тулова имеют плоские грани. По-видимому, кружкообразный сосуд, от которого уцелел фрагмент верхней части (рис. 5, 1), интересен не столько орнаментом в виде простых параллельных валиков, сколько способом прикрепления к венчику широкой плоской ручки, украшенной по середине продольным валиком. Эти угловатые плоскости в месте прикрепления напоминают металлическую посуду позднеримского времени.

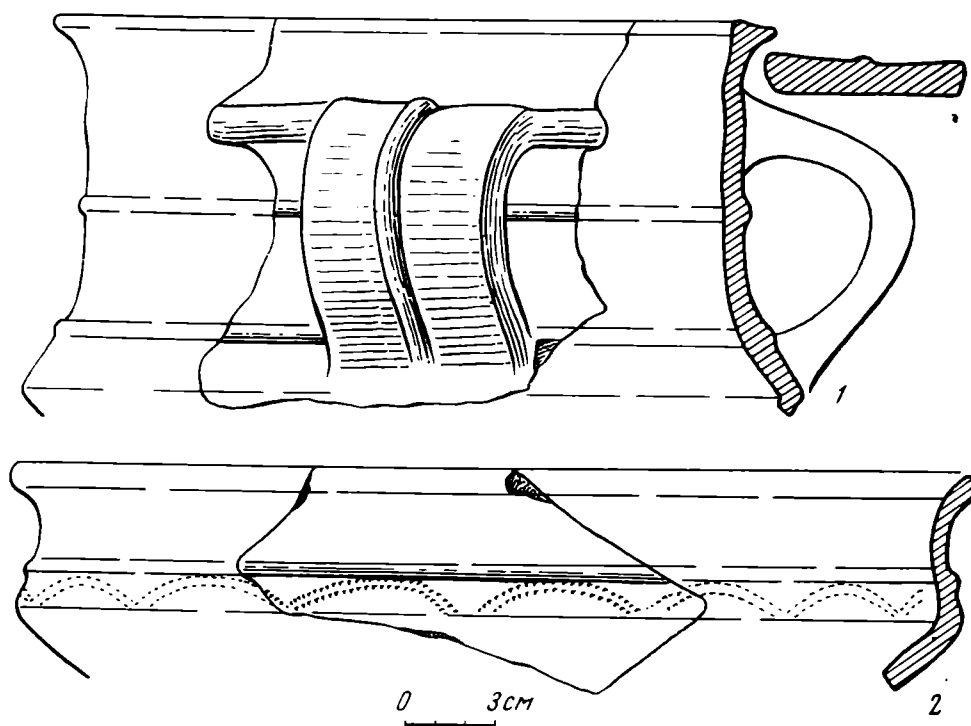

Рис. 5. Фрагменты глиняных сосудов черняховской культуры из коллекции ГИМ

Все кубки коллекции — от полусферических до мискообразных — покрыты лощением, сделаны из глины разного цвета — от желтоватого до серого и черного. Пять полусферических кубков довольно приземисты, имеют слабо выделенный край, подчеркнутый иногда горизонтальным валиком, и уплощенное дно (рис. 1, 11, 12; рис. 3, 5, 8, 9). Два кубка воспроизводят формы биконических мисок. Один по плечикам соответственно украшен распространенным на таких формах валиком (рис. 3, 1, 7). Еще два кубка, близкие к полусферической форме, но с более выгнутой наружу верхней частью и туловом, покрытым богатым орнаментом, следует рассмотреть отдельно. Первый сосуд оранжеватого цвета, немного выше середины высоты украшен горизонтальным валиком с косыми параллельными пунктирными насечками. Под ним идет зона сплошного орнамента из углубленно лощеных кружков, обрамленных маленькими ямками, а между ними остальная поверхность тулова покрыта рядами зигзагообразных лощеных и пунктирных линий. Снизу ряды пунктирных линий образуют квадратную фигуру, окружающую лощеное углубление на месте дна кубка (рис. 3, 2). Другой сосуд черный, близок вышеописанному по форме, но имеет более короткий венчик, под которым проходят желобки и валик. Ниже — зона орнамента из больших штампованных кружков с пунктирными краями. Между кружками сверху и снизу вдавлены небольшие кружки. Еще ниже колечки с зубчатыми краями с крестообразными линиями внутри чередуются с простампованными фигурными вдавлениями с длинными, свисающими ко дну выступами. Полусферическое углубление в дне окружают небольшие пунктирные кружочки (рис. 3, 3).

Необходимо отметить, что в описываемой коллекции есть уникальные для Черняхова и Ромашек (и даже для всей культуры) формы и образцы

орнаментации. Горшки наиболее стандартны по типу, но лощеный сосуд больших размеров, с валиком под отогнутым венчиком (рис. 2, 6) — для черняховских могильников форма редкая. Параллели ему прослеживаются в областях распространения пшеворской и липицкой культур на западе⁷. Наряду с широко распространенными формами мисок следует отметить редкий полусферический сосуд, явно следующий образцам античного мира (рис. 2, 14). Подобного сосуда в опубликованных В. В. Хвойкой и В. П. Петровым черняховских материалах не имеется, но зато эта сероглиняная миска очень близка одному из краснолаковых сосудов из серии, приведенной в статье А. Т. Брайчевской. Время краснолаковой миски I—III вв.⁸ Такая находка подкрепляет мнение о принадлежности красноглиняных сосудов, опубликованных А. Т. Брайчевской и М. Ю. Брайчевским к Ромашковскому могильнику⁹. Коническая миска для отцеживания творога (рис. 2, 9—9А) не имеет двойников ни на таблицах керамики, ни из Черняхова, ни из Ромашек. В Черняхове есть бронзовое донышко цедилки¹⁰, но сосуд из коллекции ГИМ дает представление о сосудах специального назначения. Публикуемые кувшины изысканных форм выделяет специфический орнамент. В одном случае мы видим сочетание лощеного зигзага и сетки (рис. 2, 17). Как нами уже отмечалось, такое сочетание подкрепляет мнение об одном семантическом значении обоих типов орнамента¹¹. Граненый миниатюрный кувшинчик (рис. 3, 6) дополняет представление о высоком уровне гончарного ремесла мастеров, снабжавших своей продукцией поселения у Черняхова и Ромашек. Кубки из коллекции ГИМ существенным образом пополняют группу сосудов такого же назначения с обоих памятников. Из Ромашек сохранился только один кубок, близкий изображенному на рис. 3, 8¹², а В. П. Петров смог опубликовать из Черняховского могильника только два кубка¹³, хотя даже в публикации В. В. Хвойки их было издано гораздо больше¹⁴. Если В. П. Петровым выбраны из числа изданных В. В. Хвойкой только богато орнаментированные кубки, то два своеобразно орнаментированных экземпляра из публикуемой нами коллекции, несомненно, заслуживают быть отмеченными (рис. 3, 2, 3). Однако здесь возникает вопрос, в какой степени опубликованные сосуды могут быть связаны с одним или другим названным могильником. Рассмотрение таблиц в статье В. В. Хвойки помогло кое-что в этом отношении выяснить. Оказывается некоторые сосуды из коллекции ГИМ определенно соответствуют сосудам из «Могильника при с. Черняхове», изображенным на табл. XXI и XXII. Из-за мелкого размера фотографий на таблицах удастся бесспорно идентифицировать только характерные формы. Стандартность форм основного типа лишает возможности связать сосуды, описываемые в данной статье, с изображенными на таблицах В. В. Хвойки. По этой же причине достоверно удалось сопоставить с таблицами В. В. Хвойки только характерную большую трехручную миску (рис. 2, 16)¹⁵. То же удалось сделать с двумя кувшинами — двуручным¹⁶ (рис. 2, 13) и одноручным¹⁷ (рис. 2, 17). Особенно много на таблицах В. В. Хвойки изображено кубков,

⁷ M. S m i s z k o. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolske wschodniej. Lwów. 1932, стр. 131, рис. 1; табл. VIII, 13; J. K o s t r z e w s k i. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław. 1955, стр. 216, рис. 615, 615, 616.

⁸ А. Т. Б р а й ч е в с ь к а. Деякі археологічні дані про торгівлю древніх слов'ян з кримськими містами. «Археологія», X, Київ, 1957, стр. 116, табл. I, 2.

⁹ Там же, табл. I; М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. Ук. соч., табл. III.

¹⁰ В. В. Х в о й к а. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, нов. сер., XII, СПб., 1901, табл. XX, 34; В. П. П е т р о в. Ук. соч., стр. 115, рис. 15, 9.

¹¹ Э. А. С ы м о н о в и ч. Орнаментация черняховской керамики. МИА, 116, 1964, стр. 307, 342.

¹² М. Ю. Б р а ч е в с к и й. Ук. соч., стр. 113, табл. I, 4.

¹³ В. П. П е т р о в. Ук. соч., стр. 99, рис. 9, 4, 5.

¹⁴ В. В. Х в о й к а. Ук. соч., табл. XXII.

¹⁵ Там же, табл. XXII, 28.

¹⁶ Там же, табл. XXI, 29.

¹⁷ Там же, табл. XXI, 25.

которые ныне хранятся в фондах ГИМ. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить наши рис. 3, 1, 2, 5, 7, 8 (и, возможно, 9) с табл. XXII, 1, 7, 10, 13, 14 (и, возможно 8)¹⁸. Произведенная идентификация важна потому, что убеждает в несомненном происхождении из Черняхова по крайней мере части публикуемой коллекции и показывает, что еще одна часть коллекции сосудов Черняховского могильника уцелела во время войны. Таким образом, существенно пополняется представление о черняховских кубках и появляется возможность их изучения с типологической и технологической сторон.

Следующий шаг для установления происхождения сосудов из коллекции ГИМ сделан при типологическом сопоставлении их с опубликованными и неопубликованными материалами из Черняхова и Ромашек. Начав сравнение массовой, на первый взгляд довольно однообразной группы горшков, мы убеждаемся, что большинство сосудов могут быть причислены как к одному, так и к другому могильнику. Однако некоторые из них, по видимому, спутать невозможно. Так, ни один из горшков, выкопанных в Черняхове, не был украшен выразительным широким валиком, подобным имеющемуся на плечиках небольшого сосуда из ГИМ (рис. 1, 15). Между тем три из семи ромашковских горшков, воспроизведенных М. Ю. Браичевским, имеют на плечиках валик. Один из этих сосудов имеет черты типологического сходства с приведенным нами горшком¹⁹. То же относится к горшку специфической формы со сравнительно вытянутой узкой верхней и нижней частью и максимальным расширением тулова по середине (рис. 1, 13). Такая форма для Черняховского могильника не типична, а в Ромашках она имеется²⁰. Большинство прочих горшков из коллекции ГИМ, судя по близким аналогиям, скорее всего, может быть связано с гончарными центрами, снабжавшими население, хоронившее своих соотечественников в Черняхове²¹. Указание в литературе на применение в Черняхове лощеных, вообще довольно редких горшков²² и отсутствие их в Ромашках²³ еще более подкрепляет наше мнение о возможности отнести с большой долей вероятности к Черняховскому могильнику еще два сосуда из коллекции ГИМ (рис. 2, 1; рис. 3, 4).

Огромное число мисок из Черняхова (210 шт.) дает массу разновидностей²⁴. Среди них есть формы, почти в точности повторяющие 19 мисок из коллекции ГИМ. В материалах из Ромашек, если даже добавить недавно опубликованную часть коллекции, хранящуюся в Варшаве и изданную Т. Пенткой-Домбровской, нет такого большого материала для сравнения²⁵. Близкие формы мисок открытого и закрытого типа из обоих памятников затрудняют атрибуцию сосудов публикуемой коллекции (рис. 2, 16 — Черняхов; рис. 2, 14 — Ромашки)²⁶. Может быть только еще некоторое сходство орнамента, покрывающего бок биконической миски дугообразными пунктирными линиями (рис. 5, 2) с дугообразными вдавлен-

¹⁸ В. В. Хвойка. Ук. соч., табл. XXII, 1, 7 и, возможно, 8, 10, 13, 14.

¹⁹ М. Ю. Браичевский. Ромашки, стр. 114, табл. II, 4.

²⁰ Там же, стр. 114, табл. II, 6.

²¹ Кроме опубликованных В. В. Хвойкой и В. П. Петровым материалов, нами использованы для сравнения 22 горшка, полученные во время производившихся нами работ на Черняховском могильнике в 1961—1962 гг., что увеличило почти вдвое число воспроизведенных в изданиях сосудов. В то же время общее число найденных в Черняхове горшков достигало 137 (см. МИА, 116, стр. 88).

²² В. П. Петров. Ук. соч., стр. 92.

²³ М. Ю. Браичевский. Ромашки, стр. 129, 130.

²⁴ В. П. Петров. Ук. соч., стр. 93—96.

²⁵ М. Ю. Браичевский. Ромашки, табл. I, 3, 5, 6; T. Piętk a - Dą b r o w s k a. Przyczynki do Znajomości, Okresu od I do VI w. n. e. z miedzrzecza Dniepru i Bugu «Wiadomości archeologiczne», XXVII, 2, Warszawa, 1961, табл. XLV, 1—3.

²⁶ Среди сосудов черняховской культуры из ГИМ преобладают, как и в самом Черняхове, биконические сосуды над тарелкообразными открытого типа, но этот признак нельзя считать достаточным для установления места находки большинства публикуемых мисок.

ниями на сосудах черняховской серии²⁷ дает основание предполагать одинаковый источник их происхождения.

Более характерная группа кувшинов и кружкообразных сосудов не столь многочисленна, как вышерассмотренные. Из трех оставшихся неопределенными сосудов из коллекции ГИМ (рис. 2, 15; рис. 3, 6; рис. 5, 1) один может быть сопоставлен с длинногорлыми, имеющими округло-биконическое тулово кувшинами из Черняхова²⁸; другой — с кувшином с граненой верхней частью, от которого сохранился обломок в том же Черняхове²⁹, и третий — с кружкообразными сосудами опять-таки из Черняховского могильника³⁰. Среди ромашковских сосудов подобных кувшинов и кружек нет.

Осталось неопределенным место происхождения двух маловыразительных кубков (рис. 1, 11, 12) и замечательного, изданного нами ранее кубка со штампованно-пунктирным орнаментом³¹ (рис. 3, 3). Способ украшения и пропорции этих приземистых полусферических сосудов сближают все три сосуда с серией подобных чарок из Черняховского могильника³². Единственный кубок, сохранившийся в числе инвентаря Ромашковского могильника³³, не похож ни на один из рассматриваемых сосудов для питья. К тому же пунктирно-штампованный орнамент в Ромашках представлен только на известном кувшине со знаками³⁴ сельскохозяйственного календаря.

Рассмотрев керамику из коллекции ГИМ, мы приходим к выводу о том, что большинство поддающихся определению сосудов происходит из Черняхова.

Прочие вещи, находящиеся в составе коллекции, поступившей в ГИМ, немногим пополняют материалы двух известных среднеднепровских могильников.

Все костяные гребни многочастные, длиною от 9,0 до 4,0 см (рис. 4, 15—16, 18—20), относятся к типу гребней с полукруглым выступом на спинке, они скреплены железными, бронзовыми гвоздиками и трубочками (рис. 4, 16). На таблице В. П. Петрова в статье о Черняховском могильнике изображены 22 костяных гребня. По его данным, в КГИМ поступило из Черняхова действительно 22 гребня, и соответствие их количества казалось бы убедительным, если бы не одно обстоятельство. Нам было необходимо выяснить причину совпадения трех гребней из Черняхова (по В. П. Петрову) с гребнями, изображенными на табл. XIX В. В. Хвойки, где помещены предметы, происходящие из Ромашек³⁵. Оказалось, что гребни коллекции ГИМ не совпадают с изданными В. В. Хвойкой и В. П. Петровым, и, следовательно, не удастся определить место их находки.

Типологически в группе гребней из коллекции ГИМ наиболее интересным является миниатюрный гребешок, принадлежавший, очевидно, ребенку (рис. 4, 18). Подобного в ранее опубликованных материалах из Черняхова и Ромашек нет. Остальные же типы имеют прямые аналогии на изданных рисунках (В. В. Хвойка, М. Ю. Брайчевский, Т. Пентка-Домбровская).

Фибулы как характерная деталь одежды населения, оставившего культуру полей погребений, отличаются в Черняхове и Ромашках большим раз-

²⁷ В. В. Хвойка. Ук. соч., табл. XXII, 29; В. П. Петров. Ук. соч., стр. 98, рис. 8, 1; Э. А. Симонович. Орнаментация..., стр. 325, рис. 26, 1а.

²⁸ В. П. Петров. Ук. соч., стр. 100—103, рис. 7, 7; рис. 8, 8; рис. 10, 7.

²⁹ Там же, рис. 6, 18.

³⁰ Там же, рис. 7, 20; рис. 10, 13.

³¹ Э. А. Симонович. Орнаментация..., стр. 312, рис. 21, 6.

³² В. П. Петров. Ук. соч., стр. 99, рис. 9, 5.

³³ М. Ю. Брайчевский. Ромашки, стр. 113, табл. 1, 4.

³⁴ Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, 4, стр. 74, рис. 7.

³⁵ В. П. Петров. Ук. соч., стр. 111, рис. 12, 13, 20, 22; В. В. Хвойка. Ук. соч., табл. XIX, 20, 25, 27. Подпись под табл. XIX В. В. Хвойки в ЗРАО («Могильник при с. Ромашки») надо считать ошибочной, так как на ней опубликованы находки из с. Черняхова.

нообразиям деталей и размеров³⁶. В ГИМ хранятся две бронзовые фибулы (рис. 4, 5, 6) и один обломок (рис. 4, 17). Это распространенные в позднеримское время арбалетные фибулы, из которых одна с подвижным приемником иглы, а другая, меньшая, с приемником, выкованным вместе с ножкой фибулы. Все они имеют железную ось пружины. Железная фибула (рис. 4, 12) тоже арбалетной формы и, возможно, с подвижным приемником иглы (сильно окислена). Перечисленные предметы немного могут добавить к ранее опубликованным материалам. Сопоставить их с изданными в мелком масштабе изображениями черняховских и ромашковских фибул подобного рода не удастся, и соответственно не ясно, с каким именно из этих двух памятников они могут быть связаны.

Бусы в коллекции ГИМ представлены: обломком янтарной округло-уплощенной бусины (рис. 4, 4); двумя 14-гранными обожженными бусинами из сердолика (рис. 4, 8, 9), пятью стеклянными — одна золотистая бочонкообразная (рис. 4, 10); одна округло-уплощенная полупрозрачная зеленоватого цвета, из гладкого жгута, свернутого спиралью (рис. 4, 7), еще одна округло-уплощенная черного цвета (рис. 4, 2) и две шарообразные — голубая непрозрачная (рис. 4, 1) и черная с белыми прожилками (рис. 4, 3). Разнообразные бусы, приведенные в статьях В. В. Хвойки и В. П. Петрова, сравнивать с приведенными нами невозможно из-за масштаба и качества изображений. Нам представляется необходимым обратить внимание на зеленоватую стеклянную бусину из коллекции ГИМ (рис. 4, 7). Подобные ей были найдены при раскопках могильника в Журавке, Корсунь-Шевченковского района, но их нет в материалах Черняхова и Ромашек³⁷.

В заключение упомянем еще три предмета из коллекции ГИМ, а именно поделку в виде бубенчика из бронзы (рис. 4, 11), круглую бронзовую обойму с двумя петельками, может быть относившуюся к пряжке³⁸, но, возможно, употреблявшуюся и как самостоятельное украшение (рис. 4, 14). Аналогичное украшение с одной петелькой помещено на таблице В. В. Хвойки, как происходящее из Черняхова³⁹. Еще одной обойме из двух тонких бронзовых полосок, скрепленных двумя миниатюрными бронзовыми гвоздиками, аналогий в опубликованных черняховских и ромашковских материалах нет (рис. 4, 13).

Настоящей небольшой публикацией мы пытались прежде всего ввести в научный оборот по сути дела забытую и считавшуюся депаспортизованной коллекцию почти не опубликованных предметов черняховского типа, хранящихся в Государственном Историческом музее, и привлечь к ним внимание. Нам не удалось связать вещи с отдельными погребальными комплексами известных могильников культуры полей погребений в Черняхове и Ромашках, но зато представилось возможным с разной степенью определенности разделить их по памятникам на основе сопоставлений с таблицами изданий и с помощью выявленных типологических особенностей керамических комплексов двух памятников. В этой связи заметим, что не только на примере всего комплекса опубликованных сосудов из Черняхова и Ромашек, которые расположены друг от друга по прямой на расстоянии около 35 км, мы прослеживаем различие истоков снабжения гончарной посудой. Раскопки на поселении и могильнике близ Журавки

³⁶ В Инвентарную книгу археологического отдела КГИМ были записаны 32 экземпляра бронзовых, серебряных и железных фибул из одного только Черняхова (см. В. П. Петров. Ук. соч., стр. 104—105, рис. 11; см. также В. В. Хвойка. Ук. соч., табл. XX). В Ромашках фибул найдено меньше, см. М. Ю. Брайчевский. Ромашки, стр. 133.

³⁷ В. В. Хвойка. Ук. соч., табл. XIX, 1—13; В. П. Петров. Ук. соч., стр. 113, рис. 14, 20—39.

³⁸ Например, см. В. П. Петров. Ук. соч., стр. 109, рис. 12, 30, 31.

³⁹ В. В. Хвойка. Ук. соч., табл. XX, 7; В. П. Петров. Ук. соч., стр. 113, рис. 14, 9.

показали, что их керамика имеет определенную специфику, хотя расстояние от них до Ромашек всего около 65 км, а до Черняхова — 85 км. Найденные на поселении в Журавке гончарные горны и мастерская гончара не оставляют сомнения в существовании местного производства керамики. Характерно для Журавки, например, распространение приземистых, близких к биконическим, форм горшков и почти полное отсутствие керамики с пунктирным орнаментом (в инвентаре 124 вскрытых могил был найден только один обломок кубка с пунктирным орнаментом явно привозного происхождения). Такая специфика объясняется существованием местного керамического производства. Следовательно, снабжение населения Журавки посудой шло из иных гончарных центров, чем в Черняхове и Ромашках. При этом, конечно, приходится учитывать значение хронологического фактора, поскольку Журавское поселение относится к позднечерняховским памятникам. Скорее всего более близко расположенные друг к другу поселения в Черняхове и Ромашках тоже снабжались продукцией разных гончарных мастерских, что наложило некоторый отпечаток на их посуду. Сейчас уже известно в областях Среднего Поднепровья много находок гончарных печей при отдельных рядовых поселениях культуры полей погребений. По данным книги М. Ю. Брайчевского и журавских находок, в поднепровском бассейне известно до десятка мест находок гончарных горнов⁴⁰. Таким образом, видимо, в областях Поднепровья снабжение гончарной посудой производилось не за счет таких огромных гончарных центров, как это было в западных областях распространения черняховской культуры (имеется в виду Иголомя в Малопольше), а за счет более мелких мастерских местных гончаров. Радиус действия таких сравнительно малых центров гончарного ремесла, несомненно, был более ограничен, чем в западно-украинских и сопредельных им польских областях распространения черняховских памятников. Отделение ремесла и концентрация его шли, по-видимому, в разных районах размещения населения культуры полей погребений не одинаково. Под влиянием соседства античного мира и внутреннего процесса социального распада родовых отношений выделение ремесла гончара, концентрация и связанные с этим стандартизация и серийность производства глиняной посуды шагнули дальше на западе, чем в Поднепровье.

E. A. Cymonovitch

COLLECTION OUBLIÉE DE V. V. KHVŌİKA

Résumé

L'article met en circulation scientifique la collection de céramique et d'autres objets de la civilisation des champs d'urnes cinéraires des fouilles entreprises par Khvoïka dans les villages Tcherniakhov et Romachki, près de Kiev. En 1908 Khvoïka a vendu au GIM (Musée national de l'Histoire) 43 poteries sans indiquer la place précise des trouvailles. La description des pièces et les confrontations typologiques permettent d'établir l'appartenance hypothétique de certains échantillons typiques de la céramique à l'une ou l'autre nécropole susmentionnée. Les résultats des travaux de ces dernières années prouvent que la céramique des gisements du type tcherniakhovien se trouvant non loin les uns des autres et qui sont à peu près du même âge se différencie sensiblement.

Ce phénomène s'explique par le fait que la céramique de ces hameaux provenait des centres céramiques locaux différents.

Il est évident que la concentration et la spécialisation de l'industrie céramique dans la zone des steppes boisées dans la période de la Rome tardive n'avait pas partout le même rythme du développement, leur niveau restant inférieur à ceux de la Pologne Mineure, par exemple.

⁴⁰ М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 123, 124, рис. 29.

Н. Н. ВОРОНИН И П. А. РАППОРТ
РАСКОПКИ В СМОЛЕНСКЕ В 1966 г.

1. К архитектурной истории церкви Петра и Павла

Церковь Петра и Павла — один из трех уцелевших на поверхности земли памятников смоленского зодчества XII в. Здание сильно пострадало в XVII—XVIII вв. при сооружении к западу от него корпуса епископских палат с церковью Варвары, когда внутри древнего храма был поднят пол, а фасады были обработаны в стиле форм пристройки². Реставрация памятника в 1962 г. архитектором П. Д. Барановским вернула зданию первоначальный облик (рис. 1), но подъем пола и уровня окружающего грунта сильно понизили храм, сообщив ему большую грузность и приземистость.

Это превосходный образец крестовокупольного одноглавого храма строгих пропорций, подчеркнутых сдержанностью декора. Его фасады членятся лопатками с полуколоннами у двух средних; широкие угловые лопатки не имеют полуколонн. Апсиды оживлены плоскими вертикальными тягами со слепой аркадой в верхней части. Полуциркульные и широкие амбразуры окон и порталов обрамлены строгой одноступенчатой нишей. Темные пятна этих проемов подчеркивают мощь здания. В уровне пят полуциркульных закомар фасады опоясывает лента аркатуры с поребриком. Широкие плоскости угловых лопаток пересекают лента бегунца и выложенные из плинфы рельефные кресты. В убор карнизной части массивного 12-гранного барабана введен пояс керамических уступчатых нишек с килевидными завершениями, что облегчает пропорции главы и подчеркивает некоторый интерес зодчего к «высотности» здания. Учитывая, что дневная поверхность лежала примерно на 1,5 м ниже современной, можно оценить стройность и слаженность храма.

Законченность здания такова, что трудно усомниться в его изначальной «изолированности». Его древнейшее, правда весьма условное, изображение на гравюре Гондиуса 1636 г. представляет храм без каких-либо обстроек³. Однако в его архитектуре есть осложняющие вопрос улики. В его западной трети были хоры, куда попадали по лестнице в толще западной стены, поднимавшейся с северного угла к югу; лестница выходила на среднюю часть хор. Угловые их части были крыты крестовыми сводами. Юго-западная треть была выделена как самостоятельная капелла со своей апсидкой и щелевидным оконцем в ней⁴. Кроме входа через проем

¹ Н. Н. Ворониным написан раздел I, П. А. Раппортом — II.

² Обзор истории памятника см.: М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964, стр. 58—66.

³ М. К. Каргер. Там же, рис. на стр. 59.

⁴ Существует не отвечающее истине предположение, что комната на хорах была выделена в католическое время и в ней стоял орган, а через оконце органист следил за службой. И. Соколов. Историческая записка о Петропавловской церкви в Смоленске. «Смоленские епархиальные ведомости», 1896, 13, стр. 662, 663.

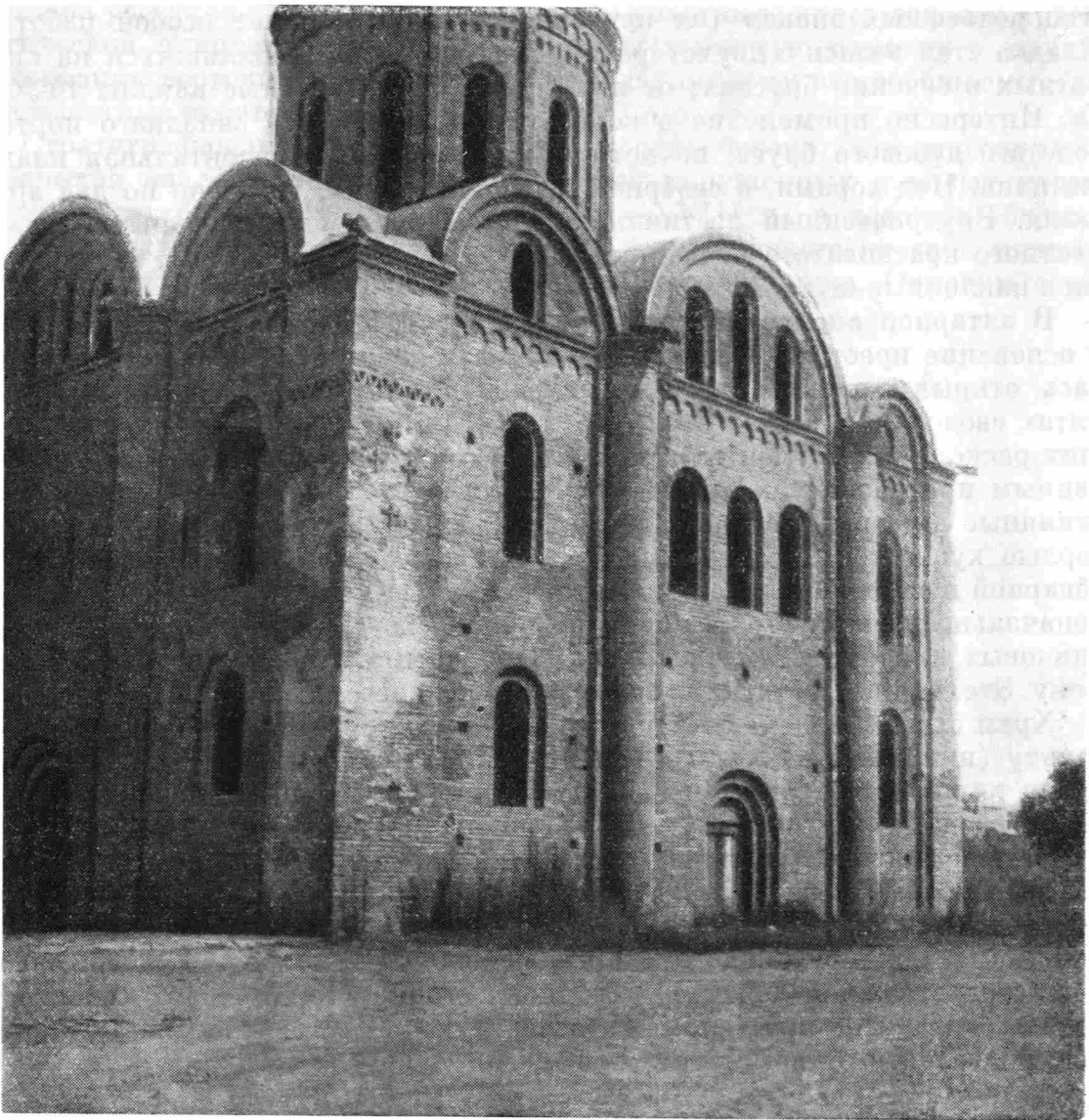

Рис. 1. Общий вид храма

с центральной части хор, капелла располагала своим особым входом через проем в южной трети западной стены. Сейчас этот арочный проем выходит в пустоту, и ясно, что первоначально он выводил на переход во второй этаж какого-то располагавшегося к западу от храма двухэтажного здания. Пол прохода и капеллы был вымощен майоликовыми плитками большого формата ($2,7 \times 20$ см), сходными с плитками южного грядела.

Приведем сведения о технических данных постройки и интерьере храма.

Он поставлен на фундаменте из крупного булыжника и обломков плинфы на глине. Глубина фундамента от древней дневной поверхности равна 1,20 м, он запущен в материковую глину; платформа фундамента выложена из двух-трех рядов плинфы с выносом как снаружи, так и внутри на 20—25 см. Стенная кладка выполнена из плинфы $4 \times 16 \times 28$ см, есть плинфа меньшего формата — $4 \times 12 \times 28$ см (для выкладки арок окон) и специальные лекальные плинфы для кладки полуколонн и аркатурно-колончатого пояса⁵. Раствор известковый с добавкой толченой цемянки и угля; толщина шва меньше ширины кирпича. На торцах плинфы множе-

⁵ Возможно, что кирпич жгли где-то поблизости. Позднее кирпич для Смоленского кремля изготовляли в Городенских слободах около церкви Петра и Павла. И. М. Хозеров. Смоленск в XVII в. В кн.: Смоленская оборона 1609—1611 гг. Смоленск, 1939, стр. 238.

ство рельефных знаков (их изучение составит предмет особой работы). Кладка стен велась с двухсторонних подмостей, закреплявшихся на квадратных в сечении брусках; от них сохранились сквозные каналы 14×14 см. Интересно применение в конструкции архивольта западного портала толстого дубового бруса, на который и положена горизонтальная кладка тимпана. Под хорами, в северной и южной стенах, устроено по два арко-солия. Внутрстенный лестничный ход на хоры был перекрыт плитами местного красноватого песчаника ($10-11 \times 65-70 \times 90$ см), заложенными в наклонные штрабы боковых стен.

В алтарной апсиде раскрыты остатки полукруглой скамьи для клира и основание престола. Новая штукатурка теперь почти полностью обвалилась, открыв горловины голосников, закладывавшихся в разных местах — пятах сводов, закрестьях столбов и т. п. Как показали собранные при наших раскопках фрагменты, голосники были двух типов, аналогичных найденным при раскопках храма «на Протоке» в 1962—1963 гг.: 1) красноглиняные амфоры прекрасного обжига и 2) более грубые глиняные узкогорлые кувшины, исполненные техникой ленточного налета с пятнистой обварной поверхностью коричневатого-серого тона. Вымостка пола была первоначально из плинфы. В нивелировочном слое найдены и обломки майоликовых плиток, в том числе со змеевидными разводами по основному фону. Это, видимо, остатки второго, более позднего пола.

Храм был первоначально покрыт фресковой росписью по двухслойному грунту (нижний $1-1,25$ см и верхний $0,5$ см); в раствор добавлялась толченая кирпичная крошка и льняные очесы для лучшего сцепления намета; на сводах сохранились удерживавшие грунт широкошляпочные гвозди. Остатки росписи сохранялись в камере на хорах (часть композиции «Руно Гедеоново») и на косяках окон; на одном из них было изображение вписанного в окружность розово-фиолетового креста⁶. В 1966 г. жалкие фрагменты орнаментальной росписи выявлены на закрестье северо-западного столба, южной лопатке западной стены и на торцовой плоскости южного алтарного простенка — это чередующиеся горизонтальные коричневые и зеленые зигзаги на белом фоне.

* *
*

Вопрос о пристройках у церкви Петра и Павла был поставлен уже давно. Траншеи, сделанные в 1950 г. к северу от храма И. Д. Белогорцевым, обнаружили (судя по светокопии чертежа автора, хранящейся в Смоленском отделе охраны памятников) очень невнятную картину: траншеи явно не доходили до оснований пристройки, и вскрытые кладки были поэтому совершенно непоняты им. Однако автор предложил смелую реконструкцию не только северной, но и не вскрывавшейся южной пристройки в виде симметричных и одинаковых прямоугольных «приделов», равных по длине храму и даже снабженных окнами и входами (рис. 2). Об этом автор вполне определенно писал, что «вскоре после постройки храма к нему были пристроены небольшие боковые приделы (обнаружены в 1950 г.)⁷. Два небольших зондажа, сделанные И. Д. Барановским в 1952 г. к северу от северо-западного угла храма, подтвердили факт наличия здесь древней кладки.

В 1965 и 1966 гг. Смоленская экспедиция вскрыла северную и южную пристройки целиком (ширина каждого раскопа $7,5$ м). Площадки раскопов были разделены на участки, отвечающие осям пилястр (см. рис. 3 и 4), дополнительные участки 8, 9, 10 — на площади западных отсеков галереи

⁶ И. М. Хозеров. Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска. «Seminarium Kopčakovianum», II, Прага, 1928, стр. 354.

⁷ И. Д. Белогорцев. Памятники архитектуры Смоленской области. Смоленск, 1956, стр. 10.

(номера участков показаны на чертежах). Участки явились основой археологической и архитектурной фиксации. За высотную отметку 0 принят подоконник восточного окна южного фасада; поэтому все сообщаемые далее высотные отметки ниже 0.

Стратиграфия обоих раскопов весьма однообразна: это многократно перерытая кладбищенская земля с костями нарушенных и целых погребений не старше XVII в., с щебнем XII—XVIII в., в котором обломки майоликовых плиток желтого, зеленого и коричневого цвета и плинфы смешаны с кусками брускового большемерного кирпича. Отметим особо

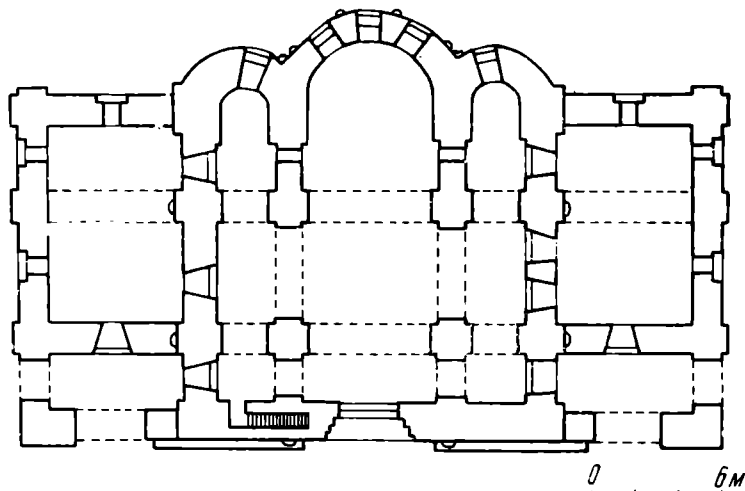

Рис. 2. План храма с приделами (по И. Д. Белогорцеву)

обломки древних голосников, описанные выше. Найдены также мелкие осколки древних оконных стекол — «шайб» и монеты XVII—XIX вв., в том числе польские Сигизмунда-Августа. Существенно, что поздние щебневые завалы порой непосредственно соприкасаются с руинами обстроек храма XII в., свидетельствуя о том, что они еще в XVII—XVIII вв. были видны на поверхности. Позднюю дату образования кладбища подтверждают крупные валуны, попавшие в слой при строительстве епископских палат (из них сложен их фундамент), они же присутствуют в инвентарной засыпи внутри храма, сделанной с целью выравнивания уровня пола с полом нижнего этажа епископских палат. Серьезной помехой раскопкам были поздние кирпичные склепы. Особенностью обстроек являются сложенные из плинфы и оштукатуренные гробницы, опущенные ниже уровня пола (рис. 5). Они сосредоточены в средних участках против порталов, видимо, эти помещения обстроек были как-то архитектурно выделены. Гробницы, как правило, потревожены, костяки смещены или сохранили ничтожное количество костей. Можно установить положение головой на запад с подложенной под череп плинфой, руки — в области живота, иногда одна вытянута вдоль туловища. Время нарушения гробниц — XVII—XVIII вв., в засыпи встречены черепки чернолощеной посуды, иногда монеты XVIII в., обломки плиток нарушенных полов, кусочки фресок (характерно, что среди обломков орнамента нет ни одного «струйчатого», типичного для конца XII в.), т. е. следы разрушения древних обстроек. В северной пристройке, кроме подпольных гробниц, были вскрыты два кирпичных саркофага у северной стены храма (рис. 6) и два аркосолия в сохранившейся западной трети северной стены галереи. Таким образом, позднее кладбище располагалось на месте древней разрушенной усыпальницы. Местами, где раскоп углублялся ниже уровня пола, в преддверной зоне встречались обычные для культурного слоя находки: обломки стеклянных браслетов, костяные изделия, шиферное пряслице, обломки бытовых амфор и т. п.

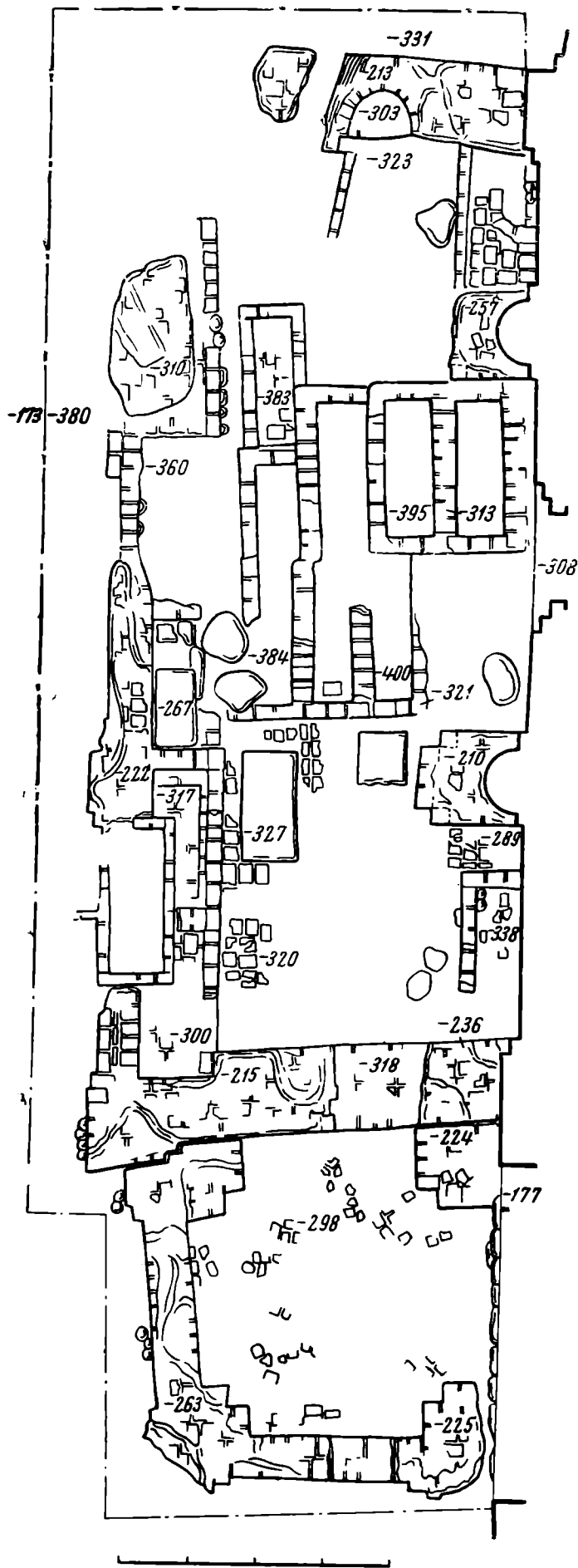

Рис. 3. План северного раскопа

Опишем остатки галереи-гробницы.

Восточная стена северной усыпальницы (толщина 1,40 м) приложена к уже оштукатуренной лопатке храма. В толще стены выложена маленькая полукруглая апсидка (ширина 0,95 м; рис. 7), сохранившая кусочки штукатурки со следами росписи (кремовый фон и бесформенные свободные мазки зеленого цвета). Северо-восточный угол разрушен; сохранилась часть упавшей северной стены с булыжным фундаментом. Возможно, что здесь был внутристенной аркосолий. Далее к западу сохранился лишь один ряд кладки — здесь, против портала храма, должен был быть вход в усыпальницу. Западнее был разрушенный аркосолий, на месте которого была брошена грубообделанная белокаменная плита с небрежной незавершенной надписью «лѣта 7070 мѣсяца». Никакого погребения под плитой не было. Западная часть стены в участке 1, толщиной 1,70 м, имела, как сказано, два аркосолия (рис. 8); они разрушены врезавшимся в них склепом из брускового кирпича XVIII—XIX вв.; склеп встал точно на основании стены XII в., которая, следовательно, в ту пору была еще видна. На северо-западном углу усыпальницы уцелели плоские двухобломные лопатки без закрестья; такие же следует предполагать на северо-восточном углу и по осям членения северного фасада. Толщина западной стены 1,26 м, т. е. все стены усыпальницы разной толщины. Дверного проема первоначально не было, и фасад был оштукатурен или затерт — местами сохранился белый, тонкий раствор. Стена, как и восточная, пристроена впритык к также

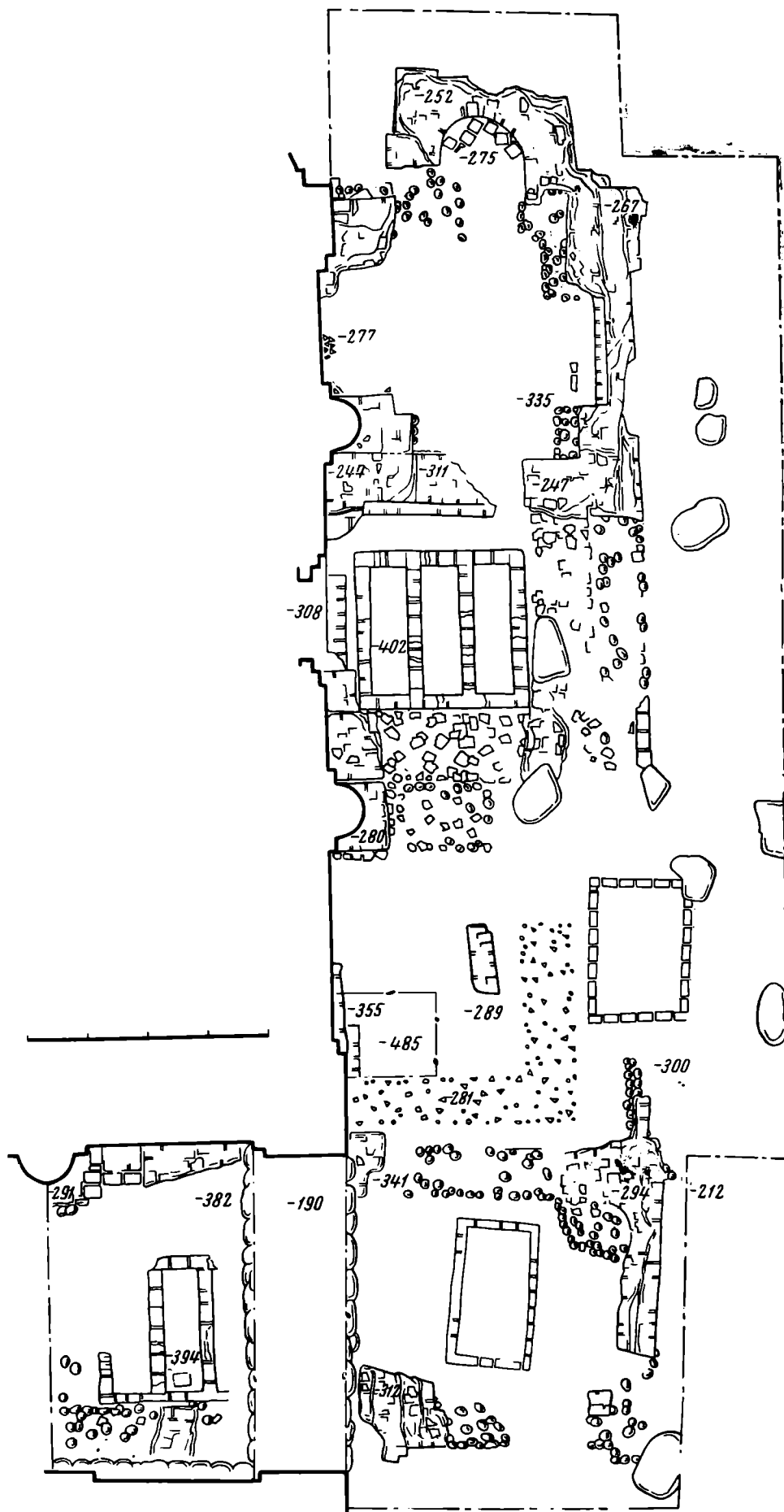

Рис. 4. План южного раскопа

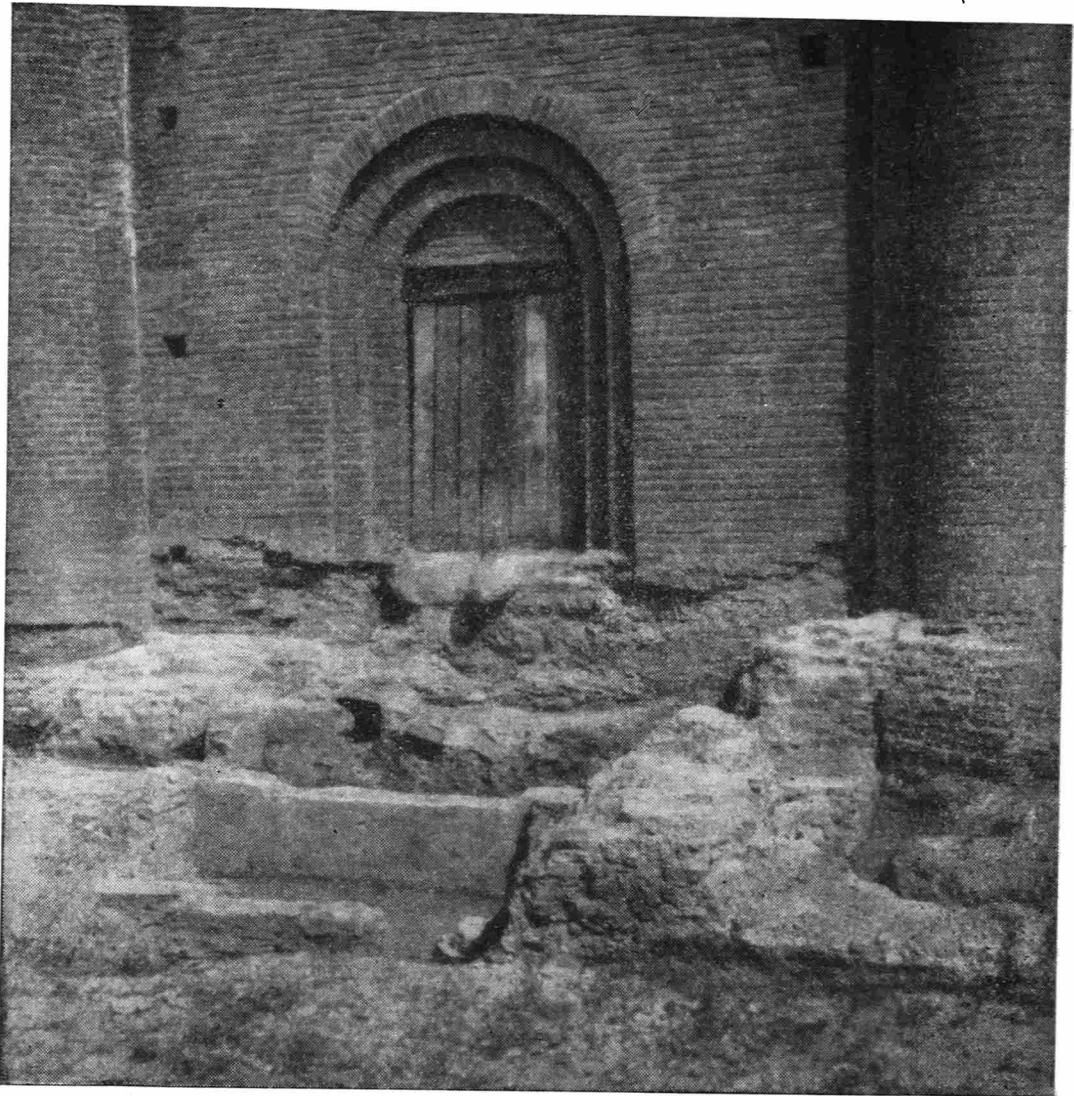

Рис. 5. Гробницы в участке 5 южного раскопа

оштукатуренной угловой лопатке храма, но с перекосом. Внутри усыпальницы к западной полуколонне примыкает впритык пилон арки перекрытия; сначала он был прямоугольным, но тут же был доложен плоской лопаткой. Подобный же пилон сделан у восточной, уже оштукатуренной полуколонны. Плинка пилонов $5 \times 21 \times 30$ см, раствор грубый с крупными фракциями кирпичной крошки и угля. Существенно, что основной комплекс подземных гробниц вписывался в пространство меж пилонов, которое, следовательно, как-то выделялось. Пол был из плитки, на участке 1 в него были уложены две плиты красного песчаника, подобные плитам лестницы на хоры, данные плиты — недомерки. Это может указывать на близость времени северной усыпальницы дате самого храма. Она была, таким образом, трехчленной самостоятельной частью здания. Каким было ее перекрытие — сводчатым или деревянным, сказать трудно.

С запада к усыпальнице позднее пристраивают западную галерею, для связи с которой прорубают дверь в западной стене усыпальницы. По соседству с ней собрано много мелких обломков росписи, видимо, сбитой со стены при устройстве проема. Угловой отсек западной галереи примкнул к начальной усыпальнице очень нескладно, с отступом от ее угла и перекосом. Проход, как и угловой отсек, был оштукатурен (вернее, обмазан, затерт) тонким белым раствором. Сохранившиеся угловые части отсека

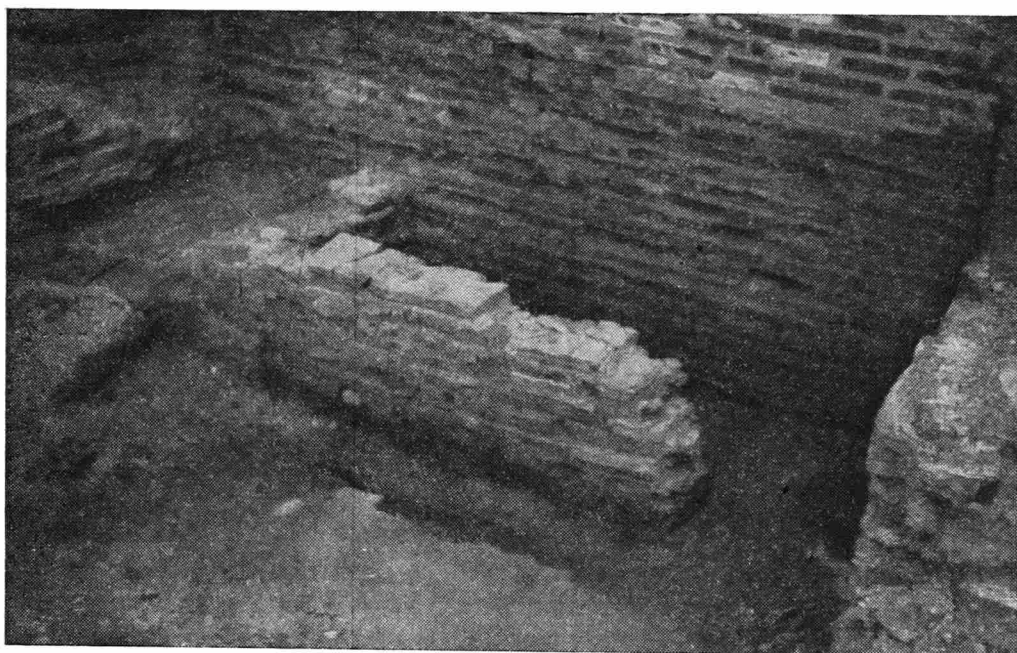

Рис. 6. Саркофаг у северной стены храма (участок 1)

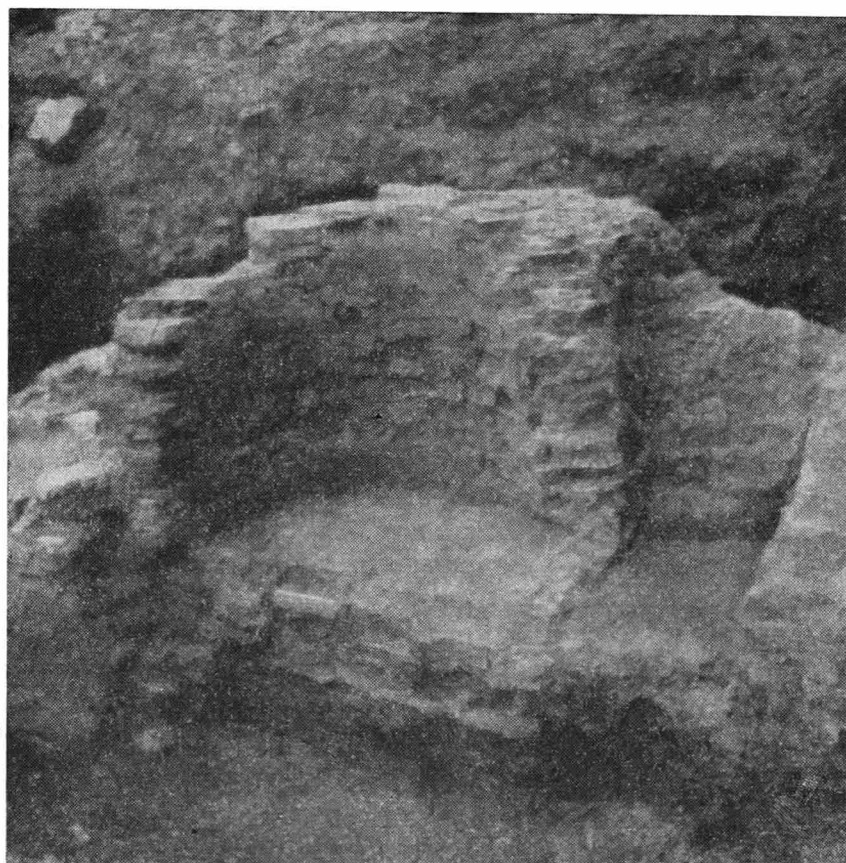

Рис. 7. Апсида северной пристройки

Рис. 8. Юго-восточный придел

позволяют думать, что он был крыт крестовым сводом. Пол, как и в проходе, небрежно выстлан колотой плинфой с тенденцией класть ее под 45° к оси. В северной и западной нишах могли быть гробницы.

В участке 8 (против южного деления западной стены) какие-либо следы перехода из капеллы к западному зданию были стерты постройкой галереи. Ее западная стенка обколота и бесформенна. К ней примыкают изголовьями две плохо сохранившихся подпольных гробницы.

Юго-западный угловой отсек западной галереи сохранился еще хуже: он пострадал при строительстве епископских палат и запущенного в него склепа из большемерного кирпича ($5 \times 13 \times 27$ см). Восточная стенка прослежена по остаткам ее фундамента, сложенного насухо из мелкого булыжника и колотой плинфы, поверх него уложены с небольшим выносом 2—3 ряда плинфы, и далее шла стеновая кладка. В северо-западном углу прослежены остатки майоликового пола — две зеленые плитки, уложенные на растворе. Конфигурация фундамента под юго-западным углом удостоверяет наличие фасадной лопатки, а характер его сильного расширения в юго-восточном углу свидетельствует о наличии мощного уступчатого углового пилона, подобного опорам северного углового отсека, указывающим на перекрытие крестовым сводом.

С западной пристройкой одновременна южная: прослежена перевязка стены на их стыке.

Описание южной пристройки начнем с восточного участка № 7. Здесь вскрыта крайне разрушенная апсида своеобразной трапецевидной формы с плоскими лопатками на углах. Внутри — ничтожные следы росписи: розовато-охристый фон со свободными зелеными мазками и черными линиями. У стенок полукружия сохранился настил майоликового пола из крупных, как в капелле хор, зеленых плиток ($2,6-2,7$) \times ($19,5-20,0, 21,5$) см на известковом растворе, уложенных по нивелировочной песчаной подсыпке. Восточная часть южной галереи выделялась как особый придел — капелла для заупокойных служб (рис. 8). На его юго-восточном углу с трудом прослежена кладка двухступенчатой плоской лопатки, какие, видимо, были по всей южной стене по осям полуколонн собора. В южной нише мог вмещаться саркофаг. В северной нише расчищен небольшой фрагмент фресковой росписи (белый плат с коричневыми «вышивками»). На оштукатуренную до постройки придела стену храма наложили новый фреско-

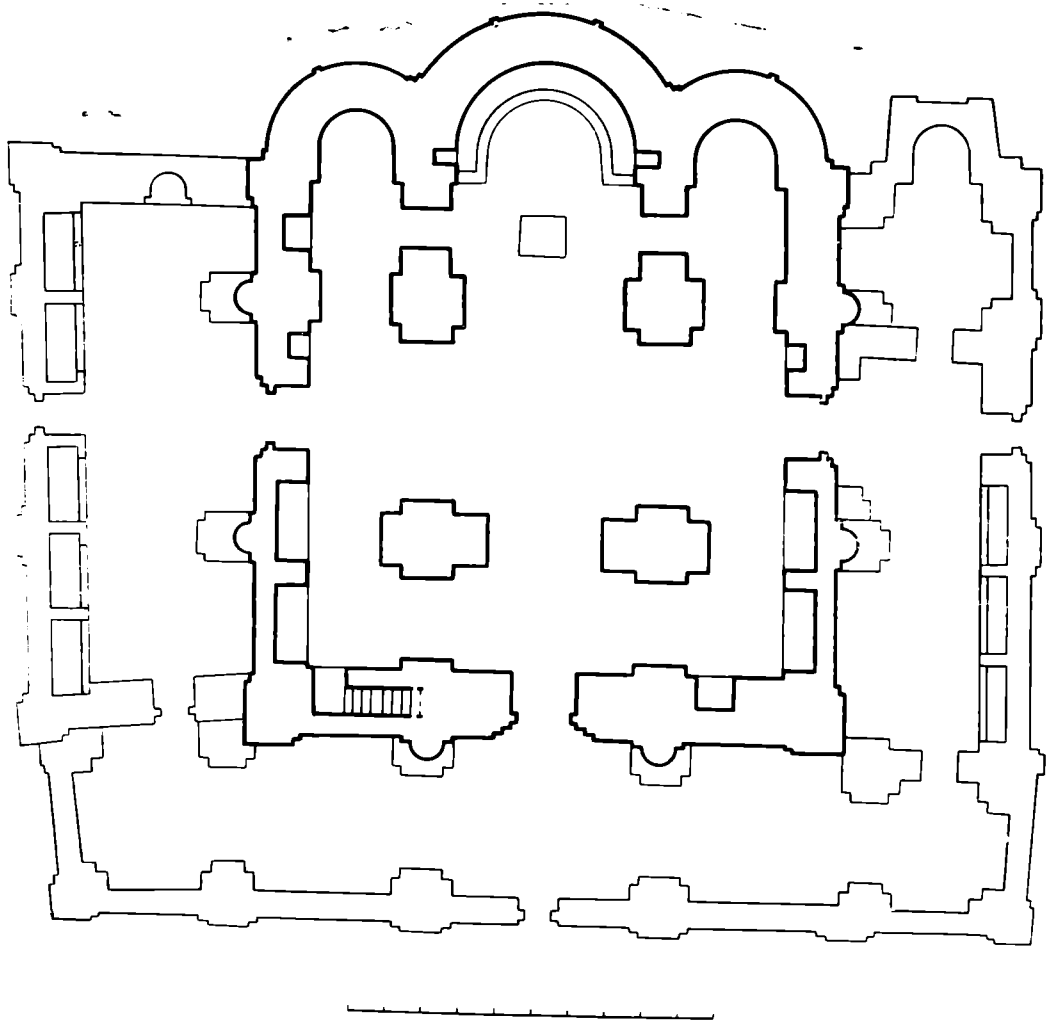

Рис. 9. Опыт реконструкции плана церкви Петра и Павла с пристройками (исполнен архитектором М. Б. Чернышовым)

вый грунт. Вскоре после росписи стали делать новый майоликовый пол: щебневая подсыпка закрыла низ фрески, сохранившей горизонтальную прочерченную полосу уровня пола; сохранилось несколько малых треугольных плиток ($2,5 \times 10,5-11$ см).

Западная стенка заслуживает особого внимания. Она имела особый вход в капеллу. Размеры плинфы ($4-4,5 \times (19,5-20,5) \times (29,5-30)$ см; раствор цемяночный с углом включает мелкие кусочки фресок толщиной $1,5-3,0$ см. Фундамент из мелкого булыжника насухо включает бывшую в употреблении плинфу. Это вместе с обломками фресок указывает на использование материала более ранней постройки. Угловые пилоны стены включили в себя части более ранней, оштукатуренной с обеих сторон стены. Шов читается ясно, различны и фундаменты древней части — из колотой плинфы и новой — из булыжника средней величины без раствора. Уровень подошвы фундамента $4,13$ м, общая глубина $50-60$ см. В толще кладки южного пилона прослежена торцовая часть древней стены с плоской угловой лопаткой. По остаткам фундамента хорошо прослеживается западная и южная древние стены. Выяснилось, таким образом, что до сооружения южной галереи с ее приделом к среднему уже оштукатуренному членению фасада примыкал небольшой притвор (размер внутри $4,50 \times 5,40$ м) с плоскими лопатками на углах. Видимо, он должен был служить усыпальницей: подпольные гробницы № 9—11 строго вписаны в его габариты и сходны с ним по материалу и раствору. Кусочки фресок в растворе придела и бывшая в употреблении плинфа в его кладке и происходят от разобранного древнего притвора, который, таким образом, был расписан.

Таковы данные о возникавших постепенно пристройках к храму. Опыт реконструкции комплекса представлен на рис. 9.

В целом памятник очень близок храмам черниговского круга; их роднит наличие полуколонн при плоских широких угловых лопатках, аркатура в уровне пят закомар, применение крестовых сводов в углах хор и, может быть, в перекрытии отдельных отсеков галереи-усыпальницы, устройство выделенной капеллы на хорах со своим щелевидным оконцем. Напрашивается аналогия с Успенской церковью Елецкого монастыря и Борисоглебским собором в Чернигове черниговской постройкой в Киеве — собором Кирилловского монастыря и др. Возможно, что Ростислав пользовался в своем смоленском строительстве услугами артели черниговских мастеров. Это был не единичный случай. Видимо, их же работой следует считать церковь Ивана Богослова и оба храма Смядынского монастыря в Смоленске. Это родство построек позволяет думать, что храм Петра и Павла был близок последним и по времени, т. е. отстоял недалеко от 40-х годов XII в. и, может быть, был построен еще при Ростиславе⁸.

В местной литературе имела хождение версия, что храм Петра и Павла был построен на «князем тетереvнике»⁹. По-видимому, эта идея — плод свободного толкования Уставной грамоты князя Ростислава. Там говорится, что князь дал епископии «из двора своего... на горе огород с капустником и с женою и 3 детьми, за рекою тетереvник с женою и детьми»¹⁰. Ясно, что речь идет о княжеском «егере», а не об территории. Однако это указание позволяет думать, что за Днепром был княжеский охотничий заповедник, где, подобно загородным княжеским дворам под Киевом, мог быть и заднепровский княжий двор с храмом. О княжеской принадлежности храма говорит и заблаговременное устройство под хорами четырех погребальных аркосолиев для погребения членов княжеского дома и устройство на хорах отдельной капеллы с особым ходом в нее из дворца.

Наш анализ позволяет сделать более или менее твердый вывод, что действительно храм Петра и Павла был храмом княжеского заднепровского двора Ростислава и переход из капеллы на хорах вел в горницы, т. е. верхний этаж княжеских хором.

Указание поздней повести о Меркурии Смоленском на то, что Меркурий приходил в храм Воздвижения креста «молиться за мир зовомый Петровского ста», обычно связывают с церковью Петра и Павла. Бымышленная история Меркурия повествует о поре татарского нашествия, которое Меркурий якобы отвратил от Смоленска ценой своей гибели. Однако интересны реальные черты древней смоленской топографии. Любопытно, что сам Меркурий живет в городе на Подоле, в долине около собора и идет на подвиг по повелению богородицы, которая посылает за ним человека не из Успенского собора, а из Печерского монастыря, который был «близь за Непр рекою», т. е. на той же стороне, где и церковь Петра и Павла¹¹. Конкретность этих реалий позволяет доверять «географии»

⁸ Смоленские историки были единодушны в датировке церкви Петра и Павла 1146 годом на основании ошибочного переноса на Смоленск сведений о постройке в этом году храмов в Новгороде. (Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1888. стр. 136; Н. Н. Мурзакевич. Достопамятности г. Смоленска. ЧОИДР, М., 1846, к. I, 2, смесь, стр. 3—18). М. К. Каргер полагал (Ук. соч., стр. 76), что храм Петра и Павла вместе с церковью Ивана Богослова и Васильевской церковью Смядынского монастыря относятся «к концу третьей или началу последней четверти XII в.»; он исходил из гипотезы, что известная Михайловская запись в своей последней части говорит о постройках «последних двух десятилетий». Источник этот очень поздний и путаный, и доверяться ему нельзя.

⁹ См., например, соображения И. М. Хозерова, что церковь «согласно летописным данным... построена на княжеском тетереvнике, т. е. на княжеской мызе»; И. М. Хозеров. Смоленск в XVII веке, стр. 229.

¹⁰ Памятники русского права. Сост. А. А. Зимин, II, М., 1953. стр. 41.

¹¹ Ф. И. Буслев. Смоленская легенда о Меркурии и ростовская о Петре, паревиче ордынском. «Сочинения по археологии и истории искусства». II, СПб., 1910.

повести. Видимо, княжеский храм Петра и Павла довольно рано перешел в обладание сотенной организации, что сказалось и в изменении его облика¹². Видимо, в связи с нуждами общинных верхов к храму начинают пристраиваться «гробницы»-усыпальницы. Княжеский храм довольствовался аркосолиями в своих стенах под хорами. Теперь сначала пристраивают южный притвор, затем северную трехдольную усыпальницу, в третью очередь вырастают западная и южная пристройка со своей капеллой-приделом для заупокойных служб. В кладке последних пристроек исчезает первоначальный притвор. Трапециевидная апсида придела ближайшим образом напоминает храм-усыпальницу XI в. с такой же апсидой в Переяславле Южном¹³, а также прямолинейные апсиды церкви-усыпальницы на Бельчицах в Полоцке¹⁴ и смоленского храма на Протоке рубежа XII—XIII вв.¹⁵ Видимо, в это время и возникают последние пристройки церкви Петра и Павла.

II. Церковь на Малой Рачевке

В 1927 г. в Смоленске на речке Малой Рачевке (на углу улиц Соболева и Второй Верхний валок) при земляных работах была обнаружена кирпичная кладка древнего здания. Постройку обследовал смоленский историк архитектуры И. М. Хозеров¹⁶.

Несмотря на то, что была вскрыта лишь очень малая часть постройки — небольшой участок стены с профилированной лопаткой, было ясно, что это остатки церкви XII—XIII вв., отличающейся исключительной сложностью наружной профилировки. В 1965 г. здесь была заложена разведочная траншея с задачей уточнить местоположение и сохранность постройки. В 1966 г. вся церковь была вскрыта полностью (рис. 10).

Выяснилось, что кирпичная кладка древней церкви сохранилась в большинстве мест на высоту до 1,5 м. Несмотря на то, что здание оказалось нарушенным несколькими траншеями городских инженерных коммуникаций, все основные элементы его плана были обнаружены. В итоге

стр. 155—198; С. П. Писарев. Рукописный памятник смоленского Авраамиевского монастыря и его литературное значение. «Филологические записки», III, Воронеж, 1881, стр. 39—46; II—III и V, 1882. П. В. Голубовский полагал, что повесть составлена в начале XIV в., источник ее сложился раньше, но долго спустя после монгольского нашествия. П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV в., Киев, 1895, стр. 248, 249; А. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. «Русский филологический вестник», 1—5, Варшава, 1902, стр. 44—107; Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. ОРЯС, 99, 8, Прг., 1922.

¹² В свое время П. Д. Барановский нашел в капелле на хорах граффити, прочтенное им как «господи, помози рабу своему Василя внуку» (И. М. Хозеров. Новые данные о памятниках..., стр. 354). Считалось, что это граффити утрачено, и приходилось доверять опубликованному тексту, который правдоподобно присваивался внуку Мономаха-Василия смоленскому князю Ростиславу и был как бы его «авторграфом» (см. Н. Н. Воронин. Новое о древнем зодчестве Смоленска. «Рабочий путь», 1966, 267). Теперь граффити найдено М. Б. Чернышовым на месте, на штукатурке простенка к западу от выхода на хоры. Запись трехстрочная мелкая сделана на высоте 1,18 м от пола, видимо, сидевшим или коленопреклоненным человеком, очень грамотным в письме. Но читается она по-иному: «Господи, помози рабу своему Василиеву Усову». Возможно, это один из представителей верхов Петровской сотни. Палеографические приметы надписи датируют ее второй половиной или концом XII в.

¹³ М. К. Каргер. Памятники древнерусского зодчества в Переяслав-Хмельницком. В кн.: Зодчество Украины. Киев, 1954, стр. 285.

¹⁴ Н. Н. Воронин. Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII в.). «Архитектурное наследие». 6, М., 1956, стр. 12, рис. 9.

¹⁵ Н. Н. Воронин. Памятник смоленского искусства XII в. КСИА АН СССР, 104, 1965.

¹⁶ И. М. Хозеров. Новые данные о памятниках..., стр. 358; е го же. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, XI, 1945, стр. 22. Общая сводка и критическая оценка сведений об этой постройке есть в работе М. К. Каргера (М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска, стр. 118, 119).

раскопок удалось полностью реконструировать первоначальный план церкви (рис. 11).

Церковь на Малой Рачевке представляла собой небольшую четырехстолпную постройку, ориентированную апсидой на северо-восток (отклонение к северу -42°). Ее наружные размеры: по продольной оси (с апсидой) — 16,2, поперек — 12,3 м. Толщина стен — 1,10—1,15 м. Боковые апсиды церкви снаружи имели прямоугольные очертания, и лишь большая

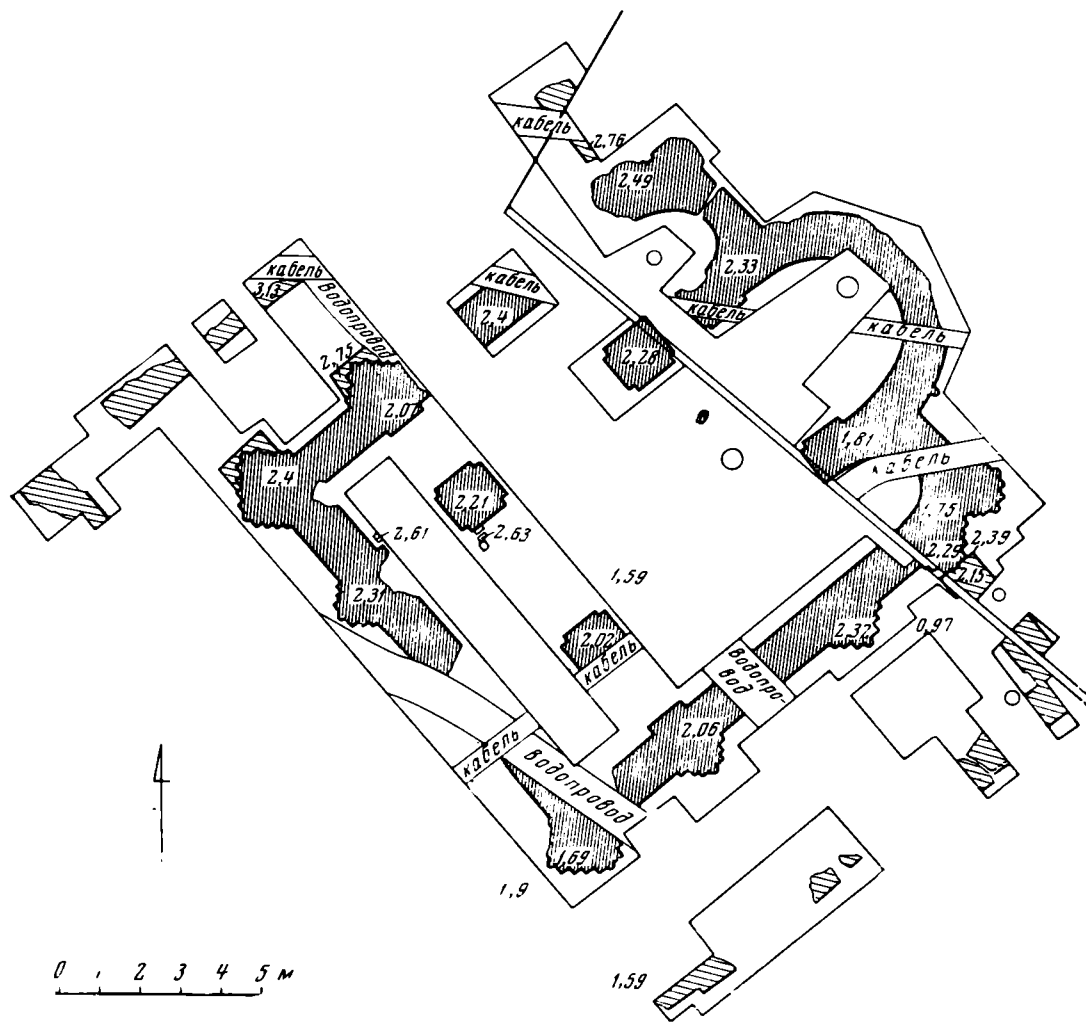

Рис. 10. Церковь на Малой Рачевке. План раскопок (цифрами обозначены глубины от 0)

средняя апсида — полукруглая. Ее наружная поверхность оказалась почти всюду обломанной, и лишь в ее южной части сохранился небольшой участок ненарушенной лицевой кладки с тонкой полуколонкой. Наружные лопатки церкви имеют сложную профилировку: три прямоугольных уступа с маленькой полуколонкой, а на углах — четыре прямоугольных уступа с полуколонкой. Общая ширина этих лопаток 1,4 м, а их наибольший вынос от поверхности стен (вместе с полуколонкой) — 0,65 м (рис. 12). Внутренние лопатки имеются лишь против западной пары подкупольных столбов, что видимо, связано с устройством хор. Ширина внутренних лопаток 1,0—1,1 м, их толщина 17—20 см. Подкупольные столбы церкви крестообразные, размером 1,4—1,5 м; их выступы в направлении к востоку и западу 17—18 см, а в направлении к северу и югу 14—16 см. Столбы расположены не вполне точно параллельно стенам. Подкупольное пространство церкви не квадратное; оно имеет размер между подпружными арками (т. е. в плане размер между внутренними углами крестообразных столбов) — вдоль церкви 4,4, поперек — 3,85 м.

Стены церкви целиком сложены из кирпича — плинфы. Кирпичи красные, хорошо формованные и хорошо равномерно обожженные. Знаки на торцах кирпичей встречаются очень редко, а клейм на постелях кирпичей не обнаружено. Размер кирпичей $(26,5-28) \times (20,5-21,5) \times 4,5$ см. Встречаются более узкие кирпичи шириной 16—17 см и лекальные кирпичи для полуколонок — $(23-25) \times (14-14,5) \times (3,5-4,5)$ см. Изредка встречаются такие же узкие, но прямоугольные кирпичи — $(26-27) \times$

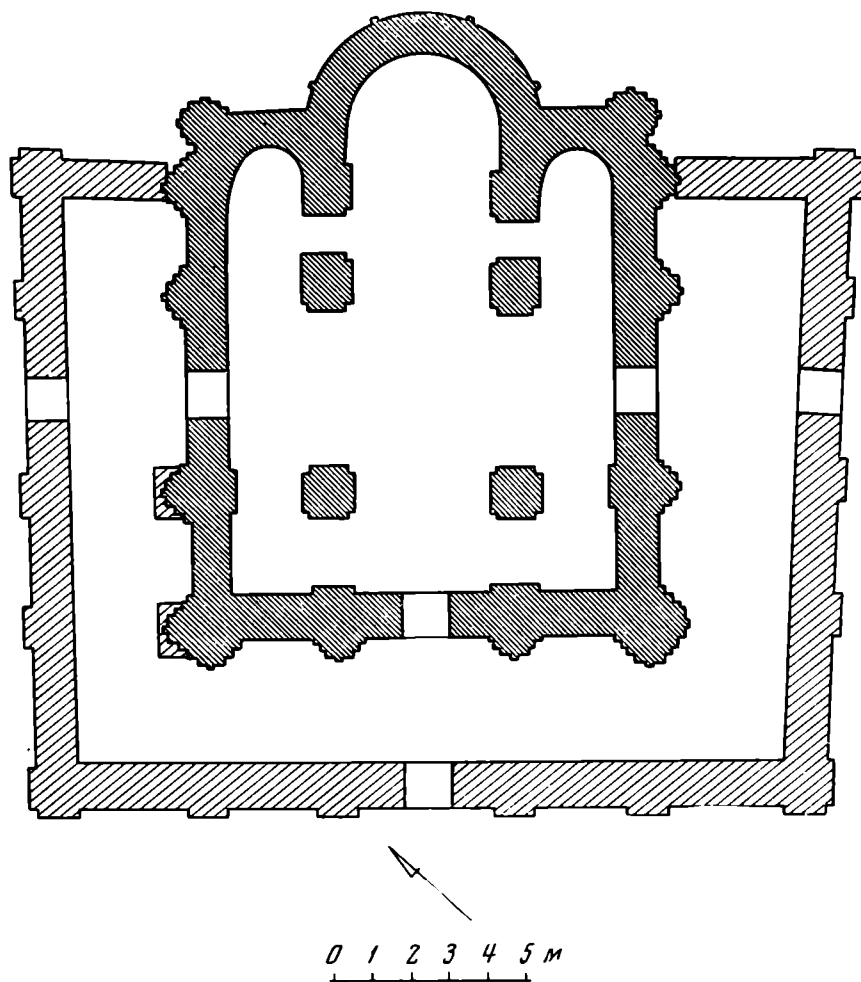

Рис. 11. Реконструкция плана церкви на Малой Рачевке

$\times (14-14,5) \times (4-4,5)$ см. Толщина горизонтальных швов раствора 3—4 см. Раствор известковый, белый, с редкими включениями округлых камешков (мелкая галька) и довольно крупных (до 2 см) кусочков битого кирпича. Угли встречаются редко. Местами в растворе вместо гальки примешаны кусочки желтого и серого известняка. Часты кусочки серо-голубого пористого материала (типа шлака). Местами раствор включает более значительное количество битого кирпича (тоже в довольно крупных фракциях — до 2 см), имеет не белый, а желтовато-розовый цвет.

Из цельных кирпичей сложены только лицевые поверхности стен, а середина кладки заполнена обломками плинф, лежащими в беспорядке, но строго горизонтально (рис. 13). Если в средней части стен даже встречаются цельные кирпичи, они уложены без определенного порядка, иногда даже под некоторым углом к направлению стен. Ложки и тычки кирпичей выходят на фасады стен нерегулярно, причем тычковых рядов кирпичей больше, чем ложковых. Кладка уступов лопаток гораздо более регулярная, чем на других участках стен, и здесь перевязка швов и чередование тычковых и ложковых рядов соблюдены точно.

В двух местах (у западной стены церкви и близ северо-западного столба) были обнаружены остатки кирпичной вымостки пола. Пол был

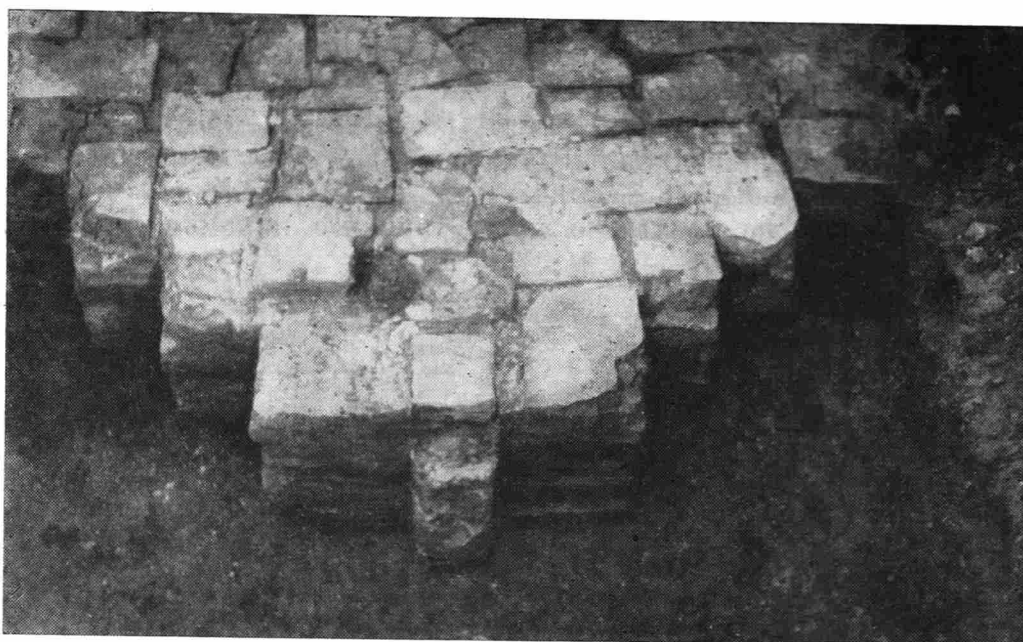

Рис. 12. Церковь на Малой Рачевке. Профилированная лопатка

настлан из обычных кирпичей, уложенных на слой желтой глины толщиной 14 см. Под глиной находится слой подсыпки из земли (20 см) с большим количеством кусков кирпичей. Эта подсыпка была сделана поверх нетронутого слоя грунта (желтый суглинок).

Ниже уровня пола кладка стен и столбов продолжается вниз еще на 50—70 см. На этом уровне кирпичная кладка имеет отступку шириной приблизительно в один кирпич, а ниже начинается фундамент. Отмечено, что фундамент северо-западного столба расположен непосредственно под отступкой, а в юго-восточном углу церкви ниже отступки идут еще два ряда кирпичной кладки, а уже под ними — фундамент. Сам фундамент сложен из булыжников (диаметром от 10 до 20 см) на желтой глине.

Лицевая поверхность стен выполнена довольно небрежно, раствор местами затекает на кирпичи, подрезка швов отсутствует. Но сами швы обязательно имеют кверху скос внутрь кладки, так что, начинаясь от лицевой поверхности каждого нижнего кирпича, раствор заходит под верхний кирпич, слегка отступая от поверхности стены. Следует отметить, что в раскопе не было найдено ни малейших следов штукатурки; очевидно, стены не были оштукатурены ни снаружи, ни внутри.

Снаружи к церкви с трех сторон примыкала галерея. Кладка этой галереи нигде не перевязана с кладкой основного здания церкви. В местах примыкания галереи полуколонки фасадов церкви не были сбиты, а лишь обложены кирпичной кладкой (полуколонка оказалась сбитой лишь в месте примыкания галереи к юго-восточному углу церкви). Кирпичи галереи имеют размер — $25,5 \times (19-20) \times 4$ см, т. е. немногим меньше кирпичей церкви. Раствор галереи известковый, желтовато-серый, без крупных включений, с мелкими пятнышками угля, белыми крупинками извести и ничтожным количеством мелкой цемента. Кладка галереи значительно менее аккуратна, чем кладка церкви; во многих местах она искривлена, через нее проходят сквозные трещины. Ширина галерей внутри 3,2 м, но к юго-восточному углу церкви она достигает 4,1 м. Толщина стен галереи 1 м. Снаружи они имели плоские лопатки толщиной 20 см. Против западного членения северной стены церкви галерея, видимо, имела какое-то помещение, отделенное подпружными арками. Об этом свидетельствуют два отдельных пилона кладки, пристроенные к первой и второй с запада лопаткам северной стены храма.

Кирпичная кладка стен галереи начинается снизу на значительно более высоком уровне, чем кладка основного здания храма, и даже пример-

по на 20—25 см выше уровня древнего кирпичного пола церкви. Внизу стены галереи не имеют отсыпки, и непосредственно под стенами лежит фундамент из булыжников (диаметром от 8 до 12 см), уложенных насухо без всякого связующего; его глубина 40 см.

Уровень поверхности земли во время строительства церкви находился, по-видимому, на отметке, приблизительно совпадающей с уровнем кирпичной отсыпки у стен здания. Однако кирпичный пол храма расположен выше этого уровня примерно на 0,5 м. Видимо, сразу же после завершения строительства нижние части стен (примерно до уровня пола) были снаружи присыпаны землей, поскольку тонкая прослойка строительного мусора в юго-восточной части раскопа обнаружена на 40 см выше уровня кирпичной отсыпки. Ко времени постройки галереи уровень земли еще более повысился, и фундамент галереи был заложен с уровня, лежащего уже на 75 см выше отсыпки. Тонкая полоска извести в юго-восточной части раскопа, очевидно соответствующая периоду строительства галереи, лежит на 80 см выше уровня отсыпки.

Слой кирпичного щебня, имеющий толщину более 60 см и образовавшийся, очевидно, в период разрушения здания, перекрывает остатки галереи и частично самого храма. Здание

было, видимо, разобрано и материал вывезен, так как в раскопках не обнаружено никаких блоков или крупных кусков древней кладки. Время этого уничтожения здания не определено, но безусловно, что в XVII в. о данной церкви уже полностью забыли, поскольку яма с обломками изразцов XVII в. оказалась врезанной в северную апсиду церкви.

Стратиграфические наблюдения не дали никаких материалов для определения времени постройки церкви. Никаких письменных свидетельств, которые можно было бы связывать с церковью на Малой Рачевке, также нет. Поэтому датировка памятника может быть определена приблизительно — лишь на основании анализа строительной техники и архитектурных форм. Формат кирпича и характер раствора безусловно свидетельствуют о том, что постройка относится ко времени не древнее второй половины XII в. Судя по очень сложной профилировке лопаток, можно заключить, что более вероятной датой будет самый конец XII или даже начало XIII в. Близость строительной техники церкви и галереи свидетельствует, что галерея была пристроена лишь немногим позже завершения строительства основного здания.

Многие детали церкви имеют близкие аналогии в сохранившейся до наших дней Свирской церкви и раскопанных церквях в Чернушках и на Воскресенской горе. Решение боковых апсид, имеющих внутри полукруглые очертания, а снаружи прямоугольные с угловой лопаткой, повторяющейся в несколько упрощенном виде угловые лопатки основного объема храма, полностью совпадает с решением боковых апсид Свирской церкви. Очевидно, и в объемной композиции здание должно было иметь много общего со Свирской церковью. Многоуступчатая профилировка лопаток, дающая огромное количество вертикальных членений на фасадах

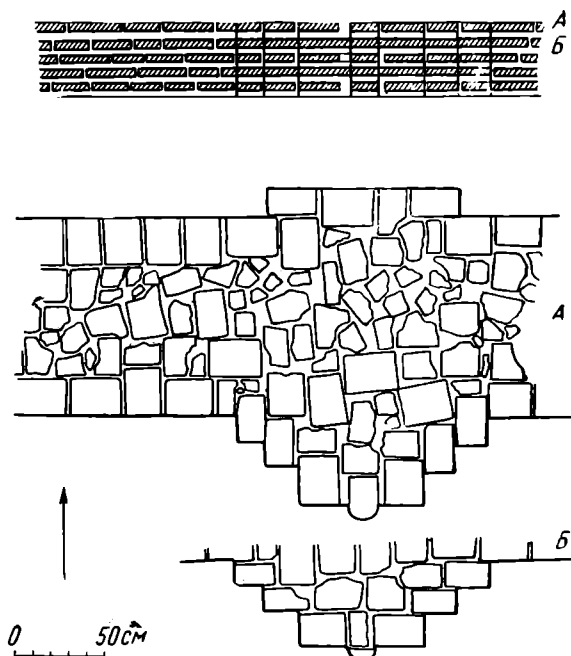

Рис. 13. Церковь на Малой Рачевке. Деталь кладки южной стены (против юго-западного столба)

церкви на Малой Рачевке, безусловно связана с высотной, вероятно башнеобразной, композицией этого памятника. По пластической, почти скульптурной выразительности эта церковь является едва ли не наиболее ярким выражением тех передовых тенденций, которые характерны для древнерусского зодчества предмонгольского периода. Именно этим и определяется большое значение нового памятника на Малой Рачевке для истории русской архитектуры.

N. N. Voronine et P. A. Rappoport

FOUILLES EN SMOLENSK EN 1966

Résumé

En 1966 à Smolensk les fouilles des deux anciens monuments de l'architecture russe ont été entreprises. On a complètement déblayé la galerie de l'église de Pierre et Paul qui existe toujours et qui était récemment restaurée. La galerie joignant l'église de trois côtés était garnie de sépulcres en brique. La galerie, ainsi que l'église elle-même, se date du XII s.

Les résultats des fouilles permettent d'apporter des précisions considérables aux données dont on disposait sur l'aspect primordial de l'église de Pierre et Paul.

Non loin de la rivière Ratchevka on a dégagé complètement une église décelée par I. M. Khosérov encore aux années d'avant-guerre. C'était une construction à quatre piliers et à une galerie qui la joignait de trois côtés. Les absides latérales de l'église vues de l'extérieur ont eu les contours rectangulaires et ce n'est que l'abside médiale qui était demi-sphérique. Les profils très compliqués des pilastres extérieurs font une particularité du monument. Les formes architecturales et la composition du plan ont d'assez proches analogies dans l'église de Svirsk qui subsiste de nos jours et dans les églises fouillées ces dernières années en Tchernouchki et sur la colline Voskréssenski (à Smolensk). A en juger d'après les formes architecturales l'église date de la fin du XII ou même du début du XIII s. Elle sert d'une preuve la plus éclatante de l'indépendance de l'école architecturale de Smolensk de la période avant-mongole.

В. Г. ПУЦКО

ВИЗАНТИЙСКИЙ МЕДАЛЬОН С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГЕОРГИЯ-ВОИНА¹

Трудно назвать изображения какого-либо святого, которые имели бы такое же повсеместное распространение в искусстве средневековья, как изображения Георгия. Памятникам искусства, связанным с культом Георгия, посвящена обширная литература². Здесь, в данной статье, пойдет речь лишь об одном из них, ранее неизвестном.

В 1904 г. у стокгольмского коллекционера Р. Мартина был приобретен для Эрмитажа круглый серебряный медальон с рельефным изображением на ровном фоне. Известно, что Р. Мартин купил его в Константинополе.

Лицевую сторону медальона³ заполняет крепкая коренастая фигура Георгия в плотно облегающих тело, стянутых поясом чешуйчатых доспехах, из-под которых видны подол и рукава рубашки (туники). За спину

¹ Медальон публикуется с любезного разрешения дирекции Гос. Эрмитажа. Приношу глубокую благодарность за помощь в работе заведующей отделением Византии и Ближнего Востока А. В. Банк.

² Исследования, вышедшие до 1950 г., с исчерпывающей полнотой учтены В. Н. Лазаревым. ВВ, VI, М., 1953, стр. 193, 194. Ниже приводится список новейших работ: P. Deschamps. La légende de Saint Georges et les Combats des Croisés dans les peintures murales du moyen-âge. «Monuments Piot», 44, 1950; V. Laurent. Documents de sigillographie byzantine, la Collection C. Orghidian. Paris, 1952; В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. ВВ, VI, стр. 186—222; М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. Труды Отд. древнерусск. литературы АН СССР, XII, М.—Л., 1956, стр. 292—310; L. Réau. Iconographie de l'art chrétien. III—2, Paris, 1958, стр. 571—579; Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. I—II, Тбилиси, 1959; А. В. Банк. Рельеф с изображением Георгия из собрания Эрмитажа. «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели». М.—Л., стр. 20—28; Г. Д. Белов. Шиферная икона из Херсонеса. СА, 1960, 2, стр. 257—263; Georg, hl. (B. Köttling. Leben und der rel. Volkskunde; E. Luesche si. Palli — Ikonographic). Lexicon für Theologie und Kirche. 4, Freiburg im Bresgau, 1960, стр. 690—692; Е. Л. Привалова. Стенная роспись Павниси (на груз. яз.). «XII научная конференция аспирантов и молодых научных работников АН ГрузССР», 1961, стр. 383—386; е е же. Художественное решение двух композиций «чудес» св. Георгия в грузинских росписях зрелого средневековья. «Вестник отд. обществ. наук АН ГрузССР», 1963, 1, стр. 181—221; Е. Манова. Върху някои иконографски черти на св. Георги в български стенописи от XV век. «Археология», IV, 1962, 3, стр. 6—10; H. Wentzel. Die Kamee mit dem H. Georg im Schloß zu Windzor. Kunsthistorische Studien. Festschrift Gerke, Baden-Baden, 1962, стр. 103—112; M. Chatzidakis. Icônes des Saint-Georges des Grecs et de la Collection de l'Institut Hellénique de Venise. Venezia, 1962; Н. Г. Порфиридов. Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике. «Сообщ. Гос. Русского музея», VIII, Л., 1964, стр. 120—125, и многие другие обзоры и статьи.

³ Инвентарный номер Эрмитажа ω — 161 (старый пнв. № 904/2). Серебро невысокой пробы. Диаметр 2,7 см, вес 6,61 г. Сохранность хорошая, лишь немного потерт рельеф. Сведения о покупке медальона почерпнуты из отношения имп. Археологической комиссии за № 1058 от 21 мая 1904 г. и каталога отдела средних веков и эпохи Возрождения имп. Эрмитажа, 1909 г., № 7528 (Архив Гос. Эрмитажа).

спускается скрепленный на груди щитовидной (?) фибулой⁴ короткий воинский плащ (σαγιον)⁵ В правой руке Георгий держит копье, левой опирается на щит. Щит круглый, очень выпуклый, с умбоном посередине⁶. Меч, который обычно изображается висящим на поясе у Георгия⁷, на данном медальоне отсутствует. Святой стоит в строго фронтальной позе. Украшающий медальон рельеф выдается архаичским строением своих форм, обычно характерным для памятников провинциального происхо-

Медальон с изображением Георгия. Византия, XI в.

а — лицевая сторона, б — оборотная сторона

дения⁸. Тип изображения Георгия находится в полном соответствии с назначением медальона, на котором святой должен был быть представлен как храбрый воин, защитник людей⁹.

Иконографические особенности изображения не вызывают сомнений в византийском происхождении памятника, но тем не менее они не могут иметь решающего значения в вопросе его датировки. Несколько большее значение приобретает тип лица мученика, который, как убедительно доказал В. Н. Лазарев, устанавливается в искусстве Византии уже в конце

⁴ Щитовидная фибула в виде крестика, близкая к изображенной в медальоне, известна по вещественным памятникам Византии IX—X вв., а также по изображениям на памятниках, датируемых VII и IX—XII вв.; Н. М. Беляев. Очерки по византийской археологии. 1, Фибула в Византии. *Seminarium Kondakovianum*, III, Прага, 1929, стр. 99. См. также: М. А. Калитинский. *La question des fibules byzantines en Russie. L'art Byzantin chez les Slaves (Recueil Uspenskij)*. I, Paris, 1930, стр. 377—386.

⁵ Н. М. Беляев. Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды. Сб. статей, посвящ. памяти Н. П. Кондакова, *Seminarium Kondakovianum*, Прага, 1926, стр. 215.

⁶ Аналогию см.: Б. А. Панченко. Каталог молидовулов (коллекции Русского археологического Института в Константинополе). 1, София, 1908, № 13, табл. II, 1.

⁷ См. N. Izmajlov. *Une stéatite byzantine du Musée de Chersonèse. «L'art byzantin chez les Slaves»*, II, Paris, 1932, табл. XXVIII; A. Goldschmidt und K. Weitzmann. *Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII Jahrhunderts*. II. Reliefs, Berlin, 1934, табл. III, 9; табл. XI, 32a; табл. XIII, 33a; табл. XV, 38; В. Н. Лазарев. *Новый памятник...*, рис. 1, 3, 13.

⁸ Ср. изображения воинов на серебряных блюдах V—VI вв., найденных возле Керини на о. Кипре. O. M. Dalton. *Byzantine Plate and Jewellery from Cyprus in Mr Morgan's Collection. «Burlington Magazine»*, 1906, стр. 355—362, табл. I—II.

⁹ В. Н. Лазарев. *Новый памятник...*, стр. 199—202. Эти же характерные черты святого подчеркивают и посвященные ему гимнографические произведения. Так, в тропаре Георгий прославляется как «пленных свободитель и нищих защититель» (служба в Минеи на 23 апреля). Подробнее о развитии культа Георгия см. Л. Мировић. *Хеортологија или историјски развитак и богослужье празника православне источне цркве*. Београд, 1961, стр. 239, 240.

X—XI в.¹⁰ В соответствии с требованиями сложившейся традиции Георгий представлен юношей с удлиненным, яйцевидным овалом лица, с острым подбородком, крупным прямым носом и широко открытыми глазами. Трактовка сросшихся бровей до некоторой степени напоминает применявшийся в живописи прием прочерчивания бровей по переносице, характерный для X—XII вв.¹¹ Густая шапка волос передана в виде кудрей, обозначенных двумя рядами кружков, придающих голове несколько округлую форму. Подобную трактовку можно видеть в изображениях Георгия на иконе X в. из слоновой кости из собрания Ludlow в Лондоне¹², в триптихе XI в.¹³ и на ставроотеке XI—XII вв. в Эрмитаже¹⁴, в стеатитовой иконе XI в. в национальном музее во Флоренции¹⁵. В живописных произведениях эти кружки обыкновенно распадаются на отдельные пряди, как это можно видеть в миниатюре Псалтири Василия II в Марциане. (1019 г.)¹⁶, в фреске церкви Асину на Кишре (1106—1132/33 гг.)¹⁷, на иконе с изображением святых Георгия, Феодора Тирона и Димитрия, хранящейся в Эрмитаже (вторая половина XII в.)¹⁸, и др.

Фигура Георгия на рассматриваемом медальоне обнаруживает явное несоответствие с пропорциями построения человеческого тела: несоразмерно большая голова, короткие ноги, очень длинная правая рука¹⁹, непомерно большие кисти рук²⁰. Голова святого окружена нимбом. На фоне вглубь врезана надпись:

Γ
 Η
 Ο
 Σ
 Ρ
 Γ
 Ε
 Ο
 Ρ

Транскрипция с правильной орфографией: ἁγιος Γεωργίος. По самому краю круга медальон с лицевой стороны ограничен выступающим узким жгутиком с довольно мелкой поперечной насечкой, имитирующей жемчужное обрамление. В верхней части медальон наглухо слит с небольшим ушком, имеющим сквозное отверстие для шнура. Судя по всему, медальон был отлит, а затем обработан резцом²¹. Резцом мастер владеет свобод-

¹⁰ В. Н. Лазарев. Новый памятник., стр. 189.

¹¹ Н. П. Сычев. Забытые фрагменты новгородских фресок XII в. СПб., 1918, стр. 13; С. Гайдин. Резная шиферная икона св. Димитрия и Георгия. «Сб. Гос. Эрмитажа», II, Пг., 1923, стр. 32.

¹² A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Ук. соч., табл. XLV, 123.

¹³ А. В. Банк. Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1960, табл. 77, 80.

¹⁴ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. 2. Серебряная ставроотека, ВВ, XIV, 1958, рис. 1, 2. Особенности этой трактовки становятся более очевидными при сопоставлении с более ранними памятниками. Ср. Н. М. Беляев. Очерки по византийской археологии. II, Херсонская мощехранительница, *Seminarium Kondakovianum*, III, табл. XVIII, XIX (VI в.).

¹⁵ А. В. Банк. Международная выставка византийского искусства в Эдинбурге — Лондоне. ВВ, XVII, 1960, стр. 369, рис. 6.

¹⁶ «L'art Byzantin chez les Slaves», I, табл. XLVII.

¹⁷ Γ. Σωτηρίου. Τα βυζαντινά μνημεία της Κύπρου. Α. Λευωμια, Ἀθήναι, 1935.

¹⁸ А. В. Банк. Искусство Византии, табл. 97.

¹⁹ Там же. Рельеф с изображением Георгия, стр. 22.

²⁰ Ср. трактовку рук в изображениях богоматери на монете Константина X Дуки (1059—1067), и рук жены упомянутого императора, Евдокии, на ковчеге в собрании Гос. Оружейной палаты в московском Кремле. Н. П. Кондаков. Иконография богоматери. II. Пг., 1915, рис. 4; Л. В. Писарская. Памятники византийского искусства V—XV веков в Гос. Оружейной палате. Л.—М., 1965, табл. XI.

²¹ Матрица для отливки подобного медальона, найденная при раскопках Херсонеса, издана В. В. Латышевым. См. греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895—1898 гг. МАР, 23, СПб., 1899, стр. 27—30; ОАК за 1898 г., стр. 117; А. Я. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 328.

но, трактовка форм предельно лаконична. Простыми приемами он передает складки одежды, очертания нимба, формы глаз и бровей. На концах прямых черт букв (Г, Н, К, Т, Ν) и на концах кривых линий (Є, С, Μ) углубления в виде точек; округлые буквы или части букв (Ο, Ρ, Θ, Φ, α) таких точек не имеют²². Обратная сторона медальона гладкая, с надписью в четыре строки:

κ̄ ε βοη
 ϑ η τ ο φ ο
 Ρ ο Ν τ α
 μ ε

С раскрытием сокращений получаем полный текст:

κ[̄]̄ρι] ε βοήθη[ι] τ[̄]̄ν] φορόντα με

Транскрипция текста с правильной орфографией:

κ[̄]̄ρι] ε, βοήθη[ι] τ[̄]̄ν] φορο[̄]̄ντα με.

Перевод: Господи, помоги носящему меня²³.

Аналогичную формулу надписи можно видеть не только на медальонах²⁴, но и на свинцовых печатях (молидовулах)²⁵, на стенах храмов²⁶ и т. д. Приведенная надпись выполнена менее тщательно, чем помещенная на лицевой стороне.

При довольно большом числе дошедших до нас памятников с изображением Георгия относительно редко можно наблюдать случаи, когда имя святого передается в написании не ΓΕΩΡΓΙΟΣ²⁷ или ΓΕΩΡΓΙΟΣ²⁸, как это можно видеть в большей части византийских памятников, в Георгнос, как на рассматриваемом медальоне²⁹. Эта замена ι через η дает типич-

²² Аналогичное явление наблюдается в надписи на Зеленчукском кресте, датированном 1067 г. Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из средневековой Алании (Северный Кавказ). ВВ, XXI, 1962, стр. 123.

²³ Если же считать, что перед φοροῦντα стоит не τὸν, а τῷ, следовало бы перевести: «Господи, помоги носящему мне», но тогда определение должно было бы по правилам греческой грамматики, иметь форму: φοροῦντω.

²⁴ Сходные по формуле надписи можно видеть на упомянутой матрице из Херсонеса (см. прим. 20): Κύριε [β] οἴθει τὸν φορο[̄]̄ντα * Ἀμίν, приведенной В. В. Латышевым: «Господи, помоги носящему. Аминь», на бронзовом медальоне из собрания Эрмитажа (инв. № ω = 636).

²⁵ Б. А. Панченко. Каталог молидовулов...; А. Ф. Вишняков. Свинцовые печати византийского Херсонеса. ВДИ, 1939, 1 (6), стр. 121—133.

²⁶ Ch. Diehl. Mosaïque byzantine de Nicée. «Byzantinische Zeitschrift», I (1892), стр. 83; G. de Jerphanion. Un nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. I — 1, Paris, 1925, стр. 168, 170, 175, 176. Ср. также формулы русских надписей. Н. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. 1, Л., 1928; Б. А. Рыбаков. Древнерусский город по археологическим данным. изв. ИАН СССР, VII, 3, М., 1950, стр. 246.

²⁷ Н. П. Кондаков. Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892, табл. 9.

²⁸ A. Goldschmidt und K. Meitzmann. Ук. соч., табл. V, 20; табл. X, 31; табл. XI, 31a; табл. XIII, 33; табл. XV, 38; табл. LXIV, 195; L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantin. Paris, 1936, табл. XVIII, 4; Σ. Πελεκανίδος. Καστοριά, I Θεσσαλονίκη. 1953; Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. Загорск, 1960, № 1 (каменя XI в.); Л. В. Писарская, Ук. соч., табл. XXX.

²⁹ В. аналогичном написании имя Георгия можно видеть на реликварии XI в. См. O. Dalton. Byzantin Art and Archaeology. Oxford, 1911, стр. 524, рис. 310, на медальоне иконы с изображением Христа, из Гелати (XI в.). Ch. Amiganiachvili. Les émaux de Géorge. Paris, 1962, стр. 73; на грузинской эмалевой иконе Георгия. Там же, стр. 83.

В таком написании имя святого можно также встретить и в ряде русских памятников. С. Фраткин. Рельефное изображение св. Георгия на портале Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. «Светильник», 1915, 9—12, стр. 95; А. Милюз. L'art byzantin à l'exposition de Grottaferrata. Rome, 1906, стр. 162, рис. 126; Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского» дела на Руси. ВВ, XIV, 1958, стр. 132, табл. 1; Н. Г. Порфиридов. Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике, рис. 1.

ный пример итацизмов. На правописании надписей нельзя не видеть отражение фонетики средневекового греческого языка.

Нарушение классической орфографии принято считать одним из правил провинциальных надписей, в которых нередко можно наблюдать случаи написания η вместо ι , o вместо ω или ov . Такая замена наибольшего распространения достигает после X в.; буква ι в византийской эпиграфике в указанный период становится редкостью³⁰.

Надпись на обороте медальона тоже не безупречна в орфографическом отношении. В слове $\beta o\eta\delta e\iota$ недописано ι , вместо $\phi o\rho o\upsilon\nu\tau a$ имеем $\phi o\rho o\upsilon z a$ (случай замены ov на o). В $\tau \acute{o}v$ недописано v . Эти особенности орфографии греческих гласных³¹ тем не менее не могут считаться повсеместными; более всего они характерны для периферии, в то время как в центре, вероятно, представляют единичные исключения в области официальной эпиграфики³².

По графической форме буквы надписи приближаются к унциалу. Буква Λ в одном случае имеет форму, редко встречающуюся в греческой средневековой эпиграфике, когда с небольшой петли слева от вертикальной оси свисает хвостик, по своей форме напоминающий знак густого придыхания, а над петлей — увеличивающая букву горизонтальная черта с крючком. Другой раз α имеет широко распространенную форму, когда буква состоит из наклонной влево оси с привешенной к ее средней части петлей³³.

Буква H в двух случаях немного расширяется книзу. Вполне возможно, что эта особенность продиктована условиями места (в одном случае она почти упирается в линию ободка). Поперечная черта H в надписи на обороте немного опускается справа.

Буква E , так же как и H , обычной унциальной формы, с немного приподнятой справа горизонтальной частью, которая в надписи на лицевой стороне несколько удлинена. Буква Θ представляет вытянутый овал с перемычкой повыше середины; Φ — овал, по форме близкий к кругу, пересеченный вертикальной осью. Буква τ с укороченной ножкой; O — значительно меньших размеров, чем остальные буквы. Буква M состоит из трех кривых линий. Слово $\text{K} \acute{o}$ дано в виде обычного сокращения с выносом наверх титла: KE .

Графику надписи лицевой стороны медальона можно сопоставить с надписями на ларце из слоновой кости, хранящемся в собрании древностей в Штутгарте (X в.)³⁴, на медальонах креста из Виц Брод в Богемии³⁵, а также с надписями на триптихе в Эрмитаже (XI в.)³⁶.

³⁰ А. А. Белецкий. Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской. В кн. В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 188, 192; G. de J e g r h a n i - o n. Ук. соч., I — 1, стр. 165; Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмуторокани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 75. Сказанное может быть подкреплено целым рядом примеров написания η вместо ι ; так, вместо C E P T I O C имеем C E P T H O C . См. A. G r a b a r. Un nouveau reliquaire de Saint Démétrios. «Dumbarton Oaks Papers», Cambridge Mass., 8, 1954, стр. 307; вместо $\Delta \text{H M I P I O C}$ — $\Delta \text{H M H T P H O C}$. См. Mittelalterliche Kunst der Sammlung Kofler-Trunigen, Luzern, Düsseldorf, 1965, стр. 12. О том, что данная замена ι на η не являлась грамматической нормой, красноречиво говорит оклад в Сан-Марко в Венеции, на одном из медальонов которого имя Дмитрия дано в написании $\Gamma \text{H M H T P I O C}$, в то время как на другом медальоне имя Георгия дается в классическом написании $\Gamma \text{E} \omega \text{P T I O C}$. A. P a s i n i. Il Tesoro di San Marco in Venezia. Venezia, 1885, табл. XIII, 15, текст — Venezia, 1886, стр. 118.

³¹ А. А. Белецкий. Ук. соч., стр. 192.

³² Там же; А. В. Банк. Труды по византийскому искусству в «Dumbarton Oaks Papers». ВВ, XXII, 1963, стр. 264.

³³ Е. Ч. Скржинская допускает, что эта форма может представлять редуцированную из полной унциальной формы. За просмотр в рукописи палеографического анализа надписей Е. Ч. Скржинской приношу глубокую благодарность.

³⁴ A. G o l d s c h m i d t u n d W e i t z m a n n. Ук. соч., табл. VII, 24 c, d, стр. 30—31.

³⁵ Ch. Chytil et A. Triedl. Les émaux byzantin de la croix dite de Závěš, dans les couvent de Vyšš Brod en Bohême. «Byzantin chez les Slaves», II, стр. 399, табл. LVIII.

³⁶ А. В. Банк. Искусство Византии, табл. 77, 80.

Из представленных в надписях букв греческого алфавита заслуживает внимания μ (на обороте медальона). Довольно близкую к ней аналогию дает икона слоновой кости (X в.) из берлинского Кайзер Фридрих Музеума³⁷. Наиболее интересной в палеографическом отношении можно считать Λ в слове $\beta\alpha\lambda\upsilon\sigma$ в надписи на лицевой стороне медальона. По графическим особенностям эта надпись более характерная по сравнению с находящейся на обороте. В обеих надписях лигатуры совершенно отсутствуют. Между буквами довольно большие промежутки.

В связи с вопросом об изображении эрмитажного медальона необходимо коснуться иконографии Георгия-воина, развитие которой Н. П. Кондаковым и В. Н. Лазаревым справедливо ставится в связь с возросшей в X в. необходимостью защиты границ империи³⁸. Широко известен случай, когда византийский император Никифор Фока (963—969) потребовал от патриарха почитания церковью воинов, павших на поле боя против неверных, наравне с мучениками, причисленными к лику святых³⁵. М. В. Алпатов считает несомненным, что в укреплении культа «святых воинов» большую роль сыграла столица, где находился императорский двор⁴⁰. Как убедительно доказал В. Н. Лазарев, проникновение в иконографию образа святых воинов, с одной стороны, и постепенное вытеснение образа Георгия-мученика — с другой, начинается с конца IX—X в.⁴¹ Уместно здесь вспомнить и о том, что популярность Георгия в указанное время находит отражение не только в изобразительном искусстве, но и в музыке. Немногим раньше два видных византийских гимнографа — Феофан Начертанный, епископ Никейский, и Косма, епископ Маюмский, в честь Георгия слагают гимны, в которых прославляют его как мученика и «воинству небесному собеседника», защитника верных⁴². Утверждающийся в этот период новый иконографический тип Георгия-воина в последующие столетия в искусстве Византии получает свое дальнейшее развитие.

Довольно близкой аналогией для фигуры Георгия на медальоне может служить изображение камен *XI* в. из собрания Оружейной палаты в Москве⁴³. Подобную постановку фигуры Георгия можно видеть и в ряде памятников живописи⁴⁴. Несколько иным положением правой руки с копьем отличаются изображения мозаики 1148 г. в Чефалу⁴⁵, иконы *XII* в. в Эрмитаже⁴⁶, икона из Херсонеса⁴⁷. Размещение фигуры на медальоне также не составляет его неповторимой особенности. Такое же расположение изображений в пределах круга можно отметить на молидовуле *XI—XII* вв. с изображением Оранты⁴⁸, на серебряных монетах с изображением

³⁷ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Ук. соч., табл. II, 7, стр. 26.

³⁸ Н. П. Кондаков. Русская икона. III, 1, Прага, 1931, стр. 135; В. Н. Лазарев. Новый памятник..., стр. 203.

³⁹ Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 88.

⁴⁰ М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина..., стр. 296.

⁴¹ В. Н. Лазарев. Новый памятник..., стр. 199, 203.

⁴² См. Миняя, месяц апрель. М., 1876, л. 86—90 об.; см также архиеп. Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. СПб., 1860, стр. 246, 226; Феофаном, кроме того, написана стихира литии, а Феодором Студитом — стиховны. Остальные стихиры литии, видимо, палестинского происхождения. См. Л. Миркович. Ук. соч., стр. 240.

⁴³ Л. В. Писарская. Ук. соч., стр. 21, табл. XXX.

⁴⁴ В. Н. Лазарев. Новый памятник..., рис. 3, 5, 9, 16. Ср. также Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство, илл. № 36, 151—153, 180, 236—238, 304, 348 и др.

⁴⁵ В. Н. Лазарев. История византийской живописи. II. М., 1948, табл. 184.

⁴⁶ Там же, табл. 204.

⁴⁷ A. Vank. Quelques monuments de l'art applique Byzantin du IX—XII ss. provenant des fouilles sur les territoire de l'URSS durant le dernieres dizaines d'annees. «Actes du XIIe Congrès International des Etudes byzantines». III, Beograd, 1964, стр. 18—21, рис. 4.

⁴⁸ O. Lampsides. Nicetas, évêque inconnu de Trébisonde. «Byzantinische Zeitschrift», 58, 2, 1962, стр. 380, 381, табл. IV.

богоматери Константина IX Мономаха (1042—1055)⁴⁹ и Константина X Дуки (1059—1067)⁵⁰ на молидовуле одного из сподвижников Алексея Комнина (XI в.)⁵¹, молидовулах севаста Исаака (XI в.)⁵² и Никифора Ватаца (XI—XII вв.)⁵³.

Довольно близкое стилистическое сходство обнаруживает медальон также с полуфигурами святых на фрагментах креста константинопольского происхождения XI—XII вв.⁵⁴; тип лица Георгия находит себе ближайшую аналогию в медальоне с изображением архангела Михаила на одном из этих фрагментов⁵⁵. Более далекую аналогию представляют изображения стеатитового образка святых Георгия и Феодора Тирона в Христианском музее в Ватикане⁵⁵, ковчега 1059—1067 гг. (?) в Оружейной палате в Москве⁵⁷, ставротки из монастыря Кирика и Иулиты в Сванетии (XI в.)⁵⁸, ставротки XI—XII вв. в Эрмитаже⁵⁹, филофеевской ставротки в Оружейной палате в Москве⁶⁰.

Проведенные сопоставления иконографии и стилистики серебряного медальона с изображением Георгия из Эрмитажа с кругом вышерассмотренных памятников, а также некоторые эпиграфические особенности надписей позволяют его датировать XI в. Ряд таких характерных черт, уже отмеченных при описании памятника, как некоторая схематизация изображения, примитивность трактовки отдельных частей тела, ясно указывают на то, что данный медальон нельзя отнести к продукции придворных мастерских, в которых преимущественно работали высококвалифицированные ювелиры. Против этого говорят и эпиграфические особенности надписей медальона. Но в то же время известное стилистическое сходство с рядом столичных изделий, а также константинопольское происхождение памятника⁶¹ не дают оснований приписать его провинциальным мастерам. Вполне возможно, что такой медальон мог быть изготовлен в одной из столичных мастерских, предназначавших свои изделия для продажи. В пользу этого предположения говорят как невысокое качество серебра, из которого изготовлен медальон, так и надпись, в которой отсутствует имя владельца. Такая форма надписи, по замечанию В. В. Латышева, могла быть пригодной для всякого покупателя⁶².

⁴⁹ Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911, рис. 76, 77; В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4—4, М., 1962.

⁵⁰ Н. П. Кондаков. Иконография богородицы, II, стр. 66, рис. 4.

⁵¹ Б. А. Пянченко. Каталог молидовулов..., № 346, табл. XI, 10.

⁵² Там же, № 369, табл. XII, 9.

⁵³ Там же, № 241, табл. X, 2.

⁵⁴ Dumbarton Oaks Collection. Handbook, Washington, 1955, стр. 57—58, табл. 69, 138—139 (N 138).

⁵⁵ Там же, табл. 69, 138.

⁵⁶ А. Мипоз. Ук. соч., табл. 124, 87.

⁵⁷ Л. В. Писарская. Ук. соч., стр. 16—17, табл. X, XI.

⁵⁸ П. С. Уварова. Поездка в Писавию, Хевсуретию и Сванетию. МАК, X, М., 1904, стр. 94—100, табл. XXVII.

⁵⁹ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. 2. Серебряная ставротка, стр. 234—241, рис. 1, 2.

⁶⁰ Л. В. Писарская. Ук. соч., стр. 16—17, табл. XII, XIII.

⁶¹ Указание это на происхождение медальона следует, однако, понимать очень условно, так как это не исключает возможности импорта.

⁶² В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи..., стр. 28. Следует также отметить, что в некоторых случаях в аналогичных надписях содержится обращение не к богу, а к самому Георгию, например: ΑΓΙΕ ΓΕΩΡΓΙΕ ΒΟΗΘΗ. См. A. G r a b a r. Martirium. Recherches sur culte des reliques et l'art chrétien antique. II, Paris, 1946, стр. 86.

Разбор форм надписей тематически выходит за рамки данной статьи, поэтому мы здесь ограничимся лишь кратким замечанием, указав, что наиболее распространенной формой являются обращения к богу или богородице, например: Θεοτεοκλι хеле хе βοηθητων εχωντα σε δεην (Богородице, защити и помоги имеющему тебя, аминь). Архимандрит Леонид. Надписи Троицкой Сергиевой Лавры. ЗОРСАРАО, 3, СПб., 1882, стр. 176. См. также: Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-гре-

Публикуемый медальон из собрания Эрмитажа не является произведением высокого искусства византийской столицы в строгом понимании этого слова. Но данное обстоятельство отнюдь не снижает его научной ценности как произведения, характеризующего продукцию мастерских Константинополя, предназначавших свои изделия для широких кругов покупателей византийской столицы.

V. G. Poutsko

MÉDAILLON BUZANTIN A L'IMAGE DE GEORGES LE GUERRIER

Résumé

Un médaillon en argent à l'image de Georges le guerrier donne la notion de la production des ateliers de Constantinople destinée à un large marché.

L'article présente les résultats de l'examen paléographique des inscriptions sur le médaillon, de la confrontation iconographique et stylistique des images de Georges le guerrier sur toute sorte d'objets datés (sur les monnaies et les sceaux y compris).

L'analyse stylistique et paléographique ont permis de dater le médaillon du XI s.

ческой живописи, стр. 74, 75, 80, 81, 88 сл. Но здесь необходимо оговорить, что все высказанные предположения о происхождении памятника не выходят за пределы вероятности, так как мы не располагаем в настоящее время достаточно вескими доводами, которые позволили бы более конкретно говорить о его происхождении. Отсутствует возможность строгой дифференциации памятников на столичные и провинциальные.

К сожалению, так обстоит дело и с другими произведениями византийской мелкой пластики, обычно плохо привязанными к определенному месту или слою (если они происходят из раскопок). Данное обстоятельство было отмечено А. В. Банк в ее докладе «Опыт группировки памятников некоторых отраслей византийского прикладного искусства XI—XII вв.» (См. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1965 год. Л.— М., 1966, стр. 12.)

М. С. БУЛАТОВ

ШЕДЕВР МАСТЕРА АБДЛЬ АЗИЗА

(Из истории художественного литья
в эпоху среднеазиатского Ренессанса)

Бронзовый сосуд из мечети Ходжи Ахмада Ясеви, называемый котлом, хранящийся в Ленинградском Эрмитаже, представляет собой выдающееся произведение прикладного искусства и, по меткому выражению А. Ю. Якубовского, чудо техники бронзового литья XIV в. Ему посвящены исследования П. И. Лерха, Н. И. Веселовского, А. А. Семенова, М. Е. Массона, А. Ю. Якубовского и др., которые дали описание котла, чтение и перевод надписи с датой и именем мастера¹. Однако вопросы построения формы котла, рабочий метод его проектирования, пропорции и соразмерности частей и целого композиции не были предметом исследования, не говоря уже о том, что все еще существует разночтение надписей.

Котел (рис. 1) состоит из чаши вместимостью в 3000 литров воды и подставки, способной нести большую нагрузку; собственный вес котла около двух тонн при общей высоте 162 и диаметре чаши 242 см. Сосудов бронзового художественного литья таких внушительных размеров мировая средневековая практика не знает.

Форма котла архитектурна: круглый плинт основания с выкружкой переходит выразительной скоцией к шейке, имеющей горизонтальные тяги мелкого простого профиля. Чаша сфероконического очертания, усеченного в зоне сопряжения с подставкой, имеет бортовую выступающую карнизную плиту — венчик, в нижней стороне которого устроен капельник (характерный архитектурный прием).

Поверхность чаши имеет декоративную обработку, композиция которой строго тектонична и подчинена 20 лучевым осям и трем горизонтальным поясам. Первый верхний пояс, расположенный под карнизом, заполнен арабской надписью почерком насх, выполненной на фоне растительного орнамента «ислими». Надпись повествует о том, что котел изготовлен по повелению эмира Тимура для мечети Ходжа Ахмада Ясеви в 801 г. хиджры (1399), и цитирует стих корана о богоугодности обеспечения водой паломников.

Второй пояс фиксирует наиболее выступающую округлость чаши. На ней расположены десять декоративных «кубба», чередующихся с та-

¹ П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870, стр. 17, 18; П. Н. Ахмеров. Надписи мечети Ахмада Ясеви. ИОАИЭКУ, 13, 6. Казань, 1868, стр. 538—551; Н. И. Веселовский. Экспедиция в город Туркестан для снятия планов и зарисовок в красках местной мечети. Изв. Комитета для изучения Средней Азии, 6, СПб., 1906, стр. 24 сл.; А. А. Семенов. Мечеть Ходжи-Ахмада Есевичского в Туркестане. Изв. Средазкомстариса, Ташкент, 1926, стр. 128; М. Е. Массон. О постройке мавзолея Ходжи Ахмада в Туркестане. СТО, 19, Ташкент, 1929, стр. 39—45; А. [Ю.] Якубовский. Иранские мастера в Средней Азии. Сб. «Иранское искусство и археология». М.—Л., 1933, стр. 283, 284; его же. Среднеазиатские собрания Эрмитажа. Труды Отдела истории ГЭ. Л., 1940, стр. 22; его же. Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940, стр. 37; его же. Культура и искусство народов Средней Азии VI в. до н. э.—середина XIV в. Л., 1952, стр. 31; Б. Я. Ставицкий. Двадцать пять веков среднеазиатской культуры. Л., 1963, стр. 49, 50.

Рис. 1. Общий вид котла (фото)

ким же количеством навесных ручек «халька». Между ними вставки растительного орнамента и надписи: 14 раз повторяется фраза **مبارك باه** — «благословен будь», выполненная почерком куфи и насхом **عمل عبد الفقير** — **لغنى الى الله استناد عبدالعزيز ابن استاد سرور الد [ين] تبريزى** — «Работа бедного раба божьего мастера Абдль Азиза сына мастера Сарварадд[ин]а² Табризца» (рис. 2).

Нижний пояс содержит 22 повторяющихся надписи, написанных крупным почерком куфи **الله الملك** — «Царство принадлежит аллаху» — формула, часто встречающаяся на строительных надписях XIV—XV вв.

Переход от насыщенных рельефным декором боковых поверхностей к глади нижней части образован десятью мадохиями, обращенными вершинами вниз, заполненными растительным орнаментом и мелкими «кубба», расположенными по лучевым осям композиции в «шахматном порядке».

Подобно тому, как Тимур стремился к колоссальным масштабам, выразительности и помпезности в архитектуре, так и здесь, очевидно, перед мастером была поставлена задача создания котла, отличающегося красотой и большой емкостью. Однако размеры котла были обусловлены не только требованиями заказчика, но и ограничены техническими возможностями.

Техника литейного дела в странах Ближнего и Среднего Востока, имеющая многовековую историю, изучена недостаточно. Можно полагать, однако, что в XIV—XV вв. уже существовали устойчивые традиции, которые не только передавались мастерам из поколения в поколение, но и получали теоретическое осмысление. Еще ал-Кинди (IX в.) писал, что если хочешь иметь качественные мечи «начни работу с устройства печи, изготовления тиглей, чертежей для них, с [определения] качества глины и выбора ее»³. Источники не приводят ни характеристики качества глины.

² В ранних исследованиях имеет место разночтение. Оно, очевидно, было обусловлено пропуском в имени отца мастера [ين], восстановление которого не оставляет сомнения в правильности чтения М. Е. Массона **سرور الد [ين]**, между тем неправильное «Шарафаддин» вошло в научный обиход.

³ А. Б и р у н и. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). М., 1963, стр. 240.

Рис. 2. Копия надписи с именем мастера

употреблявшихся для форм, ни подробного описания технологии, ни чертежей. Тем не менее изучение самого объекта позволяет высказать некоторые предварительные соображения о технике его изготовления.

При осмотре поверхности котла можно убедиться, что большая ее часть, особенно там, где имеется орнаментальный декор, подверглась механической обработке вплоть до шлифовки. Этим путем были устранены дефекты литья — шероховатости, наплывы, пузырьки-раковины (последние были зачеканены) и т. п. Более того, по-видимому, из-за некачественности литья некоторые выпуклые детали без особого ущерба для художественного восприятия оказались срезанными с последующей зачисткой и шлифовкой — это вершины некоторых кубба и трилистники на концах халька.

В нижней части чаши и на поверхности подставки механической обработки не было. Благодаря этому сохранились следы стыков литейной формы, что дало возможность сделать некоторые выводы о технике изготовления котла, а именно: внешняя форма для литья была разрезана на несколько частей, т. е. была составная; ее следы читаются даже на фотографии (рис. 1), пространство между вкладышем и внешней формой являлось толщиной стенок чаши. Изготовление котла происходило в опрокинутом состоянии, с заливкой металла в форму с донной части, а в местах кубба в наружной форме, очевидно, были просверлены отверстия для выхода воздуха; модель котла в натуральную величину, очевидно, была выполнена не из воска, а сделана из высокопрочного гипса (гульганча), просушена и пропитана маслом, чем достигнута относительно высокая механическая прочность и гидрофобность модели; модели чаши и подставки могли изготавливаться отдельно вращением шаблонов кривых вокруг оси подобно циркулю карусельного типа (термин Бузджани); для создания невысокого рельефа орнамента наносился слой алебаstra толщиной 0,6 см, на котором осуществлялась разбивка лучевых осей, а горизонтальные пояса прочерчивались вращением шаблона. Рисунки орнамента и надписи, выполненные на бумаге, переносились на поверхность модели припорохом и вырезались «конусом» для удобства съемки формы. Согласно народному преданию, котел отливался в мастерской недалеко от селения Карнак, лежащего в 25 км к северу от г. Туркестана, где и поныне существуют ее развалины⁴.

Технические задачи бронзового литья были достаточно сложны, но мастеру Абдль Азизу приходилось решать не менее сложную эстетическую задачу.

Выразительные пропорции котла, уравновешенность отдельных частей, плавные линии, образующие округлость чаши, были обусловлены геометрическими построениями и математическими закономерностями. Выявление их потребовало от автора этой статьи точных натуральных обмеров

⁴ М. Е. М а с с о н. Мавзолей Ходжа Ахмада Ясеви. Ташкент, 1930, стр. 16.

и графического анализа соразмерностей частей и целого в композиции, который сопровождался проверочными аналитическими исчислениями и позволил прийти к следующим выводам.

Устанавливая соразмерности частей и целого котла, мастер Абдль Азпз, очевидно, руководствовался не только линейными отношениями величин, но и площадей. К такому выводу мы вынуждены прийти потому, что площадь круга (описанного квадрата) по венчику чаши в пять раз больше площади круга (описанного квадрата). Решение этой задачи применительно к квадрату мы встречаем в трактате Бузджани (940—998)

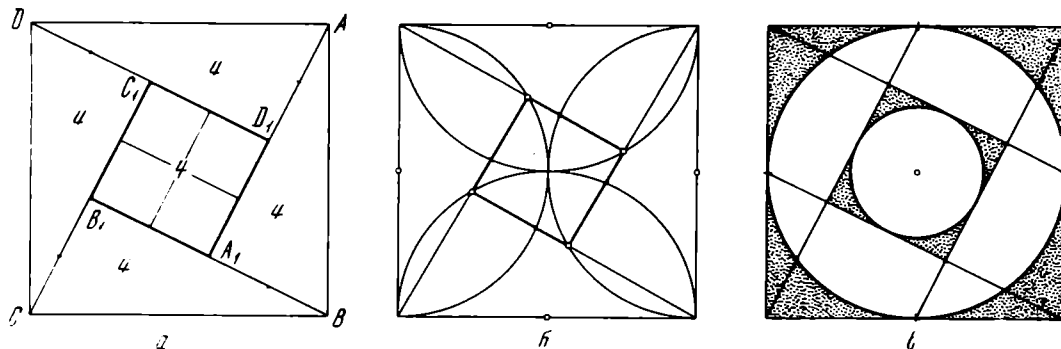

Рис. 3. Чертежи Абул Вафа Бузджани

a — квадрат, равный 20 квадратам; *b* — построение двух неодинаковых квадратов в заданном квадрате; *c* — два квадрата с отношениями их площадей как 5 : 1

«Книга о том, что необходимо ремесленникам из геометрических построений», получившем широкое распространение среди ремесленников Среднего и Ближнего Востока. У Бузджани в одном случае это рассматривается как построение квадрата, равного 20 малым квадратам. Для этого берется квадрат *ABCD*, состоящий из четырех малых (рис. 3, *a*), на продолжении его сторон откладывается сторона исходного квадрата, точки *A₁B₁C₁D₁* соединяются. Полученный большой квадрат равняется 20 малым, при этом большой квадрат относится к исходному как 5 : 1. Бузджани также вооружает ремесленников общим решением задачи деления квадрата на два неравных квадрата путем геометрического построения (рис. 3, *b*)⁵, частным случаем которого является получение квадрата, меньшего против заданного в пять раз (рис. 3, *c*).

Соразмерности частей и целого котла таковы (рис. 4):

диаметр чаши	$D = d\sqrt{5} = 108\sqrt{5} = 242 \text{ см}$
диаметр основания	$d = \frac{D}{\sqrt{5}} = \frac{242}{\sqrt{5}} = 108 \text{ см}$
высота котла	$H = \frac{3D}{2\sqrt{5}} = \frac{3d}{2} = 162 \text{ см}$
высота подставки	$h = \frac{D}{2\sqrt{5}} = \frac{d}{2} = 54 \text{ см}$
высота чаши	$h_1 = \frac{D}{\sqrt{5}} = d = 108 \text{ см}$

Однако что же является исходным параметром в определении соразмерностей котла — диаметр чаши или радиус основания?

На этот вопрос могли бы пролить некоторый свет данные по истории метрологии. Письменные источники, в частности сообщения историка Шарафаддина ал Йезди и анализы соразмерности комплекса Ходжа Ахмада Ясеви в Туркестане, позволили установить размер гяза для этого

⁵ Абул Вафа Бузджани. Книга о том, что необходимо ремесленникам из геометрических построений. Рукопись на арабском языке. Библиотека Аия София, пнв. № 2754 (2753), стр. 52 и 60.

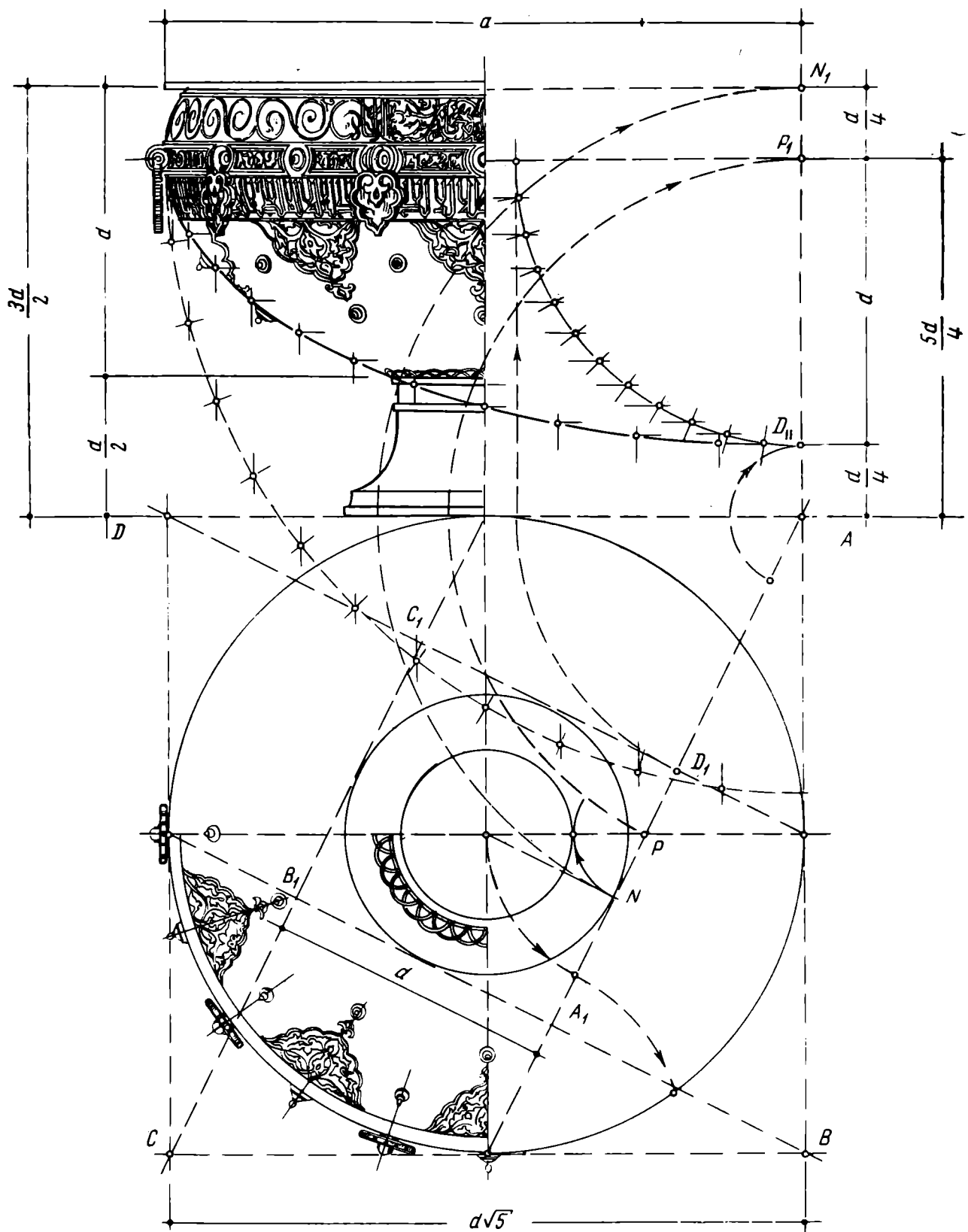

Рис. 4. Чертеж бронзового котла. Анализ построения формы

памятника в 60,6 см⁶. То обстоятельство, что диаметр чаши котла 242 см может быть выражен четырьмя гязами при его размере 60,5 см (точное совпадение с гязом Ходжи Ахмада Ясеви), позволяет думать, что мастер Абдль Азиз за исходную величину соразмерности котла принимал диаметр чаши. Однако величина радиуса основания котла 54 см также цифра не случайная — это Шахский полугяз или локоть, бытовавшие в средневековом Среднем и Ближнем Востоке⁷. Следовательно, исходным параметром в определении соразмерности котла мог быть радиус основания котла, тем более ряд его элементов выражен им как модулем.

Приводимые доводы за оба варианта исходного параметра в определении соразмерности котла, как видно, равноценны и говорят скорее о параллельном сосуществовании двух мер длины 60,5 и 54 см, которые имели гармоническую взаимозаменяемость, поскольку 60,5 см не что иное, как диагональ прямоугольника из двух квадратов со стороной в полулокоть, т. е. $27\sqrt{5}$. Аналогичная зависимость имела место в истории метрологии древнего Египта и средневековой Руси⁸.

Деление окружности на 10 частей для определения композиционных осей орнаментального декора и мест расположения ручек-халька могло быть выполнено по методу, рекомендуемому Абул Вафа Бузджани⁹.

Остается определить кривую образующей сфероконической формы чаши котла. Тщательные анализы (рис. 4) позволили установить, что она представляет собой кривую второго порядка — часть эллипса $x^2/a^2 + y^2/b^2 = 1$ с параметрами:

$$\begin{array}{ll} \text{большая полуось} & a = D = d\sqrt{5} = 242 \text{ см} \\ \text{малая полуось} & b = \frac{D}{\sqrt{5}} = d = 108 \text{ см} \\ \text{эксцентриситет} & c = \frac{2D}{\sqrt{5}} = 2d = 216 \text{ см.} \end{array}$$

Соразмерности котла и кривая отрезка эллипса, образующая форму чаши, взаимоувязаны благодаря тому, что высота от основания котла до линии большой оси эллипса

$$H_1 = \frac{D\sqrt{5}}{4} = \frac{5d}{4} = 135 \text{ см.}$$

Возвышение кромки чаши над линией большой оси эллипса

$$h_{III} = \frac{D}{4\sqrt{5}} = \frac{d}{4} = 27 \text{ см,}$$

а диаметр (d_1) верха подставки представляет собой малый отрезок при делении диаметра (D) основания в среднем и крайнем отношении, т. е.

$$d_1 = \frac{D\sqrt{5}-1}{2\sqrt{5}} = \frac{d(\sqrt{5}-1)}{2} = 66,7 \text{ см.}$$

Однако возникают вопросы: каков же был рабочий метод построения шаблона кривой чаши котла, насколько средневековые ремесленники умели строить кривые второго порядка, чем была вызвана необходимость их применения?

Известно, что математическая наука в странах Ближнего и Среднего Востока в средние века, имевшая большое практическое значение и глу-

⁶ Л. Ю. Маньковская. К изучению приемов среднеазиатского зодчества конца XIV в. Сб. «Искусство зодчих». I, Ташкент, 1962, стр. 121.

⁷ Ф. И. Петрушевский. Общая метрология. СПб., 1849, стр. 387, 388; Б. Б. Пятровский и Н. Д. Флитнер. История техники древнего Двуречья. М., 1940, стр. 124.

⁸ И. Н. Шевелев. Геометрическая гармония. Кострома, 1963, стр. 82; его же. Геометрическая гармония в архитектуре. «Архитектура СССР», 1965, 3, стр. 40, 41.

⁹ Абул Вафа Бузджани. Ук. соч., стр. 20.

бокые местные корни, не только восприняла математическую культуру античности, но и получила свое дальнейшее развитие. Не вдаваясь в далекие экскурсы по истории математики, следует, однако, констатировать, что первым сочинением на арабском языке, посвященном построению конических сечений, был трактат «Об удлинненном круге» ал-Хасана Ибн-Мусы (IX в.)¹⁰, в котором говорилось о построении эллипса, основанного на постоянстве фокальных его радиусов и векторов (рис. 5, а). Ибн-Синан (908—946) в книге «О построении трех сечений» приводит способ, осно-

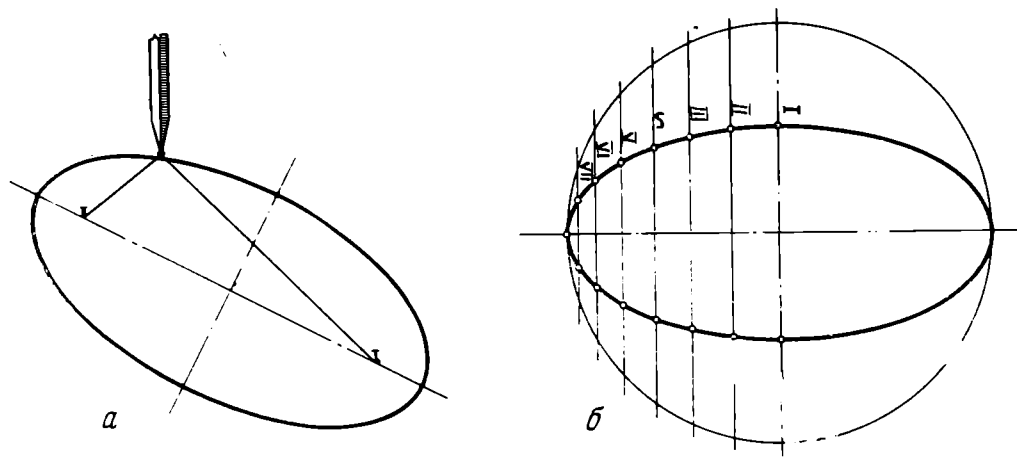

Рис. 5. Построение эллипса: а — по методу Ал-Хасана, б — по методу Ибн-Синана

ванный на построении ординат эллипса $x^2/a^2 + y^2/b^2 = 1$ по их абсциссам с помощью циркуля и линейки, путем деления ординат точек окружности $x^2 + y^2 = a^2$ в отношении $b : a$ (рис. 5, в)¹¹. Специальные исследования С. А. Красновой трактата «Об описании конических сечений» ас-Сиджизли (951—1024), трактата «О совершенном циркуле и свойствах черчения с его помощью» ал-Кухи (X в.) позволили ей дать описание совершенного циркуля¹², которым пользовались для вычерчивания эллипса, параболы и гиперболы средневековые ученые.

Огромный интерес средневековых математиков к коническим сечениям был обусловлен не только тем что при помощи гиперболы решались кубические уравнения¹³, но и потому, что кривые второго порядка применялись в практике. Не случайно Абул Вафа Бузджани в упомянутом трактате приводит два метода построения шаблонов парабол, необходимых для устройства зажигательных зеркал (рис. 6)¹⁴.

Из сказанного следует, что средневековые ведущие мастера бесспорно имели представление о конических сечениях и пользовались кривыми параболы и эллипса как для шаблона зажигательных зеркал, так и для вычерчивания кривых плавных очертаний, необходимых для построения арок, куполов и таких объектов прикладного искусства, как исследуемый нами бронзовый котел.

Рабочий метод построения формы чаши — кривой эллипса мог быть основан как на постоянстве фокальных его радиусов — векторов по ал-Хасану Ибн-Муса, так и на методе Ибн-Синана. В первом случае одна восьмая кривой эллипса, необходимая для шаблона, могла вычерчиваться натяжением нити длиной в $2a$ или $2D$, равной 484 см, закрепленной в фокусах эллипса, расположенных на оси абсцисс на расстоянии в $2c$ или

¹⁰ С. А. Краснова. К истории геометрических построений. Уч. зап. Коломенского пед. ин-та, VIII, Коломна, 1965, стр. 199.

¹¹ С. А. Краснова. Ук. соч., стр. 200.

¹² Там же, стр. 200, 201.

¹³ Б. А. Розенфельд и А. П. Юшкевич. Омар Хайям. М., 1965, стр. 49—55 и сл.

¹⁴ Абул Вафа Бузджани. Ук. соч., стр. 15, 16.

4d, равных 482 см. Отметим, что этот метод требовал математического определения всех трех параметров (a , b и c) эллипса. Тахмин (выравненная горизонтальная поверхность из гипса) для вычерчивания шаблона мог иметь небольшие размеры — по длине около 1,5 м и по ширине около 1,3 м с расположением одного из фокусов эллипса за пределами тахмина на выровненной поверхности земли. Такое построение шаблона

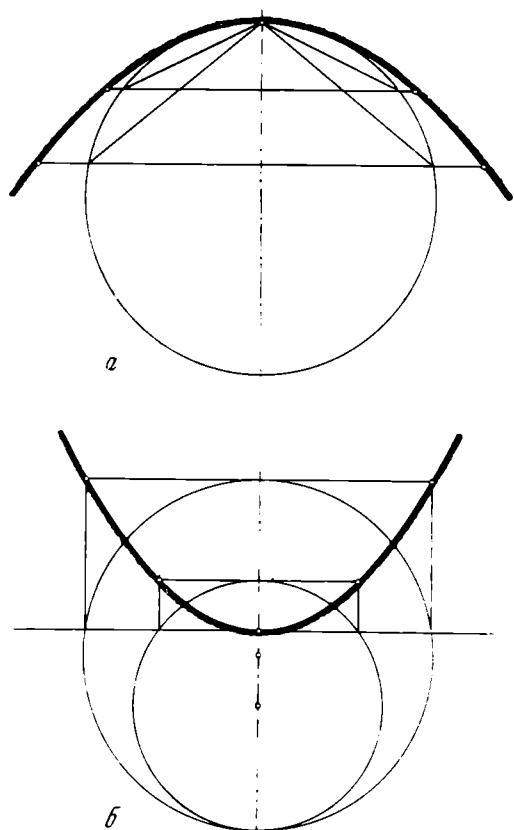

Рис. 6. Чертеж Абул Вафа Бузджани построения шаблона для зажигательного зеркала

при относительно небольших размерах эллипса было проще, чем вычерчивание по точкам по методу Ибн-Синана, который более подходил для кривых арок больших пролетов с двумя пересекающимися отрезками эллипсов, применявшихся в постройках Тимура и тимуридов¹⁵.

Судя по сообщению теоретика архитектуры итальянского Ренессанса Серлио (1475—1554), для построения формы ваз мастера пользовались как модульными, так и геометрическими отношениями величин, в частности имело место применение кривых эллипса (рис. 7)¹⁶ — прием, как мы уже видели, с успехом использованный за столетие до этого азербайджанским мастером при создании котла Тимура.

Но древние греки предвосхитили мастеров средневекового Востока и итальянского Ренессанса в гармонизации формы бытовых художественных изделий, что видно хотя бы из анализа построения формы древнегреческой чаши, хранящейся в Бостонском музее, приводимой Д. Хембиджем¹⁷. Правда, наши анализы этой чаши не затрагивают форму

кривой, но отличаются от исследований Д. Хембиджа тем, что за исходный параметр принимается площадь основания подставки в пять раз меньше, что наглядно из аналитического чертежа (рис. 8).

При диаметре чаши D :

$$\text{диаметр основания } d = \frac{D}{\sqrt{5}} = 0,447D$$

$$\text{диаметр шейки } d_1 = \frac{D}{2\sqrt{5}} = 0,2235D$$

$$\text{общая высота } H = \frac{D}{\sqrt{5}} = 0,447D$$

$$\text{высота верхней части } h = \frac{D(\sqrt{5} - 1)}{4} = 0,309D$$

$$\text{высота подставки } h_1 = \frac{D(\sqrt{5} - 1)}{4\sqrt{5}} = 0,138D$$

Как котел Тимура, так и вазы о которых упоминает Серлио, и древнегреческая чаша — это предметы быта, создававшиеся, очевидно, по про-

¹⁵ Исследованию кривых второго порядка в зодчестве Ближнего и Среднего Востока автор посвящает специальную работу.

¹⁶ Serlio di Sebastiano. Libro primo D'architettura, in Venetia. 1960, стр. 12, 13.

¹⁷ Д. Х е м б и д ж. Динамическая симметрия в архитектуре. М., 1936, стр. 57, 58.

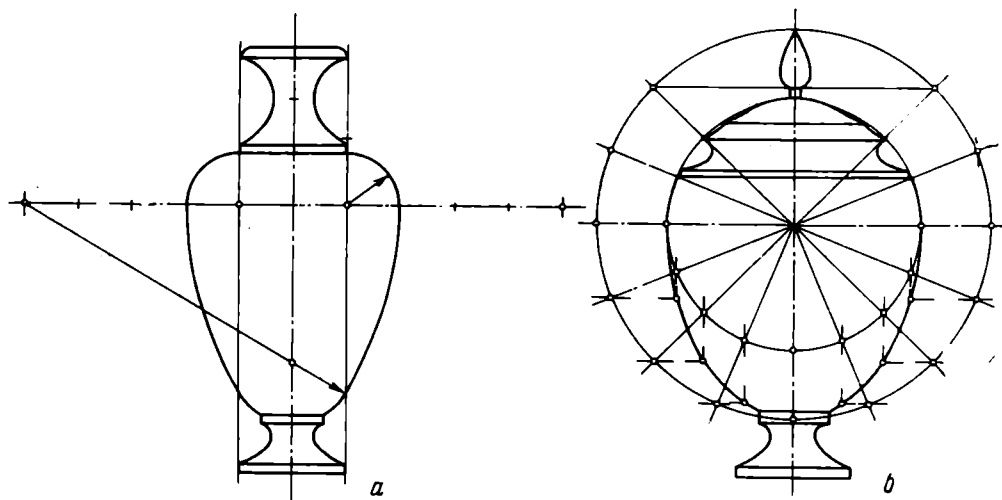

Рис. 7. Чертежи Серлио — построение формы ваз

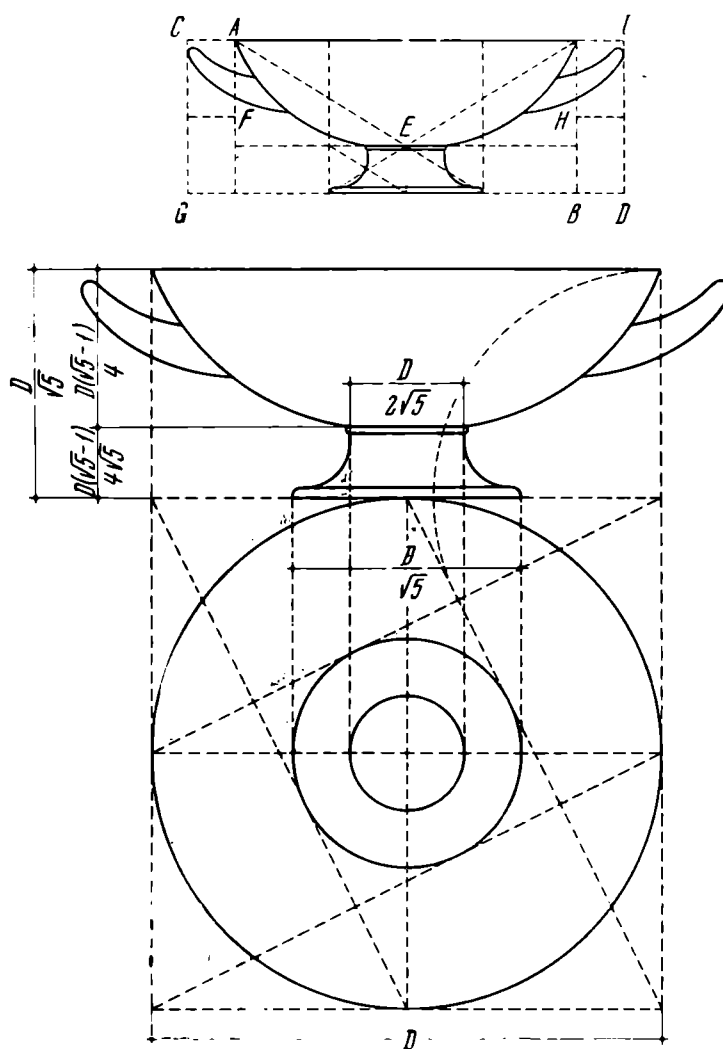

Рис. 8. Анализ построения формы древнегреческой чаши, хранящейся в Бостонском музее

скуту. В этом свете трудно согласиться с К. Кантором, что «на протяжении столетий и даже тысячелетий производство многих вещей, прежде всего бытовых, было производством без проектирования», без эскизов и моделей¹⁸. Средневековый Ближний и Средний Восток дает большое количество бесспорных фактов, говорящих об обратном. Например, наряду с посудой, изготавливаемой на гончарном круге без проекта в Средней Азии, начиная с XII в. получает широкое распространение штампованная посуда. Этот метод производства предполагает предварительное изготовление моделей, с которых снимались калыбы (формы) для штамповки в глине предмета производства половинными частями с последующим их склеиванием, сушкой и обжигом. Изготовление моделей — процесс творческий, это проектирование, оно выполнялось мастером-художником, который не только придавал удобную, красивую форму предмету, но и компоновал орнамент и надписи.

Применение моделей имело также широкое распространение в практике ювелиров. Они делались, судя по Бируни (X в.), «из воска, битума, смолы, чистой глины, эмали, янтаря, древесины известных деревьев, из которых вытачиваются формы и образцы, заказываемые ювелирам и другим, для разных нужд и потребностей»¹⁹.

Следует отметить, что при массовом производстве штампованной посуды проявляются признаки разделения труда между художником-моделистом и гончаром-делателем посуды, подобно тому как это имело место между художником-гранильщиком драгоценных камней и ремесленником-исполнителем, причем первые получали за свой труд плату в два раза больше, чем вторые²⁰.

Совокупность рассмотренных материалов позволяет утверждать, что изготовление бронзового котла было выполнено по заранее разработанному проекту, в котором нашли отражение технология изготовления, геометрические приемы построения формы и композиция декора, основанные на эстетическом мировоззрении тогдашнего общества, уровне развития средневековой математики. Выполнивший такую работу Абдль Азиз, очевидно, был талантливым зодчим и художником, математиком и каллиграфом, модельщиком и литейщиком, сочетавшим в себе высокое мастерство и познания культурного человека своей эпохи.

В эту пору в Средней Азии, так же как и в эпоху итальянского Возрождения, «...не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества (прекрасно, и именно не только в теоретической, но также и в практической жизни...)... Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках»²¹. Известные слова Алишера Навои:

Он зодчим был, а также мудрецом,
Гранильщиком и златокузнецом,
Сегодня лекарь, завтра медник он,
Для шаха — лучший собеседник он,
Он был искусством с головы до ног.

без преувеличения можно отнести и к мастеру Абдль Азизу, сыну мастера Сарвараддина из Тебриза — создателю бронзового котла, которым по праву восхищаются его далекие потомки.

¹⁸ К. Кантор. Пути изучения дизайна. «Техническая эстетика», 1966, 1, стр. 2.

¹⁹ А. Бируни. Ук. соч., стр. 264.

²⁰ Там же, стр. 172.

²¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. XIV, М., 1931, стр. 475—477.

CHEF-D'OEUVRE DU MAÎTRE AZERBAIDJANAIS ABDL-ASISE

Résumé

La chaudière en bronze de la mosquée de Khodjy Akhmad Jassévi datant du 1399 appartient au travail du maître azerbaïdjanais Abdl-Asise. C'est un remarquable objet de l'art appliqué, un vrai chef-d'oeuvre de la fonte en bronze médiévale. Bien qu'il soit l'objet de nombreux études tout un nombre de questions assez importantes (comme construction de la forme de la chaudière, méthode d'après laquelle ce projet a été fait etc.) a resté hors de l'examen analytique. C'est à ces questions que le présent article est consacré.

La totalité des matériaux étudiés permet de confirmer que la fabrication de la chaudière était réalisée d'après un projet élaboré d'avance. La technologie de la fabrication, les procédés géométriques de la construction de la forme et la composition du décor étaient basés sur les conceptions esthétiques de la société d'alors, sur le niveau du développement des mathématiques médiévales.

Ousto Abdl-Asise qui a exécuté ce travail a réuni en lui les dons d'architecte et d'artiste, de mathématicien et de calligraphe, de modelleur et de fondeur; la haute maîtrise allait de paire avec les connaissances d'un homme d'une grande culture de son époque.

Почти не может быть. Ведь ты была
всегда...

А. Ахматова

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ СЕРГЕЕВНЫ ПАСSEK

4 августа 1968 г. в Москве после тяжелой и продолжительной болезни скончалась доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР, лауреат Государственной премии Татьяна Сергеевна Пассек.

Советская историческая наука в лице Т. С. Пассек потеряла ведущего археолога, большого ученого, широко известного не только у нас, но и в зарубежных странах.

Для нас, археологов, имя Т. С. Пассек прежде связано с трипольской культурой. Изучению различных связанных с нею проблем Татьяна Сергеевна посвятила всю свою жизнь.

Уже первый доклад Т. С. Пассек «Трипольская культура», прочитанный ею в 1926 г. на Керченской археологической конференции, содержал многие положения, которые позже она развила в целом ряде работ, в частности, они же легли в основу ее первой классификации и периодизации трипольской керамики (*La céramique tripolienne*, М.—Л., 1935).

Приступая к изучению трипольских памятников, Т. С. Пассек создает новую, свою собственную методику полевых исследований трипольских «площадок», бывших до этого времени одной из археологических загадок. Научное предвидение, блестящая интуиция и практический опыт позволили Т. С. Пассек понять сущность этих площадок и доказать, что они являются остатками домов на поселениях трипольской культуры. Выработанная Татьяной Сергеевной методика оказалась настолько жизненной, что до сих пор применяется при исследованиях трипольских поселений. Творческий подход, владение методом исторического обобщения позволили Татьяне Сергеевне восстановить общую картину жизни древних земледельческих племен на этих поселениях.

На основе обширного археологического материала, накопленного главным образом в результате своих раскопок, Т. С. Пассек создала периодизацию трипольских поселений — капитальный труд, к которому еще долгие годы будут обращаться все советские и зарубежные археологи, занимающиеся кругом памятников, связанных с культурой Триполье — Кукутени — Ариушд. Книга «Периодизация трипольских поселений» в 1950 г. была удостоена Государственной премии.

Неустанно работая в избранной ею области, Татьяна Сергеевна переносит свои полевые работы далее на запад — в Молдавию, Буковину, Прикарпатье — и обобщает новые полученные ее экспедицией материалы еще в одной фундаментальной монографии — «Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья», вышедшей в свет в 1961 г.

Завершением всех этих исследований было открытие целой серии многослойных мест поселений древних трипольских племен. Изучение мате-

T. G. HACCEK

риалов из этих памятников лишний раз подтвердило правильность пути, избранного Т. С. Пассек для установления периодизации и хронологии трипольской культуры в целом.

Расширяя и углубляя изучение происхождения равнинных земледельческих культур юго-запада СССР, Т. С. Пассек обращается к памятникам предшествующего времени и занимается культурой линейно-ленточной керамики и памятниками буго-днестровской культуры. Результатом этих исследований явился свод археологических источников «Памятники культуры линейно-ленточной керамики» (М.—Л., 1963) и глава о раннем неолите юго-запада для многотомника «Археология СССР».

Понимая всю необходимость изучения комплексов неолитических и энеолитических культур Восточной Европы в целом, Татьяна Сергеевна обращается к материалам зарубежных стран и работает над коллекциями музеев и научных учреждений Болгарии, Румынии, Чехословакии и Польши. Завязываются многосторонние дружеские научные связи, Татьяна Сергеевна выступает с докладами и знакомит научную общественность зарубежных стран с достижениями советской археологической науки.

Освоив новые обширные материалы со всей территории Балканских стран Восточной Европы, Т. С. Пассек создает новую синхронизацию археологических культур, существовавших в V—III тысячелетиях до н. э. в междуречье Днепра и Дуная, и делает о ней доклад на VI Международном конгрессе доисториков и протоисториков, состоявшемся в 1961 г. в Риме.

Т. С. Пассек интересовали и другие культуры расписной керамики, в частности, она занималась культурами Кавказа и Закавказья. Еще в 20-х годах, работая под руководством академика И. И. Мещанинова, вместе с Б. А. Латыниным она производила раскопки памятников бронзовой эпохи (II тысячелетие до н. э.) в Муганской степи, а также курганов с керамикой типа Кызыл-Ванк.

К области научных достижений Т. С. Пассек следует отнести разработку и других вопросов бронзового века Восточной Европы. К ним относится углубление всестороннего изучения памятников среднеднепровской, комаровской, усатовской и городско-вольнской культур.

С 1934 г. Татьяна Сергеевна возглавляла сначала Трипольскую экспедицию ИИМК АН СССР, работавшую на территории УССР, а затем, с 1947 г. и до конца своей жизни, экспедицию ИИМК ИА АН СССР, исследовавшую памятники Молдавии в тесном контакте с республиканскими научными учреждениями.

В процессе работы своих экспедиций Т. С. Пассек особое внимание уделяла подготовке квалифицированных научных кадров археологов. Ее многочисленные ученики теперь самостоятельно работают в археологических научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Кишинева, Одессы и других городов. Ими исследованы новые районы распространения трипольской культуры, открыты оригинальные памятники и применены новые методы их исследования. Эти новые исследования, ведущиеся новым поколением ученых, в свое время были предопределены классическими работами Татьяны Сергеевны и ведутся по заданному ею направлению.

Своей беспредельной преданностью науке, исключительной способностью строго и критически относиться к обязанностям и долгу ученого Т. С. Пассек подавала живой пример своим ученикам, делась с ними знаниями и опытом, воодушевляя их и ведя за собой в неутомимом научном поиске.

Всегда активно участвуя в общественной и научной жизни нашего института, Татьяна Сергеевна много сил отдавала научно-организационной работе, считая ее одним из важных разделов деятельности ученого. Ее любимым детищем были «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР», которые она как ответ-

ственный редактор вела с 1946 по 1968 г. Одновременно многие годы она была членом редакционной коллегии журнала «Советская археология» и ответственным редактором многих монографий, издававшихся Институтом археологии АН СССР и другими учреждениями.

Будучи крупным специалистом в области полевой методики, Татьяна Сергеевна два последних десятилетия была членом комиссии Отдела полевых исследований ИА АН СССР. Она всегда придавала большое значение контролю над исследованиями и правильности методики раскопок и разведок археологических памятников. Ее методические советы и труды всегда помогали молодым исследователям.

За время многолетней научной деятельности вышло в свет около 100 работ Т. С. Пассек, посвященных различным проблемам советской и зарубежной археологии.

Широкие культурные и научные интересы Т. С. Пассек до известной степени можно объяснить традициями, издавна существовавшими в ее семье. Прадед Татьяны Сергеевны был известный археолог и этнограф Вадим Васильевич Пассек, прабабкой была известная своими записками «Из дальних лет» Татьяна Петровна Пассек — «корчевская кузина» А. И. Герцена, о которой он писал в «Былом и думах». Ее бабушка со стороны матери А. Н. Толиверова-Пешкова знаменита своим участием в гарибальдийском движении.

Т. С. Пассек родилась в Ленинграде 15 августа 1903 г. Окончив в 1924 г. факультет общественных наук Ленинградского университета по отделению археологии и истории искусств, она была оставлена в аспирантуре университета и закончила ее в 1930 г. Выйдя замуж за художника Московского Художественного театра И. Я. Гремиславского, Т. С. Пассек в том же году переехала в Москву и стала сотрудником Государственной академии истории искусств (ГАИС). В 1932 г. она перешла на работу в МОГАИМК, позднее преобразованный в ИИМК и Институт археологии Академии наук СССР, сотрудником которого она оставалась до конца своей жизни.

Правительство высоко оценило плодотворную научную деятельность Т. С. Пассек, наградив ее орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, а также медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Все товарищи по работе, непосредственно соприкасавшиеся в своих интересах с Татьяной Сергеевной, всегда находили живой отклик с ее стороны. Она всегда стремилась поделиться всеми своими знаниями и оказать дружескую поддержку тем, кто обращался к ней за помощью.

На всех археологических съездах, конференциях и совещаниях мы привыкли видеть всегда оживленную и приветливую Татьяну Сергеевну, слушать ее интересные доклады и выступления. Даже в последние, тяжкие дни своей жизни Татьяна Сергеевна не переставала строить планы и думать о путях развития советской археологии и широких научных проблемах, стоящих перед нашей молодежью.

Целиком отдаваясь любимой науке — археологии, Татьяна Сергеевна в то же время, как человек высокой внутренней культуры, была полна интереса ко всем сторонам жизни. Она была книголюбом, глубоко любила и понимала музыку, ее всегда интересовали все виды искусства.

Трудно себе представить, что среди нас уже нет этого жизнелюбивого, обаятельного, красивого, настоящего человека и большого ученого, отличавшегося исключительным трудолюбием, целеустремленностью и наделенным особым чувством ответственности за каждое взятое на себя дело. Щедрость души Татьяны Сергеевны навсегда останется в сердцах всех, кто ее знал.

СПИСОК
печатных трудов Т. С. Пассек¹

1. Ходжалинский курган № 11.— Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926, 2 (в соавторстве с Б. А. Латыниным).
2. Очерк доистории Северного Азербайджана.— Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926, 3 (в соавторстве с Б. А. Латыниным).
3. К вопросу о керамике из Ялойлу-Тапа.— Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927, 4 (в соавторстве с Б. А. Латыниным).
4. Разведки в районе Брянска.— Тр. САРАНИОН, IV, М., 1928 (в соавторстве с Б. А. Латыниным).
5. Sur la question des «kamennye baby».— ESA, IV, Helsingfors, 1929 (в соавторстве с Б. А. Латыниным).
6. Заметки по Приволжью.— «Яфетический сборник», 6, Л., 1930 (в соавторстве с Б. А. Латыниным).
7. Анализ чувашского мифа о происхождении Керемети.— Там же (в соавторстве с Б. А. Латыниным).
8. Мотивы Тристана и Исольды по материалам русской сказки.— Сб. «Тристан и Исольда», Л., 1932.
9. К вопросу о приеме сравнения в истории материальной культуры.— Сборник статей к 45-летию науч. деятельности Н. Я. Марра. М.— Л., 1933.
10. Археологические памятники.— Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг., I, М.— Л., 1935. (В соавторстве с О. Н. Бадером и др.).
11. Работы на строительстве Московского метрополитена. Введение.— Там же.
12. Золото Кавказа.— Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг. 2, М.— Л., 1935 (в соавторстве с А. А. Иессеном).
13. Круг чувашских праздников.— Сб. «XLX. Академику Н. Я. Марру». М.— Л., 1935.
14. La céramique tripolienne. М.— Л., 1935.
15. Культурный слой древней Москвы.— По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936.
16. Новые исследования в области «Трипольской культуры» в УССР.— СА, 3, М.— Л., 1937.
17. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет.— ВДИ, 1938, 1(2).
18. О дилетантизме в науке: Рец. Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937.— ВДИ, 1938 1(2).
19. Трипольские модели жилища.— ВДИ, 1938, 4(5)
20. Новые открытия трипольской археологической экспедиции в 1939 г.— ВДИ, 1939, 4(9). (В соавторстве с Б. Безвенглинским).
21. Об итогах научной конференции Института археологии АН УССР, посвященной изучению трипольской культуры.— КСИИМК, 1939, 2.
22. Первая научная конференция Института археологии Академии наук УССР.— ВДИ, 3(8).
23. Трипольская археологическая экспедиция в 1938 г.— ВДИ, 1939, 1(6).
24. Звіти про розкопки жител (площадок) №№ 1, 2, 4, 11 — Трипільська культура. I. Київ, 1940.
25. Отчеты о раскопках жилищ (площадок) №№ 1, 2, 4, 11 — Трипольская культура, I, Киев, 1940.
26. Трипільська культура. Київ, 1941.
27. Трипільське поселення Коломийщина (Розкопки 1934—1938 рр.) — Трипільська культура I, Київ, 1940.
28. Трипольское поселение у Владимировки.— ВДИ, 1941, I (14).
29. Московское отделение Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в дни Великой Отечественной войны.— ВАН СССР. М., 1943, 6.
30. Триполье.— Итоги и перспективы развития советской археологии. (Материалы для делегатов Всесоюзн. археологич. совещания). М., 1945.
31. Джафарханский могильник.— ВДИ, 1946, 2.
32. Изыскания по трипольской культуре за 25 лет.— КСИИМК, 1946, 13.
33. Рец. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, ВДИ, 1946, I(15).
34. Трипольское поселение Коломийщина.— КСИИМК, 1946, 12 (в соавторстве с Е. Ю. Кричевским).
35. Четвертая научная конференция Института археологии Акад. наук УССР.— КСИИМК, 1946, 12.
36. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна.— СЭ, 1947, 6—7.
37. К вопросу о среднеднепровской культуре.— КСИИМК, 1947, 16.
38. Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований.— КСИИМК, 1947, 21.
39. Пороська експедиція (V наукова конференція Інституту археології АН УРСР) — «Археологія», Київ, 1948, 2.

¹ Список трудов Т. С. Пассек составлен Г. Е. Грюнберг.

40. Триполье. Опыт периодизации памятников.— КСИИМК, 1948, 23.
41. Археологические разведки в Молдавии.— КСИИМК, 1949, 26.
42. Периодизация трипольских поселений (III—II тыс. до н. э.). М.—Л., 1949 (МИА, 10).
43. Пороська археологічна експедиція 1945 р.— АП, Київ, 1949, I.
44. Розкопки трипільського поселення коло с. Володимирівки в 1946 р.— АП, Київ, 1949, II.
45. Селища эпохи бронзы в районе Канева.— КСИИМК, 1949, 25.
46. Трипольское поселение Владимировка.— КСИИМК, 1949, 26.
47. Рец. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э., Л., 1949.— ВДИ, 1950, 2 (32).
48. Трипольские поселения на Днестре.— КСИИМК, 1950, 32.
49. Итоги работ Трипольской экспедиции за 1950 г.— Тезисы докладов на сессии ОИФ и пленуме ИИМК, посвящен. итогам археологич. исследований 1946—1950 гг. М., 1951.
50. Методика раскопок энеолитических поселений — Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном, вопросам археологии Прибалтики. 1951, М., 1951.
51. Первые земледельцы.— По следам древних культур. М., 1951.
52. Трипольское поселение Поливанов — Яр.— КСИИМК, 1951, 37.
53. Археологічні розвідки Трипільської експедиції на Дністрі в 1948 р.— АП, Київ, 1952, IV.
54. Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции.— КСИИМК, 1952, 45.
55. Розкопки 1947 р. біля с. Володимирівки.— АП, Київ, 1952, 4.
56. Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре — Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР, Каев, 1953.
57. Итоги работ в области изучения памятников первобытной археологии на территории Молдавии.— Тезисы докладов на сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии. М.— Кишинев, 1953.
58. О марровских ошибках в изучении трипольских племен. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953.
59. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре.— КСИИМК, 1953, 51.
60. Рец. А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.— ВДИ, 1953, 2(44).
61. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии.— КСИИМК, 1954, 56.
62. Памяти Бориса Алексеевича Куфтина.— ВДИ, 1954, 2(48).
63. Рец. С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре (МИА, 38), 1953.— Там же.
64. Die ersten Ackerbauern.— Lebende Vergangenheit. Berlin, 1954.
65. Итоги археологических исследований на Днестре в 1952—1953 гг.— КСИА АН УССР, 1955, 4.
66. Новые данные о поздне трипольских поселениях на Днестре.— Изв. Молдавского ФАН СССР. Кишинев, 1955, 5(25).
67. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 году.— Изв. Молдавского ФАН СССР. Кишинев, 1956, 4.
68. Результаты работ Молдавской (Дубоссарской) экспедиции в 1955 г.— Тезисы докладов на сессии ОИИ и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 года. М.—Л., 1956.
69. Трипольская культура.— БСЭ, М., 1956, 43.
70. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году.— КСИИМК, 1957, 70.
71. Новые открытия на территории СССР и вопросы поздне-неолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья.— Тезисы докладов на сессии ОИИ и на пленуме ИИМК, посвященных итогам археологич. и этнограф. исследований 1956 г., М., 1957.
72. К столетию со дня рождения А. А. Спицына.— СА, 1958, 3 (в соавторстве с Б. А. Латыниным).
73. Новые открытия на территории СССР и вопросы поздне-неолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья.— СА, 1958, 1.
74. Noi descoperiri pe teritoriul URSS si problemele culturilor neolitice tîrzii în regiunea dintre Dunăre și Nistru.— Analele Romîno — Sovietice. Seria istorie. București, 1958, 3(23).
75. Рец. Radu Vulpe. Izvoare. București, 1957.— СА, 1959, 4 (в соавторстве с Э. А. Рикманом).
76. Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины (Кишинев, май-июнь 1958).— СА, 1959, 1.
77. Стоянка комаровской культуры на Среднем Днестре.— КСИИМК, 1959, 75.
78. Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии.— МИА Ю—З СССР и РНР. Кишинев 1960.
79. Проблемы энеолита юго-запада Восточной Европы.— L'Europe a la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961.
80. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. (МИА, 84), 1961.
81. Раскопки на поселении у села Флорешты в 1958 году.— КСИА АН СССР, 1961, 84.
82. Памяти Сергея Владимировича Киселева.— КСИА АН СССР, 1962, 92.

83. Ancient Crop and Stock-Raising Cultures in East Europe.— Cahiers d'histoire mondiale. Neuchâtel, 1962, 7, 1.
84. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique.— В кн. VI Congrès international des Sciences préhistoriques et protohistoriques. М., 1962.
85. Памяти Сергея Владимировича Киселева. СА, 1963, 2.
86. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. М., 1963 (в соавторстве с Е. К. Черныш).
87. Румыно-советский семинар по проблемам первобытной археологии.— СА, 1963, 3.
88. История племен V—III тыс. до н. э. на территории Молдавской ССР. Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР. Кишинев, 1964.
89. Новое из истории трипольских племен Днестро-Днестровского междуречья. М., 1964.
90. История племен в V—III тысячелетиях до н. э. на территории Молдавии.— КСИА АН СССР, 1965, 105.
91. Костяные амулеты из Флорешт.— Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.
92. Открытие культуры Гумельницы в СССР.— КСИА АН СССР, 1965, 100 (в соавторстве с Е. К. Черныш).
93. Изучение энеолитических поселений культуры Гумельница.— Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966 (в соавторстве с В. С. Титовым).
94. Неолит Поднепровья (V—III тысячелетие до н. э.).— Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков... М., 1966.
95. Неолитические племена Юго-Восточной Европы.— История СССР, I, М., 1966 (в соавторстве с Д. А. Крайновым).
96. Результаты работ Молдавской экспедиции в 1965 году.— Тезисы докладов секции неолита и бронзы, 2. Пленум Института археологии 1966 г., М., 1967.
97. История неолитических племен на территории Молдавии.— Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года. Кишинев, 1967.
98. Памяти Ивана Ивановича Мещанинова.— СА, 1967, 3.
99. Искусство трипольских племен. Изобразительное искусство народов СССР, I, М., 1968.

ПАМЯТИ ТУРЕ АРНЕ

2 августа 1965 г. скончался старейший шведский археолог Туре Арне. За свою жизнь он написал около 400 работ, и память о его научном вкладе свежа во многих странах.

Среди скандинавских археологов Арне в течение более чем полувека ближе всех стоял к интересам русской и восточноевропейской археологии. С его именем связано много ученых достижений и много споров.

Туре Арне родился в 1879 г. В 1900 г. он окончил Упсальский университет, а через два года появилась его первая научная публикация. С 1902 по 1944 г. Арне работал в Государственном историческом музее в Стокгольме. Как ученый, он сформировался в годы, предшествующие первой мировой войне. В 1909 г. он получил первую ученую степень, а в 1914 г. стал доктором философии. В 1921 г. Арне был избран членом шведской академии изящной словесности, истории и археологии, а в 1938 г. получил звание профессора.

Арне много потрудился в части упорядочения и издания скандинавских могильных древностей железного века. Он обработал результаты раскопок двух крупнейших шведских некрополей у Венделя и Туны (соответствующие издания вышли в 1927 и 1934 гг.). Молодого Арне, однако, не удовлетворили только местные материалы, к тому же в большинстве полученные им из чужих раскопок. Объектом его беспокойной творческой мысли становятся египетские древности. Он путешествует по Турции и Сирии, а в 1911—1913 гг. трижды приезжает в Россию. В 1911 г. выходит доклад Арне «Шведские связи с Востоком в эпоху викингов».

Древности периода возникновения Русского государства явились для шведского ученого желанным открытием нового мира. Около 1900 года русская археология переживала стремительный наплыв находок IX—XI вв. и в этой массе Арне разглядел много произведений северных и восточных мастеров. Шведский ученый первым из своих соотечественников по публикациям и в натуре серьезно изучил материалы крупнейших русских могильников Ярославля, Гнездова, Киева и Чернигова. Он выдвинул новую для своего времени тему о русско-скандинавских отношениях по археологическим данным (до Арне этот вопрос ограничивали обсужде-

нием одних письменных источников). Итогом наблюдений шведского ученого явилась изданная в 1914 г. по-французски книга «Швеция и Восток». В этой работе Арне показал важное значение торговых и иных связей Швеции и Руси с внешним миром и в первую очередь друг с другом. При этом он не просто перечислил с его точки зрения всякого рода чужеродные изделия, но и выдвинул свою концепцию их проникновения на территорию древней Руси. Носителями этих предметов Арне считал шведских колонизаторов «славянской равнины», создавших русское государство. Книга Арне (а также ряд последующих отдельных статей) на много лет определила пути изучения варяго-русских контактов, она же породила острейшую дискуссию, не все итоги которой подведены и теперь. Время не подтвердило правильности главнейших доводов Арне. Его основными критиками явились советские ученые, однако, сам автор, ставший со временем признанным авторитетом археологического норманизма, уже не изменял своим взглядам, изложенным в 1910 годах.

Значение творчества Арне для отечественной археологии противоречиво. В пору увлечения вещеведением Арне смело начал рассматривать памятники материальной культуры в качестве показателя культурных и экономических связей. Однако при истолковании своих источников шведский археолог не верил в творческую самостоятельность одного из изучаемых им народов, а именно славян. Арне был знатоком шведских и русских древностей и тонко реконструировал международные евразийские связи, но ряд своих обобщений подал с излишней «провикинградской» ориентацией. От некоторых крайних оценок Арне отмеживались даже его ближайшие коллеги. Норманистские манифестации Арне (в 40—50-х годах все более бесплодные) стали угасать уже при жизни их автора. В решении «больных» вопросов русско-скандинавских отношений эпохи раннего средневековья новое поколение шведских археологов стало искать другие пути.

Эрудиция и разносторонность ума спорили в Арне с известной прямолинейностью. Из его рук западные специалисты получили массу объективной информации об археологии Восточной Европы. В книге «Великая Швеция», вышедшей в 1917 г., шведский ученый популяризировал отдельные эпизоды русской истории. В 1920—1930 годах он по-своему пытался наладить шведско-русское культурное сотрудничество и до второй мировой войны был председателем шведско-русского общества. В 1928 г. он принимал участие в раскопках курганов в Юго-восточном Приладожье, а в 1931 г. опубликовал некоторые комплексы Шестовицкого могильника из раскопок П. Смоличева. Одним из первых Т. Арне приветствовал находку берестяных грамот в Новгороде и выразил тогда надежду, что шведские берестяные грамоты тоже будут найдены.

С 1903 г. Арне совершил свыше 50 поездок с археологической целью и с завидным размахом осуществлял свои «восточные» замыслы. Он изучал астрабадский бронзовый век в юго-восточном Закаспии (раскопки Шах-Тепе), обрабатывал китайские находки 3 тыс. до н. э., в 1929 г. ездил в Туркмению, а 1932—1933 г. участвовал в азиатской шведской экспедиции Свена Гедина, издал материалы сибирского финно-угорского поселения VIII—X вв. «Барсов городок», раскопанного Мартиным в 1891 г. Являясь активным участником ряда научных обществ, ученый знал русский, финский, венгерский языки и отчасти персидский и китайский. По-русски он говорил свободно.

Труд Арне показывает, что только самое широкое сравнительное изучение археологических памятников Руси, Швеции и других стран поможет радикально переосмыслить и обновить все части программы, которая была предложена в 1914 году. С тех пор наука ушла вперед и в обсуждении спорных проблем русско-норманских отношений настало время спокойных деловых обсуждений и широкого межгосударственного сотрудничества.

А. Н. Кирпичников

Заметки

В. П. ЛЮБИН

О ВЕРОЯТНОСТИ ИСКУССТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ В ГРОТЕ КИИК-КОБА

Сопоставление двух мустьерских культурных слоев в гроте Киик-Коба позволяет ставить вопрос о вероятности строительства современниками верхнего слоя специальных искусственных сооружений (рис. 1).

Границы нижнего слоя этого убежища определялись всецело его естественными пределами. Во внутренней части грота границы следовали вдоль его стен, отступая от них на 2—3 м вследствие пристенных повышений скального дна. Другими словами, слой валегал непосредственно на материковую скалу, заполняя понижение дна центральной части карстовой полости. С внешней стороны грота пределы слоя почти совпадали с границей навеса¹.

Границы верхнего слоя внутри грота на значительной части своего протяжения ограничивались теми же естественными пределами (пристенные повышения скального дна). Но в восточной части грота «...потемнение очажного слоя, несмотря на отсутствие естественной преграды, довольно круто обрывалось, причем в продолжавшемся на его уровне желтом глинистом слое почти совершенно отсутствовали всякие находки»². Округлые в плане очертания культурного слоя здесь как бы резко срезались по хорде — линии, которая, по всей видимости, фиксирует постоянное искусственное сооружение (ветровой заслон или скорее всего конструкцию более прочную и непроницаемую). Без такой постоянно существовавшей глухой преграды на участке А—Б невозможно объяснить, почему «...вся восточная часть грота, также хорошо защищенная скалистыми навесом, оставалась незаселенной современниками верхнего очага»³.

Не исключено, хотя и более спорно, продолжение этой защитной стены вдоль южного, внешнего края навеса, где в толще верхнего культурного слоя располагались крупные обломки известняка (участки 17, 29 и 43)⁴. «Вполне вероятно,— пишет Г. А. Бонч-Осмоловский,— что упавшие с края навеса камни служили естественной границей заселения и своего рода оградой жилого места. Как раз до них доходит типичный очажный слой»⁵. Допустимо и большее: ограждение жилища могло быть искусственным и с южной стороны навеса, причем глыбы известняка облегчали сооружение и укрепление этой части защитной конструкции. Можно предположить, таким образом, существование сплошного искусственного заслона, ограждавшего в соответствии с распространением верхнего культурного слоя всю заселенную в период его отложения площадь грота.

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Палеолит Крыма, 1. КИЧП, М.—Л., 1940, стр. 42—45, 95, рис. 22.

² Там же, стр. 34, рис. 23.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 132.

⁵ там же, стр. 33.

Бросается в глаза различие между частями предполагаемой ограды. Южный участок ее совпадает с естественной границей навеса и кажется логичным и целесообразным; восточный же проникает в глубь навеса на 6—7 м, отсекая всю восточную часть грота и уменьшая его жилую площадь на 18—20 м². «В настоящий момент, — отмечает Г. А. Бонч-Осмоловский, — трудно вполне определенно ответить на вопрос о причинах этого явления. Вероятно, изменение площади заселения произошло в связи с трудно учитываемыми сейчас изменениями в конфигурации навеса, сделавшими в то время эту часть площадки неудобной для заселения»⁶. Это объяснение, однако, не убеждает, поскольку современная конфигурация навеса, судя по почти полному совпадению нынешней его границы с пределами распространения верхнего и нижнего культурных слоев, мало отличается от конфигурации навеса времени отложения рассматриваемых слоев.

Различие параметров жилых площадей нижнего и верхнего мустьерских слоев грота Кийк-Коба и необходимость возведения предлагаемой искусственной ограды следует объяснять иным образом. Причины этих явлений можно, как полагает автор, выявить при рассмотрении размеров и местоположения грота и окружающей его природной обстановки. Грот представляет собой большую высокую нишу (наибольшая высота 9 м, ширина 11 м, глубина от края 9 м), слабо защищенную с боков и снаружи. Он расположен на углу двух ущелий в предгорьях Яйлы, в славящемся своей прохладностью районе деревни Лесное таким образом, что камера его открыта навстречу холодным юго-восточным ветрам, постоянно дующим здесь со стороны плато Караби-яйлы⁷.

Палеозоологические и палеоботанические свидетельства показывают, что в период отложения верхнего мустьерского слоя климат был прохладнее современного. Находки в этом слое костей северного оленя, песка⁸ и альпийской галки⁹, а также состав пыльцы из образца суглинка, взятого в свое время Г. А. Бонч-Осмоловским из толщи верхнего мустьерского слоя, указывают, на наш взгляд, на время вюрмского оледенения. Анализ пыльцы, произведенный М. Н. Клапчуком, показывает резкое преобладание пыльцы травянистых растений (87,5%) над пыльцой древесных пород (12,5%) при господстве в спектре древесных березы (56,7%), сосны (21,7%), дуба (4,4%), лещины (8,2), в спектре травянистых маревых (23,2%), злаковых (14,7%), эфедры (0,3%).

⁶ Там же, стр. 33—34.

⁷ Там же, стр. 23, 58.

⁸ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. ИГН, 64, М., 1948, стр. 232—235, табл. II.

⁹ Альпийская галка — чисто высокогорная форма, свойственная альпийской области. Наличие ее остатков в мустье Кийк-Кобы позволяет думать, что в то время «...в верхнем поясе Крымских гор господствовали условия значительно более суровые, чем современные». А. Я. Тугаринов. Птицы Крыма времени вюрмского оледенения. Тр. Сов. секции МАИГПЕ, 1927, I, стр. 107—108.

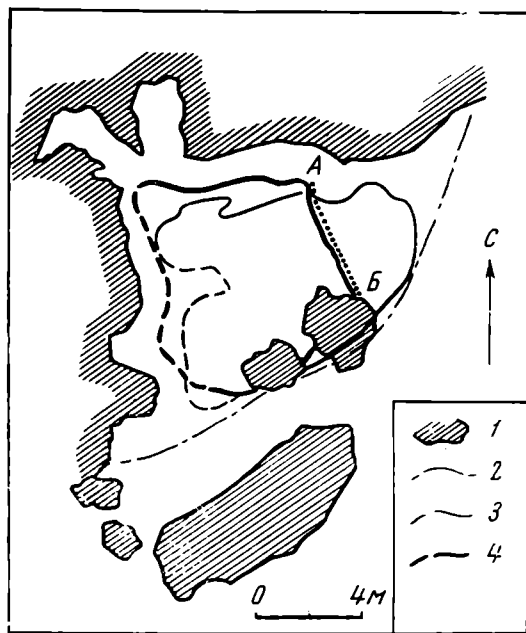

Рис. 1. Грот Кийк-Коба. План (по Г. А. Бонч-Осмоловскому)

1 — скала и обломки ее; 2 — граница навеса; 3 — очертания нижнего мустьерского слоя; 4 — очертания верхнего мустьерского слоя; А—В — линия вероятного «заслона»

Масштабы ландшафтно-климатических перемен в Крыму, имевших место со времени вюрмского оледенения, станут еще более наглядными, если указать, что в настоящее время район Киик-Кобы относится к области распространения дуба, сосна встречается лишь на самых возвышенных местах северного склона главного хребта Крымских гор, а береза произрастает на высотах не менее 1000 м над уровнем моря¹⁰.

Показатели прохладного климата в эпоху отложения верхнего слоя на современном уровне наших знаний кажутся достаточно надежными. Именно это обстоятельство, как можно заключить, вынудило киик-кобинцев принять меры к улучшению своего жилья, и защите его прежде всего от холодных юго-восточных ветров путем сооружения глухого «заслона» в восточной части грота, а возможно, и более обширной ограды, прикрывшей всю заселенную площадь убежища. Жизнь человека в широко открытой скальной нише была возможна в то время только при условии ограждения и утепления этой ниши. Видимо, это будет одним из наиболее вероятных объяснений наличия четкой границы распространения культурного слоя по «живому телу» отложений и незаселенности почти третьей части весьма тесного скального убежища.

¹⁰ А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры по остаткам древесного угля. Тр. II МКАИЧПЕ, V, Л.—М., Новосибирск, 1934, стр. 71—72.

Э. В. ЯКОВЕНКО

РЕЗНОЙ МОЛОТОК ИЗ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Во время раскопок Пастырского городища в 1955 г. в одной из землянок скифского времени был найден резной молоток из рога благородного оленя¹.

Комплекс находок в заполнении землянки несколько отличался от набора вещей в других жилищах. Кроме обычных лепных горшков, здесь было найдено много лощеных мисок, корчаг, миниатюрных сосудов, прясел, бусин, «хлебцев» и две глиняные фигурки лошади. Датируется жилище концом VI — началом V в. до н. э.²

Особый интерес представляет найденный в землянке резной молоток (рис. 1). Следуя форме рога, молоток имеет цилиндрическую форму. Длина его 8 см, диаметр 2—2,5 см. Поверхность молотка сплошь покрыта орнаментом, вырезанным ножом; сохранились следы предварительной разметки в виде тонких процарапанных полос.

Две орнаментированные полосы из треугольников и насечек делят всю поверхность предмета на две половины, каждая из которых состоит из трех горизонтальных полос. Полосы украшены треугольниками, сгруппированными в крестообразные фигуры. В средней части молоток охвачен широкой вертикальной полосой из больших треугольников, разделенных диагональными линиями. По бокам его обрамляют косые насечки. В центре имеется сквозное вертикальное отверстие диаметром 1,4 см. У нижнего края отверстия есть неглубокий прямоугольный паз для крепления рукоятки. Молоток, вероятно, носили за поясом без чехла — его боковые стороны сильно залощены. Несомненно, он был знаком какого-то социального отличия.

¹ Раскопки проводились экспедицией ИА АН УССР, начальник экспедиции М. Ю. Брайчевский. Пользуюсь случаем выразить благодарность М. Ю. Брайчевскому за любезное разрешение опубликовать материалы Пастырского городища.

² Е. В. Яковенко. Пастырське городище скифського часу. «Археологія», XXI, Київ. 1968, стр. 184—185.

В скифское время предметы подобного назначения довольно часто встречаются на территории Северного Причерноморья³. Но они известны только в металле и в большинстве своем относятся по форме к топорам. Такие топорки-скипетры чаще всего оформлены в зверином стиле, и прямых аналогий пастырскому молотку среди них нет.

Резная кость среди находок VI—V вв. до н. э. встречается на Поднепровье довольно редко. Это главным образом предметы конской упряжи —

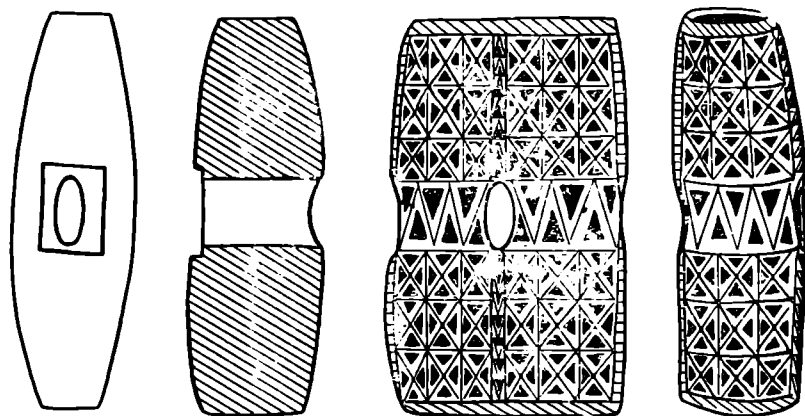

Рис. 1. Резной молоток с Пастырского городища

псалии⁴ и налобники из клыков вепря. Такие вещи, как жаботинские резные пластины и пастырский молоток, — находки явно уникальные.

Обращает на себя внимание орнаментация молотка, основу которой составляют различные сочетания треугольников. Геометрический орнамент из треугольников, разделенных диагональной линией, был отмечен М. И. Вязьмитиной при анализе изображений на жаботинских пластинах конца VII в. до н. э.⁵ Вместе с солярным знаком этот орнаментальный мотив сопровождает на одной из пластин изображение лося⁶. Подобная же композиция есть и на многих костяных псалиях VI в. до н. э., происходящих из Поднепровья⁷.

Встречается она и на ряде наверший скифского времени, генетическую связь которых с Передним Востоком и Кавказом детально проследила В. А. Ильинская. Ею убедительно доказано, что изображения на навершиях начиная с эпохи бронзы, связаны с культом солнца и идеей плодородия⁸.

В этой связи следует особо отметить, что и на ранних кавказских навершиях, и позже, на скифских, широко применялись для украшения различные композиции треугольников (рис. 2, 1, 2). Их можно найти и на других предметах с Кавказа. Во второй половине II—I тысячелетия до н. э. они встречаются на предметах вооружения; особо примечательны ножны из Лчашена (рис. 2, 3)⁹. Этот же геометрический орнамент украшает пышный головной убор бога Тейшебы (рис. 2, 5) на бронзовой статуэтке VII в.

³ J. W e r n e r. Bronsenes Pferdkopfszepter der Hallstatt aus Prědměrice bei Hradec Kralove. «Památky archeologyčhne», LII, 2, Praha, 1961; В. А. Ильинская. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 206—211.

⁴ В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, 1.

⁵ М. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, 2.

⁶ Там же, стр. 160, рис. 2.

⁷ Там же, стр. 162, рис. 5; стр. 165, рис. 6; стр. 166, рис. 7.

⁸ В. А. Ильинская. При скифські навершиники. «Археологія», XV, Київ, 1963, стр. 53—58.

⁹ А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, 2, стр. 149.

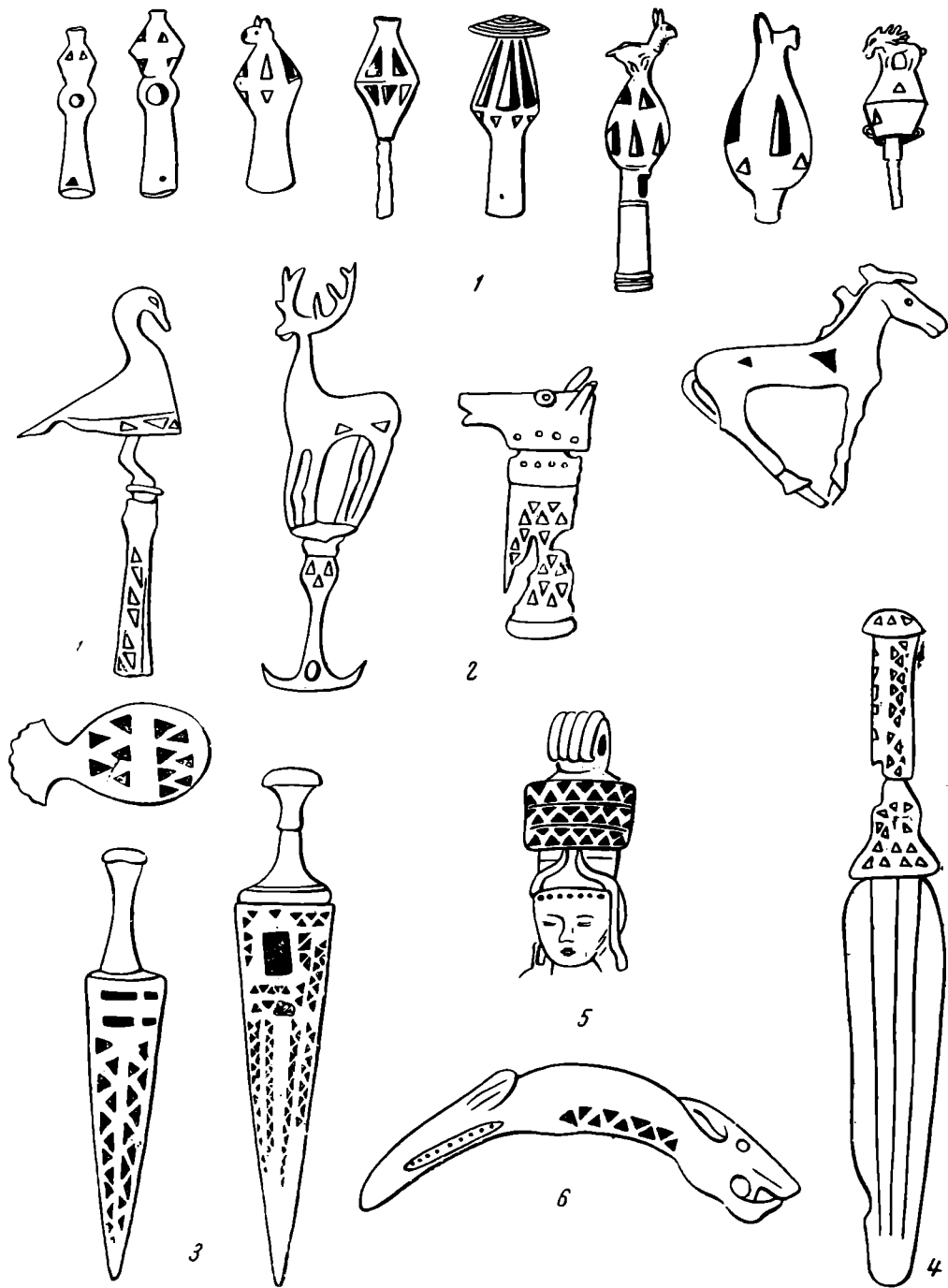

Рис. 2.

1 — раннескифские наконечники; 2 — кавказские наконечники эпохи раннего железа; 3 — ножны кинжалов из Лчашена; 4 — кинжал из Тазакенда; 5 — голова бронзовой статуэтки бога Тейшебы из Кармир-Блура; 6 — украшение узды из святилища «Реком» в Северной Осетии

до н. э. из Кармир-Блура¹⁰. В V в. до н. э. орнаментальный мотив из треугольников в сочетании с головами волка и птицы известен на бронзовом зооморфном налобнике из святилища «Реком»¹¹ (рис. 2, 6).

Следовательно, орнаментальные сочетания треугольников встречаются обычно на определенных группах вещей — наконечниках, оружии и украшениях узды. Они сопровождают изображения быка, лося, оленя, лошади, птицы и т. д., образы которых связаны у многих народов Евразии с культом солнечного божества. Это позволяет отнести данный орнаментальный

¹⁰ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 279, рис. 91.

¹¹ В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа. Тр. ЧИ НИИ, Грозный. 1963, стр. 31, 32, рис. 7, 3.

мотив к группе апотропеических знаков, связанных с солнцем и плодородием. Возникнув и утвердившись в канонах изобразительного искусства Переднего Востока и Кавказа, этот орнамент в раннем железном веке проникает на территорию Северного Причерноморья. Здесь он наряду с другими солярными знаками¹² прежде всего нашел применение в костерезном ремесле при изготовлении предметов конской упряжи.

Пастырский молоток — еще один образец применения такой орнаментации. Он служил, вероятно, для отправления какого-то культа, связанного с идеей плодородия. По уровню исполнения орнамента и гармоничности композиции этот предмет занимает достойное место среди лучших произведений искусства мастеров древности.

¹² В. А. Іллінська. Скіфська вузда VI ст. до н. е. «Археологія», XIII, Київ, 1961, стр. 56—59.

С. С. СОРОКИН

НОВЫЙ ПАМЯТНИК VII—VI вв. ДО Н. Э. НА ЮЖНОМ АЛТАЕ

В 1965 г. на могильнике Коксу I (6 км выше места впадения реки Коксу в Аргут) было проведено исследование каменного кольца между двумя курганами середины I тысячелетия до н. э.¹

Могильник Коксу I расположен на правой пойменной террасе реки. Площадка возвышается над руслом на 2—3 м и представляет собой ровный, покрытый низкой травой участок длиной около километра и шириной не более 100 м. С запада эта площадка обрывается к реке невысокой бровкой, а с востока ограничена ровным крутым 30-метровым склоном коренной террасы.

13 больших камней уложены по кругу диаметром 3,5 м (рис. 1), причем на поверхности были едва заметны лишь некоторые из них. В центре круга имелось небольшое углубление, в котором трава росла несколько гуще. На границе северо-западного и юго-западного секторов торчала изпод земли сантиметров на 10—15 поставленная на ребро плита длиной 75 см, толщиной 10 см и шириной 30 см.

Расчистка показала, что камни кольца, имеющие округлые формы, в свое время лежали на нетронутой или лишь слегка подкопанной почве. В центре же на глубину 40 см была вырыта округлая в плане яма диаметром около полутора метров. Несколько выше дна этой ямы, почти в середине ее, имелась полуметрового диаметра линза золистого с вкраплением угольков грунта. Выше этой линзы по всему углублению лежали крупные окатанные камни. Они располагались в один ряд и только в южной части налегали друг на друга.

Над золистой линзой найдено несколько поломанных костей ног лошади и один зуб лошади. В юго-восточном секторе углубления, вне пределов золистого пятна, под большим камнем в плотно слежавшемся глинистом грунте были обнаружены еще несколько коренных зубов и труха от челюсти лошади и рядом с ними бронзовые удила с бронзовыми же псалиями и бронзовая пронизка для перекрестья ремней.

В юго-западном секторе, тоже вне пределов золистого пятна, найдены две бронзовые пряжки.

Удила литые в сложной разъемной форме (хорошо видны литейные швы), шарнирные, со стремевидными окончаниями без дополнительного

¹ Раскопки проводились Южноалтайской археологической экспедицией Эрмитажа (начальник С. С. Сорокин) совместно с Горно-Алтайским краеведческим музеем и Горно-Алтайским педагогическим институтом. С. С. Сорокин. К археологии Южного Алтая. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 год. Л., 1966, стр. 19—21.

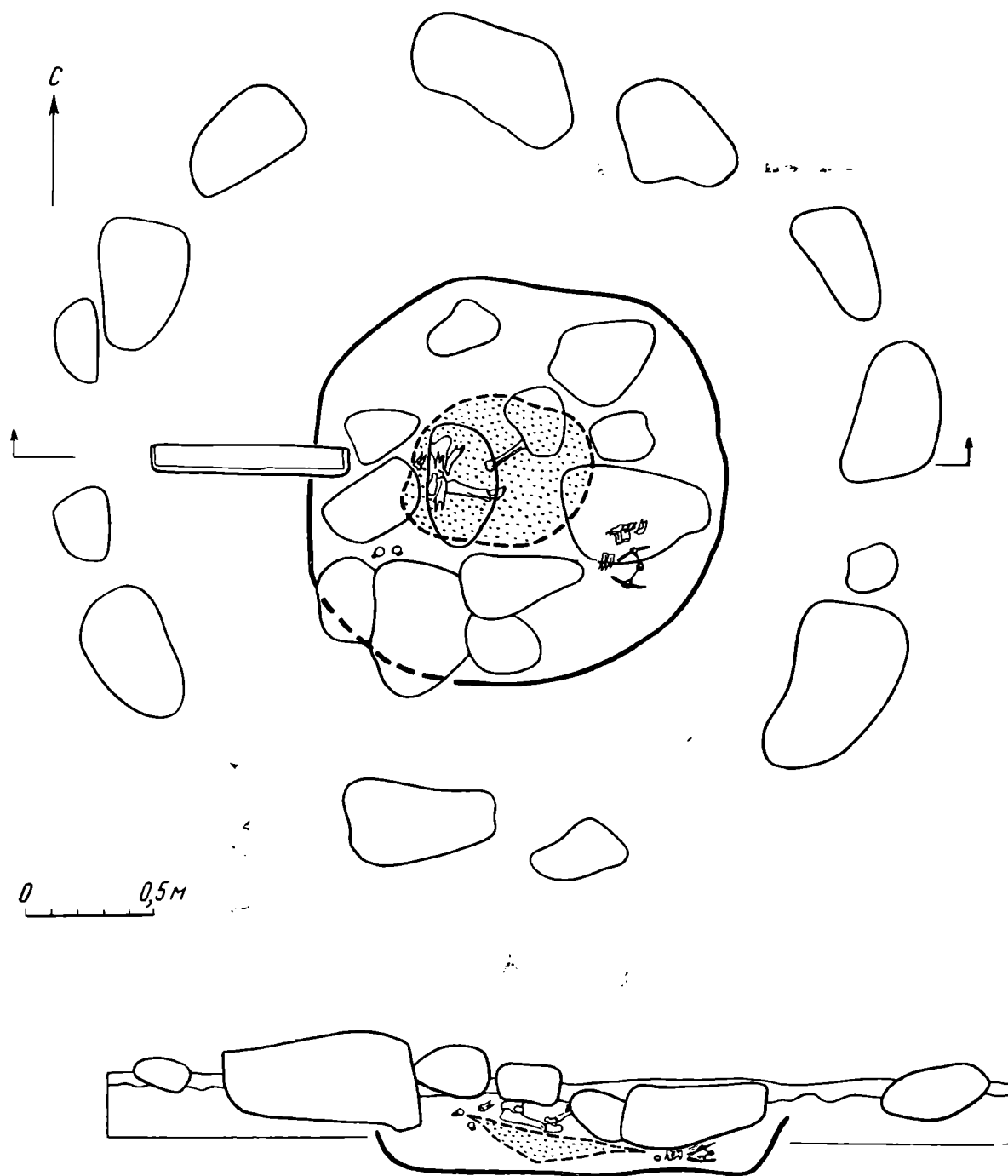

Рис. 1. План каменного кольца № 42 (могильник Коксу I, раскопки 1965 г.)

просвета; у одной ветви оси шарнирного отверстия и стремевидного параллельны, у другой — взаимно перпендикулярны; стержни в сечении круглые (рис. 2, 2).

Псалии тоже литые (рис. 2, 2). Они имеют форму слегка изогнутого, круглого в сечении стержня длиной 13,5 см. У концов по одному овальному отверстию; в центре овальная пуговка на круглом стерженьке. В момент находки пуговки эти были продеты сквозь просветы стремевидных оконечностей удил. При соответствующем наклоне и повороте псалии легко могут быть отделены от удил.

Ни на псалиях, ни на удилах не видно следов последующей отделки после литья. Не заметно и следов сработанности. В просветах отверстий псалий сохранились остатки ремней узды.

Пронизка имеет кубическую форму; в ней пять отверстий. Лицевая сторона слегка выпуклая и украшена спиралью, отлитой в низком рельефе (рис. 2, 1). Сохранились остатки ремней.

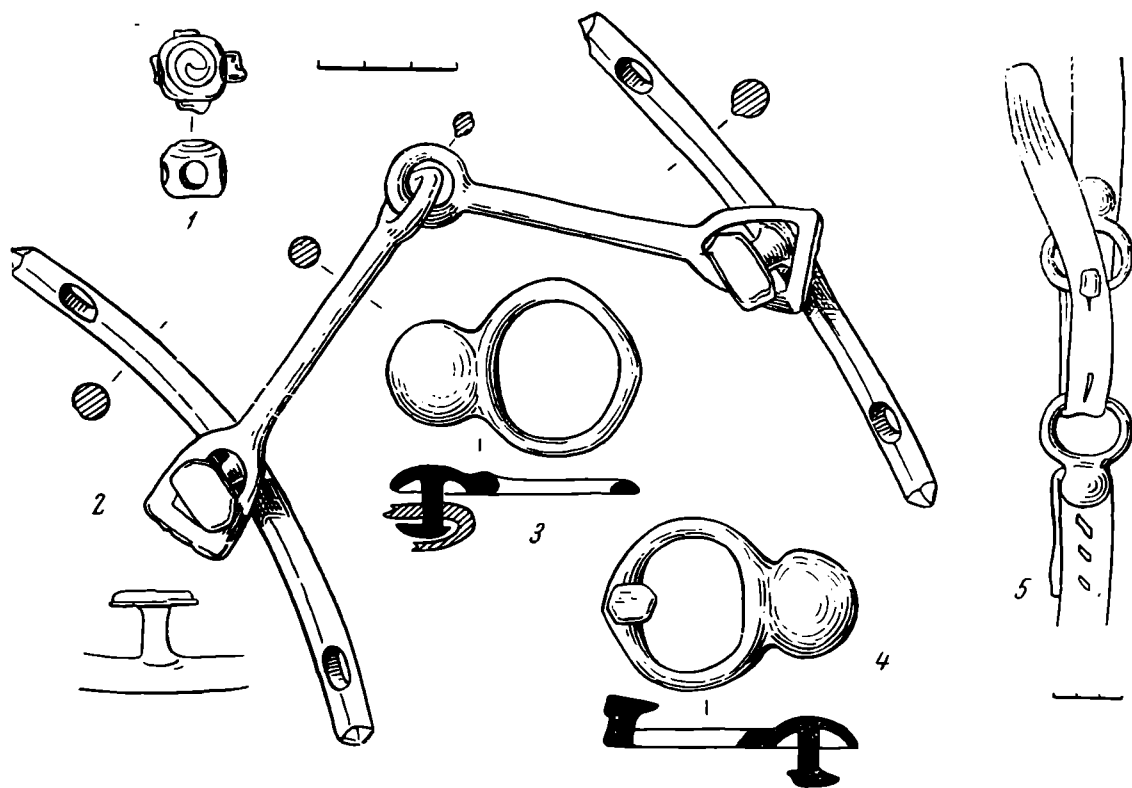

Рис. 2. Комплекс бронзовых предметов конской сбруи VII—VI вв. до н. э.
1 — пронизка подкубической формы; 2 — удила с псалиями; 3, 4 — пряжки; 5 — реконструкция трочного конского ремня

Пряжки тоже литые, с округлой выпуклой площадкой, несущей шпек-заклепку для крепления к ремню (рис. 2, 3, 4). На одной из пряжек в передней части дужки имеется крючок (стерженек с кнопкой в виде лошадиного копыта); на другой такого крючка нет. Сохранились остатки ремня, укрепленного на стержне.

Возраст и культурная принадлежность всех этих вещей устанавливаются с достаточной определенностью: они относятся к раннему этапу истории ранних кочевников Алтая.

Действительно, удила со стремевидными окончаниями и псалии с двумя отверстиями у концов и с крючком-запонкой посередине, являющиеся по существу вариантом трехдырчатых, характерны для памятников скотоводческих племен VII—VI вв. до н. э. Пронизки кубической формы для перекрестий ремней узды чаще всего могут быть датированы тем же временем². Что касается парных бронзовых пряжек, то они также характерны для VII в. до н. э. Одна из них имеет обращенный внутрь вертикальный крючок, а другая крючка не имеет.

В такой паре собственно пряжкой является та, которая имеет крючок, а другая — блок, служащий для натягивания ремня навстречу пряжке (рис. 2, 5).

Обычно такого рода пряжки называют подпружными безотносительно к их возрасту. Но для VII в. до н. э., когда седельное устройство было довольно примитивным, ремень для его крепления на спине лошади был по сути дела не подпругой, а троком, так как он не был разделен на две части, а схватывал корпус лошади наподобие пояса. Поэтому пряжки, на

² М. Н. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

которые такие ремни застегивались, лучше называть трочными или торчными, а не подпружными.

Самостоятельное погребение коня или части коня вместе со сбруей также характерно для начального этапа истории ранних кочевников³.

³ А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая. ИАК, 62, Пгт., 1916, стр. 26; Г. П. Сосновский. Ойротская автономная область. АИР, М.—Л., 1941; М. Г. Мокшова. Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. КСИА АН СССР, 107, 1966, стр. 44—46.

Ю. И. ШТАКЕЛЬБЕРГ

ИГРУШЕЧНОЕ ОРУЖИЕ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Внимание археологов всегда привлекали находимые при раскопках детские игрушки. Они интересны не только сами по себе, но и потому, что среди детских игрушек нередко встречаются воспроизведения предметов и конструкций, внешний вид которых трудно восстановить на основании дошедших до нашего времени подлинных их фрагментов. Таковы многочисленные детские игрушки в виде домиков, лодок, повозок, предметов домашнего обихода и т. п. Детские игрушки, кроме того, отражают повседневную жизнь взрослых того времени, в частности их занятия, поскольку в играх ребенка чаще всего воспроизводятся занятия окружающих его взрослых. В этой связи и приобретают большой интерес образцы детского игрушечного оружия, повторяющего в дереве вооружение взрослых. Игрушечное оружие особенно ценно там, где при раскопках поселений находки подлинного оружия чрезвычайно редки. Находки деревянного игрушечного оружия не редкость при раскопках древних русских городов, особенно в северо-западной части СССР, где хорошо сохраняется дерево. Они встречаются при раскопках Новгорода, Пскова, Гродно и Старой Ладogi¹. Настоящая заметка основана на материалах из раскопок Старой Ладogi, где за период до 1959 г. собрано 22 игрушечных меча и 2 деревянных наконечника игрушечных копий².

Деревянные мечи имеют все основные детали, присущие боевому оружию,— лезвие, рукоять, навершие и перекрестие (иногда последнее только намечено). Обычно сохраняется только рукоять такого игрушечного меча с перекрестием или началом лезвия, встречаются и мечи, сохранившие значительную длину лезвия (до 32,5 см). Размеры рукоятей различны и зависят от возраста и, следовательно, размера руки ребенка, которому принадлежала игрушка³.

Специфический характер изделий, недолговечность игрушки вызывали и известную примитивность в обработке деталей игрушечного меча. У детей, которые, очевидно, чаще всего сами изготовляли такое оружие, конеч-

¹ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 122; Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова. «Археологический сборник», 4, Л., 1962, стр. 56; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 41, 1954, стр. 63—64.

² Хранятся в Гос. Эрмитаже. Мечи: Л-511, 1329, 1703; СЛ-1571, 1584, 1540, 1607, 1654; ЛС-866, 939, 1303, 1607, 1618, 1873, 1981, 2002; ЛГ-762; ЛД-248, 667; ЛДГ-200, 442, 508. Наконечники копий: ЛС-1082 и ЛД-518. Находки деревянных игрушечных мечей из раскопок Старой Ладogi упоминались в печати: В. И. Равдоникас. Старая Ладoga. II, СА, XII, 1950, стр. 35—36; Г. П. Гроздилов. Раскопки Старой Ладogi в 1948 г. СА, XIV, 1950, стр. 163—164; С. Н. Орлов. Деревянные изделия Старой Ладogi VII—X вв. Автореф. канд. дисс. М., 1954. Здесь учтено 11 игрушечных деревянных мечей (два из них не удалось идентифицировать по полевой документации), кроме того, Орловым сделан ряд ценных наблюдений, частично использованных нами.

³ Чаще всего (в 11 случаях) размер рукояти был 5—6 см при ширине 1,5—2 см, т. е. соответствовал кисти ребенка 6—10 лет. В одном случае (СЛ-1607) длина рукояти была еще меньше — 4,2 см, а иногда встречались рукояти длиной до 8—9 см, т. е. соответствовавшие кисти подростка 12—14 лет.

но, не могло быть больших навыков работы с деревом. Выполнение в дереве изделий из металла тоже вносит искажения по сравнению с формой образца: утрачиваются многие мелкие, но имеющие существенное значение детали. Тем не менее, основные формы всегда соблюдались более или менее точно, некоторые экземпляры (возможно, изготовленные взрослыми) поражают мастерством исполнения и тщательностью отделки. Именно такие экземпляры и позволяют сделать некоторые заключения о типе оружия, послужившего прообразом для создателей игрушки. Наиболее характерной частью меча является его навершие. Это в равной степени относится и к настоящему боевому оружию, и к игрушечному.

У старолadoжских игрушечных мечей оно в большинстве случаев имеет форму низкого треугольника с пояском в нижней части и, как это видно лучше всего на наиболее тщательно выполненных экземплярах (СЛ-1540, Л-511, ЛС-1981), повторяет форму навершия меча общеевропейского типа «Н», широко распространенного в Европе в IX—X вв., а на территории СССР встреченного в памятниках, датируемых X—XI вв. (рис. 1, 1) ⁴. Иногда навершие деревянного меча имеет вид высокого треугольника без пояска внизу, напоминающего навершия мечей типа «В», распространенных в Европе в конце VII—IX вв., а на территории СССР встречаемых в IX в. (рис. 1, 2).

Меч с навершием такого типа был найден в Юго-Восточном Приладожье на р. Оять ⁵. Однако такая форма навершия у игрушки могла быть также вызвана стремлением упростить и ускорить работу при ее изготовлении. Иное дело встреченная в четырех случаях (ЛС-939, 1303, 1607 и ЛД-248) четко выраженная полукруглая форма навершия (рис. 1, 3, 4). Если учесть, что выполнение в дереве полукруглого навершия требовало больше работы, чем изготовление треугольного, то следует признать, что в данном случае ясно выражено стремление повторить внешний вид какого-то определенного типа боевого меча. Таковым мог быть меч типа «Х», встречающийся как в Европе, так и на территории СССР в X—XI вв.

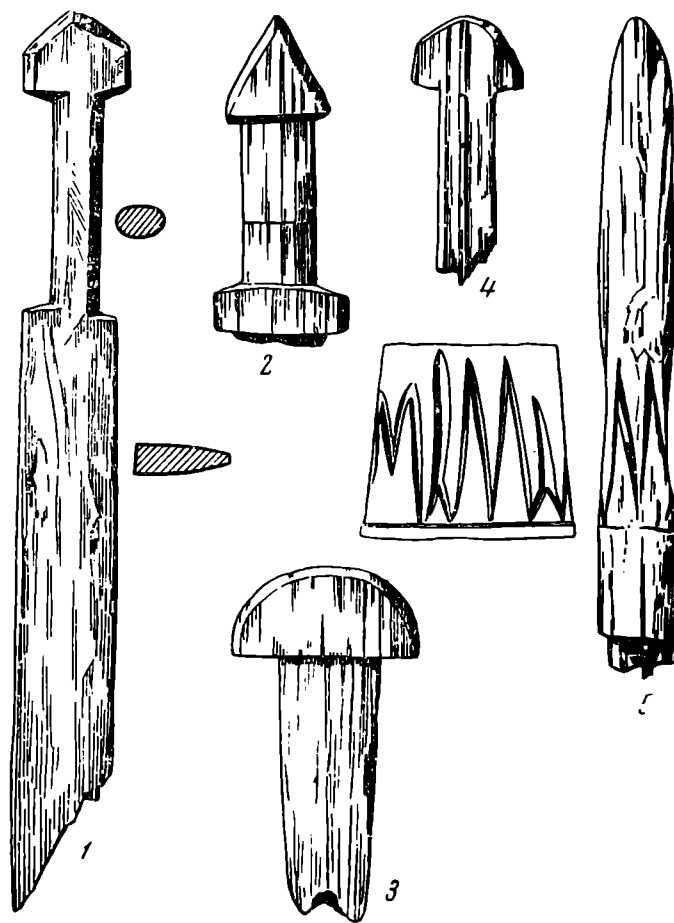

Рис. 1. Игрушечные деревянные мечи и копье

1 — ЛС-1981; 2 — СЛ-1654; 3 — ЛС-1607; 4 — ЛД-248;
5 — ЛД-518

⁴ Здесь и далее использована сводка находок мечей на территории СССР, данная А. Н. Кирпичниковым. А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ Е1—36, 1, М.—Л., 1966. Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою глубокую благодарность А. Н. Кирпичникову за полученную от него весьма ценную консультацию по вопросам, связанным с находками оружия на территории СССР.

⁵ W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingzeit und das Ladoga Gebiet. Stockholm, 1930, стр. 113—114, рис. 123. Меч хранится в Гос. Эрмитаже (инв. № 700/457).

Из 22 игрушечных мечей 21 был найден в культурных напластованиях VII—IX вв. (горизонты «е») и только один (ЛГ-762) — в слое X в. (нижний слой горизонта «д») ⁶. Таким образом, все находки стратиграфически могут быть датированы VII — началом X в. Этот факт может в какой-то мере свидетельствовать, что на вооружении ладожан уже в то время были мечи подобных форм. Однако к такому выводу следует отнестись с осторожностью в силу возможного искажения формы прообраза. Только если последующие археологические исследования подтвердят синхронное бытование оружия подобных типов, можно будет говорить о наличии его у населения северо-запада европейской части СССР в период более ранний, чем время бытования таких мечей в Западной Европе.

Во времена древней Ладogi существовал еще один вид игрушечного оружия — копьe. В отличие от игрушечных мечей деревянные копьa при раскопках в Ладогe встречены только дважды. Дошедшие до нас образцы представлены обломками. Одна находка была сделана в 1950 г. при расчистке слоя горизонта «е₃» (ЛС-1082). Это обломок длиной 27,5 см с четырехгранной втулкой (ширина грани — 1,5—2 см) и узким пикообразным пером длиной 16,5 см и толщиной 0,7 см. Узкое перо, возможно, объясняется толщиной палки, из которой было сделано копьe, так как его ширина равна ширине соответствующей грани втулки. Другая находка деревянного игрушечного копьa (ЛД-518) была сделана в 1958 г. при расчистке настила нижнего строительного яруса горизонта «е₁» (вторая половина IX в.). Обломок имеет общую длину 20,5 см; четко выполненное ланцетовидное перо длиной 13,5 см при наибольшей ширине 2,0 см и толщине 0,6 см переходит затем в круглую втулку диаметром 2,2 см (рис. 1, 5). Весь наконечник тщательно отделан, а втулка украшена орнаментом из врезанных линий, образующих зубцы и треугольники. Орнамент этот характерен и весьма близок к орнаменту на втулке боевого копьa, найденного Н. Е. Бранденбургом при раскопках кург. № 84 на правом берегу р. Паши ⁷.

Копьa ланцетовидной формы на территории СССР встречаются в IX—XI вв., причем особо распространены они в Юго-Восточном Приладожье (по подсчетам А. Н. Кирпичникова, из 58 находок IX — начала XI в. в Юго-Восточном Приладожье встречено 30, т. е. 50%). Экземпляры же с подобным врезанным орнаментом вообще чрезвычайно редки и, по-видимому, для славянской территории являются привозными. В европейской части СССР зарегистрировано всего четыре находки таких орнаментированных копий. Три из них в памятниках X—XI вв., а копьe, найденное М. Ф. Кусциным в 1874 г. при раскопках в Гнездове, относится ко времени не позднее 900 г. Последнее отличается техникой обработки металла, характер которой, естественно, не мог быть передан при повторении в дереве. Учитывая стратиграфическую датировку находки игрушечного копьa в Старой Ладогe (вторая половина IX в.), можно предположить, что при изготовлении игрушки прообразом могло служить и копьe гнездовского типа.

В целом находки игрушечного оружия, в той или иной мере повторяющего форму и орнаментiku боевого оружия, неопровержимо свидетельствует о бытовании среди населения древней Ладogi оружия соответственных типов.

⁶ Горизонт «е₁» — 9 экземпляров, горизонт «е₂» — 5 и горизонт «е₃» — 7 экземпляров. Интересно отметить, что три меча с округлым навершием были встречены в слое горизонта «е₃», а четвертый — в горизонте «е₁». О датировке горизонтов см: В. И. Равдоникас. Ук. соч., II, стр. 35—36.

⁷ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895, стр. 63, 88, 118, табл. XI, 9. Гос. Эрмитаж (инв. № 895/90). Датировается оно X в. (А. Н. Кирпичников. Ук. соч., II, стр. 9).

АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ С КЛАДБИЩА У ХАНСКОЙ УСЫПАЛЬНИЦЫ В БОЛГАРАХ

При раскопках кладбища второй половины XIII — начала XV в. на городище Болгары в Куйбышевском районе Татарской АССР (работы отряда Поволжской экспедиции АН СССР 1957 г.) были обнаружены интересные антропоморфные фигурки из металла.

Местонахождение кладбища в центральной части города, близ внутригородской цитадели, и резные каменные надгробия над могилами позволяют рассматривать его как место захоронения болгарской знати и близких ей групп населения феодального города.

Согласно мусульманскому погребальному ритуалу в могилах не было никаких вещей. Но после снятия кирпичного надгробия одной из могил (№ 16), в слое под ним, была найдена медная антропоморфная фигурка. Вторая подобная фигурка обнаружена в том же слое могильника (рис. 1). По стратиграфическим данным фигурки можно отнести к позднему этапу существования могильника — второй половине XIV — началу XV в.

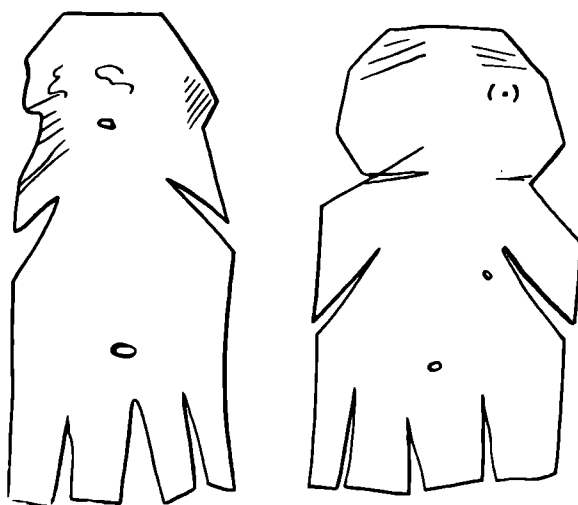

Рис. 1. Антропоморфные фигурки Болгарского кладбища

Фигурки вырезаны из тонкой листовой меди и имеют небольшие размеры: первая фигурка 9,7 см длины, ширина средней части 4,3 см; вторая фигурка имеет длину 9,1 см, ширина средней части 4,9 см. Изображения очень схематичны, условны; скупой гравировкой намечены волосы и глаза. Местонахождение фигурок дает основание связывать их с погребениями.

Фигурки имели явно культовое значение и были связаны с шаманистическими представлениями, являясь пережитком домусульманской погребальной обрядности на болгарском мусульманском кладбище позднего времени.

В этой связи нельзя не отметить находок вырезанных из меди человечков в золотоордынских городах Нижнего Поволжья — Новом Сарая и Увекке, причем в последнем фигурки, найденные в помещении богатого тюрбе, были, очевидно, связаны с погребениями¹.

Есть точка зрения², что эти фигурки связаны с погребальным комплексом кочевых монгольских племен³ и были занесены монголами в Нижнее Поволжье, где получили известное распространение в некоторых курганных комплексах и в золотоордынских городских центрах.

¹ Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, 1; А. А. Кротков. Раскопки на Увекке в 1913 году. Тр. СУАК, 32, Саратов, 1915.

² Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 37, 69, 116, рис. 6.

³ В этой связи представляет интерес захоронение вооруженного всадника в пещере Мухор-Хундуй в юго-западном Забайкалье: в погребальном инвентаре, наряду с саблей, стременами, ножницами, ремнями конской сбруи и бронзовыми бляхами, бубенчиками, зеркалами, находилась вырезанная из медной пластинки фигурка человечка, по трактовке близкая фигурке из Нового Сарая. Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, I, 3, 1898, М., 1900.

К МЕТОДИКЕ РАЗВЕРНУТОГО ОПИСАНИЯ МАТЕРИАЛА МРАМОРНЫХ ВЕЩЕЙ¹

(из опыта изучения отдельных археологических памятников юга СССР)

Раскопки последних лет на юге СССР систематически обнаруживают все новые и новые мраморные изделия, причем не только античного или средневекового происхождения, но также более раннего времени, начиная с энеолита. Число мраморных предметов в музейных собраниях возрастает, тогда как петрографическое описание соответствующих экспонатов остается неоправданно сжатым, со ссылками в лучшем случае только на окраску и зернистость камня, чего явно недостаточно как для заключений о возможном происхождении сырья, так и для сравнения отдельных изделий (или их обломков) между собой.

Между тем уже первая из этих проблем в условиях юга и отчасти центра Украины может быть более или менее успешно решена: число месторождений настоящих зернистых мраморов в республике невелико², и это позволяет, например, абсолютное большинство античных и средневековых мраморов, скажем памятников Крыма, Днепровско-Бугского или Днестровского лиманов, сразу же считать привозными издалека, с берегов Эгейского и Мраморного морей. Однако уточнение подобного определения немислимо без развернутой характеристики описываемых пород, которая должна быть понятной археологам и в то же время оставаться петрографически достаточно квалифицированной. Все это требует опубликования в археологической периодике хотя бы краткой схемы описания мраморов как горных пород, подобно тому как это было в свое время предложено для бус и т. д.

Мраморы — это мелко-, средне- и крупнозернистые карбонатные породы преимущественно гранобластовой структуры, различной окраски (от голубоватой и желтой до розовой и черной, но преимущественно белой с оттенками), состоящей в основном из кальцита CaCO_3 и доломита $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$, реже с ощутимой примесью силикатов (особенно в офлокальцитах), и всегда с редкими, в мелких зернах, акцессорными минералами. Встречаются все переходы от чисто кальцитовых мраморов к доломитовым как в крупных обнажениях (например, г. Пентеликон), так и в небольших штуфах. Смешение одного минерала другим в образце может быть достаточно резкой (послойной) или постепенной (за счет появления среди агрегатов кальцита сначала отдельных зерен доломита, затем его пятнообразных скоплений и вплоть до полного исчезновения первого). Иноминеральные пятна, жилки, полосы доломита в кальцитовом агрегате нередко (хоть и не всегда) обнаруживают несколько другую зернистость, иную окраску, признаки избирательной сопротивляемости агентам выветривания (например, в мраморах Геллеспонта), сами доломито-кальцитовые мраморы зачастую широкополосчатые, что следует иметь в виду при всякого рода идентификационных сопоставлениях: мелкое изделие, сложенное доломитовым мрамором, может происходить из мономинерального прослоя в существенно кальцитовом мраморе с слоями доломитового состава, и наоборот. Поэтому известный личный опыт археолого-петрографической характеристики разнотипных мраморных изделий позволяет рекомендовать следующую схему последова-

¹ По материалам доклада на Секции античной археологии 18 апреля 1966 г.

² Если не считать достаточно удаленных и труднодоступных месторождений Карпатской зоны, это единичные обнажения метаморфизованных карбонатных пород в пределах Украинского кристаллического щита на Житомирщине, в Южном Побужье и в Приазовье (по р. Берде).

тельности описания мраморного сырья, основанную на использовании одновременно визуальных, иммерсионных, люминесцентных, микро- и петроструктурных признаков.

1. Определение окраски породы в целом, а также отдельных прослоев, пятен, прожилков, оценка просвечиваемости сырья (по отношению к одному и тому же источнику света). Фиксация наиболее отчетливых признаков вторичного изменения материала (поверхностного раскрашивания и выщелачивания, гипергенного ожелезнения, развития лишайниковой растительности, следов искусственного обжига и т. д.).

2. Определение текстуры (массивно-однородной, брекчиевой, пятнистой, жилковатой, тонко-, средне- или широкополосчатой и т. д., с указанием ширины полос, их отличия между собой по окраске, составу, крупности зерен), установление планиметрическим способом соотношения в пределах данного породного куска основного и второстепенного текстурного фона (например, мрамор белый, равномернозернистый, 10% объема которого сложены, однако, узкими субпараллельными полосами серого цвета). Фиксация ориентировки текстурных элементов (плоскостей расщепления³, слоистости, направлений, линейной ориентировки игольчатых кристаллов типа щелочного амфибола в левой опоре мраморного стола из погребального склепа Еврисивия и Ареты, например, и т. п.) относительно искусственных поверхностей ограничения изучаемых объектов (например, параллельно узким торцам плиты, косо по отношению к оси барабана колонны и т. д.).

3. Определение минерального состава карбонатной основы мрамора в целом и в пределах второстепенных текстурных участков путем теста в полевых условиях 5%-ной соляной кислотой: там, где кальцит, бурно реагируя, растворяется без остатка, доломит реагирует медленнее и в одинаковых с кальцитом навесках не успевает раствориться полностью в то же время. Особенно удобно наблюдать за реакцией порошка с кислотой в препарате, помещенном между двумя предметными стеклами. При известном навыке достаточно эффективен также прием процарапывания свежего скола мраморного штуфа медной и стальной иглой.

В камеральных условиях наиболее эффективен иммерсионный метод определения показателя преломления n_g (у чистого кальцита он равен 1,658, у доломита — соответственно 1,682) с помощью стандартного набора жидкостей. Более трудоемки, но также дают однозначные результаты термографический метод и метод окрашивания петрографических шлифов (со снятым покровным стеклом) ализарином, незаменимый в случае точечной доломитизации кальцитовых мраморов. После установления полиминеральной природы мрамора для определения ориентировочного содержания различных карбонатов в крупных блоках (особенно если прослой или пятна доломита и кальцита не различимы по окраске) наиболее целесообразен люминесцентный метод, поскольку интенсивность свечения кальцита и доломита в ультрафиолетовом свете⁴ различна и смена в породе полос одного состава другим при известном навыке устанавливается в общем довольно точно.

Параллельно с определением состава породообразующих карбонатов мрамора проверяется битуминозность прослоев простейшими методами

³ Появление которых обусловлено субпараллельной ориентировкой слоистых алюмосиликатов, в частности слюд, в общем снижающих прочность мрамора и даже вызывающих раскалывание законченных вещей.

⁴ Любой установки типа, например, имеющегося в продаже ультрамикроскопа УИ-1 с фильтром УФС-1 толщиной в 1,5 мм; следует иметь только в виду, что интенсивность свечения зависит также от некоторых вторичных причин, включая сюда механические воздействия на породу. При рентгено- или катодолюминесценции и т. д. свечение также будет иным.

процарапывания или сверления: как белые, так и особенно серые прослой нередко обнаруживают при этом запах сероводорода. Если в распоряжении исследователя имеются также мелкие осколки мрамора, не представляющие художественной или научной ценности, целесообразен тест на прокаливание: кусочки толщиной не менее 5 мм нагреваются на закрытом огне (пламя газовой горелки, прикрытое металлическим кружком) на протяжении 20 мин., после чего отмечаются изменения породных характеристик по сравнению с контрольными образцами (растрескивание, изменение окраски, исчезновение запаха H_2S при процарапывании и т. д.). Желательны также термолюминесцентные и декрепитационный анализы.

4. В полевых условиях и особенно при камеральной обработке фиксируются некарбонатные составляющие мраморов, обычно представленные незначительными по размерам акцессорными минералами (графит, пирит, кварц, магнетит, гематит, рутил, а также разнообразные силикаты, в том числе светлоокрашенные слюды, показатели преломления n_g которых в мраморах различного происхождения меняются для изделий из Ольвии, Тиры, Херсонеса, например, в пределах от 1,562 до $1,600 \pm 0,002$, что делает эту минеральную группу исключительно удобной для идентификационных целей). Если возможно выделение значительных количеств акцессорных минералов, целесообразен спектральный анализ их состава для сравнения пород между собой, тем более, что валовый спектральный анализ карбоната мраморов, к сожалению, не дает однозначных результатов (мраморы различных месторождений обнаруживают примерно один и тот же состав элементов-примесей, и наоборот: например, медь отмечается в некоторых мраморах г. Гиметт и о. Парос, свинец — одновременно в отдельных образцах г. Пентеликон и аттических ломок, стронций — в единичных «пробах» так называемых пепельного и светильникового паросских мраморов).

5. Развернутое описание должно заканчиваться структурно-гранулометрической характеристикой породы в целом или ее отдельных, наиболее типичных прослоев, участков, сначала непосредственно в полевых условиях (с помощью десятикратной лупы, снабженной мерной линейкой). Определение ведется в пределах полосы шириной до 1 см, расположенной, как правило, вкрест полосчатости, если таковая налицо в исследуемом образце, по возможности, на гладких, пришлифованных плоскостях древней обработки (на грубо отесанных гранях очертания зерен улавливаются очень трудно), причем число измеренных зерен должно быть не менее пятисот для каждого участка, чтобы определение средней крупности зерна было достоверным.

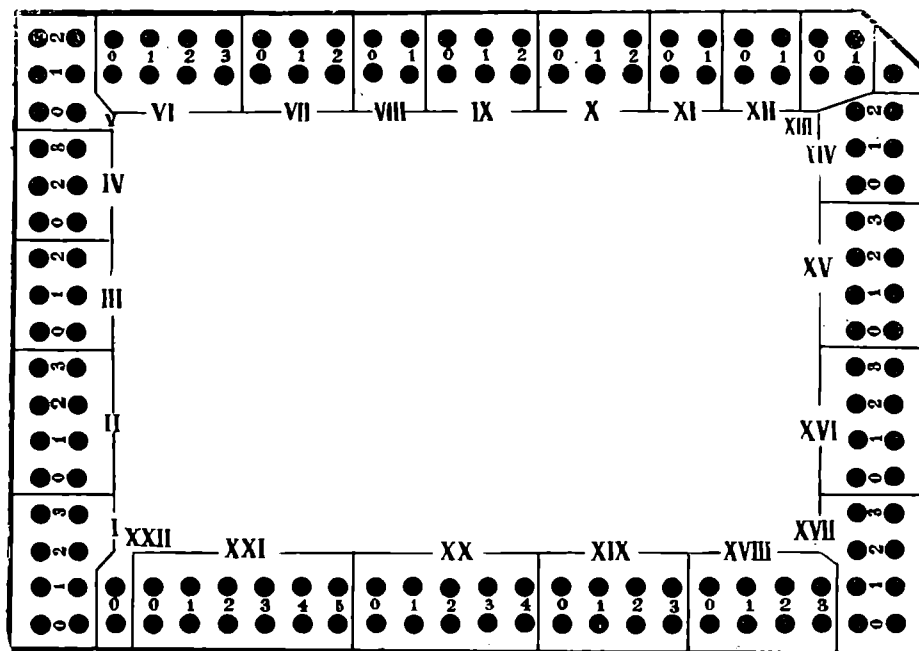
При изучении прозрачных шлифов (вырезанных в трех взаимно перпендикулярных направлениях, по возможности ориентированно относительно какого-либо из текстурных элементов породы, верха и низа законченных изделий и т. д.) желательно переопределение преобладающих размеров зерен уже под микроскопом, а также изучение петроструктурного (с помощью федоровского столика) узора соответствующих сечений. При определении петрофизических констант сырья (например, временного сопротивления сжатию) желательно изготовление кубиков, призм или цилиндрических проб из мрамора с соблюдением тех же ориентировок.

В случае обработки большого коллекционного материала результаты перечисленных операций легко фиксируются на стандартных двухрядных перфокартах типа К6, имеющих размеры 147×105 мм, с косым срезом правого верхнего угла, что позволяет легко ориентировать карточку⁵. Ручная обработка карточки включает две операции:

⁵ Применение перфокарт обеспечивает быструю и объективную проверку совпадения петрографо-минералогических признаков использованного сырья в мраморных изделиях, а значит, и уточнение его происхождения.

1. Изложение текста на центральном поле карты с указанием на ее лицевой стороне общей характеристики объекта — размеров (слишком разных, чтобы их кодировать), происхождения с привязкой до квадратов соответствующего раскопа включительно, места хранения или экспозиции, коллекционного или инвентарного номеров, перечня главных литературных источников, если предмет был описан и опубликован.

На обороте карточки отмечаются дополнительные характеристики сырья, вроде характера люминесценции при различных источниках воз-

буждения, термолюминесценции и поведения пород при нагревании, величины временного сопротивления одноосному сжатию и т. д.

2. Вырезка перфорации в соответствии с признаками, имеющими значение для группировки образцов и для поисков необходимой информации (с использованием прямого ключа при комбинации глубоких, средних или соединительных и мелких вырезов)⁶. В частности, можно рекомендовать следующую разбивку краевых полей перфокарты (рисунок):

- I (0—3) — типа объекта (валун, обломок, плита, барабан колонны и т. д.);
- II (0—3) — скраска основного фона породы;
- III (0—2) — текстурный тип породы;
- IV (0—2) — окраска породы (фон текстурно второстепенных участков);
- V (0—2) — объемное содержание в породе участков второстепенной структурно-текстурной характеристики;
- VI (0—3) — средние значения толщины прослоев, пятен, жил отличной от основной породы структуры и текстуры;
- VII (0—2) — просвечиваемость светлоокрашенных участков (в мм);
- VIII (0—1) — ориентировка текстурных плоскостей и линейных направлений относительно поверхностей ограничения изделия;
- IX (0—2) — содержание кальцита на участках основного текстурного фона (в %, с интервалами через 10%);

⁶ Г. Г. Воробьев. Некоторые аспекты применения кибернетики в археологии. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 330; Г. М. Добров, С. В. Шардин, В. М. Клименюк. Перфокарта для тезауруса научных подій. Нариси з історії техніки природознавства. VI, 1965, Київ, стр. 17—22.

- X (0—2) — то же для участков второстепенного текстурного фона;
- XI (0—1) — структура участков основного текстурного фона;
- XII (0—1) — структура участков второстепенного текстурного фона;
- XIII (0—1) — наличие запаха H_2S , сильного и слабого, в участках основного и второстепенного текстурного фона;
- XIV (0—2) — тип изменения породы после нагрева;
- XV (0—3) — средние значения размеров зерен кальцита на участках основного фона (в интервале значений 0—0,05; 0,05—0,1; 0,1—0,2; 0,2—0,3; 0,3—0,4; 0,4—0,5; 0,5—0,6; 0,6—0,7; 0,7—0,8; 0,8—0,9; 0,9—1,0; 1,0—2,0; 2,0—3,0; 3,0—4,0; 4,0—6,0; свыше 6,0 мм);
- XVI (0—3) — то же для зерен кальцита на участках второстепенного текстурного фона;
- XVII (0—3) — средние значения размеров зерен доломита на участках основного текстурного фона (в тех же интервалах);
- XVIII (0—3) — то же для зерен доломита на участках второстепенного текстурного фона;
- XIX (0—3) — акцессорные минералы пород (по схеме: глубокий вырез — 0 — графит, 1 — пирит, 2 — гематит, 3 — магнетит, глубокий и мелкий вырезы — 01 — рутил, 02 — кварц и т. д. до 32);
- XX (0—4) — значения показателей преломления n_g слюд или других силикатов в интервале от 1,525 до 1,693, с изменением значений соседних вырезов на 0,007 (глубокие вырезы — 0,1, 2, 3, 4, комбинация глубоких и мелких — 0,1, 0,2, 0,3 и т. д. до 43);
- XXI (0—5) — состав элементов-примесей с указанием количеств на обратной стороне перфокарты. Глубокий вырез по 0 указывает на породу в целом, мелкий — на наиболее распространенный акцессор;
- XXII (0) — наличие дополнительных характеристик для породы в целом (глубокий вырез) или для второстепенных текстурных участков (мелкий вырез), зафиксированных на обратной стороне перфокарты.

АТАНАС МИЛЧЕВ

СОКРОВИЩЕ ИЗ МИХАЙЛОВГРАДА

В I в. весь Балканский полуостров, в том числе и земли, которые входят ныне в границы Болгарии, попали под власть римлян. Здесь были созданы две провинции: Мезия (в Северной Болгарии) и Фракия (в Южной Болгарии). На месте целого ряда старых поселений возникают города. Возле Дуная — северной границы Римской империи, создаются военные лагеря, вокруг которых постепенно складываются значительные римские поселения, такие как Бонония (около г. Видина), Рациария (у с. Арчар Видинского округа), Эскус (возле с. Гиген Плевенского округа), Нове (близ Свиштова), Сексагинта Приста (близ Русе), Дуросторум (недалеко от Силистры) и др.

Внутри страны, особенно вдоль главных магистралей, прорезающих весь Балканский полуостров и связывающих главные его центры, также возникают города, в частности Монтана, рядом с нынешним Михайловградом, в северо-западной части Дунайской низменности, которая входила когда-то в римскую провинцию Мезию.

До сих пор в Михайловграде не предпринималось систематических археологических раскопок. Однако во время различных строительных работ, при расширении улиц, прокладке траншей для канализации и водопровода встречалось довольно много археологических находок: надписи на латин-

ском и греческом языках, монеты, надгробные стелы, изображения богов на каменных плитах и т. д. Находки эти говорят о том, что в северо-западной Болгарии и, в частности, в районе древней Монтаны, в римскую эпоху существовала высокая культура. Тогда на месте нынешнего города, у возвышения Жеравица, стояла крепость, развалины которой сохранились до сих пор. Обнаружено и святилище богини охоты Дианы, особенно почитаемой населением Фракии. В эпоху римского владычества Монтана была довольно благоустроенным городом и важным экономическим центром.

О материальной культуре города того времени можно судить по некоторым находкам из Михайловграда. Во время земляных работ была открыта изящная бронзовая лампа I в., на верхней части которой имеется изображение головы юноши с длинными буйными кудрями, красиво ниспадающими на шею (рис. 1). Черты его лица переданы довольно умело. На территории нынешних болгарских земель изделия итальянских художественных промыслов, к которым относится и эта лампа, всегда пользовались большим спросом. Сюда попадали многие лучшие образцы бронзолитейного искусства.

В городе была обнаружена еще одна бронзовая лампа оригинальной формы в виде обращенного вершиной вниз усеченного конуса, закрытого сверху пластинкой, на которой имеются симметрично расположенные группы отверстий. Лампа имеет высокую ручку с крючком для навешивания. Подобные лампы встречаются крайне редко и почти неизвестны на болгарских землях.

Во время прокладки траншей для канализации были обнаружены две гробницы, сложенные из блоков известняка. Снизу гробницы выложены кирпичом. Сверху покрыты плитами из камня.

В них были найдены чрезвычайно интересные предметы. Как известно, в античные времена вместе с покойником погребали также и предметы домашнего обихода, оружие, украшения и т. д. Обычай этот, связанный с верой в загробную жизнь, а конкретней — с поверьем, что и после смерти душа человека продолжает жить и нуждается во всем, в чем нуждается живой человек, был широко распространен у фракийцев. Поэтому-то мы и обнаруживаем в местах погребения знатных фракийцев множество самых разнообразных предметов, зачастую из благородных металлов — золота, серебра.

Именно такая ценная находка и была сделана при раскопках гробниц в Михайловграде. В первой гробнице найдены два ожерелья из золотых прямоугольных пластинок и соединительных частей, стеклянные пуговицы, украшенные неглубокими резными желобками, углублениями, заполненными узкими прямоугольными пластинками, браслет, игла для волос и др. (рис. 2). Оба ожерелья отличаются изяществом и строгим совершенством формы.

Они свидетельствуют о развитом ювелирном искусстве и высоком эстетическом вкусе мастера. Мы знаем, что отдельные мастера в ту эпоху были не обыкновенными ремесленниками, а высококвалифицированными и талантливыми художниками.

В той же гробнице были обнаружены два браслета из золота, составленные из большого числа тонких пластинок, украшенных геометрическими орнаментами. Производит впечатление строгая простота украшения,

Рис. 1. Фигурная бронзовая лампа I в.

Рис. 2. Ювелирные изделия I—II вв. из гробницы № 1

свидетельствующая об умении мастера нанести на тонкие пластинки красивый орнамент, и о достижении завидного единства между формой браслетов и их орнаментацией.

Изящна по форме и обработке золотая брошка с цепочкой. Брошка состоит из золотой эллипсовидной формы пластинки, зазубренной с внешней стороны. Посредине брошки в специальном углублении закреплена стеклянная бусинка.

Наряду с другими украшениями, была обнаружена и золотая сережка полусферической формы, изготовленная из пластинки, украшенной стеклянными бусинками.

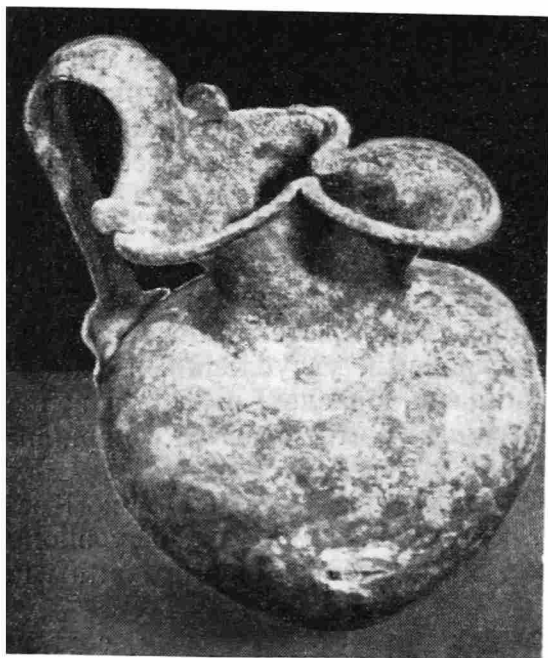

Рис. 3. Бронзовый кувшин для вина из гробницы № 1

Все золотые украшения из первой гробницы относятся к I—II вв. — периоду самого высокого экономического и хозяйственного расцвета этих земель в римскую эпоху. Наряду с золотыми украшениями, в гробнице были найдены также бронзовый кувшин для вина с характерным «прищепленным» посредине устьем (рис. 3), бронзовая игла и костяная игла для волос; последняя заканчивается изображением яйца — символом плодородия. Высокая изящная ручка, украшенная с обеих сторон рельефными изображениями, придает форме кувшина известную элегантность.

В гробнице был захоронен фракийец, несомненно принадлежащий к правящей верхушке, подражавшей образу жизни и вкусам римской аристократии.

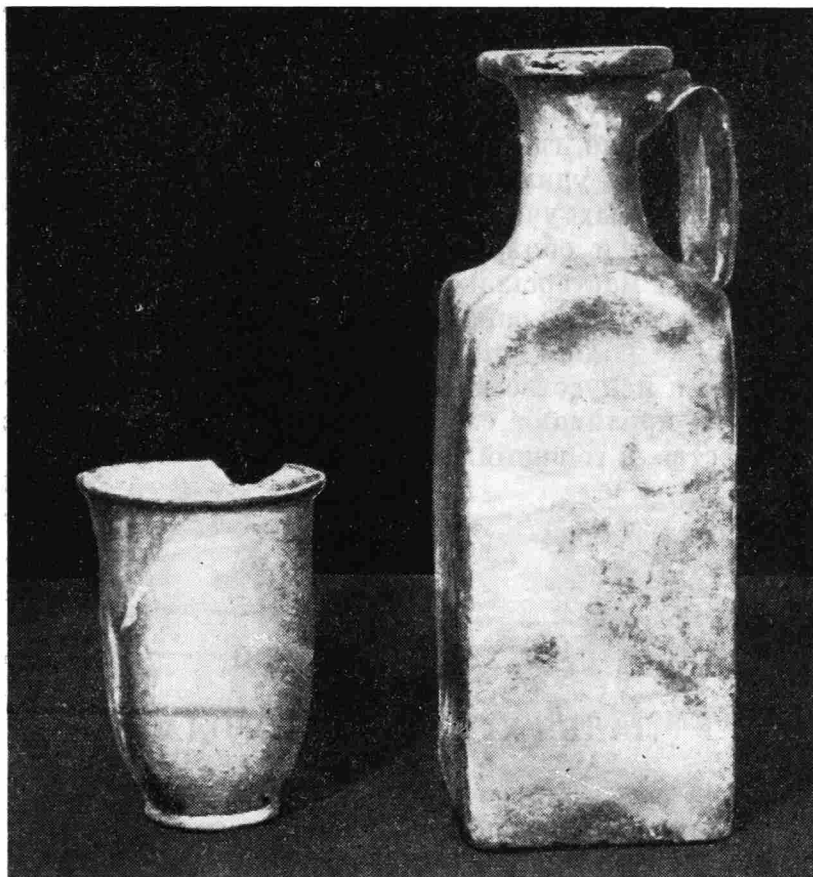

Рис. 4. Стекланные сосуды из гробницы № 2

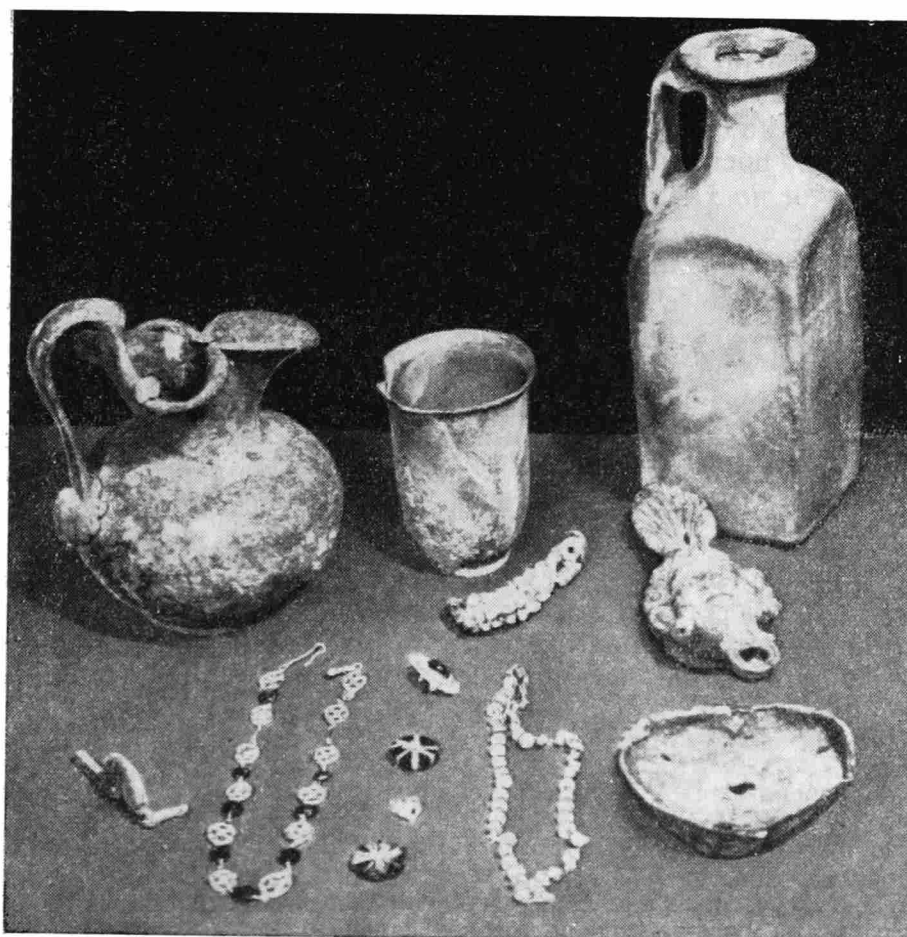

Рис. 5. Общий вид находок римского времени из г. Михайловграда

Вторая гробница была ограблена. Там не было почти ничего, за исключением двух стеклянных сосудов (рис. 4) и костяной иглы для волос, заканчивающейся в верхнем конце статуэткой божества здоровья Телесфора. Трактовка ее довольно груба, части тела даны схематично.

Установить достоверно, где изготовлены золотые украшения из Михайловграда, до сих пор не удалось. Очевидно, они относятся к группе тех изделий, родиной которых ученые считают Сирию. Можно предполагать, что часть их, включая и обнаруженные в древней Монтане, изготовлена в местной ювелирной мастерской большого производственного центра Рапцарии, который находился в районе села Арчар.

Михайловградские находки (рис. 5) свидетельствуют о высокой материальной культуре и искусстве населения, жившего на болгарских землях в римскую эпоху и проливают свет на состояние ремесел и, в частности, ювелирного искусства, в то время.

М. Х. АЛЕШКОВСКИЙ

ЛАДЬЯ XI в. ИЗ НОВГОРОДА

В 1960 г. при археологическом наблюдении за строительством новых фундаментов у Владимирской башни Новгородского кремля были найдены остатки трех лодок (рис. 1). В шурфе у восточного фасада Владимирской башни XV в. были обнаружены лицевой сруб и лицевая стенка городен оборонительного вала 1044 г.¹ Остатки всех трех лодок находились под лицевым срубом в составе засыпки этого вала; засыпка вала обнаружена и под лодками. Никаких следов перекопов не найдено. Это позволяет считать, что лодки попали в насыпь вала при его сооружении в 1044 г. Изготовление самих лодок следует отнести к еще более раннему времени, к началу XI в., поскольку подобные лодки служат обычно 10—15 лет, к тому же, судя по характеру их сохранности, они пролежали на волховском берегу еще столько же лет².

Находка лодок начала XI в. представляет большой историко-культурный интерес, тем более что их остатки позволяют сравнительно полно восстановить основные габариты, устройство и внешний вид.

Лучше и полнее других сохранилась лодка № 1 у северной стенки шурфа (рис. 2). Ее носовая часть лежала вверх днищем, расплюснутым трехметровой толщиной грунтом. Как и другие две, лодка № 1 сделана из одного ствола осины. Производство таких лодок-однодеревок имело место в северных районах России еще в XIX веке и было описано тогда же П. А. Богословским³. Из ствола осины сначала делали так называемую «трубу», которую наполняли водой и ставили над костром. Распаренная древесина делалась более податливой, трубу распирала «опругами» — шпангоутами, при усыхании она несколько сжималась, намертво закрепляя шпангоуты на нужных местах. Иногда такую «трубу» не выдалбливали из ствола осины, а забивали в растущее дерево клинья, год от года расширяя образовав-

¹ М. Х. Алешковский. Новгородский детинец 1044—1430 гг. «Архитектурное наследство», 14, М., 1962.

² Сейчас эти лодки хранятся в Новгородском историко-художественном музее-заповеднике.

³ П. А. Богословский. О русском купеческом судостроении. СПб., 1859; Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань, 1909, стр. 371—380.

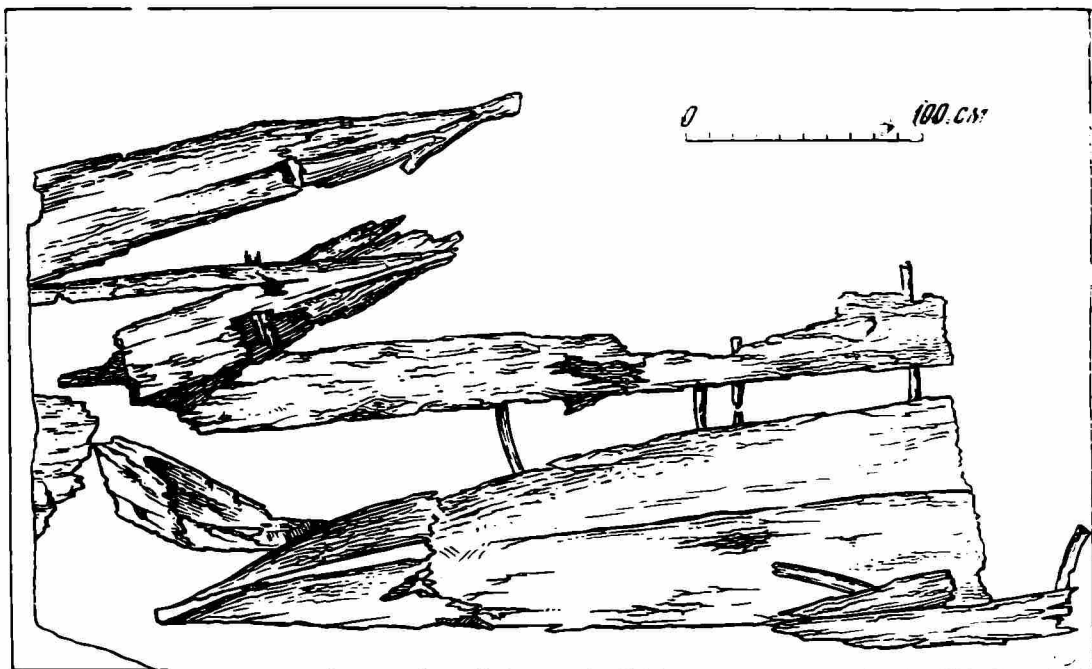

Рис. 1. План остатков древних лодок в шурфе у Владимирской башни Новгородского кремля

шее пространство, и затем уже срубали дерево. На это уходило пять-семь лет. Первый способ применялся чаще. Иногда на готовую трубу нашивали дощатые борта — «нашвы», скреплявшиеся «вицей» (лыком) с «трубой». Эти однодеревки, или, как их называли, «осиновки», «белозерки», напоминают о древнерусских насадах, «набойных ладьях», известных по летописи, «Русской правде», и маленькой шахматной костяной ладье, борт которой прорезан швом между «трубой» и «нашвой». И в XIX в. такие однодеревки назывались «набойнями». Следовательно, однодеревки в древней Руси были не только небольшими челнами, но и более крупными

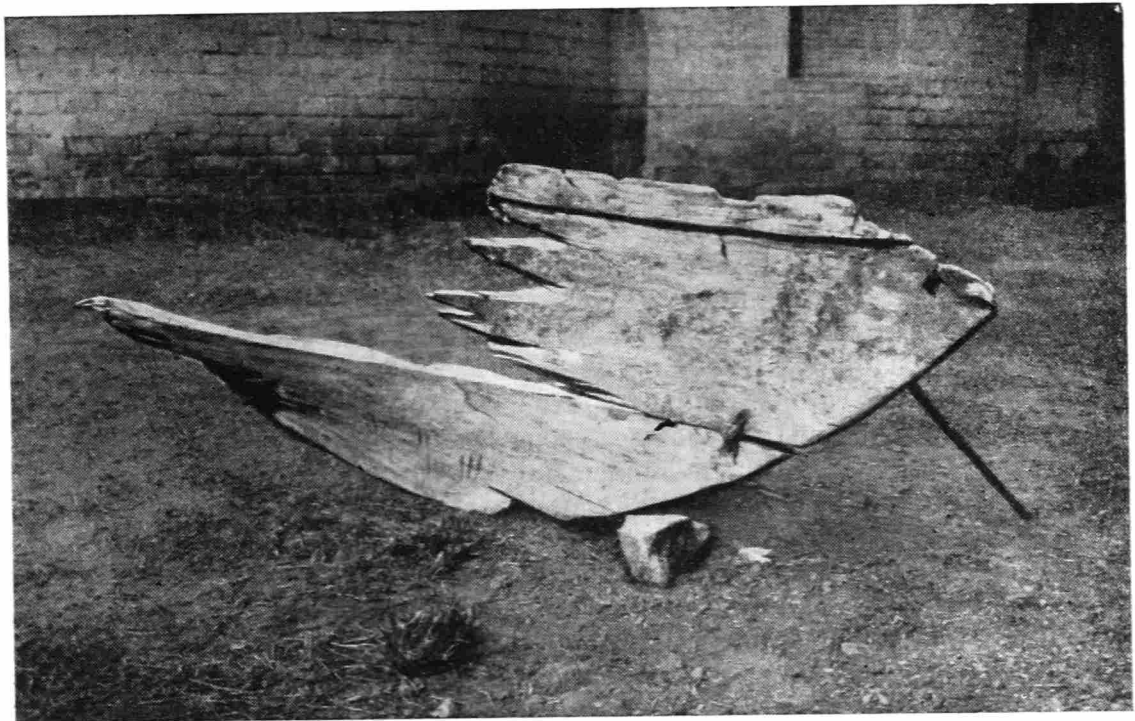

Рис. 2. Носовая часть лодки № 1 после консервации

ладьями. Новгородская находка позволяет расширить наши представления о таких ладьях.

Попробуем определить высоту, длину и ширину лодки. Найденные в ней шпангоуты сделаны из ели. Длина их 60 и 90 см, в зависимости от местонахождения в той или иной части «трубы». Толщина стенок «трубы» очень невелика: 2—2,5 см, а толщина днища 0,5—0,8 см. Для того чтобы предохранить тонкие днище и борт от давления шпангоутов и в то же время удерживать шпангоуты на месте, в «трубе» оставлены специальные прямоугольные выступы — полустрингеры. На каждый шпангоут приходится по четыре-пять полустрингеров. В каждом из них сделано отверстие, в которое продета лыковая веревка — «вица». «Вицей» шпангоут привязан к полустрингеру. На найденных фрагментах сохранилось по одному-два полустрингера (рис. 3). Соединив на чертеже нижние полустрингеры левого и правого бортов лодки № 1, получаем ее высоту — 48 см (рис. 4).

Длина лодки выясняется благодаря тому, что сохранились почти все шпангоуты, к тому же все они найдены на своих местах. Даже крайний западный из них, лежавший под фундаментом башни, где сваи уничтожили тонкое днище, также найден на своем месте. Шестой шпангоут, если считать от носовой части, не сохранился, но его место легко устанавливается благодаря соседним шпангоутам. В несохранившейся корме лодки находилось, видимо, еще два шпангоута, поставленных рядом, как это обычно бывает. Два таких шпангоута найдены на фрагменте лодки № 2 в том же шурфе (рис. 1), что позволяет считать этот фрагмент не носовой, а кормовой частью. Учитывая длину крайнего шпангоута, который короче найденных посередине лодки, заключаем, что ее корпус в данном месте начинает сужаться. Длина лодки не превышала 6,75 м. Этот размер обычен для однодеревок, еще в прошлом веке плававших по Белому, Онежскому озерам и по Ильменю. «Осиновка» имела до 6 м в длину, «белозерка» — до 6,5 м. Высота этих лодок также близка к реконструированной высоте найденного древнего судна — 0,55 м. Судя по длине шпангоутов и сохранившейся носовой части, ширина древней лодки не превышала 90 см и была близка к ширине этнографически известных лодок — 90—95 см.

Итак, размеры древней лодки: до 6,75 м в длину, до 90 см в ширину и до 55 см в высоту. В центре ладьи стояла небольшая мачта, о чем можно судить по находке двух спаренных шпангоутов как раз в месте предполагаемой мачты. Мачта и парус были невелики и крепились канатами, протянутыми к носу и корме лодки. В носовой части найдено отверстие для этого каната (рис. 5). «Труба» ладьи была укреплена семью-восемью шпангоутами. Их концы заострены и уплощены для более плотного прилегания к борту. Судя по следам на бортах и размерам самих шпангоутов, они не доходили до верхнего обреза борта на 5—7 см.

Особенно интересны конструктивные особенности бортов лодки, не встречавшиеся этнографам и еще неизвестные науке.

Верхний обрез борта имеет небольшой выступ, а в этом выступе обнаружены маленькие прямоугольные отверстия (рис. 6). Их размер 0,3 × 0,2 см. В них уцелели дубовые гвозди — «нагели». «Нагели» отстоят друг от друга на 18—20 см и опоясывают всю лодку. Они вбиты в бортовой выступ с наклоном внутрь лодки и кое-где выпли из внешней плоскости бортового выступа наружу. Эта особенность в их положении хорошо объясняется находкой другой серии дубовых «нагелей», находящихся уже не на бортовых выступах, а на самих бортах и днище ладьи. Эти «нагели» более мелки и тонки. Всего восстанавливается пять вертикальных рядов этих мелких «нагелей» на бортах ладьи. Каждый из рядов расположен в 90 см друг от друга. В носовой части и корме имелись дополнительные ряды «нагелей», шедшие наклонно.

Нагели обоих типов (на бортовом выступе и на самом борту) забиты не заподлицо с плоскостью борта или его выступа, а возвышаются над

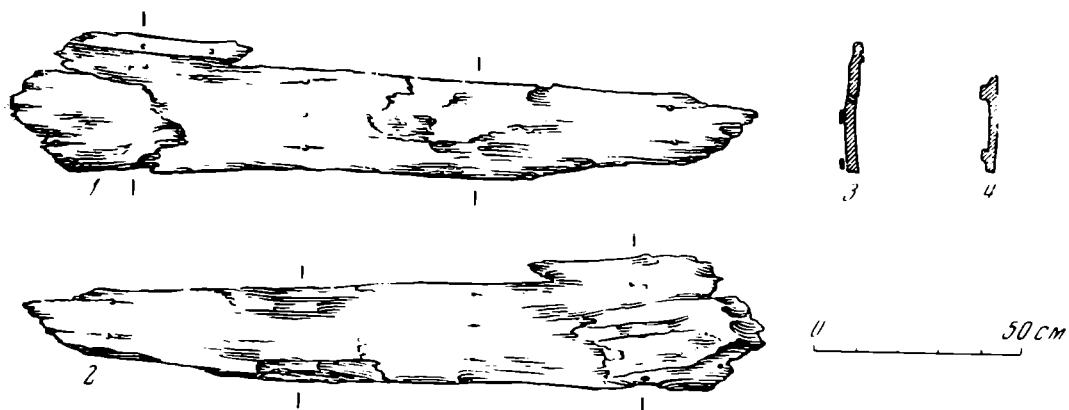

Рис. 3. Сохранившиеся полустрингеры на бортах лодки № 1

этой плоскостью на 0,3—0,4 см. Следовательно, ими крепились какая-то тонкая (до 0,3—0,4 см толщины) обшивка, не найденная на фрагментах лодки. Эта обшивка охватывала весь корпус лодки, заходила на бортовой выступ и спускалась по внутренней плоскости борта в лодку, под верхние острия шпангоутов, плотно прикреплявших ее к борту. Для того чтобы обшивка не сползала наружу, ее укрепляли «нагелями» бортового выступа. Поэтому-то они и вбиты с наклоном, который препятствует ее сползанию. На бортах и днище обшивка крепилась системой более мелких «нагелей».

Сама обшивка лодки № 1 не найдена, но материал, скреплявший ее с корпусом лодки, обнаружен. На внешних и частично на внутренних поверхностях бортов сохранились следы различных органических веществ, анализ которых произведен по нашей просьбе химиком-реставратором высшей квалификации Г. Н. Томашевич. Удалось определить наличие сосновой смолы, мела, белковых веществ (животный клей). Смола имеется на всех поверхностях лодки, внутри нее особенно большие сгустки найдены на полустрингерах, где смолилась «вица».

Белковое вещество (животный клей) найдено только на внешних поверхностях лодки. Здесь оно скрепляло меловую массу. Клей и мел обнаружены и на остатках других лодок. Особенно важно, что здесь клей найден между двумя скрепленными мелкими «нагелями» древесными пластинами от борта лодки. Одна из этих пластин, более толстая, является фрагментом борта, к которому прибита «нагелем» та самая обшивка, в существовании которой мы убедились, рассматривая систему «нагелей» и следы меловой шпаклевки на животном клее на внешней поверхности борта лодки № 1 (рис. 6, № 5, 6, 11, 12). Итак, обшивка найдена. Это не береста, а все та же осина, из которой сделаны тонкие пластины. Меловая шпаклевка на животном клее и «нагели» прочно прикрепляли обшивку к корпусу лодки. Легкий и тонкий корпус этой ладьи значительно укреплен обшивкой и защищен ею от повреждений. Это именно ладья, а не простой челн, у которого не бывает ни шпангоутов, ни мачты, ни подобной обшивки и который обычно делался меньших размеров. Не бывает у челнов и бортов поверх «трубы». О наличии такого борта у найденной ладьи свидетельствует фрагмент ее носа, сделанный из двух частей, скрепленных лыком (рис. 2, 5). Линия соединения «трубы» и борта закрывалась обшивкой и не была видна, как это и показано на нашей реконструкции. Таким образом обшивка играла чисто конструктивную роль, скрепляя борт и «трубу» и предохраняя линию их соединения от воды.

По «Русской правде» известны три разновидности ладей XI века: простая, набойная и морская. Набойная — это ладья с дополнительными бортами, насаженными на корпус. Найденная в Новгороде ладья принадлежит, видимо, как раз к этой разновидности.

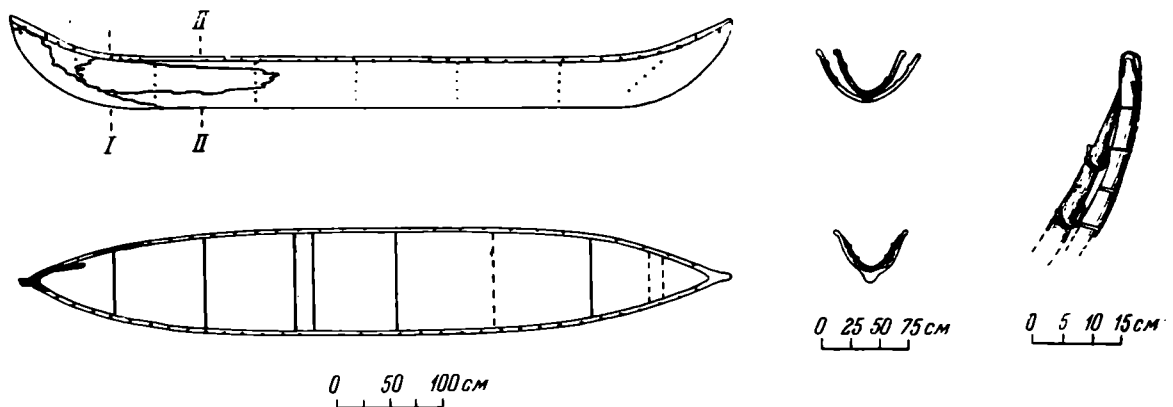

Рис. 4. Реконструкция лодки начала XI в.

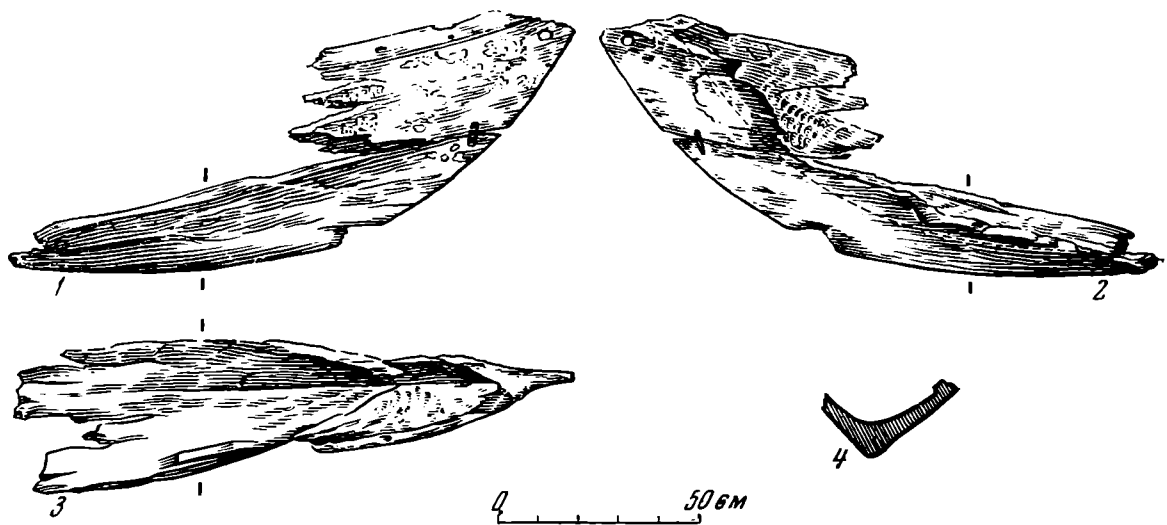

Рис. 5. Носовая часть лодки № 1. Видно отверстие для каната

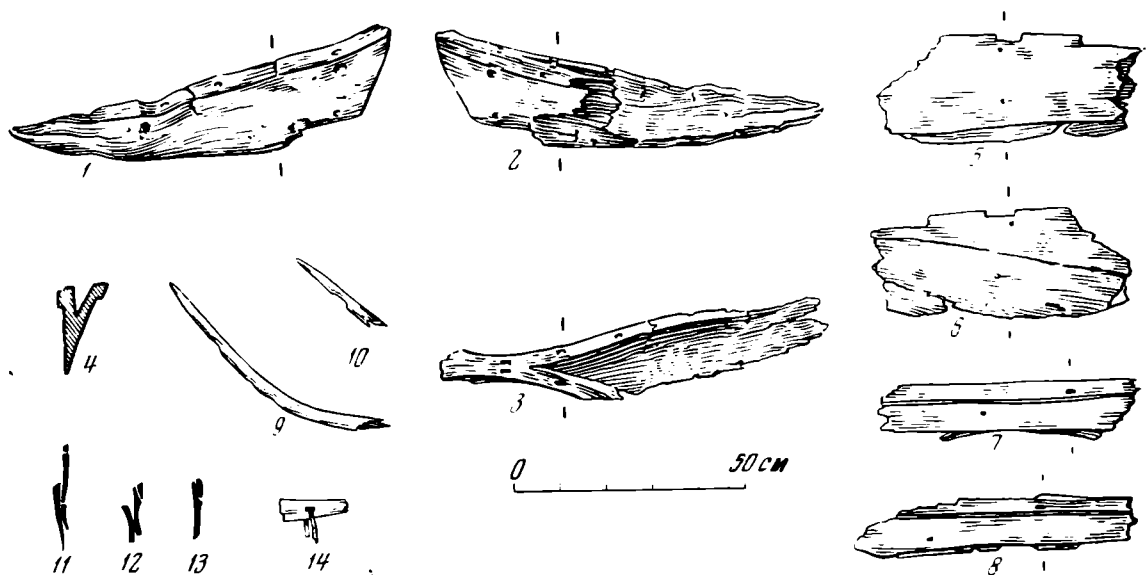

Рис. 6. Бортовые выступы с «нагельями» и остатки обшивки с мелкими «нагельями»

Остается только сказать, что подобных ладей до сих пор не находили ни в новгородском культурном слое, ни в других русских городах. Нет таких находок и в Западной Европе, а те корабли, которые там известны, не имеют подобной обшивки.

Наличие этой обшивки у сравнительно небольшой парусной ладьи, качество изготовления отдельных ее деталей, ее прочность, почти ювелирная точность расположения миниатюрных «нагелей», умелое использование различных пород дерева — осины для трубы, борта и обшивки, ели для шпангоутов, дуба для «нагелей», липы для «вицы», сложность самой многосоставной конструкции — все это свидетельствует о высоком кораблестроительном искусстве новгородцев уже в X — начале XI в. Найденная ладья — лишь фрагмент той кораблестроительной культуры, которая позволила новгородским гостям бороздить многочисленные реки и моря их родины. Подобные же ладьи строили еще в X в. в верховьях Днепра. Константин Багрянородный называет их моноксилами (однодеревками) и сообщает, что десятки таких однодеревок пригонялись к Киеву. Возможно, здесь их осиновые корпуса подвергались окончательной обработке, обшивались, на них «нашивались» борта и т. д. Находки более крупных и сложных по своему устройству набойных и морских ладей еще будут сделаны археологами.

В частности, эти находки особенно вероятны на участках новгородского культурного слоя в тех его местах, где он вплотную подходит к Волхову. Ведь найденные ладьи удалены от реки на несколько десятков метров. Следует ожидать подобных находок и в других городах.

В. Н. КОНКИН

УКРАШЕНИЯ ИЗ ПОЛОВЕЦКОГО ПОГРЕБЕНИЯ

В 1960 г. в адрес Волгоградского краеведческого музея от гражданина Кондрашова В. П. поступило сообщение о том, что близ села Средняя Ахтуба Волгоградской области при планировке территории был снесен курган, в котором рабочие нашли два человеческих костяка, небольшой сосуд и несколько металлических предметов. Выехавшим на место находки сотрудникам музея В. П. Кондрашов передал набор бронзовых украшений (костяки и сосуд, к сожалению, не сохранились).

Набор состоит из восьми частично поврежденных предметов. 1. Полный шарообразный бубенчик диаметром 10 мм с округлым ушком высотой 5 мм и диаметром отверстия 3 мм. По большому диаметру сферы проходит бороздка, от которой спускаются нарезки, сходящиеся в центре нижней полусферы. Бубенчик раздвоился по вертикальному шву (рис. 1, 1). 2. Копушка. Длина 68 мм, ширина верхней части 35 мм, ширина стерженька 3 мм. Ручка каплевидной формы с изображением птицы. На верхнем конце ручки ушко диаметром 7 мм и отверстием 3 мм. Нижняя часть копушки отломилась и не была найдена (рис. 1, 2). 3. Подвеска выпуклая, в виде стилизованного изображения птицы. Продольный размер 72 мм, поперечный — 42 мм. По поверхности нанесен растительный орнамент. Подвеска имела четыре ушка. Из них сохранилось три — два диаметром по 8 мм и с отверстиями диаметром 2 мм и одно диаметром 10 мм и отверстием 4 мм (рис. 1, 3). 4. Ременная пряжка размером 90 мм на 56 мм. На наш взгляд, ее ажурные петли являются приспособлениями для крепления к ремешку и для сцепления, вероятно, с какими-то крючками, располагавшимися на другом конце ремешка. На концах имеются стилизованные изображения птичьих головок (рис. 1, 4). 5. Две бляхи. Одна длиной 31 мм,

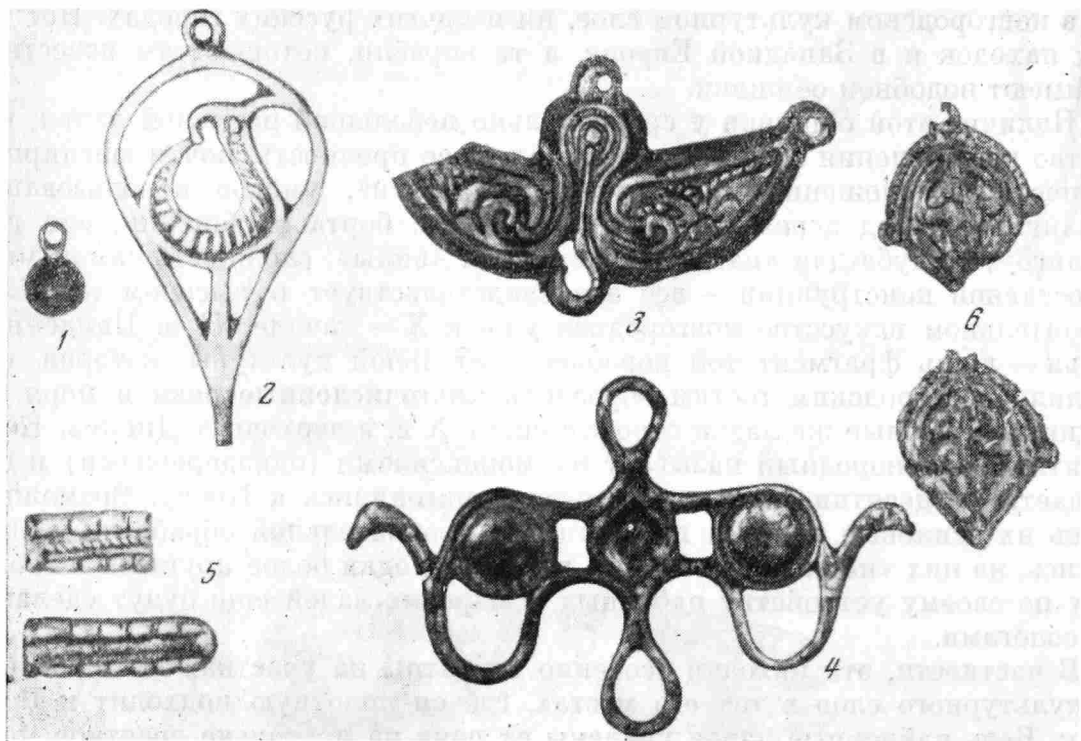

Рис. 1. Вещи из погребения позднего кочевника

другая — 20 мм. Ширина каждой 9 мм. У большей бляхи один конец округлый, другой — ровный. Меньшая — прямоугольная. Обе бляхи имеют на поверхности одинаковый орнамент: по краям в виде валика с поперечными вдавлениями, а по центру в виде шнурка. На тыльной стороне по два штифта высотой 4 мм. На конце одного из штифтов сохранился прямоугольный кусочек бронзовой фольги. Он прикреплялся к штифту с внутренней стороны ремня (рис. 1, 5). 6. Две привески-медальона, полукруглые сверху и треугольные снизу. Длина целой без ушка 30 мм, ширина 27 мм. По бокам имеется по два выступа, а сверху — ушко диаметром 5 мм. На поверхности привесок кроме нескольких валиков, проходящих вдоль края, нанесено изображение восточного божества (?). Рисунок сделан, вероятно, штампом с обратной стороны привесок. Он представляет собой изображение трехликой человеческой фигуры. Человек находится в традиционной позе — сидит, подогнув ноги, руки согнуты в локтях и направлены к голове. На рис. 1, 6 верхняя привеска — лицевая сторона, нижняя — обратная.

Для поиска аналогий был широко использован недавно вышедший труд Г. А. Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов». В результате выяснилась следующая картина.

Схожие с нашим (1) бубенчики обозначены у Г. А. Федорова-Давыдова типом 7¹. Копушка (2), близкая нашей, — типом 2², подвеска (3) у Г. А. Федорова-Давыдова — нашивка — типом Д2³. Ременная пряжка (4) (у Г. А. Федорова-Давыдова — нашивка) — типом ДЗ⁴. Удлиненная бляха (5) — типом Е6⁵. Привеска-медальон, близкая по форме, — типом 6⁶.

¹ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Сб. «Археологические памятники». М., 1966, стр. 69, рис. 12, 2.

² Там же, стр. 68, рис. 9, 4.

³ Там же, стр. 67, рис. 12, 1.

⁴ Там же, стр. 67, рис. 12, 1.

⁵ Там же, стр. 51, рис. 8, 4.

⁶ Там же, стр. 68, рис. 10, 8.

Если теперь взглянуть на таблицу встречаемости типов в погребениях⁷, то нетрудно будет заметить, что все указанные типы (кроме привесок-медальонов, которые в таблице не приводятся) имеют критерий «К» больше трех⁸ для первой группы погребений, датируемой X—XI вв. Из этого можно сделать вывод, что наши украшения твердо датируются X—XI вв. и, возможно, составляют довольно устойчивый комплекс. Кстати, хотелось бы указать, что в районе того же села были случайно найдены очень близкие нашим копоушка и пряжка⁹. Аналогии копоушке и ременной пряжке можно найти и в раскопках К. Ф. Смирнова¹⁰. Г. А. Федоров-Давыдов указывает ареал распространения подвесок типа Д2 и копоушек типа 2 — Нижняя Волга и Нижний Дон¹¹. Другие вещи носят, по-видимому, также местный характер. Исключение и потому интерес представляют привески-медальоны, точнее, рисунок на них. Он являет собой ярко выраженный восточный мотив. Трудно делать выводы о каких-либо влияниях на основании лишь одного комплекса вещей, но, на наш взгляд, он несомненно заслуживает внимания.

⁷ Там же, стр. 107—111, табл. 4.

⁸ Там же, гл. «Система датировки».

⁹ Фонды ВОКМ.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, 2, 1960, стр. 201, рис. 11, 15, и стр. 202, рис. 11, 21.

¹¹ Н. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 67 и стр. 69.

Ю. Б. ГЕНС

СФЕРОКОНИЧЕСКИЙ СОСУД ИЗ ТЕРМЕЗА

Среди нескольких десятков сфероконических сосудов (целых и во фрагментах), имеющих в собрании музея железнодорожной средней школы № 15 станции Термез (УзССР), находится один, который является, по-видимому, уникальным. Его описание может представить известный интерес для исследователей, работающих в этой области.

Находки сфероконусов как в районе Старого Термеза, так и вокруг ныне существующей станции Термез (находящейся примерно в 8—9 км к юго-востоку от городища) — явление весьма обычное. Их находят прямо на поверхности, а также при различного рода земляных работах.

Имеются также бесспорные доказательства местного производства этих сосудов, прежде всего, относительно частые находки керамического брака. Кстати, мы не можем согласиться с категоричным утверждением Р. М. Джанполадян о том, что «характерной чертой термезских сосудов является нижняя часть, которая оканчивается не конусом, а стержнем, часто с плоским срезом....»¹.

В нашей коллекции таких сосудов всего два, зато несравненно чаще попадаются сосуды с конической нижней частью и даже почти шарообразные. Это недоразумение объясняется, видимо, тем, что Р. М. Джанполадян говорит только о находках с городища Старый Термез, тогда как наша коллекция собрана в основном в районе станции, где поселение возникло позднее, уже после нашествия монголов.

Сфероконический сосуд, предлагаемый вниманию читателя, значительно отличается от других цветом, составом глины и особенно характером

¹ Р. М. Джанполадян. Сферические сосуды из Двина и Ани. СА, 1958, 1, стр. 206.

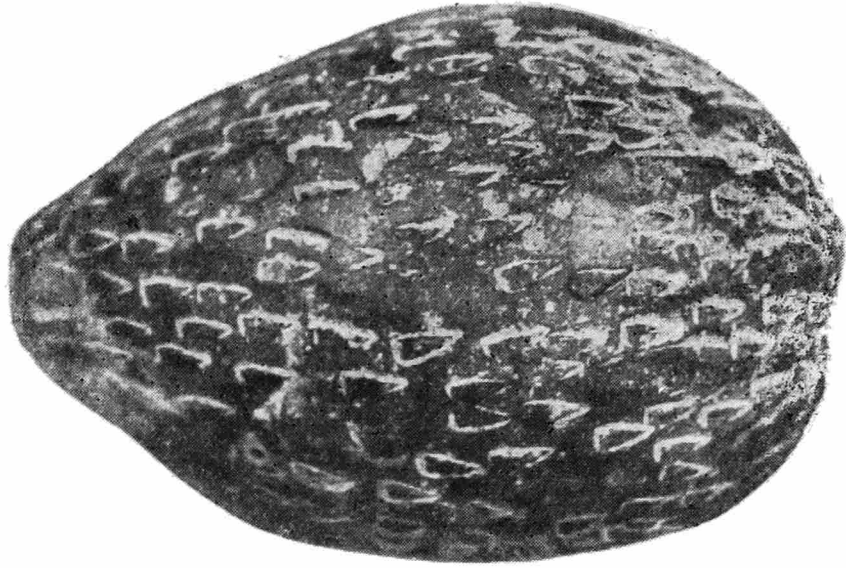

Рис. 1. Сфероконический сосуд из собрания музея железнодорожной школы № 15 станции Термез

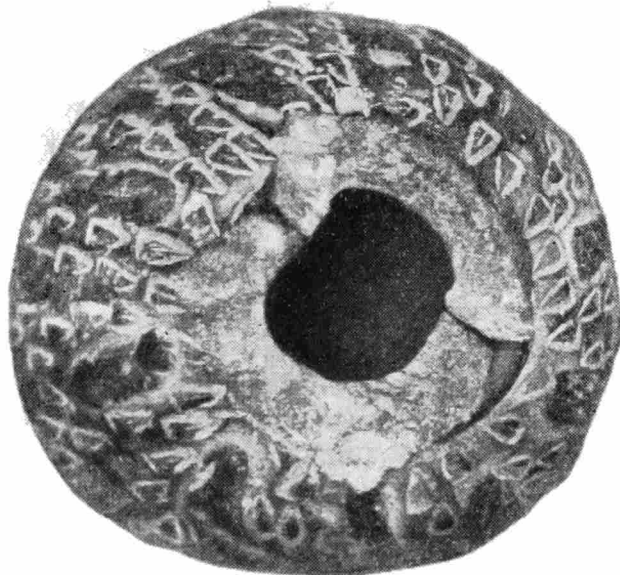

Рис. 2. Тот же сосуд со стороны горлышка

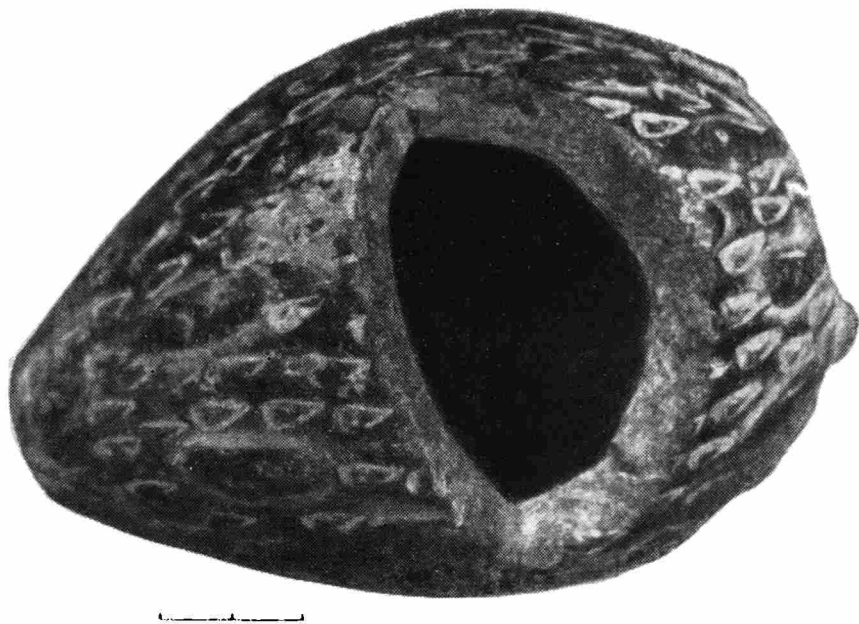

Рис. 3. Тот же сосуд со стороны аркообразного отверстия в боковой стенке

орнамента (рис. 1). Сосуд был найден в 1957 г. примерно в 2 км восточнее станции Термез, в стенке глубокого сухого оросительного канала на глубине 130—150 см от поверхности земли.

Предметы (в основном керамика), встречающиеся в этом же слое на небольшом расстоянии (до 50 м по обе стороны) от места нашей находки, могут быть датированы XIV—XVI вв.

Сосуд имеет классическую форму сфероконауса и очень толстые стенки (10 мм). Верхняя его часть (горлышко), к сожалению, отбита (рис. 2). Дно сосуда в центральной части имеет толщину до 30 мм. На боковой стенке сосуда вырез в форме арки с такой ровной поверхностью, что трудно судить, сделан ли вырез специально, или является следствием повреждения.

Сосуд сделан из темно-серого, почти черного материала, похожего скорее на камень, чем на керамику.

Поверхность его украшена повторяющимися фигурами удлинённых равнобедренных треугольников, обращенных вершинами к горлышку. Длина такого треугольника (по его высоте) около 9 мм, ширина (по основанию) около 4 мм. Образующие линии треугольников вдавлены. Вероятно, этот орнамент наносился с помощью особого штампа, каждый треугольник в отдельности; об этом говорит, в частности, беспорядочное распределение фигур и их многочисленность.

Между треугольниками располагаются выпуклые овалы длиной от 19 до 24 мм (чаще всего 22 мм) и шириной в центральной своей части 4—6 мм.

Интересно отметить, что на отдельных, очень немногих, овалах видны части фигур треугольников; очевидно, сначала каким-то образом выдавливались именно овалы, а уже затем — фигуры треугольников.

Хотя горлышко сосуда отбито, все же в одном месте хорошо видно начало шейки с характерной для сосудов этого типа бороздкой, помещенной, правда, несколько ниже, чем обычно (рис. 3).

Как известно, в науке до сих пор нет твердо установленного мнения о назначении этих толстостенных и узкогорлых сосудов. Поэтому каждая новая находка сфероконаусов имеет весьма важное значение для специалистов.

КАШИННАЯ КЕРАМИКА ШЕХР-ИСЛАМА

С 1960 г. Институт истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР систематически проводит раскопки в Шехр-Исламе — крупном городе IX—XIV вв. В результате накоплен огромный археологический материал: каменные, стеклянные, металлические и керамические изделия. Изучение керамики Шехр-Ислама представляет особый интерес, потому что городище прежде было центром древнего туркменского племени языр — предков современных карадашлынцев, большинство которых до сих пор проживает на территории Туркменской ССР. Керамика Шехр-Ислама разнообразна не только по формам и орнаментации, но и по назначению. Настоящая статья посвящена только кашинной керамике Шехр-Ислама. В большинстве своем она сильно фрагментирована, но по сохранившимся частям можно восстановить многие ее формы. Кашинную керамику Шехр-Ислама следует разделить на четыре группы в зависимости от цвета поливы: голубая — бирюзовая, белая, темно-синяя, красная с золотистым оттенком. Большинство этих изделий представляет собой столовую посуду: чашки, пиалы и т. п.

Кашинная керамика в Шехр-Исламе появляется в конце XI — начале XII в. и встречается с некоторыми изменениями в мотивах орнаментации и составе теста кашина до XIV в. Наиболее распространенной была кашинная керамика в XII—XIII вв.

Керамика XI — начала XIII в. Кашинная чаша (рис. 1, 1) покрыта двусторонней бирюзовой поливой. Почти прямые стенки сужаются к донцу. Черепок в изломе белый. Аналогичной формы кашинные чаши в большом количестве находят в западном Туркменистане (Мисриан) ¹.

Другой фрагмент принадлежит глубокой открытой чашке (рис. 1, 2) с двусторонней голубой поливой. Венчик чашки слегка отогнут наружу, сосуд украшен орнаментом в виде нескольких проколов, заполненных глазурью. Этот так называемый ажурный орнамент широко распространен на бытовых кашинных сосудах из Средней Азии. При раскопках Новой Нисы такая посуда была найдена вместе с монетами хорезмшахов Текеша и Мухаммеда ². Встречается она и в Хорезме, где датируется XII—XIV вв. ³

Обломок чашки (рис. 1, 3) с двусторонней бирюзовой поливой. Венчик утолщенный, с уплощенным обрезом. Стенки чашки вогнутые. Изготовлена она из мягкого кашина.

Особый интерес представляет сосуд (рис. 1, 5) на кольцевом поддоне, покрытый двусторонней бирюзовой поливой. С внутренней стороны на дне имеется кувфическая надпись, а в центре изображены две птицы с длинными хвостами и головами, повернутыми в разные стороны. На основании кувфических надписей и по цвету поливы этот сосуд можно датировать XIII в.

При раскопках жилого помещения у западной стены шахристана была найдена небольшая открытая чашка на кольцевом поддоне (рис. 1, 7), покрытая двусторонней бирюзовой поливой. Внутри имеется подглазурная роспись. Интересны и два других фрагмента чаш с явными признаками брака, что свидетельствует о местном производстве этих изделий.

Встречен также небольшой широкогорлый кувшин (рис. 1, 8), тулово которого заметно расширено у плечиков и сужается ко дну. С наружной

¹ Сборы Балхаво-Атрекской экспедиции 1930 г. Материалы хранятся в фондах Сектора археологии, ИИАН ТуркмССР.

² Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 403.

³ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX — XVIII вв.). Тр. ХЭ, IV, М., 1959, стр. 324.

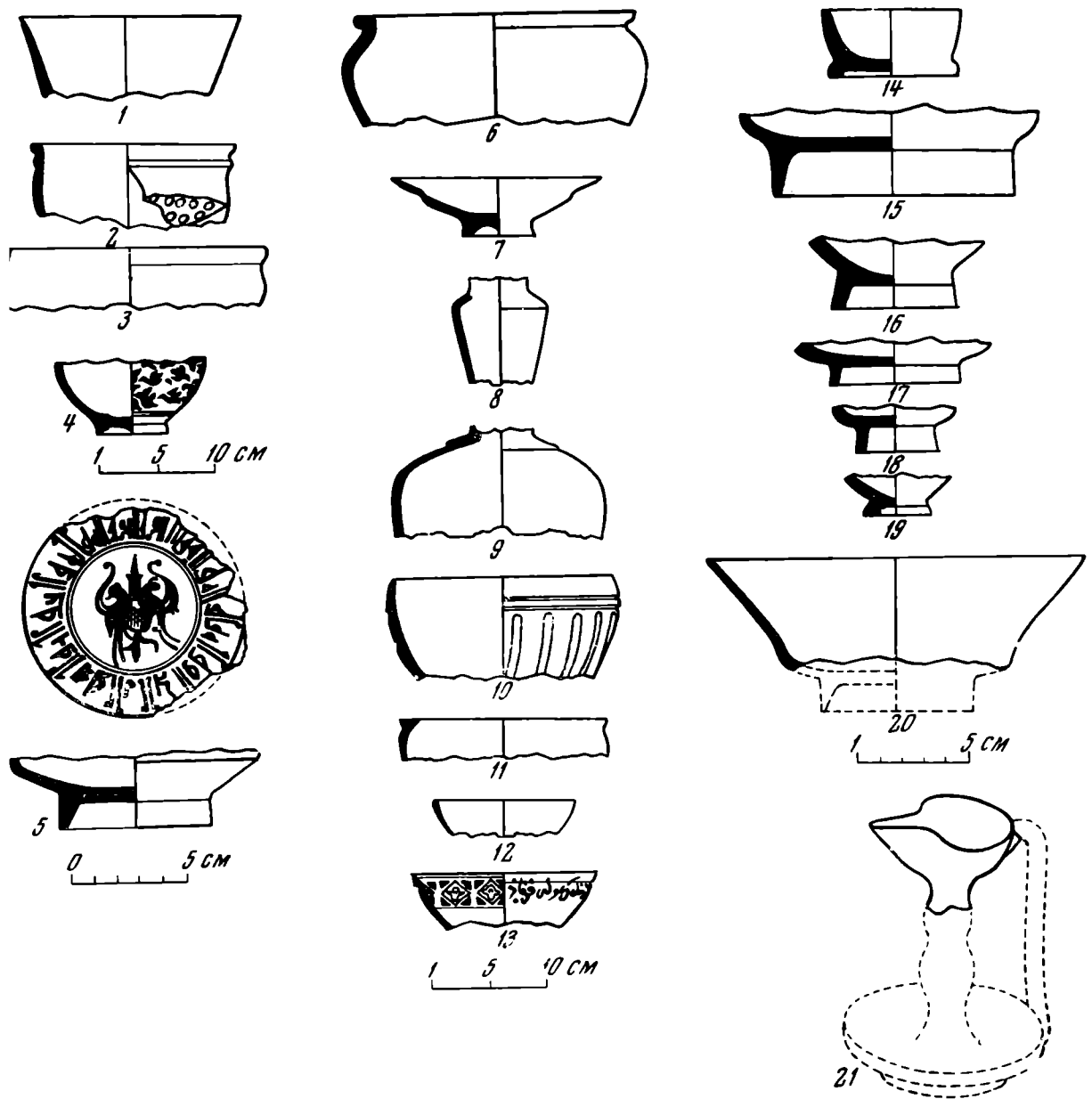

Рис. 1. Кашиная керамика Шехр-Ислама

стороны сосудов покрыт непрозрачной бирюзовой поливой. На основании цвета и техники нанесения поливы кувшин датируется XII—XIII вв.

Как было отмечено выше, наряду с бирюзовой поливой встречается посуда с белой поливой и люстровой росписью. Многие из таких сосудов имели желтый, синий и зеленый цвета. Судя по имеющимся фрагментам, среди люстровой керамики наиболее распространенными были чашки, пиалы, тарелки и кувшины, например, открытый глубокий сосуд с утолщенным венчиком (рис. 1, 11), покрытый двусторонней прозрачной белой поливой. Дата его — XII—XIII вв. Другой сосуд, в виде пиалы тоже покрыт двусторонней прозрачной белой поливой (рис. 1, 12); края сосуда слегка вогнуты внутрь. На наружной стороне пиалы сохранились следы желтой росписи, внутри — синяя роспись. Материал — крепкий кашин.

Особый интерес представляет пиала (рис. 1, 13) с люстровой росписью. Она имеет округленные стенки со слегка отогнутым венчиком. С внутренней стороны стенки пиалы украшены ковровым орнаментом, исполненным красно-синей и голубой красками. На наружной стороне пиалы есть персидская надпись. Можно предполагать, что эта пиала иранского происхождения и, по-видимому, попала в Шехр-Ислам в результате торговых или культурных связей (Шехр-Ислам находился на караванной дороге между

Хорезмом и Хорасаном, о которой упоминает средневековый автор Хамеддах Казвини) ⁴.

Нижняя часть другого кашинного сосуда на невысоком кольцевом поддоне (рис. 1, 14) покрыта с внутренней стороны зеленой, а с наружной — стекловидной бирюзовой поливой. Черепок в изломе кремового цвета, материал — крепкий кашин. От другого сосуда также сохранилась лишь нижняя часть на кольцевой ножке (рис. 1, 15), покрытая снаружи и изнутри белой поливой. Сосуд был бракованным, о чем свидетельствуют дефекты на внутренней стороне, обычно получающиеся при обжиге от излишне высокой температуры. Датируется он XII—XIII вв.

Нижние части двух других сосудов покрыты двусторонней белой поливой (рис. 1, 16, 17). С внутренней стороны сосуды украшены процарапанным орнаментом. Один из них имеет высокий кольцевой поддон, другой — низкий.

На городище Шехр-Ислам из кашина делали не только открытые чаши, но и кувшины. Некоторые из них с наружной стороны покрыты бирюзовой поливой, а внутри — только светлым ангобом. Тесто кашина довольно твердое. Один обломок кувшина имеет округленные стенки и, судя по сохранившейся части, был с высоким горлом (рис. 1, 9). Кувшин покрыт двусторонней бирюзовой поливой, нанесенной очень неравномерно. Тесто кашина грубое. Среди фрагментов кашинных сосудов больше всего встречаются нижние части их. Различаются две формы кольцевых поддонов: одни с острым концом в центре, а другие с прямым скосом.

Из кашина делали и светильники. Один из них (рис. 1, 21) был найден при раскопках жилых помещений у северной стены шахристана. От светильника сохранилась только верхняя часть; полная форма его хорошо восстанавливается по аналогиям со светильниками, встречающимися на Шехр-Исламе и на других средневековых городищах Туркменистана. Светильник имеет носик для фитиля и покрыт двусторонней бирюзовой поливой. Тесто — пористый кашин.

Керамика XIII—XIV вв. Разнообразны формы кашинной посуды и во второй половине XIII—XIV вв. Здесь, как и в предыдущий период, имеется столовая посуда: чашки, пиалы и широкогорлые кувшины. Выделяются два вида поливы: 1) двусторонняя белая с люстровой росписью; тесто — крепкий кашин; роспись — подглазурная; 2) синяя, наиболее распространенная; мотивы орнаментации геометрические и растительные.

На рис. 1, 10 изображена пиала с двусторонней белой поливой. С внутренней стороны имеется подглазурная роспись; с наружной стороны — каннелированный орнамент. На бортике проведены две углубленные горизонтальные линии. Хотя пиала была найдена на поверхности городища, ее, судя по росписи, можно датировать XIII—XIV вв. Интересна также небольшая чашка (рис. 1, 20) с двусторонней белой поливой. Нижняя ее часть слегка вогнута и сужается ко дну. Чашка найдена при шурфовке западной цитадели, в верхнем ее слое и датируется XIV в. Аналогичной формы кашинная чашка (но в отличие от шехр-исламской имеющая бирюзовую поливу и надписи) была найдена на ашхабадской «Горке» — поселении, разрушенном монголами.

Некоторые из кашинных сосудов покрыты двусторонней синей поливой. Судя по сохранившимся фрагментам, это чашки и небольшие кувшины. Среди них тоже выделяются две группы сосудов: тонкостенные (0,2 см) и толстостенные (0,5 см). Есть и два типа поддонов: высокие и плоские. Некоторые сосуды с наружной стороны покрыты синей поливой, а изнутри — белой, с люстровой росписью. Такова нижняя часть небольшого сосуда на высокой кольцевой ножке (рис. 1, 18), покрытая двусто-

⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении. I, М.—Л., 1939, стр. 510.

ронней темно-синей стекловидной поливой. Черепок в изломе кремового цвета; материал — крепкий кашин. Датируется XIII—XIV вв.

Другой небольшой сосуд на высоком кольцевом поддоне (рис. 1, 19) покрыт двусторонней белой поливой. С обеих сторон имеется подглазурная роспись; материал — крепкий кашин. Датируется XIV в.

Заслуживает внимания нижняя часть кувшинчика (рис. 1, 4) с двусторонней бирюзовой поливой. Сосуд изготовлен небрежно: с внешней стороны полива нанесена в виде толстого стеклянного слоя, что, видимо, было сделано для большой прочности сосуда. Кувшин украшен подглазурной черной росписью в виде летящих птиц. Интересно отметить, что посуда с изображением птиц была найдена на Шемахе-Кале (XIII—XIV вв.)⁵ и в Мисриане⁶.

Далее следует упомянуть широкогорлый кувшин, покрытый двусторонней синей поливой. Венчик кувшина в виде утолщенного валика отогнут наружу. Высота горла — 4,5 см, материал — крепкий кашин. Аналогичные сосуды широко известны на других средневековых городищах Средней Азии, в частности в Мисриане⁷.

На городище Шехр-Ислам встречаются обломки кашинных сосудов так называемого золотоордынского или ургенчского типа, описанных А. Ю. Якубовским⁸. Выделяются две их разновидности: сосуды с рельефным орнаментом и без него. Последние в свою очередь подразделяются на керамику с подглазурным и надглазурным орнаментом. Основную массу керамики этого типа составляют чашки с двусторонней поливой. Характерной чертой таких сосудов является высокий кольцевой поддон. Большинство их принадлежит сосудам открытых форм, реже кувшинам. Среди этой керамики имеются также две чаши. Одна из них найдена при раскопке восточной цитадели Шехр-Ислама в слое XIV в. Материал ее — белый пористый кашин. Чаша покрыта поливой лимонного, бирюзового и синего цветов. С внутренней и внешней стороны она украшена рельефным орнаментом. В отличие от золотоордынской чаши, найденной в Сарая-Берке, здесь венчик слегка вогнут внутрь.

Помимо глубоких чаш в XIV в. из кашина выделывали большие открытые сосуды в виде тарелок. Хотя фрагментов таких сосудов довольно много, здесь мы коснемся лишь трех их вариантов с глазурью разных цветов.

Во-первых, это фрагмент тарелки, покрытый двусторонней голубой свинцовой поливой. Найден при раскопках западной цитадели. Диаметр 34 см, толщина стенок около 0,6 см. Тарелка украшена подглазурной росписью, орнамент растительного характера. Аналогичные орнаменты широко известны на глиняных сосудах Шехр-Ислама в XII—XIV вв. Другой фрагмент тарелки диаметром около 26 см имеет двустороннюю белую поливу. Внутренние стороны ее покрыты лимонно-желтой люстровой росписью. Такие типы сосудов в Шехр-Исламе бытовали в XII—XIV вв. Фрагмент третьей тарелки покрыт двусторонней синей поливой. Диаметр ее около 30 см, материал — крепкий кашин. Аналогичные кашинные изделия встречаются на территории Южного Туркменистана и датируются XII—XIV вв. Например, они встречаются на городищах Шахри-Хайбар, Кялет, Дурун и Мисриан.

В XIII—XIV вв., как и в предыдущий период, из кашина изготовляли и кувшины. Верхняя часть одного из них (рис. 1, 6) была найдена при раскопках западной цитадели и датируется XIV в. Это широкогорлый кув-

⁵ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Тр. ХЭ, IV, рис. 3, 1.

⁶ Сбор Балхано-Атрекской экспедиции.

⁷ Там же.

⁸ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, VIII, 2—3, 1931, стр. 28.

шин диаметром около 25 см, изготовленный из крепкого кашина. Полива двусторонняя: внутри белая, снаружи синяя. Другой кувшин тоже широкогорлый, диаметром около 25 см, но кашин здесь мягкий и хрупкий.

Подводя итоги, можно сказать, что кашинная керамика была широко распространена в Шехр-Исламе. Из кашина делались чашки, тарелки, кувшины, светильники и украшения (подвески и бусы)⁹. Большинство сосудов местного производства, о чем свидетельствуют находки деформированных и бракованных изделий.

Установление местного производства кашинной керамики на городище Шехр-Ислам интересно потому, что долгое время считали, будто кашинная керамика в Южную Туркмению привозилась из Ирана. Благодаря археологическим исследованиям на территории Южного и Юго-Западного Туркменистана ЮТАКЭ установлено два центра производства кашинной керамики: Мисриан и Мерв¹⁰. Находки кашинной посуды в Шехр-Исламе позволяют установить и третий центр производства этой посуды.

⁹ Е. Атагарриев. О некоторых средневековых женских украшениях из Шехр-Ислама. ИАН ТуркмССР (сер. общест. н.), 1965, 1.

¹⁰ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Тр. ЮТАКЭ, I, стр. 401; ее же. К открытию люстровой керамики Мерва. ИАН ТуркмССР (сер. общест. н.), 1960, 4, стр. 86.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, И. Н. ХЛОПИН

ФЕДОР КОНЬ И СТАРЕЦ АЛЕКСАНДР

К выявлению одной исторической подделки

В отделе письменных источников Государственного исторического музея были обнаружены две новейшие копии документа 1604 г. о деятельности зодчего Федора Коня. Опубликовавший в журнале «Советская археология» полную копию этого документа В. Н. Прищепенко вслед за писательницей В. Жаковой полагает, что его находка — челобитная заслуживает доверия подлинника и «помогает пролить свет на причины странного молчания источников о деятельности знаменитого градодельца»¹. В этой челобитной монахи новгородского Сковородского монастыря красноречиво обвиняют оказавшегося среди них Федора Коня в различных предосудительных поступках. В связи с огромным интересом к личности одного из самых выдающихся и одновременно загадочных русских средневековых строителей вновь процитируем главную часть названного выше документа.

«Государю царю и Великому князю Борису Федоровичу всяя Русии нищии твои богомольцы игумен Сковород[ского] Михайлова монастыря Алексей, да черницы соборнии [...], да келарь [...]ат, да казначей и вся братия Михайлова монастыря бьют челом и извещают на бельца Федора сына Савельева Коня. Живет тот Конь не по чину по монастырскому. В церкви божии, государь, не ходит и ис казны и ис пограбов и сушила всякие запасы приводит к себе в келию. И сам есте безбожник и [...], а в монастырь, государь, Михайлов приехав меня игумена честнова и старцев соборных лаит блядинами детьми, а инех, государь, и ис собору выметал и в поле разогнал, а прочую, государь, братию служебников и крылошаня, колит остном и бьет плетями и без нашего игуменскова и без старческого совета [...]. И после Ефимона на погребѣ пьет сильно и тебе, государю, хочет оговорити ложью старцев и всю братию, и от тех, государь, ево побой и гроз братия бегут розно. Православный люд кр[е]стьянский он взбунтовал. Ве-

¹ В. Н. Прищепенко. К биографии Ф. С. Коня. СА, 1966, 4, стр. 209, 210.

лкий государь царь и Великий князь Борис Федорович всея Руси, укажи нам, како с Федором прожити. Государь, смилуйся, сыщи»².

Уже при первом знакомстве с приведенным и на первый взгляд очень искренним документом можно отметить ряд настораживающих несообразностей и деталей, чуждых духу XVII в.

Федор Конь в приведенном документе фигурирует не в качестве постриженника, а «бельца», живущего в монастыре и сохранившего свое мирское имя. Почему тогда к нему прилагаются мерки чисто монастырского устава и сказано, что он живет не по монастырскому чину? Не будучи монахом, Ф. Конь якобы смог избить и разогнать всю братию. Причины такого, мягко говоря, своевольного поведения почти никак и ничем не мотивированы. Жалобы царю в таких случаях обставлялись значительно подробнее. В начале челобитной отсутствуют, пропущены или не даны имена челобитчиков, а единственно названный игумен Алексей не числится в списке настоятелей монастырей, составленном П. М. Строевым (что отметил и В. Н. Прищепенко). Странно и совсем не в стиле монастырских отношений с главой государства выглядит и приписка к грамоте, где в зависимости от дознания истины или Ф. Конь, или игумен должны были отправиться на «крепкое покаяние» в Соловецкий монастырь. Наконец, Сквородский монастырь описан в документе с указанием погребов, сушила, казны и собора; между тем известно, что это был небольшой подгородный новгородский монастырек с единственной каменной церковью Михаила, которую люди XVII в. вряд ли могли называть собором. Перечисленные недоумения, которые никак нельзя объяснить несовершенством копии, можно было бы продолжить. При всем этом язык документа можно считать подлинным и выдержанным в духе XVII в.

Если мы обратимся к другой, на этот раз сохранившейся в подлиннике грамоте, наши сомнения рассеются. Этот документ представляет собой жалобу игумена Кирилло-Белозерского монастыря Игнатия с братиею на старца Александра, написанную в 1582—1583 гг. и адресованную Ивану IV. Эта грамота среди других актов была, по-видимому, вывезена в 1830 г. из Кириллова монастыря археографом П. М. Строевым, впервые опубликована в 1841 г. и переиздана в 1915 г.³ Текст этой челобитной убеждает в том, что она в сокращенном варианте почти дословно совпадает с приведенными выше документами, хранящимися в ГИМе.

В Кирилловской челобитной монахи били челом на некоего старца Александра, нарушившего монастырскую дисциплину, заведшего собственную торговлю солью и вооруженную конную охрану. Документ необычайно выразителен и ярко отражает социальное разложение Кирилловского общежития. В нем описывается, что тот Александр живет «не по чину по монастырскому, к церкви, государь, не ходит»... «и из казны и с погребов и с сушила всякие запасы... проводит к себе». «А в монастырь, государь, в Кирилов приехав меня игумена и старцев соборных лает блядиными детьми, а иных, государь, старцев и из собору выметал и к морю разослал... а прочую братию, служебников и крылошан, колет остном и бьет плетью без нашего игуменского и без старческого совету и на чепь и в железа сажает. И после нефимона на погребѣ пьет сильно и тебе, государю, хочет оговорити ложью старцев и всю братию, и от тех, государь, его побой и гроз братия бегут розно. Православный царь и государь, укажи нам, как с Олександром прожити... Государь, смилуйся, сыщи»⁴.

Нетрудно видеть дословное совпадение двух документов, причем поступки Александра выглядят вполне логично. Он боролся за власть и влияние, и у него, видимо, были сторонники: из 200 монахов, находившихся

² Там же, стр. 210.

³ Акты исторические, 1, СПб., 1841, № 212, стр. 404, 405; РИБ, XXXII, Прг., 1915. № 303, стр. 595—597.

⁴ РИБ, XXXII, стр. 595, 596.

в то время в монастыре, жалобу на Александра подписали только 48 человек⁵. Существование Александра подтверждают и другие монастырские документы. В 1582 г. у него была оставлена купленная в Москве явно тюремная принадлежность — «чепь о три ошейника» (не ее ли упоминает челобитная?), а в 1585 г. названный мастером старец Александр с учениками Омелином и Никитой расписал фресками Святые ворота⁶ (эти фрески и авторская подпись сохранились донныне). Не идет ли здесь речь об одном человеке — вооруженном феодале, энергичном властолюбце и художнике?

Перейдем, однако, от конкретной фигуры кпирилловского монаха к теме о совпадении двух челобитных. Это совпадение не могло явиться результатом эпистолярного или канцелярского штампа. Ведь совпали не только обороты речи, но и поступки двух незнакомых лиц, действовавших в разных местах и в разное время. Трудно вообразить, чтобы два средневековых русских художника проводили одинаково свою жизнь, одинаково ругаясь и пьянствуя на погребках и, словно по стандарту, рукоприкладствуя при помощи плети и жезла.

Несущественные отличия новгородской челобитной заключаются в упрощении ее коллизий, замене некоторых слов первоисточника: вместо «к морю разметал» — «в поле разогнал», вместо «проводит к себе в пустыню» — «проводит к себе в келью», в сочинении приписки о сыске вины. В остальном автор (или авторы) новгородской челобитной не затруднил себя придумками, а для полного правдоподобия копии он лишь расставил многоточия в некоторых местах текста, нарочито смазав главным образом имена. Кому-то, как видно, так понравилась скандальная слава старца Александра, что он решил отторгнуть ее от законного владельца и прилепить к более знаменитому персонажу русской истории.

Итак, со всей решительностью можно утверждать, что создатели гимовских псевдочелобитных хотя и были знакомы со средневековыми монастырскими документами, но, очевидно, не были современниками прославленного строителя Белого города Москвы и крепости Смоленска и ничего общего не имели с монахами Сквородского монастыря. Биографию Федора Коя следует оградить от этого фальшивого и во многих отношениях сомнительного и щекотливого сюжета и продолжать новые архивные поиски, только более осторожные и осмотрительные⁷.

⁵ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре. «Христианское чтение», СПб., 1908, июнь — июль, стр. 884.

⁶ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в., I, 1. СПб., 1897, стр. 61 и 195.

⁷ Примером умелого и критического отбора и использования документов о жизни и деятельности Федора Коя служит вышедшая в 1964 г. книга: В. В. Косточкин и н. Государев мастер Федор Ковь. М., 1964.

Критика и библиография

F. R. Allchin. Neolithic Cattle-Keeper of South India. A Study of the Deccan Ashmounds. Cambridge, 1963, 189 стр., 12 табл., 22 рис.

С каждым годом меняются наши представления об истории племен и народов, населявших Индию в древности. Теперь уже известно, что хараппская цивилизация не исчезает полностью и внезапно, и в некоторых местах, как, например, на Катхиаварском полуострове, прослеживается ее эволюция в постхараппскую культуру краснолощенной керамики¹. Приблизительно к этому же времени относится и расцвет целого ряда энеолитических культур, открытых в последние годы в Центральной Индии². Все эти открытия, освещенные у нас в ряде обзоров и работ³, касаются главным образом областей Северо-Западной Индии, т. е. территории, населенной в настоящее время народами индоевропейской лингвистической семьи. Значительно меньше изучена история другой части Деканского полуострова — Южной Индии, современное население которой представлено дравидийскими народами.

Что происходило на этой территории в то время, когда на северо-западе процветала хараппская культура, кто был современником городов долины Инда и Катхиавара и каково их отношение к становлению дравидийской общности? Все эти вопросы до последнего времени не находили ответа, и не только потому, что для этих областей нет таких источников, как Ригведа, а и потому, что изученность Южной Индии в археологическом отношении намного отставала от северо-западных районов страны⁴.

Поэтому особый интерес представляет вышедшая недавно книга известного исследователя Южной Индии Ф. Р. Олчина «Неолитические скотоводы Южной Индии», в которой автор в какой-то степени пытается дать ответы на поставленные выше вопросы. Она посвящена изучению так называемых «золных холмов» Южного Декана, историческая интерпретация которых долгое время была предметом дискуссии среди археологов. С проблематикой этих памятников и знакомит читателей Ф. Р. Олчин в первой главе своей книги (стр. 1—5). Хотя золные холмы были известны еще с начала XIX в., лишь Р. Б. Фут в 1872 г. впервые правильно определил их как места, связанные с неолитическими поселениями, а золу из них — как остатки сгоревшего

¹ S. R. Rao. Excavations at Rangpur and ether Explorations in Gujarat. AI, 18, 19, 1963, стр. 13—19; А. Я. Щетенко. Рец. «Ancient India...», СА, 1965, 4.

² H. D. Sankalia, S. B. Deo. Report on the Excavations at Nasik and Jorwe 1950—1951. Poona, 1955; H. D. Sankalia, B. Subbaram, S. B. Deo. The Excavations at Maheshwar and Navdatoli 1952—1953. Poona — Baroda, 1958; H. D. Sankalia and oth. From History to Pre-History at Nevasa. Poona, 1960; S. B. Deo, Z. D. Ansari. Chalcolithic Chandoli. Poona, 1965. Общие работы: B. Subbaram. The Personality of India. Baroda, 1958; R. E. M. Wheeler. Early India and Pakistan to Ashoka. New York, 1959; H. D. Sankalia. Indian Archaeology Today. Bombay, 1962; его же. Prehistory and Protohistory in India and Pakistan. Bombay, 1963.

³ В. М. Массон. Рец. R. E. M. Wheeler. Early India and Pakistan to Ashoka. New York, 1959, ВДИ, 1962, 3, стр. 178—182; его же. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 246—302; Г. М. Бонгард-Левин. Хараппская цивилизация и «арийская проблема». СЭ, 1962, 1, стр. 44—58; П. И. Борисковский и В. М. Массон. Рец.: H. D. Sankalia. Prehistory and Protohistory in India and Pakistan. Bombay, 1963; Вестн. ЛГУ, 1964, 20; А. Я. Щетенко. Энеолит Центральной Индии. СА, 1965, 2; его же. Энеолит Центральной Индии. Автореф. канд. дис. Л., 1965.

⁴ Если обратиться к «Всемирной истории», то это различие особенно заметно. Описанию хараппской культуры посвящена почти вся глава о древней Индии, тогда как культуры Южной Индии даже не упомянуты. Г. Ф. Ильин. Древнейшая Индия, Всемирная история, 1, М., 1955, стр. 422—430. Даже у Р. Е. М. Уилера в его последней общей работе южноиндийские древности освещены недостаточно. R. E. M. Wheeler. Early India and Pakistan to Ashoka, стр. 150—169.

навоза⁵. Тем не менее единого мнения по этому вопросу не существовало. Если одни исследователи дополняли своими наблюдениями точку зрения Р. В. Фута⁶, то другие интерпретировали зольные холмы по-своему⁷. Лишь анализы образцов золы, взятых из холмов, произведенные в 1953 г. профессором Ф. Е. Цейнером в Лондоне⁸, и наблюдения Ф. Р. Олчина во время раскопок Пиклихала в 1952 г.⁹ окончательно подтвердили правильность гипотез Р. В. Фута. Однако потребовалось еще десятилетие, прежде чем зольные холмы вошли в обиход как памятники неолитических скотоводов Южной Индии.

Этой большой и кропотливой работе по изучению зольных холмов и комплексов, связанных с ними, и посвящены четыре главы рецензируемой книги (стр. 6—87). В них автор рассматривает материалы, полученные при исследовании около 30 зольных холмов. Среди них особое место занимает Утнур, холм, который был исследован автором в 1957 г.¹⁰ и который дал интересные стратиграфические данные, позволившие выделить четыре последовательных периода в его существовании. Подобную же картину прослеживает автор и на других холмах, где зольные прослойки чередуются с различными интервалами. На памятниках этого типа, как правило, не сохранилось никаких следов от жилищ, лишь в некоторых слоях отмечены ямки для кольев. Анализы золы и пепла, приводимые в книге (стр. 82—87), еще раз подтверждают правильность определений Ф. Е. Цейнера.

Среди находок первое место занимает керамика, сделанная от руки или на вращающейся доске. Как правило, она серого цвета, грубой выделки, изредка с заплывающей поверхностью. Формы этой керамики довольно однообразны: круглодонные миски, горшки, чаши. Каменные изделия представлены двумя видами вещей. Это каменные топоры подпрямоугольных очертаний с округлыми сечениями и предметы пластинчатой индустрии: нуклеусы, пластины, отщепы. В целом небогатый инвентарь зольных холмов очень близко напоминает находки из неолитических поселений Южного Декана (Пиклихал, Брахмагири, Маски). Сопоставление неолитических поселений и зольных холмов приводит автора к выводу, что как те, так и другие принадлежали одной эпохе и оставлены людьми, основной хозяйственной деятельностью которых являлось скотоводство. Исходя из этого и используя им же разработанную шкалу относительной хронологии при работах в Пиклихале, Ф. Р. Олчин считает, что зольные холмы существовали как в раннем, так и в позднем неолите, но исчезли с появлением металла (стр. 158). В абсолютных датах это, по его мнению, 2000 г. до н. э. до 750 г. до н. э., первая из дат опирается на радиоуглеродное определение образца из Утнура (2160±150 г. до н. э.)¹¹, а вторая связывается автором с появлением железа.

Таким образом, зольные холмы Южной Индии представляют собой памятники неолитической эпохи. Этот вывод является главным в исследовании Ф. Р. Олчина, и его анализу он посвящает и остальные главы книги, стараясь влить конкретное содержание в это пока еще абстрактное понятие. Дело еще осложняется тем, что известные неолитические поселения отличаются от исследуемых памятников, и чтобы объяснить их различие, необходимо было высказать предположение об их разном назначении.

Для этого автор обращается к этнографическим примерам из жизни современных пастушеских племен (стр. 100—140). Эта интересная реконструкция культуры и быта неолитических скотоводов Южной Индии дается в двух последних главах (стр. 143—179) и коротко сводится к следующему.

Неолитические племена Южного Декана кроме своих главных поселений (Брахмагири, Маски), где в основном протекала вся их деятельность в течение года, имели еще временные сезонные пункты, которые устраивались в тех местах, где во время сухой зимы можно было содержать скот на подножном корму. С этой целью в лесных массивах устраивались загоны для скота, где животные находились в ночное время для защиты от хищников. Эти загоны представляли собой два параллельных ряда частокола, между которыми помещались пастухи, а внутри находился скот. С наступлением лета скот перегонялся на пастбища ближе к основному поселению, а скопившийся в загоне навоз сжигался, площадка выравнивалась, и загон был вновь готов для содержания скота. Такое регулярное сжигание и выравнивание и привело

⁵ R. V. Foote. Notes on some Recent Neolithic and Palaeolithic Finds in South India. JASB, LVI, 2, 1887, стр. 259—282.

⁶ R. Sevell. The Cinder Mounds of Bellary. JRS, нов. сер., XXXI, 1899, стр. 1—16; A. H. Longhurst. The Cinder Mound at Kudatini in the Bellary District. ARSI, 1912—1913, стр. 145—147.

⁷ G. Jazdani. Notes on a Survey of Neolithic Sites. ARHAD, 1935—1936, стр. 20; L. Woolley. Some Aspects of Problems in Indian Archaeology. JRS, LXXXVIII, 1940, стр. 191.

⁸ F. E. Zeuner. The Origin of the Cinder Mounds of Bellary District., BIA, II, 1959, стр. 37—44.

⁹ F. R. Allchin. Piklihal Excavations. Hyderabad, 1960, стр. 132, 133.

¹⁰ F. R. Allchin. Utnur Excavations. Hyderabad, 1961.

¹¹ IA, 1958—1959, стр. 11.

к образованию в течение тысячелетий зольных холмов, таких как Утнур, Гадур и др. Подобные же холмы образовывались и на постоянных поселениях, где скот содержался более продолжительное время. И примерами этого служат такие памятники, как Пиклихал, Сангана-калу.

Подтверждение своим выводам автор находит в топонимике района и в народных легендах, связанных с этими зольными холмами. Эти вопросы рассматриваются Р. Ф. Олчиным в отдельной главе (стр. 88—99). Существующие еще с прошлого века легенды приписывают зольные холмы кочевым скотоводам Lambadis, которые располагались лагерем в этих местах и жгли постоянные костры для отпугивания хищников. Но автор полагает, что истоки названий холмов лежат значительно глубже, что возникли они, возможно, еще в неолитическую эпоху. Как показывает топонимика, существуют по крайней мере два основных элемента, связанные с названиями холмов и деревень, расположенных рядом с ними. Первый — наиболее важный и характерный элемент, būdi, означающий зола, пепел. В дравидийских языках он встречается повсеместно: в тампльском — rūti, в телегу — bude, в каннара — būdi. Все они происходят от санскритского bhūti, vibhūti. Ф. Р. Олчин полагает, что существовало древнедравидийское слово, от которого могли произойти būdi и пр. Здесь он опирается на авторитет профессора Бароу, специалиста по этимологии дравидийских языков.

Второй элемент, часто встречаемый в наименованиях населенных пунктов — hal-li или hatti, связан с географическим расположением золы и означает «деревня».

Как первый, так и второй элементы в различных вариантах встречаются приблизительно в одних районах — это территория распространения современных дравидийских языков, а с другой стороны, область, заселенная в неолитическое время племенами скотоводов. Это хорошо показано на карте на стр. 95. Отсюда Ф. Р. Олчин вполне закономерно делает вывод о возможности соотнесения современных дравидийских народов с их неолитическими предшественниками. В целом такая постановка вопроса не противоречит существующим данным. Действительно, по крайней мере для II—I тысячелетия до н. э. мы видим уже сложившуюся границу между северными культурами с расписной керамикой и неолитическим югом. Она проходит где-то в областях бассейнов рек Кистна и Бхима. Но вопрос о происхождении неолитических предков дравидийских народов, как нам кажется, трактуется Ф. Р. Олчиным в свете последних археологических материалов довольно спорно.

Основные положения автора уже изложены в одной из ранее опубликованных работ¹² и повторены без изменений в заключительных главах (стр. 143—180). Они коротко сводятся к следующему. Какие-то пастушеские племена около трех тысяч лет до нашей эры двинулись из северо-восточного Ирана на восток (стр. 160). Пройдя через южные области Ирана, через Северо-Западную и Центральную Индию, они обосновались в Южном Декане. Причем автор считает, что они двигались со всем своим имуществом и скотом через области, уже освоенные другими племенами. Такое предположение о миграции скотоводческих племен было бы вполне оправданно, если бы на пути их вероятного движения были найдены комплексы, аналогичные неолитической культуре Южной Индии и датированные приблизительно тем же временем. Но таковые не обнаружены ни в Иране, ни в Северо-Западной Индии. Другие же памятники оседлоземледельческих поселенцев с прекрасной расписной керамикой, сделанной на гончарном круге, никоим образом не могут быть сопоставлены с матерьялами неолитических поселений Декана. И хотя автор видит сходство этих двух районов (Ирана и Южной Индии) в распространении там и здесь похожей кремневой индустрии и отмечает сходство керамики в промежуточном пункте в Лотхале, оба его довода выглядят малоубедительными. Во-первых, истоки пластинчатой кремневой индустрии незачем искать в Иране, поскольку она генетически связывается с предшествующими мезолитическими комплексами Южной Индии. Во-вторых, нижние слои Лотхала, с которыми автор проводит сравнение, являются хараппскими по своей природе и датируются около 2450 г. до н. э., т. е. почти на пять столетий позднее предполагаемого движения пастушеских племен из северо-восточного Ирана.

В свете последних данных, нам кажется, более вероятной другая гипотеза о происхождении неолитической культуры Южной Индии.

Неравномерность исторического развития Индии в III—II тысячелетия до н. э. проявлялась в том, что наряду с городской цивилизацией долины Инда существовал огромный пояс периферийных культур, находившихся на более низком уровне развития¹³. К этому кругу культур и принадлежали энеолитические и неолитические культуры Деканского полуострова. Близость городской цивилизации, экспансия которой на юге достигла Катхпаварского полуострова, оказала благотворное влияние на своих южных соседей. Уже к середине II тысячелетия до н. э. в областях Центрального Декана сложилась своеобразная оседлоземледельческая культура¹⁴. До этого

¹² F. R. Allchin. Excavations at Pichhal, стр. 139—142.

¹³ В. М. Массон. Культурно-хозяйственные зоны древней Индии. Сб. «Индия в древности», М., 1964.

¹⁴ А. Я. Щетенко. К проблеме происхождения энеолита Центральной Индии, Сб. «Индия в древности», стр. 47, 48.

проникновения влияния хараппской культуры весь Деканский полуостров представлял собой район, освоенный неолитическими племенами охотников-рыболовов, возможно, знакомых с зачатками земледелия и приручивших первых животных. Об этом свидетельствуют археологические комплексы, обнаруженные как на севере полуострова (Даймабад I, Бахал I^A), так и находки из неолитических поселений Южной Индии (Пиклихал, Сангана-калу II A). Кстати, об этом сходстве упоминает и Ф. Р. Олчин в своей книге, объясняя его культурными контактами, которые установили пастушеские племена, двигаясь через уже заселенные области. При этом, как считает автор, эти племена заимствовали из хараппских городов определенные виды скота (стр. 160). Кроме того, неолитические культуры Деканского полуострова имеют связь с мезолитическими комплексами, что было в свое время отмечено в Сангана-калу¹⁵ и в последние годы получило подтверждение при раскопках в Адамгархе¹⁶. Следовательно, имеются все основания допустить местное происхождение неолита Южной Индии, а ряд элементов материальной культуры — скотоводство, гончарный круг — можно объяснить заимствованием от северных соседей — племени Центральной Индии, которые в свою очередь получили их так же, как и культурные знаки, от хараппских поселенцев Катхиавара¹⁷. Несомненно, что при распределении этих культурных достижений определенную роль сыграла и географическая среда. Плодородные черные регуры Центрального Декана, которые до сих пор являются основой земледелия в этих районах, и благоприятный климат, более влажный, чем в настоящее время, как считают исследователи, способствовали развитию земледелия, отстранив скотоводство на второй план. Это вполне вероятно, так как хлеб частично шел, возможно, на экспорт в города Катхиаварского полуострова.

Дальше к югу, в бассейнах рек Годавара и Кистна, холмистые районы с обильной растительностью были более пригодны для скотоводства. Здесь-то и развивалась самобытная культура неолитических скотоводов, следы которой в виде зольных холмов привлекли внимание Ф. Р. Олчина.

Несмотря на то, что представление автора о процессе сложения этой неолитической культуры достаточно спорно, книга Ф. Р. Олчина имеет большое значение для древнейшей истории деканского полуострова. Впервые дана полная сводка малоизвестных материалов скотоводческой культуры из Южной Индии. Постановка же вопроса о связях этих неолитических поселенцев с современными дравидийскими народами указывает направление, следуя которому, в дальнейшем могут быть достигнуты известные успехи. В целом следует отметить, что исследование зольных холмов проведено на высоком научном уровне, а смелая реконструкция жизни древних обитателей Деканского полуострова, основанная на живых этнографических параллелях, делает книгу Ф. Р. Олчина ценным научным трудом, проливающим свет на некогда «темный» период в истории Индии.

А. Щетенко

¹⁵ B. Subbaga o. The Personality of India..., стр. 79, рис. 21.

¹⁶ IA, 1960, стр. 13; см. также распространение мезолитических комплексов у R. E. M. Wheeler. Brachmagiri and Chandravalli 1947. AI, 4, 1947—1948, app. B, рис. 51.

¹⁷ А. Я. Щетенко. К вопросу об индо-иранских связях в постхараппское время. Доклады и сообщения советских археологов. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966.

В. А. Фисенко. О происхождении и хронологии катакомбной культуры. (Учебное пособие по курсу истории СССР. Лекции по археологии). Саратов, 1966 г., 44 стр.

Быстрые темпы развития археологической науки обуславливают необходимость периодического переиздания и выпуска новых учебников и учебных пособий по курсу археологии для исторических факультетов высших учебных заведений страны. К пульсу развития археологии наиболее чуткими должны стать учебные пособия, посвященные отдельным актуальным вопросам этой науки. Выпускаемые в последнее время работы научно-популярного характера хотя и являются ценным подспорьем в учебном процессе для вузов, не имеющих специализации по археологии, тем не менее зачастую не могут заменить учебные пособия по отдельным проблемам науки. Такие пособия могут издаваться не только центральными, но и так называемыми «периферийными» вузами, где сложились группы квалифицированных исследователей, сочетающих полевые работы с успешной педагогической практикой. Свидетельство тому — рецензируемая книга В. А. Фисенко, выпущенная издательством Саратовского университета, в котором сложился один из основных центров изучения эпохи бронзы степи и лесостепи Восточной Европы во главе с проф. В. И. Сидицыным.

Учебное пособие В. А. Фисенко посвящено анализу важнейших проблем катакомбной культуры на территории Восточной Европы. Оно основывается на анализе большого количества русской, советской и зарубежной литературы и, главное, на значительном количестве богатейших материалов, полученных в результате исследований последних лет на юго-востоке катакомбного мира. В. А. Фисенко поставил перед собой задачу не популярного пересказывания имеющихся знаний по данному вопросу, а полемического рассмотрения многих спорных аспектов истории племей катакомбной культуры. Им высказывается ряд оригинальных заключений, которые явились плодом самостоятельных исследований. Именно поэтому учебное пособие В. А. Фисенко вполне может рассматриваться и как научное исследование. Правда, рамки пособия в отдельных случаях не позволили автору достаточно полно и убедительно аргументировать заключения.

В упрек В. А. Фисенко следует сказать, что он не дает характеристики специфических черт катакомбной культуры в целом и не останавливается на подробном анализе большинства локальных вариантов этой культуры, что необходимо для учебного пособия. В работе широко рассматривается катакомбная культура северо-западного Прикаспия. При определении территории катакомбной культуры (стр. 5) следовало остановиться на вопросе о возможной принадлежности к рассматриваемой культуре или на отрицании этой принадлежности населения значительных территорий Нижнего Поднепровья, как это сделано Т. Б. Поповой; населения, оставившего полтавские памятники, как это делают Б. А. Латынин и А. Я. Брюсов, и т. д. В связи с определением границ распространения памятников катакомбной культуры можно отметить и тот факт, что они есть севернее линии Курск — Липецк, о которой пишет В. А. Фисенко.

В учебном пособии подробно рассматриваются различные точки зрения на происхождение катакомбной культуры (миграционные теории и теория местного происхождения). В значительной степени на основе материалов с территории Волго-Донского междуречья В. А. Фисенко демонстрирует сложный процесс сложения катакомбной культуры северо-западного Прикаспия, в котором участвовали и группы пришлого населения с юга, и местные племена.

В целом автор выделяет в истории рассматриваемого населения три периода: ранний (2200—1900 лет до н. э.), средний (1900—1500 лет до н. э.), поздний — до конца эпохи бронзы. Не возражая против такой хронологической периодизации, нам хотелось бы усомниться в правомерности выделения раннего этапа этой культуры, когда, по признанию самого исследователя, хотя и намечались, но еще окончательно не оформились (стр. 20) ведущие черты катакомбной культуры. Это скорее время сложения культуры, нежели этап собственно катакомбной культуры.

Говоря о древности катакомбных памятников в Прикаспии, нельзя полностью отрицать возможность раннего возникновения памятников катакомбной культуры в бассейне Северного Донца, как это делает В. А. Фисенко. И уж если он возражает при этом против доводов Л. С. Клейна, то необходимо высказывать и свои аргументы, чего в работе нет. Отрицание древности ранних памятников катакомбной культуры в бассейне Северного Донца и некоторых других районах ее распространения ведет к тому, что В. А. Фисенко, в общем бездоказательно, утверждает, что на стыке раннего и развитого этапов катакомбной культуры это население из северо-западного Прикаспия продвигается в бассейн р. Медведицы, Иловли, Северного Донца и других территорий (стр. 23).

В связи с этим можно обратить внимание на значительное различие северо-западного, прикаспийского и донецкого вариантов катакомбной культуры, что довольно трудно объяснить, исходя только из продвижения катакомбной культуры на север из близлежащих к Кавказу районов. Видимо, недалеко уже то время, когда нам придется признать различие условий формирования катакомбной культуры на территории отдельных ее локальных вариантов. Так, относительно донецкого варианта, оказавшего влияние на формирование донского варианта катакомбной культуры, можно вспомнить гипотезу Л. С. Клейна о «западном» его происхождении.

Не совсем понятно и то, почему автор совершенно не говорит о памятниках с многоваликовой керамикой, распространившихся в период средней бронзы не только на большей части территории катакомбной культуры предшествующего периода, но и за пределами этой территории. Если автор не согласен с отнесением многоваликовых памятников к позднему варианту катакомбной культуры, то надо было бы остановиться на критическом анализе взглядов сторонников катакомбной принадлежности памятников с многоваликовой керамикой (Г. В. Подгаецкий, Т. Б. Попова, П. Д. Либеров и др.).

Не вызывает возражения тезис автора о доживании катакомбной культуры на ряде территорий вплоть до раннего железного века. В. А. Фисенко справедливо указывает на большую сложность изучения памятников катакомбной культуры, непосредственно предшествующих периоду раннего железного века, когда группы населения катакомбной культуры не только сосуществовали на одной территории с инокультурными племенами, но и частично ассимилировались последними. К тому же, возможно, именно в это время материальная и духовная культура населения совершила тот скачок, который обусловил переход его в письменный период истории.

Наряду с отдельными замечаниями научного характера, можно отметить и другие недостатки. Не совсем понятно, почему рецензируемая работа выходит под рубрикой учебного пособия по истории СССР, между тем как это учебное пособие к курсу «Основы археологии»? К тому же она нужна больше не студентам-заочникам, а студентам стационара.

На наш взгляд, в учебном пособии, написанном в целом хорошим языком, не меняя структуры работы, можно было наметить отдельные подразделения, которые бы не только упростили изучение его студентами, но и акцентировали внимание последних на наиболее важных вопросах темы.

Пособие излишне перегружено сносками на литературу. С другой стороны, в самой книге и в списке рекомендованной литературы отсутствуют крайне важные для темы исследования Г. В. Подгаецкого¹, Л. С. Клейна² и других авторов.

Есть и более мелкие недочеты. Это, прежде всего, отдельные неудачные выражения. Например, переселенцев рассматриваемого периода вряд ли следует называть эмигрантами (стр. 37). Выражение «заупокойный инвентарь» (стр. 36) может быть заменено выражением «погребальный инвентарь».

Указанные замечания ни в коем случае не снижают ни научной ценности работы, ни значения ее как учебного пособия. И можно только приветствовать инициативу, проявленную автором и Саратовским университетом.

А. Д. Прягин

¹ Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону. Рукопись диссертации. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35; ф. 47.

² Л. С. Клейн. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961; его же. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур. СА, 1962, 2.

Э. Б. Вадецкая. Древние идолы Енисея. М.—Л., 1967, 78 стр., 22 табл. илл.

Каменным изваяниям Минусинского края посвящена обширная литература, и около ста из них давно опубликованы. Установилось мнение, что они характерны для так называемой карасукской культуры Минусинского края. После находки А. Н. Липским в позднеафанасьевском могильнике могильных плит, сколотых со скалы с писаницами, которые были сходны по некоторым мотивам с изображениями на каменных изваяниях, автор этих раскопок и С. В. Киселев датировали их доафанасьевским энеолитическим временем. Как известно, С. В. Киселев афанасьевскую культуру отнес к концу III — началу II тысячелетия до н. э., а позднейшую андроновскую культуру — к 1700—1200 гг. до н. э. Плиты с подобными же изображениями были позднее найдены и в могильнике окуневского времени на р. Черновая Минусинского края. Описывая последние, Э. Б. Вадецкая в статье, опубликованной в журнале «Советская археология» (1965 г., № 4), связала их с окуневским и позднеафанасьевским временем, а поскольку изображения на этих плитах были сделаны раньше, чем они были использованы для сооружения могил, то и каменные изваяния она датирует началом II тысячелетия до н. э.

В 1967 г. под редакцией М. П. Грязнова вышла в свет брошюра Э. Б. Вадецкой «Древние идолы Енисея», посвященная каменным изваяниям. Брошюра иллюстрирована 22 рисунками в тексте и 22 таблицами, великолепно выполненными издательством «Наука».

Эта работа, хотя она и не из серии «популярной литературы», издана в количестве 6000 экземпляров и явно претендует на распространение за рубежом, так как ее текст отпечатан на русском и французском языках. Непонятно только, почему во французском тексте нет ссылок ни на рисунки, ни на таблицы; нет и французского перевода подписей под рисунками и таблицами. Под некоторыми рисунками и таблицами проведены масштабные линейки, но размеры не указаны.

Поскольку в этой работе сделана попытка раскрытия «тайны» каменных изваяний (их семантика и т. д.) и поскольку автор не согласен с заключениями ряда исследователей, изучавших данные памятники, на брошюре Э. Б. Вадецкой следует остановиться подробнее.

Начнем с основного вопроса — о времени сооружения изваяний. Как сказано выше, прежде они датировались карасукским временем. После находки в одном из могильников андроновского времени двух костяных пластинок с рисунками, сходными с изображениями на каменных «идолах», было высказано мнение, что сооружение изваяний относится ко времени андроновской культуры. Наконец, после раскопок могильников афанасьевского времени происхождение каменных богов древнего Ени-

сея, казалось, было выяснено. В могилах находились предметы оригинального искусства древних обитателей хакасско-минусинских степей, а именно: каменные женские головы, выгравированные на кости плоские изображения таких же голов и плиты с изображениями, подобными изваяниям. Как давно они сделаны? Эта задача считается Э. Б. Вадецкой разрешенной. Судя по времени сооружения могил и найденным в них предметам, она считает, что нас отделяет от создателей этих высокохудожественных произведений 4000 лет. Замечательным открытием при раскопках упомянутых древних кладбищ явились фантастические изображения человеческих лиц. Со стенок и крышек ящичков-гробов смотрели на археологов трехглазые боги в странных головных уборах, похожих на «короны», выбитые глубокими и широкими желобками. Плиты эти были использованы уже вторично, как материал для сооружения ящичков.

Таким образом, после анализа стиля изображений на изваяниях и на плитах из могил с предметами афанасьевской и андроновской культуры, предполагая, что изображения на плитах были сделаны до сооружения могил, в которых они найдены, автор приходит к заключению: «сибирские изваяния по древности старше на 2000 лет всемирно известных на о. Пасхе».

С этими выводами нельзя согласиться по двум соображениям.

По-первых, плиты, использованные для сооружения упомянутых могил, происходят не из «капищ» ненужного в данное время «святилища», а сколоты со скалы, на которой были высечены писаницы. Подобных писаниц из Минусинской котловины известно много, происхождение их неизвестно, и изображения на них разнообразны и разновременны. Так, на писанице, приведенной на табл. 18 рассматриваемой брошюры, только кольца с кружком посередине по технике выполнения могут быть сопоставлены с подобными же кольцами на изваяниях; изображение же «фантастического животного» ни по стилю, ни по технике выполнения никак не может сравниваться с изображениями на каменных изваяниях. Кстати, подобное же изображение зверя известно на одном из эстампажей писаниц Минусинского края, воспроизведенном в статье «Древние изваяния Минусинских степей» (Материалы по этнографии России, т. IV, вып. 2, Л., 1929, рис. 9). Следовательно, обломки писаниц, обнаруженные в могилах, не могут служить для датировки самих могил.

Во-вторых, абсолютный возраст тех погребений, в которых найдены плиты, т. е. погребений афанасьевской культуры (окуневский этап), составлял, по мнению автора, начало II тысячелетия до н. э. Между тем, многочисленные радиоуглеродные определения абсолютного возраста могил, которые археологи считают афанасьевскими или андроновскими, указывают на их возраст в широких пределах от XVII в. и по крайней мере до III в. до н. э.

В главе «Как плиты с божествами попали в могилу» Э. Б. Вадецкая, считая, что изображения на плитах и каменных изваяниях не что иное, как божества, пытается на основании некоторых сведений о верованиях коренного населения Сибири доказать непочтительное отношение народов Сибири к «идолам». Однако приводимые ею примеры неубедительны, поскольку она, видимо, мало знакома с этнографической литературой. Так, например, упоминая об изображениях умерших у хантов, она пишет, что «принесли им жертвы, а затем по истечении определенного срока зарывали в землю... предполагая, что его (умершего) тело сгнило и вместе с тем закончилось и его бессмертие». В действительности же обские угры и ненцы не приносили жертвы изображениям умерших родственников, в том числе и детям, а кормили их и обращались как с живыми (жены клали изображения своих мужей вместе с собой в постель) и по прошествии известного срока не зарывали в землю, а хранили в особых семейных избушках, продолжая кормить их, а курящих при жизни снабжали табаком и трубками.

«Наступило время,— пишет автор,— выяснить, что скрывается за человекообразными личинами: боги или люди, что означает третий глаз, полоса на лице, «корона», звериные рога и уши». Учитывая, что на некоторых изваяниях можно найти следы красной краски, а также принимая во внимание, что красные полосы и точки на лбу наблюдались на некоторых черепах из раскопок соответствующих могил, автором дается приемлемое заключение об обычае окраски лица со ссылкой о наличии подобного обычая у «андаманезянок и атапаских племен».

Проще было бы сослаться на раскрашенные маски из погребений таштыкского времени в Минусинском крае. По мнению Э. Б. Вадецкой, звериные рога в сочетании с длинными ушами и длинной вертикальной лентой различных форм, идущей вверх от лба — «это украшение какого-то высокого головного убора, венчающего головы большинства енисейских идолов. А тайна третьего глаза — это не глаз, а какой-то магический знак».

По мнению автора, «все идолы олицетворяют женщин». Напомню, что С. В. Киселев (Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949) в человеческих изображениях на каменных изваяниях видел лица родовых предков, старейшин, и притом, кроме четырех, изображающих женщин, все остальные изображения считал мужскими.

Теперь о названии каменных изваяний: боги или идолы. Не известно, какое понятие вкладывает автор в слово «идол». Если исходить из этнографических данных, их нельзя назвать «богами». Если у какой-либо народности Сибири существовало представление о каком-то верховном божестве (небе или творце вселенной), то не

имелось его изображения. Имелись чтимые изображения всевозможных духов, но это не были боги, и они не обязательно имели человеческий образ.

Датировка изваяний Минусинского края афанасьевским или андроновским временем вызывает естественный вопрос: почему же при достаточно широком распространении памятников афанасьевской и андроновской культур мы нигде, помимо Минусинского края, не встречаем подобных каменных изваяний? Вероятно потому, что они появились в Минусинской котловине только с приходом туда с юга народа динлинов или динлинов китайских хроник, прославленных литейщиков, принесших с собой и в этот край ярко выраженную бронзовую культуру (так называемую карасукскую, а со второй волной динлинов — тагарскую). Эта мысль была высказана С. В. Киселевым в упомянутой выше работе, а затем развита им в статье «К изучению минусинских каменных изваяний» (1962 г.). В своей первой работе, рассматривая стилистические особенности каменных изваяний, С. В. Киселев обратил внимание на широкое применение символических изображений, характерных для эпохи шань-инь и раннего чжоу в Китае. Среди изображений на изваяниях С. В. Киселев видел личины китайских тао-те. Змеевидные орнаменты, помещающиеся над головой минусинских изваяний, сопоставлялись им с изображениями ползущих ящеров, встречающихся в китайских орнаментах. Среди последних имеются и четырехугольные звезды с кругом в центре и ромбы на середине лба (третий глаз). В позднейшей работе С. В. Киселевым приведена фотография одной чаши с росписью в виде рогатой личины со стоянкой Бань-по около г. Спань. Чаша эта отличается, как и минусинские личины, горизонтальным делением лица на три зоны, наличием рогов и треугольной фигуры над головой, а также треугольником на подбородке. Эти сопоставления показывают, что возникновение образцов, столь характерных для каменных изваяний Минусинского края, связано со сложным миром символических изображений в памятниках Древнего Китая.

Среди подробных сообщений китайских источников о динлинах нет упоминаний об их идеологии и о каменных фигурах, но чтобы уяснить значение изваяний из Минусинского края, следует ожидать дальнейших археологических исследований в Китае, в частности в бассейне Желтой реки (Хуанхэ), откуда динлины в I тысячелетии до н. э. были вытеснены китайцами на север.

С. И. Руденко

М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, 176 стр., тираж 1000 экз.

Посмертное издание работы преждевременно скончавшейся в 1963 г. научного сотрудника Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР кандидата исторических наук Милицы Ивановны Пикуль представляет собою первое для территории Дагестана обобщение памятников раннего железного века, абсолютное большинство которых было открыто и исследовано самой М. И. Пикуль на протяжении 15 лет ее научных изысканий в этом районе Кавказа. И если до сих пор наши знания о древностях I тысячелетия до н. э.— IV в. н. э. в Дагестане почти полностью исчерпывались материалами известных Таркинского и Карабудахкентских могильников, то теперь в число полноценных археологических источников введено еще полтора десятка могильников и поселений, существовавших в различные периоды раннего железного века. Книгой М. И. Пикуль восполняется существующий пробел в древней истории Дагестана.

Основное содержание работы М. И. Пикуль изложено в трех главах. Подобная трехчленная структура монографии обусловлена верной авторской периодизацией культуры Дагестана эпохи раннего железа. В каждой из глав дается подробная характеристика вновь открытых памятников и выясняются специфические особенности культуры края, взаимосвязи его племен с населением соседних областей. Небольшая первая глава («Переходный период от эпохи бронзы к эпохе раннего железа») представляет собою тщательный анализ материалов Нижнесигитминского поселения, Зандакского (бывш. Дагбашского) и более позднего Мугерганского могильников. Хорошо мотивированная датировка этих объектов позволила М. И. Пикуль доказать, что переходный период в Дагестане охватывает последний век II тысячелетия — первую четверть I тысячелетия до н. э. Его длительность объясняется трудностью освоения технологического процесса плавки железа и несовершенством на первых порах изготавливаемых железных предметов (стр. 32). За ограниченностью материала вполне понятна осторожность исследователя в выводах и заключениях. Но мнение автора о том, что «культура населения этого времени связана своим происхождением с каякентско-харачоевской культурой эпохи поздней бронзы Дагестана» и что она «развивалась не изолированно, а в тесном общении с племенами Закавказья» (стр. 33), представляется правильным. Следует только оговорить спорность сформулированного в данной главе и неоднократно повторенного далее тезиса о бытовании каякентско-харачоевской культуры Северо-Восточного Кавказа только в бронзовом веке.

Верхняя датировка каякентско-харачоевской культуры ныне еще далеко не ясна, и это прямое следствие слабой изученности горных и предгорных районов Дагестана и юго-восточной Чечни, где археологические памятники раннего железного века лишь становятся объектом исследований. Однако уже сейчас мы располагаем рядом могильников в Чечне (у сел. Бети-Мохк, Галайты, Яман-Су, Балан-Су, Ялхой-Мохк)¹, которые, будучи датированными временем с VII—VI вв. до н. э. и вплоть до рубежа нашей эры, проявляют большую близость (и в погребальном обряде, и в составе инвентаря) к гробницам западного варианта каякентско-харачоевской культуры. Близость эта столь разительна, что позволяет ставить вопрос об этногенетической и культурной преемственности местного населения на всем протяжении эпохи раннего железа. Конечно, поздние памятники отличаются от классических «харачоевских» эталонов, но это и естественно, учитывая эволюцию культуры горцев в новых исторических условиях раннего железного века.

Аналогичную картину мы видим и на Центральном Кавказе, где погребения в «колодцах» последних веков до нашей эры в Северной Осетии достаточно отличны от «кобанской классики» начала I тысячелетия до н. э., но вместе с тем они сохраняют (в видоизмененной форме) черты погребального обряда и основных бытовых предметов, связанные с кобанскими образцами. В этом и проявляется генезис местной культуры, определяемый исторической судьбой ее носителей². Подобный процесс для территории каякентско-харачоевской культуры только начинает проясняться, но и имеющихся фактов (особенно для западных районов) достаточно, чтобы с сомнением отнестись к попыткам ограничить историю данной культуры на всей ее исторической площади только рамками бронзового века.

Сказанное согласуется с материалами дагестанских могильников и поселений VII—IV вв. до н. э. («Первый период эпохи раннего железа»), которые рассмотрены во II главе книги М. И. Пикуль. Источниковедческую базу этого раздела составляют скрупулезно проработанные материалы Хабдинского (нижний ярус) могильника, Аркасского и Макинского поселений. Уверенная датировка впервые публикуемых памятников, сопоставление результатов их раскопок с обширным кругом синхронных древностей всего Кавказа и Юго-Восточной Европы, пристальное внимание к деталям вновь открытых исторических источников делают эту главу (основную в книге) хорошим пособием для археологов-кавказоведов.

Одним из центральных вопросов, решаемых М. И. Пикуль во II главе, является вопрос о степени и характере влияния на аборигенов-горцев «скифской» (в широком понимании) культуры степей Восточной Европы. Эта задача тем актуальнее, что в отличие от остальных районов Северного Кавказа, по которым уже имеются обобщения по данной проблеме³, в Дагестане разработка ее лишь начинается, и это начало положено М. И. Пикуль. Она справедливо отметила: «Применительно к истории народов Дагестана скифский вопрос до сих пор рассматривался только в одном аспекте: соответствовало ли истине утверждение Геродота, что... скифы прошли побережьем Каспийского моря...» (стр. 109). Солидаризируясь с теми, кто положительно отвечает на этот вопрос⁴, М. И. Пикуль впервые вводит в научный оборот солидный фактический материал, проливающий в определенной мере свет на «скифо-дагестанские» отношения VII—IV вв. до н. э.

Внимательно исследуя следы «скифского» влияния, она приходит к правильному заключению, что заимствование горцами элементов степной культуры шло в основном за счет усвоения знаменитой «скифской триады» (оружия, конской сбруи и звериного стиля), выделенной в свое время Б. Н. Граковым. Эти заимствования, бьющие в глаза на местном фоне Хабдинского могильника и Аркасского поселения, численно, однако, не очень велики, порою даже эпизодичны, что не свидетельствует о столь уж высокой степени переформирования местной культуры под воздействием «скифских» племен.

Очень интересным представляется вывод М. И. Пикуль, что «распространение влияния скифской культуры преимущественно относится не ко времени прохождения скифов через дагестанскую территорию, а к V—IV вв. до н. э.» (стр. 110). Плодотворна и мысль о том, что влияние это в V—IV вв. до н. э. было не всегда непосред-

¹ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, 84, 1961; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, 1; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник «Яман-Су» на границе Чечни и Дагестана. Археолого-этнографический сборник. II, Грозный, 1968; а также отчеты В. И. Марковина и В. Б. Виноградова в общих отчетах СКАЭ за 1965—1966 гг.

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Е. П. Алексеева. Поздняя кобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. н., 13, Л., 1949.

³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

⁴ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. ВССА, М., 1954; В. Б. Виноградов. О скифских походах через Кавказ. Тр. ЧИНИИ, IX, Грозный, 1964.

ственным. «Исследования последних лет показали особо тесные и более или менее постоянные связи населения нагорного Дагестана с племенами восточного Предкавказья (Нестеровское, Луговое, Исти-Су)... Именно от них и были восприняты скифские наборы конской сбруи (Аркас) или скифский тип вооружения (Хабада)» (стр. 110). Однако нельзя согласиться с тем, что автор трактует названные памятники как памятники «с типичной скифской культурой, слившейся с местной...» (стр. 107), и противопоставляет им в этом плане горнодагестанские объекты. С другой стороны, справедливо заключение, что «население Дагестана сохранило глубокие местные традиции и это проявляется в керамике, украшениях и других предметах материальной культуры» (стр. 110). Последняя характеристика полностью приложима и к упомянутым памятникам Чечено-Игушетии, в которых абсолютно преобладают местные культурные традиции, и, хотя, безусловно, влияние степняков здесь заметнее, оно вовсе не господствует в этнокультурном смысле⁵.

Между прочим, зафиксированные памятниками тесные взаимосвязи населения горного Дагестана и Восточного Предкавказья, усилившиеся в скифское время, объективно противоречат мнению М. И. Пикуль о невозможности отгонного скотоводства в эти века (стр. 102). Напротив, устойчивая ориентация связей горных дагестанских племен на северных соседей (степняков) совпадает с традиционными путями ийлажского скотоводства. Уяснение степени влияния северных культур на обитателей Дагестана позволило автору еще раз провозгласить самобытность местной культуры VII—IV вв. до н. э. Подробный анализ погребального обряда могильников и вещественных находок в захоронениях и на поселениях выявил пути дальнейшей эволюции древних культурных традиций. Они в это время претерпевают заметные изменения, выразившиеся в появлении новых, прежде неизвестных черт похоронного ритуала (замена прежнего способа захоронения в каменных ящиках погребениями в простых грунтовых могилах), а также новых по форме и назначению орудий труда, оружия и глиняных сосудов. Эти довольно значительные перемены убедительно объясняются М. И. Пикуль, во-первых, как следствие внутренних социально-экономических процессов, сопутствующих глубокому внедрению железа в быт горцев, и, во-вторых, как результат усиления межплеменных общений, закономерного при строе так называемой военной демократии. Вместе с тем на протяжении всей главы многократно подчеркиваются те существенные компоненты местной культуры VII—IV вв. до н. э., которые ведут свое происхождение от каякентско-харачоевских памятников конца бронзового века и, неразрывно переплетаясь с новыми элементами в материальной и духовной жизни дагестанских племен, доказывают прямую этнокультурную преемственность населения Восточного Кавказа (стр. 75, 87—88, 91—92, 104—105 и др.) от культуры предшествующих эпох.

Правильное осмысление этой «выросшей на основе поздней бронзы культуры раннего железа» (стр. 112) дает ключ и для понимания второго периода (III в. до н. э.—III в. н. э.) исследуемой эпохи в Дагестане (глава III). Этот период знаменуется установлением тесных контактов местных племен с ираноязычными сарматами, племенные союзы которых начиная с III в. до н. э. контролируют степные районы Предкавказья и используют прибрежный Дагестан как военно-торговую дорогу на юг⁶. Сущность этих контактов исследуется М. И. Пикуль на основе изучения не только уже известных Таркинского, Карабулахкентских и Хабадинского (верхний ярус) могильников, но и совершенно новых объектов (Годатлинский, Новолакский, Количевский, Ленинкентский могильники, Новолакское, Бавтугайское, Аркаское, Ново-Надежденское поселение и др.), расположенных почти во всех (кроме высокогорных) районах Дагестана. Степень изученности памятников различна, но первая сводка их и глубокий анализ сделали возможным создание общей картины местной истории этого времени.

М. И. Пикуль очень чутка к вопросу сарматского проникновения в Дагестан. Составляя археологические памятники прибрежной плоскости, она доказывает, что «в северной части Дагестана сарматское влияние было очень сильным, а материалы Таркинского могильника свидетельствуют, что в средней части побережья влияние сарматов не было всеобъемлющим и количественно здесь преобладают не сарматские формы» (стр. 167). Дальше на юг картина еще определеннее: «Южнее Тарков влияние культуры сарматов ослабевало по мере приближения к восточному Закавказью», и, например, в Ленинкентском могильнике I—II вв. «следов влияния сарматской культуры не было обнаружено» (стр. 147).

Показав, что пришедшая сарматская культура на равнине не смогла ассимилировать местную (несмотря на смешение части сарматов с аборигенами), автор выясняет и степень влияния (значительно меньшую, чем на равнине) степняков на племена нагорного Дагестана. В Хабадинском и Годатлинском могильниках М. И. Пикуль усматривает появление новых черт ритуального обряда (захоронение в узких могилах, в вытянутом положении, с кистями рук на тазовых костях, посыпка мелом,

⁵ В. Б. Виноградов. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром. Тезисы докладов на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1966.

⁶ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

символическая замена целого предмета его частью, обычай класть обезглавленного барана в могилу и т. д.), которые справедливо сопоставляются с сарматской культурой Нижнего Поволжья и Приуралья. В инвентаре могил отмечены и вещи (оружие, керамика, украшения и т. д.) сарматского типа. Однако не они определяют лицо местной культуры в горах. Здесь мы видим большое тяготение обряда и инвентаря памятников к древностям предшествующего периода. Это «указывает на глубокую генетическую связь с древней местной культурой» (стр. 165).

И совершенно прав автор, когда настойчиво проводит мысль о том, что «культура Дагестана первых веков нашей эры появилась на основе культуры эпохи поздней бронзы, что можно заключить по изменению форм материальной культуры и длительному переживанию традиций в обычаях, обрядах, типах погребальных сооружений, бытовом инвентаре, оружии, украшениях» (стр. 161). В свете сказанного нуждается в некотором уточнении лишь итоговый вывод книги: «Тщательное исследование археологических материалов показало, что в случаях инфильтрации иноплеменной сарматской струи местная, достаточно сильная, не исчезает» (стр. 173). Местная культура (а не струя!) не только не исчезает, но раз от разу выходит победительницей из столкновений со степными культурами скифов и сарматов, обогащаясь заимствованием какой-то части их элементов.

Итак, по мысли автора, даже каякентско-харачоевская культура не исчезла вместе с бронзовым веком, но, видоизменяясь в соответствии с новыми историческими условиями, продолжала свою эволюцию подобно соседней и родственной ей кобанской культуре Центрального Кавказа. Проследить конкретные этапы этой эволюции — дело будущего, но можно думать, что они в целом совпадут с периодами, выделенными для эпохи раннего железа Дагестана (М. И. Пиккуль) и более западных районов⁷.

Памятники, опубликованные в рецензируемой книге, и все увеличивающиеся численно синхронные им объекты в юго-восточной Чечне станут серьезной историко-этнографической базой для подобной работы.

В последней главе труда М. И. Пиккуль постоянно присутствует еще одна проблема — отношение населения Дагестана к Кавказской Албании. Автор абсолютно права, утверждая, что «из-за недостаточной изученности памятников албанско-сарматского времени в настоящее время пока невозможно окончательно решить вопрос о времени вхождения Дагестана в состав Кавказской Албании» (стр. 173).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что выпуском в свет монографии М. И. Пиккуль отдана дань глубокой признательности советских археологов безвременно ушедшему из жизни товарищу.

⁷ Е. П. Алексеева. Ук. соч., стр. 191—257; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.

В. Б. Виноградов

П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. Археология СССР. Свод археологических источников, Д 1-32. «Наука», М., 1967, 48 стр., 25 табл. илл. Тираж 1600 экз.

Еще в 50-е годы Н. Ф. Калинин было отмечено определенное своеобразие городищ и селищ середины I тысячелетия н. э. в Среднем Поволжье, которые он считал вариантом позднегородецкой культуры, сложившимся при значительном участии прикамского компонента¹. Эти памятники он назвал именьковскими и высказал предположение об их восточнобуртасской этнической принадлежности, не нашедшее, впрочем, последователей². Такая культурная интерпретация именьковских поселений была поддержана рядом других исследователей, которые единодушно отнесли их к числу памятников финно-угорских племен³. В. Ф. Генингом именьковские памятники без особой аргументации были выделены в самостоятельную культуру, которую он первоначально также считал финно-угорской по этносу⁴. Позднее В. Ф. Генинг стал

¹ Н. Ф. Калинин. Древнейшее население Татарии. История Татарской АССР, I. Казань, 1951.

² Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, 80, 1960.

³ А. М. Ефимова. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР. МИА, 111, 1962; Б. Б. Жиромский. Древнеродовое святилище Шолом. МИА, 61, 1958; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952; его же. Древняя и средневековая история Ульяновского края в свете новых археологических данных. Ульяновск, 1955; его же. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961; его же. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. «Историко-археологический сборник», Казань, 1962.

⁴ В. Ф. Генинг. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа. Тезисы докладов на конференции по археологии народов Поволжья в Казани. М., 1956; его же. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. КФАН, сер. гуманитар. н., 2, Казань, 1959.

приписывать именьковские памятники тюркам⁵. К этому же, по-видимому, склоняется и А. Х. Халиков⁶. Особого мнения об этносе именьковских древностей, в число которых включаются, кстати, и памятники по средней Суре, придерживается П. Д. Степанов, связывающий их с древними угро-мадьярами⁷. Дискуссия о закономерности выделения самостоятельной именьковской культуры и ее этнической принадлежности далеко не закончена. Этому сложному и спорному вопросу и посвящена рецензируемая книга. Автор поставил своей задачей собрать и обобщить все имеющиеся данные об именьковских памятниках и привести их культурно-этническую интерпретацию на более широкой источниковедческой базе, чем это делали его предшественники.

Книга состоит из «Введения», где рассматриваются цели работы и подробно излагается история исследования памятников именьковского типа, трех глав и «Заключения». Последнее, несмотря на относительно небольшой объем, имеет особо важное значение: в нем сконцентрированы основные исторические выводы автора о хронологии, культурной и этнической принадлежности именьковских памятников, о происхождении и судьбах именьковских племен. Книга снабжена полным списком памятников, отнесенных автором к именьковской культуре, и их алфавитным указателем, достаточно хорошо иллюстрирована. К ней приложен исчерпывающий список литературы по данной проблеме. Как это и обычно для «Сводов археологических источников», в серии которых издана книга, решающее место в ней уделено источниковедческой части. Это и лучшая ее часть. П. Н. Старостин тщательно собрал и систематизировал буквально все археологические данные по интересующему его вопросу, как опубликованные, так и неопубликованные, хранящиеся главным образом в ГИМ и Государственном музее Татарской АССР, а также в кабинете археологии Казанского университета и Казанском институте литературы, языка и истории АН СССР. Широко использованы архивные данные, включающие полевую документацию, отчеты и т. п. Следует заметить, что значительная часть материалов, положенных в основу исследования, получена в ходе полевых работ самого автора или при его участии. Книга, таким образом, подводит итог большой исследовательской работе.

В главе I («Территория, поселения и погребальный обряд») определяется территория, занятая, по мнению автора, именьковской культурой. Это сделано без приведения характерных признаков культуры, на что он обращает внимание позднее. Обстоятельную характеристику в этой главе получили городища и селища. Дана их классификация, отмечены закономерности топографического размещения, детально анализируются укрепления. Автор подробно описывает и классифицирует сооружения на именьковских поселениях: земляночные и полуземляночные жилища, очаги, не связанные с жилищами, хозяйственные ямы. Характеристика других сооружений, меднолитых мастерских и сыродутных горнов, дается в главе III в связи с рассмотрением хозяйства именьковских племен. Убедительны соображения автора о том, что значительная часть выявленных хозяйственных ям служила для хранения зерна, и это наряду с другими данными подчеркивает большую роль земледелия в хозяйстве именьковцев. В той же главе дается характеристика Рождественского могильника, единственного пока могильника рассматриваемого времени в Среднем Поволжье, который, по мнению автора, оставлен именьковскими племенами.

Глава II («Вещевой комплекс») посвящена характеристике вещевого материала именьковских памятников — орудий труда, оружия, принадлежностей костюма, украшений и т. п.

В главе III дается характеристика хозяйства и общественных отношений именьковских племен. Кроме собственно археологических данных привлекается остеологический и палеоботанический материал. Здесь охарактеризовано достаточно высоко развитое для своего времени земледелие, животноводство, черная и цветная металлургия, охота и рыболовство. Важно отметить, что именьковцы одними из первых в Среднем Поволжье и Прикамье перешли к пашенному земледелию. Можно вполне согласиться с автором, что успехи хозяйственного развития, и в частности переход к пашенному земледелию, привели к значительным сдвигам в общественных отношениях, к созданию экономических условий для выделения малых семей.

В результате автором созданы наиболее полная и подробная сводка всех материалов памятников именьковского типа и стройная их классификация.

К рассмотренным главам следует сделать и некоторые замечания. Автор относит к именьковской культуре 336 памятников, среди которых 44 городища, 261 селище, 30 местонахождений и 1 могильник (стр. 9). Однако большинство памятников исследовано лишь путем сбора подъемного материала, иногда — шурфовки. Поэтому у читателя не создается полной уверенности в правомерности отнесения всех этих памятников к именьковским. Сам автор указывает в качестве «опорных», т. е. наиболее хорошо изученных, лишь 8 памятников (стр. 8). Это свидетельствует, что, не-

⁵ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, 1, Свердловск, 1961.

⁶ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

⁷ П. Д. Степанов. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен Среднего Поволжья. Сб. «Археология и этнография Башкирии», Уфа, 1965.

смотря на большую работу, проведенную автором книги и другими исследователями, памятники именьковского типа изучены еще далеко не достаточно и здесь еще много неясностей. Ни в тексте, ни в списке памятников (стр. 33—42) не указывается, на каком основании тот или иной памятник отнесен к именьковской культуре. Думается, что, если автор взял на себя задачу обосновать необходимость выделения именьковских памятников в качестве самостоятельной археологической культуры и точно определить ее границы, он должен был и привести основания для отнесения каждого из памятников к данной культуре. Сомнительным, например, представляется отнесение к именьковскому времени городища Девичий городок с его четырьмя башнями для флангового обстрела (стр. 12, табл. 5, рис. 2). Вряд ли такой фортификационный прием появился в столь раннее время. То же следует сказать о Большетарханском городище, которое, по словам самого автора, скорее напоминает по характеру укреплений и занимаемой площади средневековый город (стр. 13, табл. 6). Недостаточно аргументирована мысль автора, что большинство именьковских городищ было не поселениями в обычном смысле слова, а лишь «убежищами и хранилищами» (стр. 13). Малоубедительным представляется и утверждение о том, что кокошничкообразные и шишкообразные насыпи на городищах были валами. В. А. Городцовым в свое время было высказано предположение, что такие сооружения представляли собой постаменты для идолов или жертвенников. Вероятно, вопрос нуждается в дальнейшей проверке. В этой связи уместно вспомнить также, что городище Шолом в свое время интерпретировалось рядом исследователей, в том числе Б. Б. Жиромским, как святилище, а не обычное поселение, как это делает П. Н. Старостин, без опровержения убедительных, на наш взгляд, соображений автора раскопок.

Анализируя погребальный обряд Рождественского могильника, автор рассматривает и проблему его культурной принадлежности. Этот вопрос много и оживленно обсуждался ранее, но единого мнения о культуре племен, оставивших этот памятник, нет⁸. П. Н. Старостин является сторонником точки зрения об именьковской принадлежности могильника. Следовало бы ожидать, что в специальной работе об именьковской культуре он даст детальное сопоставление материалов могильника и поселений, детальный анализ всех сторон его погребального обряда и точно определит место Рождественского могильника среди погребальных памятников Восточной Европы середины I тысячелетия, с тем чтобы убедительно и по-новому доказать свою точку зрения. Этого, однако, сделано не было, и автор ограничился в основном повторением аргументов, в свое время приводившихся другими авторами (стр. 15—17). Таким образом, и в рецензируемой работе вопрос о Рождественском могильнике не нашел окончательного и убедительного разрешения.

При характеристике орудий труда обращается внимание на узколезвийные топоры сильно вытянутых пропорций с узким полуовальным обушком, наличие которых, по мнению автора, является важнейшим признаком для выделения самостоятельной именьковской культуры (стр. 22—23, 29). Однако автор не сообщает о количестве таких топоров и о числовом соотношении топоров этого типа и обычных, также известных на именьковских памятниках. А такие данные были бы очень важны для оценки данного признака как одного из важнейших при выделении археологической культуры.

Основные исторические выводы работы содержатся, как уже указывалось, в «Заключении», хотя автор считает возможным и в предыдущих главах неоднократно отмечать «пришлый характер» именьковских племен, родственность их более южным и юго-восточным племенам, говорить о «тюркизации» Среднего Поволжья под влиянием именьковцев и т. д. (см., например, стр. 5, 10, 12, 16 и др.). Здесь имеется целый ряд принципиально важных положений, по которым с автором можно и нужно полемизировать.

Вопрос о датировке именьковской культуры в целом разработан достаточно убедительно (стр. 29). Можно отметить лишь, что более правильно датировать именьковские памятники не III—IV—VII вв., а IV—VIII. Ведь нижняя дата определяется находками вещей главным образом III—V вв., а на ряде памятников встречены обломки гончарных кувшинов, близких к известным из Большетарханского могильника VIII—IX вв. Ряд предметов бытует на протяжении всего I тысячелетия.

Серьезные возражения вызывают культурно-этническая интерпретация именьковских памятников и вопрос об их происхождении.

Автор выступает против точки зрения, что именьковские памятники представляют собой вариант позднегородецкой культуры. Он перечисляет целый ряд признаков, которые якобы резко отличают именьковскую культуру от городецкой и от сформировавшихся на ее основе древнемордовской и древнемарийской культур (стр. 30). Вслед за В. Ф. Генингом он считает необходимым говорить о самостоятельной именьковской культуре. При этом он следует скверным традициям многих археологов: выделяет археологическую культуру без теоретического обоснования своего понимания

⁸ В. Ф. Генинг. Селище и могильник у с. Рождественно. МИА, 80, 1960; В. Ф. Генинг, В. Е. Степанов, Т. А. Хлебникова, И. С. Вайнер, Е. П. Казаков, Р. К. Валеев. Археологические памятники у с. Рождественно. Казань, 1962; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч.; А. П. Смирнов. Введение к III тому Трудов Куйбышевской археологической экспедиции. МИА, 80, 1960.

этого термина, до сих пор точно не определенного в советской археологии. Своеобразие именьковской культуры, позволяющее отличать ее от сопредельных памятников, автор видит в наличии следующего комплекса признаков: 1) глиняной плоскодонной очень грубой выделки неорнаментированной керамики горшковидных форм; 2) усеченно-биконических острореберных пряслиц; 3) жилищ полуземляночного типа с центральной столбовой ямой; 4) железных круглообушковых проушных топоров с узким лезвием; 5) погребального обряда в виде трупосожжения (стр. 29). Вряд ли можно согласиться со всеми этими положениями.

Грубая лепная керамика горшковидных форм с примесью шамота и песка, с бугристой, неровной поверхностью, часто со следами сглаживания, как и усеченно-биконические пряслица, распространена значительно шире, чем определенный автором ареал именьковской культуры, и напрасно автор отрицает это. Совпадение территории распространения этих предметов и ареала именьковской культуры он не доказал. Керамика подобных форм и с примесью шамота имеется в городецкой культуре, на древнемордовских⁹ и древнемарийских¹⁰ памятниках. Автор отмечает, что сосуды с древнемордовских и древнемарийских памятников при сходстве в формах с именьковскими имеют «более гладкие стенки, что связано с добавлением в качестве примесей в их тесто раздробленной полубоженной глины» (стр. 30). Но «дробленая полубоженная глина» и шамот весьма близки, так что можно отметить близость обеих форм керамики даже по описанию самого автора. Вряд ли можно принимать в качестве важного такой весьма субъективный признак, как большая или меньшая гладкость стенок сосуда.

Жилищ «полуземляночного типа с центральной столбовой ямой» на именьковских памятниках достоверно известно пять из общего числа пятнадцати исследованных (см. стр. 13—14). Вряд ли в этих условиях можно считать наличие центральной столбовой ямы в полуземлянках важным для выделения археологической культуры признаком. Только недоразумением можно объяснить утверждение автора, что для древнемордовских и древнемарийских памятников «не характерны жилища полуземляночного типа и земляные ямы на поселениях» (стр. 30). В качестве примера сошлемся хотя бы на городище Ош-Пандо¹¹. Землянки и полуземлянки известны на многих городецких памятниках, в том числе поздних¹². Следует заметить, что городецкие жилища весьма разнообразны как по формам, так и по внутренней конструкции. Больше количество ям на именьковских памятниках может объясняться чисто хозяйственными причинами, и привлечение этой черты их в качестве отличительного признака именьковских памятников от городецких или раннемордовских вряд ли возможно.

Останутся несколько экземпляров узколезвийных топоров, обнаруженных на четырех памятниках, и погребальный обряд Рождественского могильника. Не слишком ли это мало для выделения самостоятельной археологической культуры, а тем более для определения ее четких границ?

Касаясь последнего памятника, следует заметить, что напрасно П. Н. Старостин ищет аналогии элементам погребального обряда только среди погребений Кушнаренковского могильника, где два погребения (на несколько десятков!) близки к рождественским (стр. 16, 31). Напомним, что в Борковском и Кузьминском могильниках встречены кремации, причем сожжение производилось на стороне, остатки костей положены вместе с остатками погребального костра, а вещи лежат компактной кучкой, иногда на дереве или ткани¹³. Близкий рождественскому обряд погребения встречен в Максимовском могильнике, принадлежащем мордве или муроме. Там остатки кремаций помещены в неглубокие ямы (0,7—0,8 м), чаще всего квадратной формы, а вещи помещались в кучке или укладывались в сосудик¹⁴. Такие же погребения есть в Кузьминском могильнике¹⁵. Подобные примеры можно было бы продолжить. Небезынтересно отметить, что ориентировка могильных ям в этих погребениях с сожжением часто бывает меридиональной, как и в Рождественском могильнике. Отмеченное в этом могильнике помещение в могилу сосудов, стоявших у погребального костра, или их обломков встречается в «домике мертвых» на позднедьяковском городище у быв. Саввино-Сторожевского монастыря под Москвой, исследованном одним из авторов рецензии. Вообще погребальный обряд финно-угорских племен был весьма разнообразным, и сожжения занимали в нем вполне определенное место. Возможно, что сожжения Рождественского могильника в конце концов найдут свои полные аналогии среди погребений других финно-угорских племен. Утверждение же автора о том, что «для известных нам древнемордовских и древнемарийских труп-

⁹ А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, Д 1—14, М., 1965, стр. 16.

¹⁰ А. Х. Халиков, Г. А. Архипов. Марийская археологическая экспедиция 1957 г. Тр. МарНИИЯЛИЭ, XIV, Йошкар-Ола, 1959, стр. 120.

¹¹ П. Д. Степанов. Ош-Пандо. Саранск, 1957.

¹² А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 12.

¹³ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 27.

¹⁴ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 44, 74.

¹⁵ Там же, стр. 88, 91.

сожжений характерно сжигание умерших без одежды на стороне, помещение остатков кремаций в могильной яме обычной для труположений и размещение вещей в том порядке, что и при труположении» (стр. 30), представляет только частный случай. Неверно и то, что вещи Рождественского могильника отличны от вещей мордовских могильников.

Таким образом, керамика с шероховатой поверхностью без орнамента, с примесью песка и шамота в тесте, ряд форм сосудов, полуземлянки, часть которых имеет подквадратную форму, привески в форме утолщений того типа, который характерен для памятников среднего течения Оки, браслетообразные кольца, напоминающие мерянские, бутыльчатые привески и ряд других признаков — все это роднит именьковские памятники с памятниками поздней стадии городецкой культуры и ранней мордовской и свидетельствует скорее всего об их генетическом родстве. Близость памятников типа Ош-Пандо к именьковским, отмеченная самим автором (стр. 30), также должна объясняться их общим происхождением. Конечно, именьковские памятники имеют и некоторые черты своеобразия по сравнению с городецкими и древнемордовскими. Но эти различия не столь велики и не такого порядка, чтобы полностью отрицать между этими группами памятников какое-либо родство. Ведь и в самой городецкой культуре наблюдаются значительные локальные различия. Многочисленные свидетельства наличия в доименьковское и именьковское время элементов пьяноборской культуры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, тщательно прослеженные автором (стр. 30—31), отнюдь не противоречат этому положению. Прикамские культурные элементы отмечались здесь давно, они признаются и сторонниками позднего городецкой культурной принадлежности именьковских памятников и хорошо ими объясняются.

Автор считает, что в формировании именьковской культуры кроме прикамского позднепьяноборского компонента приняли участие пришлые тюркские племена, сыгравшие решающую роль в этом процессе, поскольку они составляли основную часть именьковского населения. Поэтому именьковская культура считается им тюркоязычной (стр. 30—31). Это положение аргументировано крайне слабо. Для доказательства привлекаются такие совершенно чуждые именьковским памятники, как Тураевские курганы, Новотурбаслинские курганы, памятники кушнаренковского типа, которые вслед за Н. А. Мажитовым и В. Ф. Геннигом автор считает древнетюркскими. Но последнее положение само еще требует аргументации. Автор стремится увидеть сходство в инвентаре и погребальном обряде этих памятников с именьковскими. Он останавливается на плоскодонной керамике с примесью шамота, которую вслед за В. Ф. Геннигом склонен считать тюркской, привлекает усеченно-биконические пряслица, широко распространенные в Европе, присутствие которых в культурном комплексе ни о чем не говорит. Все эти доводы не могут быть признаны серьезными. Правильное подмеченное сходство двух трупосожжений Кушнаренковского могильника с погребениями Рождественского могильника может свидетельствовать лишь об определенных связях этих групп населения, их незначительной инфильтрации, причем не только с востока на запад, но и с левобережья Волги на территорию современной Башкирии. То же следует сказать и о наличии в Башкирии плоскодонной посуды романовского типа, а на двух именьковских памятниках — отдельных обломков керамики так называемого кушнаренковского типа.

Странное впечатление производит привлечение таких материалов, как остатки головных уборов из Пензенского, Азелинского и Суворовского могильников, подобных современным чувашским тухья и куш-пу. Если учесть, что в формировании чуваш Поволжья приняли участие и местные финно-угорские народы, ассимилированные тюрками, то нет ничего удивительного в том, что определенные финно-угорские элементы культуры попали к тюркоязычным чувашам. Автор не обращает внимания и на то, что тюрки времени формирования именьковской культуры были, по всей вероятности, кочевниками, а именьковское население с самого начала характеризуется прочной оседлостью и относительно высоким уровнем земледелия. Никаких свидетельств о процессе оседания кочевников археологические данные здесь не дают, да и не могут дать.

Не подлежит сомнению, что культура племен Среднего Поволжья и Прикамья в I тысячелетии испытала значительное влияние каких-то южных или юго-восточных степных племен. Это прослеживается в ряде предметов материальной культуры, в появлении на рассматриваемой территории серпов южных типов, некоторых изменениях древних традиций в животноводстве, отмеченных на единичных памятниках, и тому подобных явлениях. Кстати, такое влияние не ограничивается только именьковской территорией, а начало его следует относить ко времени задолго до сложения памятников именьковского типа. Но характер и источники этого влияния еще предстоит исследовать. Нет пока никаких убедительных оснований признавать в доболгарское время переселений значительных групп иноязычного, тюркского или иного населения в финно-угорские земли Поволжья и Прикамья.

Нам представляется, таким образом, что старые тезисы о финно-угорском этносе именьковского населения, о формировании памятников именьковского типа на базе городецкой и пьяноборской культур при определенном южном или юго-восточном влиянии (которое, естественно, учитывая географическое положение этих памятников) отнюдь не опровергнуты автором и являются по меньшей мере не менее убе-

дительными, чем его построения. То же следует сказать и о возможности рассматривать именьковские памятники в качестве варианта позднегородецкой культуры.

Заметим, что в книге, специально посвященной проблемам именьковских памятников, следовало более серьезно рассмотреть точку зрения П. Д. Степанова. Автор же ограничился выражением своего несогласия с его построениями, не приводя никаких соображений.

Относительно дальнейших судеб именьковского населения автор, очевидно, прав, считая, что оно вошло в качестве одного из компонентов в формирующееся население Волжской Болгарии, внося определенный вклад в ее культуру (стр. 32).

Касаясь корней наших разногласий с автором книги, нельзя не указать на применяемую им методику. Если бы он использовал метод картографирования, а при анализе привлекал сравнительный материал не выборочно, а с широкой территории, то выводы могли получиться иными.

Оценивая рецензируемую книгу в целом, следует сказать, что, несмотря на ряд существенных недостатков ее, касающихся прежде всего исторических выводов, она представляет значительный вклад в дело исследования Среднего Поволжья в эпоху железа. Автором создан первый в нашей литературе обобщающий труд о памятниках середины I тысячелетия в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье, вводящий в научный оборот большой и в значительной мере новый фактический материал, хорошо изданный и систематизированный. Книга, несомненно, будет незаменимым справочным пособием для археологов, занимающихся изучением этой территории. Хорошо разработан ряд теоретических положений: об определенном своеобразии памятников именьковского типа, их датировке, хозяйстве и общественных отношениях. Аргументированно определена роль пьяноборских племен в формировании культуры населения левобережья Средней Волги I тысячелетия. В этом основное достоинство книги П. Н. Старостина, с этой точки зрения она заслуживает положительной оценки, прежде всего в этом ее научное значение.

Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов

С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. МИА СССР, № 142, М., 1967, 196 стр. текста, 50 рисунков + 6 таблиц

Общезвестна та крупная роль, которую сыграли племена недолгой, но чрезвычайно яркой салтово-маяцкой культуры в истории юго-востока Европейской части СССР VIII—IX вв. Салтово-маяцкая культура, история создавшего ее населения давно привлекают внимание отечественных и зарубежных ученых. И это не случайно — салтово-маяцкая культура занимает особое место в системе родственных культур, существовавших одновременно на огромной территории от Волги до Дуная. К настоящему времени по салтово-маяцким древностям накоплен значительный фактический материал, требующий обобщения. Первую попытку в этом направлении предпринял Ю. В. Готье в 1930 г.¹, затем последовали обстоятельная работа И. И. Ляпушкина² и очерк Б. А. Шрамко³. Наконец, самое прямое отношение к проблемам, связанным с историей салтово-маяцкой культуры и ее носителей, имеет энциклопедический труд М. И. Артамонова⁴.

Но наиболее полным и основательным исследованием салтово-маяцкой культуры является рецензируемая монография С. А. Плетневой — итог многолетних и целеустремленных полевых, лабораторных и кабинетных исследований автора. В книге нарисована широкая картина социально-экономического и культурного развития племен юго-восточной Европы в тесной связи с основными событиями этнической и политической истории. На наш взгляд, книга удачно сочетает данные археологии и письменных источников и в этом отношении гармонична. Большим ее достоинством нужно считать умелое и в большинстве случаев убедительное привлечение этнографических материалов, используемых для интерпретации археологических фактов. На необходимость использования такого исследовательского метода уже указывалось в литературе⁵, и монография С. А. Плетневой лишний раз свидетельствует о перспективности подобного сопоставления материалов двух смежных наук. Несмотря на глубоко научный характер содержания, книга написана достаточно легко и вполне доступна широкому читателю. Это также немаловажное достоинство.

Исследования М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, С. А. Плетневой и других советских археологов продвинули далеко вперед изучение раннего Средневековья на

¹ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 58—62.

² И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958.

³ Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 265—292.

⁴ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

⁵ А. Н. Липский. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов. СЭ, 1966, 1, стр. 105—118.

юго-востоке Европы. Но научное значение этих исследований гораздо шире. Говоря о рецензируемой книге мне, как кавказоведу, хотелось бы отметить ее значение и для разработки проблем раннего Средневековья на Северном Кавказе. Процесс постепенного оседания кочевников на землю, их перехода к земледельческо-скотоводческому хозяйству и развития на этой основе феодальных отношений (главный сюжет книги С. А. Плетневой) синхронно протекал и в равнинно-предгорной зоне Северного Кавказа, причем, очевидно, во многом был аналогичен, ибо происходил в близкой родственной этно-культурной среде. Еще в сарматское время в Предкавказье возникает система укрепленных городищ, появление которых В. Б. Виноградов пытался объяснить событиями политической истории⁶. В действительности гораздо более серьезными и глубокими причинами следует считать именно процесс оседания кочевников, т. е. внутреннего социально-экономического развития⁷. В этом смысле выводы и наблюдения С. А. Плетневой полны значения и для кавказской археологии и открывают перед кавказоведами новые интересные перспективы.

Остановимся на некоторых аспектах работы С. А. Плетневой, имеющих отношение к кавказской тематике. Это существенно хотя бы потому, что теснейшие связи между салтово-маяцкой и северокавказской аланской культурами являются общепризнанной исторической реальностью.

Прежде всего коснемся вопроса о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры. В отечественной археологии существуют две различные точки зрения: 1) салтово-маяцкая культура является результатом автохтонного развития местного сармато-аланского населения первой половины I тысячелетия; 2) салтово-маяцкая культура является результатом миграции массы кавказского аланского населения, передвинувшегося в начале VIII в. на север. Первая точка зрения наиболее четко была сформулирована Н. Я. Мерпертом⁸. Вторая версия впервые выдвигалась еще А. А. Спицыным и В. А. Бабенко (между прочим, последний в этой связи не отмечен ни И. И. Ляпушкиным, ни С. А. Плетневой), опубликовавшим сравнительную таблицу инвентаря из салтовских и северокавказских аланских катакомб⁹. В настоящее время эта серьезно обоснованная гипотеза принята, кажется, большинством специалистов. С. А. Плетнева решительно присоединяется к ним: «я считаю более вероятной другую гипотезу: катакомбные могильники в Подонье принадлежали выходцам из северокавказских областей — аланам..., гипотеза эта имеет достаточно веские доказательства» (стр. 91).

В пользу данной гипотезы свидетельствуют некоторые факты, зафиксированные в старой кавказоведческой литературе. Так, Ю. Клапрот, ссылаясь на предания и грузинскую хронику, писал, что аланы-ясы на Дон переселились с Кавказа¹⁰. На обратную миграцию алан-осетин с Дона на Кавказ указывает А. Гакстгаузен, также делающий ссылку на грузинские летописи¹¹. К сожалению, ни Ю. Клапрот, ни А. Гакстгаузен не указывают, какие грузинские источники имеются ими в виду; поэтому проверить достоверность этих отсылок мы не можем. Еще более неясно, о каких преданиях идет речь у Ю. Клапрота? Но тем не менее эти сведения для рассматриваемой темы чрезвычайно интересны, и если в будущем упомянутые грузинские источники будут найдены, а их показания подтверждены, то гипотеза об аланской миграции с Кавказа на Дон и Донец получит новые серьезные аргументы.

Гипотеза о переселении северокавказских алан в верховья Дона и Донца действительно имеет веские доказательства в археологическом материале. О них не раз говорилось в литературе, и я не буду вновь приводить эти соображения. Но генетическое родство аланской и салтово-маяцкой культур не означает их тождества, и А. С. Федоровский был прав, когда писал: «в общей сложности мы никак не можем назвать обе эти культуры идентичными»¹². К сожалению, специальное сравнительное исследование салтово-маяцкой и аланской культур еще никем не производилось, и говорить о всем комплексе различий между ними сейчас затруднительно. Обратим внимание на одну немаловажную деталь: разницу в культах. Наряду с общими чертами существовали и весьма четкие и ясные локальные отличия.

Эти отличия состоят в том, что у северокавказских алан до XIII в. существовал развитый культ, связанный с употреблением характерных глиняных цилиндрических

⁶ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 125—127.

⁷ В. А. Кузнецов. Рец.: В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. СА, 1964, 4, стр. 232; С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 24.

⁸ Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 14—30.

⁹ В. А. Бабенко. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского могильника 1908 г. Тр. XIV АС, III, М., 1911, стр. 225, 226; Ю. В. Готье. Ук. соч., стр. 61 рис. 14.

¹⁰ Klapproth. Note sur l'identité des Ossetes avec les Allains. В кн.: J. Potocki Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829, стр. 330.

¹¹ А. Гакстгаузен. Закавказский край. II, СПб., 1857, стр. 93.

¹² А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—IX в. Вестник Харьковского историко-филологического общества. 3, Харьков, 1913, стр. 12.

курильниц типа стаканчика, с отверстием в дне¹³. Судя по нагару и остаткам углей, аланские курильницы были связаны с культом огня и солнца (на последнее указывает круговое расположение курильниц на капище, выявленное дважды — Н. М. Егоровым и В. Б. Виноградовым)¹⁴. Культ огня и солнца был широко распространен у древнеиранских племен, в том числе у скифов, савроматов и алан¹⁵. В рецензируемой книге С. А. Плетнева фиксирует солнечный культ, отраженный у салтовских алан в «солнечных» амулетах, (стр. 175—178). Но судя по имеющимся материалам, у северокавказских алан, на территории аланской «метрополии», культ солнца и огня был значительно мощнее, занимая в аланском дохристианском пантеоне одно из первых мест. На территории Центрального Предкавказья почти нет такого аланского городища, которое в своем культурном слое не содержало бы обломки упомянутых выше курильниц. В этом смысле курильницы и связанный с ними культ являются своеобразным эталоном аланских памятников и этнической культуры кавказских алан (вспомним свидетельство армянского поэта XIII в. Фрика, для которого культ солнца был характернейшим признаком алан: «...алан, что солнце чтит»)¹⁶.

Следует учесть, что курильницы, представляющие материальные следы мощного солнечного культа алан, являются их яркой и своеобразной этнографической чертой. Между тем на территории салтово-маяцкой культуры ни одной такой курильницы не найдено. На этом основании мы можем сделать вывод о существенной разнице в культовых представлениях и в отправлении культовых обрядов между кавказскими и салтовскими аланами. Очевидно, что нельзя выводить салтовских алан из районов Центрального Предкавказья (Чечено-Ингушетия, Осетия, Кабардино-Балкария, Пятигорск; см. об этом в книге С. А. Плетневой, стр. 91, стр. 89 рис. 23, 3. Кстати, к этой карте передвижения аланских племен VIII—IX вв. я не имею никакого отношения). Нельзя потому, что именно перечисленные районы дают массу курильниц. Следовательно, кавказскую «прародину» салтовцев следует искать в тех районах Алании, где солнечный культ и курильницы не были распространены.

Таким районом является западная часть Алании, лежащая к западу и юго-западу от Пятигорска и включающая значительную территорию вплоть до Большого Зеленчука и Урупа. Аланы и аланская культура здесь засвидетельствованы прочно. И ни одной курильницы в данном районе нет¹⁷.

Чрезвычайно любопытная картина намечается в районе Кисловодска, где усилиями краеведов А. П. Рунича и Н. Н. Михайлова открыто и обследовано свыше 20 аланских катакомбных могильников. Большая их часть относится к V—VII вв., меньшая — к X—XII вв.¹⁸. Катакомбных могильников промежуточного времени (VIII—IX вв.) почти нет. Создается впечатление, что аланы, густо (судя по многочисленности могильников) заселившие район Кисловодска в V—VII вв., затем были вынуждены покинуть этот район, где они вновь стали появляться с X в. (могильники на Римгоре и у мебельной фабрики № 1). Что могло вынудить эту часть алан сняться с насиженных мест?

Пользуясь случаем, я вновь¹⁹ высказываю предположение о том, что причиной почти полного исчезновения катакомбных могильников VIII—IX вв. из района Кисловодска (а возможно, и более широкого района, включающего часть Карачаево-Черкесии) было появление здесь нового населения — болгарского. На поселениях VIII—X вв. в районе Кисловодска найдено уже около 150 фрагментов подвесных глиняных котлов с внутренними ушками. Они совершенно не типичны для алан, и на Северном Кавказе их можно связывать с болгарскими²⁰. Можно предположить, что сюда перемкнулась четвертая тюркоязычная болгарская орда после распада «великой Болгарии» Кубрата во второй половине VII в. (о трех других болгарских ордах см. рецензируемую книгу С. А. Плетневой, стр. 182).

В подтверждение высказываемых предположений можно привести еще ряд фактов. Видимо, не случайно на территории западной Алании (современной Карачаево-Черкесии) обнаружена единственная на Северном Кавказе руническая письмен-

¹³ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 113, рис. 36.

¹⁴ N. M. Jegorov. Gefasse von Iuck. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 50; Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов. Северо-Кавказская экспедиция. Сб. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 62, 63.

¹⁵ В. И. Абаев. Культ «семи богов» у скифов. Сб. «Древний мир». М., 1962, стр. 448; К. Ф. Смирнов. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964, стр. 250, 251; В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. Доклады делегации СССР на XXV Межд. конгрессе востоковедов. М., 1960, стр. 10.

¹⁶ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан, стр. 10.

¹⁷ В. А. Кузнецов. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

¹⁸ А. П. Рунич. Катакомбные могильники в районе Кисловодска. СА, 1963, 3, стр. 241—244.

¹⁹ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 76.

²⁰ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, 99, 1964.

ность²¹, распространенная и на территории салтово-маяцкой культуры. То же следует сказать и относительно тамгообразных знаков на камнях Хумаринского городища, имеющих ближайшие аналогии в Саркеле²². Светлокаменные оборонительные стены Хумаринского городища напоминают каменные замки салтово-маяцкой культуры (С. А. Плетнева, стр. 25—44). Кладка хумаринских стен выполнена также из прекрасно обтесанных блоков, как это отмечено С. А. Плетневой на Правобережном Цимлянском и Маяцком городищах (стр. 35), а ширина стен последнего — 6 м (С. А. Плетнева, стр. 41) — точно соответствует ширине стен Хумаринского городища²³. С. А. Плетнева считает, что «техника строительства этих стен идет с юга» (стр. 33), поясняя далее, что «вероятно, вначале такие крепости появились на Северном Кавказе, а затем распространялись в северные районы Хазарского каганата. Можно назвать, например, Хумаринское городище...» (стр. 44). Ясно, что строительная техника распространялась не сама по себе — ее могли занести в Хазарию только люди, владевшие данной техникой.

Из русских летописей и сообщений арабских географов Абульфеда и Ибн-Батуты известно, что вплоть до XIII—XIV вв. на Дону жили ясы — асы, родственные аланам²⁴. По И. Маркварту, это «степные» аланы, аланы живущие на равнине²⁵. Возможно, что эти ясы — асы представляют остатки древнего салтовского аланского населения²⁶. В таком случае есть все основания считать салтовских алан «ясами — асами». А это существенно, ибо на Северном Кавказе основным районом обитания асов предполагается западная часть Алании²⁷. Судя по намечаемым этнонимическим связям, салтовские аланы скорее всего могли переселиться именно отсюда²⁸.

Таким образом, мы располагаем рядом совпадающих археологических и исторических фактов, корректирующих положения С. А. Плетневой о роли арабского похода 735 г. в перемещении части алан на север (стр. 184), ибо нет оснований говорить о нашествии арабов на районы, прилегающие к верхней Кубани.

Таковы некоторые соображения в связи с вопросом о происхождении салтово-маяцкой культуры. Конечно, они не решают этого вопроса полностью, но могут представлять интерес для специалистов (тем более, что в книге С. А. Плетневой происхождение салтово-маяцкой культуры рассмотрено довольно кратко).

Характеристике производительных сил салтово-маяцкого общества в исследовании посвящена часть главы VI (стр. 144—153). Представляется, что этому основному фактору в генезисе и становлении феодальных отношений (что является идейным стержнем всей работы) в книге уделено недостаточное внимание. Например, автор справедливо пишет о распашке целинных земель и употреблении для этого плуга с колесным передком (стр. 146), но не делает вытекающих отсюда выводов о высоком уровне земледелия и его общественных последствиях. Не перечислены основные сельскохозяйственные культуры, возделывавшиеся на территории салтово-маяцких племен (твердая пшеница, просо, ячмень, конопля)²⁹, и т. д. Очень бегло охарактеризовано ремесленное производство (стр. 151—153). Ссылка на готовящуюся работу В. К. Михеева вряд ли может удовлетворить читателя. По сравнению с прекрасной главой о керамике (которая тоже является продукцией ремесленного производства) описание других ремесел выглядит бледно.

Позволю себе высказать одно принципиальное возражение. По словам С. А. Плетневой, «северокавказская Алания стала в VIII—IX вв. районом салтово-маяцкой культуры в одном из ее многочисленных вариантов» (стр. 185). С этим нельзя согласиться. Нет никаких оснований самостоятельную и наделенную оригинальными чертами северокавказскую аланскую культуру низводить до положения «варианта» культуры салтово-маяцкой. Скорее наоборот, ибо салтово-маяцкая культура в известной мере является отпочкованием от аланской культуры, оказавшей на ее формирование сильнейшее воздействие. Это констатирует сама же С. А. Плетнева: «В основу салтово-маяцкой культуры, несомненно, легла сармато-аланская культура. При этом наибольшую роль сыграла культура северокавказских аланов, которые пришли в Подонье в

²¹ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, 1; A. M. S c e r b a k. Les inscriptions sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le probleme de l'alphabet runique des Turcs occidentaux. «Acta Orientalia», XV, 1—2, Budapest, 1962.

²² В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 302, 303.

²³ Там же, стр. 299; Е. П. Алексеева. Хумаринское городище. Газ. «Ленинское знамя», № 21 (8280) от 30 января 1966 г.

²⁴ Ю. Д. Брудкус. Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924, стр. 15.

²⁵ J. M a r q u a r t. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 165.

²⁶ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 356, 357.

²⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 127.

²⁸ С. А. Плетнева. Рец.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962. СА, 1963, 3, стр. 282.

²⁹ К. Фляксбергер. Находки культурных растений дс исторического периода. «Архив науки и техники», 2, 1934, стр. 176; Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 273.

VIII в.» (стр. 185). Археологический материал показывает, что тесные связи салтовских алан с их кавказской «метрополией» и влияние ее сохранялось вплоть до X в. Мне кажется, что было бы правильнее обе эти культуры считать близко родственными, но самостоятельными.

Нельзя не отметить, что в книге С. А. Плетневой много интересных обобщений, предположений, наблюдений. Опираясь этнографическими данными и сопоставляя их с археологическими материалами, С. А. Плетнева логично раскрывает этапы постепенного оседания кочевников на землю — куренной и айильный способы кочевания, сменившиеся неукрепленными оседлыми селищами (глава I). На наш взгляд, эта глава одна из лучших в книге. Убедительной выглядит попытка детализации хронологии салтово-маяцкой культуры при помощи метода корреляции (глава V), хотя в целом старая датировка не подверглась изменению. Очень интересна глава VII, посвященная амулетам. Однако возникает (и остается не разрешенным) вопрос: почему «солнечные» амулеты, найденные в катакомбных могильниках (С. А. Плетнева, стр. 171, 176), автор связывает с тюркским богом неба-солнца Тенгри-ханом, тогда как у североиранских племен было собственное солнечное божество? Если салтовские аланы восприняли культ Тенгри-хана под воздействием своего тюркского окружения, то следовало сказать об этом. Кроме того, в данной главе было бы желательно указать на очевидную типологическую (возможно, и генетическую) связь салтовских «солнечных» амулетов с амулетами латенской культуры на западе³⁰ и кавказской аланской культуры на юге³¹.

С. А. Плетнева впервые в археологической литературе прослеживает своеобразный обряд посвящения юноши (стр. 78 и др.). Это одно из глубоких и привлекательных наблюдений автора, которое в будущем следует проверить на северокавказском материале. Важной чертой погребального обряда Дмитровского, Подгоровского и отчасти Салтовского могильников является скорченное положение женских скелетов (С. А. Плетнева, стр. 75, 76, 86), что автор рецензируемой работы объясняет неравноправным, подчиненным положением женщин в обществе (стр. 76). Дело в том, что скорченное положение многих женских скелетов — одна из типичнейших черт погребального обряда Змейского катакомбного могильника XI—XII вв. в Северной Осетии³². Е. И. Крупнов считает, что скорченные женские погребения Змейского могильника принадлежат иноэтничным выходцам из аборигенной кавказской среды, для которой скорченность скелетов известна еще с кобанской эпохи³³. Но как такое объяснение увязать с далеким от Кавказа Дмитровским могильником, где почти все женщины захоронены в скорченном положении? В Дмитровском могильнике даже погребения девочек совершены скорченно. Это наводит на мысль скорее о социальном, а не этническом значении данных фактов, что правильно отмечено С. А. Плетневой.

Отметим также некоторое преувеличение автором книги значения «инстинктов» в погребальных обрядах и обычаях («инстинкт привязанности», «инстинкт опрятности» и т. д.). Кажется сомнительным объяснение обряда трупосожжения только «инстинктом опрятности» — стремлением избавиться от трупа (стр. 100). Не правильнее ли обряд трупосожжения объяснять специальным культом?

Я не ставил перед собой задачу всестороннего анализа книги С. А. Плетневой. Здесь в основном затронут ряд аспектов, более или менее относящихся к Северному Кавказу. Оценивая работу С. А. Плетневой в целом, следует признать, что она представляет ценный вклад в историю раннесредневекового юго-востока Европы и в решение актуальной проблемы генезиса феодальных отношений на территории СССР.

В. А. Кузнецов

³⁰ Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА, 1959, 1, стр. 37, рис. 2.

³¹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. LIV, 5; LXXII, 3; CXXII, 3 и т. д.

³² В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, 2, стр. 98.

³³ Е. И. Крупнов. Проблема происхождения осетин по археологическим данным. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

РАСКОПКИ ИРАНСКИХ АРХЕОЛОГОВ В ПЕРСЕПОЛЕ И ПАСАРГАДАХ

Специалистам хорошо известны публикации европейских ученых, посвященные древнеиранским столицам — Персеполю и Пасаргадам. Фундаментальный труд проф. Э. Шмидта стал уже классическим¹, а кроме того, существует множество монографий и журнальных статей, особенно о Персеполе. Пасаргады освещены в литературе хуже. С другой стороны, самостоятельные археологические, реставрационные и исследовательские работы иранских ученых известны мало и не вошли в обиход науки. Поэтому предлагаемый здесь обзор таких работ восстановит, до некоторой степени, историческую справедливость.

Начиная с конца 30-х годов, вопросы, относящиеся к возникновению и развитию ахеменидского искусства, его истокам и связям, были основными в отечественной археологии Ирана, поэтому неудивительно, что им посвящено значительное количество монографий, из которых мы укажем главные².

В данном обзоре мы остановимся только на тех материалах о Персеполе и Пасаргадах, которые вошли во 2-й и 4-й тома «Иранских археологических отчетов», так как в них наиболее полно и последовательно отражен ход работ иранских археологов за 20 лет (1939—1959 гг.)³. Второй том представляет монографию д-ра Али Сами «Двадцатилетние раскопки Научного Центра Персеполь в различных исторических местах». В 4-м томе основное место занимает работа того же автора «Пасаргады — древнейшая столица ахеменидских шахов». На других статьях этого тома мы останавливаться не будем, так как это по большей части известные работы западноевропейских ученых, переведенные на персидский язык.

1. Персеполь

С 1939 г. в связи с началом второй мировой войны была прервана работа европейских ученых по раскопкам Персеполя, и ее взял на себя созданный тогда же «Научный центр Персеполя» во главе с А. Сами. Финансировало работы Министерство просвещения, часть средств поступала из шахской казны и от некоторых богатых меценатов.

Основные работы начались в 1940—1941 гг. на территории, примыкающей с СВ к «Стоколонному дворцу», где было открыто русло подземного водопровода и монолитный каменный бассейн (на плане № 3)⁴. Был обнаружен ряд комнат, служивших караульными помещениями, и неподалеку от них — обломок капители колонны в виде двухголового льва (№ 7). Было выяснено, что «Стоколонный дворец» имел входное помещение площадью в 640 м², от которого сохранились каменный фундамент и несколько фрагментов колонн. Установлено, что вход этот оставался незаконченным к моменту разрушения Персеполя.

С 1941 г. иранские археологи приступили к раскопкам «32-колонного дворца» (№ 10), а в 1948—1949 гг. ими велись работы в помещении, примыкающем к восточной стороне «Стоколонного дворца», где были обнаружены шахские конюшни (№ 12). Одновременно шли раскопки в ЮЗ части террасы, где было открыто так называемое «Неоконченное здание в честь Артаксеркса III» (№ 21).

В 1949—1951 гг. шли работы по раскопкам и расчистке комнат, примыкающих с юга ко дворцу «Хадеш» (дворец Ксеркса, план № 24).

Интересно отметить, что иранские археологи заметили к ЮЗ, в 500 м от террасы Персеполя остатки построек, а в 1951 г., приступив там к раскопкам, открыли помещение с 12 колоннами. Пол был покрыт веществом красного цвета типа асфальта, стены оштукатурены и украшены росписью, в помещениях были видны следы обжига и остатки пепла. В 57 м к югу от этого здания был найден каменный бассейн, а вокруг него — остатки стен. А. Сами предполагает, что и дворец с 12 колоннами, и водоем, и две кирпичные стены — все это остатки самостоятельного жилого комплекса, где жили знать, военная верхушка и офицеры личной шахской гвардии.

¹ E. F. Schmidt. Persepolis. 1—2. Chicago, 1953—1957.

² М. Т. Мустафави. Краткое описание исторических памятников Персеполя. Тегеран, 1951 (на персид. яз.); М. Т. Мустафави и А. Сами. Тахт- и Джамшид. Шираз, 1955; А. Сами. Пасаргады — древнейшая столица шахов Ирана. Шираз, 1951 (на персид. яз.); его же. Памятники древности долины Марвдашт. Шираз, 1952 (на персид. яз.); Г. Муктадир. Тайны Персеполя. Тегеран, 1956 (на персид. яз.).

³ Иранские археологические отчеты. 2, Тегеран, 1951, планы; 4, Шираз, 1959 (далее «Отчеты»).

⁴ Известный план Персеполя был выполнен в 1950 г. инспектором по археологии Али Хакими и напечатан во 2-м томе «Отчетов». Позднее воспроизведен в 1953 и 1959 гг. Э. Шмидт. УК. соч., L. Vanden Berghе. Archeologie de l'Iran Ancien. Leiden, 1959.

Второй период раскопок в Персеполе (1952—1959 гг.) описан тем же автором, А. Сами, в статье «Археологические, земляные и реставрационные работы в Персеполе со второй половины 1951 до конца 1959 гг.»⁵.

В 1952 г. проводились работы возле северных внешних стен террасы Персеполя, там, где американская экспедиция обнаружила клад глиняных клинописных табличек. Здесь иранцы раскопали здание площадью 2700 м, состоящее из двух больших помещений, открытых к северу, и нескольких комнат вокруг. С востока здание примыкало к горе Рахмат, с запада граничило с местом, где, по определению иранских археологов, находились скульптурные мастерские. А. Сами условно называет это здание «Дефтар-хане» (канцелярия) и считает, что это была канцелярия, связанная со строительством дворцов, в отличие от главной царской, погибшей, по его мнению, во время пожара, местоположение которой еще точно не выяснено.

В 1953—1954 гг. происходили раскопки в СЗ части платформы (между входами в «Ападану» и «Стоколонный дворец»). Были открыты шесть помещений со стенами из необожженного кирпича. Целый ряд находок — неоконченные детали колонн, обломки самих колонн, фрагменты сосудов для вина и муки, а также следы насечек, углублений в соседних скалах — позволил иранским археологам с известной долей вероятности предположить, что эти комнаты были скульптурными мастерскими и помещениями для рабочих.

С 1955 по 1957 г. иранские ученые уделяли значительное внимание раскопкам вокруг гробниц Артаксеркса II и Артаксеркса III⁶. А. Сами подробно описывает архитектурные особенности этих сооружений. Он предполагает, что в окружающих их помещениях жила стража и духовенство. Раскопки сопровождались работами по консервации этих памятников, укреплением их стен, реставрацией покрывавших их рельефов, а к гробнице Артаксеркса II была пристроена каменная лестница для входа. В эти же годы реставрации были подвергнуты все колонны «Ападаны».

Найденные вещи

При ознакомлении с описанием раскопочного материала бросается в глаза одно из самых слабых мест иранской археологической науки на современном этапе. Как правило, публикуются лишь выборочные объекты, в то время как массовый материал, даже такой важный, например, как керамика, остается совершенно вне поля зрения исследователей.

Перечень предметов сопровождается экскурсами на различные исторические темы — здесь и эволюция изображения орла в иранском искусстве, и сведения о добыче лазурита в эпоху Ахеменидов, и данные о царском и придворном костюме сасанидской эпохи. В этом описании мы видим вещи, уже опубликованные в работах Э. Шмидта, Л. Ванден Берге, Р. Гиршмана, А. Годара и других ученых. Мы же остановимся лишь на кратком перечислении не опубликованных до 1960 г. предметов⁷.

1. Часть золотой накладки, по-видимому, архитектурная деталь (т. 2, стр. 68). Найдена в 1940 г. у ЮВ угла стены «Ападаны». Размер 31 × 12 см, вес 289 г. Там же найдена деталь золотой короны размером 24 × 3,5 см, вес 97,4 г.

2. Серебряное блюдо с рисунком в виде звезды диаметр 22,3 см. и другое такое же, диаметр 20,2 см, вес — 470 и 394 г. Найденны в 1942 г. у северной стены террасы (т. 2, стр. 69, табл. 23—24).

3. Пластика из лазурита с изображением орла, украшенная по краю орнаментом из треугольников со следами зеленой, белой и красной окраски. Найдена в 1946 г. при раскопках к северу от «32-колонного дворца» (т. 2, стр. 74, табл. 28).

4. Плоская каменная тарелка желто-зеленого цвета с арамейской надписью, но перевод надписи автор не приводит. Найдена в 1949 г. в проходе, примыкающем к горе Рахмат. Это один из немногих подобных предметов, найденный в целом виде (т. 2, стр. 79, табл. 31).

5. Каменная цилиндрическая печать с погрудным изображением женской головы, найденная там же (т. 2, стр. 80, рис. 81). На оборотной стороне — следы стершейся клинописной надписи. Автор предполагает, что это изображение богини Анахиты и приводит в качестве аналогии печати, описанные Э. Шмидтом и А. Поопом⁸.

6. Флакончик для благовоний из полированного мрамора и ваза из мрамора, найденные в 1950 г. (место не указано) в целом виде. Кроме того, было найдено много фрагментов каменных сосудов (порфир, яшма и другой материал, т. 2, стр. 84, табл. 34).

⁵ «Отчеты», 4, стр. 195—278.

⁶ L. Vanden Berghe. Ук. соч., стр. 36, табл. 40a, 44a; A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962, табл. 74.

⁷ Почти все найденные предметы хранятся сейчас в Иранском археологическом музее.

⁸ T. Schmidt. The Treasure of Persepolis. Chicago, 1939, стр. 42; SPA, IV, London — New York, 1938, табл. 124, рис. w. y.

7. Металлическая статуэтка льва с круглой ручкой на спине, высота 8 см, найдена в 1953 г. в северной части платформы, недалеко от «Стоколонного дворца» (т. 4, стр. 249). Аналогия — фигурка льва из Суз, хранящаяся в Лувре⁹.

8. Фрагменты стеклянной вазочки с изображением льва, нападающего на быка, высота — 8 см, цвет лимонно-желтый, покрыта налетом извести. Найдена в 1959 г. в помещении, примыкающем к горе Рахмат (т. 4, стр. 251—252). Это один из немногих образцов стекла ахеменидской эпохи.

9. Каменная дверь, найденная возле гробницы Артаксеркса III в 1957 г. Размер 1,85×1,6 м, с отверстием для замка посередине. Предполагают, что во всех гробницах этого периода после погребения двери никогда больше не открывались (т. 4, стр. 255).

10. Отшлифованный каменный куб (ребро — 1,03 м). В середине его выступающий четырехугольник, вокруг него впадина, заканчивающаяся желобком со сливом (т. 4 стр. 256). Этот куб служил, по мнению автора, для ритуальных омовений.

11. Круглая каменная печать в виде глаза с вавилонской надписью, диаметр 2,5 см. Найдена в 1956 г. в помещении возле горы Рахмат. Поля печати белые, середина из черного камня с надписью: «Дар Навуходоносора Мардуку». Эта уникальная находка является, безусловно, украшением Иранского археологического музея (т. 4, стр. 264).

12. Наиболее интересной представляется нам публикация в 4-м томе «Отчетов» (стр. 270—276) ряда рисунков, относящихся к сасанидской эпохе и выполненных в манере граффити. Это целые сцены, процарапанные тонким и острым орудием, на которые обратил в свое время внимание Э. Херцфельд, утверждавший, что они были выполнены на северной стене айвана дворца Дария. Он же опубликовал два рисунка — изображение Папака и принца Шапура Папагана¹⁰. Позднее, в 1963 г., был опубликован еще один рисунок — часть сцены, изображавшей торжественный выезд шаха¹¹. В 1952—1953 гг. художник «Научного центра» Персеполя Таги Асафи снял новые копии со всех сохранившихся рисунков, а А. Сами опубликовал их, причем, по его утверждению, все эти рисунки находятся на стене одного из зданий «Гарема», ныне превращенного в Музей Персеполя. Из неизвестных до сих пор рисунков приводятся три: изображение фантастического зверя (лев или собака, рис. 1), крылатого коня (рис. 2) и шаха на коне (часть сцены, опубликованной в *Corpus inscriptionum Iranicarum*) (рис. 3). В правой руке шах держит поводья коня, левая лежит на рукояти меча. На нем клетчатый кафтан и шаровары, на голове — высокая шапка с лентами, украшенная изображением полумесяца и звезд. Несомненно, что эта публикация прибавит ряд ценных деталей для изучения культуры сасанидского Ирана.

II. Пасаргады

Поскольку до сих пор нет полного исторического описания Пасаргад, мы позволим себе остановиться на этой теме несколько подробнее.

В 1951 г. в Ширазе вышла книга А. Сами «Пасаргады — древнейшая столица шахов Ирана», которая позднее со значительными добавлениями была опубликована в 4-м томе «Отчетов»¹². Книга является плодом многолетних работ и наблюдений, содержит историческое и археологическое описание города и ряд новых материалов и концепций иранских ученых, сведенных воедино.

Пасаргады были возведены в 560—550-х годах до н. э. в честь победы над Мидией, но столицей оставались около полувека, после чего уступили эту честь Персеполю и Сузам, сохранив свое значение как религиозного центра вплоть до нашествия Александра Македонского. После нашествия арабов Пасаргады упоминаются в источниках под мусульманским названием «Мешхед-и мадар-и Сулейман» и «Мешхед-и омм ан-наби» (Город матери пророка).

Большой раздел книги занимает описание построек на платформе Пасаргад, в частности, трех дворцов, водопроводной системы, каменной башни, остатков храма, а также двух зданий мусульманской эпохи.

Приемный дворец Кира (Дворец S у Э. Херцфельда)¹³ занимает площадь в 2464 м² и состоит из центрального зала, окруженного с четырех сторон айванами. От центрального помещения на месте осталась одна обломанная колонна и сохранились остатки пола из двух слоев белого шлифованного камня. Ордер колонн такой же, как и в Персеполе, высота 13,24 м, капители в виде бычьих и львиных голов. На восточном входе сохранилась часть рельефа, изображавшего божество в виде рыбы, на западном входе — деталь другого рельефа с изображением получеловека, полузверя.

⁹ SPA, IV, табл. 115.

¹⁰ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 307, 309, рис. 401, 402.

¹¹ CII, III, 2, 3, 1963.

¹² А. С а м и. Пасаргады — древнейшая столица...

¹³ T. Herzfeld. Bericht über die Ausgrabungen von Pasargadae. Arch. Mitt. aus Iran. I, 1, Berlin, 1929, стр. 4—16, план; L. Vanden Berghe. Ук. соч., план Пасаргад.

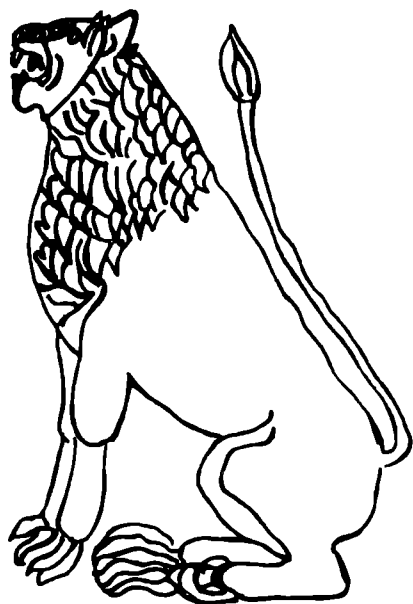

Рис. 1. Изображение фантастического зверя

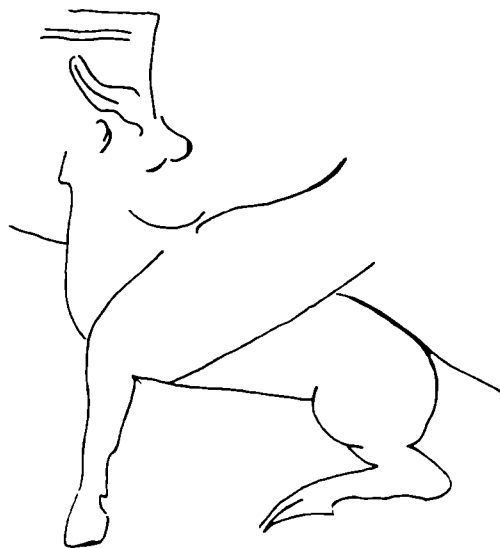

Рис. 2. Фигура крылатого коня. Персеполь

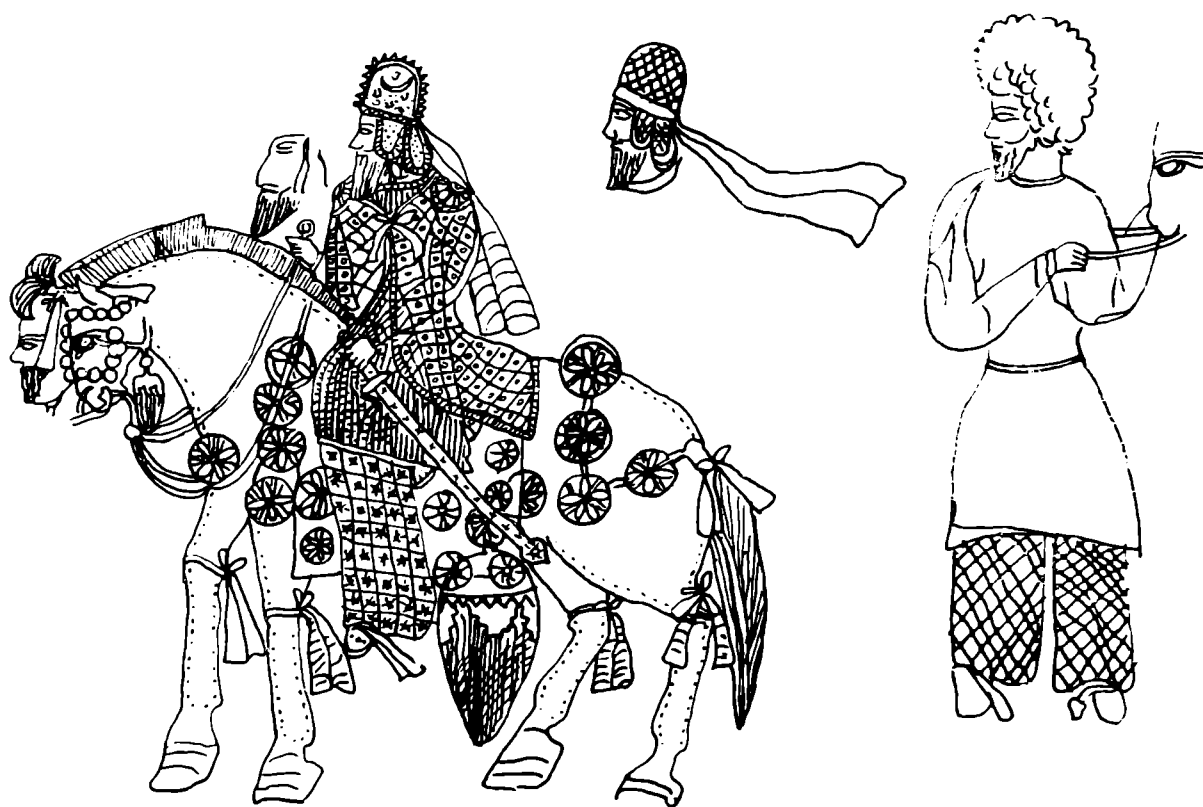

Рис. 3. Изображение шаха на коне. Персеполь

Частный дворец Кира (Дворец Р у Э. Херцфельда) расположен в 230 м к северо-западу от Приемного дворца, площадь 3410 м², высота около 10 м. По мнению А. Сами, во всех постройках ахеменидского времени наблюдается пропорция между охватом колонн и высотой здания (Аладана — 1,57 и 18 м Стоколонный — 95 см и 12 м, Дворец Дария — 48 см и 6 м). Автор предполагает, что в этом дворце стены комнат были покрыты штукатуркой, расписанной изображениями цветов и животных.

Восточный дворец (Р у Э. Херцфельда), площадь около 580 м. Это старейший дворец Пасаргад, он предназначался для приемов и религиозных церемоний. Основное внимание в этом разделе А. Сами уделяет историческому описанию рельефа с изображением Кира на северном входе дворца (так называемый «крылатый гений»).

В 1951—1953 гг. производились раскопки платформы «Тахт-и Сулейман», расположенной в 2,5 км к северу от Пасаргад. Сведения об этих раскопках опровергают утверждение Д. Шлюмберже в рецензии на книгу Х. Остена и Р. Науманна «Тахт-и Сулейман», о том, что «...„Тахт-и Сулейман“... не являлся объектом каких-либо раскопок до 1959 года»¹⁴.

Ссылаясь на показания античных авторов, А. Сами высказывает предположение, что эта обширная платформа на возвышенности служила местом свершения религиозных обрядов (особый тип зиккурата). Высота платформы 13,3 м, она составлена из 16 рядов белых полупшлифованных камней, соединенных между собой железными скобами так же, как в Персеполе. Среди найденных в «Тахт-и Сулейман» вещей — фрагменты простой керамики с остатками арамейских надписей и черной лощеной керамики, обломки белого камня с рельефным изображением 12-лепестковых цветов (части декора). Интерес представляет голова каменной статуи с обломанными ушами и носом (фото, стр. 37), а также отдельные части золотых пластинок — архитектурных украшений. В 1951 г. между дворцами были открыты части водопроводной системы, план которой автор заимствует из книги Р. Гиршмана¹⁵.

Большое место в работе о Пасаргадах занимает описание гробницы Кира (стр. 33—52), ибо на основании тщательного исследования этого памятника иранским археологам удалось отметить в нем некоторые новые детали. В 1958 г. иранской археологической службой были проведены раскопки вокруг гробницы и начата ее реставрация. Давно уже внимание археологов привлекала верхняя часть гробницы, так как толщина плит, покрывавших ее, была около 3 м. Во время цементирования стен гробницы под этими плитами были обнаружены две могилы, соединявшиеся узким проходом. Высота их 87 см, размеры 2×1 м и 1,95×95 см. Относительно этих могил автор высказывает следующее предположение: одна из них заключала труп Кира, другая — Царицы цариц, матери Камбиза и Бардии. После погребения верхние плиты уложили на место, и могила стала скрытой от глаз и совершенно недоступной. «Поэтому, — пишет А. Сами, — нижнее помещение, которое до сих пор все исследователи и считали самой гробницей, было либо местом для символического обитания священного духа — охранителя могил, либо своего рода музеем для царского оружия, утварь и одежду» (стр. 50). Автор считает, что слова античных авторов о мумифицированном теле царя, положенном на золотой стол, можно истолковывать так: на стол было положено не тело Кира, а фигура, изображавшая его, с чертами портретного сходства. Тело Кира было сначала похоронено в Экбатане, а затем торжественно перевезено в эту гробницу.

Заключает автор описание гробницы Кира историческим экскурсом о различных способах погребения представителей царских фамилий и знати у народов Древнего Востока.

Далее А. Сами сводит в довольно стройную систему характерные особенности ахеменидской архитектуры, которые можно наблюдать как в памятниках Персеполя, так и Пасаргад. Отмечая затем те характерные черты ахеменидского искусства, которые отчетливо проявились только в Пасаргадах, он пишет: «Наблюдения показывают, что в Пасаргадах мы имеем дело с самобытным искусством, которое стояло обособленно даже от мидийского и эламского, не говоря уже о том, что, вопреки мнению некоторых, греческое искусство не оказало здесь никакого влияния» (стр. 118).

В 4-м томе «Отчетов» помещены материалы о разведке и раскопках холмов долины Марвадшт, которые производили иранские ученые в 1951—1952 и 1954—1955 гг. под руководством проф. Л. Ванден Берге (стр. 279—331). Этот материал можно найти в его книге и ряде статей на эту тему, поэтому в обзор мы его не включаем¹⁶.

Этот же том содержит раздел, посвященный эпиграфике — найденным в Иране в 40—50-е годы древнеперсидским и среднеперсидским надписям. За исключением краткой информации о находках исследовательскую часть раздела составляют статьи европейских специалистов В. Хеннинга, Ж. Де Менажа, Дж. Камерона, переведенные на персидский язык¹⁷.

4-й том «Отчетов» снабжен «Указателем статей, иллюстраций, имен собственных и географических названий», составленным госпожой А. Д. Аффини (стр. 380—414).

В целом, при критическом отношении к теоретическим выводам и концепциям иранских ученых, специалисты по археологии и истории Ирана смогут найти в четырех томах «Отчетов по археологии Ирана» большой и полезный фактический материал, значительно дополняющий уже известные работы в этой области.

¹⁴ H. N. von der Osten et R. Naumann. Takht-i Suleiman. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen 1959. Berlin. 1961 (Рец.: «Syria», XL, 1/2, 1963, стр. 190—195).

¹⁵ R. Ghishman. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951.

¹⁶ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 201, примеч. 39.

¹⁷ W. B. Henning. The Inscription of Firusabad. «Asia Major», IV, 1, 1954, стр. 98—102; J. De Menasce. Inscription Pehlevi en écriture cursive. CII, III, 4, 1957. Статья Дж. Камерона. Новое открытие в Персеполе (эламский текст «Антидэвовской надписи Ксеркса»), напечатана в 4-м томе «Отчетов» на англ. яз. (стр. 1—38).

А. С. АМАЛЬРИК

Алексей Сергеевич Амальрик родился 22 марта 1906 г. в Москве. Его родители были служащими страхового общества, сын был отдан в коммерческое училище. Однако кончить училище ему не удалось: началась революция и все перевернулось вверх дном. С началом гражданской войны семья переселилась на Украину. С 14 лет Александр Сергеевич начал работать, а в 1921 г. добровольцем вступил в Красный гусарский полк по борьбе с бандитизмом и участвовал в боях с бандами украинских атаманов.

По возвращении в Москву Алексей Сергеевич работал на различных кинофабриках бригадиром осветителей, но не оставлял мысли о продолжении образования. В 1934 г. он закончил рабочую аспирантуру Научно-исследовательского кино-фото института. С юности Алексей Сергеевич испытывал интерес к истории. Поэтому он бросает работу в области кинематографии и в 1935 г. поступает на исторический факультет Московского университета, где специализируется по римской истории у профессора Н. А. Машкина. На старших курсах он работал, кроме того, преподавателем истории в средней школе и сотрудничал в комсомольской печати («Московский комсомолец»). В 1939 г. ему пришлось прервать занятия на год: он был призван в армию и в чине старшего лейтенанта принял участие в освобождении Западной Украины.

В 1941 г. он кончил пятилетний курс университета, а через несколько дней началась война. Алексей Сергеевич был призван в первый день мобилизации. Первый год войны он служил на Северном флоте, в основном в Архангельске, а затем командовал батальоном на Западном фронте. В 1944 г. он был тяжело ранен в боях за Прибалтику и в 1945 г. демобилизован в чине капитана.

После войны Алексей Сергеевич заинтересовался вопросами исторической картографии. Его интересовало как применение картографических методов исследования в истории, так и иллюстративное использование карт. В 50-е годы им были составлены карты ко многим историческим работам и учебникам истории, в частности к учебнику по истории СССР для вузов, а также для некоторых томов «Собрания сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса. Занятие картографией соприкоснуло А. С. Амальрика с проблемами революционного движения в России. Результатом исследований нескольких лет явилась его статья «К вопросу о численности и географическом размещении стачечников в Европейской России в 1905 году» («Исторические записки», № 52, 1955).

С конца 40-х годов А. С. Амальрик много работал в области археологической картографии. Им составлено около 20 археологических карт, в том числе такие, как «Торговые связи и обмен в эпоху неолита и бронзы». Увлечшись археологией, он дважды принимал участие в полевых исследованиях — в 1947 г. в Новгородской и в 1953 г. в Рязанской экспедициях. А. С. Амальрику принадлежит большая заслуга в деле популяризации археологии. Вместе с А. Л. Монгайтом он написал рассчитанную на старшекласников книгу «Что такое археология». Книга оказалась очень нужной, способствовала популяризации археологии и с 1957 г. выдержала три издания. Успех книги и заметный интерес к археологии во многих слоях общества показали авто-

рам важность начатой ими работы, и в 1960 г. они выпустили книгу «В поисках исчезнувших цивилизаций», посвященную методам и проблемам археологии и истории ее развития. Второе издание книги вышло уже после смерти Алексея Сергеевича.

Алексей Сергеевич был человеком феноменальной энергии и больших организаторских способностей. Он умел делать все. Но последствия тяжелого ранения и напряженная работа сказались на здоровье. В 1959 г. у него был первый инсульт, и он мог работать после этого лишь с большим трудом. Вскоре из-за болезни ему пришлось вообще отказаться от начатой большой работы по составлению нумизматической карты древней России и от работы над задуманной книгой по новгородской истории. 23 сентября 1965 г. он скончался от кровоизлияния в мозг.

А. Л. Монгайт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИР — Сб. «Археологические исследования в РСФСР»
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР
 БСЭ — Большая советская энциклопедия
 ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
 ВАН УРСР — Вестник Академии наук Украинской ССР
 ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
 ВВ — Византийский временник
 ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИА — Всеобщая история архитектуры
 ВИ — Вопросы истории
 ВЛГУ — Вестник Ленинградского госуд. университета
 ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
 ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет
 ВФ — Вопросы философии
 ИЗИИП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
 ГПИ — Государственный педагогический институт
 ГУ — Государственный университет
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДАН — Доклады Академии наук
 ЗКМ — Закарпатский краевой музей
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗОРСА РАО — Записки Отдела русско-славянской археологии Русского археологического общества
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ИАИ — (ИБАИ) — Известия на Българския археологически институт
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
 Изв. СГО — Известия среднеазиатского Географического общества
 Изв. УзФАН СССР — Известия Узбекского филиала Академии наук СССР
 ИОАНЭКУ — Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
 ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
 КГИМ — Киевский госуд. исторический музей
 КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
 КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
 МИА ю—з СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики
 МИСО — Материалы по изучению Смоленской области
 МКА — Сб. «Материальная культура Азербайджана»
 МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ОИФ — Отделение истории и философии
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Госуд. историч. музея
 ОРЯС — Отделение русского языка и словесности АН
 Праці — Праці археологічної комісії
 РАЖ — Русский антропологический журнал
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
 СЭ — Советская этнография
 Тр. АС — Труды Археологического съезда
 » ГИМ — Труды Государственного исторического музея
 » ИГН — Труды Института геологических наук
 » ИЭ — Труды Института этнографии
 » КФАН — Труды Казанского филиала АН СССР
 » КЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исслед. института
 » МарНИИЯЛИ — Труды Марийского научно-исслед. Института языка, литературы, истории
 » МАЭ — Труды Марийской экспедиции

Тр. II МКАИЧПЕ — Труды второй международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода (Советская секция)
 » ОИПК — Труды Отдела первобытной культуры (Эрмитаж)
 » СА РАНИОН — Труды Секции археологии, Российской ассоциации научно-исслед. институтов общественных наук
 » СУАК — Труды Саратовской Архивной Комиссии
 » ТГУ — Труды Ташкентского госуд. университета
 » ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
 » ЧИНИИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исслед. института
 » ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
 Уч. зап. КабНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исслед. института
 Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского Гос. университета
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 ААН — *Acta archaeologica hungaricae*
 АЕ — *Archaeologiai Értésítő*
 АI — *Ancient India*
 АJА — *American Journal of Archaeology*
 АМ — *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*
 АРАМNH — *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*
 АРАSI — *Annual Report of the Archaeological Survey of India*
 Arch Anz — *Archäologischer Anzeiger*
 АRHAD — *Annual Report of the Hyderabad Archaeological Department*
 АS — *Anatolian Studies*
 ВСН — *Bulletin de Correspondance Hellénique*
 ВIА — *Bulletin of the Institute of Archaeology. London*
 ВSOAS — *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*
 СII — *Corpus inscriptionum iranicarum*
 СRAI — *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles lettres*
 СVA — *Corpus Vasorum Antiquorum*
 ЕSA — *Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)*
 GМNS — *E. J. W. Gibb Memorial Series (New Series)*
 IА — *Indian Archaeology*
 JА — *Journal Asiatique*
 JASB — *Journal of the Asiatic Society of Bombay*
 JHS — *Journal of the Hellenic Studies*
 JRAS — *Journal of the Royal Asiatic Society*
 JRSA — *Journal of the Royal Society of Arts*
 MDAFA — *Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan*
 MASI — *Memoirs of the Archeological Survey of India*
 OstJh — *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts*
 RAA — *Révue des Arts Asiatiques*
 RM — *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Römische Abteilung*
 SA — *Slovenska archeologia*
 SCIV — *Studii si cercetari de istorie veche*
 SMYA — *Suomen Muinais-muisto-yhdistyksen aikakauskirja*
 SPA — *Survey of Persian Art*

Статьи

С. А. Семенов (Ленинград). Каменные орудия эпохи ранних металлов . . .	3
Т. Г. Мовша (Киев). Об антропоморфной пластике трипольской культуры . . .	15
В. П. Третьяков (Ленинград). Старо-Мазиновская III стоянка и вопрос о происхождении волоховской культуры	35
С. П. Борисовская (Ленинград). О некоторых ранних формах этрусской керамики буккерио	44
В. С. Долгоруков (Москва). Эллинистическая агора	55
М. П. Абрамова (Москва). О керамике с зооморфными ручками	69
В. А. Ильинская (Киев). Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры	85
Э. А. Юркевич (Москва). История изучения кушанских памятников Афганистана	103
В. В. Седов (Москва). Культура днепро-двинского междуречья в конце I тыс. до н. э.	116
К 70-летию М. Е. Массона	126
К 70-летию С. А. Семенова	130

Публикации

В. И. Неприна (Киев). Тетеревское поселение днепро-донецкой культуры	134
<u>Газдапустан Дюла</u> (Венгрия). Могила эпохи средней бронзы в Северной Осетии	140
Э. А. Балагури (Ужгород). Фельшесевч-становская группа памятников эпохи поздней бронзы в Верхнем Потиссье	147
Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов (Душанбе). Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан)	160
М. Н. Погребова (Москва). Железные топоры скифского типа в Закавказье	179
Э. А. Сымонович (Москва). Забытая коллекция В. В. Хвойки	189
Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт (Москва, Ленинград). Раскопки в Смоленске в 1966 г.	200
В. Г. Пуцко (Истра). Византийский медальон с изображением Георгия-воина	217
М. С. Булатов (Ташкент). Шедевр мастера Абдль Азиза	225
Памяти Т. С. Пассек	236
Памяти Туре Арне	242

Заметки

В. П. Любин (Ленинград). О вероятности искусственных сооружений в гроте Кипк-Коба	244
Э. В. Яковенко (Киев). Резной молоток из среднего Поднепровья	246
С. С. Сорокин (Ленинград). Новый памятник VII—VI вв. до н. э. на Южном Алтае	249
Ю. И. Штакельберг (Ленинград). Игрушечное оружие из Старой Ладogi	252
А. М. Ефимова (Казань). Антропоморфные фигурки с кладбища у ханской усыпальницы в Болгарах	255
В. Ф. Петрунь (Кривой Рог). К методике развернутого описания материала мраморных вещей	256
А. Милчев (Болгария, София). Сокровище из Михайловграда	260
М. Х. Алешковский (Москва). Ладья XI в. из Новгорода	264
В. Н. Конкин (Волгоград). Украшения из половецкого погребения	269
Ю. Б. Генс (Термез). Сферокупольный сосуд из Термеза	271
Е. Атагарьев (Ашхабад). Кашинная керамика Шехр Ислама	274
А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин (Ленинград). Федор Конь и старец Александр	278

Критика и библиография

А. Я. Щетенко (Москва). F. R. Allhin. Neolithic Cattle-Keepers of South India	281
А. Д. Пряхин (Воронеж). В. А. Фисенко. О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Саратов, 1966	284
С. И. Руденко (Ленинград). Э. Б. Вадецкая «Древние идолы Евисея»	286
В. Б. Виноградов (Грозный). М. И. Пикуль. «Эпоха раннего железа в Дагестане», Махачкала, 1967	288
Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов (Москва). П. Н. Старостин. «Памятники пеньковской культуры»	291
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). С. А. Плетнева «От кочевий к городам» М., 1967	296
Г. П. Михалевич (Ленинград). Раскопки иранских археологов в Персеполе и Пасаргадах	301
А. С. Амальрик	306

SOMMLRE

Articles

S. A. Sémissionov (Léninograd). Outils en pierre à l'époque des métaux primitifs	3
T. G. Movcha (Kiev). Sur la plastique anthropomorphique de la civilisation tripolienne	15
V. P. Trétiakov (Léninograd). Station Staro-Mésikovskaia III ^{ème} et question de l'origine de la civilisation votossovienne	35
S. P. Beriskovskia (Léninograd). Sur les formes primitives de la céramique étrusque de Bucchero	44
V. S. Dolgoroukov (Moscou). Agova hellénique	55
M. P. Abramova (Moscou). Sur la céramique aux anses zoomorphiques	69
V. A. Ilinskaia (Kiev). Certaines questions de la gèneso de la civilisation de loukhno	85
E. A. Iourkevitch (Moscou). Histoire de l'exploration des monuments couchanéens d'Afganistan	103
V. V. Sédov (Moscou). Civilisation de Dniepr-Dvina à la fin du premier millénaire avant notre ère — au début du premier millénaire de notre ère	116
Au soixante-dixième anniversaire de M. E. Massone	125
Au soixante-dixième anniversaire de S. A. Sémissionov	130

Publications

V. I. Néprina (Kiev). Hameau de la civilisation de Dniepr-Don près de la métairie de Tétérev dans la région de Jitomir	134
<u>Gazdapuztai Gyula</u> (Hongrie, Céguet). Sépulture de l'Age de Bronze moyen en Ossétie du Nord	140
E. A. Balagouri (Oujgorod). Monuments de la civilisation de Felchécevtch-Stanovo de l'Age du Bronze tardif en Potiss supérieur	147
Z. A. Litvinski et Kh. Moukhitdinov (Douchanbé). Oppidum antique Saksanokhour. (Tadjikistan du Sud)	160
M. N. Pogrébova (Moscou). Haches en fer dites «scythiques» dans la Transcaucasie	179
E. A. Cymonovitch (Moscou). Collection oubliée de Khvoika	189
N. N. Voronine, P. A. Rappoport (Moscou, Léninograd). Fouilles en Smolensk en 1966	200
V. G. Poutsko (Istra). Médaillon byzantin à l'image de Georges le guerrier	217
M. S. Boulatov (Tachkent). Chef-d'oeuvre du maître azerbaïdjanais Abd-Asise	225
En commémoration de T. S. Passek	236
En commémoration de T. Arne	242

Notes

V. P. Lubine (Léninograd). Sur la probabilité des constructions artificielles dans la grotte de Kiik-Koba	244
E. V. Iakovenko (Kiev). Maillet ciselé du bassin du Dniepr moyen	246
S. S. Sorokine (Léninograd). Nouveau monument des VII—VI ss. avant notre ère de l'Altaï du Sud	249
Iou. G. Chtakelberg (Léninograd). Armes-jouets de Staraja Ladoga	252
A. M. Efimova (Kazan). Figurines anthropomorphiques du cimetière bulgar	255
V. F. Petroun (Krivoi Rog). A la méthode de la description de la matière des objets en marbre	256
A. Miltchev (Bulgarie, Sophia). Trésor d'or de Mikhaïlovgrad	260
M. K. Alechkovski (Moscou). Barque russe de Novgorod	264
V. N. Konkine (Volgograd). Ornaments d'une sépulture détruite d'un nomade tardif	269
I. B. Guens (Termez). Vase sphéroconique de Termez	271
E. Atagarryev (Achkhabad). Céramique cachine de Cherkh Islam	274
A. N. Kirpitchnikov, I. N. Khlopine (Léninograd). Théodor Kogne et père Alexandre	278

Bibliographie

A. Ia. Stchéténko (Moscou). T. R. Allchin. Neolithic Cattle-keepers of South India	281
A. D. Priakhine (Voronej). V. A. Ficenko. Sur l'origine et la chronologie de la civilisation des sépultures en catacombes	284
S. I. Roudenko. (Léninград). Sculptures en pierre de la région de Minoussinsk (recension sur le livre de E. B. Vadétskaia «Idoles anciennes de Iénisseï»	286
V. B. Vinogradov (Grozny). M. Y. Picoul. «Epoque du fer primitif au Daghestan», Makhatchkala. 1967	288
You. A. Krasnov, A. P. Smirnov (Moscou). P. N. Starostine. «Monuments de la civilisation d'Iménkovo»	291
V. A. Kouznetsov (Ordjonikidzé). S. A. Pletniova «Des campements aux willes», M., 1967	296
G. P. Mikhalévitch (Léninград). Fouilles des archéologues iraniens à Pérsepolis et à Passargodakh	301
<u>A. S. Amalrik</u>	306

18

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Слано в набор 17 I—1969 г. Т-04094 Подписано к печати 4/IV-1969 г. Тираж 2510 экз.
 Зак. 1589. Формат бумаги 70×103^{1/16} Усл.-печ. л. 27,3+1 вкл. Бум. л. 9^{1/4}. Уч.-изд. л. 28,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок построчная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах и краткое (10—20 строк) резюме на русском языке.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Рукописи в основном печатаются в журнале в порядке поступления их в Редакцию. На переработку статьи направляются авторам с отзывом рецензента. Рукописи, присланные после переработки, рассматриваются как вновь поступившие.